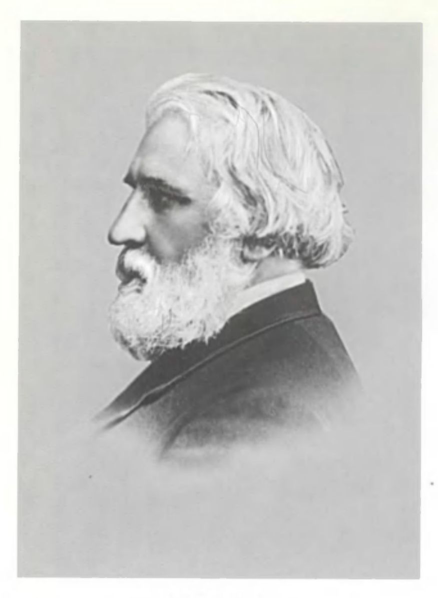
И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

11

Ив. Тургенев

И.С. ТУРГЕНЕВ

Фотография К.И. Бергамаско, 1871 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

◆

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

МОСКВА

1999

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том одиннадцатый

1871 – 1872

◆

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

МОСКВА

1999

УДК 882
ББК 84(0)5

Подписное

ISBN 5-02-011589-4 © Издательство "Наука", 1999

ПИСЬМА

1871

2858. ЧАРЛЬЗУ ДИЛЬКУ

2(14) января 1871. Лондон

Mr I. Tourguéneff presents his compliments to Sir C.W. Dilke and accepts with pleasure his invitation for Tuesday the 17-th[1].

4, Bentinck street.
Manchester square.
Saturday, the 14-th of Jan.

На обороте:

To Sir Charles W. Dilke.
76, Sloane street. S.W.

2859. ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

4(16) января 1871. Лондон

4, Bentinck Street,
Manchester Square.
Lundi, 16 Janv. 71.

Chère Madame Lewes,

J'ai tardé à vous envoyer mon livre parce que j'espérais trouver une meilleure traduction; n'y ayant pas réussi — je vous envoie celle-ci — (fort improprement intitulée "Mémoires d'un *Seigneur* Russe" — au lieu de "Mémoires d'un Chasseur" —)[1] et je me recommande à votre indulgence. J'espère avoir le plaisir de vous voir dimanche prochain, avant de quitter l'Angleterre[2] — et en attendant je vous prie d'agréer l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P.S. Mes cordiales amitiés à Mr Lewes.

2860. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ
5(17) января 1871. Лондон

4, Bentinck street.
Manchester square.
London.
Dienstag, d. 5/17. Januar 1871.

Werther Herr!

Eben bekomme Ich Ihren Brief vom 27-ten Dec⟨ember⟩ / 8 Jan⟨uar⟩ — aus Riga, den Sie an Herrn Annenkoff übersendet hatten[1]. "König Lear" ist allerdings eine neue Novelle von mir — und im *October*-Heft des "Вестник Европы" — ("Europäischer Bote") im St. Petersburg erschienen. Gleich am Tage seiner Publikation habe Ich von der Redaction der "Nordischen Presse" — ein Telegramm in Baden-Baden bekommen, mit der Anfrage, ob Ich zur Veröffentlichung einer Uebersetzung jener Novelle im Feuilleton der "N⟨ordischen⟩ P⟨resse⟩" — meine Zustimmung geben wollte — was Ich auch gethan habe — da Ich, bei den jetztigen Zeitverhältnisse nicht daran dachte, *Sie* würden darauf reflectiren. Die Uebersetzung ist stylistisch nicht schlecht gerathen — nur mit vielen argen Schnitzern versehen — ("Zeugen" — "понятые" — aus der Bauerschaft vorgeladen — werden zu Gemeindebeamten umgestempelt u.s.w., u.s.w.). Der mir unbekannte Herr Uebersetzer kennt die Russische Sprache eben wie man eine todte Sprache kennt — und hat die leidige schlechte Gewohnheit bei dunkeln Stellen auf's Gerathewohl zu tappen. In den Russischen Text (des "Europ⟨äischen⟩ Boten") — haben sich einige unangenehme Druckfehler eingeschlichen — Ich kann Ihnen aber einen von mir verbesserten Separat-Abdruck aus Petersburg zukommen lassen[2]. Ich reise nemlich Ende dieses Monats nach Russland — und werde circa 3 Wochen in Petersburg bleiben. Ich weiss noch nicht, wo Ich wohnen werde — meine Adresse ist bei H-n Annenkoff.

Da Sie eine schnelle Auskunft über meine Sachen wünschen, so beeile Ich mich Sie wissen lassen, dass im *Januarheft* des "Europäischen Boten" für 1871 — eine kleine Erzählung von mir erscheinen soll[а] — unter dem Titel: "Стук, стук, стук"[б] — "Tap, tap, tap"[в] — in Deutsch — die, glaube Ich, aber — für Ihre Ausgabe meiner Sachen keinen besonderen Werth hat[3].

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

I. Turgenjew.

[а] *Было*: erschienen ist

[б] *Далее зачеркнуто слово.*

[в] *Далее зачеркнуто слово.*

2861. П.В. АННЕНКОВУ

8(20) января 1871. Лондон

Лондон.
4, Bentinck street. Manchester square.
20/8-го января 1871.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Начинаю с изъявления моей благодарности за присылку карты железных дорог в России: она поспела ровно вовремя. А засим, по обыкновению, просьба. А именно: доставьте прилагаемое письмо великой княгине Марии Николаевне — если она находится в Петербурге. Виардо находится в таких тесных обстоятельствах, что желал бы продать эту весьма замечательную картину. Если бы захотели узнать у Вас под рукою о цене картины — то скажите, что меньше 10 000 франков он не хотел бы ее отдать[1].

Письмо к М⟨арии⟩ Н⟨иколаевне⟩ Вы вло́жите в куверт и сделаете надлежащую надпись[2].

Спасибо также за извещение о моих полячка́х; постараемся вытащить их из той трущобы, в которую они залезли[3].

Я рад, что г-жу Энгельгардт освободили[4]; она премилая, хоть и стрижет волосы и носит очки — познакомьтесь с ней, если можете.

Стасюлевич с обычной своей потрясающей аккуратностью прислал мне 1-й № "Вестника Европы" с моим маленьким вздором[5]. Хорошего в нем только то, что он вышел на целых 8 страниц длиннее, чем я ожидал — стало быть, и пекунии[6] принесет больше.

Я выезжаю отсюда через неделю — и недели через две, если бог даст, в Питер — во всяком случае, к 25-му числу нашего стиля.

Итак, до свидания, будьте здоровы, обнимаю Вас и кланяюсь Вашей жене и приятелям.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2862. ПОЛИНЕ БРЮЭР

21 января (2 февраля) 1871. Лондон

Londres.
4, Bentinck street. Manchester square.
Ce 2 février 1871.

Chère Paulinette,

Aussitôt après avoir reçu ta lettre[1], je suis allé chez Mr Devaux[2] et lui ai exposé la chose en question: il m'a répondu

qu'en effet le reçu des 60 livres sterling s'était égaré pendant quelque temps — *mais qu'il avait télégraphié à Mr Naudin à Nantes et que tu as dû toucher l'argent.* Cela me paraît louche — et avant que tu ne confirmes cette réception, je ne me risquerai pas à lui confier les 1000 fr., dont je t'ai parlé. Mais comme je dois quitter Londres dans 4 à 5 jours au plus tard, je n'aurai plus le temps de recevoir ta lettre. Aussi voilà ce que je vais faire. Je laisse l'argent — 1000 francs — *chez Mr Viardot* — tu lui écriras (Devonshire place, 30, Portland place) — et tu lui diras comment et en quel nom placer ou envoyer cet argent. Il remplira ta commission sur-le-champ.

Quant à moi, écris-moi à l'adresse suivante:

A Mr Paul Annenkoff.
St-Pétersbourg, rue Italianskaïa, maison Ovsiannikoff.
Pour remettre à Mr J. Tourguéneff.

Je t'écrirai dès que je serai arrivé.

Quant à la nouvelle demande, faite par Mr Bruère, elle est absolument inexécutable. J'avais déjà envoyé les deux lettres en question à Berlin — avant qu'on ne sût, où était le prisonnier. Quant à l'interner en France, en présence des nombreux manquements à la parole donnée que les Prussiens reprochent aux Français, il ne faut pas y penser un seul instant. Du reste, comme on commence à avoir une lueur d'espoir et à entrevoir la possibilité d'une fin de la guerre — ce n'est peut-être plus si urgent.

Portez-vous bien, tous les deux. C'est là l'essentiel — tout le reste peut se réparer. Je t'embrasse ainsi que Gaston. Au revoir peut-être à la fin d'avril!

J. Tourguéneff.

2863. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

21 января (2 февраля) 1871. Лондон

Londres.
4, Bentinck street. Manchester square.
Ce 2 février 1871.

Chère Madame,

Je vous écris, dès que je puis le faire. Je n'ai pas besoin de vous dire, combien et avec quel douloureux intérêt j'ai pensé à vous. Donnez-moi deux mots de réponse — sur vous, sur votre famille. Je suis à la veille de partir pour la Russie. Mais votre billet me trouverait encore ici. Je viendrai à Paris vers la fin d'avril. J'espère qu'à cette époque nous aurons la paix et nous

pourrons parler de ces terribles "tempi passati"[1]. Vous aurez probablement beaucoup de lettres à écrire — mais je ne demande que deux mots.

En attendant je vous baise tendrement les mains, et vous prie de croire à mon inaltérable attachement.

Iv. Tourguéneff.

2864. П.В. АННЕНКОВУ

25 января (6 февраля) 1871. Лондон

Лондон.
4, Bentinck street. Manchester square.

Понедельник, $\frac{\text{6-го февраля}}{\text{25-го января}}$ 1871.

Любезнейший друг Павел Васильевич, я должен был сегодня выехать из Лондона, но отъезд мой отложен на неделю, так как в субботу хотят произвести чтение (с музыкой) нашей оперетки перед некоторыми журналистами и т.д.[1] Из этого выходит, что я в Петербург приеду неделей позже — но во всяком случае *до* 10-го февраля. По крайней мере я имею твердое намерение так поступить.

Письмо я Ваше получил[2] и благодарю за хлопоты насчет Рембрандта. Адресс Виардо будет известен великой княгине — и она поступит как ей заблагорассудится[3].

Что касается Франции — то поневоле приходят на ум гетевские стихи:

«"Frankreich" geht auseinander wie ein fauler Fisch...
Wen möchte solche Thorheit rühren?»[4]

Теперь у нее два правительства — парижское и бордосское, которые таскают за волосы друг друга[5]. Результатом этого всего будет продолжение войны, взятие пруссаками всех *южных* городов и окончательное разорение Франции[6].

А Ферзен действительно очень хорош; впрочем, я слышал об нем вещи, qui faisaient pressentir tout cela[7].

Поклонитесь Вашей милой жене и скажите ей, чтобы она непременно подождала меня. Обнимаю Вас.

Ваш Ив. Тургенев.

2865. Н.В. ХАНЫКОВУ

4(16) ноября 1870 – 27 января (8 февраля) 1871. Лондон

Любезный Ханыков, я взял ложу на пятницу (г-жа Лукка) в 6 мест по 20 рублей — другого ничего не было. Нас уже есть три участника — если Вы хотите и г-н Вельяминов — вот и отлично. Зайдите ко мне сегодня — я простудился вчера на охоте и пролежу весь день.

До свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

Середа.

2866. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

3(15) февраля 1871. Лондон

4, Bentinck street.
Manchester square.
Wednesday.

My dear friend,

The Book of Maximowitch-Ambodik has been published, as far as I can remember, at the very beginning of this century. It is not impossible that it is only a reprint in an abridged form of the other book, published "sub auspiciis" — of Peter the Great, which I never have seen. — I will bring back Maximowitch's book from Spasskoïe and offer it to Sir W. Maxwell to complete his collection: — for me it has no great value[1].

I remain here till Friday morning — so you have the time to let me know the result of yesterday's election[2].

Believe me
Very truly yours
I. Tourguéneff[3].

2867. Н.В. ХАНЫКОВУ

3(15) февраля 1871. Лондон

Середа.
4, Bentinck street. Manchester square.

Любезнейший Николай Владимирович, мне очень жаль, что я Вас в последнее время совсем не видал — я уезжаю отсюда послезавтра, в *пятницу*, в 7 часов утра — и потому Вы можете еще прислать мне письмо, которое я доставлю со всевозможною аккуратностью.

Я возвращусь сюда через Париж в конце апреля — и уже наверное увижу Вас там, так как о заключении скорого мира сомнений быть не может.

Будьте здоровы.

Весь Ваш Ив. Тургенев.

2868. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7(19) февраля 1871. Кёльн

№ 1

Cologne.
Hôtel du Dôme.
Samedi, 18 février 1871.
Minuit.

"Ecco mi al fine in Babi... Co-lonia"[1], theuerste Freundinn. Tout a marché comme sur des roulettes — la mer était divine! J'ai trouvé Cologne — et l'hôtel épouvantablement plein de monde; dans ce moment on chante des chansons patriotiques dans la grande salle que vous connaissez. Le garçon vient de me dire que des *masses* de soldats arrivent a chaque instant de Berlin, du fond de l'Allemagne — il y en a 20 000 seulement à Cologne et plus de 100 000 d'ici à Mayence. On croit ici que les Français n'accepteront pas les conditions de Bismarck et on se prépare à les écraser définitivement[2]. D'où sort toute cette tourbe innombrable? Dans la gare il y avait des tas de soldats dormant sur des paillassons, assis, debout — tous robustes, gras, roses, comme si le sang des Français qu'ils s'apprêtent à verser leur colorait les joues d'avance... C'est effrayant à voir, je vous assure. Un Allemand avec lequel je voyageais m'a dit: "Vor lauter Sieg gehen wir zu Grunde — aber wenn die Franzosen den Krieg fortsetzen wollen... Gott sei Ihnen gnädig! Frankreich wird ausgerottet!". Il paraît que Bismarck a fixé le jour du *24* février comme la fin de l'armistice pour pouvoir entrer précisément *ce jour-là* à Paris... Cela lui ressemble[3].

Je pars d'ici demain à 9 h. et j'arrive le soir à 8 1/2 h. à Bade. Naturellement je vous écrirai aussitôt.

Tout aussi naturellement, j'ai bien souvent pensé à vous et à toute la chère maison de Devonshire place[4]. Dans ce moment, vous devez déjà être rentrée de votre soirée. Je suis sûr que vous avez très bien chanté[5]. Vous avez reçu mon télégramme d'Ostende[6], n'est-ce pas?

A demain; je vais me coucher. Ich küsse ihre lieben, lieben Hände. J'embrasse Didie, Marianne, Paul — je dis mille choses à Viardot, Manuel; der alte treue, der Ihrige

J.T.

2869. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8(20) февраля 1871. Баден-Баден

№ 2

Baden-Baden,
Thiergartenstrasse, 3.
Lundi, 20 fév. 71.

Seulement un mot ce matin, theuerste Freundinn, pour vous dire que je suis arrivé sain et sauf hier soir très tard, que j'ai trouvé Mlle Berthe dans son lit avec un gros catarrhe — dans les premiers moments elle n'avait pas l'ombre de voix — plus tard — quand elle n'y faisait pas attention, c'était un tonnerre; Jean et Rosine, gros et gras[1], ainsi que Julius, Heiter[2], etc; Minmine, bien sale et mélancolique — il paraît qu'elle ne se porte pas bien[3]; Pégase[4] — gros et aimable, mais affligé d'une infirmité qui s'oppose à ce qu'on le tienne à la maison — dans une chambre (son robinet (pardon!) s'est tout à fait dévissé — pauvre vieux!); Cora[5] — splendide: la maison n°1 assez froide et délaissée d'aspect, le n°2 — mieux[6]. J'ai un million d'affaires sur les bras et après avoir assez bien dormi et pris un bain, je me lance comme un fou à travers Bade. Busch est déjà venu. Mais tout cela à plus tard — aujourd'hui même. Je pars demain.

Ainsi, à ce soir — 4 pages in-folio[7] — et en attendant, mille amitiés à tous. Ich küsse zärtlich Ihre liebe Hände. Mit ewiger Treue.

Der Ihrige
J.T.

2870. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9(21) февраля 1871. Баден-Баден

№ 2[a]

Baden-Baden,
Thiergartenstrasse, 3.
Lundi, 20 février 1871. — Minuit.

Je viens d'écrire une longue lettre d'affaires à Viardot[1], theuerste Freundinn. Il vous la lira probablement — et vous vous concerterez sur ce qu'il y a à faire. On ne peut pas ne pas venir à Bade au mois de juillet et d'août, ne fût-ce que pour pouvoir ne jamais y revenir ensuite. J'ai passé une partie de la journée avec Mlle Berthe dans une chambre chauffée à blanc — elle, enveloppée de toutes sortes de machines en laine, toute moite de sueur, et ne toussant pas une seule petite fois, mais s'apitoyant sur elle-même, sur ses *pauvres* pieds, sur ses *pauvres* mains, sur ses *pauvres* pantoufles, d'une façon tout à fait lamentable, se plaignant beaucoup du docteur. Elle a eu une sœur (de charité) pendant 8 jours, qui, d'après ce que dit Rosine, l'a quittée, ayant déclaré que son métier était de soigner les personnes malades, et non de causer avec les bien portantes. Heiligenthal (qui est absent dans ce moment) prétend qu'elle n'a jamais eu la fièvre. Mais pour s'ennuyer, elle a dû s'ennuyer ferme!

Imaginez-vous que j'ai reçu une lettre de Mme Voilier, me demandant de venir habiter ma maison, deux ou trois chambres — seulement! pendant quelques *mois*! Ce cul de poule fait femme m'a même relancé dans la rue: je lui ai dit que je lui répondrai par écrit et je l'ai fait — de la bonne encre[2].

Les jardins n'ont pas changé, mais tout est encore bien jeune et bien dépouillé; je n'ai vu ni canards, ni paons, ni poules; j'espère que tout cela existe encore. Le Thiergarten me fait un peu l'effet d'un condamné à mort: sachant qu'il n'entre plus beaucoup dans votre avenir — il ne m'inspire plus qu'un médiocre intérêt. On y a cependant passé de bonnes années[3].

La "maladie" de Mlle Berthe l'a empêchée d'arranger la caisse qui, du reste, n'aurait pas pu partir, d'après ce qu'elle dit, vu le froid épouvantable qu'il a fait. Le fait est que j'ai vu des monceaux de glace énormes tout le long des bords du Rhin. Je lui ai recommandé de ne pas oublier la robe de cham-

---

[a] *Так в подлиннике, в действительности это № 3, см. № 2869.*

bre de Viardot quand elle fera enfin la caisse. Mais je crois qu'elle (Mlle Berthe, pas la caisse) restera encore longtemps languissamment étendue sur un lit, la figure rouge et pâle à la fois, et avec ce front dont la pointe triangulaire perce le plafond et va s'accrocher aux étoiles.

Je suis dans ma chambre à coucher et je me fais à moi-même l'effet d'une apparition. Comment je suis là, en chair et en os, et non pas à Devonshire place?[4] J'ai bien dit: "en chair et en os", car pour mon âme, je sais bien où elle est. Tout le temps — je me dis: que font-ils à Londres? Je ferme les yeux, et je vous vois, je vois Didie, Marianne, Viardot, Paul — encore un peu — et j'entendrai vos voix... — Hier, vers 2 heures, je me suis figuré Paul jouant devant Joachim...[5] puis le dîner de Chorley... Ce soir, vous avez été probablement à la maison et Manuel[6] est venu. Il paraît qu'ici Paul — dans les derniers temps — ne sortait pas de chez les Dörr; il courait la ville du matin au soir: ces habitudes de flânerie sont dangereuses — surtout pour lui. Mlle Berthe en parlait avec une sainte horreur... elle est allée jusqu'à dire qu'on aurait mieux fait de le renvoyer chez Mr Kossmann!![7]

Il y a maintenant un magnifique jet d'eau, à deux pas du théâtre devant la maison Dupressoir[8] — mais c'est égal: Bade me semble bien malade. Cependant, on continue à bâtir.

Le vent souffle avec fureur... Il a bien fait de ne pas commencer plus tôt.

Minmine a été moins mélancolique aujourd'hui[9]; pourtant je crains que l'atmosphère où elle a vécu n'ait déteint sur elle.

Dieux! quelle femme archi-vulgairissime que Mme Robert Thal! Lui est toujours bon et excellent.

Il y a eu encore une lettre par ballon de vos deux petites ouvrières de Paris; mais Mlle Berthe ne l'a pas envoyée, la jugeant trop insignifiante. Elle était arrivée ouverte.

Après-demain matin, je vous écrirai de Berlin[10]. Richard Pohl a écrit toute une brochure sur sa femme[11] — je l'ai trouvée sur ma table. Il est à Bade et semble ne pas vouloir le quitter. Mme Jeanne Pohl était une bonne personne... mais toute une brochure!.. Il y parle de vous avec reconnaissance.

Ah! que je voudrais être déjà de retour! Et combien je me sens mal à l'aise, vide, nul, inutile — pas moi du tout — loin de vous!

Allons... il faut finir cette lettre à bâtons rompus... De Berlin j'écrirai aussi aux petites... pas si petites[12]. En attendant, je les embrasse, ainsi que Paul.

Ich denke ewig und beständig an Sie und bin bis zu meinem Tode, in unwandelbare Treue.

Der Ihrige

J.T.

P.S. Je n'ai pas trouvé "Trop de femmes", mais j'ai déterré dans mes paperasses le brouillon du second acte et le rôle de Pignouf; avec cela on reconstituera le tout[13].

2871. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10(22) февраля 1871. Берлин

№ 4

Berlin.
Hôtel de St. Pétersbourg.
Mercredi, 22 février 1871.

Theuerste Freundinn, me voilà donc ici depuis 2 heures. Le programme s'accomplit de point en point et j'ai traversé l'Allemagne "comme un éclair"![1] Ce soir, je me mets en route pour P⟨éters⟩bourg et après-demain, si Dios quiere, je dîne chez Annenkoff. Hier, avant de partir, j'ai embrassé Mlle Berthe dans son lit (Es giebt noch Helden... and still I was not happy!), j'ai rerassuré Jean[2], j'ai pris tous les arrangements nécessaires, payé les petites dettes (Vous direz à Viardot qu'il me doit *122* florins — j'ai payé pour 50 florins de petites dettes, et 72 fl. de gages à Jean, j'ai remis le tout à Mlle Berthe) — et j'ai dit adieu à Bade. Ja tâcherai de n'y revenir qu'avec vous au mois de juillet ou d'août; cependant, si cela était tout à fait nécessaire, je referais le crochet[3]. Mais nous aurons le temps d'en parler.

J'ai été bien bête de ne vous avoir pas dit de m'écrire ici, à l'hôtel: j'aurais eu juste le temps de trouver ici cette lettre; j'espère en trouver une chez mon vieux Annenkoff. Demain et après-demain vous avez vos deux concerts: après-demain, quand vous vous habillerez pour y aller, à 6½ h., je ferai mon entrée à P⟨éters⟩bourg. Pensez à moi, et moi je penserai à vous et à l'air de la reine de Saba[4]. Mais je suis bête! Vous recevrez cette lettre probablement *après* le concert!

Berlin est horriblement sale — le long des rues, on voit des tas énormes amoncelés de neige et de glace — noires. Jamais il n'y a eu autant de neige que cet hiver; les communications avec la Russie ont été interrompues pendant trois jours; maintenant, c'est rétabli.

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО
ОКРЕСТНОСТИ УСАДЬБЫ И.С. ТУРГЕНЕВА
Картина Я.П. Полонского (масло)
(ИРЛИ РАН, С.-Петербург)

Je regrette beaucoup — mais beaucoup! de m'être laissé persuader par Viardot de reprendre les 28 liv.st., — qui représentaient le revenu de Didie[5]. Vraiment, cela n'avait pas de sens. Il aurait mille fois mieux valu d'employer cet argent à payer les leçons — de Didie — ou surtout de *Marianne.* Didie aurait bien pu lui faire ce petit cadeau. Je suis très tourmenté de voir que Marianne n'a pas de maître de piano, et que de cette façon elle ne tirera jamais parti des facultés remarquables qu'elle a reçues de la nature. Un bon maître, en excitant son amour-propre, la forcerait:

1°) à faire beaucoup plus d'exercices;

2°) à apprendre à jouer par coeur;

3°) à donner du fini à son jeu.

Je vous en prie, theuerste Freundinn, pensez à cela. J'espère bien pouvoir rapporter assez d'argent de Russie pour compléter la dot de Didie: cela représentera quelque chose comme 5$^{1}/_{2}$ ou même 6 mille francs de rente: quel meilleur usage pourrait-elle en faire, jusqu'au moment de son mariage?

Ainsi, vite, vite, un maître pour Marianne, un maître, s'il est trouvable, pour Didie. A propos, Gérôme a-t-il vu la copie de Vélasquez?[6]

Donnez-moi des nouvelles de Paul et de la façon dont il s'acclimate[7].

Une fois à Pétersbourg, j'écrirai à tous les habitants du n° 30[8]. J'aurai probablement beaucoup de choses à raconter.

Je regrette de ne pas pouvoir vous envoyer une réduction d'une grande photographie ou dessin représentant le roi Guillaume sous le costume de Charlemagne...[9] Qué mamarracho!

Je ferai une visite aux Eckert — mais voilà tout.

Et maintenant, permettez-moi de vous embrasser tous, à commencer par Viardot.

Je ne serai heureux que quand je vous reverrai. Tausend küsse ihren lieben, lieben Händen. Auf ewig

Der Ihrige
J.T.

2872. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

10(22) февраля 1871. Берлин

Hôtel de St. Petersbourg.
Mittwoch. d. 22. Feb. 71.
9 Uhr abends.

Seien Sie mir nicht böse, lieber Schmidt — Ich habe einen Tag in Berlin zugebracht und habe Sie nicht gesehen. Heute früh angekommen, nach einer abscheulichen Nacht, habe ich den ganzen Morgen verschlafen und nach dem Essen bin ich zu Freunden geraten, die mich nichtmehr ließen[1] — und ich, mit der ungeheueren Charakter-Stärke, die Sie an mir kennen — bin erst jetzt frei geworden — eine Stunde vor meiner Abfahrt nach Rußland. Aber Anfangs April komme ich zurück und dann soll mich der Kuckuck holen, wenn ich nicht bei Freund Schmidt eine enorme Tasse Caffe austrinke und mich ausplaudere! Also — auf Wiedersehen und seien Sie mir nicht böse!

Hundert Grüße Ihrer lieben Frau — Ihnen drücke ich herzlich die Hand.

Ihr
J. Turgénjew.

2873. ПОЛИНЕ ВИАРДО

11(23) февраля 1871. Вержболово

№ 5

Wierzbolowo.
Jeudi, 23 février 1871.

Vous vous direz probablement, theuerste Freundinn: d'où diable m'écrit-il? "Wi-e-r-z-bolowo", c'est le nom plus ou moins polonais, autrement dit impossible, de la *première* station du chemin de fer en Russie — tout près de la frontière. Partis hier soir de Berlin, nous sommes arrivés trop tard pour rejoindre le train — grâce à ce qu'il reste de neige sur les rails et à un épouvantable ouragan, qui ne nous permettait pas d'avancer. Nous voilà donc forcément retenus ici jusqu'à demain matin, puis ce sera à la grâce de Dieu. Du reste, on n'est pas trop mal ici: à mon grandissime étonnement, j'ai trouvé une chambre fort propre, que je partage avec un grand monsieur allemand — avec deux lits extrêmement propres aussi. Allons, allons, la Russie se civilise.

Je vais vous dire deux mots de ce que j'ai fait à Berlin. Je suis allé chez les Eckert, qui ont poussé des cris de joie en me voyant. Kathi m'a embrassé vingt fois de suite. Immédiatement on a parlé de vous, avec une foule de tendres reproches de ce que vous n'écrivez pas — et que vous avez écrit à Mlle Asten, qui s'en vante, ce qui, par parenthèse a fendu le cœur de Mlle Brand: il est évident qu'on vous aime beaucoup dans cette maison. J'ai dû donner un million de détails, etc., etc. On sait ici que vous êtes devenue très anti-prussienne et, d'après Mme Eckert — ce sont trois personnes, la c⟨omtesse⟩ Fleming, Mlle v⟨on⟩ Asten et Mlle Murjahn, qui trompettent cela par le monde. Naturellement les Eckert regrettent beaucoup que vous soyez ainsi[1], etc., etc. Puis, Mme Eckert m'a entraîné de force chez Mme de Hülsen (la femme du directeur[2]); c'était un café à la mode allemande. J'ai trouvé en Mme de H. (ne le dites à personne) une enthousiaste de mes mérites littéraires, et je ne savais où fourrer ma physionomie.

Il y avait beaucoup de monde: Mlle Brand, moins laide que d'habitude, et comme toujours de flamme pour vous; Mme Harrienwippern et Mme Voggenhuber. Ces deux dernières ont chanté le duo du "Mariage de Figaro"[3]; Mme Harrien a encore les restes d'une magnifique voix. Mlle Brand a chanté des lieder, bien, mais en poussant des cris de paon. Faut du dramatique, pas trop n'en faut. Puis, je suis allé un instant au théâtre

où l'on donnait la sempiternelle "Mignon". Mme Lucca avait déjà chanté sa romance[4]. Je ne l'ai pas trouvée bonne, et très froide, et commonplace — dans le jeu. Je lui préfère, dans ce rôle, Mlle Nilsson. Les autres, Wowo surtout, étaient détestables. Je me suis trouvé assis devant Mr Gaillard et vous pensez combien nous avons causé. Il a passé — et il passe encore des journées bien rudes; — mais il m'a répété plus d'une fois que la reine a été la seule personne *convenable*, qu'elle ne s'est pas démentie un seul instant, que le succès ne lui a pas tourné la tête — qu'au fond elle est très triste. Gaillard m'a demandé de vos nouvelles avec un véritable intérêt.

Ecrivez aux Eckert et à Mlle Brand; vrai, ils vous aiment beaucoup.

On ne doute plus de la paix à Berlin[5], et Eckert est chargé de composer une cantate pour le retour du roi et de(s) troupes[6].

Je ne suis pas resté jusqu'au bout de "Mignon" et à 11 heures je roulais déjà. Aujourd'hui toute la journée, j'ai tourné et retourné dans ma tête le sujet de ma nouvelle petite bêtise, et je crois tenir l'affaire[7].

A 7, 8, 9, 10 heures j'ai pensé à vous avec un redoublement de Innigkeit. Je vous voyais devant le public. Espérons que vous avez eu tous vos moyens[8].

Au revoir, theuerste, liebste Freundinn. Mes amitiés à tout le monde. J'embrasse les petites et je vous baise les mains avec la plus vive tendresse. A tout jamais

Der Ihrige
J.T.

2874. ПОЛИНЕ ВИАРДО

13(25) февраля 1871. Петербург

N° 7[1]

Saint-Pétersbourg.
Hôtel Demouth,
sur la Moïka,
n°7. Samedi,
25/13 février 71.
4 1/2 heures.

Theuerste Freundinn, me voici à P⟨éters⟩bourg. Je ne suis arrivé que ce matin à 11 heures — (je ne sais pas si vous avez reçu ma lettre de Wierzbolowo[2] sur la frontière où j'ai dû passer la nuit de jeudi à vendredi, — l'employé auquel je l'ai remise

avait un vilain petit air — et j'ai eu la bêtise d'affranchir ma lettre. Je vous y donnais des détails sur ma journée de Berlin) — et après avoir erré d'hôtel en hôtel j'ai fini par trouver deux assez vilaines petites chambres très chères — mais chaudes. L'ami Annenkoff est venu me voir — il a un peu vieilli — mais sa femme vient de le rendre père d'un second garçon[3] — et le baptême se fera la semaine prochaine. Aussitôt habillé et débarbouillé — je suis allé chez Louise[4]: je ne l'ai pas trouvée à la maison — elle était à la répétition d'un concert qui doit avoir lieu demain — mais j'ai trouvé Mme Séroff qui m'a paru assez excentrique, intelligente, fort affligée de la mort de son mari[5] — et très éprise de Louise, dont elle m'a parlé presque avec enthousiasme. Malheureusement — d'après Mme Séroff — la santé de Louise n'est pas bonne: elle croit qu'elle a une maladie de cœur. Je lui ai donné rendez-vous pour demain à midi — et je vous donnerai les nouvelles les plus exactes. Maintenant je vais dîner au Club anglais, où Annenkoff m'a inscrit. A ce soir.

11 heures du soir.

Avant toute chose, il faut que je vous remercie pour votre bonne lettre n° 1[6] qui m'a été remise il y a une heure par Annenkoff. Ça a été si bon de recevoir des nouvelles de vous! J'espère que maintenant elles vont se suivre sans interruption et qu'elles seront toujours bonnes. J'ai beaucoup pensé à vous pendant les soirées du 23 et du 24; vous me direz si cela a bien marché[7]. Vous me donnez bien peu de détails sur ce que vous chantez chez Mme Keith. Oui, il faut prendre bien vite un maître à Paul — et à Marianne. N'oubliez pas de me faire savoir si Gérôme a eu la copie de Vélasquez[8].

Au dîner au club il y avait une foule de monde, pas mal de vieilles connaissances — j'ai bien raison de dire — vieilles — car tout cela a grisonné d'une façon effrayante. J'ai rencontré le comte Chreptovitch qui a demandé de vos nouvelles. Ici on croit généralement que la paix est conclue — et qu'il ne reste plus que la formalité de la ratification[9]. Du reste vous saurez tout cela mieux et plus vite que nous. J'ai passé la soirée chez Annenkoff — en très petit comité — je me sentais fatigué et je prévois que mon lit "wird mir willkommen sein".

On est très monté contre l'Allemagne et très sympathique pour la France: mais on est tout ahuri du peu de talents qu'elle a montré et très inquiet sur son avenir. Il paraît que même en

haut lieu on désire la réussite d'une république modérée et l'on est content de voir Thiers à la tête des affaires. Il a plu pendant son séjour ici[10].

Depuis Königsberg je suis rentré dans le Royaume de la neige. Ici tout est blanc, archi-blanc, le ciel est bleu, la neige crie sous les pas et sous les roues — il fait 15 degrés de froid. Cela ne ressemble guère aux brouillards de Londres — à ces chers brouillards, ajouterai-je volontiers, puisque vous y êtes[11].

J'écrirai demain et ma lettre partira lundi[12]. Mille amitiés à Viardot et dites-lui qu'il se porte bien; j'embrasse Didie, Marianne, Paul, je serre la main à Mlle Arnholt et "last not least"[13] je vous baise bien tendrement les mains.

In ewig unwandelbarer Treue
Der Ihrige
J.T.

2875. Н.А. КИШИНСКОМУ

13(25) февраля 1871. Петербург

С.-П.бург.
Гостиница Демута, на Мойке, № 7.
Суббота, 25/13-го февр. 71.

Любезный Никита Алексеевич,

Я сегодня утром приехал сюда — и через две недели — три, самое большое — буду в Спасском. Я Вас извещу заранее о дне моего приезда. Вас же прошу прислать мне немедленно 500 р. сер. — и краткую, но по мере возможности полную ведомость о расходах, приходах и состоянии кассы — со времени моего отъезда и до 1-го февр⟨аля⟩ — вроде тех ведомостей, которые Вы присылали мне за границу[1]. Надеюсь, что вы все в Спасском здоровы — и до скорого свидания.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Всем желающим арендовать объявите срок моего прибытия в Спасское в первых числах *марта*.

2876. ПОЛИНЕ ВИАРДО

15, 16(27, 28) февраля 1871. Петербург

N° 8

St. Pétersbourg,
hôtel Demouth, N° 7.
Dimanche, ce 26/14 février 71.
Minuit et demie.

Ma chère et bien-aimée Madame Viardot, je reviens d'une soirée chez Mme Séroff où Louise a chanté des choses de Schumann — le "Doppelgänger", la "Gretchen"[1] (naturellement en vous copiant — elle ne saurait mieux faire) — des fragments des opéras de Séroff...[2] Mais procédons par ordre. Ce matin après avoir fait quelques courses — je suis allé la voir. Je l'ai trouvée maigrie, les cheveux coupés comme un garçon, mais très à son avantage. Les yeux sont plus beaux que jamais, l'expression du visage est un peu plus calme. Du reste — les gestes, les mouvements du corps sont les mêmes. Pour le moment elle est enrhumée, mais je ne crois pas que sa santé soit fortement atteinte. Nous avons beaucoup causé, j'ai évité de toucher les endroits sensibles — je n'ai surtout pas parlé de son avenir, de ce qu'elle compte faire... Cela viendra. Je crois qu'elle n'a pas un rouble dans ce moment... Nous en parlerons. Elle a prononcé le nom de Loulou...[3] Alors je me suis mis à parler de lui, je lui ai raconté combien il était gentil et intelligent. Cela l'a touchée visiblement, mais la rupture avec Héritte est évidemment éternelle, c'est comme un membre coupé[4]. Je suis revenu le soir — après un grand concert au théâtre Marie dont je vous parlerai tout à l'heure: il y avait quelques artistes — une demoiselle Blaramberg qui semble être l'esclave de maintenant[5]. La voix de Louise est devenue beaucoup plus forte — et elle la porte du côté dramatique — en exagérant un peu: elle a chanté une machine de "Rognéda" qui n'est qu'une série de cris[6] — mais en prononçant le russe d'une façon merveilleuse. Tout cela est remarquable et même saisissant au salon... je crois que ce serait peu possible dans un concert. Je crois aussi que l'agilité — ce qu'il y en avait — a disparu. Somme toute, elle m'a paru de bonne humeur, comme une personne qui se sent dans son élément et qui domine. Elle ne veut plus donner des leçons et semble vouloir rompre avec le monde. Il ne faut pas tâcher de la changer: elle est comme elle est et ce qu'elle est.

Ce qui m'a fait plaisir dans ce concert, c'est avant tout Mlle

Lavrofska, dont la voix est très belle et qui chante avec goût et mesure, en vraie cantatrice, puis une basse, Mr Melnikoff: voix jeune et mordante; le reste est détestable... Mlle Lévitski a la voix déjà complètement abîmée. Un grand final de "Rousslane" (de Glinka) m'a semblé fort beau, original et poétique. L'orchestre, les chœurs — de beaux moyens — mais le directeur est un sabreur; le public chaud — mais sans discernement et même brutal. La salle vaste, belle — et mauvaise pour la voix[a][7].

Dans le courant de la journée, j'ai fait la connaissance d'un jeune sculpteur russe — Juif polonais le Wilna — doué d'un talent hors ligne. Il a fait une statue d'Ivan le Terrible — assis, négligemment vêtu, une bible sur les genoux, plongé dans une rêverie terrible et sinistre. Je trouve cette statue tout bonnement un chef-d'œuvre de compréhension historique et psychologique — et d'une magnifique exécution. Et cela a été fait par un petit Juif[б], pauvre comme un rat d'église, poitrinaire, n'ayant commencé à travailler — et à apprendre à lire et à écrire qu'à 22 ans — il avait été jusque-là un ouvrier... Spiritus flat ubi vult[8]. Il y a certainement du génie dans ce pauvre garçon laid et chétif[в] et malheureusement sa santé est perdue. On l'envoie en Italie (mais le bon temps est venu trop tard pour lui). Il s'appelle Antokolski. C'est un nom qui restera[9].

J'ai dîné tranquillement chez mon vieil ami Annenkoff. A demain!

Lundi, 27/15 févr. minuit.

Je reviens du club d'échecs où j'ai lu les télégrammes officiels...[10] Ainsi l'Alsace, la Lorraine perdues... cinq milliards. Pauvre France! Quel coup terrible et comment s'en relever? J'ai bien vivement pensé à vous et à ce que vous avez dû ressentir... C'est enfin la paix — mais quelle paix! Ici tout le monde est plein de sympathie pour la France — mais ce n'est qu'une amertume de plus.

Voici l'emploi de ma journée:

Le matin longue visite chez le peintre Gay, qui fait le buste de Bélinski, qu'il n'a pas connu et pour lequel il n'avait que le masque mortuaire et de mauvaises lithographies. J'ai tâché de venir à son aide avec mes souvenirs et je crois que je lui ai fait

---

[a] *Над последней строкой этого абзаца помета, очевидно, рукой П. Виардо*: "oui" ("да" — *франц.*).

[б] *Слово зачеркнуто, очевидно, рукой П. Виардо.*

[в] *Слова* "laid et chétif" *в тексте поставлены в скобки, очевидно, рукой П. Виардо.*

faire les changements utiles[11]. Gay veut faire mon portrait, il ne demande que deux séances[12] — il en a fait un excellent de Herzen[13]. Puis j'ai eu une longue conférence avec mon éditeur[14] — j'ai dìné avec ces deux jeunes Russes, Joukofski et Onéguine que vous avez vus à Bade[15] — puis j'ai joué aux échecs au club[16] — gagné une partie et perdu une. J'ai écrit des lettres à mon intendant[17] — à Moscou — et voilà. Demain je retourne chez Louise[18].

Au revoir theuerste, liebste Freundinn. Portez-vous bien, écrivez-moi et donnez-moi vos chères mains à embrasser. Que le ciel veille sur vous.

Der Ihrige J.T.

2877. В.К. РЖЕВСКОМУ

15(27) февраля 1871. Петербург

Очень Вам благодарен, почтеннейший Владимир Константинович, и непременно приеду. Так как я не знаю, где я отыщусь сегодня вечером, то уж лучше будет мне отправиться прямо. Хотя я очень давно уже не играл в шахматы — однако все-таки чувствую "veteris vestigia flammae"[1]. До свидания сегодня в клубе.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

Понедельник, 15-го февр.

2878. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

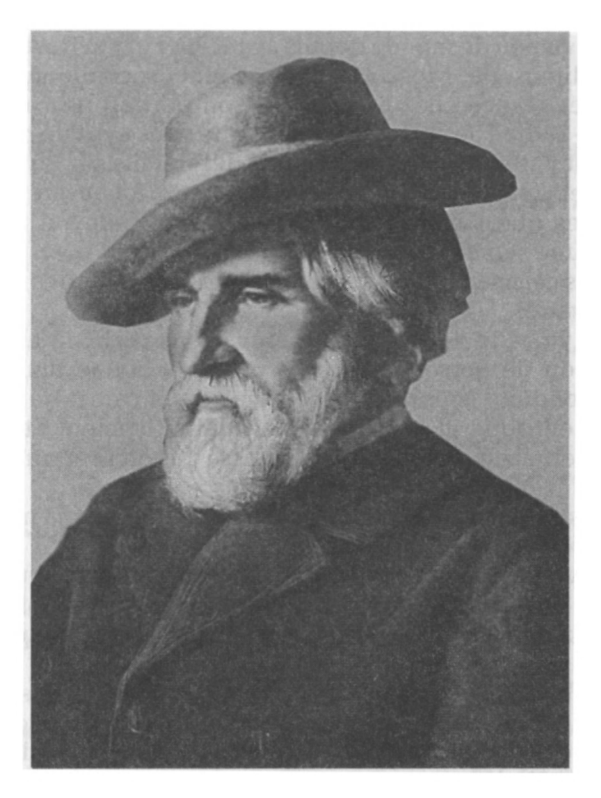
16(28) февраля 1871. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", с Мойки, № 7.
Вторник, 28/16-го февр. 1871.

Любезный брат, я в субботу сюда приехал — и в конце будущей недели являюсь в Москву. Надеюсь, что застану тебя жива и невредима — а пока — будь так добр и доставь прилагаемую записочку И.П. Борисову[1], адресс которого я забыл. Ты уже знаешь, что мне невозможно остановиться не у Маслова — но я тебя увижу немедленно, как только прибуду в Москву.

Кланяюсь твоей жене и крепко жму тебе руку.

Твой любящий брат
Ив. Тургенев.

И.С. ТУРГЕНЕВ
Портрет работы Клоди Виардо, 1871 г.
(Собрание М. и А. Ле Сен, Париж)

2879. ПОЛИНЕ ВИАРДО

18 февраля (2 марта) 1871. Петербург

N° 9 (?)

St. Pétersbourg.
Hôtel Demouth, n° 7.
Jeudi, $\frac{\text{18 février}}{\text{2 mars}}$ 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, j'ai reçu hier la lettre de Viardot avec votre petit billet. Je lui réponds sur une feuille séparée[1]. J'ai revu Louise et nous avons eu une assez longue causerie: elle prétend qu'elle n'a aucun besoin d'argent. Je lui ai fait promettre que si le cas se présentait, elle me le dirait, sant se gêner, comme à un vieil ami.

J'ai vu peu de monde depuis avant-hier et j'ai travaillé pour mon éditeur de Moscou[2]. J'ai eu une seconde (et avant-dernière) séance chez M. Gay; — son portrait ne vaudra pas celui de Didie[3]. Je suis très content que vous ayez de nouvelles élèves et j'attends avec impatience des détails sur les concerts du 23 et 24 février[4]. Demain j'irai chez Johansen pour les romances que j'ai traduites[5]. Je vois que je devrai rester ici encore une semaine ou même 10 jours.

Mais cela ne reculera pas d'un seul jour ma rentrée au *nid* — au contraire!

J'ai vu Mlle de Rahden et nous avons parlé de Louise. Sa réputation de personne intelligente, très bonne musicienne, d'une conduite irréprochable — mais d'un caractère impossible, excentrique et brusque — est définitivement établie ici. On regrette beaucoup qu'on ne puisse pas en tirer un meilleur parti.

C'est Séroff qui devait faire Krakamiche; avec sa mort, tout s'est écroulé[6].

Je vous écris aujourd'hui quelques mots seulement. Demain vous aurez une longue lettre. Il fait toujours très froid et très *blanc*: quantité de cochers ont les nez mordus par la gelée.

Au revoir, theuerste Freundinn: mes amitiés à tous. Je vous embrasse les deux mains avec la tendresse la plus vive.

Portez-vous bien et pensez quelquefois à votre fidèle ami.

Der Ihrige
J.T.

P.S. Rubinstein est ici et donne un concert dimanche; j'irai et je vous en parlerai (il y aura une nouvelle symphonie de lui)[7].

2880. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19 февраля (3 марта) 1871. Петербург.

N° 10

St-Pétersbourg,
hôtel Demouth, N° 7.
Vendredi soir.
$\frac{\text{19 février}}{\text{3 mars}}$ 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je vais vous raconter ce que j'ai fait ces deux jours. Hier j'ai dîné chez un M. Polovtzeff, une espèce de fin merle pétersbourgeois, qui, ayant

S. Pétersbourg
Hôtel Demouth n° 7.
Vendredi soir.
19 février 1871.
3 mars

102

Chère et bien aimée Madame Viardot, je vais vous raconter ce que j'ai fait ces deux jours. — Hier j'ai dîné chez Mr Polovtsoff, une [illegible] [illegible], qui, ayant épousé la fille naturelle de Stieglitz le banquier, est devenu énormément riche, habite un palais, donne des dîners raffinés etc. — J'y ai trouvé Fredro, [illegible] et pimpant et sa jolie [illegible] Mme [illegible], qui n'est plus aussi jolie qu'elle l'était [illegible] — mais qui [illegible] toujours. — Fredro a [illegible] beaucoup parlé de vous, de [illegible] de Wagner; — quant à moi j'ai eu une [illegible] que mon [illegible] avait eu beaucoup de succès dans le public. Je suis rentré à la maison et j'ai écrit un article sur la statue de ce jeune petit juif de génie — Antokolsky. — Il faut battre la caisse pour lui et faire en sorte que la commande que la cour lui a fait soit enfin exécutée [illegible] [illegible] pour l'encourager [illegible].

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К ПОЛИНЕ ВИАРДО
ОТ 19 ФЕВРАЛЯ (3 МАРТА) 1871 г.
Первая страница
(*Национальная библиотека, Париж*)

épousé la fille naturelle de Stieglitz, le banquier, est devenu énormément riche, habite un palais, donne des dîners raffinés, etc. J'y ai trouvé — *Frédro*, radieux et pimpant — et la jolie poseuse, Mme Zouboff qui n'est plus aussi jolie qu'elle l'était naguère — mais qui pose toujours. Frédro a naturellement beaucoup parlé de vous, de Weimar, de Wagner; — quant à moi, j'ai pu me convaincre que mon "Roi Lear des steppes" avait eu beaucoup de succès dans le public[1]. Je suis rentré à la maison et j'ai écrit un article sur la statue de ce petit Juif de génie — Antokolsky[2]. Il faut battre la caisse pour lui et faire en sorte que la commande que la cour lui a faite soit enfin exécutée, et qu'il ait un peu d'argent pour s'en aller en Italie[3]. Ce matin l'article a paru.

Aujourd'hui étant le jour anniversaire de l'émancipation des paysans, j'ai reçu une invitation au dîner annuel donné par le Comité ayant pris part aux travaux qui ont fait aboutir cette grande réforme. J'ai été le seul invité en dehors des membres du comité, ce qui est un très grand honneur pour moi — et le seul de ce genre qui puisse me toucher. Ces messieurs[а] ne se sont pas contentés de cela; ils ont bu à ma santé! J'aurais peut-être dû m'y attendre — et préparer un *speech*; — mais n'ayant pas eu cette pensée, j'ai balbutié — avec mon éloquence ordinaire, quelques paroles inintelligibles: enfin ils ont pu voir que j'étais ému — car je l'étais en effet — et voilà![4]

Beaucoup de personnes viennent me voir; il est évident que si certaines personnes me tiennent pour mort et s'étonnent que je ne me fasse pas enterrer — d'autres ont conservé de l'amitié pour moi — e sempre bene!

Nous sommes à vendredi; l'*autre* lundi — pas celui de la semaine prochaine — je quitte Pétersbourg[5]. Jusque-là tout mon temps est pris[б].

Ici on est très content que la paix ait été faite — on plaint beaucoup la France, et on s'attend à ce qu'elle montre de l'élasticité et de l'énergie dans sa régénération. On accepte parfaitement la République. (Je ne parle naturellement que de ceux qui l'aiment.)[6]

Mon intendant m'annonce l'assemblée générale des aspirants à prendre mon bien en fermage — pour le 5 mars de notre style[7]; involontairement cela me fait l'effet d'une volée de cor-

---

[а] *Вписано вместо зачеркнутого*: Ils ⟨они⟩

[б] *Этот абзац в оригинале заключен в скобки, очевидно, рукой П. Виардо.*

beaux, qui, le bec grand ouvert, attendent leur proie. Je tâcherai de leur laisser le moins de *viande* possible, comme dirait Müller[8].

Mlle Demidoff (l'amie de Louise) a disparu de l'horizon; il paraît que sa dernière fugue avait été motivée par la nécessité

de chercher un endroit écarté
où de pondre un enfant on ait la liberté[9].

Elle est remplacée cette fois-ci (parce qu'il faut toujours qu'il y ait une esclave) — par une Mlle Blaramberg, qui me fait l'effet d'une personne sérieuse et tant soit peu pédante. Elle me traite — en ma qualité de vieille perruque — avec un mépris majestueux. Je vous en supplie que rien de ce que je vous dis là ne perce même pas dans les lettres que Viardot et vous écrivez à Louise. Elle me prendrait immédiatement en grippe et en suspicion.

A demain; je suis pas mal fatigué. Je me porte bien — mais je dors mal dans ce diable de Pétersbourg — dans ces chambres où il fait si chaud.

J'attends une lettre avec impatience. Mille et mille amitiés à tous: je vous baise les mains avec la tendresse la plus *tendre*. Auf ewig

Der Ihrige J.T.

2881. ПОЛИНЕ ВИАРДО

22 февраля (6 марта) 1871. Петербург

N° 11

St-Pétersbourg.
Hôtel Demouth, № 7.
Lundi matin, $\frac{\text{22 février}}{\text{6 mars}}$ 1871.

Ma chère et bien-aimée Madame Viardot, avant toute chose, laissez-moi vous dire, combien j'ai été heureux de recevoir votre lettre du 25, avec tous les détails sur les deux concerts du 23 et du 24! Vous avez pris une glorieuse revanche — et combien je regrette de ne pas y avoir assisté![1] Maintenant la mauvaise époque est passée, la voix est en ordre et tout marchera bien. Je suis très heureux et je vous félicite de tout mon cœur.

Passons maintenant à mes faits et gestes depuis vendredi soir.

Ce soir-là, après vous avoir écrit ma lettre, je suis allé à un raout chez une comtesse Protassoff[2] — beaucoup de personnes

connues, quelques jolies figures — des conversations peu intéressantes. Samedi matin visites et courses. A 4 heures je reçois l'invitation d'aller chez la G⟨ran⟩de duchesse Hélène; elle me fait attendre jusqu'à 5 heures 1/4 — conversation politique. Elle a beaucoup vieilli. Puis dîner littéraire chez mon éditeur[3]. — Il me comble de civilités; puis je vais à une réunion du comité pédagogique, où une jeune[а] demoiselle de 19 ans — fille d'un professeur de mes amis, M. Kavéline — défend une thèse d'histoire avec une science, un aplomb et une éloquence rares devant 200 personnes. Voilà certes du nouveau, et pas l'ombre de pédantisme — une naïveté d'enfant — une si grande absence de préoccupation personnelle — que cela lui ôte toute timidité. C'est phénoménal! On l'a applaudie à tout rompre. Il y a beaucoup de demoiselles dans l'auditoire, des institutrices[4]. Hier matin, dimanche — séance pour mon portrait — mais pas chez M. Gay — chez un autre peintre, du nom de Makovsky — qui ne m'en a demandé qu'une — et qui a fait quelque chose de fort remarquable comme peinture (il a beaucoup plus de talent que Mr Gay)[б]. Je suis arrivé à l'âge de 52 ans sans qu'on ait fait mon portrait à l'huile — je ne compte pas celui de ma chère Didie — et voici qu'on en fait deux à la fois![5] Puis concert de Rubinstein à l'Assemblée de la noblesse. Un monde fou — il joue comme toujours — cela commence par vous donner le vertige — cela finit par vous ennuyer — ou du moins par vous fatiguer. Immenses applaudissements! Auer y a joué aussi — mais j'avoue que j'ai surtout admiré ses yeux et toute sa physionomie:[в] son jeu m'a plu médiocrement, c'est trop désossé, trop mou, trop mielleux, trop Alard et le son est grêle. Le morceau pour orchestre intitulé "D. Quichotte" est assez bien; seulement l'élément comique — le Sancho Panza — manque complètement. Il a introduit des fragments d'airs espagnols, en les choisissant assez vulgaires. Je crois me rappeler qu'il vous les avait demandés ainsi[6]. Puis — dîner tranquille et patriarcal chez Annenkoff — réception de votre bonne et chère lettre — on joue aux cartes le soir — je rentre d'assez bonne heure — et voilà!

Je commence à me lasser de Pétersbourg. J'ai dû y rester pour prendre un peu l'air du pays — maintenant il faut partir et pousser, talonner les affaires — pour revenir au plus vite. Mon intendant doit m'envoyer de l'argent. Borissoff m'attend à

[а] *Далее зачеркнуто*: fille ⟨девица⟩

[б] *Фраза в скобках в оригинале вычеркнута, очевидно, рукой П. Виардо.*

[в] *Далее фраза зачеркнута, очевидно, рукой П. Виардо.*

Moscou — et nous partirons probablement ensemble pour la campagne.

J'ai dû promettre de faire une lecture publique — très courte — samedi prochain (pour un but de bienfaisance)[7]. Lundi, dans une semaine — je file.

Paul me préoccuppe beaucoup... Je crains qu'il ne travaille pas du tout — et que ce sera une année perdue. Si au moins on poussait ferme son violon![г]

Nous sommes en plein dégel. La neige a disparu — ou plutôt elle est devenue noire, et nous pataugeons dans une horrible boue. C'est très laid au soleil.

A demain, treuerste Freundinn — cette fois-ci je ne laisserai pas passer un jour sans écrire. Mille amitiés à tout le monde; mille baisers très tendres à vos mains bien-aimées.

Der Ihrige
J.T.

2882. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23 февраля (7 марта) 1871. Петербург

N° 12

St. Pétersbourg.
Hôtel Demouth, n° 7.
Mardi matin, $\frac{7 \text{ mars}}{23 \text{ février}}$ 71.

Voici, chère et bonne Madame Viardot, une lettre, qu'on me prie de vous faire parvenir. Vous verrez que ces messieurs de Moscou ne doutent de rien et ne se refusent rien. Je sais bien la réponse que vous leur ferez, mais c'est toujours agréable[1]. Nicolas Rubinstein doit venir ici — il joue dans le concert de son frère qui a lieu dimanche prochain — j'espère bien le voir — (je n'ai pourtant pas vu Antoine)[2]. Savez-vous qui est ici et qui va donner un concert? Le petit Servais à la tête branlante! Je ne l'ai pas encore vu, mais Dieux que tout cela me rappelle Weimar![3]

J'ai dîné hier chez l'ami Annenkoff, qui fêtait l'anniversaire de son mariage. Mes *deux* portraits avancent: ils sont dans des genres tout à fait différents — mais je crois — très bons tous les deux — et ressemblants[4]. La lecture que je devais faire samedi est tombée à l'eau; il paraît que l'autorité n'a pas voulu donner la permission nécessaire: le bruit s'était répandu que le produit

---

[г] *Этот абзац в оригинале отчеркнут, видимо, П. Виардо.*

était destiné aux *Garibaldiens blessés*[5]. Je n'en suis pas autrement fâché — car ces "exhibitions" ne me vont pas du tout — du tout.

Mme Patti fait fureur à Moscou; on dit qu'elle y a gagné 40 000 roubles! Et l'on vient nous dire qu'il n'y a pas d'argent en Russie. Elle chante ici après-demain; je connais quelqu'un qui n'ira pas l'entendre[6].

N'avez-vous plus rien entendu de Frisson?

Et votre locataire de la rue de Douai — est-il revenu?[7]

Ceci n'est qu'un billet; demain vous aurez une lettre. Mille amitiés à tous und tausend Küsse Ihren lieben Händen.

Der Ihrige
J.T.

2883. Д.А. ТОЛСТОМУ

23 февраля (7 марта) 1871. Петербург

Ваше сиятельство!

Имея надобность переговорить с Вами о просьбе, адресованной на имя Ваше студентами Варшавского университета братьями *Либанами*[1], покорнейше прошу ⟨у⟩ Вас всего несколько минут в тот день и час, когда Вам будет угодно.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

Гостиница Демута, № 7.
Вторник, 23 фев. 71.

2884. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24 февраля (8 марта) 1871. Петербург

N° 13

St-Pétersbourg.
Hôtel Demouth, N° 7.
Mercredi soir, $\frac{\text{8 mars}}{\text{24 février}}$ 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, il y a de cela une heure, au moment de sortir de chez Annenkoff, le postillon est venu à ma rencontre avec *deux* lettres — l'une de vous — l'autre — des petites. Vous dire le plaisir que cela m'a fait est superflu; et pourtant j'ai été attristé en apprenant que pendant *10 jours* vous n'aviez pas reçu de lettres de moi — et que vous

avez pu croire qu'il y avait négligence de ma part! Le N° qui est en tête de cette lettre-ci — vous dit que je n'ai jamais été plus exact: c'est aujourd'hui le *19-me* jour de notre séparation — et voici la *13-me* lettre! Heureusement le petit post-scriptum sur l'enveloppe de la lettre des *petites* — (je ne sais vraiment plus comment les nommer) — m'a tranquillisé. Pourtant je suis persuadé que ce vilain employé de la poste de Wierzbolowo — avec sa figure chafouine — a mis les 15 Kopeks dans sa poche et n'a pas envoyé ma lettre! N'oubliez pas de me l'écrire pour que je sache, si je dois lui dire des invectives rétrospectives![1a]

Vous avez chanté hier à Liverpool et vous chanterez demain à Manchester... Je vous accompagne de toute l'intensité de ma pensée... mais je n'ai plus peur pour vous; je suis persuadé que maintenant cela ira comme sur des roulettes[2].

Je vais vous raconter ma vie pendant hier et aujourd'hui. Règle générale, ma journée commence de très bonne heure par un envahissement de vieux amis, vieilles connaissances, ou bien de personnes qui veulent m'exploiter d'une façon ou d'une autre — ou qui ont affaire à moi. Ce matin, il est venu entre autres une vieille mendiante polonaise — qui m'a soutiré 5 roubles. Non, jamais, depuis que le monde est monde — il n'y a eu de figure plus typique dans son genre, et si j'étais peintre je lui donnerais volontiers 25 roubles pour la faire poser! Ensuite viennent les excursions qui, par la boue horrible dont toutes les rues sont remplies — et vu que cette fois-ci je ne me permets pas le luxe d'une voiture, présentent des difficultés de locomotion considérables — puis arrive le moment du dîner.

Hier j'ai dîné chez la vieille comtesse Protassoff — une dame très affable et "bon enfant", où j'ai trouvé cinq ou six personnes assez agréables; tout le monde est enragé contre les Allemands, mais à quoi cela a-t-il servi? Le soir je suis allé chez un Monsieur Jemtchujnikoff[б], le frère de celui que vous avez vu à Bade et qui est si ennuyeux: celui-ci est encore plus beau; il a un *volcan* de cheveux gris sur la tête — et encore plus ennuyeux. J'y ai trouvé plusieurs adeptes de la nouvelle école musicale russe (pas Kuï, malheureusement); mais bien le grand Balakireff qu'ils reconnaissent pour leur chef[3]. Le grand Balakireff a assez mal joué quelques fragments d'une fantaisie à orchestre de Rymsky-Korsakoff (vous vous rappelez, on vous a

---

[а] *Отрывок со слов:* "et pourtant" *до* "invectives rétrospectives" *взят в скобки, очевидно, рукой П. Виардо.*

[б] *В тексте около фамилии Жемчужникова стоит знак:* x, *проставленный, очевидно, П. Виардо.*

envoyé quelques jolies romances de lui); cette fantaisie — sur un sujet de légende russe — assez bizarre — m'a semblé en avoir en effet — de la fantaisie[4]. Puis le grand Balakireff a assez mal joué des réminiscences de Liszt et de Berlioz[5] qui, lui surtout, est pour ces messieurs — l'Absolu et l'Idéal. Je crois, après tout, que c'est un homme intelligent. Kein Talent, doch ein Character.

Je ne vous ai pas dit que Johansen prend les romances — et qu'elles seront prêtes pour mon retour[6]. Je vous rapporterai quelques exemplaires.

Ce matin j'ai été plus envahi que jamais, puis j'ai eu ma dernière séance chez M. Gay — j'en dois une encore à Mr Makovsky — le portrait de Mr Gay est d'une ressemblance frappante à ce que disent tous les amis et à ce que je crois moi-même[7] — puis j'ai fait des visites *littéraires*, c'⟨est⟩-à-d⟨ire⟩ ennuyeuses — mais il le fa-a-allait, comme dit Bilboquet[8]. Puis j'ai dîné tout seul, pour la première fois depuis mon arrivée ici, dans un petit restaurant sous terre — au-dessous du sol je veux dire — et je suis allé chez papa Annenkoff... Ah bien oui, j'oublie! J'ai fait une assez longue visite à l'Hermitage — où j'ai admiré de nouveau les chefs-d'œuvre dont cette galerie est pleine: les Potter, les Rembrandt, etc., etc.[9] En fait de choses nouvelles — il y a une merveilleuse petite Vierge de Léonard (de la galerie Litta), des vases admirables de la collection Campana — et surtout un petit sphynx assis (un sujet de lampe) — venu des fouilles de Kertch — qui est bien une des choses les plus fascinatrices qu'on puisse voir. Il est peint et d'une conservation étonnante![10] J'aurais bien désiré que Viardot eût vu ce sphynx! Puis sont venues les 2 lettres chez Annenkoff — et voilà! Et maintenant à demain. Mille embrassades à tout le monde. Ich bin auf ewig, mit der grössten Zärtlichkeit und Treue

Der Ihrige
J.T.

2885. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

26 февраля (10 марта) 1871. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 7.
Пятница, 26 февр. 71.

Любезный друг Алексей Феофилактович, вот уже скоро две недели, как я в Петербурге, и, к стыду своему, не навестил Вас. Весь я уже здесь засиделся. В среду я опять уез-

жаю и, конечно, в четверг увижу Вас. Дайте знать, пожалуйста, г-ну Третьякову, что теперь выезжать сюда г-ну Перову для написания портрета ни к чему[1], что если во время этих пяти дней (не более), которые я проведу в Москве[2], он полагает, что успеет написать портрет, то я к его услугам[3], что, впрочем, здесь в Петербурге, во время моего пребывания, написано целых два — один г. Ге, другой г. Маковским[4], но в разных видах, но, кажется, удались совершенно, и, может быть, г. Третьякову будет возможно приобрести один из них[5].

Засим кланяюсь дружески всем Вашим, говорю: до свиданья и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

2886. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26, 27 февраля (10, 11 марта) 1871. Петербург

N° 14

St-Pétersbourg.
Hôtel Demouth, № 7.
Vendredi, $\frac{\text{10 mars}}{\text{26 fév.}}$ 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je vous avais dit que ma lecture de demain était tombée à l'eau; malheureusement, ce n'était qu'un faux bruit, et je lis en effet entre Mlle Lovato, chantant: "Ce n'est pas dans le nez que ça me chatouille" et une autre demoiselle de la même force. C'est tout à fait café chantant, mais le but m'étant très sympathique (c'est pour les blessés français, on n'en parle pas sur l'affiche, mais tout le monde le sait), — je passe outre. On a mis mon nom en vedette et l'on me voit rayonner à côté d'"huîtres fraîches", etc.[1] J'ai pensé à votre arrivée à Brighton, et me suis senti tres flatté d'une pareille similitude. Avec tout cela je crains qu'il n'y ait que fort peu de monde: car le public ici est trop bourré de concerts, tableaux vivants, etc., etc.

Demain je vous dirai le résultat.

Et maintenant parlons de mes faits et gestes. Séances pour *les* portraits (ils sont achevés maintenant, Dieu merci!)[2] — séances pour des photographies[3] (ce n'est pas moi qui paie, je vous prie de croire); visites littéraires, pour affaires, visites reçues et données. C'est un brouhaha que ma vie ici et je serais bien content quand je roulerai vers la tranquille Moscou et vers Spasskoïé plus tranquille encore[4]. Tout cela est nécessaire,

mais quand ce sera fini, ce sera bien "agriable", comme dit Thérésa[5]. J'ai dîné hier jeudi avec trois *jeunes* littérateurs dans un petit café et la conversation a été vive et animée. (NB. Nous n'avons bu qu'*une* bouteille de vin — cet aparté est pour Didie); j'ai dû passer ensuite la soirée chez une femme bien ennuyeuse! que vous connaissez, je crois, Mme Novikoff, cette personne qui a de si grosses joues, et elle a été digne de sa réputation. Aujourd'hui dîner chez un c⟨om⟩te Apraxine, pas mal ennuyeux aussi, mais plein de bonnes intentions envers la littérature; il est en train de fonder une vaste entreprise lexico-encyclopédique; il est très riche et il faut encourager cela — pas la richesse, mais les entreprises. De là, je suis allé dans un autre salon politico-littéraire aussi, mais d'une couleur un peu plus tranchée[6], de façon que je me rends compte des différentes nuances de ce qu'on peut appeler l'opinion publique dans la cara patria. Il y a pas mal de choses que je vous dirai de vive voix, mais que le papier supporte mal ici.

Samedi soir.

Eh bien, ma chère et bonne Mme Viardot, la lecture a eu lieu — mais ça a été autre chose que je ne l'avais cru. Un peu café chantant, en effet, de la musique exécrable, mais un public énorme, bouillant de jeunesse: — apothéose de Garibaldi en tableau vivant, lecture par une dame de "Souvenirs d'un séjour parmi les Garibaldiens"[7], déclamation par une grosse dondon à la voix fêlée des "Zwei Grenadiere" de Schumann, qui, comme vous vous le rappelez peut-être, se termine par "La Marseillaise". Alors, explosion de bravos frénétiques — cris de: Vive la France! — tempête en un mot, qui a duré 10 minutes. Un acteur français a, il est vrai, dit "Les deux gendarmes". Mais une actrice française a déclamé les "Pigeons de la République" et ce mot a fait courir le frisson habituel[8].

Quant à moi, je dois avouer que jamais je n'ai été l'objet de pareilles... pardon du mot! ovations — je vous le dis, parce que je sais que cela vous fera plaisir et j'ai pensé à vous pendant tout le temps que je me tenais là, confus, rouge, un sourire impossible sur la face, en présence de cette foule qui hurlait... Ça me faisait l'effet d'une grosse pluie d'orage, rapide et violente, qu'on recevrait sur ses épaules nues. J'ai lu le fragment des "Mémoires d'un chasseur" intitulé "Bourmistr". Je crois avoir assez bien lu. Mes nerfs s'étaient détendus pendant tout ce tapage — et j'étais calme, puis le public était si bienveillant![9]

Vous voilà revenue de Liverpool...[10] peut-être aurai-je quelque nouvelle de vous demain. Je continuerai ma lettre sur

une autre feuille que je vous enverrai demain[11]. En attendant, mille amitiés à tout le monde, und die warmsten Küsse Ihren lieben Händen. Ich träume von Ihnen jede Nacht.

Der Ihrige
J.T.

2887. ПОЛИНЕ ВИАРДО

27, 28 февраля (11, 12 марта) 1871 г. Петербург

N° 16

St Pétersbourg.
Hôtel Demouth, N° 7.
Samedi soir, $\frac{\text{11 Mars}}{\text{27 Février}}$ 1871.

Je continue ma lettre n° 15[1], chère et bien-aimée Mme Viardot. Après ma séance de lecture[2], j'ai vu Louise; – elle est toujours la même étrange et malheureusement peu sympathique créature. Je crois sa santé sérieusement ébranlée – ou plutôt je crois qu'il y a en effet quelque défaut organique au cœur. Après dìner je suis allé au concert de la Société russe. Symphonie n° 3 de Beethoven – assez brutalement jouée... et puis – vous allez vous étonner – et en même temps vous rendrez justice à ma bonne foi: – on a donné l' "Ouverture des Meistersinger" et l' "Entr'acte" – qui m'ont fait le plus grand plaisir! L' "Entr'acte" surtout est grandiose – c'est de la puissante musique – il faut l'avouer. Le public a beaucoup applaudi – et l' "Entr'acte" a été redemandé[3].

Un petit musicien que vous connaissez et qui se nomme Mr Ch. Lewy m'a entraîné du concert chez un de nos meilleurs acteurs, Mr Samoïloff[4], où je devais rencontrer Rubinstein[5]. Il y était en effet. Il a pris les Allemands (!) en horreur et veut rester en Russie. Comme il faut toujours qu'il entreprenne quelque chose, il s'est mis en tête de fonder une Société – un "Orpheum" ou "Verein" – où se réunirait toute l'intelligence artistico-littéraire de Pétersbourg[6]. Cette idée a été longuement débattue – et on a fini par décider qu'on ferait une soirée d'épreuve – jeudi prochain – (on a choisi ce jour-là, parce que je pars vendredi) – et on a fait des listes d'invitation – des circulaires. – J'ai dû signer la circulaire littéraire. – Il ne sortira naturellement rien de tout cela. Du reste cela ne me regarde pas, puisque je n'habite pas la Russie – mais enfin – cela a amusé Rubinstein – et il est entier en diable et têtu comme un mulet.

J'ai rencontré sa femme: elle a très bonne mine – et toujours le nez de travers. Il paraît que son garçon continue à être splendide[7].

J'ai l'idée de vous envoyer mes textes russes du "Gärtner" et de "Es ist ein schlechtes Wetter". J'ai choisi ces deux-là, comme étant de beaucoup les plus difficiles[8]. Le cheval de la princesse – de "blanc de neige" – est devenu "noir comme l'acier" – mais c'est aussi dans la nature[9]. Faites-vous chanter cela par Mme Gourieff – vous verrez si cela va bien.

Dimanche soir, $\frac{\text{12 mars}}{\text{28 février}}$.

Oh, chère Madame Viardot, quel horrible "bore" a été le concert de Rubinstein (donné avec le concours de son frère[10]) ce matin! Il n'y a eu que de sa musique – sa nouvelle musique – manuscrite encore – et si c'est comme cela qu'il compose maintenant, il est archi-fini. Il a toujours eu trop de mousse dans son verre: maintenant il n'y a plus que cela – du brouhaha, du tapage, des passages prestissimo, de l'élan – en avant – nous allons conquérir le monde! – tout cela avec une exécution foudroyante – et rien, pas une idée – dans tous les cas pas d'originalité – c'est du Schumann, du Mendelssohn, du Beethoven, voire même du Wagner, mais du Rubinstein – o! Les vieillards qui se rajeunissent sont ridicules, mais une jeunesse qui s'attarde trop l'est aussi – et R⟨ubinstein⟩ n'a plus le droit d'être jeune et de "donner des espérances". La salle était à moitié remplie – et l'on s'est fort ennuyé[11].

J'ai dìné paisiblement chez mon vieux Annenkoff; – après dìner j'ai eu une entrevue avec un Monsieur – pour le fermage de mes biens et peut-être pour la vente de l'un d'eux. Ce Monsieur est un galant homme, que je connais depuis longtemps et qui a de l'argent[12].

Le tourbillon de Pétersbourg où je suis tombé et d'où je compte me retirer bien vite – ne me fait oublier un instant ni Londres, ni mon retour, ni tout ce que j'aime au monde – et plus que jamais. Je ne serai heureux que quand j'aurai franchi le seuil de Devonshire Place, 30[13].

J'ai reçu une lettre de Lewes qui me parle d'un de vos Samedis, auquel il aurait assisté et d'un autre où il comptait retourner[14]. Il semble vous avoir pris en affection.

A demain, theuerste Freundinn; mille amitiés à tous. Ich küsse 100 000 mal Ihre lieben, lieben Hände.

Der Ihrige
J.T.

2888. Н.А. КИШИНСКОМУ

1(13) марта 1871. Петербург

С.-П.бург.
Демутова гостиница, № 7.
1-го марта 1871. Понедельник.

Получил я присланные 500 рублей и Ваш отчет, любезный Никита Алексеевич. Если цифры отчета могут быть признаны действительными и на будущие годы — то в арендовании не представляется нужды; но обо всем этом мы потолкуем с Вами и разберем это на месте. Пребывание мое в Петербурге несколько затянулось — я выезжаю отсюда в пятницу, *5-го* марта, и непременно к концу будущей недели, т.е. около 12-го марта, буду в Спасском. Впрочем, я Вас извещу из Москвы письмом или телеграммой.

Итак, до скорого свидания.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2889. В.П. БЕЗОБРАЗОВУ

2(14) марта 1871 (?). Петербург

Гостиница "Демут", № 7.
Вторник, 2-го марта.

Почтеннейший Владимир Павлович,

Я виноват перед Вами и извиняюсь, что не тотчас отвечал на приглашение, обозначенное на оставленной Вами карточке. К сожалению, я 14-го марта быть у Вас не могу, потому что уезжаю в пятницу в Москву — но постараюсь заехать к Вам послезавтра. Мне было бы весьма приятно поговорить с Вами по старине и по душе — а потому, в ожидании этого удовольствия, дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

2890. П.В. ВАСИЛЬЕВУ

17 февраля (1 марта)—3(15) марта 1871. Петербург

Гостиница "Демут", № 7.
Середа.

Я только что расстался с Вами вчера вечером, любезнейший Павел Васильевич, как вспомнил, что завтра я обещал быть на репетиции оперы Серова "Вражья сила"[1] — и

потому должен просить Вас позволить мне воспользоваться Вашим обязательным предложением в *субботу* — в $^1/_2$ 3-го, буде возможно — так как в пятницу Вы заняты. Надеюсь, что Вы будете свободны в этот день, и обещаю себе заранее великое наслаждение от Вашего мастерского чтения[2].

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

2891. ПОЛИНЕ ВИАРДО

3(15) марта 1871. Петербург

№ 17

St-Pétersbourg.
Hôtel Demouth, N° 7.
Mercredi soir, $\frac{15}{3}$ mars 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, voici trois jours que je ne reçois plus de vos lettres – je suppose que vous me les envoyez à Moscou, à l'adresse de mon vieil ami Massloff – vous ne prévoyez pas que je resterai si longtemps à P⟨éters⟩bourg – je ne le prévoyais pas non plus – mais c'est à peine si cela retardera le moment du retour d'une semaine. Si rien ne m'arrive – avant un mois d'ici je serai à Londres – mon séjour à Spasskoïé ne durera pas plus d'une semaine[1]. Mon intendant ne cesse de m'écrire des lettres[2], dans lesquelles il croit pouvoir me prouver qu'en gardant l'ancien système, c'⟨est⟩-à-d ⟨ire⟩ en ⟨ne⟩ le renvoyant pas, je recevrai des sommes folles – beaucoup plus que si je mets mon bien en fermage; nous examinerons tout cela avec l'ami Borisoff et en attendant je viens de traiter du fermage d'un de mes biens avec un propriétaire du gouvernement d'Orel[3], chez lequel j'ai dîné aujourd'hui – et que je connais de longue date pour un homme très honorable et un excellent agronome. Il m'a témoigné le désir d'acheter ce bien – chose à laquelle je réfléchirai – et que je mettrai à exécution peut-être. Pour le moment le contrat que nous allons conclure avec lui me servira de modèle pour celui de Spasskoïé. La grande chose dans ces affaires encore assez neuves et inacoutumées en Russie, c'est de ne pas se laisser duper (et vous savez quel talent j'ai pour cela!) –[a] de ne pas faire, comme un monsieur, avec lequel j'ai causé dernièrement, et qui a dû commencer un procès avec son

---

[a] *Далее зачеркнуто:* et

fermier ou "arendator", comme on les appelle ici, *quinze* jours après la signature du contrat!

Si je suis resté plus longtemps que je ne l'avais supposé à Pétersbourg – c'est que j'ai trouvé ici une quantité de fils à demi coupés et que j'ai dû renouer – à moins de briser toutes relations avec la Russie, ce que je ne veux pas faire encore. Moi, l'être inactif que vous connaissez, j'ai fait tant de choses depuis les dix-neuf jours que je suis ici – que j'en suis tout émerveillé moi-même. Et voilà que demain j'ai encore à concourir à fonder une sorte de société artistico-littéraire[4] qui au fond ne me touche guère, car je ne serai jamais un membre de cette société-là – mais on me dit qu'il ne faut pas être égoïste et ne penser qu'aux choses dont on peut tirer un profit – ou un plaisir personnel.

Mais voici une heure que je ne vous parle que de moi – et vous, vous... que faites-vous? C'est cruel – cette absence de lettres. Comment êtes-vous allée et revenue (je parle de Liverpool et de Manchester)[5], que faites-vous? Chantez-vous souvent? Que font les enfants... etc., etc., etc?.. Avez-vous reçu des nouvelles de Frisson, de votre locataire de la rue de Douai? C'est aujourd'hui le *26-me* jour après le départ – tiens! c'est probablement aujourd'hui la moitié de l'absence – car dans 26 jours je serai bien certainement à Londres – et le mot "probablement" est superflu. Oh, quel plaisir, quel bonheur ce sera de me retrouver de nouveau dans cette chère maison!..

Les deux derniers vers du "Es ist ein schlechtes Wetter" ne sont pas exacts. Il faut lire:

"Пушистые кудри мягко
Льются на нежный лик"[6].

Car dans le 2-me vers – l'accent est sur "*Über* das süsse Gesicht". Mme Gourieff aura fait cette remarque. Nous avons tout repassé avec Louise qui se chargera de la correction des épreuves[7]. La traduction de "Rosenzeit" est ravissante(!!?!) – tenez: jugez-en vous-même.

1.

Счастья дни, как скоро вы,
Скоро вы,
Скрылись и пропали!
Был мой друг бы верен мне,
Верен мне —
Не знала б печали!

3.

И[6] брожу я, словно тень,
Словно тень,
Всё под тем холмочком,
Где меня он столько раз,
Столько раз,
Звал своим дружочком!

---

[6] *Переправлено из:* Всё

2.
По полянам вкруг меня,
Вкруг меня,
Жницы распевают...
У меня лишь у одной,
У одной,
Слезы набегают!

4.
Там стою я, наклонясь,
Наклонясь,
К речке тихоструйной...
Косы, что он так ласкал,
Так ласкал,
Треплет ветер буйный!

J'ose croire que le petit changement introduit par moi dans la dernière strophe est à son avantage – et Möricke l'aurait acceptée[8].

Je vous envoie une photographie de Bergamasco, qu'il vient d'achever et qu'on trouve bonne[9]. Et maintenant à demain soir – et dans *vingt-six* jours – si Dios quiere – à vous de nouveau – et pour longtemps.

J'embrasse tout le monde, Viardot, Didie, Marianne, Paul, Mlle Arnholt; quant à vous, je baise vos mains avec une tendresse infinie.

Der Ihrige
J. T.

2892. Н.А. КИШИНСКОМУ

4(16) марта 1871. Петербург

С.-П.бург.
Гостиница "Демут", № 7.
Четверг, 4-го марта 1871.

Сим извещаю Вас, любезный Никита Алексеевич, что выезжаю отсюда в воскресение, в понедельник прибуду в Москву — а в четверг выеду в Спасское, куда, вероятно, прибуду в пятницу. Впрочем, я Вас из Москвы извещу — а Вы держите все наготове, начиная с денег.

До свидания — будьте здоровы!

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2893. В.В. СТАСОВУ

4(16) марта 1871. Петербург

Гостиница Демута, № 7.
Четверг, 4-го марта.

Любезнейший г. Стасов — я боюсь, что, вследствие какого-либо недоразумения, Вы не получили пригласительного листа на сегодняшний вечер, затеянный Рубинштей-

ном — а потому на всякий случай уведомляю Вас, что сегодня в 10-м часу собираются в большой зале у Демута — и что мы надеемся, что и Вы приедете[1].

Ив. Тургенев.

На конверте:

Его высокоблагородию В.В. Стасову.
На Моховой, в д. Мелихова,
Возле Пантелеймоновской.

2894. А.И. УРУСОВУ

5(17) марта 1871 (?) Петербург

Гостиница Демута, № 7.
Пятница утром.

Мне очень жаль, любезнейший князь, что наш третьегодняшний обед не удался, тем более что теперь неизвестно, когда нам придется свидеться, ибо я уезжаю послезавтра — а сегодняшний и завтрашний день разобраны до ниточки. Недели через три я вернусь сюда — и, может быть, тогда увижу Вас? Во всяком случае жму Вам крепко руку и говорю: до свидания.

Ив. Тургенев.

2895. А.Ф. ОНЕГИНУ

6(18) марта 1871. Петербург

Любезнейший Александр Федорович, получив Вашу карточку, я тотчас отправился к *Клею* — и стал спрашивать "громадную" пачку писем на мое имя; но не только пачки, даже единого письма у них не оказалось. Что сей сон значит? Ведь Вы были у *Клея*, на углу Михайловской площади? Разъясните мое недоумение — нарочно посылаю к Вам человека. Завтра в $^1/_2$ 3-го я улепетываю, ибо боюсь холеры до безумия — да и так-таки — пора! Жму Вам дружески руку — и до свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

Италианская, д. Овсянникова,
на квартире Анненкова.
Суббота.

2896. Е.М. ФЕОКТИСТОВУ

6(18) марта 1871. Петербург

Гостиница "Демут", № 7.
Суббота, 6-го марта 1871.

Любезнейший Евгений Михайлович, подателями этой записки — те самые молодые люди, галичане[1], о которых я говорил Вам по поручению графа Дмитрия Андреевича — и которых он полагал поместить в Славянской педагогической семинарии, находящейся под начальством г-на Георгиевского[2]. Хотя они юристы, но, получив воспитание прежде Варшавского университета в австрийских гимназиях, знают *основательно* древние языки — и поэтому могли бы быть весьма полезны на учительском поприще. Вы убедитесь, что и в русском языке познания их совершенно удовлетворительны (они протестанты). Приехали они сюда безо всяких средств — и чем скорее что-нибудь для них сделается, тем будет лучше. Я же за них ручаюсь — и обращаюсь к Вашей старинной дружбе:[a] помогите этим дельным людям быть полезными делу просвещения в России! Всякую услугу, оказанную им, я положительно приму за личную услугу. Вот о чем я Вас убедительно прошу. Мне граф Толстой говорил о *стипендиях*, связанных с Педагогическим славянским учреждением — вот это было бы отлично.

Еще раз — окажите услугу старинному приятелю!

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Их зовут — Александр и Роман Либан.

2897. ПОЛИНЕ ВИАРДО

6, 7 (18, 19) марта. Петербург

N° 18

St. Pétersbourg.
Rue Italianskaïa.
Maison Ovsiannikoff.
Samedi soir, 6/18 mars 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je vous écris de chez l'ami Annenkoff – et voici pourquoi. Depuis une semaine à peu près, le Choléra – cet affreux monstre, fait de grands ravages à

---

[a] *Далее зачеркнуто:* чтобы Вы

Pétersbourg[1] – et moi, qui le crains comme le diable vert, j'ai fort mal passé ces trois dernières nuits – avec angoisses, affres, sueur froide, insomnie etc., etc. C'est honteux d'être aussi poltron – mais je crois qu'il y a là une cause physiologique qui est plus forte que moi, car aucune autre maladie ne m'inspire cette terreur. Voyant ceci – et sachant que je pars demain, Annenkoff m'a proposé de passer cette nuit-ci dans sa maison. Il y a un docteur qui demeure avec lui – et si je dansais trop – on viendrait me calmer. Il est maintenant onze heures et demie et le sommeil semble horriblement éloigné – quoique la fatigue soit grande. Je vous donne tous ces détails sans scrupule – car 1) je vous ai promis de dire toujours la vérité et 2) cette lettre ne partira que demain, peu d'heures avant que je parte moi-même pour Moscou. Une fois là, j'espère que tout rentrera dans l'ordre. Et si les nouvelles de Pétersbourg ne sont pas meilleures, il y a des chemins de fer qui mènent tout droit de Moscou et même d'Orel en Europe. Car dans 26 jours il faut que je sois à Londres! Ce serait trop misérable, s'il y avait un retard...

J'ai revu encore une fois – et avec le plus grand soin le texte de la traduction russe des romances – en présence et à l'aide de Louise. Nous avons fait quelques changements – et maintenant tout marchera bien. Johansen a déjà commencé l'impression[2].

Nous avons eu, avant-hier, cette séance artistico-littéraire, dont je crois vous avoir parlé et dont l'idée était venue à Rubinstein. On a nommé un comité de 8 membres, qui sont chargés de présenter une sorte de projet de réunions hebdomadaires. Je suis devenu très populaire à P⟨éters⟩bourg: les goûts du public sont changeants[3]. A cette séance on a bu à ma santé avec grands applaudissements. Le même soir – il y avait eu dans la grande salle du Concile Communal – une lecture publique... sur les types *qu'offrent mes oeuvres* (!!!)[4] Un public fort nombreux assistait à cette lecture – mais le monsieur a fini par l'ennuyer. Vous comprenez que je ne suis pas allé m'entendre m'expliquer moi-même – et même je crois qu'on aurait pu trouver facilement un sujet plus intéressant et plus général. Enfin – c'est toujours flatteur – mais le monsieur semble avoir été un vrai "bore".

1 heure.

Toujours pas de sommeil – et les sensations les plus bizarres au creux de l'estomac, dans les bras, les jambes... Tout cela est nerveux et n'a pas d'importance – mais cela empêche de dormir et même de rester couché. Je ne voudrais pas qu'il

m'arrivât quelque chose loin de vous... Loin de vous – c'est impossible! Aussi – il faut maintenant qu'il n'y ait plus d'absence.

C'est très malheureux que je n'aie plus de lettres depuis bientôt une semaine – elle m'attendent à Moscou, je l'espère bien – et comme je vais me jeter sur elles! C'est terrible que je ne sache plus ce que vous faites, ce que vous avez fait.

C'est samedi aujourd'hui... Vous avez peut-être du monde chez vous – vous faites de la musique – et moi, je me débats contre une espèce de vilain fantôme qui me tient comme avec une griffe.

J'ai assisté hier à une leçon publique d'un de nos meilleurs physiologues – Mr Sétchénoff[5]. Il expliquait les fonctions de l'œil – avec beaucoup de clarté et de science. Je me trouvais tout près de lui – il m'a appelé pour participer à certaines expériences – comme un compère...

Dimanche. 9 h. du matin.

J'ai passé une très bonne nuit, la première depuis une semaine – et me voilà tout frais et dispos pour le voyage de Moscou. On ne peut pas être meilleur ami que l'est Annenkoff.

Je vous écrirai dès demain soir, de la maison d'un autre bon ami, Massloff – et j'aurai déjà lu les lettres!

Hôtel Demouth, N°7.

1 1/2 heure.

L'agitation a un peu recommencé – mais je pars dans une heure – et une fois en route – ça marchera. Ainsi – je vous écrirai demain de Moscou.

Mille et mille amitiés à tout le monde, à Viardot, aux enfants – je vous baise tendrement les mains et suis à jamais

Der Ihrige
J. T.

2898. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8(20) марта 1871. Москва

N° 20

Moscou.
Boulevard Prétchistenkoï.
Comptoir des Apanages.
Lundi soir, 8/20 mars 71.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je suis ici depuis ce matin chez mon vieil ami Massloff – et ma terreur cholérique s'est calmée. Il y avait pas mal de voyageurs dans le train, qui

se sauvaient de la ville "empestée"[1]. Ici il fait le plus beau temps du monde – et l'on n'entend pas parler de cette horreur.

J'ai trouvé ici une lettre de Viardot et des enfants[2] – je leur répondrai demain. Ils m'avaient écrit au moment de votre départ pour Manchester. J'ai trouvé aussi une lettre de mon intendant[3] qui me parle de lettres arrivées de l'étranger à Spasskoïé. Après un conciliabule tenu chez Massloff, il a été décidé que je ferais venir ici mon intendant avec tous ses papiers, plans et comptes – et peut-être pourra-t-on achever la besogne ici, sans que j'aille à Spasskoïé. Cependant cela n'est pas sûr et il est fort possible que j'aille encore là-bas pour une *semaine*, ce qui fait que dans 15 jours je pourrai me remettre en route pour mon "home" de "Devonshire place". Je suis sûr que parmi les lettres, dont parle mon intendant, il y en a de vous. Il y a bien longtemps que je n'ai vu votre chère écriture – et naturellement c'est ma faute – ou plutôt ce sont les circonstances qui se sont arrangées de cette façon.

Massloff est florissant comme par le passé... Mais dans quel triste état se trouve le pauvre Borissoff, que je me suis empressé d'aller voir dès mon arrivée! Sa maigreur est effrayante... l'expression de son visage est presque celle d'un moribond – je crains fort qu'il ne puisse arriver jusqu'à l'été – le printemps, ce terrible tueur des phtisiques – va me l'enlever![4] Ce sera une grande perte pour moi – et je la ressentirai profondément et longtemps... Milutine que j'ai vu aussi – est toujours dans le même état[5]. Je n'ai pas encore vu mon frère.

Ici toutes les personnes que j'ai rencontrées me parlent de la lettre que N. Rubinstein vous a envoyée[6]. On voudrait tant vous avoir – ici, à Moscou! Le prince Troubetskoï, qui, avec N. Rubinstein, se trouve à la tête du Conservatoire, est déjà venu me voir pour savoir si c'est une chose faisable. Il m'a dit que le Conservatoire ne pouvait à la vérité vous offrir pour les 7 mois d'hiver que 5000 roubles, ce qui dépasse trois fois leurs gages les plus élevés — mais qu'il vous serait extrêmement facile de gagner ici 15 000 roubles en plus — vous auriez des leçons à 25 r. l'heure tant que vous voudriez et puis les concerts etc., etc. J'ai dû me charger de me faire auprès de vous l'interprète de ces messieurs — mais je ne leur ai pas caché le peu de chance qu'ils avaient de réussir. Venir à Moscou!

J'ai trouvé également ici les terribles dernières dépêches de Paris — la victoire des insurgés de Montmartre, le meurtre de Cl. Thomas etc[7]. Oh, malheureuse, malheureuse France! Dans quel abîme est-elle tombée — et comment en sortira-t-elle? "Das werden Mexikanische Zustände werden" me disait

Müller en parlant de la France après la paix[8]. Aurait-il raison? La guerre civile viendrait-elle déchirer la France après la guerre étrangère?.. Ce sont de vrais coups de massue.

De Moscou je vous écrirai *tous* les jours. Ainsi à demain. Mille tendresses à tout le monde. Je baise vos chères mains avec Inbrunst. Auf Leben und Tod

Der Ihrige
J. T.

2899. Н.А. КИШИНСКОМУ
8(20) марта 1871. Москва

Москва[a].
На Пречистенском бульваре,
в Удельной конторе.
Понедельник, 8-го марта 71.

Любезный Никита Алексеевич, я вчера приехал сюда из Петербурга и нашел здесь Ваше письмо, вследствие которого прошу Вас, не медля ни минуты по получении этого письма, забрав все деньги, полученные на мое имя письма, счеты, планы деревень и т.п., отправиться в Москву, где я буду ожидать Вас. Мы, вероятно, потом отправимся с Вами в Спасское — но мне необходимо нужно предварительно поговорить с Вами здесь. Между прочим, отыскивается очень хороший и верный арендатор на Тапки[1], которому нужно знать подробное количество земли, угодьев и т.п. Все подобные данные привезите Вы с собой. Ожидая Вас с нетерпением, остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2900. П.В. АННЕНКОВУ
9(21) марта 1871. Москва

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Вторник, 9-го марта 71.

Любезнейший друг Павел Васильевич, вчера я благополучно прикатил сюда и поселился у старого друга Маслова. Никаких замираний не чувствую. В вагоне со мной

---
[a] *Было*: С.-П.бург

было много народу, который тоже "спасался". Надеюсь, что наши страхи были преувеличены и что холера не станет истреблять город, в котором живете Вы с Вашим семейством и столько хороших людей и друзей. Я в Москве останусь дольше, чем я предполагал, около недели, так как, по совету Маслова, я сперва выписываю сюда моего управляющего для совещания. Дайте об себе весточку. Видел Писемского, Милютина и бедного, весьма бедного Борисова[1]. Погода здесь чудная.

Обнимаю вас всех дружески и Глафиру Александровну еще раз благодарю искренно за ее великодушное гостеприимство.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Не забудьте уведомить, если будет что с Антокольским[2].

2901. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9(21) марта 1871. Москва

N° 21

Moscou.
Boulevard de la Pretchistenka,
comptoir des Apanages.
Mardi, 9/21 mars 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je viens de passer une journée bien peu mouvementée. C'est le contraire de ce qui se passait à St. Pétersbourg. J'ai bien moins d'amis ici et la société ne me convient pas: il y règne une odeur d'huile de sacristie, qui m'écœure. Cela ne me convient pas et je ne leur conviens pas[1]. J'ai passé une partie de la matinée et une partie de l'après-dînée avec mon pauvre Borissoff; nous avons joué aux échecs. Je suis bien sûr que ce sont là les dernières heures que je passe avec lui et qu'il ne sera plus de ce monde la prochaine fois que je reviendrai en Russie... Il n'en sera plus bien longtemps avant![2]

J'ai envoyé un télégramme à mon intendant et je l'attends ici avec de l'argent, des comptes, des papiers — et surtout avec des lettres![3]

La comtesse Lambert s'est réfugiée à Moscou: mais elle a dû partir précipitamment pour St. Pétersbourg: son mari se meurt du choléra[4].

Je me sens assez tranquille et mes nerfs ne m'ennuient pas trop la nuit. Il est évident que je ne me sentirai bien à mon aise et tranquille tout à fait que quand je serai de nouveau près de tout ce que j'aime au monde. Jamais la possibilité d'une longue séparation ne m'a été aussi pénible. Quel soupir je pousserai, quand j'aurai franchi la frontière.

Ce sont surtout les nuits qui sont vilaines. Je m'endors tard et je me reveille régulièrement en "cerceau", comme disait je ne sais plus laquelle de vos femmes de chambre, une ou deux heures après. Alors viennent les pensées angoissantes et les sensations bizarres, et le froid et je ne sais quelle terreur vague... Je pense à vous tous, et puis à tout ce qui se passe, à votre infortuné pays, à toutes les horreurs et les cruautés que font les hommes[5], et puis à l'éternel problème de la mort... Puis viennent les absurdités du demi-sommeil, quelque phrase qui revient incessamment bourdonner dans la tête, etc., etc. Viardot connaît tout cela — jusqu'à ce que je m'endorme enfin.

Tiens, quelle gentille lettre je vous écris là... Mais puisqu'il faut vous dire exactement ma vie — la voilà pour le moment. Voyons, je vais continuer demain. Ce sera, je l'espère, plus gai. En attendant, vous savez que, gai ou triste, malade ou bien portant, je suis absolument et complètement à vous, pour toujours et sans le moindre changement.

Der Ihrige
J. T.

2902. ПОЛИНЕ ВИАРДО

11(23) марта 1871. Москва

N° 22

Moscou.
Boulevard Pretchistenskoï,
comptoir des Apanages.
Jeudi, 11/23 mars 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, mon intendant vient d'arriver de Spasskoïé et m'a apporté deux lettres, l'une de Liverpool[1], l'autre de Londres. La première m'a affligé, c'est une vraie malchance qui vous poursuit, la seconde a mis un peu de baume dans mon sang. Vos "samedis" sont charmants et j'aurais été bien heureux d'y assister — et j'y assisterai bientôt. Il faut vous dire avant toute autre chose que:

1°) J'ai pris la décision de ne pas aller à Spasskoïé — et de tout arranger ici.

2°) De quitter Moscou mercredi prochain, le 10/30[2] mars.

3°) De ne pas retourner à St. Pétersbourg et d'aller tout droit à Königsberg par Smolensk et Vitepsk[3].

En mettant *dix* jours de voyage, et c'est, je crois, beaucoup trop, vous voyez que j'ai toutes les chances d'arriver à Londres entre le *10* et le *15* avril[4]. De cette façon le retard aura été insignifiant, et le "sommet de la montagne" est déjà loin derrière moi, ce qui me remplit de joie.

Le choléra prend des proportions effrayantes à St. Pétersbourg et je ne veux pas du tout, du tout m'exposer à ne pas revenir à Devonshire place!

Voici l'ordre dans lequel Louise et moi, nous avons arrangé les romances de l'Album[5]:

1) "Märchen" (en russe: "Лесная Тишь", "Waldeinsamkeit");

2) "Verfehltes Leben";

3) "Der Gärtner";

4) "Allein" (en r.: "Ожидание" — attente);

5) "Rosenzeit" (en r.: "Былое счастье" — "Bonheur passé"); et 6) "Es ist ein schlechtes Wetter".

Vous me demandez encore s'il y a "une chaumière et son cœur"[6] dans l'affaire de Louise. Hélas! (je dis hélas!), il n'y a rien de pareil. C'est toujours la même chose: solitude amère et méprisante — quelques êtres féminins à l'état d'esclaves — et l'avenir — je dirais presque volontairement incertain. Elle en est toujours à "couper ses câbles" et puis — errer sur la vague. Quant à la société, elle l'a prise en grippe, c'est peu dire — en haine farouche. Dans tout cela il ne faut jamais oublier qu'elle est véritablement malade. Je vous ai dit, je crois, que je lui ai beaucoup parlé de son enfant: cela semblait flatter son orgueil maternel, mais le roc restait roc. C'est un être fatalement marqué — et pour lequel, à travers une répulsion involontaire, on ne peut s'empêcher de sentir une profonde et triste pitié[7].

Je vous ai envoyé une bonne photographie de moi[8]. Quant aux deux portraits, je n'ai pas pensé à en faire faire: elles réussissent rarement bien[9].

Mes lettres vous parviennent fort lentement... et moi, quand et comment verrai-je les vôtres? J'ai naturellement fait donner des ordres à Spasskoïé. Heureusement, tout cela va finir.

Ma *mèche*, puisque vous voulez bien vous informer de ses faits et gestes, recommence à ondoyer.

Mon frère (qui, par parenthèse, se porte très bien et vend des bois pour des prix fabuleux) va porter cette lettre à la poste et je finis en disant: à demain. Il remercie Viardot de son souvenir.

Claudie et Marianne! Demain vous aurez une lettre colossale!![10]

En attendant, j'embrasse tout le monde et je baise avec une religieuse tendresse vos chères mains.

Der Ihrige
J.T.

Hurrah! pour le 10 avril!![11]

2903. ПОЛИНЕ ВИАРДО

13(25) марта 1871. Москва

№ 23

Moscou.
Boulevard Pretchistenskoï.
Comptoir der Apanages.
Samedi, 13/25 mars 1871.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je ne puis m'empêcher de vous dire que ces épouvantables nouvelles qui viennent de Paris m'absorbent complètement et m'inspirent une sorte de désespoir[1]. C'est pour le coup — Rome impériale et prétorienne s'abîmant dans l'anarchie, et le cri d'Horace: "Quo, quo, scelesti, ruitis?"[2] (Où vous précipitez-vous, malheureux?) me sonne sans cesse aux oreilles. Ces derniers événements sont surtout déplorables en ce qu'ils arrachent violemment ces sympathies qu'on avait en Europe pour la France (je ne vois que cela autour de moi en ce moment) et qu'ils font trop beau jeu aux ennemis de la liberté: "Voyez, s'écrient-ils, voyez où mènent ces fameux principes de 89"[3], etc., etc.

C'est l'insurrection de juin 1848 triomphante[4] — et que va devenir la France? Quoi? Le sort de la Pologne, du Mexique serait-il réservé à cette nation, que nous avons tous tant aimée, à laquelle nous devons tant?[5] Je ne cesse de me poser ces questions et je me sens hébété et stupide, en regardant dans l'avenir. Des préoccupations personnelles viennent s'ajouter (je ne parle naturellement pas de moi). Que deviendra votre

fortune? La maison de la rue de Douai — vos actions, et cette malheureuse ferme!.. Tous les rapports de commerce qui avaient repris avec la France ont brusquement cessé de nouveau. Les banquiers haussent les épaules... C'est un vaisseau qui sombre, m'a dit hier Mr Achenbach.

J'ai pris pour 17,500 francs d'actions de chemin de fer russes pour compléter la dot de Didie — je veux dire pour avancer le chiffre. Elle a maintenant près de 80,000 fr. Viardot m'avait écrit pour me demander si je ne croyais pas qu'il fallait employer une partie de l'argent de cette dot pour souscrite au nouvel emprunt français; ce serait, m'a-t-il dit, un sacrifice patriotique; je crois que ce serait un sacrifice tout court[6] et je lui ai écrit dans ce sens[7]. Si Claudie, une fois grande et maîtresse de ses actions, veut employer cet argent de cette façon, ce sera son affaire[8].

C'est aujourd'hui samedi, et j'ai déjà calculé que dans quinze jours il est plus que probable que je pourrai assister à vorte soirée musicale, la veille de Easter Sunday.

Aussi, voici ce qu'il faut faire: dès que vous aurez écrit[a] cette lettre, écrivez-moi dare-dare ou plutôt envoyez-moi un télégramme à Berlin, à l'hôtel de St. Pétersbourg, Unter den Linden, s'il faut que j'aille directement et immédiatement à Londres — ce que je voudrais faire, moi, ou bien, si pour quelques affaires, arrangements, etc., vous trouvez nécessaire que je fasse le crochet de Bade, ce qui me retarderait de deux à trois jours. Viardot me dit qu'il ne viendra à Bade que pour quelques jours en automne, à la seule fin de ramasser ses tableaux, etc. et puis de s'en aller; — mais peut-être faudrait-il prendre des mesures dès le printemps pour que les maisons puissent se vendre ou se louer. Parlez-en avec lui et s'il croit que ma présence au *printemps* — à Bade — est nécessaire — *je le répète,* je ferai ce crochet à contre-cœur... mais je le ferai[9]. Seulement il faut que je sache cela dès mon arrivée à Berlin.

Vous trouverez sous ce pli une lettre pour Claudie et Marianne[10]. Je leur donne quelque détails qui vous intéresseront peut-être. En même temps que vous enverrez un télégramme à Berlin, envoyez une lettre avec les instructions nécessaires à Bade, si vous les jugez nécessaires et si vous croyez que je doive aller à Bade.

---

[a] *Вместо*: dès que vous aurez reçu cette lettre (по получении этого письма — *франц.*)

Nous nous verrons peut-être 4 à 5 jours après la réception de cette lettre — mon cœur bondit de joie. Mille amitiés à tout le monde. Je vous baise 1000 fois les mains.

Auf ewig
Der Ihrige
J.T.

2904. С.К. КАВЕЛИНОЙ

13(25) марта 1871. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в доме Удельной конторы.
Суббота, 13 марта 1871 г.

Ну-с, вселюбезнейшая моя Софья Константиновна, вот я и в Москве — и в деревню не поеду — управляющего выписал и с ним здесь всё порешил — и выезжаю отсюда в будущий четверг или в пятницу — но не в Петербург, а прямо "dahin, wo keine Citronen blühen"[1] — через Смоленск, Вильно и т.д. Мне очень жаль, что я не увижу ни Вас, ни других моих петербургских друзей — но — говоря без обиняков — очень уж я боюсь холеры — и потом "ce qui est différé n'est pas remis". Теперь я беспокоюсь — и, полагаю и надеюсь, совершенно напрасно — о Вас — а тогда бы к этому неприятному чувству примешивалось бы позорное личное трепетание... Нет, уж лучше в другой раз!

Москва всё та же — и, представьте, в салонах люди всё те же — ни одного молоденького не прибавилось. Попахивает лампадным маслом и славянской ворванью — я до этих запахов не охотник и потому чувствую — в Москве никогда себе гнезда не совью. Эх, кабы Петербургу да ее климат! Упекли меня в понедельник читать[2] — только не для славян: на это, я объявил, у меня язык не повернется — а с благотворительно-просветительною целью. Ну, это можно; читал же я для гарибальдийцев[3].

Я всего в Москве 4 дня; а уже два раза от 8 часов вечера до 3 утра устраивал до пересыхания языка и будущность России и славянщину — т.е. не я устраивал — я только не понимал, как другие ее устраивают. Болтали, болтали до гуденья колокольного в ушах и в мозгу... Стало быть, всё в порядке[4].

А засим будьте здоровы, растите и процветайте. Папе и маме за меня усердно поклонитесь и черкните слово

Вашему приятелю
Ив. Тургеневу.

2905. ПОЛИНЕ ВИАРДО

15(27) марта 1871. Москва

№ 24

Moscou.
Boulevard Pretchistenskoï.
Comptoir des Apanages.
Lundi soir, $\frac{15}{27}$ Mars 1871.

Deux lectures publiques — deux jours de suite, chère et bien-aimée Madame Viardot! — Hier c'était improvisé: deux dames patronesses sont venues me prier de lire à la place d'un auteur subitement tombé malade, public peu nombreux; aujourd'hui — lecture dans la grande salle de la Noblesse[1] — un monde énorme — une réception enthousiaste!!! — mais je crois qu'ils n'ont rien entendu — car cette salle est terrible pour la voix — c'est beaucoup trop grand. La voix parlée devient une sorte de bourdonnement confus. Enfin le but a été atteint — beaucoup d'argent est entré dans la caisse — c'est le principal. Je ne me suis pas gêné: — j'ai lu les trois fois (une fois à Pétersbourg — et 2 fois ici) — la même chose — c'était toujours un nouveau public et j'étais sûr de ma machine[2]. Et voilà! Savez-vous que je crains d'être — n'allez pas vous moquer de moi — d'être complétement *blasé* sur le compte des applaudissements! Pendant que cela se passe, je me trouve bien nigaud et comme honteux d'être si peu touché de toutes ces manifestations... Ou plutôt je ne suis pas blasé — mais comme je sais que dans quelques jours je vais partir pour retourner dans mon home — tout le reste me touche peu. J'aurai demain mon passeport — et avant quinze jours — que dis-je l'*autre* samedi — je me confondrai dans la foule qui se pressera dans votre salon...[3] "Rien, rien, silence", comme dit le fou de Gogol[4].

Je vois beaucoup de monde ici et j'arrange pas mal d'affaires. J'espère pouvoir rapporter tout le restant de la dot de Claudie[5]. Mon frère pouvait me donner un bon coup d'épaule... Mais il y a une femme, sa femme! Enfin nous verrons.

Mon pauvre Borissoff va bien mal; il est plus jaune et plus maigre que jamais[6]. Mon intendant est reparti ce soir pour Spasskoïé; il s'est amendé — et je vais le laisser encore cette année.

Vous ai-je dit que Louise n'a absolument eu rien à faire avec la *complétion* de l'opéra de Séroff?[7] Elle s'était imaginée cela — mais la besogne a été confiée à un autre. Que va-t-elle faire? Après tout, je n'ai pas déjà une si haute opinion de cet opéra.

Mon intendant doit m'envoyer toutes les lettres qu'il trouvera à Spasskoïé.

Le choléra est terrible à Pétersbourg — et foudroyant. J'ai bien fait de filer.

Je serai bien mieux dans quelques jours, quand je m'en irai d'ici — quel bonheur quand je télégraphierai de Berlin!

En attendant portez-vous bien — j'embrasse tout le monde et je vous baise les mains avec la plus vive tendresse.

Der Ihrige
J.T.

2906. Е.Н. ВАСИЛЬЕВОЙ

17(29) марта 1871. Москва

Я, нижеподписавшийся, отдаю Екатерине Николаевне Васильевой в полное распоряжение мою пиэсу "Месяц в деревне" (напечатанную в 7-м томе моих сочинений) для постановки на сцену — и при этом изъявляю мое согласие на все те сокращения, которые окажутся необходимыми[1].

Иван Тургенев.

Москва.
17-го марта 1871.

2907. Е.А. ЛАВРОВСКОЙ

17(29) марта 1871. Москва

17 марта 71.

Это очень любезно с Вашей стороны, что Вы вспомнили обо мне — и я очень благодарен Вам за это[1]. Я и без того за особенное удовольствие почел бы еще раз перед отъездом полюбоваться Вашим высокосимпатическим талантом — но теперь к моему удовольствию прибавится еще другое чувство.

В надежде свидеться с Вами перед Вашим возвращением прошу Вас принять уверение в искреннем моем уважении.

Ив. Тургенев.

Дом Удельной конторы
(на Пречистенском бульваре).

На конверте:
Милостивой государыне
Е. Лавровской
от Тургенева.

2908. П.В. АННЕНКОВУ

19(31) марта 1871. Москва

Москва.
Удельная контора,
на Пречистенском бульваре.
Пятница, 19 марта 1871.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Маслов прибыл вчера благополучно и сообщил мне петербургские вести — и Ваше письмо я получил[1], на которое я буду отвечать завтра, причем выскажу все свои *кровные* просьбы, а сегодня хочу Вам сказать только то, что выезжаю отсюда в воскресение, но, вследствие всех ужасов, рассказанных мне о беспорядках на Смоленско-Витебско-Динабургской дороге, решаюсь отправиться за границу через Петербург, но с тем, чтобы там не останавливаться, а, приехавши в 9 часов утра в понедельник на московский дебаркадер, немедленно переехать на варшавский — откуда, как известно, поезда отправляются в 11 часов. А потому, будьте так милостивы, скажите Вашему человеку, чтобы он ждал меня с каретой — Вас самих я не дерзаю беспокоить — для того чтобы я напрасно не терял времени. За сие да воздаст Вам аллах сторицей!

Вы уже, вероятно, теперь знаете, что шапку Вашу подменил не я; шапка, в которой я приехал, несомненно моя. Ваша мне бы на голову не взлезла.

"Беседа" должна была провалиться[2]; Решетникова, что ни говори, очень жалко, и надо бы что-нибудь[a] сделать для его семейства[3].

Мое чтение (все тот же "Бурмистр") имело здесь большой успех[4].

Заграничные вести ужасны[5]; да и последнее письмо, полученное мною от г-жи Виардо, не хорошо... Она нездорова.

Портрет, писанный Перовым, находят удачным[6].

До завтра; дружески Вас всех обнимаю.

Ваш Ив. Тургенев.

(P.S. Спасибо за карточки[7] и за туфли).

---

[a] *Далее зачеркнуто*: для него

2909. П.В. АННЕНКОВУ

19(31) марта 1871. Москва

Москва.
Пречистенский бульвар,
д⟨ом⟩ Удельной конторы.
Пятница, 19-го марта 1871.

Любезнейший друг Павел Васильевич, вчера я Вам послал письмо, в котором извещал Вас о моем намерении ехать за границу через Петербург — а нынче меня опять сбивают и уговаривают ехать на Смоленск и т.д. Не знаю, на что я решусь[1] — но во всяком случае намерен письменно изложить Вам все мои просьбы и распоряжения в твердой надежде на Вашу дружбу, в сравнении с которой даже гранит является чем-то мягким. А именно:

1.) Я отдал музыкальному торговцу А. Иогансену (против Гостиного Двора) 6 романсов г-жи Виардо — с тем чтобы он напечатал их на мой счет. Романсы г-жи Виардо не имеют более ходу в нашей публике (в чем виновата, по моему твердому убеждению, эта публика) — и потому г-н Иогансен их более не покупает; но я говорю г-же Виардо, что он продолжает это делать — и Вы не выдавайте никому моей ruse innocente; а потому отъявитесь к Иогансену — и скажите ему, что я Вам поручил платить все издержки по напечатанию этих романсов — из коих Вы, по отпечатании, возьмите 6 и препроводите их в Англию — ко мне[2]. Деньги же на эти издержки Вы получите немедленно, ибо Кишинскому приказано выслать Вам еще 150 рублей — с прежними у Вас составится сумма более нежели достаточная на все мои расходы. Попросите Иогансена, чтобы он, по обещанию, *непременно дал продержать корректуру этих романсов г-же Геритт*, которой я напишу и с которой, если Вы желаете познакомиться, то Вам стоит только проехать на квартиру Серовой, в 15-й[a] линии В⟨асильевского⟩ о⟨строва⟩, на углу Большого проспекта, в доме кн. Вяземского — и она Вас примет à bras ouverts; а Иогансену скажите, что⟨бы⟩ по отпечатании он щедрой рукою давал бы эти романсы всем певцам, любителям (г-же Абазе, Лавровской и т.д.). Это копейки ему не будет стоить. За всё сие — бух в ножки!

---

[a] *Далее зачеркнуто*: проспекте

2.) Об отъезде братьев Либанов я не горюю, ибо они бы мне стоили порядочно денег. Впрочем, в случае нужды помогайте.

3.) Оставшиеся книги, журналы, etc. храните впредь до распоряжения; серую курточку подарите какому-нибудь больному — также и меховые сапоги.

4.) Лист, оставленный мною Вам для подписки в пользу г-жи Семененко, Вы доставьте г-же Геритт (если хотите лично — вот Вам и случай познакомиться) — вероятно, к моим 10 рублям ничего не прибавилось — да ведь и то годится.

5.) Коли увидите З.Н. Мухортова, скажите ему, что *Тапки* уже отданы в аренду — но что я ему весьма благодарен за[6] сообщение контракта.

6.) Стасюлевичу скажите, что я ему повесть пришлю через Вас, окончив ее уже в Англии[3].

7.) Кавелиной скажите, что я ей напишу из Берлина или Лондона[4].

8.) *О шапке* я Вам уже писал, что ее увез не я.

Вот, кажется, всё... Тотчас по приезде в Лондон напишу Вам. Кланяюсь всем добрым друзьям, начиная с Глафиры Александровны — и обнимаю Вас.

Любящий вас
Ив. Тургенев.

2910. Н.А. КИШИНСКОМУ

19(31) марта 1871. Москва

Москва.
Пречистенский бульвар.
Дом Удельной конторы.
Пятница, 19-го марта 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Я очень рад, что Вы добрались благополучно до Спасского; я выезжаю отсюда в воскресение.

Я забыл Вас попросить, чтобы Вы немедленно выслали Павлу Васильевичу Анненкову 150 р. сер. (на Италиянской, в д. Овсянникова, в Петербурге).

Мы решили с И.И. Масловым, что Кадное[1] в продаже должно быть от 70 до 75 тысяч рублей, аренда — от 4500 до 5000 приблизительно. Я дал Ивану Ильичу доверенность на продажу — и Вы по этому поводу должны с ним списывать-

---

[6] *Далее зачеркнуто*: дост⟨авление⟩

ся и в случае нужды можете сами сюда приехать. Заявили желание купить и арендовать: помещик Зуров (Н.П.) в Туле, купец Горшков в Ельце и еще купец Баранов — Федор Степанович — в Ефремове. Сей последний хотя и предлагает мне 4500 аренды в год — но наружностью своею мало внушает доверия — так что я ему откажу. Продажа может быть заключена И.И. Масловым без Вашего содействия — но аренда иначе не состоится как в Спасском при Вашем содействии и сообразно с заключенными уже контрактами. Поэтому я всех охотников к Вам отсылаю.

Известите меня (по английскому моему адрессу), сколько у Вас наберется денег — и какие ответы Вам дали г-жа Хрущева и пр. По вопросу *продажи* сноситесь немедленно и И.И. Масловым, если к Вам поступят предложения.

Планы на Кадное останутся пока у И.И. Маслова.

Письма заграничные, какие придут на мое имя, пересылайте ко мне в Лондон.

Засим будьте здоровы. Желаю и себе и Вам исполнения всех наших благих намерений и предначертаний.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

Мой английский адресс:
Mr J. Tourguéneff.
London.
To the care of M-me Viardot.
30, Devonshire place, Portland place.
В Англию. В Лондон.
Г-ну И. Тургеневу.

2911. Н.А. КИШИНСКОМУ

20 марта (1 апреля) 1871. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в доме Удельной конторы.
Суббота, 20-го марта 1871.

Любезный Никита Алексеевич, по предъявлении сего письма прошу Вас выдать поверенному и управляющему моего брата, Александру Федоровичу Карцеву, триста семьдесят пять (375) рублей серебром[1], которые Вы поставите на мой счет. Остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2912. М.А. МИЛЮТИНОЙ

9(21) марта – 20 марта (1 апреля) 1871. Москва

Как это Вы не вздумали раньше мне дать Вашу пиэсу[1], милая Мария Агеевна? А то с портретом, который еще не кончен[2], да со всяческими делами — ужасно коротко время. Однако я непременно прочту, хотя сегодня на ночь — и завтра скажу Вам мое мнение. Что оно будет искренно — в этом не сомневайтесь. Я Вас увижу сегодня вечером.

До свиданья. Жму Вам руку.

Ваш Ив. Тург⟨енев.⟩.

2913. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

20 марта (1 апреля) 1871. Москва (?)

Любезный брат,

Если тебе возможно — то приезжай ко мне часу в 11-м; я тебя попрошу сделать для меня одну вещь, которую я сам сегодня сделать не успею. А сегодня последний день — так как завтра воскресение и я уезжаю.

До свидания — обнимаю тебя.

Твой Ив. Тургенев.

Суббота утром.

2914. Н.А. КИШИНСКОМУ

21 марта (2 апреля) 1871. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Воскресение, 21-го марта 71.

Любезный Никита Алексеевич,

Я сейчас уезжаю за границу — и хочу Вам только повторить, что я уже сказал Вам: покупателей отсылайте к Ивану Ильичу Маслову, объявляя[a] им цену 75 000 р., уж от него зависеть будет ее сбавить. Отдавайте в аренду *не менее* 5 рублей за десятину — и *непременно* с правом продажи с нашей стороны — причем будет определена неустойка. Но вообще на первых порах попридержитесь, потому что, кажется, покупатели наклевываются. Во всем списывайтесь с И.И. Масловым.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: ему

Посылаю Вам на всякий случай письмо г-на З.Н. Мухортова к Николаю Федоровичу Кутлеру; оно может быть нам полезно[1].

Я дал брату письмо, по которому Вы по предъявлении должны будете ему заплатить 375 р. сер.[2].

Засим будьте здоровы.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2915. И.И. МАСЛОВУ

22 марта (3 апреля) 1871. Петербург

С.-Петербург.
Понедельник, 22-го марта 1871.

Любезный Иван Ильич,

Пишу тебе со станции Варшавской дороги за полчаса до отъезда. Анненков прислал мне письмо моей дочери, которое всё состоит из одного *вопля*; если она вскорости не будет иметь 40 000 фр. — то она с мужем погибла[1]. И потому я прошу тебя *не дорожиться* с имением[2] и в случае нужды уступить две, три тысячи рублей — лишь бы поскорее получить деньги. Пожалуйста, в случае успеха дай мне знать немедленно в Лондон по моему адрессу — даже телеграфируй. Целую тебя и благодарю за всё прошедшее, настоящее и будущее.

Твой Ив. Тургенев.

2916. ПОЛИНЕ БРЮЭР

24 марта (5 апреля) 1871. Берлин

Berlin.
Hôtel St-Pétersbourg.
Mercredi, 5 avril 1871.

Chère Paulinette,

Je viens d'arriver ici — ta lettre[1] m'a été remise il y a deux jours, à mon passage par St-Pétersbourg. Les désastres que tu m'annonces sont bien graves; Dieu merci, ils sont pourtant moindres qu'on me l'avait dit — et puis — ce qui est le plus important — vous êtes tous les deux en bonne santé. Maintenant venons vite à la question d'argent. Mais avant je te supplie de te pénétrer bien d'une chose: c'est que je ne dis jamais que la vérité et que je suis persuadé, jusqu'à preuve du

contraire, qu'on me dit la vérité. Aussi c'est pour le moins inutile de ta part de supposer que j'ai cru que "c'était pour rire" — ta demande; je sais bien que vous avez besoin d'argent — mais écoute ceci: *il m'est impossible* de prendre 10 à 15 mille francs sur mon revenu annuel, il faut donc ou vendre ou emprunter. J'ai essayé de vendre une partie de mon bien l'année passée[2] — et cette année-ci; l'année passée je n'ai pas réussi *du tout*; cette année-ci — je n'ai pas *encore* réussi — de façon que j'ai été obligé de donner à mon ami Mr Massloff un plein pouvoir pour achever la vente. *J'ai tout lieu de croire* qu'elle sera conclue — et alors ce n'est pas 10 000 f-s — c'est toute la somme que je pourrai te payer. Mais la chose n'est pas encore faite. J'ai voulu emprunter de l'argent à mon frère qui est riche à millions — il m'a refusé. Tout ce que je puis faire dans cet état de choses c'est: 1°) de t'envoyer de Londres — dès samedi ou dimanche — un acompte de 5000 f-s; 2°) de t'exhorter à la patience. Venir moi-même avant que l'état de choses impossible qui existe à Paris ait pris fin — serait absurde; du reste il est probable que cela ne durera pas longtemps. Dès que je le pourrai, je viendrai. En attendant écris-moi — 30, Devonshire place, Portland place, Londres. Et surtout aie de la patience. Ces 5000 f-s te donneront un petit coup d'épaule — puis peut-être la grande vente se fera; alors nous serons hors de la bourrasque.

Je vous embrasse tous les deux tendrement et au revoir!

Ton père qui t'aime
J. Tourguéneff.

P.S. Je m'adresserai au même banquier à Londres; pourtant si tu sais un meilleur moyen, écris-moi vite.

2917. Н.А. КИШИНСКОМУ

27 марта (8 апреля) 1871. Лондон

Лондон.
30, Devonshire place. Portland place.
Суббота, $\frac{\text{8-го апр.}}{\text{27-го марта}}$ 1871.

Любезный Никита Алексеевич, вчера вечером я благополучно сюда прибыл — о чем спешу Вас уведомить. Надеюсь, что Вы аккуратно получили письма, которые я Вам послал из Москвы с надлежащими инструкциями; также еще раз прошу Вас все заграничные письма, которые придут в Спасское, послать ко мне сюда.

Пошлите также ко мне сюда через Ахенбаха и К° все свободные деньги, которые найдутся у Вас в кассе при получении этого письма. Кланяюсь Вам.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2918. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1(13) апреля 1871. Лондон

London.
Beaumont Street, № 16.
Jeudi, 13 avril 1871, 9 h. du matin.

Chère et bien-aimée Madame Viardot, je me trouvais encore dans mon lit, où j'avais dormi sans désemparer comme un loir, depuis 11 h. 1/2, quand on m'a apporté votre lettre de Warsash[1], qui m'a fait un immense plaisir, comme vous pouvez bien vous l'imaginer. Je suis sûr que ce séjour dans un beau pays, dans les meilleures conditions de confort et de bien-être vous fera un très grand bien (le temps aussi semble vous favoriser) et je suis assez peu égoïste pour désirer que votre séjour puisse se prolonger quelques jours de plus. Quant à moi, me voilà de nouveau redevenu, non pas alouette tout à fait, mais, disons, une demi-alouette. Je compte bien sortir aujourd'hui et je dînerai à Devonshire place[2]. Les 3 bons anabaptistes[3] ne m'ont pas négligé: mais il n'y a pas eu de conflit politique ou religieux. Manuel a déclaré que, le cas échéant, il aurait volontiers condamné à mort *douze cents* (pourquoi précisément ce chiffre?) inquisiteurs, ce qui vous montre combien il a été modéré! Nous avons fait un petit essai de whist, et j'ai même joué aux échecs avec Manuel, que j'ai battu comme plâtre, à ma grande stupéfaction, après les tristes expériences de Moscou. Puis j'ai beaucoup pensé à vous, je me suis amusé à vous suivre par la pensée dans vos promenades — dans tous les détails de cette belle vie de château, que je connais pour avoir passé huit jours chez les Nightingale, où l'on était certainement moins agréablement que chez Mme Sartoris. Je regrette de ne pas lui avoir été présenté pendant la soirée de la lecture de "Krakamiche"[4]. J'ai lu des journaux russes, j'ai lu aussi les "Lettres d'un voyageur pendant la guerre" de Mme Sand dans la "Revue des 2 Mondes"[5], qui sont d'une tristesse navrante, avec de ces accents admirables dont elle a seule le secret, et par-ci par-là quelques paysages dessinés par elle comme involontairement à travers ses préoc-

cupations, et d'autant plus beaux. Ces écrits-là, je les aime mieux que ces romans, comme je préfère à tout ce qu'elle a écrit ses anciennes "Lettres d'un voyageur" de Venise[6]. C'est aussi poétique que possible et c'est *vrai*, ce qui manque souvent, au fond presque toujours, à ses romans.

Je n'ai pas encore reçu de nouvelle de la grande vente[7]: je vais passer ma matinée à écrire des lettres pour la Russie. Didie! Marianne! Je vous écrirai demain. Aujourd'hui je vous embrasse! Amusez-vous! Amusez-vous! mangez et dormez bien, je ne vous dis que cela!!

Quant à vous, theuerste Freundinn, je vous baise les deux mains avec la plus grande tendresse et suis à jamais

Der Ihrige
J.T.

P.S. J'ai envoyé hier ma lettre à la poste avant 11 h., — mais probablement il faut un temps très long pour arriver à Warsash, ce qui a fait qu'à 5 heures vous ne l'avez pas eue.

2919. П.В. АННЕНКОВУ

1(13) апреля 1871. Лондон

Лондон.
30, Devonshire place. Portland place.
Четверг, 1/13-го апр. 1871.

Любезнейший друг Павел Васильевич — я в прошлую пятницу благополучно прибыл в Лондон — но в вокресение уже слег в постелю — я и простудился, и старая моя пузырная болезнь зашевелилась — так что я только сегодня опять в состоянии ходить по комнате и писать. Завтра я уже могу выходить. Сегодня хочу Вам сказать только несколько слов.

Во-1-х.) Я во время моего проезда через Петербург в *том* понедельник отдал Вашему слуге большой пакет для немедленного отправления в Москву на имя Марьи Агеевны Милютиной; а сегодня я получил от нее письмо, писанное в прошлую пятницу — и она еще не получила этого пакета, который для нее имеет важность[1]; то сделайте одолжение — соберите нужные сведения. На пакет я наклеил 5 десятикопеечных марок; но, вероятно, он стоил больше.

2.) Доставьте г-же Геритт хотя 10-тирублевую мою подписку для этой г-жи с малороссийской фамилией, которая, как кажется, умирает с голоду[2].

3.) Осведомьтесь, голубчик, у Иогансона, начал ли он печатание?[3] Сие более всего меня трогает. Все издержки до чрезвычайности на мой счет1

4.) Еще одно: как-то однажды Ваш соименник генерал Анненков перечислил мне всех генералов, командующих гвардейскими полками, бригадами, дивизиями; оказывается, что они все немцы. Мне нужны их имена: потрудитесь[a] спросить их у Анненкова — или, еще проще, выписать их из календаря военного. Мне это нужно.

Вы, кажется, не дали мне адресса своей дачи. Не забудьте.

Кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2920. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1(13) апреля 1871. Лондон

Londres.
Beaumont street, 16. Portland place.
Jeudi, 13 avril 1871.

Chère Paulinette,

Si tu as reçu, comme je l'espère, ma lettre écrite de Berlin il y a de cela une semaine, tu dois savoir tout ce que je t'ai répondu et la promesse que je t'ai faite de t'envoyer *5000* f-s dès que je serai arrivé à Londres[1]. Je suis arrivé en effet samedi soir — mais je suis tombé malade dès dimanche — lundi j'étais dans mon lit et je n'en sors qu'aujourd'hui, pas mal faible, quoique guéri. J'espère pouvoir aller demain chez le banquier — mais je suis un peu inquiet de n'avoir pas une lettre de toi ici; d'après mon calcul, elle devrait déjà être arrivée[2]. Les choses qui se passent à Paris ont donné le coup de grâce aux affaires — c'est pire que pendant la guerre — et je crains fort que les relations commerciales et financières soient à peu près impossibles — je te demandais dans ma lettre de m'indiquer le meilleur moyen de t'envoyer cet argent[3] — puisque tu es sur les lieux — il ne s'agit plus de Nantes, ni de Tours. Je consulterai mon banquier, mais écris de ton côté — que je sache au moins où vous êtes — télégraphie s'il le faut. Ma maladie a été un froid avec complication d'une rechute de mon ancienne névralgie. Cela m'a assez fortement secoué.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: выпи⟨сать⟩

Ainsi, encore une fois — des *indications précises sur le mode d'envoi.* Gaston saura bien ce qu'il faudra faire.

Je vous embrasse tous les deux et j'attends avec impatience de vos nouvelles.

J. Tourguéneff.

P.S. Nommez une *ville* de France — *Bordeaux* p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩ — où vous connaîtriez un banquier.

2921. И.П. БОРИСОВУ

2(14) апреля 1871. Лондон

Ивану Петровичу Борисову.

Лондон.
30, Devonshire place. Portland place.
Пятница, $\frac{14\text{-го}}{2}$ апр. 1871.

Ровно неделю тому назад, дорогой Иван Петрович, прибыл я сюда — и на другой же день занемог, слег в постель — да вот только сегодня в первый раз вышел из комнаты. Я схватил где-то простуду — присоединились старые подагрические припадки — пузырь туда же расклеился — ну вот я и свихнулся — а то бы давно Вам весточку о себе дал! Я выставил Вам адресс г-жи Виардо (ее я, слава богу, так же как и всю семью, нашел здоровою), потому что квартера, которую мне отыскали, уже слишком мала — и я, вероятно, вскорости ее переменю. Но Вы-то, Вы-то, как, мой милейший, на новой своей квартере?[1] Черкните мне слова два — и, конечно, о Пете распространитесь. Как бы мне хотелось быть в состоянии сказать что-нибудь определенное насчет моего будущего пребывания и вообще насчет моих планов! Мне[a] особенно потому было бы это приятно, что если бы я, напр., решился провести всю осень, начиная с августа, в Бадене, то я бы не дал Вам покоя, пока бы Вы не приехали погостить у меня! Кстати, мой садовник пишет мне, что дом мой и сад в порядке удивительном! Вот где Вы бы мигом поправились! Но при теперешних с каждым днем более запутывающихся делах в Париже[2] семейство Виардо менее, чем когда-либо, знает, что с ним станется — а следовательно — и я ничего не знаю. А потому приходится предоставить лодочку своей жизни течению слу-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: бы

чайностей — и смотреть, скрестя руки, куда, мол, тебя несет?

А последнее пребывание в России и в Москве мне пришлось по вкусу. Всё, что ни говори, почва, родная земля, родной воздух. И не будь этой проклятой холеры... Теперь даже смешно вспомнить, как я трусил, а приди она опять — опять подожму хвост!

Напишите мне словечка два — уж как я буду рад! Здесь я еще оглядеться не успел. Сам я слег — а Виардо на несколько дней уехали погостить к друзьям на берег моря. Таким образом я очутился вдруг почти один в этом страшеннейшем городище! Но мне было недурно; я отдохнул. Только 2 ночи были скверные. Ну да это всё ничего!

Обнимаю Вас крепко и Петю целую. Варенье оказалось первый сорт! — и дамы Вас очень заочно благодарили.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Пишу для большей верности через Маслова[3].

2922. С.К. КАВЕЛИНОЙ

2(14) áпреля 1871. Лондон

Лондон.
30, Devonshire place. Portland place.
Пятница, 14(2) апр. 1871.

Любезная Софья Константиновна! Не всё Вам меня бранить: побраню и я Вас. Как? Вы — человек аккуратный, да еще профессор — а пишете письмо и не выставляете ни числа, ни адреса. Что я буду теперь делать? Взявшись обеими руками за голову и напрягши все мышцы своей памяти — я наконец вскрикиваю: "На одной линии с Ге, а Ге — седьмая линия!" Хорошо. Ну а нумер? Нумер... Нумер 36! Нет, это один г-н Питч в Берлине живет в 36 нумере! 48? Нет... если бы нумер около 48-го, я бы его тотчас вспомнил, ибо он в уме моем тотчас сочетался бы с французской революцией, некоторым *не*коммунистическим принципам которой Вы сочувствуете... Не 48-й! Какой же? Память как бы трепетно подсказывает: 60-й. Кажется, точно, 60-й. Но если нет, за что же это письмо пропадет и Вы будете думать, что я неучтивый кавалер и не умею ценить дамскую любезность? За что я всю эту пытку принял и пропасть времени потерял, которое я, правда, ни на что другое употребить бы не сумел?

Но справедливость прежде всего. А потому торжественно умываю руки наперед — а вы вперед, как аккуратная преподавательница и корреспондентка, выставляйте всегда год, число, месяц, день недели, пожалуй, даже час дня, город, улицу и дом. И тогда всё будет в порядке, и Вы будете правы еще большею правотою, чем какою воображает Коммуна себя обладающей[1]. (Сия последняя фраза имеет вид якобы переведенной из латинского писателя Тацита; однако ни малейше.)

Однако я замечаю, что половина бумаги ушла на эти объяснения, и потому потщусь быть кратким, лаконическим, вспомнив оного же Тацита и Мих. Погодина[2].

Пробыл в Москве десять дней. Приятно, однако, не совсем, ибо пучит, будучи частью сдобно, частью пресно. Холерный страх, миновав, оставил угрызения в совести; однако, возобновившись, не дал остановиться в Петербурге, который город, пролетев с одной чугунки на другую, пожалел, но не поколебался. Едучи в Берлин, размышлял о Москве: добродетели много — а женщины слишком некрасивы; и к чему сии колокола в Прагу? Представились в виде обширных груш — и княгиня Черкасская срывает их с древа познания добра и зла. Труда много, благодарности же — ниоткуда[3]. В Берлине — отдохновение. Немцы выросли даже до безобразия: шишаками небо подпирают, на земле же желают Богемию, прочих оделяя презрением; нас, по дружбе и по родству, больше всех. Отдохнув, продолжал путь. Черных крестов с белыми каемками видимо-невидимо; ширина щек у ландверов в изумление повергает; уторопленный смех французских пленных подобный же смех битого лакея напоминает — ему же барин, побив, улыбнулся: горечь и жалость — и грязи на одежде много. Переплыв морские бездны, в Лондоне жительство восприял и, к радости великой, всех друзей здоровыми застал; однако сам немедленно заболел и в постель слег — и две ночи не спал нисколько — а больше охал, что весьма неприятно. Сего дня же от одра встал и здравым себя почувствовал и, взяв перо в руки, написал настоящее письмо. Больше ничего не совершил — и к совершению чего-либо надобности не предвидится: таращатся глаза на Францию и на Париж — и полно! О том же, что будет потом со мною грешным, где буду жить, как, чем, почему, поколику — cur, quomodo, quando — не знаю, да и знать не хочу.

О чем всем подробно доложи⟨в⟩[a], бью челом нижайше.

Когда вздумается, напишите. Дайте всякие весточки о себе, о Ваших родителях, которым кланяюсь дружески, Вам же крепко жму обе руки и желаю всего хорошего.

Ваш Ив. Тургенев.

2923. Н.И. ТУРГЕНЕВУ

2(14) апреля 1871. Лондон

Лондон.
Пятница, 14 апр. 1871.

Почтенный и дорогой Николай Иванович, не получив от Вас ответа на мое письмо из С.-Петербурга, в котором я передавал Вам мой разговор с кн. Оболенским[1], я должен был думать, что оно до Вас не дошло — и только по слухам мог заключить, что Вы оставили Hyde-park hôtel и перебрались обратно в Париж[2]. — Прибыв сюда шесть дней тому назад[3], я получил от Рольстона подтверждение этих слухов, которые при настоящем положении дел в Париже, не могли не возбудить во мне беспокойства; — я бы тотчас к Вам написал — но на другой же день моего приезда в Лондон я слег в постель — и только сегодня в первый раз вышел из комнаты.

Я имею Вам сообщить многое, что может Вас интересовать[4] — но не желал бы писать — à l'aventure и потому покорно прошу Вас, если это письмо дойдет до Вас, хотя двумя строками — уведомить меня — точно ли Вы находитесь в Париже — или же опять принуждены были бежать от нового бомбардирования![5] — Теперь уж это не прусаки — а французы... эти не шутят...

Не вдаюсь в рассуждения по поводу всех этих невероятных событий — а с нетерпением жду известия о Вас и о Вашей семье[6], которой прошу передать мой задушевный привет, — Вам же я жму руку со всею искренностью старинной дружбы и глубокого уважения.

Ваш
Ив. Тургенев.

---

[a] *В тексте публикации*: доложил

2924. И.И. МАСЛОВУ

2(14) апреля 1871. Лондон

Лондон.
30, Devonshire place. Portland place.
Пятница, $\frac{14}{2}$ апр. 1871.

Дорогой мой Иван Ильич, из прилагаемого письма Борисову[1], которое я прошу тебя ему доставить на Тверскую, в гостиницу "Дрезден" (он мне сказывал, что намерен там поселиться), ты узнаешь мои похожденья со времени нашей разлуки. Я пишу к нему — а втайне весьма о нем беспокоюсь; пожалуйста, не поленись написать мне о нем, если он сам — чего доброго! — не в состоянии будет ответить. Из твоего *досихпорного* (вот новое слово!) молчания я должен заключить, что никакая еще рыба на Кадное не наклевывается; что делать! — а уж как нужно-то! Мне совестно тебя беспокоить этими дрязгами — но не полагаешь ли ты, что было бы полезно припечатать объявление в "Ведомостях" о продаже с указанием в этот раз прямо на тебя?[2] Издержки, конечно, все, как эти, так и всякие по этому делу — на мой счет. Но мне тебя учить нечего — и ты это всё знаешь лучше меня.

Здесь весна, всё зелено — травы и деревья; только в воздухе всё еще холодновато. А у вас — неужели всё еще снег?

В Париже, кажется, кончится тем, что Коммуна восторжествует. Дело в том, что Париж слишком глубоко оскорблен во всех своих чувствах, тщеславии и т.д. Это — борьба Парижа с провинцией[3].

Обнимаю тебя, душа моя, и прошу поклониться всем друзьям.

Твой Ив. Тургенев.

2925. М.А. МИЛЮТИНОЙ

2(14) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street.
Пятница, 14/2-го апр. 1871.

Любезнейшая Марья Агеевна, Ваше большое и хорошее письмо доставило мне много удовольствия[1]. Во-первых, оно доказало мне, что Вы чувствуете ко мне доверие и

уже не считаете меня букой; во-вторых, оно сообщило мне много драгоценных сведений о Вашей внутренней и внешней жизни. Говорю Вам искреннее спасибо и надеюсь, что наша переписка на этом не остановится.

Но каким образом Вы в *пятницу* (две недели тому назад) еще не получили Вашего большого пакета, отправленного мною, по обещанию, из Петербурга в предшествующий понедельник со станции железной дороги — это меня удивляет и несколько беспокоит. Надеюсь, что, хотя позднее, чем бы следовало, рукопись, однако, к Вам возвратилась. Я уже в самом пакете начертал несколько слов карандашом — а из Берлина написал Вам подробнее и обстоятельнее, что именно я думаю о Вашей комедии[2].

Я приехал сюда ровно неделю тому назад — а на другой же день слег в постель. Только сегодня я, могу сказать, совсем поправился — и начал выходить. Квартера, в которой я живу и адресс которой стоит в заголовке этого письма, очень неудобна и мала — потому я, вероятно, переменю ее; прошу Вас писать по прежнему, оставленному мною у Вас адрессу.

Я нашел здесь всех *своих* здоровыми: бедный Николай Иваныч Тургенев с семейством, говорят, в Париже; говорю: бедный, потому что Вы легко можете себе представить, каково там жить теперь: пожалуй, и сыновей его завербуют в защитники Коммуны[3].

Ваша оценка тех женских личностей, которые Вас более других привлекают и которых я у Вас видел, кажется мне весьма верной — и к ним самим я чувствую большую симпатию. Кн. Голицына — воплощенная доброта[4]. То, что я узнал об ее судьбе, еще усугубляет произведенное ею впечатление; пожалуйста, поблагодарите ее от моего имени за лекарство против холеры — и скажите ей, что, к счастью, здесь оно не нужно — так как о холере здесь и помину нет — так же как и о тех разнообразных болестях, которыми грозились нам российские врачи... Я полагаю, они просто хотели удержать своих пациентов.

Я еще до сих пор не имею ни малейшего понятия о том, что со мною будет и куда я денусь после июля месяца[5]. Видно: когда хлеб, тогда и мера. Буду жить пока со дня на день и попытаюсь работать, хотя и тут еще пока ничего не предвижу[6]. Что я к самому себе охладел — это еще туда-сюда, но что я к делу своему охладел — это плохо. Все равно: буду ли я писать, нет ли, свою обедню я отзвонил — да уж и давненько ее отзвонил.

Будьте здоровы и в бодром настроении духа. Сумма хорошего все-таки перевешивает — и как еще! — в Вашей жизни — а ведь это большая милость. Всем Вашим шлю свой привет — а Вам и Николаю Алексеевичу дружески жму руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2926. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

5(17) апреля 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Portland place.
Ce 17 avril 71.

Chère Madame,

Je voudrais que cette lettre ne vous trouvât pas à Paris — et d'un autre côté je voudrais tant avoir de vos nouvelles... Dans le doute, je vous écris. Il m'est affreux de penser que vous voilà, dans votre tranquille Passy, beaucoup plus sujette au bombardement et à toute sorte d'horreurs que lors du siège de Paris par les Prussiens[1]. Je n'ai pas besoin de vous dire tout ce qui me traverse la tête depuis ces derniers événements: est-ce décidément le monde que nous avons connu et où nous avons vécu — qui s'abîme? Je reviens d'un voyage de deux mois que j'ai fait en Russie — et je reste ici jusque vers la fin de juillet. Si cette feuille arrive jusque dans vos mains, faites-le-moi savoir par deux lignes de votre écriture. Où et quand nous reverrons-nous? J'avais eu l'intention de passer par Paris en revenant de Russie... mais maintenant — y-a-t-il seulement un Paris?

Quoi qu'il arrive, vous devez savoir que vous avez en moi un ami, dont l'affection restera éternellement inaltérable. J'embrasse vos mains avec tendresse.

Votre dévoué
J. Tourguéneff.

2927. П.В. АННЕНКОВУ

6(18) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Portland place. W.
Вторник, 18/6 апр. 71.

Любезнейший друг Павел Васильевич, я решился остаться на занимаемой мною квартире — а потому пишите и книги — а также и журналы — посылайте по этому адрессу.

Пришлите мне *хорошую* фотографию с "Ивана Грозного" Антокольского[1]. Мне очень было приятно узнать, что он наконец уехал.

Если бы кто-нибудь из Ваших знакомых отправлялся в Лондон (что не невозможно) — то Вы бы меня крайне обязали, вручив ему для передачи мне сигарочницу серебряную с русской работой под *чернь* (чего здесь не умеют сделать) рублей в сорок — сорок пять. Здесь есть доктор, который меня лечит[2] — а денег с меня брать не хочет: приходится уплачивать ему эдаким образом. Выбор сигарочницы предоставляю на Ваш вкус.

Кишинский получил предписание выслать еще Вам деньги.

Пишет мне Н.В. Успенский жалобное письмо[3] о том, что ему наш фонд и в ста рублях отказал[4]. По его словам, он в отчаянии — и этот отказ его погубил. Что тут делать? Дать ему эти деньги превосходит мои средства. Пошлите за ним (его адресс: Измайловский полк, 12-ая рота, приют принца Ольденбургского — мужское отделение), *если Вы полагаете, что это с моей стороны не совершенно бессмысленная чепуха* — и вручите ему от моего имени 50 руб. сереб. О голод, голод литературный — в нем есть особенная едкость — и ненасытимость.

А засим, душа моя, еще (в тысячный) раз извините меня, что наваливаю на Вас всяческие обузы — и будьте здоровы. Жене Вашей дружески кланяюсь и деток целую.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Милютина известила меня, что пакет свой получила[5].

2928. ПОЛИНЕ БРЮЭР

9(21) апреля 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Portland place.
Ce 21 avril 1871.

Chère Paulinette, je viens de recevoir tes deux lettres à la fois[1]. L'argent sera expédié dès demain[2] à Mr Gouin à Tours et j'enverrai la lettre de change à Gaston. Vous pourrez le toucher dès lundi.

Je comprends bien l'embarras où vous êtes — et les difficultés sans nombre qui vous assiègent. Vous êtes logés à la même enseigne que la plupart des Français[3]. Sois bien sûre que je ferai tout ce qui sera en mon pouvoir pour venir à ton aide si cette vente ne se fait pas — eh bien! j'emprunterai. Mr Massloff ne m'a rien écrit jusqu'à présent — et ce silence est de mauvais augure[4]. Vers le milieu de mai il faut que j'aille à Bade — et je te verrai bien certainement[5] — pas à Paris peut-être — car qui sait combien de temps ces horreurs peuvent durer encore[6] — mais dans un endroit qu'on pourra fixer — d'avance. Dans tous les cas nous nous verrons bientôt.

Ma santé s'est complètement remise.

Ainsi — *demain* — je veux dire demain après la réception de la lettre — vous recevrez la lettre de change.

Je vous embrasse tous les deux avec tendresse.

J. Tourguéneff.

2929. Н.А. КИШИНСКОМУ

9(21) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Portland place.
9/21-го апреля 1871.

Любезный Никита Алексеевич, я писал Вам недавно отсюда о высылке мне наличных свободных денег — а теперь обстоятельства сложились так, что они более чем когда-либо мне нужны[1]. И потому повторяю Вам мою просьбу — да сверх того желаю, чтобы Вы уведомили меня:

во-1-х) о том, каким образом Вы устроили отдачу Тапков в аренду крестьянам;

во-2-х) о Кадном; есть ли какой результат — либо на продажу, либо в отдачу под аренду,

и вообще о том, как идет хозяйство. Можете писать мне по выставленному в начале письма адрессу — так как я решаюсь остаться на занимаемой мною квартере.

Кланяюсь Вам и всем спасским жителям.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2930. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

9(21) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Portland place.
9/21-го апреля 1871.

Любезный друг и брат, сделай одолжение, по получении этого письма осведомься, что с Ив⟨аном⟩ Петр⟨овичем⟩ Борисовым? Я очень беспокоюсь на его счет, ибо оставил его в весьма дурном состоянии здоровья. Он в самый день моего отъезда из Москвы собирался переехать в гостиницу "Дрезден" на Тверской — и непременно хотел написать мне сюда. Корреспондент он был до сих пор крайне аккуратный — и я начинаю иметь всякие дурные мысли. Я ему писал из Берлина и отсюда[1] — но ответа не получил.

От И.И. Маслова никакой весточки: значит, с продажей Кадного идет туго — или совсем не идет. Это меня несколько смущает, потому что никогда мне деньги не были так нужны, как именно теперь[2]. Сходи осведомься, пожалуйста. Я знаю, он очень ленив писать, да ему и некогда.

Дай также весточки о себе и о твоих планах и намерениях.

Обнимаю тебя и кланяюсь Анне Яковлевне. Пиши по вышевыставленному адрессу; я здесь останусь около двух месяцев.

Будь здоров!

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

2931. П.В. АННЕНКОВУ

12(24) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Portland place, W.
24/12-го апр. 1871. Понедельник.

Любезнейший друг,

"Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий..."[1]

"Твоему же великодушию числа и меры нет!" Сердце мое закипает благодарностью, особенно когда подумаю, что Вы меня избавили от лошади — вороной, как *степь*!![2] Но, душа моя, Вы не говорите мне ни слова о высылке сюда — на

мое имя — по крайней ⟨мере⟩ 4, если не 6 полных экземпляров этой тетради романсов! О чем прошу неукоснительно — распорядитесь кстати — вместе с календарем военным[3].

Никакого посвящения г-же Арто я не сюпримировал — ибо она в наилучших отношениях с г-жой Виардо; если оно случилось, то без моего ведома — и я очень об этом жалею[4].

Я с жаром принялся оканчивать мою повесть[5] — и через месяц Вы получите рукопись — "богу изволящу и мне живу"[6].

То, что происходит в Париже, окончательно разоряет моих друзей Виардо — но тут, кроме терпения, ничего не придумаешь[7].

Однако сильна у нас потребность грызться — коли по поводу классицизма и реализма шерсть летит клочьями[8]. Случайным манером доходят здесь до меня "Биржевые ведомости"... Эдакой грубой бездарности я еще в прессе не встречал[9]. Каждое слово словно ⟨– – –⟩ человеком, да еще таким, который прескверною едою начинил брюхо.

Кланяюсь всем — и обнимаю Вас.

Ваш Ив. Тургенев.

2932. ПОЛИНЕ БРЮЭР

13(25) апреля 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Marylebone.
Ce 25 avril 1871.

Chère Paulinette,

Je reviens de chez le banquier *Coutts*, auquel j'ai remis 120 livres sterling — *3000* francs, qu'il doit envoyer immédiatement à Mr Gouin à Tours — et toi ou ton mari — vous pourrez les y toucher. Selon l'habitude de ces messieurs, ils ne m'ont donné *ni reçu, ni aucun papier* — disant que cela ne se faisait pas dans leur maison. Je te prie de me faire savoir *sur-le-champ* quand tu toucheras l'argent[1].

Pour le moment je n'ai pu envoyer que 3000 francs — les 2000 autres seront expédiés *avant* quinze jours, je t'en donne ma parole[2].

Ecrivez-moi — et portez-vous bien; je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

2933. М.А. МИЛЮТИНОЙ

15(27) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
27/15-го апреля 1871.

Любезнейшая Марья Агеевна, я на днях получил Ваше письмо от 1-го апр⟨еля⟩ — а вчера прибыли романсы Чайковского, которые г-жа Виардо тотчас разыграла и из которых ей особенно понравились три последние — и особенно самый последний — на слова *Гете* (а не Гейне, как сказано в тексте) "Nur wer die Sehnsucht kennt" в переводе Мея[1]. Г-жа Виардо собирается спеть этот романс в одну из своих "суббот" — и теперь же поручила мне благодарить г-на Чайковского; все ее романсы будут ему доставлены. А я с своей стороны благодарю Вас за скорое и любезное исполнение моей просьбы[2]. Мои друзья — русские — обыкновенно так меня не балуют.

Я вполне могу оценить то, что Вы мне говорите об отношениях Ник⟨олая⟩ Алексеевича к Вашей, не скажу — пока — литературной, но письменной деятельности; и в то же время я вполне уверен, что никто более его не радовался бы, если бы Вы получили несомненный успех. Но для этого надобно решиться — и *начать*; не бросившись в воду, не выучишься плавать. И я Вам советую это сделать: потонуть — Вы все-таки не потонете.

Я льщу себя надеждой, что Вы наконец поверили моим словам насчет тех искренне дружелюбных чувств, которые я всегда питал к Вам — и особенно с времени моего пребывания в Москве[3]. Тамошнее общество делает мне много чести, занимаясь мною даже после моего отъезда: но не следовало бы извращать мои слова. Я никогда не сказал ничего подобного фразе, которую мне приписывают; я помню только, что в ответ на чье-то замечание, что я что-то (не помню, что именно, но только не русский народ) презираю, я сказал, что вообще это чувство испытываю редко — и уже коли что-нибудь стал бы презирать, то, вероятно, начал бы с самого себя[4]. Вы видите, какой извращенный смысл придали моему смиренному признанию. Но это всё — пустяки. Мое "я" меня самого перестало интересовать; могу ли я интересоваться тем, что об этом "я" говорят и думают другие? Это, однако, не мешает мне быть благодарным всем тем, которым угодно чувствовать ко мне расположе-

ние. Как сказано в песенке Соллогуба: "Благодарю — не ожидал!"[5]

Кланяюсь всей Вашей семье, всем московским приятелям и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2934. СЮЗАННЕ МИЛНЕР ГИБСОН

Середина апреля 1871. Лондон

Mr I. Tourguéneff presents his compliments to Mrs Milner Gibson and will have the honour of calling upon her Thursday the 20-th of April[1].

16, Beaumont Street.
Portland place. W.

2935. Н.А. КИШИНСКОМУ

16(28) апреля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Пятница, 16/28-го апр. 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Сейчас получил Ваше письмо от 7/19-го апр⟨еля⟩ (оно в дороге было 9 дней)[1]. Очень сожалею о несчастии, постигшем нашего дьякона; Вы можете вручить ему от моего имени 50 руб. Благодарю за исполнение поручений — и буду ждать присылки денег.

Дело с Кадным, кажется, затягивается; нужно не упускать его из виду. Вы мне ничего не пишете о Тапках; приписываю это упомянутому Вами отсутствию сообщений; теперь они, вероятно, восстановились — и Вы дойдете до какого-либо удовлетворительного результата.

Я здесь остаюсь еще два месяца — и Вы можете посылать мне Ваши письма по вышеозначенному адрессу.

Письма заграничные были мне аккуратно доставлены.

Будьте здоровы; кланяюсь всем спасским жителям.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев

P.S. Не забывайте обращать внимание на то, действительно ли живы пенсионеры, которым выдаются назначенные мною пенсии? Во время моего почти двухнедельного

пребывания в Москве известная Вам Авдотья Ермолаевна[2] ко мне не являлась, что она всегда прежде делывала; жива ли она? Соберите справки, пожалуйста.

2936. ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ

17(29) апреля 1871. Лондон

16, Beaumont Street. Marylebone.
Saturday, the 29th of April, 71.

My dear Mr Carlyle,

Will you be at home to-morrow (Sunday) at 9 o'cl. in the evening? If I don't receive an answer, I will understand that you *are* — and I'll have the pleasure of calling upon you[1].

Yours very truly, I. Tourguéneff.

2937. П.В. АННЕНКОВУ

19 апреля (1 мая) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Понедельник, $\frac{\text{1-го мая}}{\text{19 апр.}}$ 71.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — во вчерашней "Pall Mall Gazette" стояла следующая штучка:

«A letter from Paris, in the "Temps", announces the death of Madame Pauline Viardot, née Garcia, sister of Malibran and creatress of the role ⟨of⟩ Fides in Meyerbeer's "Prophète". The celebrated artiste had just entered on her 54-th year».

Можете себе представить, какое впечатление произвело бы на меня это объявление, если бы я прочел его где-нибудь, а не в салоне г-жи Виардо и не в ее присутствии[1].

Но так как подобные новости распространяются с быстротою молнии — и все газеты их тотчас перепечатывают, то я обращаюсь с просьбой предупредить их — или опровергнуть, как хотите[2]. Г-жа В⟨иардо⟩, слава богу, здорова — и ей не 54, а 49 лет.

Я, кажется, уже писал Вам о том, чтобы выслать сюда 4 экз. последней тетради романсов — и чтобы *все* романсы г-жи Виардо были доставлены от ее имени музыканту-композитору Чайковскому в Москве; на всякий случай я повторяю ту просьбу[3].

Кланяюсь всем и дружески Вас обнимаю.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2938. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

19 апреля (1 мая) 1871. Лондон

London.
16, Beaumont street. Marylebone.
Montag, d. 1. Mai 1871.

Liebster Freund, gestern früh habe ich beiliegendes Fragment aus dem "Observer" zu Gesicht bekommen, und Sie können sich denken, wie gross mein Schreck gewesen wäre, hätte ich diese Zeilen irgendwo anders als im Salon der Frau V⟨iardot⟩ und in ihrer Gegenwart gelesen[1]. Da aber solche Neuigkeiten einem laufenden Feuer zu vergleichen sind — und deutsche Zeitungen sie gern wiederholen, so bitte ich Sie nötigenfalls dagegen zu protestiren — oder vielleicht schon gleich in irgend einer Zeitung ("Voss'sche Nationale") das Publikum dagegen zu verwarnen[2]. Frau V⟨iardot⟩ selbst hat die Sache mit der ruhigsten Laune aufgenommen — nur ist es ihr unangenehm, dass man sie um fünf Jahre älter macht, als sie es wirklich ist (49)[3].

Sonst geht es hier so ziemlich. Nur kann Frau V⟨iardot⟩ einen sehr obstinaten Catarrh nicht loswerden — und das verhindert sie am Singen, was ein grosser Geldverlust für sie ist — und *den* braucht sie wahrlich nicht.

Was mich betrifft — nun, es geht auch so ziemlich. Ein biβchen mehr Verwesungsgeruch in meinem Leben täglich. Der Tod ist ein Feinschmecker — und verzehrt die Menschen am liebsten wie die Fasanen — mit starkem haut goût.

Grüssen Sie mir alle Freunde bestens — und schreiben Sie mir ein paar Zeilen.

Ihr I. Turgénjew.

2939. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

21 апреля (3 мая) 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Portland place.
Ce 3 mai 1871.

Chère Madame,

J'ai été fort heureux de recevoir votre lettre, quoiqu'elle soit bien triste[1]; je sais au moins où vous êtes. Vous ne me parlez pas de votre santé; mais j'espère qu'elle n'aura pas été trop ébranlée par tout ce que vous avez dû souffrir pendant tout cet horrible temps. Vous êtes très bonne de me donner des nouvelles de

Pauline: la guerre a porté de rudes coups à sa fortune — mais enfin elle est en bonne santé ainsi que son mari — et tout cela peut encore se réparer peu à peu. Je comptais bien aller la voir; mais ces événements de Paris font qu'on ne peut plus rien projeter... On attend — sans même savoir ce qu'on attend. Ce n'est plus même de la résignation — c'est de la stupeur. A moins que cela ne finisse tout à coup — et d'une façon absolument imprévue — on ne sait plus comment cela finira. Je suis pourtant très décidé d'aller à Paris dès que je pourrai le faire — et je vous verrai peut-être plus tôt que je ne le crois. Qui sait?

J'ai une prière à vous faire. Voici ce dont il s'agit. "Le Temps", sur la foi de je ne sais quel correspondant, a imprimé que Mme Pauline Viardot était morte — et une foule de journaux, Anglais, Allemands, Italiens, ont répété cette nouvelle, parfaitement fausse, grâce à Dieu[2]. Elle a été démentie ici et en Allemagne; mais comment faire pour la France? J'ai pensé qu'en vous envoyant le petit mot que Mme V⟨iardot⟩ a écrit à la "Pall Mall Gazette" — il vous serait peut-être possible de le faire insérer ⟨si ce n'est⟩ dans "Le Temps" — du moins dans quelque journal de Versailles[3]. Plusieurs lettres d'amis inquiets ont été reçues ces jours derniers — il faudrait pouvoir les rassurer. Vous seriez bien bonne et bien aimable de le faire; et Mme Viardot vous en serait bien reconnaissante.

Mes meilleures amitiés à tous les vôtres. Quant à vous, vous savez la profonde affection que je vous ai vouée. Je vous baise les mains avec tendresse et suis pour toujours

votre J. Tourguéneff.

P.S. Mme V⟨iardot⟩ indique la date de sa naissance, parce que sa notice nécrologique l'avait gratifiée de 54 ans.

2940. П.В. АННЕНКОВУ

23 апреля (5 мая) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Пятница, $\frac{\text{5-го мая}}{\text{23-го апр.}}$ 71.

Отвечаю, любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, с благодарностью Эпаминонда и с быстротою нескольких молний[1].

Во-1-х.) На бюст Белинского — гипсовый — подписываюсь непременно[2].

Во-2-х.) На памятник Пушкину вношу сто рублей[3]. (Письмо сегодня же летит к Кишинскому с повелением выслать Вам 200 руб.).

В-3-х.) За хлопоты о романсах нижайшее спасибо — надеюсь, что они скоро прибудут[4].

В-4-х.) Пожмите за меня руку М. Островского. Молодец Абаза![5]

В-5-х.) Надеюсь на подробное описание 1-го представления "Вражьей силы" (я боюсь за Кондратьева)[6].

В-6-х.) Слог письма братьев Либанов — прелесть! Я им напишу в Варшаву[7].

В-7-х.) Получили ли Вы от Салаева 8-й том моих сочинений — и вообще — вышел ли он?

В-8-х.) Если б я находился в городе с русскими, я непременно устроил бы чтение в пользу памятника Пушкину — но здесь русских 2 человека с половиной — т.е. с Брунновым.

В-9-х.) Кланяюсь всем Вашим, друзьям — и Вас обнимаю.

Ваш друг И.Т.

P.S. Не забудьте дементировать слух о кончине г-жи Виардо[8].

В-10-х.). Весьма будет достаточно *последних* двух № вышедших журналов; остальные храните великодушно до моего возвращения.

2941. ПОЛИНЕ БРЮЭР

24 апреля (6 мая) 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Marylebone.
Ce 6 mai 1871.

Chère Paulinette,

Je commence à m'inquiéter de ton silence. Mardi (de l'autre semaine) — il y aura bientôt quinze jours — je t'ai envoyé 3000 francs par le banquier Coutts sur Gouin de Tours; et tu ne me dis pas si tu les as reçus. Ce diable de Coutts ne donnant ni de reçu ni de lettre de change, cela m'ennuie, je l'avoue, et je commence à avoir des appréhensions. Ecris-moi, sans tarder, je te prie[1]. J'aurai bientôt à t'envoyer les autres 2000 fr-s et je veux voir si je puis le faire de la même façon[2].

Je ne sais si le bruit de la mort de Mme Viardot est parvenu jusqu'à toi; j'ai à peine besoin de te dire que cette nouvelle que les journaux de l'Europe entière ont répétée est absolument fausse[3].

Je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

2942. ЖОРЖ САНД

24 апреля (6 мая) 1871. Лондон

Non — heureusement — ce n'est pas vrai[1], chère Madame Sand — je vous aurais déjà écrit si je savais votre adresse — maintenant en toute hâte et en toute joie je vous baise les mains et suis à jamais

Votre
J. Tourguéneff.

2943. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

24 апреля (6 мая) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
6-го мая / 24-го апр. 1871.

Любезнейший друг Яков Петрович, сегодня утром получил я твое письмо со вложенной статейкой против Салтыкова[1] — и отвечаю немедленно. Ответ, сделанный тобою критику твоих "Снопов", совершенно логичен и неотразим; и все-таки ты бы лучше сделал, не напечатав его. Ты знаешь известную поговорку: "Не тронь ... не воняет". Отвечает ... значит, оправдывается... значит, неправ — вот неизбежный силлогизм, который складывается в таких случаях в головах публики. Но, коли ты этим себя потешишь, беда не велика[2].

Я гораздо скорее и раньше уехал из России, чем полагал, вследствие писем, которые получил из-за границы. Здесь я остаюсь до июля, там — в Баден, а в октябре — бог весть куда, быть может, в Россию.

Мне сказывали, что Достоевский "вывел" меня...[3] Что ж! Пускай забавляется. Он пришел ко мне лет 5 тому назад в Бадене — не с тем, чтобы выплатить мне деньги, которые у меня занял — а чтобы обругать меня на чем ⟨свет⟩ стоит за "Дым", который, по его мнению, подлежал сожжению от руки палача. Я слушал молча всю эту филиппику — и что

же узнаю? Что будто я ему выразил всякие преступные мнения, которые он поспешил сообщить Бартеневу! (Б⟨артенев⟩, действительно, мне написал об этом)[4]. Это была бы[a] просто-напросто клевета — если бы Достоевский не был сумасшедшим — в чем я нисколько не сомневаюсь. Быть может, ему это всё померещилось. Но, боже мой, какие мелкие дрязги!

Мне очень досадно, что княгиня С.А. Гагарина меня считает гордецом. Пожалуйста, скажи ей, что я был бы не гордецом, а невежей — если бы я оставил без внимания ее весьма любезное письмо[5]. Дело в том, что я тотчас же по получении его явился в Академию и велел доложить княгине о себе; но человек вышел мне сказать, что она занята... Может быть, он переврал мое имя — а может быть, она точно была занята — я на другой день непременно собирался побывать у нее — но тут я очень скоро уехал, гонимый страхом холеры. Пожалуйста, не поленись растолковать ей всё это — и прибавь, что я прошу ее извинить меня в том, что я не отвечал ей письменно, и что я, напротив, всегда сохранял о ней самое хорошее воспоминание.

Засим будь здоров и работай, не смущаясь никакими критиками. Кланяюсь твоей жене и дружески жму тебе руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

2944. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

24 апреля (6 мая) 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Marylebone.
6 mai 1871.

Heureusement, mon cher ami, heureusement la nouvelle est complètement fausse![1] Mme V⟨iardot⟩ que je vois tous les jours n'est pas plus morte qu'elle n'a 54 ans. Si la nouvelle avait été vrai, je crois bien que je n'aurais pas pu vous répondre... Maintenant je puis vous dire que votre lettre m'a bien profondément touché. C'est une très bonne chose de sentir qu'on a un ami véritable — et je vous remercie de m'avoir procuré ce sentiment-là[2].

Je suis ici depuis trois semaines — j'ai passé la fin de l'hiver et le commencement du printemps en Russie — je reste ici

---

[a] *Далее зачеркнуто*: несомненная

jusqu'au l-er août — et puis je vais à Bade en traversant la France. Je m'arrêterai à Paris — s'il y a encore un Paris dans ce temps-là — et j'espère bien vous voir. Peut-être viendriez-vous à Bade, où nous viverons — pendant peu de temps — cachés comme des taupes dans leurs trous — et vous pourriez vous y cacher avec nous. Mais auparavant donnez-moi de vos nouvelles. Avez-vous jamais reçu une lettre que je vous ai écrite au commencement de l'année?[3] Qu'avez-vous fait pendant tout cet affreux orage? Etes-vous resté tout ce temps à Croisset? Avez-vous pu, malgré toute votre force d'isolation et de concentration, avez-vous pu ne pas être secoué comme ces brins de paille qui tournoient d'une façon si tristement effarée et unitile dans les portes ouvertes des granges? Avez-vous travaillé — ou bien vous a-t-il suffi de traîner la vie — vide et lourde — d'un moment à l'autre? Je ne suis pas Français — et pourtant je n'ai presque pas fait autre chose. Ah, nous avons de rudes moments à passer — nous autres, *spectateurs nés.* Que fait Antoine? Il s'est incrusté dans mon esprit.

Je suis en Angleterre — non pour le plaisir d'y être — mais parce que mes amis, à peu près ruinés par cette guerre, y sont venus pour tâcher de gagner quelque argent[4]. Les Anglais ont du bon pourtant — mais ils mènent tous — même les plus intelligents — une vie très dure. Il faut s'y faire — comme à leur climat. Et puis — où aller?

Que fait Madame Flaubert? Rappelez-moi à son bon souvenir. Avez-vous quelques nouvelles de Ducamp? Il a disparu dans la tourmente — comme tant d'autres[5].

Ecrivez-moi deux mots. Encore une fois merci d'avoir cette affection pour moi. Je vous embrasse de toute la force de la mienne.

Votre ami J. Tourguéneff.

P.S. Inutile de vous dire que je n'ai votre lettre qu'aujourd'hui même.

2945. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

29 апреля (11 мая) 1871. Лондон

London.
16. Beaumont Str. Marylebone.
d. $\frac{\text{11 Mai}}{\text{29 April}}$ 1871.

Werther Herr!

Ich habe erst heute Ihren Brief bekommen — und beeile mich Ihnen zu antworten. Es wäre mir gewiss sehr angenehm — (und auch für Sie wäre es eine Bürgschaft mehr) — wenn Ich

wie die früheren, so auch das 5-te Bändchen meiner Werke revidiren könnte; Ich fürchte aber, das Uebersenden der Correcturen wird vielleicht einige Schwierigkeiten haben. Ich bleibe hier bis Ende Juli; dann gehe Ich nach Baden-Baden und verlasse es erst im October. — Vielleicht fängt der Druck erst im Juli an? Jedenfalls würde Ich die Correcturbogen mit gewohnter Pünktlichkeit zurücksenden[1].

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

I. Turgénjew.

P.S. Sollten Sie sich zum Expediren der Correcturbogen nicht entschliessen, so recommandire Ich die von mir sorgfältigst verbesserte Uebersetzung der "Visionen" in der Französichen Ausgabe der "Nouvelles Moscovites" von Hetzel — zur Vergleichung[2].

2946. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

29 апреля (11 мая) 1871. Лондон

London.
16, Beaumont street. Marylebone.
d. 11. Mai 1871.

O Pietsche, Pietsche (der Lateinische Vocativ) — *das* hätte ich von Ihrem Scharfsinn nicht erwarte⟨t⟩:[a] wie haben Sie erschrecken können? Glauben Sie, wenn Frau V⟨iardot⟩ wirklich gestorben wäre — ich wäre im Stande gewesen — die Anzeige heraus zu schneiden und aufzukleben??[1] O Pietsche! Pietsche! Aber Sie sind ein treuer Freund — und das ist die Hauptsache.

Es thut mir sehr leid — von der Krankheit Ihrer Tochter hören zu müssen — aber was kann man anderes erwarten von einem solchen *Hundewetter*? Wenn wir überhaupt einen Sommer kriegen, so wird es ihr schon besser gehen.

Natürlich müssen Sie nach London kommen — ganz absolut. Ein Zimmer kann ich Ihnen leider nicht zur Disposition stellen wie in Baden — aber wir werden Ihnen ein nicht zu theures Losis schon finden[2].

Küssen Sie Kathi in meinem Namen — und sagen Sie ihr — ich trage sie in meinem Herzen, trotz aller "eunuques enragés"[3]. Grüssen Sie auch sonst alle Freunde und die Familie.

Also auf Wiedersehen!

Ihr I. Turgénjew.

---

[a] *В подлиннике ошибочно*: erwarten

2947. А.А. ФЕТУ

30 апреля (12 мая) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Пятница[a], $\frac{\text{12-го мая}}{\text{30-го апр.}}$ 1871.

Ваше предложение, любезнейший Фет, чтобы всем *нам* гуртом[1] переехать в Спасское — и логично, и дружественно, и мило; но вот в чем штука: хотя жизнь в Англии очень дорога — но только в Англии можно брать 25 фр. за урок; а так как г-жа Виардо, при почти совершенном разорении, причиненном ей войною, других средств к существованию не имеет, то поневоле приходится жить в Англии — а не в России, как она ни "тиха, кротка и уединенна", как барышня Островского под окном[2].

Ваши известия о Борисове очень и очень печальны. Я почти наверное знаю, что не увидеть мне его больше! Я получил от него письмо, написанное почти неузнаваемым почерком; он мне пишет в нем, что отправляется "вслед за Николаем Толстым"[3]. Нечего говорить, как глубоко мне будет его жаль! Я не разделяю Вашего мнения насчет *бесполезности* перемещения в чахотке; вся беда в том, что это перемещение делается обыкновенно слишком поздно, когда уже ничто помочь не может. Если Борисов в состоянии будет еще *вовремя* — т.е. в июле, попасть в Эмс, куда его посылают, то я еще не теряю всякой надежды. Что бы Вам с ним приехать? Оттуда Вы бы перебрались в Баден, поохотились бы со мною (я в Бадене буду находиться с августа до октября) — а там мы бы Борисова устроили в какой-нибудь уютной и теплой вилле в Швейцарии на зиму. Вот видите ли: Вы меня зовете в Россию — а я Вас в Германию. Но, вероятно, кончится тем, что каждый останется на своем месте — и судьбы совершатся.

Здесь мне живется недурно: ни весело, ни скучно — а более прилично. В наш возраст никто больше не должен сметь требовать. Здоров — ну и кланяйся в ноги, благодари провидение.

Журналы пустили было утку: распространили слух о смерти г-жи Виардо[4]. Она, слава богу, здорова — так же как и всё ее семейство — а то бы я, наверное, с Вами не беседовал.

---

[a] *Было*: суббота

Поклонитесь от меня Вашей супруге и всем приятелям; жму Вам крепко руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Не знаю, как у вас; а у нас холода стоят безобразные. Напишите мне, как только Вы увидите Борисова в Новоселках, куда он перебирается[5].

2948. ЭЛИЗАБЕТ БЕНЗЕН

2(16) мая 1871. Лондон

... Pour ma confusion, je trouve encore que j'avais bien marqué ce jour-là dans mon journal pour mémoire. Donc pas d'excuse. Il y a devant vous un criminel qui attend son pardon. Il m'a été infiniment désagréable d'apprendre que l'on a attendu après moi...

2949. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

5(17) мая 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street, Marylebone,
ce 17 mai 1871.

Chère princesse,

Les apparences sont contre moi — et plus que les apparences, il est évident que j'aurais dû vous écrire depuis bien longtemps — aussi ne vais-je pas tâcher de m'excuser — je me bornerai à vous dire que toutes les fois que j'ai pensé à vous et aux vôtres, cela n'a jamais été sans un mouvement de chaude et amicale sympathie. La famille V⟨iardot⟩ partage complètement cette sympathie et me charge de vous dire les choses les plus tendres. La vue de votre écriture m'a positivement réjoui le cœur. J'ai été bien heureux d'apprendre qu'on vous a laissée tranquille à Bellefontaine pendant toute cette horrible année[1] et que vous avez pu continuer à jouir de votre "horizon". Le malheur qui vient de frapper la princesse Orloff — est dur, mais réparable — et puisqu'il y a des fils, il y aura des filles[2]. Sans nul doute. N'oubliez pas de me rappeler, s'il vous plaît, à son souvenir et à celui du prince, quand vous lui écrirez.

Mme V⟨iardot⟩ a reçu tant de témoignages d'affection et de bon souvenir depuis la publication de la fausse nouvelle en

question[3] qu'elle en est toute touchée. Le vôtre lui a été bien sensible; elle me dit de vous en remercier chaleureusement et elle vous écrira elle-même. Elle va bien; elle a malheureusement attrapé un catarrhe au mois de novembre et n'a jamais pu s'en débarrasser entièrement, ce qui lui a beaucoup nui en l'empêchant souvent de chanter. Les enfants vont bien aussi, ainsi que V⟨iardot⟩. Claudie fait d'immenses progrès — elle a enfin trouvé un bon maître — un Mr Laugée, Français réfugié, peintre d'un talent réel et le meilleur des hommes[4]. Marianne commence à chanter d'une façon charmante et Paul aussi fait des pas en avant. Il y a des soirées musicales fort agréables tous les samedis. On va rester ici jusqu'au mois d'août, puis on va à Bade pour quelques semaines et ensuite à la grâce de Dieu! Probablement on reviendra à Londres[5].

Je ferai comme eux.

Je suis content d'apprendre que le "Roi Lear" vous ait plu[6]; — je ne travaille presque plus. Je suis arrivé au bout de mon rouleau.

Nous continuons à regarder avec stupeur ce qui se passe en France — sans pouvoir ressentir une vraie sympathie ni pour Versailles, ni pour Paris[7]. Sont-ce les convulsions de l'agonie — ou bien celles qui accompagnent la naissance? C'est ce que l'avenir nous apprendra.

Je me promets bien de ne jamais passer dorénavant par Paris sans aller vous voir... Mais quand passerai-je par Paris? Je comptais y venir au mois de mai — pour voir ma fille, — mais maintenant?!

Mille amitiés au prince, à Marianne[8], à tout Bellefontaine; je vous serre les mains de toutes les forces de mon amitié.

J. Tourguéneff.

2950. М.А. МИЛЮТИНОЙ

5(17) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Середа, 17/5-го мая 1871.

Милая Мария Агеевна,

Я получил оба Ваши письма в одно и то же время; душевно благодарю Вас за высказанное Вами участие. Вы теперь, вероятно, уже давно знаете, что сообщенное газетами известие не имело, слава богу, никакого основания; ес-

ли б оно было справедливо — я бы теперь не отвечал Вам. Вторично благодарю Вас и крепко жму Вам руку[1].

Я с живым участием прочел всё, что Вы мне написали о Н⟨иколае⟩ А⟨лексеевиче⟩. Его положение действительно трагическое — в нем всё величественное и горькое, горестное, свойственное трагедии[2]. Тут и помочь нельзя. Надо только переживать до конца — и помнить, что даже такая участь дается не многим — и высшим.

"Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten"[3].

В Вашем письме Вы говорите также обо мне, снисходительно приурочивая меня к тем крупным личностям. Поверьте: когда я говорю, что "охладел к своему делу", я не жантильничаю и не хандрю; я просто сознаю факт. Я готов допустить, что талант, отпущенный мне природой, не умалился; но мне *нечего* с ним делать... Голос остался — да *петь* нечего. След⟨овательно⟩, лучше замолчать. А петь *нечего* — потому что я живу вне России; а не жить вне России я по обстоятельствам — всесильным — не могу... След⟨овательно⟩: заключение выведите сами.

Мне очень прискорбно было узнать, что Вы больны: надеюсь, что Вы теперь уже давно поправились. Правда, весна у нас в Англии отвратительная — холодная, не хуже зимы; но, быть может, в Москве лучше.

Передайте мой поклон всем Вашим и примите уверение в искренней моей приязни.

Ваш Ив. Тургенев.

2951. Н.А. КИШИНСКОМУ

6(18) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
6/18-го мая 1871. Четверг.

Любезный Никита Алексеевич, недели две тому назад я получил от Вас письмо от 22-го апр⟨еля⟩/2-го мая, в котором Вы уведомляли меня, что *8* апр⟨еля⟩ (т.е. по нашему, иностранному стилю — 20-го) выслали ко мне через Ахенбаха 2000 р. сереб.[1] Этих денег, т.е. векселя, я до сих пор не получал — и, видя, что со дня отправки прошло уже около месяца, решаюсь известить Вас об этом — с тем чтобы Вы навели надлежащие справки о причинах подобного замедления. Уж не затерялось ли письмо?

Все Ваши отдачи в аренду одобряю — и жду с нетерпением результата Ваших переговоров с тапковскими крестьянами. Аренду на 3 года можете продлить по желанию г. Шаламову, которого я лично знаю как человека надежного (если это сын Степана Даниловича Шаламова, тот самый, который служил в Польше).

В надежде на скорое известие от Вас остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. О продаже Кадного от г-на Маслова еще ничего не слыхать[2].

2952. ПОЛИНЕ БРЮЭР

7(19) мая 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont str⟨eet⟩. Marylebone.
Ce 19 mai 1871.

Chère Paulinette,

Je viens de recevoir ton télégramme[1] — et n'ayant pas encore reçu l'argent de Russie qu'on m'annonce depuis un mois, j'ai été obligé d'emprunter à Mr Manuel Garcia les 80 l⟨ivres⟩ (2000 f-s) — que je t'ai envoyées aujourd'hui même par le même banquier Coutts. L'envoi est[a] au nom de Gaston — il n'aura qu'à se présenter chez Gouin à Tours, comme les autres fois[2].

Mille amitiés à vous deux — je vous embrasse.

J. Tourguéneff.

2953. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

7(19) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Пятница, 19/7-го мая.

Милый брат Н⟨иколай⟩ С⟨ергеевич⟩. Благодарю тебя за известия, сообщенные о Ив⟨ане⟩ Петр⟨овиче⟩ Борисове и о покупателях на Кадное, которые, однако, до сих пор ни до какого результата — по-видимому — не дошли[1]. Грустно мне было читать твое описание наружного вида бедного

---

[a] *Было*: Ils sont

Борисова — и почти жутко спрашивать о нем... Но хуже неизвестности нет ничего — и потому я был бы тебе обязан, если б ты мог сообщить мне что-нибудь положительное[2].

Сверх того, у меня есть до тебя следующая просьба. Недели две с лишком тому назад я получил от моего управляющего Кишинского письмо, в котором он сообщает мне, что 8/20-го апреля — т.е. ровно месяц тому назад — выслал мне через Ахенбаха 2000 р., но никаких денег — т.е. векселя, я не получал[3]. Я начинаю беспокоиться, не случилось ли что с этой посылкой — к Кишинскому я написал — а теперь тебя прошу: сходи к Ахенбаху и собери справки.

До тебя, вероятно, дошли слухи о мнимой кончине г-жи Виардо, которые, слава богу, не имеют никакого основания[4]. Она совершенно здорова.

Можно ли было ожидать, что французы *сами* повалят Вандомскую колонну — ту самую колонну, про которую[a] они же пели:

"Ah, qu'on est fier d'être Français,
Quand on regarde la colonne!"[5]

"Всё бывает, всё случается", — сказал некий философ.

Прощай, будь здоров, поклонись от меня А⟨нне⟩ Я⟨ковлевне⟩ и черкни две строчки.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

P.S. Посылаю тебе новую, кажется, удачную карточку[6].

2954. М.В. АВДЕЕВУ

10(22) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
10/22-го мая 1871.

Любезнейший Авдеев, от Анненкова узнал я, что Вы снова вернулись к себе в деревню — а также что Вы прислали оттуда весьма теплое и сочувственное письмо по поводу ложного слуха о кончине г-жи Виардо[1]. Слава богу, она жива и здорова; а то, без сомнения, мне было бы очень плохо: эта привязанность срослась с моею жизнью, и без нее я был бы как без воздуха. Искренне благодарю Вас за сочувствие — и жму Вам руку.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: было сказано

Я остаюсь здесь до августа, там отправляюсь в Баден — а в ноябре, вероятно, буду опять в Петербурге. Но всё это во власти судеб.

Работа моя совсем замерла; да и не хочется писать. Я наблюдаю, сколько могу, английскую жизнь: она суховата, но интересна.

Вчера вечером пришло известие, что правительственные войска наконец вошли в Париж[2]; но это еще не конец — да и не начало: каша была — каша и будет. Finis Franciae!

Черкните мне два слова из своего "далека"; не знаю — "прекрасно" ли оно[3]. Мне очень будет приятно услыхать весточку о Вас от Вас самих.

Будьте здоровы — и работайте, коли Вам это еще по вкусу.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Посылаю Вам новую мою карточку, которую считают удачной[4].

2955. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

10(22) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
10(22) мая 1871.

Любезнейший друг А⟨лексей⟩ Ф⟨еофилактович⟩! Присланное вами письмо[1] заключало отрывок из еврейского журнала "День", в котором упрекают меня за то, что я, говоря о скульпторе Антокольском, не упомянул, что он еврей[2]. Я это сделал не из нерасположения к еврейскому племени (я скорее пристрастен к нему) — а просто потому, что в сообщенных мне Антокольским биографических сведениях не было сказано ни слова об его происхождении.

От Анненкова я узнал, что ложный слух о кончине г-жи Виардо вас встревожил[3] и ваше сочувствие ко мне выразилось с особенной теплотою. Благодарю вас искренно за ваше дружеское участие, которое мне очень дорого. Нет никакого сомнения, что, окажись то известие справедливым, всякий жизненный интерес для меня прекратился бы. Слава богу, ее здоровье очень крепко, и она, конечно, переживет меня. Еще раз жму вам руку.

Я только что получил первые два №№ "Беседы" — и на днях примусь за чтение вашего романа[4]. Сам я работаю вя-

ло; жизнь здесь занимательна. Сегодня пришло наконец известие о взятии Парижа войсками правительства; можно будет туда съездить, посмотреть мою дочь — да и Францию кстати. Что из нее сделалось!

Поклонитесь от меня вашей супруге и вашим молодцам[5], будьте здоровы, работайте и не хандрите.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Посылаю вам новую карточку, которую хвалят[6].

2956. А.А. ФЕТУ

11(23) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
23/11-го мая 1871.

Любезный А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩. Я получил письмо от Борисова, которое меня положительно напугало. Он его даже не писал сам — а продиктовал кому-то до того безграмотному, что я едва мог понять, что он желает иметь сведения об Эмсе — а сам подписался дрожащей рукою[1]. Приказчик мой Кишинский был у него — и говорит, что он не встает с постели и имеет вид умирающего. Я убежден, что Вы теперь уже давно в Новоселках — но я не мог утерпеть, чтобы не написать Вам: мысль, что бедный Б⟨орисов⟩ гаснет один, не имея даже возле себя *грамотного* человека, слишком для меня тяжела[2]. Чтобы Вы не думали, что я преувеличиваю, прилагаю Вам отрывок из того письма[3].

Пожалуйста, напишите мне как можно скорее... Я здесь еще остаюсь два месяца. Бедный И⟨ван⟩ П⟨етрович⟩! — и бедный Петя!

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

2957. ПОЛИНЕ БРЮЭР

12(14) мая 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont str⟨eet⟩. Marylebone.
Mercredi, 24 mai 1871.

Chère Pauline,

Je reçois à l'instant ta lettre et je m'empresse de te dire:

que *le jour même de la réception* du télegramme j'ai porté 2000 fs à Mr le banquier Coutts qui l'a expédié comme par le passé au nom de ton mari;

que le jour même je t'en ai informé dans une lettre que je suis étonné que tu n'aies pas reçue[1].

Prends les informations nécessaires à la poste et chez Mr Gouin de Tours et écris-moi vite le résultat[2].

Je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

2958. В.Я. КАРТАШЕВСКОЙ

12(14) мая 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Середа, 24/12-го мая 1871.

Мне самому очень жалко, любезная Варвара Яковлевна, что Вы меня не застали в Москве: теперь бог знает, когда увидимся. Разве, может быть, зимою — так как я в декабре буду в Петербурге.

Надеюсь, что Ваше здоровье теперь поправилось — и что Вы привыкаете к своему одиночеству[1]. Я видел Вашу дочь в Петербурге — она мила по-прежнему.

Посылаю Вам фотографическую карточку новую, которую считают удачной[2] — а также записку, которую Вы перешлите книгопродавцу Салаеву в Москву (на Никольской улице), и он Вам доставит 8-й том моих сочинений, заключающий "Странную историю", "Казань Тропмана", "Степного короля Лира" и "Стук, стук"[3].

Я остаюсь в Лондоне до августа — а там до зимы в Бадене.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

2959. ПОЛИНЕ БРЮЭР

17(29) мая 1871. Лондон

Londres
16, Beaumont str⟨eet⟩. Marylebone.
Lundi, 29 mai 71.

Chère Pauline,

Je viens de recevoir ta lettre[1] et ne puis que répéter ce que je t'ai dit; *le 18 mai*, jour de la réception du télégramme[2] — *j'ai envoyé* (et pas promis d'envoyer, comme tu t'obstines à le sup-

poser) — j'ai *envoyé* 2000 francs par l'entremise du banquier *Coutts* à ton mari tirés sur *Gouin* de Tours. Tu sais que Coutts ne donne pas de reçu — mais il a dû écrire — prends des renseignements, l'argent doit être chez Gouin.

C'est bien assez d'avoir été volé d'une somme de 7000 f-s — comme je viens de l'être — la lettre de change de Russie ne m'est jamais arrivée et a été probablement touchée par un autre — il ne faut pas perdre encore ces *2000* f-s[3].

J'irai faire des recherches aujourd'hui chez Coutts.

Je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

2960. КУТСУ (?)

17(29) мая 1871. Лондон

London.
16, Beaumont street. Marylebone.
Monday, 29-th May 1871.

Sir!

I have just received from Ms Achenbach & Colley of Moscow a bill on you — of 390 L. (3000 roubles) — and in his letter of advice he speaks of another bill of 2000 roubles which he sent to me ⟨on⟩ the *12*-th of April. He does not say that ⟨...⟩.[a] I'll have the pleasure of seeing you.

I am, Sir, your very obedient servant.

J. Tourguéneff.

2961. ПОЛИНЕ БРЮЭР

25 мая (6 июня) 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Marylebone.
Ce 6 juin 1871.

Chère Paulinette,

Je suis enchanté que tu aies enfin reçu tes 2000 fr. et acquis la conviction que tes reproches étaient peu fondés[1].

En réponse à ta demande voici ce que je propose. Dis à Gaston de calculer, combien j'ai donné *en plus* des *2500* f-s annuels. J'y ajouterai la somme nécessaire pour faire 10 000 f-s — de façon que dorénavant je ne vous doive plus que 40 000 f-s représentant 2000 f-s de rente[2].

---

[a] *Далее текст письма отсутствует, так как нижняя часть листа отрезана.*

Il est probable que je pourrai vous porter cette somme moi-même à Paris bientôt, puisque la circulation a repris[3].

Je vous avertirai naturellement d'avance, quand je pourrai venir pour que nous nous rencontrions.

Je vous embrasse tous les deux et vous souhaite bon courage et bonne chance.

J. Tourguéneff.

2962. Н.А. КИШИНСКОМУ

26 мая (7 июня) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Четверг, 6-го июня[a] / 26 мая 1871.

Любезный Никита Алексеевич, имею отвечать на Ваши два письма от 1/13-го и 12/24-го мая[1].

Не помню, писал ли я Вам, что получил: 1°) вексель от Ахенбаха на 3000 р. сер. и 2°) *терцию* от Ахенбаха на 2000 р. *Прима* и *секунда* этого векселя пропали — но беды в этом нету, так как у банкира никто их не заявлял — и деньги мне по *терции* выданы. Я уже писал об этом Ахенбаху; и потому Вы также можете успокоиться.

Я очень рад, что Вам удалось отдать Тапки в аренду за выгодную цену; посмотрим, как будут крестьяне платить.

Дело с Кадным положительно затягивается; едва ли будет возможно надеяться на продажу. А Вы все-таки отсылайте желающих к Ив⟨ану⟩ Ил⟨ьичу⟩ Маслову.

Письма, полученные мною от Ив⟨ана⟩ Петровича Борисова, меня очень беспокоят. Они даже не его рукою писаны[2]. Пожалуйста, не оставляйте его — и тотчас уведомьте меня, если, сохрани бог, что случится. Он собирается за границу — но, я полагаю, вряд ли это возможно.

О тамбовском имении я еще подумаю. Сообщите мне, сколько оно приносит *верного* доходу в год[3].

В Англии стоят холода небывалые; наверное, и у нас не лучше. Год, вероятно, будет плохой. Надо запастись терпением.

Я еще 6 недель остаюсь в Лондоне.

Будьте здоровы.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

2963. П.В. АННЕНКОВУ

27 мая (8 июня) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Четверг, $\frac{\text{8-го июня}}{\text{26-го мая}^{a}}$ 71.

Да, любезнейший Анненков, "Fuimus Troes!"[1] — т.е. не мы с Вами — а французы с их Парижем. Весьма вероятно, что я туда на днях съезжу и тогда пришлю Вам мои впечатления "de visu". Не знаю, получаете ли Вы — или имеете ли Вы случай видеть "Daily News"? Там есть страшные корреспонденции. Напр.: сегодня один турист рассказывает, как он попал в число тех нескольких тысяч инсургентов, из которых маркиз де Галлифе — по произволу, по вдохновению — выбрал 82-х и приказал их расстрелять тут же — и как он одной "избранной" им женщине, валявшейся у него в ногах, прехладнокровно сказал, что он бывал во всех парижских театрах — "et que cela ne sert de rien de jouer la comédie". Чем этот мерзавец, продававший Наполеону свою жену, лучше Рауля Риго или тех зверей, которые расстреляли архиепископа? И какая может выработаться будущность при таком упадке нравственности?[2]

Я очень рад поражению гнусного Каткова; авось оно окажется действительным и окончательным[3].

С ужасом думаю о том, что Вы переехали на дачу: мы здесь зуб о зуб не попадем — что же там, в Петербурге. Или, может быть, не одна "lumière" — но и "chaleur" nous vient du Nord?[4]

Все журналы и романсы получены — за что великое спасибо. В романсах вранья достаточно — я уже отправил 6 выправленных экземпляров Иогансену — с тем чтобы он вытравил опечатки, благо это с литографией легче сделать. Когда придется Вам побывать на Невском, заверните к нему и подшпорьте его. А то что же это такое? Вместо: "пирог спечь она хочет" — напечатано: "пирог... хочет"![5]

Присланное письмо не от наглеца Ахенбаха — а от другого, вполне безвредного чудака[6].

А фотографию с "Иоанна Грозного" Вы забыли, благодетель![7] Кстати, пришлите, если возможно, одну из моих *средних* — от Бергамаско[8].

Когда наберутся опять журналы — пошлите.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Из Ваших газет я узнал о будто бы здесь затеянном г. Нечаевым журнале "Община"[9]. Мне сдается — это пуф. Соберу сведения — но сомневаюсь.

Засим будьте здоровы и благополучны — всех Ваших обнимаю — Вас лобызаю.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Проклятая моя повесть[10] вытягивается, как гуммиластик; черт знает, когда я ее окончу!

2964. И.П. БОРИСОВУ

28 мая (9 июня) 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Пятница, $\frac{\text{9-го июня}}{\text{28-го мая}}$ 71.

Милейший Иван Петрович, письмо, продиктованное Вами Пете, меня более порадовало, чем то, которое Вы продиктовали какому-то малограмотному смертному[1]; но действительно порадуюсь я только тогда, когда получу письмо, написанное с начала до конца собственной Вашей рукою. Для этого нужно как можно скорее поправиться — а чтобы поправиться, нужно как можно скорее прибыть в *Эмс*. Говоря о 1-м числе июля, я говорил о настоящем, европейском — а не нашем. Другими словами — если это письмо застанет Вас в Новоселках — то надо не мешкая ехать — и, прибывши, тотчас дать мне знать сюда: я отъявлюсь *непременно*. Итак — надеюсь, до скорого свидания. Не знаю, с кем Вы поедете — но, по Вашим словам, у Вас есть хороший товарищ — отчего бы не Фету поехать с Вами? Я писал ему об этом[2].

От всего сердца обнимаю и зову Вас; Петю целую крепко и напишу ему. Жду от Вас весточки.

Ваш Ив. Тургенев.

2965. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

28 мая (9 июня) 1871. Лондон

London.
16, Beaumont str⟨eet⟩. Marylebone.
d. 9. Juni 1871.

Pietschio de mi alma (mein Herzenspietsch auf Spanisch), die ganze Familie bleibt hier bis zum 1-ten *August* — also nur frisch herübergekommen! Festlicher Empfang, Händeklatschen, etc. — wie in Berlin — in etwas kleinerem Maßstabe[1].

Lucca's Gemahl[2] hat gefabelt — aber die furia antitedesca[a][3] hat sich sehr gelegt. Wird man von den eigenen Leuten braun und blau geschlagen, erinnert man sich nicht mehr der *fremden* Nasenstüber![4]

Von Paris will ich gar nicht reden — der Eindruck auf die hiesigen Gemüther war ein zerquetschender[5]. Nur noch ein wenig Feuchtigkeit da, wo ein Franzose gestanden hat. Aber — "ἄριστοὺ ὕδωρ" — aus dieser Nässe kann sich noch die schönste Blüthe früheren Daseins entwickeln[6].

In Frankreich bekommt man provisorische Republik, was später eintritt weiss — vielleicht! — der liebe Gott; wahrscheinlich auch Er nicht[7].

Sonst geht alles gut — nur haben wir des Morgens *Eiszapfen* am Barte. *So* gefroren habe ich nur in Weimar![8]

Tausend Grüsse an die ganze Familie, Schmidt, Menzel, Eckerts. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand und auf Wiedersehen!

I. Turgénjew.

Unwiderlegbares Axioma:

"*Kein* Engländer hat auch die *leiseste* Ahnung, was Kunst heisst. Sein Ur-Naturell ist ur-antikünstlerisch". Wenn Sie kommen, beweise ich es Ihnen! (NB. Ich spreche natürlich nicht von Literatur, von Poesie)[9].

2966. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

1 (13) июня 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Marylebone.
Ce 13 juin 1871.

Mon cher ami,

Si je ne vous ai pas répondu plus tôt, c'est que je n'en avais pas le courage. Ces événements de Paris m'ont stupéfié[1]. Je me suis tu comme on se taît en chemin de fer quand on entre dans un tunnel: le tapage infernal vous remplit et vous ébranle la tête. Maintenant qu'il a cessé à peu près, je viens vous dire que *bien certainement* je viendrai vous voir et entendre "Antoine" au mois d'août. Ce sera entre le *15* et le *20*[2]. J'ai reçu une invitation pour chasser le "grouse" en Ecosse au commencement du mois d'août, mais le 15 je serai libre et en rentrant à Bade je

---

[a] *В подлиннике ошибочно:* antitedescha

m'arrêterai à Paris — ou à Rouen — je veux dire à Croisset — si vous y êtes. Je suis fort content d'apprendre que vous en êtes à la moitié de votre livre; vous ne risquez jamais rien en vous hâtant un peu: au contraire. J'écouterai les oreilles, les yeux, le cerveau tout grands ouverts — je suis presque sûr que cela sera très beau.

Je ne vous appelle plus en Allemagne: je comprends votre répugnance d'y mettre les pieds[3]. Je ne peux pas vous dire non plus tout ce qui me traverse l'esprit à propos de la France: il faudrait pouvoir résumer tout cela en quelques mots — et c'est ce qui m'est impossible; quand nous nous verrons — nous dévideronss cette question lentement et longuement; le résultat ne sera pas gai, bien sûr. Je ne sais pas si c'est la Russie qui est chargée de vous venger, comme vous dites[4]; pour le moment l'Allemagne est bien forte — et elle le sera probablement aussi longtemps que nous vivrons...

Donnez-moi des nouvelles de Ducamp si vous en avez. On m'a dit que Mme Husson était devenue folle — puis qu'elle était morte: est-ce vrai?[5]

Je me souviens que mon maître de natation (un Prussien aussi, celui-là) me criait toujours: "La bouche hors de l'eau, schwere Noth! Aussi longtemps qu'on a la bouche hors de l'eau — on est un homme!"

Vous êtes resté un homme tout ce temps-ci, parce que vous avez pu travailler: maintenant ce sera plus facile.

Remerciez Mme Flaubert et votre nièce[6] de leur bon souvenir. Quant à vous, je vous embrasse — et au revoir au mois d'août!

J. Tourguéneff.

2967. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

2 (14) июня 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street. Marylebone.
Ce 14 juin 1871.

Chère Madame,

Je viens vous serrer la main après tous ces malheurs et ces affreuses catastrophes — et vous prier de me donner des nouvelles de vous et de tous les vôtres, de Nicolaï Ivanitch — et du pauvre cher Albert qui va maintenant, je l'espère bien, revenir à la santé. Je sais par une lettre que vous avez écrite à Londres, que votre maison est restée intacte, au milieu des ruines qui

l'environnent: mais un mot de vous me tranquilliserait bien. Il n'est pas impossible que je vienne à Paris vers la fin de la semaine prochaine — et ma première visite sera naturellement pour vous[1].

Ici tout a assez bien marché. Vous savez que j'ai écrit trois lettres à N⟨icolaï⟩ I⟨vanovitch⟩ (une de Russie et deux après mon retour) — je doute fort qu'il les ait reçues[2]. Vous trouverez sous ce pli une lettre qui m'a été envoyée en Russie — d'après le contenu, ce n'est pas à moi, c'est à N⟨icolaï⟩ I⟨vanovitch⟩ qu'elle a été adressée[3].

Mes meilleurs et plus affectueux souvenirs à tous les vôtres; je vous serre cordialement la main.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

2968. А.А. ФЕТУ

4 (16) июня 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
16-го/4-го июня 1871.

Не могу сказать, что известие, сообщенное Вами, любезный А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, было мною не ожидано; но тем не менее оно и огорчило и поразило меня. Побежал наш бедный Иван Петрович по следу Николая Толстого, как он мне писал в одном из своих последних писем![1] Вспоминаю я, как часто мы, стоя с ним в новосельском саду и глядя на березовую аллею, по которой Николай Толстой приезжал из-за Зуши в своих развалистых дрожках, беседовали о нем; а теперь вот и сам хозяин ушел туда же, в ту темную бездну, откуда нет возврата. Придется разве с Петей когда-нибудь, стоя на том же месте, вспоминать об его отце; а там он со временем будет — быть может — рассказывать, что вот, мол, тут Тургенев — покойный — говорил мне о своих друзьях. Все там будем! *Это* колесо не останавливается.

Так как у Вас самих детей нету, то Вам уже сам бог велел взять Петю на свое попеченье. Я уверен, что у Вас ему будет хорошо и что Вы ему замените отца, насколько это возможно — ибо Вы человек с добрым и мягким сердцем — а это более чем "главное", это — всё. На Марью Петровну я тоже надеюсь как на каменную скалу. Этому мальчику нужна спокойная тишина семейной жизни; надо стараться, чтобы его огонек не слишком скоро разгорелся.

Вы пишете мне, что в 51 год человек не меняется более; а в 53 года человек не позволяет себе думать, чтобы он мог кого-нибудь или что-нибудь изменить. Да и к чему меняться? Жизненного бремени не облегчишь — и каждому самому удобнее знать, как ему возиться с этим чурбаном. Иной его кладет на голову, другой на спину — а третий просто волочит по земле. И все "то благо, то добро"[2].

Поклонитесь от меня М⟨арье⟩ П⟨етровне⟩ и крепко поцелуйте Петю, когда увидите его. Я здесь остаюсь еще 6 недель — а там в Баден.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2969. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

5 (17) июня 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
17/5-го июня 1871.

Милый брат Н⟨иколай⟩ С⟨ергеевич⟩. Спасибо за твою поездку к Ахенбаху: всё устроилось; прима и секунда векселя утрачены — но он мне прислал терцию[1].

Если мое письмо тебя застанет еще в Москве, то будь так добр, съезди к Маслову — и порасспроси его о том, как идет — или не идет — дело о продаже Кадного[2]. Он мне ничего не пишет — и я ему не пишу, ибо знаю, что это совершенно напрасно: он превосходнейший человек — но едва ли в целом свете существует больший неохотник писать письма. Несомненно — он бы известил меня, если б что-нибудь состоялось; но я бы желал повлиять на него в том смысле, что так как мне деньги крайне нужны, то не худо бы, во-1-х) сделать факт продажи более известным через газетные объявления (на мой счет, разумеется)[3]; во-2-х) в случае появления покупателя не дорожиться. Пожалуйста, потолкуй с ним об этом — беседовать он не ленив — и сообщи мне результат ваших толков.

Я остаюсь здесь еще 6 недель.

Ты, вероятно, уже слышал о кончине бедного Борисова? Я ее ожидал — но тем не менее она меня очень огорчила[4].

Кланяюсь твоей жене и обнимаю тебя.

Твой Ив. Тургенев.

2970. Н.А. КИШИНСКОМУ

9 (21) июня 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Середа, $\frac{21\text{-го}}{9\text{-го}}$ июня 1871.

Любезный Никита Алексеевич, соображаясь с тем, что Вы мне пишете о Ваших путешествиях в Кромской уезд и Елатомский[1], настоящее письмо едва ли Вас застанет в Спасском; но я все-таки желаю повторить Вам то, что уже писал о получении от Ахенбаха *терции* пропавшего векселя — так что это дело окончено; а во-вторых, просить Вас о высылке сюда тех денег, о которых Вы пишете, что они накопятся в июле. До июля уже теперь недалеко, а я здесь остаюсь до первых чисел августа нового стиля — т.е. до 20-го или 25-го июля нашего. А потому медлить не следует.

Засим кланяюсь Вам и желаю всего хорошего.

Ив. Тургенев.

2971. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 (29) июня 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
29-го июня 1871.

Любезнейший Михаил Матвеевич, Ваше письмо было мне переслано сюда — и я спешу ответить Вам. Мне очень было приятно получить сведения о Вашем "whereabouts" — так говорят англичане — и я надеюсь, что киссингенские воды окажут Вам всевозможную пользу[1]. Сам я остаюсь здесь до августа месяца, а там отправлюсь в Баден, где останусь до конца октября. Моя "картина", как Вы выражаетесь, принимает еще бóльшие размеры, чем я предполагал, что запаздывает ее окончание[2]. Но я не сомневаюсь в том, что в начале *ноября* я либо Вам перешлю, либо сам привезу ее в Петербург — Вы можете, во всяком случае, рассчитывать на нее для 1-го N-а "Вестника Европы" на 1872-й год. Это совершенно верно, если только я буду жив. Я получил на днях письмо от Ник⟨олая⟩ Ив⟨ановича⟩ Тургенева[3]. Он живет теперь в Vert-Bois, свой дом около Парижа. Вы знаете, сколько он претерпел горя (его сын Альберт чуть не со-

шел с ума) — но теперь всё понемногу приходит в прежнюю колею.

Бергамаско было непростительно не знать Вас, и я надеюсь, что он давно уже изгладил свою вину.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

2972. ДАНТЕ ГАБРИЭЛЮ РОССЕТТИ

20 июня (2 июля) 1871. Лондон

16, Beaumont street. Marylebone.
2 July 1871.

My dear Sir,

I send you hereby the programme of a "Matinée Musicale", given by Mme P. Viardot[1]. As it is probably the last time she will ever sing in England, you will perhaps think it worth your while to come.

Believe me
Yours very truly
I. Tourguéneff.

P.S. I could procure you a ticket.

2973. ВИЛЬЯМУ СТЕРЛИНГУ-МАКСВЕЛЛУ

21 июня (3 июля) 1871. Лондон

London.
16, Beaumont street. Marylebone.
3 July 1871.

Mr. I. Tourguéneff presents his compliments to Sir William and Lady Augusta[1] Stirling-Maxwell — and accepts with pleasure their kind invitation for Friday, the 7-th of July.

2974. А.А. ФЕТУ

2 (14) июля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
14/2-го июля 1871. Пятница.

Любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, Ваше письмо опять меня огорчило[1]. Не тем, что Вы мне говорите о Пете, характер которого Вы, впрочем, разгадали верно —

это еще может перемолоться — да и Вы, кажется, в отношении к нему стали на настоящую дорогу — а тем, что Вы мне пишете насчет здоровья Л. Толстого. Я очень боюсь за него — недаром у него два брата умерли чахоткой — и я очень рад, что он едет на кумыс, в действительность и пользу которого я верю[2]. Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротевшей литературы, не может и не должен так же скоро исчезнуть с лица земли, как его предшественники Пушкин, Лермонтов и Гоголь. И дался же ему вдруг греческий язык![3]

Вы, кажется, питаете прекрасные надежды насчет разрешения земством капитальнейшего вопроса о налогах. Дай бог Вашими устами мед пить — но меня привело в тупик вторичное предостережение "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей" по поводу статей именно об этом вопросе и именно в том направлении, которому Вы радуетесь[4]. Сколько я их ни перечитывал — понять это предостережение я все-таки не мог! Что Шидловский мерзавец — это было мне давно известно; но, видно, и мерзавец может при известных благоприятных обстоятельствах возвести самого себя в куб[5].

Через две недели я еду в Шотландию, где буду присутствовать на столетнем юбилее В. Скотта в Эдинбурге[6] и поохочусь на "гроузов" (grouse, род белой куропатки) — а с 20-го августа я опять на два месяца в Бадене.

Жизнь английская не весела, но любопытна. Когда встретимся (вероятно, зимой — я с ноября до генваря буду в Петербурге), будет что рассказать[7].

Прилагаю письмецо к Пете[8]. Я ему немного мылю голову. Кстати — уж если пошло дело на английские адрессы — то надо писать либо: I. T., esq-re (никак не esqu*ai*re — что даже не орфографично — настоящее название: esquire), либо: *Mr* I. T. Первый адресс один почетный; *Mr* употребляется только для иностранцев и ремесленников.

Поклонитесь от меня всем друзьям, начиная, разумеется, с Марьи Петровны.

Жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

2975. П.И. БОРИСОВУ

3 (15) июля 1871. Лондон

Пете Борисову.

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
$\frac{15\text{-го}}{3\text{-го}}$ июля 1871.

Спасибо тебе, милый Петя, за твое письмо[1]; хотя признаюсь, я ожидал найти в нем несколько слов о моем друге, твоем покойном добрейшем отце, незаменимую потерю которого ты, кажется, не вполне оценяешь — а не пространное и — извини меня — совершенно нелепое описание тех немецких воинов, которые, по твоему предположению, теперь то и дело куражатся и бахвальствуют. В том-то и дело, милый Петя, что и первоклассному лицейскому ученику нельзя говорить зря; немецкие солдаты после войны, большей частью, перестают быть солдатами, потому что они не преториянцы[2] — а возвращаются каждый к своему занятию. Даже в день торжественного вступления войск в Берлин английские, совершенно беспристрастные, скорей недоброжелательные, корреспонденты удивлялись их скромности и тишине[3]. Бойся риторики, дружок мой, да красного слова! Оно почти всегда ложно.

Желаю тебе хорошенько поправиться и раздобреть в Степановке — и надышаться ее благодатным степным воздухом! К стрельбе, я полагаю, там мало предстоит случаев; но, пожалуйста, будь осторожен — и без дяди не бери ружья в руки. *Вкладывай только тогда патрон, когда хочешь стрелять — а не выстреливши, вынимай его тотчас.* Засим тебя обнимаю крепко и желаю всего хорошего.

Твой старый друг
Ив. Тургенев.

2976. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

6 (18) июля 1871. Лондон

London.
16, Beaumont street.
18. Juli 71.

Ewig junger Pietschachilleus,
Don Juan und Alcibiades!
Du, dem es allein vergönnt ward,
Der Fortuna flücht'ge Locke

Mit entschlossner Faust zu packen —
Und sie rücklings überbiegend,
Sie mit jenem übermüth'gen,
Siegsgewissen Kuss zu küssen,
Den man nennt: "langue fourrée"[1].

Mit Blitzesschnelle antworte ich auf Ihren Brief.

Die ganze Familie (und ich) geht am 29[a]-ten Juli nach Boulogne, wo sie bis zum 8-ten oder 10-ten August bleibt und Seeluft athmet; dann geht die Familie nach Baden-Baden — wo sie zwei Monate verweilt — ich aber gehe von Boulogne am 8-ten nach Edinburgh (zur hundertjährigen Feier Walter Scotts) — und von da auf eine Woche zu einem Freund in Schottland, wo ich die herrlichsten *grouse* schiessen werde. Dann gehe auch ich nach Baden — und bleibe da bis zum 1-ten November.

Also — wenn Sie sonst nach England kommen sollen oder wollen — bravo! Wir werden Sie aber wenige Tage sehen können[2]. Jedenfalls müssen Sie aber nach Baden kommen, wo die Familie zwar in grösster Zurückgezogenheit leben wird — aber desto besser!

Grüssen Sie Familie und Freunde! Bringen Sie Ihr Buch[3] — hier geht alles gut — Frau V⟨iardot⟩ ist zu ihrem 50-ten (!) Geburtstag — gesund und frisch und heiter<...>

2977. Н.А. КИШИНСКОМУ

7 (19) июля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
19/7-го июля 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Я получил Ваше письмо от 11/23-го июня[1]. В предыдущем письме Вы говорили мне, что надеетесь выслать мне в *июле* около 3000 р. сер. Полагаю, что эти деньги уже высланы; в случае же замедления, если по получении настоящего письма они находятся еще в кассе, ⟨то⟩[a] высылайте их, не мешкая, *сюда* на мое имя, только *poste restante*, ибо я через 12 дней еду на две недели с лишком в Шотландию и в Лондон прибуду не раньше 10-го августа нового стиля — и не знаю, где остановлюсь. С 20-го августа я в Бадене.

Но я надеюсь, что деньги прибудут *до* моего отъезда.

---

[a] *Переправлено из*: 30

[a] *В подлиннике ошибочно*: но

Кончина И.П. Борисова была великим огорчением для меня[2].

Будьте здоровы. Кланяюсь всем спасским жителям.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

2978. НЕИЗВЕСТНОМУ

14 (26) июля 1871. Лондон

I am writing to you two days before my departure from London for Boulogne ... where I shall stay until 6 August. Then I go directly to Edingburgh...[1]

2979. ПОЛИНЕ БРЮЭР

14 (26) июля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Mercredi, 26 juillet 71.

Chère Paulinette,

Je viens d'expédier au nom de *Gaston* — cent livres sterling (2500 f-s) — par le même banquier Coutts — sur Gouin à Tours. Comme d'habitude, Coutts ne m'a donné ni reçu ni lettre de change — mais jusqu'à présent l'argent vous est parvenu. Gaston n'a qu'à se présenter chez Gouin.

Je quitte Londres après-demain et je reste *une* semaine à Boulogne, puis je vais pour *une autre* semaine en Ecosse[1] — et vers le 15 août je suis à Paris, où je te verrai. Tu seras avertie à l'avance du jour précis de mon arrivée.

Dès que Gaston aura reçu les 2500 f-s — écris-moi sur-le-champ: *Boulogne*, poste restante[2].

En attendant je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

2980. П.В. АННЕНКОВУ

17 (29) июля 1871. Лондон

Лондон.
16, Beaumont street. Marylebone.
Суббота, 29/17-го июня 71.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩,

Через 2 часа я уезжаю в *Булонь* с семейством Виардо — а *6*-го августа выезжаю оттуда, чтобы к *9*-му попасть в Эдинбург на праздник. Спасибо за указания и цитаты: они все целиком войдут в мой спич[1].

Если что еще пришло бы сообщить мне — то адресс: Эдинбург, poste restante.

А что же фотография? Пришлите ее в Эдинбург[a]. Я потому настаиваю на этом, что я буду от 10-го до 17-го августа гостить в Шотландии у одних знакомых, которым я обещал эту фотографию[2]. (Я буду там стрелять гроузов — grouse). Хотелось бы мне услужить им чем-нибудь за их гостеприимство. Пожалуйста — нельзя ли? Они мне уже 10 раз напоминали.

Засим обнимаю вас всех — и желаю всего хорошего. А Вера[3] рождена *командовать* — так Вы и знайте и покоряйтесь.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Что за нелепица, гнусность — и как в то же время интересно всё это невообразимое нечаевское дело![4]

2981. Н.А. КИШИНСКОМУ

22 июля (3 августа) 1871. Булонь-сюр-Мер

Булонь (во Франции).
Hôtel du Nord.
3-го августа / 22-го июля 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Вот уже 5-й день, как я нахожусь здесь для пользования морскими ваннами — через три дня я возвращаюсь в Лондон — а оттуда отправляюсь на неделю в Шотландию. Около 20/8-го августа я опять в Бадене — и потому все письма прошу адрессовать опять по-старому — в Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 3.

Деньги от Ахенбаха (3000 р.) я получил — и письмо Ваше тоже. Я предвидел, что дело по Кадному не пойдет так успешно, как сперва казалось: делать нечего[1]. Надо, как Вы говорите, терпеть и ждать.

В Россию я приеду в ноябре месяце — но в Спасское не попаду — и потому собственно для меня чинить в доме не для чего; но если балка завалилась, то, я полагаю, во всяком случае ее надо восстановить.

Надеюсь, что хлеба благополучно уберутся и холера Вас не посетит.

Кланяюсь всем и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Было*: Пет⟨ербург⟩

2982. ПОЛИНЕ БРЮЭР

23 июля (4 августа) 1871. Булонь-сюр-Мер

Boulogne-s⟨ur⟩-Mer.
Hôtel du Nord.
Ce 4 août 1871.

Chère Paulinette,

Je suis ici depuis 4 jours — je pars lundi pour Londres, où je reste un jour — puis je vais à Edinbourg et le 17 ou le 18 je serai de passage à Paris. J'ai reçu ta dernière lettre (du 25 juillet) — mais tu ne pouvais pas encore me faire savoir si tu avais reçu les 100 livres st⟨erling⟩ que j'ai envoyées par les banquiers Coutts et Gouin à Gaston. A l'heure qu'il est il y a longtemps qu'il doit avoir reçu cet argent — fais-le-moi savoir immédiatement soit ici — soit à Londres — à la même adresse — 16, Beaumont street, Marylebone. Si tu écris immédiatement — ta lettre me trouvera encore ici.

Je t'avertirai du jour précis de mon arrivée à Paris pour que tu puisses venir et toucher l'argent que j'apporterai.

En attendant je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

2983. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26, 27 июля (7, 8 августа) 1871. Лондон

Londres.
16, Beaumont street.
Lundi, 7 août 1871.
11 h. du soir.

Chère Madame Viardot, à 7 1/2 h. j'étais devant la porte de Mme Carter — et elle se tenait sur le seuil pour me recevoir. J'ai mangé à la hâte, puis je suis allé Devonshire place, 30 (tous les volets, etc. fermés... étrange impression!)[1] j'y ai trouvé une bonne vieille femme qui m'a remis les deux lettres ci-jointes, c.à.d. une lettre et une carte de visite[2], que je me suis permis de décacheter pour les envoyer plus facilement — plus une liste de souscription pour la statue de Balfe[3] avec les noms connus en musique comme souscripteurs. Je ne vous l'envoie pas: le papier est trop gros, mais je verserai pour vous demain *deux* guinées (A. Patti donne 10, Carvalho — 1, Faure — 2; je crois que le chiffre *2* est bon; j'espère que vous le trouverez ainsi).

Puis je suis allé chez Roooolston — il m'a remis — et, à ma demande, lu à haute voix la traduction de mon speech — je pars

demain soir (9 h.) pour Edinbourg[4]; j'arrive après-demain à 9 h. du matin. Vous dire combien de fois j'ai pensé à vous est incalculable, ou plutôt je n'ai pensé qu'une fois... tout le temps sans interruption. La traversée a été très belle. J'espère que tout a bien marché de votre côté aussi. Pietsch l'ambrosien vient demain à 9 h.

Mardi 8 août. 10 h. 1/2.

Pietsch l'ambrosien a déjeuné chez moi. Je me lance à travers Londres pour faire mille choses. P⟨ietsch⟩ m'a dit qu'à Carlsruhe et à Bade on est furieux contre vous, on prétend que vous avez geschmäht la Reine, la Gde Duchesse, etc.[5] Ce sont des cancans, mais avis au lecteur et raison de plus pour se tenir éloigné de toute cette méprisable foule.

Je vous écrirai dès demain, dès mon arrivée à Edinbourg[6]. A l'heure qu'il est, vous voyez les ruines. Je vous embrasse tous et suis pour toujours u⟨nd⟩ auf ewig

Der Ihrige

J.T.

Mille amitiés au docteur Frisson.

2984. ПОЛИНЕ БРЮЭР

27 июля (8 августа) 1871. Лондон

Londres.

16, Beaumont street. Marylebone.

Mardi, 8 août 71.

Chère Paulinette,

Je suis arrivé hier soir fort tard et dès ce matin je suis allé chez Coutts. J'ai fait ma réclamation[1], et le monsieur, chargé des affaires de Gouin, après avoir regardé dans ses livres, m'a dit qu'en effet cet "advice had been overlooked" — et qu'il y remédierait — et tout cela avec le plus grand phlegme. Décidément — il faut trouver un autre moyen que celui-là de vous envoyer de l'argent. Voici la 2-me fois que cela arrive![2] J'espère que dans quelques jours vous toucherez enfin ce malheureux argent et fais-le-*moi savoir tout de suite* — à Beaumont street, 16. Dans 7 jours d'ici je serai de retour de mon excursion en Ecosse et j'arrive à Paris vers le 17. Du reste tu seras informée du moment précis de mon arrivée à Paris[3].

Je regrette beaucoup ces désagréables retards qui ne dépendent pas de moi — et je vous embrasse tous les deux.

Au revoir, à bientôt!

J. Tourguéneff.

2985. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29 июля (10 августа) 1871. Эдинбург

№ 3

Edinbourg,
10 août 1871.
Midi.

Ouf! chère Madame Viardot, quelle chaleur il fait maintenant[1] et hier donc à la *Commemoration*![2] J'ai prononcé mon petit discours d'une voix criarde et faible, j'ai pataugé deux fois — il y a eu des cheers, comme vous pouvez juger par le petit fragment que je vous envoie[3], mais entre nous soit dit, Monsieur Tourqueneff[4] a parfaitement senti qu'il était un homme complètement inconnu, parlant d'une chose complètement indifférente. Ce serait à recommencer que je ne le ferais pas, — car c'est *inutile*, si ce n'est *ridicule*. Il y avait un monde fou — et chacun était squeezed dans sa place, d'où il ne pouvait bouger. Je n'ai fait la connaissance de personne et j'ai épouvantablement transpiré. Ajoutez à cela que j'ai peu entendu ce qu'on disait — et demandez-vous si je me suis amusé? Cela fait mieux sur le papier qu'en réalité.

Et avec cela Benzen qui ne m'a *rien fait dire*! Je pars dans une heure tout penaud pour Pitlochry, et comment irai-je de là à sa maison?[5] Voilà ce que je ne sais pas du tout. Hospitalité écossaise, n'existes-tu donc que dans les opéras d'Auber?[6]

Je vous écrirai ce soir, peut-être de chez Mr Benzen, peut-être de l'auberge à Pitlochry![7]

Ah! que suis-je venu faire dans cette... Ecosse![8]

Vous êtes à Bade, vous[9] — et vous n'avez pas si chaud que moi.

Mille, mille amitiés à tout le monde — je vous baise bien tendrement les mains.

Der Ihrige
J. Tourguéneff.

2986. ВИЛЬЯМУ СТЕРЛИНГУ-МАКСВЕЛЛУ

30 июля (11 августа) 1871. Питлокри

Allean House,
Pitlochry.
Friday, 11 Aug. 71.

Dear Sir!

Excuse the delay of my answer to your kind letter — I received it the moment I left Edinburgh[1] — and I came here only yesterday. To my very great regret I will not be able to

profit, this time, of your invitation: some few days hence I must go to Paris[2]. Accept the expression of my heartfelt thanks.

With my best compliments to Lady Anna and to you

I remain
Yours very truly
I. Tourgueneff.

P.S. I have read yesterday with very great pleasure your admirable speech on W. Scott[3] — at the celebration I could not hear it: I was sitting too far.

2987. ПОЛИНЕ ВИАРДО

30 июля (11 августа) 1871. Питлокри

№ 4

Allan House
Pitlochry. N.B
Vendredi, 11 août 1871.

Chère Madame Viardot, je vous écris deux mots — (je n'ai pas le temps d'en écrire davantage. Mr Benzen part pour chercher sa femme à Pitlochry, elle revient aujourd'hui d'Allemagne). Je vous écris donc pour vous dire que je suis ici depuis hier soir — que c'est un pays magnifique — des bois, des montagnes, une rivière torrentueuse, une belle maison, un air excellent, etc., etc. Tout cela n'empêche que malgré la perspective de la chasse aux grouses, qui commence demain — dans 4 jours je disparais et dans 8 je suis à Bade. J'ai reçu votre petit mot de Paris — je vous remercie beaucoup d'avoir pensé a moi — cette bronchite certifitée par Frisson — me tourmente beaucoup aussi — j'espère que vous vous êtes déjà mise au koumyss — il faut se soigner et ne faire que cela à Bade.

Browning demeure à deux pas d'ici[1] — hier soir, il était là avec son fils qui est un chasseur déterminé.

Je vous écrirai aujourd'hui même plus longuement[2]. En attendant je vous serre les mains bien affectueusement et mille choses à tout le monde.

Ganz
Der Ihrige
J. Tour ⟨guéneff⟩.

2988. ПОЛИНЕ ВИАРДО

31 июля (12 августа) 1871. Питлокри

№ 5

Allean House.
(Pitlochry, N⟨orth⟩ B⟨ritain⟩).
Samedi, 12 août 1871.

Chère Madame Viardot, je reviens d'un bain que j'ai pris à la rivière (il est 7 heures du matin) par le plus beau temps du monde, qui nous promet une chasse splendide pour aujourd'hui — en traversant le bois j'ai vu trois chevreuils, une quinzaine de lapins — et en sautant dans l'eau j'ai fait partir une bande de canards sauvages à deux pas de moi — communiquez tous ces détails à Viardot.

Hier nous avons fait une tournée dans les "moors" avec les chiens; j'ai vu pour la première fois des "grouses" partir devant moi. Puis il y a eu une longue promenade sur la rivière sous prétexte de pêcher des poissons. Tout cela est fort agréable pendant 3 ou 4 jours. Mme Benzen est revenue hier, complètement guérie de son rhume de cerveau chronique, mais plus pointue que jamais. Browning et son fils ont passé la soirée à la maison — Browning est décidément fort vain et pas très amusant. Son fils a l'air d'un très bon garçon avec une grosse verrue rouge sur le bout du nez. Benzen est toujours l'être bienveillant que vous savez. Il y a encore un Mr et Mme Vickers, dont il n'y a rien à dire. Ils sont jeunes et voilà tout. L'air est vivifiant et le manger exquis. On avale des montagnes de Strawberries grosses comme des montagnes.

"Sed delenda est Carthago"[1]
et le 17 je suis à Paris — et le 20 à Bade. C'est "irrévocabilissimissime"!

Comment vous trouvez-vous à Bade? J'attends une lettre pour aujourd'hui. En attendant je vous embrasse tous et je vous baise bien tendrement les mains.

Der Ihrige
J.T.

P.S. Koumyss! Koumyss!! Koumyss!!! Et un précepteur pour Paul! Et l'Ecorché!![2]

2989. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1(13) августа 1871. Питлохри

№ 6

Allean House,
Pitlochry,
N⟨orth⟩ B⟨ritain⟩.
Ce 13 août 1871.

Eh bien, chère Madame Viardot, c'est moins extraordinaire que je me l'étais imaginé. — 1°) C'est abominablement fatigant, c'est une chasse de jeune homme — et je ne le suis plus depuis longtemps. — 2°) Il fallait marcher avec un autre chasseur, jeune et alerte et ingambe — celui-là — comme un diable — cet état de jumeau siamois avait peu de charmes — d'autant plus que lui tirait comme "un gerifalte" — et moi horriblement mal: j'ai manqué mes 9 premiers grouses — et j'ai tiré plus de 50 coups pour en tuer 22. Lui en a tué 76. Le gibier était très abondant, le temps superbe — on nous a servi un excellent déjeuner dans les moors — *un* des chiens était merveilleux — la chasse en elle-même m'a paru pourtant un peu monotone et puis — jamais, jamais je n'ai été aussi fatigué qu'hier — à en pleurer. Je me suis blessé un pied par-dessus le marché — aujourd'hui dimanche on ne chasse pas — je ne crois pas que je puisse aller demain lundi[1] — et mardi — je file. Voici donc mon "grouse shooting" fini. Non, décidément, — vivent les petites chasses de Bade — où l'on n'est pas accouplé à un forcené qui a des jambes de cerf et qui, dès que l'on s'arrête pour respirer, vous crie: Come on! come on! Avec cela les montagnes d'ici sont très hautes... Basta cosi.

Le temps continue à être ravissant. Je m'en réjouis pour vous — car je suppose que vous avez le même temps à Bade. Aves-vous commencé le Koumyss? Vous aurez encore le temps de m'écrire à Paris, Hôtel Byron, rue Laffitte.

M. Browning est encore venu hier soir; je l'ai trouvé ennuyeux... du reste je tombais de fatigue et de sommeil.

Dans une semaine — au plus tard — je vous revois tous et pour longtemps. Je vous embrasse tous, tous (même Minmin, le chien ridicule) et vous baise les mains avec la plus grande tendresse.

Der Ihrige
J. Tourguén⟨eff⟩.

n° 6.

non

116

Allean House
Pitlochry
N. B.
le 13 août 1871.

Eh bien, chère Madame Viardot, c'est
moins extraordinaire que je me l'étais ima-
giné. — 1°) C'est abominablement fatigant,
c'est une chasse de jeune homme — et je ne le
suis plus depuis longtemps. — 2°) Il fallait mar-
cher avec un autre chasseur jeune et
alerte et ingambe celui-là — comme un
diable — cet état de jumeaux glaneurs
avait peu de charmes — d'autant plus
que lui tirait comme un gerfaut — et
moi horriblement mal : j'ai manqué
mes 9 premiers grouses — et j'ai tiré
plus de 50 coups pour en tuer 22. —
Lui en a tué 76. — Le gibier était
très abondant, le temps superbe — on
nous a servi un excellent déjeuner

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К ПОЛИНЕ ВИАРДО
ОТ 1(13) АВГУСТА 1871 г.
Первая страница
(*Национальная библиотека, Париж*)

2990. НЕИЗВЕСТНОЙ

1(13) августа 1871. Питлокри

Allean House,
Pitlochry,
N⟨orth⟩ B⟨ritain⟩
13 Août 1871.

Chère Mademoiselle,

Permettez-moi de répondre en français à votre aimable lettre: je sais l'anglais — puisque j'ai même prononcé un petit "speech" — (appris par cœur, il est vrai) à la Fête Séculaire de W. Scott[1]; mais comme d'après ce que vous me dites, le français vous est familier, je me servirai de cette langue, que j'écris beaucoup plus facilement.

Je commence par vous remercier de la bonne opinion que vous voulez bien avoir de mes ouvrages — et de la grâce franche, avec laquelle vous me la dites. De pareils témoignages de sympathie sont rares en toute occasion — et surtout pour moi, qui n'en ai guère reçu: ils me sont d'autant plus précieux.

Je regrette vivement de ne pas pouvoir profiter de votre proposition. La perspective de jouir de votre hospitalité à Durham est bien tentente — mais je dois être — pour affaires graves — à Paris dès le 17 — et je n'ai pas un instant dont je puisse disposer. J'espère bien que l'occasion de faire connaissance se retrouvera plus tard.

Je serai bien heureux, Mademoiselle, si vous vouliez me donner votre photographie: permettez-moi de vous offrir la mienne. Mon adresse permanente est: "Mr J.T. — Baden-Baden — Thiergartenstrasse 3". — G⟨ran⟩d Duchy of Baden.

Agréez, Mademoiselle, l'expression de mes sentiments les plus distingués et croyez-moi

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

2991. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

2(14) августа 1871. Питлокри

Allean House.
Pitlochry (Scotland).
Ce 14 août 1871.

Mon cher ami, vos deux billets m'ont rattrappé ici — au fond de l'Ecosse, où je fais la chasse du "grouse" chez un ami[1]. Je pars d'ici après demain *16*; le 17 je repars de Londres et j'ar-

rive le *18* à Paris. Je voudrais bien que vous fussiez à Paris ce jour-là et que je n'eusse pas à aller à Croisset — car mon temps est horriblement court. A Paris je serai à l'hôtel Byron, 20, rue Laffitte. Faites en sorte que je trouve un mot de vous à mon arrivée. Pour plus de sûreté je vais copier cette lettre et j'enverrai la copie à Croisset.

Je vous embrasse et à bientôt! Préparez votre "Antoine"!

Tout à vous
J. Tourguéneff.

2992. ПОЛИНЕ ВИАРДО

3(15) августа 1871. Питлокри

№7

Allean House,
Pitlochry.
N⟨orth⟩ B⟨ritain⟩.
Mardi, 15 août 1871.

Chère Madame Viardot, je suis pourtant allé hier à la chasse, malgré mon pied blessé. Mr Benzen a eu l'amabilité de me prêter un cheval qui m'a suivi partout dans les moors — et j'avais mis de vieilles bottes. Le temps a été superbe — j'ai mieux tiré — mais nous avons vu moins de gibier. J'ai tué 18 pièces — en 40 coups. Ce n'est pas fameux — et je ne laisserai pas la réputation d'un "capital shot", mais je ne pouvais pas y prétendre.

Je n'ai plus eu mon camarade du premier jour, l'homme aux bottes de sept lieues; j'étais avec Mr Benzen qui n'est pas plus chasseur qu'une marmotte, et le fils de Browning qui croit l'être (chasseur, pas marmotte) — et qui n'est qu'un petit bêta insignifiant avec une grosse verrue rouge en permanence sur le nez. Le soir on a fait un tout petit peu de musique. Mme Benzen a "squeaked" — mit falscher Stimme und wahrem Cefühle[1] — des Lieder de Schubert et de Schumann. Cela m'a pourtant fait plaisir — par réminiscence[2].

Vous connaissez déjà le résultat du "banquet littéraire" et de ma participation à icelui. Le "Pall-Mall" d'hier trouve mauvais qu'on ait si obstinément estropié mon nom; le "Pall-Mall" — est bien bon, mais c'est bien le cas de dire: à qui cela fait-il quelque chose?[3]

Ainsi — Paris vous a charmé! Eh bien — j'en suis content et je crois que c'est une bonne résolution, que celle de revenir à la rue de Douai. Et puisque me voilà sur ce chapitre, pourquoi — de moment que vous aurez des chambres à y louer — ne m'y

établirai-je pas? Cela me coûtera toujours moins cher qu'à l'hôtel. C'est une idée qui me vient à l'instant même. Réfléchissez-y avant que d'en parler à qui que ce soit. Cette idée est peut-être très bonne[4].

Je vous écrirai encore demain et puis une fois encore de Paris[5]. Oh, quel bonheur ce sera de vous revoir. Mes amitiés à tout le monde, en commençant par Viardot; je vous baise tendrement les mains.

Der Ihrige J.T.

2993. ЛУИ ПОМЕ
9(21) августа 1871 (?). Париж

Mon cher ami,

Le petit billet ci-joint[1] vous autorise de me remettre les 2 250 francs de location de la rue de Douai[2]; vous seriez bien aimable de me les apporter aujourd'hui vers 6 heures.

Pourquoi ne ferions-nous pas après cette séance de musique que vous projetiez avec Marcel?[3]

A ce soir.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

Lundi matin.

2994. ЛЮДВИГУ ПИЧУ
12(24) августа 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 24. Aug. 71.

Liebster Micawber[1] — ich will sagen... Pietsch — ich bin hier am Montag angekommen — und habe die ganze Familie wohl und gesund gefunden; auch Mme Viardot geht es besser. Ich *habe* an Sie aus Edinburgh geschrieben, ich *habe* mein Versprechen gehalten; dass Sie den Brief[2] nicht bekommen haben — ist nur ein Beweis mehr der absoluten Miserabilität aller *officiellen* Englischen Einrichtungen: es sind mir in dem Winter allein mehr Briefe und Telegramme verloren gegangen — als sonst in meinem ganzen Leben. Vom Edinburger Fest und meinem Antheil daran — ist wahrlich nicht viel zu sagen: ein gänzlich unbekannter Mensch — Torgunoff — sprach von einem gänzlich uninteressanten Gegenstande: der Russischen Literatur[3].

Ich kann Ihnen diesen Brief nicht nach Bonn schicken — heute ist ja Donnerstag[4]. Ich schicke ihn also nach Berlin. Dass

Sie nicht nach Baden kommen — ist sehr schlecht von Ihnen: man hätte Sie herzlich empfangen — aber Sie wollen mir nicht glauben[5].

Grüssen Sie alle Freunde und vergessen Sie nicht J. Schmidt das Buch abzugeben[6].

Im Winter sehen wir uns. Bis dahin leben Sie recht wohl und munter. In alter Freundschaft

Ihr I. Turgénjew.

P.S. Ich bleibe hier bis Ende October.

2995. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

12(24) августа 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
Jeudi, 24 août 1871.

Mon cher ami,

Vous souvient-il d'un manuscrit que vous m'avez donné il y a pas mal de temps? C'était la traduction d'une nouvelle russe du c⟨om⟩te L. Tolstoï, intitulée "Polikouchka"[1]. Une dame dont j'ignore le nom avait fait cette traduction. Elle devait être publiée — mais elle ne le fut pas, je ne me rappelle plus pourquoi. Or cette dame a pour ami Mr Liebreich, le célèbre oculiste. Pendant tour cet hiver, à Londres, il ne cessa de me persécuter à propos de ce malheureux manuscrit que j'avais laissé à Bade: la dame voulait avoir son manuscrit — et il m'était impossible de le lui rendre. Dès mon retour ici, j'ai fouillé dans tout mes papiers et j'ai retrouvé le manuscrit; c'est très bien... mais où l'envoyer? Mr Liebreich court le monde — et il ne m'a pas donné l'adresse de la dame, ni même son nom. Si toute cette affaire ne vous est pas sortie de la mémoire — voulez-vous venir à mon aide, soit en me donnant l'adresse de la dame, soit en me permettant de vous renvoyer le manuscrit, que vous auriez ensuite la bonté de faire parvenir à sa destination? Un mot de réponse m'obligerait beaucoup.

En même temps je me permets de vous envoyer une traduction d'un de mes petits récits, qui a paru dans le "J⟨ourna⟩l de St-P⟨étersbour⟩g"[2]. Si vous croyez que cette bagatelle puisse intéresser Mme Sand, envoyez-la-lui.

Si vous allez à Strasbourg, j'espère bien que vous pousserez jusqu'ici. Toute la famille Viardot vous fait dire mille amitiés.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

2996. Н.А. КИШИНСКОМУ

14(26) августа 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Суббота, 26/14-го авг. 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Пять дней тому назад я вернулся сюда — и намерен остаться здесь два месяца. Это Вам к сведению.

Письмо Ваше от 28-го июля/9-го авг⟨уста⟩ я получил — Вам уже известно, что вексель в 3000 р. от Ахенбаха находится в руках моих[1].

Холера нас еще не посетила — но, покидая вас и Россию, надвигается на нас, как туча; по последним известиям, она в Лейпциге. Будем стараться защищаться. Радуюсь, что она пощадила Спасское[2].

Что урожай посредственный — против этого делать нечего; хорошо еще, что и малое успели убрать.

Наши выкупные операции — точно скачки с препятствиями: никогда нельзя сказать наперед, достигнет ли всадник цели или же сломит голову. Постарайтесь перескочить наконец тапковское препятствие[3].

Если наберутся свободные деньги — пришлите.

На продажу Кадного я до моего приезда (в ноябре) уже не рассчитываю. Чего сам не сделаешь, другие не сделают.

Желаю Вам всего хорошего и кланяюсь спасским жителям.

Ив. Тургенев.

2997. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14(26) августа 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Суббота, 14/26-го авг. 71.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Приехал я сюда несколько дней тому назад — и нашел Ваше письмо: очень жаль, что не удается нам повидаться в Бадене[1]. От души желаю, чтобы Ваша ускоренная поездка в Петербург принесла благие плоды и Вам и публике![2]

Повесть моя[3] подвигается к развязке и в октябре (наш. ст.) будет представлена на Ваше благоусмотрение.

Первый (январский) № "Вестника Европы" за нынешний год был выслан мне сюда; февральский и мартовский я, сколько мне помнится, получил в России; вернувшись сюда из Англии, я надеялся найти здесь майский, июньский и июльский; но ничего не нашел. Целому свету известная Ваша аккуратность заставляет меня предполагать, что тут вышло какое-либо недоразумение; будьте так добры — велите справиться.

Засим кланяюсь Вам и дружески жму руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2998. А.А. ФЕТУ

16(28) августа 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Понедельник, 28/16-го авг. 71.

Вот я опять здесь, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, и письмо Ваше получил — т.е. нашел это письмо здесь[1]. Остаюсь в Бадене до конца октября — а там в Париж — а в ноябре (в конце) в Петербург. Был недавно в Шотландии — присутствовал в Эдинбурге на юбилее Вальтер⟨а⟩ Скотта —даже произнес спич (весьма короткий и заранее наизусть выученный)[2]; сбился раз, чем заслужил рукоплескания; впрочем, слыл — во всех газетах — за M-r Torqunoff, a distinguished novelist; англичане вовсе не интересуются ни Россией, ни русской литературой (русское правительство — это дело другое, особенно русская дипломатия). Потом я ездил в "Highlands" — и стрелял там "гроузов" — grouse — птицу, являющую нечто среднее между тетеревом и белой куропаткой[3]. Это было очень интересно, но утомительно — и первый день я от волнения стрелял скверно. Нигде в мире нет такого воздуха, как в северной Шотландии; дышать им — наслаждение! Притом я был у весьма милых и гостеприимных хозяев.

Мне жаль, что Петя только рассердился на меня за мое письмо — а не почувствовал, что в нем было справедливого[4]. Когда он будет большой, я, если буду жив и если он сделается — в чем я не сомневаюсь — хорошим человеком, покажу ему его *первое письмо, написанное ко мне после кончины его отца* — и он и постыдится его, и подивится то-

му, до чего может доходить эгоизм молодости[5]. Теперь он, в силу своих успехов в катковском лицее, чувствует себя как бы царьком; а до царей, известно, истина проникает с трудом.

Когда я свижусь с Вами, мы побеседуем о новейшей английской *поэзии*, о которой у нас никто — или почти никто — не имеет понятия. Штука не симпатическая — но интересная — и есть очень, очень большой лирический талант: Свинберн (Swinburne)[6].

Это очень плохо, что "о Толстом нет вестей". Вы не можете иметь о нем более высокого мнения, чем я. Будем надеяться, что слухи преувеличены и что всё еще поправится[7]. Если к такому таланту да присоединится еще образованный и успокоенный, т.е. умудренный, ум — чего нельзя ожидать от него! Я твердо верю, что мы еще доживем до того мгновенья, когда он первый будет добродушно хохотать над quasi-философской чепухой, которую он напустил в виде вони в свой поистине великий роман[8].

А что Вам *не нравится* звание "литератор" — это Ваш конек, а жизнь научила меня обходиться с чужими коньками почтительно. По-моему, "литератор" — такое же звание или определение рода занятий, как "сапожник" или "пирожник". Но есть пирожники хорошие и дурные — и литераторы тоже.

Засим кланяюсь Марье Петровне и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

2999. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

17(29) августа 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
Mardi, 29 août 71.

Mon cher ami,

Mea culpa, mea maxima culpa! Je vous expédierai immédiatement le manuscrit, mais je le lirai auparavant et vous en dirai mon opinion en toute sincérité[1].

Quant à la bagatelle que je vous ai envoyée, si vous ne changez pas d'opinion après l'avoir lue, vous pourrez en faire ce que vous voudrez — si vous la donnez à un journal, ce sera naturellement gratis. Viardot avait pensé en faire une nouvelle

traduction avec moi (car je ne suis pour rien dans celle-ci) et la proposer à la " Revue des Deux Mondes"; mais outre qu'elle ne voudrait pas d'une reproduction, la chose en elle-même est trop mince pour une revue[2]; je viens de lui proposer de traduire une autre nouvelle de moi, inédite en français, beaucoup plus longue et, je crois, ayant plus de valeur littéraire[3]. Si Mr Buloz dit "oui", nous nous mettrons à l'ouvrage. Ainsi vous avez carte blanche.

Recevez mes remercîments pour vos bonnes et aimables propositions — vous êtes un éditeur, comme il n'y en a guère — comme il n'y en a pas.

Tout *notre* Bade se réjouit grandement à l'idée de vous voir, ne fût-ce que pour quelques jours; quant à *l'autre* Bade, nous ne le voyons guère et ne nous en soucions pas.

J'ai rempli votre commission auprès de la famille Viardot: seulement, j'ai embrassé tout le monde.

Ce qui me frappe surtout dans l'Assemblée actuelle en France — c'est son manque de patriotisme, dans le sens le plus simple — et le plus vrai — du mot. Quand la honte de l'occupation étrangère devait être leur seule pensée de jour et de nuit, les brûler insupportablement comme un fer rouge attaché à leurs semelles, à leur cœur, à leur âme — ces messieurs se livrent à des questions de parti, de gouvernement — que sais-je! En vérité, cela amoindrit terriblement la France aux yeux de l'Europe[4]. Un jour, pendant mon dernier séjour à St-P⟨éters⟩bourg, le cocher de mon traîneau se retourna sur son siège pour me demander si c'était vrai que les Français se battaient entr'eux pendant que les Prussiens étaient autour de Paris; quand je lui dis que "oui" — il fit un grand signe de croix — et après quelques instants de silence ajouta: "Ils ne sont donc plus bons qu'à enterrer?" Je ne crois pas que vous en soyez là — ce serait le plus grand désastre pour nous tous — mais si Thiers a le droit d'être où il est et ce qu'il est — c'est, qu'après tout et malgré tout — on ne peut s'empêcher de sentir en lui ce patriotisme, dont je viens de parler[5].

Au revoir, mon cher ami — et tâchez de vous bien porter et de tenir la tête hors de l'eau. Le temps ici est radieux — Bade est véritablement un pays féerique en automne — ne tardez pas trop d'y venir.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

3000. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1 (13) сентября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
3, Thiergartenstrasse.
Ce 13 août[a] 71.

Chère Paulinette,

J'ai reçu ta lettre dans mon lit, où m'a cloué un accès de goutte. Il est plus violent que d'habitude et dans le *genou*, ce qui est fort désagréable, car cela me condamne à une immobilité absolue. Enfin, il faut vivre avec son ennemi. Le docteur croit que j'en ai encore pour une quinzaine[1].

Les 2759 f-s que je vous reste devoir seront expédiés *après-demain* par l'entremise du banquier Müller d'ici. Je ne vous devrai plus que 40 000 fr-s et je vous aurai payé les intérêts jusqu'au 1-er octobre 1872[2].

Je tâcherai de payer sinon la moitié, au moins le quart de la somme dans le courant de l'hiver[3].

En attendant je te félicite ainsi que Gaston d'être débarrassés de Mr V⟨imont⟩ et je souhaite que la reprise des affaires continue[4].

Je vous embrasse tendrement tous les deux.

J. Tourguéneff.

P.S. Je n'oublierai ni le kirsch ni l'eau de Cologne ni le cadre — mais pour cela if faut que je puisse bouger.

3001. П.В. АННЕНКОВУ

2 (14) сентября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
14/2-го сентяб. 1871.

Пишу к Вам, любезнейший Анненков, с постели, к которой пригвоздил меня жестокий припадок подагры. На этот раз эта катковка вздумала поселиться в колено, что лишает меня возможности пошевельнуться. Надо вооружиться терпением!

Погода так чудесна — и здесь, и, по Вашим словам, в

---

[a] *Так в подлиннике.*

Петербурге, что я решаюсь писать Вам на *дачный** адресс в надежде, что Вы еще не возвратились в город. Я уже написал и в Лондон, и в Эдинбург о высылке мне письма, книги и пр.

Батюшка! Вышлите мне "Русскую старину". Отрывки из Добрынина, прочитанные мною в фельетоне "С-П⟨етер⟩-б⟨ург⟩ских ведомостей", привели меня в восторг[1].

Вернувшись сюда, я нашел здесь пропасть журналов — и прочел многое, но ни от чего в особенное умиление не пришел. Любопытна статья о Чаадаеве в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩", но какое претенциозное изложение — и как гнусна личность автора — Жихарева — сквозящая между строками![a2] Кстати, если Ваш Павел уж очень забунтует, попробуйте укротить его словами: "А вот постой, женю тебя на Цебриковой!" — или, говоря ее слогом: "Отдам тебя в естественную закваску к Цебриковой!"[3] Если он немедленно не смирится, ждите от него больших бед в будущем! И все-таки поцелуйте его от моего имени (помните, он перед моим отъездом вдруг почувствовал ко мне расположение) — да и бунтовщицу Веру тоже!

Я здесь славно занялся моей повестью: черт знает, что из нее выйдет — а вытягивается, шельма, как гуммиластик[4].

Ваши слова о моем участии в в⟨альтер⟩скоттовском юбилее и о моем абсентеизме — золотые по своей справедливости слова; но одно уже давно прошло — а другого исправить нельзя[5].

Здешний мой дом, который, по милости дядюшки, был продан мною г-же Виардо, теперь ею, с моего согласия разумеется, продан окончательно московскому банкиру Ахенбаху и с 1-го ноября поступает в его владение. (Семейство Виардо, как Вам известно, переезжает в Париж, она расстается с Германией). Я немножко пожалел о моем гнезде... впрочем, во мне недаром татарская, кочевая кровь: чувства оседлости не имеется — и всякий дом — вроде палатки.

Есть ли у Вас еще мои деньги? Если нет, дайте знать — и оные немедленно вышлются. Подвигается ли подписка

---

* Не могу писать на дачный адресс — ибо в Вашем последнем письме стоит только: Лесной — а имени дачи нет. Сойти вниз не могу — и потому пишу через Стасюлевича.

[a] *Было:* под строкой

на памятник Пушкину? Если нет — то это позор для России. Полагаю, что Вы внесли мои сто рублей. Приехавши в Петербург (ибо я приеду, не смейтесь) — я взнесу еще более[6].

Засим дружески кланяюсь всем Вашим — и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

3002. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

3 (15) сентября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 15. Sept. 1871.

Lieber Pietsch!

Erstens muss ich Sie schelten: man kann einen Freund aller möglichen Unthaten, ja eines Mords[a] für fähig halten — nur keiner Indélicatesse. Wäre Micawber der Typus eines *borgenden* Menschen — ich hätte mir die Zunge eher abgebissen, als Ihnen diesen Spitznamen gegeben[1]; Dickens hat in M⟨icawber⟩ einen Menschen darstellen wollen, der beständig zwischen der tiefsten Verzweiflung und dem höchsten Jubel oscillirt — und in *dem* Sinne sind Sie Micawber.

Zweitens muss ich Ihnen, obwohl ungern, folgendes sagen: kommen Sie nicht nach Baden. Das Haus ist an einen Moskauer Banquier verkauft[2] —und muss gegen Anfang October abgeliefert werden — viele Möbel sind schon fort — auch die Ihres Zimmers. Auch bin ich von einem ganz abscheulichen Gicht-Anfall im *Knie* heimgesucht — liege seit 7 Tagen unbeweglich wie ein Klotz im Bett und werde so *wenigstens* noch einen Monat liegen bleiben: alles trägt demnach den Stempel des Endes, der Auflösung, des Verlassens und Niewiederkommens; in ein solches Haus muss ein Fröhlicher und Gesunder nicht kommen. Seine blosse Anwesenheit ist ein Missklang.

Sehen Sie — ich kann auch aufrichtig sein.

Also, lieber Pietsch, auf Wiedersehen in Paris, wenn es geht — und dann aber lustig — wenn es auch geht. Jetzt aber muss man still und einsam die bösen Dämonen[б] walten lassen.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: sogar

[б] *Было*: Stunden

Grüssen Sie bestens die Familie, alle Freunde, und sagen Sie meinen besten Dank J. Schmidt für seinen so wohlwollenden und wie immer den Nagel auf den Kopf treffenden Artikel in der "Allgem⟨einen⟩ Augsb⟨urger⟩ Zeitung"[3]. Er dringt einem — "tief in's Gekröse" — mit seinem kritischen Scharfblick.

Ihr I. Turgénjew.

3003. Н.А. КИШИНСКОМУ

4 (16) сентября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
4/16-го сентября[a] 1871. Суббота.

Любезный Никита Алексеевич, спешу уведомить Вас, что вексель от Ахенбаха в 2000 р. (1760 талеров) я получил— а также Ваше письмо[1].

Здешний мой дом, который я продал г-же Виардо, продан ею тому же самому банкиру Ахенбаху — так как я впредь уже в Бадене жить не буду.

Однако до 1-го ноября нов. ст. я остаюсь еще здесь.

Вот уже 10 дней, как я лежу в постели по случаю сильного припадка подагры — только с сегодняшнего дня как будто полегчало.

Сожалею о дурном состоянии погоды; у нас тоже здесь совсем нет дождей; но утешаюсь Вашим уверением, что доходы не много умалятся.

Мне теперь деньги не к спеху, не нужны; но распорядитесь так, чтобы *до* 1-го ноября нов. ст., т.е. через месяц по получении сего письма, были высланы какие найдутся свободными деньги — но непременно на *Париж*, т.е. на парижского банкира, так как теперь французский денежный курс самый выгодный.

Желаю Вам всего хорошего — и успешного окончания дел.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Было:* август⟨а⟩

3004. А.А. ФЕТУ
6(18) сентября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
18/6-го авг.[a] 1871.

Любезнейший Фет, Ваше письмо[1] застало меня в постели, с которой я уже две недели с лишком не расстаюсь по милости припадка подагры, которую черт дернул поселиться на этот раз (в первый раз) в колене — и таким образом лишить меня всякой локомоции[2]. Сегодня попытаюсь подняться с *двумя* костылями: подумаешь, я тоже участвовал в завоевании Франции![3] А погода между тем отличная — дразнит сквозь окна — охота лопнула и т.д., и т.д.

Спасибо за сообщенные известия. Я очень рад, что Толстому лучше и что он греческий язык так одолел — это делает ему великую честь и принесет ему великую пользу[4]. Но зачем он толкует о необходимости создать какой-то особый русский язык? Создать язык!! — создать море. Оно разлилось кругом безбрежными и бездонными волнами; наше — писательское — дело направить часть этих волн в наше русло, на нашу мельницу. И Толстой это *умеет*. А потому его фраза лишь настолько меня беспокоит, насколько она показывает, что ему всё еще хочется мудрить[5].

Литератор отвечает только за напечатанное слово: где и когда я *печатно* высказался против классицизма?[6] Чем я виноват, что разные дурачки прикрываются моим именем? Я вырос на классиках и жил и умру в их лагере; но я не верю ни в какую Alleinseligmacherei — даже классицизма — и потому нахожу, что новые законы у нас положительно несправедливы, подавляя одно направление в пользу другого. "Fair play", — говорят англичане; "равенство и свобода", — говорю я. Классическое, как и реальное, образование должно быть одинаково доступно, свободно — и пользоваться *одинаковыми* правами. Г-н Катков говорит противное[7] — но я в жизни ненавидел только *одно* лицо (не его, то уже умерло, слава богу)[8] — а презирал только трех людей: Жирардена, Булгарина — и издателя "Моск⟨овских⟩ ведомостей". Il s'en f⟨ou⟩t; et moi, je me f⟨ou⟩s de ce qu'il s'en f⟨ou⟩t.

Здешний дом — в котором я жил и который я продал по милости дяди — теперь продан окончательно — с 1-го ноя-

---

[a] *Так в подлиннике*

бря[9]. Баденская жизнь моя — тю-тю! Какой склад примет будущее, я не знаю — да и не интересуюсь слишком.

"И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей!"[10]

Кланяюсь Марье Петровне и всем хорошим знакомым. Петю также за меня поцелуйте, как увидите. Желаю Вам здоровья и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

3005. Н.А. КИШИНСКОМУ

15(27) сентября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
27/15-го сент. 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Я получил письмо от Ильи Серебрякова, сына бывшего матушкина управляющего[1]. Он управлял разными имениями, говорит, что имеет хорошие аттестаты — и желал бы управлять каким-нибудь моим имением. Я ему не отвечал — да я же этим господам не доверяю; если Вы полагаете, что он может быть полезным под Вашим начальством, напишите ему (его адрес: в Коломну (Моск. губер.), в доме купца Л.А. Муравлева — с передачей И.Н. Серебрякову). В противном случае дайте ему знать, что я Вам сообщил его желание — и что Вы не видите возможности его исполнить.

Не забудьте так распорядиться высылкой денег, чтобы я получил здесь вексель *до* 31/19-го октября — и высылайте вексель непременно на *Париж.*

Моя подагра всё еще не прошла — и я хожу с большим трудом и с помощью палки.

Желаю Вам здоровья и всего хорошего.

Ив. Тургенев.

3006. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

15(27) сентября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
Ce 27 sept. 71.

Et bien, mon cher ami, le temps se passe — et vous ne venez pas à Bade? Vous me l'aviez pourtant promis — ou à peu près. Il se fait tard maintenant, et nous nous verrons à Paris. Les

Viardot y vont vers la moitié du mois prochain — et moi — vers la fin. Un accès de goutte me tourmente fort depuis un mois. Cette fois-ci je l'ai malheureusement au genou et j'ai dû rester trois semaines — immobile — au lit. Je me traîne à peine maintenant avec l'aide d'un bâton.

J'ai renvoyé depuis longtemps l'infortuné manuscrit[1] à Mr Liebreich — et j'ai reçu une fort gentille et beaucoup trop modeste lettre de Mme B.[2] à ce sujet. Si vous la voyez, dites-lui mille choses aimables.

J'espère que vous allez bien — et que les affaires s'améliorent un tantinet. Ecrivez-moi deux mots — et au revoir.

Votre J. Tourguéneff.

P.S. J'ai écrit il y a 6 semaines à Buloz pour lui offrir — non pas la bagatelle de 2 sous que je vous ai envoyée[3], mais quelque chose de beaucoup plus long et plus soigné[4]. Il ne m'a pas répondu. Voulez-vous vous enquérir adroitement, s'il a reçu ma lettre?

3007. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

Середина сентября ст. ст. 1871. Баден-Баден

Liebster Pietsch!

Natürlich steht ihnen mein "Toc, toc" zu Diensten — "and welcome", wie die Engländer sagen. Aus dem Brief von Mme Viardot werden Sie die Ueberzeugung gewonnen haben, dass Sie *nicht* zu den Toten gehören. Schade doch, dass Sie nicht gekommen sind — ich war ein misanthropischer Esel[1] — jetzt geht es mir besser. Grüssen Sie alle Freunde — und geniessen Sie das Leben.

Ihr I.T.

P.S. Die Französische Uebersetzung hab'ich nur flüchtig durchgelesen[2] — sie scheint gut zu sein — vielleicht sind einige Ausdrücke nicht die rechten. Wenn Sie glauben, dass es der Mühe werth ist, schicken Sie die Correctur.

P.S.S. Bis zum 1-ten Nov⟨ember⟩ bin ich hier; vom 1-ten Nov⟨ember⟩ an — Paris, rue de Douai, 48, chez Mr Viardot.

3008. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

20 сентября (2 октября) 1871. Баден-Баден

Любезный Сергей Дмитриевич,

Мне невозможно сегодня выехать — и потому я прошу у Вас позволения отложить наше посещение банкира до завтрашнего дня (в 3 часа)[1]. Я приеду к Вам пунктуально.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
2-го окт. 1871.

3009. ШАРЛЮ БЮЛОЗУ

22 сентября (4 октября) 1871. Баден-Баден

A Mr C. Buloz.

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
Ce 4 oct. 1871.

Monsieur,

N'ayant pas reçu de réponse à la lettre que je vous ai écrite relativement à une nouvelle que je proposais à la "Revue" — obligé de faire un voyage — j'ai chargé Mr Hetzel de s'entendre avec vous sur cette affaire, que je désirerais traiter de préférence avec vous — si elle vous convient[1].

Agréez, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués.

J. Tourguéneff.

3010. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

22 сентября (4 октября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
4 октября 1871.

Вы, право, любезны, как нельзя больше, но, во-первых, этот "большой роман" в сущности представляет собою не особенно большую новеллу; во-вторых, она появляется по-русски только в январе и о переводе пока еще не может быть и речи. Но что вы прочтете ее раньше всех нерусских, в этом даю вам слово[1].

Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Пичу. Он дал мне свой новый адрес, но у меня есть некоторые сомнения на этот счет. Дело в том, что я послал ему по этому адресу пакет с одним маленьким — совсем маленьким — своим рассказом для вас (я тогда не знал, где вы), и он мне не ответил, а вы ничего не говорите о моей посылке. Правда, она очень незначительна, но всё же о рассказе вы бы сказали несколько слов, хотя бы для того, чтобы побранить меня[2].

То, что я поеду в Париж, останется непреложным в любом случае; но не менее верно и то, что я вас увижу, поскольку в декабре вернусь в Петербург, а железная дорога проходит через Берлин[3].

Весь последний месяц я страдал ревматизмом и три недели лежал без движения. Теперь мне лучше, но пока не вполне хорошо.

Мои наилучшие пожелания г-же Шмидт.

Моя последняя повесть называется ("Вешние воды")[4]. Возможно, она вам понравится больше, чем "Степной король Лир"[5].

И до встречи!

Дружески жму вам руку.

Ваш
И. Тургенев.

3011. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

22 сентября (4 октября) 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
Ce 4 oct. 1871.

Cher ami,

Je commence par vous demander pardon de ne pas vous avoir répondu de suite — et maintenant je vous dis que vous êtes bon comme le bon pain — et vous verrez en tournant la page que j'ai ponctuellement suivi vos instructions. Seulement — il me semble qu'avant de présenter ma lettre, il faudrait savoir si Buloz veut de moi[1]; je crois vous avoir dit que son fils n'a pas répondu à l'offre que je lui ai faite; on ne peut pas poser de conditions à quelqu'un qui n'a pas l'intention d'entrer en affaire envers vous. En ceci, comme en toute chose, je vous donne carte blanche.

Je crois me rappeler que Buloz me donnait 100 f-s par feuille d'impression — et je trouve que c'est bien assez pour une traduction de choses publiées.

La nouvelle que j'offrais à B⟨uloz⟩ a été publiée vers la fin de l'année passée à Pétersbourg. Cela s'appelle: "Un Roi Lear en province" — ou "dans les steppes". Nous avions l'intention, Viardot et moi, de la traduire à nous deux — mais ne recevant pas de réponse de Buloz, nous n'y avons plus pensé[2].

Nous arrivons tous à Paris vers la fin d'octobre. Je serai très heureux de vous voir — souvent — et de vous voir en bonne santé.

Ma goutte va clopin-clopant — ou plutôt c'est moi qui vais ainsi. Pas de chasse possible! Le temps est devenu affreux.

Au revoir — et mille amitiés.

Votre J. Tourguéneff.

3012. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 сентября (5 октября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Четверг, 5-го окт./23-го сент. 1871.

Любезнейший Михаил Матвеевич, я был в долгу перед Вами за одно письмо (из Либавы) — и вот уже является другое[1] — и я немедленно берусь за перо — и отвечаю, дабы совесть не мучила. Не знаю, сказывал ли Вам Анненков (который, по-видимому, перебрался уже в город — и не подвергается более опасности замерзнуть), что меня настиг припадок подагры — и на этот раз особенно злобный — в колене. Я три недели, как пласт, пролежал в постели — и теперь едва ползаю. Впрочем, я воспользовался этим невольным затворничеством, чтобы окончить мою повесть[2] — и теперь уже переписал более половины. В ней будет 7 печатных листов "Вестника Европы"! Никак не ожидал подобных размеров! Дай бог, чтобы про нее не сказали, что велика, мол, Федора — да дура! Через месяц — самый поздний срок — она будет у Вас в руках.

Не могу придумать, откуда взялся слух о комедии; с 1851-го года я ничего не писал для театра — и вряд ли напишу что-нибудь в этом роде. Это — не по моей части[3].

Если Вы полагаете, что стоит опровергнуть этот слух — то я Вас на это уполномачиваю.

"Вестник Европы" я получил аккуратно и сполна (также и сентябрьскую книжку). Октябрьскую — Вы будьте так любезны — вышлите ее сюда, так как я до конца октября остаюсь еще здесь; ноябрьскую пропу отправить по следующему адрессу:

Paris, rue de Douai, 48,

chez Mr Viardot — pour remettre à Mr J. T., а за декабрьской я сам приеду.

Засим дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3013. П.В. АННЕНКОВУ

24 сентября (6 октября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse. 3.
Пятница, $\frac{\text{6-го окт.}}{\text{24-го сент.}}$ 1871.

Имею отвечать Вам на два письма, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩! (Одно мне на днях прислали из Эдинбурга)[1]. Прежде всего поздравляю Вас с возвращением из дачи в Питер: эдак — по крайней мере — Вы не замерзнете. Жду с благодарностью "Русской старины". Расписку Тютчева получил. Кстати, если подписка на памятник Лермонтову состоится, то внесите от моего имени 50 р. сер.[2] Мой управляющий получил предписание выслать Вам 150 р. сер. на всякие возможные расходы. Анекдот о Цебриковой (и об Ожигиной тоже) прекрасен и поучителен[3]. Изумительная болтливость нынешних критических статей в журналах напоминает "барабанение" плохого, но долбящего гимназиста на экзамене. Той же самой "пеноуротной" многовещательностью отличались недавние политические процессы...[4] Молодо — зелено, перемелется — мука будет; но пока — pereant Zebricovae!

Подагра моя всё еще меня не покинула — хожу с трудом — зато работаю. Переписывание повести подвигается вперед. В ней будет целых *семь* листов "Вестника Европы"... вообразите![5]

В журналах я прочел известие, будто я подал в Театральный комитет большую комедию. Сперва я ничего не понял; теперь мне приходит в голову следующее. В бытность мою в Москве тамошняя артистка Васильева выпро-

сила у меня позволения поставить "Месяц в деревне". Я всячески старался ей доказать, что это — вещь не сценическая — скуку распространит ужасную между зрителями. Она мне сказала, что Островский взялся оболванить мою комедию и приспособить ее к сцене. Я, разумеется, и на это согласился — ибо своими драматическими трудами дорожу весьма мало. Если моя догадка справедлива и если дело точно идет о "Месяце в деревне", то я бы весьма желал, чтобы участие Островского — если он только позволит — было обозначено на афишке; пусть публика не думает, что я, в самом предисловии к изданию моих комедий объявивший, что не признаю в себе никакого таланта к театру, теперь вдруг переменил мнение — или, что еще хуже, печатая эти слова к предисловию, в сущности вовсе не верил им. Я не знаю ничего противнее ложной скромности, и мне бы не хотелось, чтобы меня подозревали либо в ней, либо в ослеплении моего критического смысла. Посмотрите, что бы следовало предпринять — и распорядитесь[6].

Посылаю Вам небольшую рекламу об одной книге А. Больца. Книга весьма хорошая и полезная — стало быть, я без зазрения совести могу ее рекомендовать. Поместите — если можете в "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях"[7].

Кто такое "маститый беллетрист", поместивший в фельетоне "С.-П⟨етер⟩б⟨ург⟩ских ведомостей" довольно бойкий рассказец "Героиня романа"?[8]

Статьи Жихарева о Чаадаеве в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" интересны[9] — но что за вонючий урыльник сам г-н Жихарев!

Засим обнимаю вас всех — кланяюсь Вашей милой жене и остаюсь

Ваш Ив. Тургенев.

3014. А.А. ФЕТУ

26 сентября (8 октября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Понедельник, $\frac{\text{8-го ок.}}{\text{26-го сент.}}$ 71.[a]

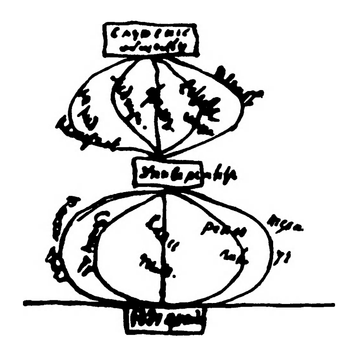
Montjoye Saint Denis![1] Hie Welf — hie Waiblingen![2] Коли драться, так драться — принимаю вызов!

Друг мой, обожание "Московских ведомостей" должно быть, однако, соединено с некоторой долей самостоятель-

---

[a] *Так в подлиннике*

ности — а то ведь как раз можно заговорить "аллилуйским" языком. Вы ссылаетесь на закон Дарвина (!?!) в доказательство того, что "богач невежа-купец и ученый пролетарий наклонны к Интернационалке!" Душа моя, ведь это чепуха несуразная![3] *Ни один невежа-богач даже немыслим в рядах, как Вы говорите, Интернационалки* — даже и *примера* такого не было; а ученые пролетарии (т.е. профессора, литераторы) *принципиально* исключены из них: это одно из главных и основных правил Интернационального общества, именно: *этих людей не допускать*, как вредных или бесполезных. Никто так не презирает *ученого* пролетария, профессора, учителя, как работники, *уврие* — вроде *Асси* и др.[4] Они чуют в них отсутствие настоящих работнических, фабричных и пр. интересов. Эта *азбука*, видно, еще не дошла до Семеновки[5], хотя Вы хвалитесь, что знаете там много, чего не знают в Англии. Потом — Вы ставите на одну доску Шлейдена и Дарвина и приписываете сему последнему чуть не теологические тенденции!! Это Дарвину-то! Клади в рот палец изумления — и баста! Рисуночек Ваш тоже не лишен прелести. Забавно то, что Вы, пуская направо и налево от главной штамбы бесплодные отпрыски — которые предназначены реальным училищам, кадетским корпусам и т.д. — еще *толкуете о равенстве прав*! О Катков, Катков, voilà de tes coups![6] Я позволю себе исправить Ваш рисунок следующим образом:

Видите: как оно красиво![7] (О богословии ни Вы, ни я не говорили — это другой вопрос, которому можно посвятить другое письмо). У меня гостил два дня мой приятель, ректор Кенигсбергского университета д-р Фридлендер, *первый* знаток древнеклассического мира в Германии, автор сочинений по этой части, которые сами стали классиче-

скими. Известно, что Кенигсбергский университет подал мнение в пользу допущения на факультеты воспитанников реальных гимназий (и этому много способствовал *классик*, но свободный человек Фридлендер) — и хотя некоторые другие университеты подали мнение противное — но министр просвещения, Мюлер, решил согласно с мнением Кенигсберга — и вот в Пруссии принято то, в чем презренный Катков видит революцию и измену — а Мюлер, известный реакционер и консерватор — но только с чутьем настоящего дела, чего у нас, к сожалению, и в помине нет[8].

А Вы, душа моя, продолжайте мечтать о создании у нас в России земледельчески-дворянски-классической аристократии — баюкайте в качестве нянюшки самого себя в качестве младенца! Чем бы дитя ни тешилось — лишь бы не плакало! Но не забывайте, между прочим, что пресловутый Нечаев был учителем *латинского* языка[9].

Теперь Ваша очередь меня ругать: чудесное препирательство, которое нисколько, я надеюсь, не умаляет дружбы, существующей между нами!

Вы пишете комедию? Дивлюсь — но любопытствую[10].

Дом мой не я продал[11]; он уже давно, по милости почтенного дяди, продан Виардо — но так как они выселяются из Бадена, то я согласился, как наниматель, на то, чтобы они его продали с выгодой для себя. Но почему Вы полагаете, что 20 тысяч — для меня — *ничего*?

Ив. Тургенев.

P.S. Радуюсь за Петю. Желание быть *простым*, как Гомер, в наше сложное время напоминает выражение В. Гюго: se refaire une virginité[12]. Засим кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

P.S.S. С 1-го нояб⟨ря⟩ мой адрес: Paris, rue de Douai, 48, chez Mr Viardot.

3015. Н.Н. РАШЕТ

28 сентября (10 октября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
10-го окт. 1871.

Любезная Наталья Николаевна,

Мне было очень приятно услышать о Вас весточку — а то я и не знал, что с Вами подеялось. Рад также тому, что Вы и все Ваши теперь здоровы. Если хотите застать меня в Ба-

дене, то не приезжайте раньше *18-го* числа — ибо до того времени я буду в отсутствии. С 18-го ок⟨тября⟩ до 1-го нояб⟨ря⟩ я здесь — потом в Париже — потом, в декабре, в Петербурге. До Нового года, надеюсь, где-нибудь увидимся.

Засим желаю Вам всего хорошего и кланяюсь всем Вашим.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3016. Н.А. КИШИНСКОМУ

29 сентября (11 октября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Середа, $\frac{\text{11-го окт.}}{\text{29-го сент.}}$ 71.

Любезный Никита Алексеевич,

С получения сего прошу выслать 100 руб. сер. Павлу Васильевичу Анненкову — в С.-Петербург, на Италиянской улице, д⟨ом⟩ Овсянникова.

Жду от Вас присылки денег. 1-го нояб⟨ря⟩, т.е. через 20 дней, я отсюда выезжаю.

От Серебрякова я получил второе письмо. Я ему отвечал, что я в это дело не вхожу и что он должен, если желает, обратиться к Вам[1].

Подагра моя почти прошла. Кланяюсь Вам и спасским жителям.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3017. ПОЛИНЕ БРЮЭР

5(17) октября 1871. Баден-Баден

Bade.
Thiergartenstrasse, 3.
Mardi, 17 oct. 1871.

Chère Paulinette,

Je t'écris de mon lit où me retient depuis 4 jours une rechute de ma goutte. Je me la suis attirée en allant à une chasse en battue, où je me suis fatigué. C'était imprudent — car ma jambe était encore malade — et je paie maintenant mon imprudence.

J'espère pourtant que je ne serai pas trop puni — et que je

pourrai quitter Bade vers le 1-er novembre, comme j'en avais eu l'intention. Je suis très heureux d'apprendre que la verrerie marche bien.

Au revoir — à bientôt, je l'espère. Je t'embrasse — ainsi que Gaston.

J. Tourguéneff.

3018. П.В. АННЕНКОВУ

7(19) октября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Четверг, 7/19-го окт. 71.

Век живи, век учись — любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Я понятия не имел о том, что можно *усталостью* навлечь на себя возобновление подагрического припадка — походил неосторожно на охоте (хотя хромал) в пятницу — а с субботы опять лежу недвижим в постели, натерпевшись лютых мук, и только с завтрашнего дня имею надежду подняться — с помощью двух костылей. Вот она, ветреная... старость! Не уступит "младости". В промежутках моих страданий читал с истинным наслаждением в "Русской старине" (за которую бью челом) бесценного Добрынина. Поистине удивительный человек; и фигура архиерея Флоринского обречена бессмертью! Родственность талантов у Добрынина и Герцена поразительна: дай бог издателям "Р⟨усской⟩ старины" побольше таких находок![1]

Буду также с нетерпением ожидать салтыковских "Ташкентцев"[2].

Спасибо за принятые меры по поводу комедии[3].

Будьте так добры, сообщите какие-нибудь сведения о Луизе Геритт-Виардо. Она, по газетам, снова дебютировала в Русской опере — и не совершенно удачно — и совсем бросила писать к своим родным. Она чудодейка первого класса[4].

Что было в пакете, высланном Вами на мое имя в Лондон? Прибыть он туда прибыл — хозяйка моя, по желанию моему, отправила его сюда — и с тех пор он, как в воду канул, пропал бесследно. Я бы желал знать по крайней мере, что в нем именно заключалось?[5]

Если Антокольский еще в Петербурге, передайте ему мой дружеский поклон.

Антокольский с своим "Иваном Грозным" наводит мои мысли на Костомарова, превосходную статью которого об И. Грозном в "Вестнике Евр⟨опы⟩" я прочел с великим удовольствием[6] — а от Костомарова моя мысль, естественно, переходит к Пыпину и к избранию академическому. Я нахожу, что это избрание не делает чести ни Академии, ни Пыпину, которого, я, впрочем, уважаю, как весьма дельного писателя; но с Костомаровым и с Соловьевым ему соперничать не следовало. Я очень удивился, когда узнал, что Соловьев не академик![7]

Коллекцию "коммюнаров" привезу Вам непременно и в полном составе. Самое замечательное и в то же время самое гнусное лицо — у Р. Риго.

Ждите меня *непременно* в самом начале декабря.

До тех пор будьте здоровы и веселы. Обнимаю Вас и всех Ваших.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3019. ТЕОДОРУ АХЕНБАХУ
9(21) октября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 21 oct. 1871

Werther Herr,

Ich habe Ihren Brief bekommen und bitte Sie, meinen besten Dank für Ihre schnelle und liebenswürdige Antwort zu empfangen[1]. Herr Frerde hat die Lächerlichkeit seiner Forderung eingesehen und hat sich mit einer so unbedeutenden Summe begnügt, dass es nicht der Mühe lohnt sie mit Ihnen zu teilen. Nichtsdestoweniger danke ich für den Vorschlag.

Am 30-ten Oktober verlass ich die Villa und übergebe sie dem Heiter. Ich habe bei Hr. Banquier Müller angefragt ob, seiner Meinung nach, es mir möglich wäre einige Bücher und Effekte auf ein Paar Monate in einem Zimmer des Oberenstockwerkes zu deponieren? Er hat mir versichert, Sie würden nichts dagegen haben. Von dem 1-ten Mai wird das Zimmer läng149st frei werden[2].

Ihre Anfrage wegen der Photographie ist sehr schmeichelhaft für mich und ich würde Ihren Wunsch gleich mit

Vergnügen erfüllt haben, besitze aber keine grosse Photographie meinerselbst. Ich schicke eine aus Paris und Heiter wird sie an der passendich Stelle aufhängen.

Mit den werthen Grüssen für Frau Achenbach bitte ich Sie die Versicherung meiner wahren Hochachtung zu empfangen.

I. Turgénjew.

3020. Н.А. КИШИНСКОМУ

10(22) октября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Воскресение, 22/10-го окт. 71.

Любезный Никита Алексеевич,

Сейчас получил я вексель от Ахенбаха на 3000 р. сер. — благодарю за исполнение моей просьбы.

Если от Л.И. Тургеневой остался *ребенок* — то продолжить пенсию на его имя; если же нет — то, выплативши остаток пенсии за нынешний год ее матери, на будущее время прекратить[1].

1-го ноября я отсюда выезжаю и впредь мне писать по следующему адресу:

Во Францию, в Париж.
И.С.Т.
Mr J. Tourguéneff, chez Mr Viardot.
48, rue de Douai. Paris.

Будьте здоровы — желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

P.S. Я совершенно одобряю Ваше распоряжение насчет Серебрякова.

3021. В.В. СТАСОВУ

15(27) октября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Пятница, 15/27-го окт. 71.

Почтеннейший Владимир Васильевич, Ваше письмо, сейчас мною полученное, наполнило меня точно таким же беспокойством насчет Антокольского, какое Вы сами испытываете[1]. Он, действительно, обещался погостить у меня здесь в Бадене — но с тех пор, как я оставил Петербург,

я не имею о нем никаких сведений; месяца два тому назад — или даже больше — мне П.В. Анненков написал, что он приезжал в Петербург для наблюдения за отливкой своей статуи — и только![2] Я боюсь, не занемог ли он где-нибудь — чего доброго? Здоровье его слабое — но как же он не написал ни к кому? Всё это очень загадочно — и страшно думать, *какая* может быть этому всему разгадка!

Я выезжаю отсюда через несколько дней в Париж — вот мой адрес: Paris, chez Mr Viardot, rue de Douai, № 48. Я сохраню Ваше письмо до моего отъезда на случай маловероятного прибытия Антокольского в Баден; а сам на всякий случай оставлю ему записку.

Я только что прочел комедию Островского в "От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩"[3] — и вынес из этого чтения впечатление весьма подобное Вашему. Причину этого — и однородных ему явлений — в немногих — да и во многих — словах уяснить нелегко. Тут, кроме недостатка образования, действует и однообразность (у нас), замкнутость исключительно литературной жизни. Островский, напр., никогда, ни на один миг, не выходит из круга собственной атмосферы. Мастерство зреет в уединении, приемы и формы усовершенствуются — а содержание чахнет и скудеет. Даже у тех писателей русских, которые, как говорится, следят за *идеями* — за "веяниями" — это делается — если не книжно — то журнально, что едва ли не хуже. Об искусстве я судить не берусь; его час — мне сдается — еще не наступил на Руси: жизнь закопошилась — да крови в этой жизни еще нет[4].

Надеюсь свидеться с Вами зимою в Петербурге — а до тех пор будьте здоровы и примите уверение в моей преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте:

Russland.
St. Petersburg.
Herrn W. Stassoff.
В С.-Петербург.
На Моховой, в д. Мелихова.
Его высокородию
Владимиру Васильевичу *Стасову*.

3022. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

17 (29) октября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
17/29-го окт. 1871.

Милый брат,

Пишу тебе за два дня до моего окончательного выезда из Бадена — говорю "окончательного", потому что здешняя жизнь для меня прекратилась: дом мой продан московскому банкиру Ахенбаху — и с 1-го ноября я должен сдать его. Виардо навсегда также покидают Баден и переселяются в Париж. На первый случай и я еду туда и буду жить у них в доме — rue de Douai, 48 — но в декабре я прибуду в Россию[1] и доберусь и до Москвы, где разумеется, увижу тебя.

Очень сожалею о том, что год выдался для тебя такой неудачный; но денежные потери, как они ни чувствительны, поправимы. Главное — надо стараться сохранить здоровье и близких тебе людей, и свое собственное. Надеюсь, что болезнь А⟨нны⟩ Я⟨ковлевны⟩ в скором времени примет благополучный исход[2]; а за границу в будущем году (который, наверное, отличится совершенной политической тишиной) съездить, конечно, не мешает. Я сам в июне месяце отправлюсь в Карлсбад[3]: надо, по мере возможности, ослабить влияние подагры, которая в течение 6 недель мучила меня сильно. Я и теперь еще хожу плохо. Если Салаев точно распродал всё мое издание и подумывает о новом[4] — то пусть он мне напишет об этом в Париж теперь же: я могу принять кое-какие меры и сделать ему предложения.

Засим обнимаю тебя и кланяюсь Анне Яковлевне. Желаю вам обоим всего хорошего.

Твой любящий брат
Ив. Тургенев.

⟨P.S.⟩ Мой адресс отныне, как уже сказано:
Mr J. T., chez Mr Viardot.
Rue de Douai, № 48. Paris.

Я узнал, что и жена Ивана Петровича, Люция Тургенева, скончалась. Я ей делал небольшой пенсион — и желал бы знать, *остался ли от нее ребенок* — или и он умер? Полагаю, что ты это можешь узнать от Сергея Петровича[5].

3023. Н.А. КИШИНСКОМУ

20 октября (1 ноября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
1-го нояб./20-го окт. 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Ваше письмо от 9/21-го окт⟨ября⟩ застало меня еще здесь — но я через несколько дней отправляюсь в Париж.

От несносного Серебрякова я получил еще письмо из Мценска; я ему объявил, чтобы он впредь меня не утруждал, что Вы поступили совершенно справедливо и благоразумно — и вместо 25 руб. дал ему на голодные зубы *40*. Об этом я и Вас извещаю. Черт его побери![1]

Не продавайте ⟨ни⟩ персиков, ни оранжереи — исправьте ее, если нужно[2]. Мне, может быть, еще придется пожить в Спасском — летом.

Засим будьте здоровы.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3024. П.В. АННЕНКОВУ

28 октября (9 ноября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
Четверг, 28-го окт./9-го нояб. 1871.

Любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Вы, чай, предполагаете, что я в Париже — и уже, может быть, написали мне туда — а я всё еще здесь застрял. Дело в том, что пока дом г-жи Виардо в Париже не будет совершенно готов, нам — т.е. ее семейству (она и муж ее давно в Париже) и мне — отсюда двинуться нельзя. Я взялся быть проводником ее детей. Работников в Париже найти трудно — дело и затягивается. Но теперь я полагаю, что дней через 5 или 6 мы будем в состоянии выехать.

Моя подагра всё еще не совсем прошла, проклятая — но путешествию она бы не помешала.

Черт меня дернул — всё из желания возможной отделки и недоверия к своим слабеющим силам — взяться за *вторичное* переписывание моей повести[1], в которой будет

не 7, а целых 8 листов "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"! Тружусь неутомимо — но с внутренней злобой. К 1-му декабрю *нашего* стиля Стасюлевич будет ее иметь наинепременнейше — в этом Вы можете его заверить. Деньги его я зарабатываю в поте лица. Что-то выйдет?

Вы, вероятно, уже получили пекунию от моего управителя. Мне "Русская старина" так понравилась — что я желаю иметь и первый год. Сделайте милость, пришлите по парижскому адрессу — chez Mr Viardot, rue de Douai, 48 — ко мне.

Я получил от В. Стасова запрос о местопребывании Антокольского, который, по-видимому, как в воду канул — и, разумеется, ничего не мог сказать ему. Это меня очень обеспокоило: не узнали ли Вы чего-нибудь о нем с тех пор?[2]

Засим кланяюсь всем дружески, начиная с Вашей жены, деток целую — а Вам крепко жму руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Сегодня мне стукнуло 53 года. Grande aevi spatium!

3025. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

28 октября (9 ноября) 1871. Баден-Баден

Любезный Сергей Дмитрич,

Когда вместо лица является письмо — это всегда знак нехороший; к сожалению — оно так и на этот раз. Вчера у банкира Мюллера меня ожидал сюрприз, а именно: долг в 400 гульд., о котором я вовсе позабыл — и деньги для удовлетворения которого я должен был занять у того же Мюллера. Просить его о дальнейшем кредитовании меня 250-ю фр. было уже совершенно невозможно; а так как другого источника здесь для меня не имеется — то я поневоле принужден отказать себе в удовольствии помочь Вам.

Верьте, что я сожалею об этом и не пеняйте на

преданного Вам
Ив. Тургенева.

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
$\frac{\text{9-го нояб.}}{\text{28 окт.}}$ 1871.

3026. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

28 октября (9 ноября) 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
Ce 9 nov. 1871.

Mon cher ami,

Je suis moi-même tout étonné de n'être pas encore entré dans votre cabinet. Le fait est que je reste ici avec les enfants Viardot jusqu'au moment où le père et la mère qui sont à Paris — nous feront savoir que leur maison (rue de Douai, 48) est rendue habitable — et que nous pouvons arriver. Ils se donnent toutes les peines du monde — mais il paraît qu'on a beaucoup de peine à trouver des ouvriers à Paris — et la besogne avance lentement. Cependant ils nous font espérer que dans 5 ou 6 jours nous pourrons nous mettre en route. Je n'ai pas besoin de vous dire que j'irai frapper à votre porte dès le lendemain de mon arrivée. Et alors nous causerons de omnibus rebus.

En attendant portez-vous bien et soutenez la République.

Mille amitiés et à bientôt.

Votre J. Tourguéneff.

3027. А.А. ФЕТУ

30 октября (11 ноября) 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Thiergartenstrasse, 3.
11-го нояб. / 30-го окт. 1871.

Любезный А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩. Ваше письмо, пущенное в Париж на имя Жорж⟨а⟩ Дандена, застало его еще здесь[1]. Меня удержали: всё еще продолжающаяся подагра и никогда не прекращающиеся дела. Но теперь я начеку — и, того и гляди, хвачу в Париж.

Две вещи не делаются в споре между людьми комильфотными: когда один говорит: я Вам то-то и то-то сказал — другой не отвечает ему: Вы никогда этого не сказали. Или: когда один говорит: Вы то-то и то-то мне написали — другой не отвечает ему:[a] я никогда этого не писал. Так как Вы, любезнейший друг, оказались повинными второй виною, отрекаясь от явно и несомненно написанных Вами слов о

---

[a] *Далее зачеркнуто*: Вы

принадлежности *необразованных купцов-богачей и образованных ученых-бедняков* к Интерналке — а также и о бессознательном богоискании Дарвина и Шлейдена[2], то я имею полное право спор наш прекратить, считая противника, принужденного прибегать к подобным изворотам, ipso facto побежденным. И так как я сейчас употребил слово "бессознательный", то скажу Вам кстати, что самое упорное и неотряхаемое рабство — есть рабство бессознательное, и в таком именно рабстве и такой кабале находитесь Вы, достолюбезный друг, в отношении "Московских ведомостей".

Сии истины обладают некоторой степенью горечи; но я считаю их истинами — и для Вашего желудка зело полезными.

Кстати — или не кстати — читали Вы в "Русской старине" "Записки" Добрынина? Первая их половина, там, где он рассказывает свою жизнь у архиерея Флоринского, — такая прелесть, что даже Вы, столь равнодушный к литературе, наверное почувствуете умиление[3].

Отчего Вы не участвуете в нашем Обществе (для вспомоществования литераторов)? Это дурно с Вашей стороны — и Вам это не простится.

Какой перл выкатился у Вас в последней фразе Вашего письма! "Покупайте у меня рожь по 6 руб., дайте мне хороших рабочих за 3 руб., дайте мне право тащить в суд нигилистку и свинью за проход по моей земле, *не берите с меня налогов* — а там хоть всю Европу на кулаки!" Это "*не берите с меня налогов*" — просто восторг! Государство и общество должно охранять штабс-ротмистра Фета как зеницу ока — а налогов с него — ни-ни! О Катков, Катков, покровитель и сочинитель нашей[6] "gentry", облобызай сего птенца!

Вот — я Вас отщелкал — теперь щелкайте Вы меня — сие называется обменом дружественных излияний.

А впрочем, будьте здоровы и благополучны.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[6] *Было*: нашего

3028. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

1 (13) ноября 1871. Баден-Баден

Любезный Сергей Дмитриевич,

Кашель не позволяет мне выйти сегодня из комнаты — а потому посылаю Вам прилагаемое письмо к банкиру Мюллеру[1]. Надеюсь, что оно окажется достаточным и заранее прошу Вас уволить меня от личного свидания и объяснения с ним, которое мне было бы слишком неприятным в случае отказа.

В надежде увидеть Вас еще до моего отъезда остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Baden-Baden.
Villa Viardot.
13 ноябр⟨я⟩ 1871.

3029. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

2 (14) ноября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Villa Viardot.
d. 14. Nov. 71

Caro amico Lodovico, tausend Dank für den freundlichen Brief[a] und die guten Wünsche[1]. Es geht rasselnd bergab — mit 53 Jahren! Hemmschuh, Hemmschuh, um Gottes willen!

Ich sitze noch hier mit den Kindern — Frau Viardot und Herr Viardot sind schon längst in Paris — aber das Haus, wo wir alle logiren werden, ist noch immer nicht fertig! Hoffentlich reisen wir Sonnabend, den 18-ten ab. "Johanna geht und nimmer kehrt sie wieder!"[2] Ich wohne seit 5 Tagen — seit dem 9-ten November — bei Viardot's. Mein Haus ist wie eine Ruine — der neue Besitzer will alles von Grund aus neu machen[3]. Wohl bekomm's!

Wie sieht das Schiller-Denkmal in freier Luft aus?[4]

Warum schreiben Sie nicht an Frau Viardot?

"Toc, toc" — *zwei* mal übersetzt. Das wundert mich sehr. *Ihre* Uebersetzung wird gewiss vorzüglich sein. Ich habe eben mein lerchentrillerndes, himmelblaues Ding rein copirt — und zu meinem grossen Erstaunen — bemerke ich, dass es wie ein Giftpilz aussieht![5] So unmoralisch bin ich noch nie gewesen. Horreur!

---

[a] *Было*: Freund

Grüssen Sie alle guten alten Freunde. Im Winter sehe ich Sie. Bis dahin leben Sie wohl und arbeiten fleissig und sein Sie munter!<...>

3030. П.В. АННЕНКОВУ

3 (15) ноября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
Villa Viardot.
Середа, 15/3 нояб. 71.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩! Вчера получил я Ваше письмо — сегодня середа — а в субботу мы наконец выезжаем отсюда в Париж. Дело с квартерой так там затянулось! Я, как видите из надписи, уже не живу больше в бывшем своем доме, который представляет теперь изображение хаоса: новый владелец хочет всё там переделать. Расставшись с Баденом, я его, вероятно, больше никогда уже не увижу: "die schönen Tage von Aranjuez sind auch hier vorbei"[1].

Спасибо за справку насчет комедии: г-жа Васильева, вероятно, раздумала ее ставить, чему я очень рад[2]. Я Ваш слуга и слуга нашего "Фонда"; как прибуду в Петербург — и Вы повелите, надену черный фрак — и произведу писк, называемый публичным чтением.

Узнаю Луизу Геритт! Весь свой век она делала что хотела, и другие делали что она хотела — а она представляла себя жертвой. Никакого asile'я ей не нужно было — ибо никто ее не требовал. Муж дал ей полную свободу с условием, чтобы она не вступила на сцену; она все-таки вступила — и муж резиньировался. Отец и мать не советовали ей идти на театр, зная, что ее сил на это не хватает, она не послушалась — и они тоже резиньировались, т.е. махнули рукой. Вот *правдивая* ее история; но, разумеется, ей нужно выставлять себя в более интересном виде. Несчастная и сумасбродная женщина![3]

Какой из "Либанов" заслужил Вашу похвалу? Вероятно, старший?[4]

Вы мне ничего не пишете об Антокольском. Я очень беспокоюсь на его счет. Неужели он так и пропал без вести?[5]

Здесь у нас чудная погода, тихая и мягкая. Подагра меня покинула — но привязался ко мне кашель, как в Петербурге — помните, когда я не мог сам прочесть рукопись "Дворянского гнезда" — и Вы, надев очки, в первый раз ее у меня громко читали?[6] Не знаю, как отделаться от него.

Напишу Вам немедленно, как только прибуду в новый Вавилон. А до тех пор будьте здоровы и благополучны. Кланяюсь всем, деток целую — а Вас обнимаю.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Здесь появился старый библиограф С.Д. Полторацкий и навещает меня ежедневно. Он пробирателен!

3031. ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

4 (16) ноября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Villa Viardot.
d. 16. Nov. 1871.

Werther Herr!

Ich habe Ihren liebenswürdigen Brief noch hier bekommen — ich bin nämlich viel länger in Baden geblieben als ich es erwartet hatte[1] — und reise erst morgen nach Paris. Empfangen Sie meinen besten Dank für Ihre freundlichen Wünsche — und glauben Sie, dass ich den Werth solcher Sympathie wohl zu würdigen weiss.

In Paris bleibe ich circa 6 Wochen — und reise dann nach Russland — Anfang Januar[2]. Vielleicht wird es mir nicht unmöglich sein — einen Tag in Königsberg zuzubringen — und die persönliche Bekanntschaft Ihrer Gattin und Ihrer Familie zu machen.

Die hier noch zurückgebliebenen Töchter der Frau Viardot bedanken sich bestens — und bitten mich, ihre herzlichen Grüsse Ihnen zu übersenden.

Leben Sie recht wohl und behalten Sie in gutem Andenken

Ihrer aufrichtig ergebenen
I. Turgénjew.

3032. ПОЛИНЕ БРЮЭР

6 (18) ноября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Villa Viardot.
Samedi, 18 nov. 71.

Chère Paulinette,

Je suis encore ici, grâce à une *troisième* rechute de goutte — mais je pars demain, je l'espère — et j'arrive à Paris lundi. Je demeure ici — car ma villa est vendue et tout y est sens dessus

dessous: le nouveau propriétaire — un banquier de Moscou[1] — voulant la meubler à neuf, etc. A Paris je demeurerai — chez Mr Viardot, rue de Douai, 48. Je t'écrirai le lendemain de mon arrivée.

Je suis fort content de savoir que vous allez bien — personnellement et comme affaires. J'espère vous revoir bientôt, tous les deux.

En attendant je vous embrasse bien tendrement.

J. Tourgueneff.

3033. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

6 (18) ноября 1871. Баден-Баден

Баден-Баден.
18/6 ноября 1871.

Любезнейший Михаил Матвеевич, Ваше письмо из Парижа[1] было мне переслано сюда, так как я по милости подагры и других гадостей застрял здесь — однако завтра выезжаю в Париж. Моя повесть давно была бы у Вас, ибо она давно кончена — но добросовестность одолела: вздумал ее во *2-й* раз переписывать, вспомнив, как подобная вторая переписка оказалась полезною "Степному Лиру"[2]. А так как повесть вышла большая — листов в 8 печатн., то и хлопот с ней больше. Но Вы не беспокойтесь и рассчитывайте на нее *наверное, навернейше* — так как уже больше половины переписано вторично. Прошу только срок удлинить *5-ю* днями: 1-го декабря русск. ст. повесть у Вас в руках — это вернее смерти.

Заглавие ее "Вешние воды", положено на нее старания пропасть — авось не совсем даром пропадет оно!

Я могу Вам прислать первую половину тотчас, как прибуду в Париж; но с условием — не читать ее, пока не прибудет 2-я половина: извините это авторское кокетство.

Читал я в "С.-П⟨етер⟩б⟨ург⟩ских в⟨едомостях⟩" Вашу отповедь гнусному Каткову[3]: до чего дошел этот человек! Вот уж точно: "Nil audacius illis deprensis" — ничего нет бесстыднее ренегата, который махнул рукой на всё!

В Петербург я раньше 15-го дек⟨абря⟩ не попаду — и потому я буду просить Вас дать корректурку продержать по примеру прошлого П.В. Анненкову.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3034. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

6 (18) ноября 1871. Баден-Баден

Baden-Baden.
Villa Viardot.
Ce 18 nov. 1871.

Mon cher ami,

Après toutes sortes de misères et de délais causés par une rechute de goutte et des affaires qui valent presque la goutte — je pars demain pour Paris, j'y arrive lundi — si rien ne m'arrive à moi — et je vous vois mardi — car je suppose que vous y serez — et je vous envoie cette lettre rue Murillo. Ainsi à tantôt — à demain après cette lettre — je vous embrasse.

Votre J. Tourguéneff.

3035. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

11 (23) ноября 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.
Четверг, 23/11-го нояб. 71.

Любезнейший Михаил Матвеевич, третьего дня я приехал сюда — а вчера утром получил Вашу телеграмму[1]. Я охотно исполню Ваше желание — сожалею только, что времени Вы мне назначили мало — и к тому же моя катковка — так я называю подагру — решительно не хочет меня оставить — и опять подцепила меня — так что я пишу Вам это в постели — однако завтра надеюсь встать и приняться за работу. (NB. Если я не успею окончить *второй* копии повести[2] — то я Вам пошлю ее как она есть.) Сыновья Н.И. Тургенева были у меня и привезли мне некоторые документы.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3036. П.В. АННЕНКОВУ

12 (24) ноября 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.
Пятница, 24/12-го нояб. 1871.

Вот я наконец и в Париже, любезнейший Павел Васильевич — но первый блин вышел комом: не успел я приехать сюда, как подагра — в 4-й раз в теченье трех месяцев! — меня схватила и уложила немедленно в постель. Впрочем, на сей раз она особую злобу не оказала — и я сегодня уже могу ходить по комнате. Весь дом, в котором я живу и который, как Вам, вероятно, известно, принадлежит г-же Виардо, кверху дном — полон работниками, которые отделывают, чистят, скребут, таскают мебели и пр., и пр. — что для моей работы весьма зловредно — а работать я должен — ибо надо, во-1-х) кончить переписку моей повести[1] и Вам ее при⟨с⟩лать не позже 2-х недель — ибо Стасюлевич взывает! — а во-2-х) я взялся написать для того же Стасюлевича некрологическую статью о нашем почтенном Николае Ивановиче[2].

Жду от Вашего благодушия присылки первого года "Русской старины"[3] — да кстати пришлите мне книгу П. Полевого — "История литературы в очерках и биографиях"[4], и "Календарь" Суворина[5].

Кстати, из письма Луизы Геритт я узнал, что Ге намерен прислать мне бюст Белинского[6] — но не знает: куда? Скажите ему — во-первых, от моего имени великое спасибо — а во-вторых, пусть он посылает этот бюст сюда. Все равно мне самому его взять будет затруднительно — да я еще и не знаю наверное, когда я отъявлюсь в Питер.

Антокольский отыскался — Стасов извещает[7] меня об этом. Я очень рад.

Скажите, наконец, будет или не будет Орлов нашим послом в Париже?[8]

Засим прощайте, будьте здоровы — обнимаю Вас и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

3037. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

13 (25) ноября 1871. Париж

Mon cher ami,

Je suis ici depuis *lundi* — mais j'ai été *repris le jour même* de mon arrivée par un accès de goutte (j'espère que c'est le dernier) — et je sors aujourd'hui pour la première fois, mais je ne puis pas encore monter votre escalier. *Je viendrai demain à 1 heure* — et je finirai par arriver jusque chez vous. J'ai pensé vous écrire pour vous dire de venir — mais je suis dans une maison (celle des Viardot) qui est encore un vrai chaos et puis j'étais furieux d'être dans mon lit. Ainsi à demain — je serai bien content de vous voir.

Je demeure rue de Douai, 48 — mais ne venez pas, je viendrai.

Votre J. Tourguéneff.

3038. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

13 (25) ноября. 1871. Париж

Mon cher ami,

Je suis de retour à Paris depuis 4 jours et depuis 3 jours je suis au lit avec la goutte. Ce serait bien gentil à vous de venir me voir à l'heure qu'il vous plaira, car je ne bouge pas et j'ai pas mal de choses à vous dire.

Mille amitiés et au revoir, n'est-ce pas?

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩
J. Tourguéneff.

48, rue de Douai.
Samedi.

3039. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

14 (26) ноября 1871. Париж

Dimanche.
48, rue de Douai.
10 h. du matin.

Mon cher ami,

Je croyais pouvoir passer chez vous aujourd'hui — mais je vois que cela m'est impossible — je serai demain chez vous à 1 *heure précise.*

Ce n'est pas que la vie soit plus difficile — mais il devient de plus en plus difficile *d'entreprendre* quoi que ce soit. La vie vous pousse par-dessus la tête, comme de l'herbe.

A demain. Votre vieux fidèle

J. Tourguéneff.

3040. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

15 (27) ноября 1871. Париж

Lundi. 9 h. du matin.

Mon cher ami,

Quand je vous écrivais qu'il est difficile d'entreprendre quoi que ce soit, je ne pensais pas dire si vrai. Dans la nuit qui vient d'écouler la cheville de mon pied malade a gonlfé tout à coup — et maintenant je ne puis ni mettre une botte, ni poser le pied par terre. Voilà donc "Antoine" ajourné — c'est vraiment avoir du guignon[1] — à moins que vous ne vouliez venir vous-même avec le manuscrit ou bien attendons une couple de jours — ces sortes de rechutes ne durent guère plus de 48 heures.

Me voilà donc bien penaud et je vous serre la main avec désappointement.

Votre vieux

J. Tourguéneff.

3041. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

16 (28) ноября 1871. Париж

Mon cher ami,

Voici ce qui m'arrive. Un oncle à moi, Mr Nicolas Tourguéneff[1], homme excellent et respectable, est mort dernièrement à Paris — et je viens de recevoir de Pétersbourg une dépêche télégraphique où l'on me demande d'écrire une notice nécrologique — et il faut que cette notice soit expédiée dès demain soir. J'ai accepté — et me voilà attaché à cette besogne. Il faudra donc que le bon Antoine veuille bien attendre jusqu'à après-demain[2] — car demain je dois aller porter mon article à la famille T<ourguéneff> qui demeure à Bougival pour des rensiegnements, etc., etc.[3] Ainsi — à jeudi!

Votre billet d'avant-hier n'a pas été remis par votre domestique. Il s'est probablement trompé de maison. Le *№ 48* de la rue de Douai est au coin de la place Vintimille.

Mille amitiés.

J. Tourguéneff.

Mardi. 11 1/2 h.

3042. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

16 (28) ноября 1871. Париж

Mardi soir.
Rue de Douai, 48.

Mon cher ami,

Je suis sorti hier pour la première fois — grâce à ma maudite goutte qui me tourmente depuis trois mois (4 rechutes!) et j'avais bien l'intention d'aller vous voir aujourd'hui ou demain (vous dire de venir était impossible — la maison des Viardot présente encore l'image du chaos) — mais j'ai reçu de P⟨éters⟩bourg par dépêche télégraphique la proposition d'écrire un article nécrologique sur ce brave Mr Nicolas Tourguéneff et il faut que cet article parte demain soir — je le porte dans la matinée de demain à la famille qui réside près de Bougival[1]. Jeudi matin vers midi je viendrai vous voir pour sûr.

On m'a dit que ma petite chose avait été insérée dans "Le Temps" — mais je ne l'ai pas encore vue[2].

Les Viardot vous font dire mille choses aimables — au commencement de la semaine prochaine ils seront un peu débrouillés. Mme V⟨iardot⟩ ne peut pas même encore donner ses leçons chez elle.

La mort de Roussel m'a navré — l'effet en sera mauvais — partout — même en Russie. Vous verrez ça[3].

Mille amitiés et au revoir.

J. Tourguéneff.

3043. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 (29) ноября 1871. Париж

Париж.
17/29-го нояб. 1871.
Rue de Douai, 48.

Вот Вам, любезнейший М⟨ихаил⟩ М⟨атвеевич⟩, статья о Н.И. Тургеневе[1]. Надеюсь, что еще не поздно, Будьте так добры, продержите корректуру.

Повесть вышлется Вам *непременно* через неделю, так что 1-го декабря нашего стиля Вы будете в состоянии начать печатание[2].

Дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3044. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

18 (30) ноября 1871. Париж

48, rue de Douai.
Jeudi soir.

Mon cher ami,

J'ai une vraie tête de linotte, malgré les cheveux blancs qui la couvrent. Je ne puis pas venir dimanche, car je dois retourner à Rueil pour être admis au conseil de famille, qu'on va établir après le décès de Mr N⟨icolas⟩ T⟨ourguéneff⟩. Lundi vous va-t-il? Si vous ne me faites rien dire — je saurai que c'est *oui.*

Tout à vous
J. Tourguéneff.

3045. П.В. АННЕНКОВУ

19 ноября (1 декабря) 1871. Париж.

Париж.
Rue de Douai, 48.
Пятница, $\frac{\text{1-го дек.}}{\text{19-го нояб.}}$ 71.

Милейший Павел Васильевич, в последнем моем письме я Вас забыл попросить о двух вещах, во-1-х) распорядиться в конторе "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей", чтобы мне их высылали прямо сюда — а не через Баден; а во-2-х) выслать мне "Каменного гостя" Даргомыжского, положенного на фортепьяно, с текстом — извещение о котором я прочел в газетах[1].

Я работаю как вол — и через 5 дней Вы получите оконченную *третью* копию моей повести. К январской книжке она, стало быть, поспеет[2].

В "Русском вестнике" в романе "Бесы" Достоевский выводит меня безо всякого уже замаскирования под именем Кармазинова — и всячески надо мною потешается — даже предлагает меня высечь, как мужика. Всё это прекрасно; но мне кажется, ему бы следовало сперва отдать мне деньги, которые он у меня занял — а потом уже, освободившись от бремени обязательств, и лупить меня. Но, видно, бремя это ему легко[3].

Я теперь почти здоров — авось так оно останется — хоть на зиму. Я написал небольшую статейку о кончине

почтенного Н.И. Тургенева и послал ее вчера в "Вестник Европы".

Обнимаю Вас и всех Ваших. До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. А какая Ваша Италиянская — просто Италиянская — или Новая?

3046. ПОЛИНЕ БРЮЭР

19 ноября (1 декабря) 1871. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Ce 1 décembre 1871.

Chère fillette,

Je suis ici depuis 10 jours — mais comme j'ai eu une *quatrième* rechute de goutte le jour même de mon arrivée — je n'ai pas voulu t'en parler. Maintenant je crois que c'est passé pour tout de bon — mais je ne suis sorti pour la première fois qu'il y a trois jours. Je n'ai pas encore vu les grands-parents[1]. J'irai demain peut-être. Je serais très heureux de te voir ainsi que Gaston — mais ne venez qu'à votre convenance. J'ai deux chambres dans la maison de Viardot — ou plutôt une — car l'autre n'est pas encore assez sèche — et toute la maison est encore sens dessus dessous[2]. Tout s'arrangera petit à petit.

Je vous embrasse tous les deux et vous dis: au revoir.

J. Tourguéneff.

P.S. J'ai vu Mme Innis qui part demain pour Londres. J'ai vu aussi Mme Delessert qui va très bien.

3047. А.А. ФЕТУ

24 ноября (6 декабря) 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.

Середа, $\frac{\text{6-го декабря}}{\text{24-го ноября}}$ 71.

Любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, так как Вы очень добродушный человек и не сердитесь, когда другой, пожалуй, рассердился бы — то я хочу Вам доказать, что умею ценить это Ваше качество, и ни в какую

"прю" с Вами не вступаю. Я только позволю себе спросить у Вас, на основании каких данных Вы приравниваете Стасюлевича — не говорю уже с Чернышевским, но с Нечаевым!!!?![1] — и насколько такое голословие может согласиться с чувством справедливости, которое должно быть присуще каждому человеческому сердцу — а уже сердцу поэта подавно? Что же касается до нашего *Фонда* — то я заранее соглашаюсь подвергаться упреку за участие в нем — и утешаюсь мыслию, что этот упрек падает вместе со мною и на всю царскую фамилию, которая, на Ваши глаза, вероятно, не довольно консервативна[2].

Меня порадовали известия, сообщенные Вами о Толстом. Я очень рад, что его здоровье поправилось — и что он работает[3]. Что бы он ни делал — будет хорошо, если он сам не исковеркает дела рук своих. Философия, которую он ненавидит, оригинальным образом отомстила ему: она его самого заразила — и наш враг резонерства стал резонерствовать напропалую! Авось это всё с него теперь соскочило — и остался только чистый и могучий художник![4]

А что Вы выводите славных лошадей и вообще хозяйничаете с толком — за это Вам похвальный лист! Вот это точно дело и оставляет дельный след.

Я начинаю обживаться в своей квартере — в Париже — хотя почти никого еще не видал по милости припадка — rechute (четвертый по счету), подагры. Здесь стоят страшные холода — а Вы знаете, какая это беда на Западе. Вы, плакавший от стужи в Неаполе![5] Республика кряхтит славно; едва ли она продержится. Тьер оказывается тряпкой и старым рутинером, каким он и был всегда[6].

А зерносушилки все-таки не будет! Впрочем, если Вы мне докажете противное, я первый воскликну: "Ты победил, галилеянин!"[7]

Засим кланяюсь Марье Петровне — и Вас дружески обнимаю.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3048. П.В. АННЕНКОВУ

26 ноября (8 декабря) 1871. Париж

Париж.
Пятница, $\frac{\text{8-го дек.}}{\text{26-го нояб.}}$ 71.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Это письмо не имеет иной цели, как только уведомить Вас, что сегодня же отправляется на Ваше имя *громадный пакет с повестью, застрахованный.* Он мне стоил такого труда, что я трепещу, как бы он не пропал — и потому извещаю Вас особым письмом. Было бы очень мило, если б Вы дали мне знать, что получили пакет, телеграммой (на мой счет, разумеется, она стоит 10 франков). Вместе с повестью отправляется более обстоятельное письмо[1] к Вам. Обнимаю Вас.

Ваш И.Т.

3049. П.В. АННЕНКОВУ

26 ноября (8 декабря) 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.
Пятница, $\frac{\text{8-го дек.}}{\text{26-го нояб.}}$ 1871.

Вот Вам, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, наконец и моя повесть[1]. Засим следуют просьбы:

1.) Прочтя, сказать нелицемерное мнение. Если что следует поправить — то хотя для "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" поздно, но для отдельного издания всё примется к сведению.

2.) Передать немедленно Стасюлевичу — и *продержать корректуру,* Вы знаете — или не знаете, как я страдаю от опечаток.

3.) Известить меня телеграммой (на мой счет) о получении рукописи. Она мне стоила дьявольского труда — и я бы желал поскорее знать, что он не пропал и что он в Ваших руках.

4.) Цена — как Вам известно — 400 р. сер. за печатный лист "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩".

А засим — vogue la galère!

NB. Conditio sine qua non: вся повесть должна быть помещена в *одном* номере; на разбивку я не согласен.

Я получил "XIX-й век", "Старину" и т.д. За всё благодарю душевно[2].

Лонгинов — начальник прессы!! Ce seul mot dit des volumes[3].

Позвольте Вас побранить за то, что Вы вообразили, что моя повесть минует Ваших рук. Пока я жив — vous aurez mes primeurs — радуйтесь или огорчайтесь этому или этим — как хотите.

У нас здесь белая земля — и белая республика, которая, того и гляди, превратится в монархию[4]. В комнатах от 8 до 10 градусов. Это не то, что у вас, счастливчиков!

Я приеду к вам погреться
Непременно в январе[5].

Вона! что 2 стиха... приберите остальные.

Целую всех Ваших и Вас.

Ив. Тургенев.

P.S. Телеграмму пошлите, пожалуйста.

3050. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 ноября (9 декабря) 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.
Суббота, $\frac{\text{9-го дек.}}{\text{27-го нояб.}}$ 1871.

Вчера, любезнейший Михаил Матвеевич, повесть моя в виде громадного застрахованного пакета отправилась в Петербург на имя П.В. Анненкова[1] — так как с незапамятных времен мои произведения всегда поступают сперва в его руки. Но он имеет инструкцию передать Вам эту повесть немедленно — так что Вы можете начать печатание с 1-го/13-го декабря, как я обещал Вам.

Статью о Н.И. Тургеневе Вы, вероятно, давно получили — и она уже напечатана[2].

Я попросил Анненкова продержать корректуру повести; но и Вас прошу о наблюдении за нею, дабы не было опечаток, от которых всякого грешного автора коробит.

Засим при искреннем желании, чтобы мой труд хотя отчасти оправдал Ваши ожидания, поручаю себя Вашему благоволению и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3051. Н.А. КИШИНСКОМУ

28 ноября (10 декабря) 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
$\frac{\text{10-го дек.}}{\text{28-го нояб.}}$ 1871.

Любезный Никита Алексеевич,

Письмо Ваше от 2/14-го нояб⟨ря⟩ я давно получил[1] и если до сих пор не отвечал — то причиною тому были многочисленные занятия и *четвертый* (надеюсь, последний) припадок подагры.

Жду обещанной Вами ведомости прихода и расхода — и нахожу, что сумма, которую Вы мне обещаете до апреля мес., совершенно достаточна — и я был бы очень доволен, если б мои ежегодные доходы были в таких размерах.

Я остаюсь здесь еще 6 недель, а может быть, и целых два месяца — а там отправляюсь в Петербург.

Напишите мне, что делает наша школа?

Засим желаю Вам всего хорошего и кланяюсь спасским жителям.

Ив. Тургенев.

P.S. Мне деньги теперь не нужны; но если бы у Вас было несколько денег свободных, пошлите теперь, потому что теперь курсы хороши — но бог знает, удержатся ли. Я на сохранение спокойствия во Франции надеюсь мало[2].

3052. В.В. СТАСОВУ

28 ноября (10 декабря) 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресение, $\frac{\text{10-го дек.}^{a}}{\text{29-го нояб.}}$ 1871.

Мне бы давно следовало отвечать на Ваше письмо[1], любезный Владимир Васильевич — но то хлопоты переселения, то подагра, то работа литературная — времени и не отыскалось. Я теперь основался в Париже месяца на два — в половине нашего января я в Петербурге, если буду жив и здрав. Очень рад я, что Антокольский отыскался (отсылаю Вам,

---

[a] *Так в подлиннике.*

кстати, Ваше письмо к нему). Брака я для него боюсь более с физической, чем с нравственной точки зрения: люди с слабой грудью — все — ужасные похотники и истощают себя — не на художественные произведения. С Вашим воззрением на брак я — en gros — согласен; я бы даже расширил это воззрение и применил бы ко всякому *постоянному* общению с женщиной; Вы знаете, браки бывают неофициальные: эта форма даже иногда является более ядовитой, чем общепринятая. Вопрос этот мне — точно — хорошо известен и изучен мною основательно. Если я до сих пор не коснулся его в моих литературных попытках — так это просто потому, что я всегда избегал слишком субъективных сюжетов: они меня стесняют. Когда всё это еще дальше отодвинется от меня — я, пожалуй, подумаю и постараюсь — если только охота к писанию не пропадет. Очень уже трудно становится возиться с этим кропотливым делом — да и удовлетворить себя — с каждым днем — не легче[2]. Я вот только что окончил большую повесть (для "Вестника Европы")[3], которую переписывал *три* раза — это своего рода Сизифова работа! Но французы говорят: "qui a bu, boira", — и невозможного нет ничего.

В "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях" я прочел Вашу статью об академическом конкурсе и о Репине[4]. Мне очень было приятно узнать, что этот молодой мальчик так бодро и быстро подвигается вперед. В нем талант большой — и несомненный *темперамент* живописца, что важнее всего[5]. Нельзя не порадоваться прекращению у нас противной брюлловщины; только тогда забьют у нас живые воды, когда эта мертвечина соскочит — свалится, как струп[6].

Я здесь еще не осмотрелся, ничего и никого не видел — и потому ничего Вам сообщить не могу. Республика очень хворает — вся нация хворает. Что из этого всего выйдет — известно единому богу; впрочем, я думаю, и ему неизвестно[7].

Поклонитесь от меня Антокольскому и примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie.
St-Pétersbourg.
Mr W. Stassoff.
В *С.-Петербург.*
На *Моховой*, в доме *Мелихова.*
Его высокоблагородию
Владимиру Васильевичу *Стасову.*

3053. Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ

28 ноября (10 декабря) 1871. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Dimanche, 10 déc. 1871.

Chère Mademoiselle Fanny!

Voici l'article de Ralston sur votre père dans l'"Athenaeum"[1]. Il est possible qu'il vous l'ait envoyé; mais dans le doute, je préfère vous l'envoyer de mon côté.

Comment va-t-on à Vert-Bois? Vous avez dû cruellement souffrir pendant ces horribles froids. Restez-vous décidément longtemps hors de Paris?

Le № du "Вестник Европы" doit arriver dans quelques jours. Je vous l'enverrai immédiatement[2].

Mille amitiés à Mme votre mère et à vos frères. Croyez à ma sincère amitié.

J. Tourguéneff.

На конверте:

Mademoiselle Fanny Tourguéneff,
à *Vert-Bois*,
près de Bougival (*Seine-et-Oise*).

3054. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

28 ноября (10 декабря) 1871. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Dimanche, ce 10 Decembre 1871.

Chère princesse,

Voici plus de quinze jours que je suis à Paris, où je compte passer une grande partie de l'hiver[1], mais une rechute de goutte (hélas, oui) — et une agglomération de travaux littéraires m'ont empêché de vous écrire[2] — et surtout de vous demander quand — (je me permets d'omettre le si —) je pourrai venir vous voir — dans Bellefontaine-Abbey. Je serai libre vers la fin de cette semaine — à partir de jeudi; indiquez-moi un jour — et l'heure des chemins de fer, s'il vous plaît — et je viendrai réveiller les souvenirs de "auld lang syne"[3]⟨...⟩

P.S. Orloff — vient décidément à Paris — n'est-ce pas?[4]

3055. С.К. КАВЕЛИНОЙ

30 ноября (12 декабря) 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.
12 декабря (30 ноября) 1871 г.

Небо синевато-белое, как снятое молоко, улицы завалены бело-серым снегом, вроде знаменитого петербургского "песка" — в комнате 9 градусов — на душе уныло — конец носа красный, пальцы зябнут и плохо держат перо. Кажется, где уж тут писать письма — но сердце людское преисполнено противоречий — и я именно теперь возжелал перемолвить словечко с Вами, любезная моя молодая приятельница Софья Константиновна! Т.е., собственно, я желаю узнать от Вас, что Вы живы и здоровы, родители Ваши также, сердце Ваше по-прежнему пылает любовью к науке и никакого другого алтаря у себя еще не воздвигло — особенно алтаря с *не*священным пламенем! Если всё это обстоит благополучно — известите; если даже что-нибудь и свихнулось легохонько — все-таки известите; мне будет очень приятно, не оттого, что "свихнулось", а оттого, что я узна́ю что-нибудь о Вашем житье-бытье. Итак, надеюсь, что Вы отзоветесь. Вы ведь профессорствуете по-прежнему?[1]

А я поселился пока в Париже, расставшись с Баденом и с Германией. Никого здесь еще не видал — то страдал подагрой, то оканчивал большую повесть, которую отправил в "Вестник Европы" и которая появится в январском нумере. Боюсь я Вам ее рекомендовать: хотел я возвеличить нравственность, а вышло, к ужасу моему, что торжествует-то безнравственность! Беда моя... уж лучше не читайте[2].

Здесь мы находимся в самом странном положении; начиная с Тиэра, все чуть не гнушаются республики, а чем ее заменить — неизвестно. Кончится опять каким-нибудь coup d'état, на этот раз в пользу орлеанистов[3]. А пока здесь всё черно — и жить не особенно весело.

В конце января я непременно отъявлюсь в Петербург. Это верно: притом же и холеры нет.

Засим низкий поклон Вашим родителям и крепкое рукопожатие Вам.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3056. ПОЛИНЕ БРЮЭР
Конец ноября ст. ст. 1871. Париж

Chère Paulinette,

Mes pieds et mon genou me font si mal que je ne pourrai jamais monter tes 4 étages — aussi me contenté-je de t'embrasser par écrit, et de te recommander beaucoup de prudence et de patience.

Mille amitiés au bon Gaston. Ecris-moi de Rougemont.

J. Tourguéneff.

На обороте:

Mme Pauline Bruère.
Rue de Bruxelles, 23.

3057. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ
1(13) декабря 1871. Париж

Manuscrit[1] expedié samedi 26 adressé à Paul Annenkoff. Jean Tourguéneff.

3058. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ
1(13) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 13/1-го дек. 71.

Сегодня, любезнейший Михаил Матвеевич, получил я Ваш телеграфический запрос о моей повести — и тотчас же отвечал[1] Вам, что она отправлена мною к П.В. Анненкову в *субботу*. Надеюсь, что она достигла Ваших рук скоро после отправки Вами телеграммы; было бы очень неприятно думать, что она пропала — а с нею и все мои труды.

С нетерпением ожидаю известия о ее прибытии — а также и декабрьской книжки "Вестника Европы".

Радуюсь тому, что моя статья о Н⟨иколае⟩ И⟨вановиче⟩ Вам показалась достойною этого отличного человека[2].

Приехать на процесс Корша с г. Катковым — действительно — стоило бы; но, к сожаленью, это невозможно — раньше конца января я не попаду в Россию. Надеюсь, что К. Арсеньев lui dira ses vérités[3].

Прошу Вас распорядиться отпечатанием 10 отдельных экземпляров моей повести.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3059. ФРИДРИХУ БРУКМАНУ

2(14) декабря 1871. Париж

Paris,
Rue de Douai, 48.
d. 14 Dec. 1871.

Verehrter Herr!

Ich habe Ihren Brief erst gestern und hier bekommen; — Ich habe nämlich Baden-Baden verlassen und bleibe einen grossen Theil des Winters in Paris[1]. Leider kann ich nicht auf Ihren schmeichelhaften Antrag eingehen — da eine Anhäufung literarischer Arbeiten meine ganze Zeit in Anspruch nimmt[2]. Für den Zweck Ihrer Publication könnte ich Ihnen einen unsrer besten Schriftsteller D.W. Grigorowitsch — recommandiren. Er würde sich vortrefflich dazu eignen, da er sich viel mit Malerei und den bildenden Künsten überhaupt beschäftigt hat. Wenn Sie es wünschen, könnte Ich ihm schreiben, und falls er den Antrag acceptirt Sie mit einander in Verbindung setzen[3].

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

I. Turgénjew.

3060. ПОЛИНЕ БРЮЭР

3(15) декабря 1871. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Ce 15 déc. 1871.

Chère Paulinette,

J'aurais dû te répondre plus tôt — mais j'ai été accablé de travail tout ce temps-ci (ce qui m'arrive rarement, comme tu sais) — j'avais à achever de copier tout un petit roman que mon éditeur de Pétersbourg réclamait sur-le-champ[1]. Cela n'a pas été une petite besogne — et pendant 10 jours je ne me couchais qu'entre 2 et 3 heures du matin. Maintenant c'est fini — ma goutte aussi semble vouloir m'abandonner — et j'ai repris mon petit train-train habituel.

Je serai bien heureux de te revoir au 31 déc⟨embre⟩ et nous tâcherons de passer gaiement ensemble la nouvelle année. Je suis aussi très content d'apprendre que vos affaires marchent.

En attendant je vous embrasse tous les deux — et au revoir. Mes amitiés à Mr Bruère[2].

J. Tourguéneff.

3061. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

3(15) декабря 1871. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
d. 15. Dec. 71.

Nach langem Schweigen ein Lebenszeichen also! Aber Sie haben auch nie, nie so unleserlich geschrieben, grossartiger Pietsch! Kaum die Hälfte des Briefs habe ich entziffern können[1].

Hier geht es uns gut — nur ist noch das Haus in einem chaotischen Zustande. Es giebt keine Arbeiter mehr in Paris —und die da sind — arbeiten nicht[2]. Frau Viardot hat viel zu thun — und ist guten Muthes. Ich habe noch beinahe Niemanden gesehen — war in der ersten Zeit — krank (die vermaledeite Gicht!) — dann habe ich an meiner Novelle gefeilt[3] — und weiss also nichts vom Pariser Leben. Ich habe keine Ahnung davon, wann diese Novelle in's Französische übersetzt wird — ich rühre keinen Finger dazu — somit weiss ich gar nicht, wann Sie dieses neue Product zu lesen bekommen.

Mit "Toc, toc" — hat es keine Wichtigkeit. Dieses kleine Ding hatte eigentlich gar kein Recht auf eine Uebersetzung[4].

Ihr post-scriptum versetzt mich in Staunen. Ich weiss gar nicht, was das Ding heissen will und wie es in Ihre Hände gekommen ist[5]. Auch kommen grade da die schönsten calligraphischen Exemplare von Meister Pietsch's Hand[6]. Zum Exempel:

"Dabei kommt es *mir mir* stellenweise vor, als hätten *Sie*, das, häufiger als hatten Sie *das* und Sie *so* [illegible] (unleserliches Wort) — schreiben [illegible] (zweite Unleserlichkeit)".

Nun werde ein Mensch daraus klug!! Die ganze Geschichte ist mir ein Räthsel!

Was ihre traurige Stimmung betrifft, so denke ich, obgleich ich sehr mit ihr sympathisire:

"Auf Kieseln im Bache da liegt *er* so helle..."[7] Es wird sich schon machen!

Die Republik wird hier zu einem wahren "Cabinet inodore". Jedermann benutzt es[a] und keiner wird gestehen, dass er etwas mit ihr zu schaffen gehabt hat. Wahrscheinlich

---

[a] *Далее зачеркнуто*: wird

bekommen die Orleans bald Oberwasser[8]. Aber ruhig wird es nicht ablaufen. Nun, man wird sehen.

Der Deutschenhass hier ist etwas Colossales! Das einzige Colossale, was es hier giebt[9].

Auf Wiedersehen im *Januar* ganz gewiss — und bis dahin — leben Sie wohl und grüssen Familie und Freunde.

Ihr I. Turgénjew.

3062. М.А. МИЛЮТИНОЙ

6(18) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, 18/6-го дек. 71.

Любезнейшая Марья Агеевна, я сейчас получил через Ханыкова Ваше письмо[1] — и немедленно отправил его в Vert-Bois[2]. Я это сделал, во-первых, для того, чтобы разъяснить то недоумение, о котором Вы упоминаете; а во-вторых, в этом письме есть подробности и выражения, которые несомненно тронут сердца всего тургеневского семейства. Я видел их два раза: они все глубоко и скорбно поражены смертью Николая Ивановича и нескоро оправятся — особенно обе женщины. Оказывается, что как семьянин он был человек крайне мягкий, безо всяких притязаний, нетребовательный: а это ценится выше всего. Да и вообще он был превосходнейший человек.

Телеграмма *была получена* — это я знаю наверное — я помню, с какой благодарностью они о ней говорили[3]. Статью в "Московских ведомостях" я не читал — да и они также о ней ничего не знали; тот Номер, вероятно, каким-нибудь образом не попал в их руки[4].

От времени до времени доходят до меня известия о Вас, о Николае Алексеевиче; но мне приятно будет получать их прямо от Вас. По Вашим словам — ухудшения нет, а в обыкновенном порядке вещей — уже и за это спасибо[5]. Меня порадовало то, что Вы сказали об Юрье; сын Н.А. Милютина должен быть достоин своего отца[6].

Я — с тех пор, как простился с Вами — был в Англии, в Шотландии, потом в Бадене; расстался с ним окончательно (продал дом и т.д.) — и теперь пока в Париже, который не похож на прежний Париж — хоть и не стал новым. Междоумочное положение — во всех отношениях![7]

В конце января я прибуду в Россию — и в феврале или в марте загляну в Москву. В нынешнем году подагра меня сильно допекала — я и теперь не совсем от нее освободился. А впрочем, был здоров и даже работал. В январском № "Вестника Европы" будет помещена моя повесть[8]. Не полагаю, чтобы она Вам понравилась. Вы, московские дамы, немножко строги... О княгине Черкасской и А.Ф. Аксаковой я уже не говорю — и только заранее пожимаюсь при мысли об этих неумолимых громовержицах![9]

Пожалуйста, передайте мой усердный поклон Вашему мужу и всем тем, которые меня не забыли. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3063. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

6(18) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, 18/6-го дек. 71.

Яков Петрович, любезнейший! Что же ты замолк? Твои письма всегда доставляли мне много удовольствия — и я прошу тебя возобновить нашу корреспонденцию. Я остаюсь здесь до конца января — а там отъявлюсь в Петербург — и, конечно, тебя увижу. Я с удовольствием прочел твое стихотворение в декабрьской книжке "Вестника Европы"[1]; в нем попадаются очень счастливые обороты. *Тебя* муза не покинула; не то что нашего бедного Фета[2]. Скажи мне, что ты делаешь хорошего — и как тебе живется? Продолжаешь ли твою официальную службу и частную — у Полякова?[3] Что твоя жена, которой прошу передать мой поклон — и т.д. Всё это меня очень интересует.

О себе я скажу тебе, что, с тех пор как мы виделись, я жил в Англии, в Баден-Бадене, а теперь вот — в новом (весьма, впрочем, поблекшем) Вавилоне[4]. Был в течение трех месяцев болен подагрой, от которой даже теперь не совсем отделался; впрочем, духом довольно бодр. Настрочил большущую повестищу, которая появится в январском № "Вестника Европы"[5]; не знаю, что из нее вышло — ибо никому ее не читал и никакого мнения еще не слышал; сам же автор, ты знаешь, судья плохой — особенно на первых порах. Он видит не только то, что сделал — но даже то, что

хотел сделать; а публика — может быть — ничего не увидит. Посмотрим, что она скажет.

Сообщил ли ты мое извинение — или объяснение — княгине Гагариной? Пожалуйста, не забудь меня уведомить. Я ее очень уважаю — и не хотелось бы мне, чтобы она считала меня за невежу[6].

Засим желаю тебе всего хорошего — и крепко жму твою руку.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

3064. Н.В. ХАНЫКОВУ

6(18) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понед., 18 дек. 71.

Любезнейший Николай Владимирович, увраж, который Вы видели у меня, остался пока в Бадене вместе с другими книгами, которые я хотел отправить в Париж; в то время железная дорога не принимала ящиков ни par grande, ни par petite vitesse. Теперь дело, кажется, поправляется — и я на днях написал в Баден, чтобы выслали мне этот ящик. Я надеюсь получить его через неделю — и тогда Вы можете располагать этим увражем сколько угодно[1].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3065. П.В. АННЕНКОВУ

8(20) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Среда[a], 20/8-го дек. 71.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — получив прилагаемую статейку, Вы, вероятно, воскликнете: "Откуда мне сие?" Но вот в чем дело. В Петербурге издается "Журнал охоты", и я давным-давно обещал редактору этого журнала, некоему А. *Николаеву*, написать что-нибудь для него — и он даже объявил об этом в своем журнале[1]. Вот я и на-

[a] *Было*: вторник

строчил ему этот пустячок. Но так как у нас такого рода издания недолговечны, то я прошу Вас доставить г-ну Николаеву мою статейку — и, если журнал будет издаваться в 72-м году, оставить ее ему (конечно, безо всякого вознаграждения); если же журнал его волею божией помре или помрет с Нового года, то сохраните ее у себя — так как в ⟨...⟩[б], который тоже собирается издать какой-то альманах и которому я тоже обещал. Я бы в таком случае послал ему "Пэгаза" — но я буду — пока — ждать Вашего оповещения[2].

Молчание Ваше о моей повести[3] заставляет меня чесать у себя за ухом; я начинаю думать, что она Вам не понравилась — и вы не знаете, как сообщить мне этот факт. Валяйте! Кожа у меня толстая.

Рекомендую Вам все-таки мой продукт с корректурной точки зрения. На что маленькая статья о Н.И. Тургеневе? А и тут не обошлось без опечаток.

Я полагаю подписаться на те же журналы, как и в прошлом году: "Вестник Европы", "Беседа", "Отечественные записки", "Дело", "Р⟨усск⟩ая старина", "Русский архив" и "С.-П⟨етер⟩бургские ведомости".

Сообщите — если возможно — что справедливого в нелепом, здесь распространенном слухе о распре наследника с германским посланником принцем Реусс?[4]

Кланяюсь всем Вашим и всем приятелям. Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
⟨Ив. Тургенев.⟩

Адресс редакции "Журнала охоты": ⟨...⟩[б]

P.S. Прокорректируйте и "Пэгаза", благодетель!

3066. Н.А. КИШИНСКОМУ

8(20) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 20/8-го дек. 71.

Любезный Никита Алексеевич,

Я получил Вашу ведомость за 1871-й год. Я должен сказать, что весьма доволен и цифрой дохода, и цифрой расхода, которую Вы, очевидно, постарались привести в благо-

---

[б] *Далее часть текста утрачена.*

разумные границы. Дай бог, чтобы и вперед всё так же было — хотя сообщаемые Вами подробности подают мало надежды на будущий год!

В деньгах я вовсе не нуждаюсь; но, как я уже Вам сказывал в прошлом письме, курс стоит теперь такой хороший — и дела Европы вообще и Франции в особенности представляют так мало залогов в прочности тишины и мира, что, я полагаю, Вы поступили бы осторожно, послав теперь же все *свободные* деньги, т.е. такие деньги, в которых само хозяйство не нуждается.

В Петербург я прибуду в *январе* — а в Москву в конце февраля или в начале марта. Тогда мы, бог даст, увидимся. Здоровье мое недурно.

Желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

3067. П.В. АННЕНКОВУ

11(23) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 23/11-го дек. 71.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — доставьте, пожалуйста, прилагаемое письмо[1] Д.В. Григоровичу. Я его адресса не знаю, но он постоянно пребывает по утрам в помещении "постоянной художественной выставки" у Полицейского моста.

Меня просили некоторые здешние дамы узнать, какая настоящая фамилия г. Ближнева, автора "Семейства Снежиных", романа, помещенного в "Вестнике Европы" — и кто он такой[2].

Молчание Ваше поучительно — и, как говорится, sapienti sat[3]. Я утешаюсь мыслью, что если бы Вы нашли мою повесть[4] уже вовсе из рук вон плохою, Вы бы, как истинный друг мой, наверное взяли бы на себя не отдавать ее Стасюлевичу, так как Вы не можете сомневаться в полном доверии, которое я питаю к Вашему вкусу.

Я получил толстую книгу Полевого[5] и № "Отеч⟨ественных⟩ записок" (а также и "Русский календарь" Суворина) и за всё сие благодарю.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Знакомы ли Вы с П.В. Жуковским, сыном поэта — и не можете ли Вы мне сказать, находится ли он в Петербурге?

3068. Д.В. ГРИГОРОВИЧУ

11(23) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 23/11-го дек. 1871.

Любезнейший Григорович, не зная Вашего адресса, я пишу к Вам через П.В. Анненкова[1]. Вот в чем дело. Недели две тому назад известные издатели гравюр, литографий, иллюстрированных увражей Фр. *Брукман* в Мюнхене обратились ко мне с запросом: не хочу ли я написать русский текст к их изданию "Göthe-Gallerie von W. v⟨on⟩ Kaulbach" — так как они задумали издать эту книгу в России? Она уже появилась во Франции с текстом Сен-Виктора и Англии с текстом Льюиса. В Германии текст был поставлен Шпильгагеном. Вам, вероятно, известны эти действительно роскошные гравюры. За недостатком времени я не мог принять на себя этот труд — и предложил им вместо себя Вас — как человека гораздо более компетентного и специального — в случае, разумеется, Вашего согласия. Г-да Брукман отвечали мне немедленно, что они были бы очень рады, если бы Вы захотели написать им русский текст — и просили меня устроить сношения между ими и Вами — что я ныне и исполняю. Если Вы хотите взяться за это дело[2] — то вам стоит только написать им об этом, ссылаясь на меня. Вы можете, если хотите, написать им по-французски. Вы узнаете также их условия. Адресс следующий:

Friedrich Bruckmann's Verlag in München.

Я бы был Вам очень благодарен, если б Вы известили о Вашем намерении меня — да кстати дали о себе весточку.

Я полагаю прибыть в Петербург в конце нашего января — и тогда, конечно, увижусь с Вами.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Сообщите мне также Ваш петербургский адресс.

3069. П.В. АННЕНКОВУ

14(26) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Вторник, 26/14-го дек. 71.

Уф! Я вздохнул от глубины души, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, когда причина Вашего молчания объяснилась — и хотя ничего себе нельзя представить невыгоднее для моей повестушки, как эдакое отрывочное, корректурное чтение — но всё же *эдак* лучше, чем то, что я себе вообразил[1]. Письмо мое, вероятно, придет слишком поздно — но я всё же Вам кланяюсь земно с просьбой об опечатках! У меня в одном месте стоит: "exgizes léchères" (немец. выговор), надобно: ex*gu*izes — а то и понять ничего нельзя и т.д., и т.д. Я трепещу![2]

Двести рублей за некролог[3] — тогда как я не ожидал и не требовал бы копейки — поразительно! Остается пропеть:

"Коль щедр и славен Стасюлевич —
Не в силах выразить язык!"

Оставьте их у себя на всякие требы — а когда получите крупную сумму — за повесть — то вышлите ее сюда немедленно на мое имя, пользуясь высоким курсом.

Журнал получил; о подписке на новые писал Вам — и потому остается еще раз обнять Вас и поручить себя и свои "Воды" Вашему благоволению.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Получили ли Вы статью, озаглавленную "Пэгас"?[4]

3070. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

15(27) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 27/15-го дек. 1871.

Любезнейший Михаил Матвеевич, семейство Н.И. Тургенева, благодаря Вас за помещение в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" моей некрологической статейки, желало бы, чтобы Вы в следующем № сделали небольшую ректификацию. А именно: "Люттерот" не было никогда псевдонимом

Н.И. Тургенева; это имя принадлежит человеку, существующему и теперь, богатому протестанту, главному основателю журнала (теперь уже скончавшегося) "Le Semeur". Он большей частью пребывает в Париже. Он автор сочинения о иезуитах[1].

П.В. Анненков известил меня, что моя повесть[2], которую он и прочесть не успел, печатается в январской книжке "Вестника". Так как я раньше конца января отсюда не выеду — то № журнала, а также и деньги Вы можете еще прислать сюда на мое имя — через П.В. Анненкова.

Я получил 10 экз. моей некрологической статейки — и благодарю Вас. В ней проскочили три незначительные опечатки, которые Вы можете, если найдете это нужным, упомянуть:

стран.:	*строк⟨а⟩*:	*напеч.*:	*читай*:
915	9 снизу	черту	его черту
918	20 сверху	благодарностью, тому	благодарностью, к тому
"	6 снизу	la vie vraiment excellent	la vie de l'homme vraiment excellent

Прошу Вас также вручить П.В. Анненкову назначенные Вами 200 р. — сумму, на которую я, говоря откровенно, вовсе не рассчитывал — и за которую я говорю Вам искреннее спасибо.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Я из данного Вам предостережения[3] узнал, что Вы — превосходительный. "A quelque chose malheur est bon!"

3071. П.И. БАРТЕНЕВУ

16(28) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 28/16-го дек. 1871.

Я получил Ваше письмо[1], любезнейший Петр Иванович, и, переговоривши с семейством покойного Николая Ивановича, отвечаю Вам безотлагательно. Бумаг после покойного осталось очень много; часть их была разобрана им

самим при содействии профессора Порошина (тоже умершего); но в окончательный порядок они не приведены — и не приведутся раньше возвращения Тургеневых в Париж; а это возвращение последует не раньше конца января[2]. До тех пор г-жа Тургенева ничего положительного сказать не может. Я, конечно, весьма рекомендовал ей Ваше издание — если она не намерена печатать эти бумаги отдельно, книгой, что я ей отсоветовал; кн. Вяземский прочил им успех для своего "Сборника"; но это значило бы похоронить их для большинства русской публики[3]. Словом сказать, я имею все причины думать, что "Русскому архиву" будет дано предпочтение; но до разбора бумаг ничего еще сказать нельзя наверное. Г-жа Тургенева всё еще глубоко огорчена — ее печаль растет с каждым днем — и не в состоянии она ни говорить спокойно об утраченном ею муже, ни предпринимать какие-то ни было меры. Повторяю, нужно ждать ее возвращения в Париж; но Вы можете положиться на меня, что я интересов "Русского архива" не забуду[4].

"Русский архив" доходит до меня исправно; и "XIX век" был мне выслан — с его поистине любопытнейшими статьями. Такого рода издания — мое любимейшее чтение[5].

Не знаю, легче ли Вам станет от производства М.Н. Лонгинова, ex-автора "Попа Пихатия", в начальники прессы; с своей стороны я сомневаюсь. Посмотрим![6]

Я остаюсь здесь до начала февраля; а там в Петербург и Москву — где, бог даст, увидимся.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3072. Н.А. КИШИНСКОМУ

17(29) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Пятница, 29-го/17-го дек. 1871.

Вчера, любезный Никита Алексеевич, получил я заемное письмо Ахенбаха на 2000 р., а сегодня Ваше письмо[1]. Всё в порядке — и благодарю Вас.

То, что Вы пишете мне о спасской школе, мало меня радует. Этого нельзя так оставить. Я намерен сделать из Серебрякова пенсионера на вакансию, открывшуюся после

смерти Люции Тургеневой, и назначить ему эти 100 рублей; и готов определить 200 руб. в год жалования дельному учителю или учительнице, если таковая найдется. Поручаю Вам похлопотать об этом; а также объявить мое решение Серебрякову[2].

Невозможно допустить, чтобы в моем имении, в имении человека, который обязан всем своим значением перу, существовала плохая и неудовлетворительная школа. Теперь же так много развелось хороших руководств, азбук и т.д.[3], что придерживаться старинной, столь неудобной и бесплодной системы — грешно.

"Вестник Европы" будет Вам высылаться; я напипу об этом в редакцию.

Здоровье мое порядочно; желаю Вам и всем спасским жителям всего хорошего и поздравляю с Новым годом.

Ив. Тургенев.

3073. Н.В. ХАНЫКОВУ

17(29) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Пятница, 29-го дек. 71.

Мой ящик с книгами еще не прибыл из Бадена, любезнейший Николай Владимирович — но оказывается, что в библиотеке г-жи Виардо находится то же сочинение[1]. Она согласна ссудить Вас им на неделю — и потому присылайте комиссионера. Я поручился за Вашу аккуратность.

О Риттере я могу сказать Вам следующее. Я слушал его в Берлине в зимний семестр с 38-го на 39-й год. Он вместе с Гансом, скоро потом умершим, считался самым красноречивым преподавателем в ту эпоху Берлинского университета[2]. Слушателей у него было очень много — и не между одними студентами; приходили и офицеры, и чиновники, и даже дамы; он читал в одной из самых больших аудиторий. Наружность его была замечательно почтенная и важная; массивная голова, правильные черты, высокий лоб, выразительные большие глаза и сочный, звучный, приятный голос внушали невольное, уважение; а плавная, спокойная и в то же время картинная, колоритная речь увлекала неотразимо — и лилась безостановочно, как река! Я никогда не видывал более изящного профессора, изящного безо всякой приторности, величавого без напыщенно-

сти. Кстати о его голосе: Риттер был уже стар в 1838-м году и потерял несколько зубов; но подобного голоса я на кафедре тоже не слыхивал.* Много ли выносили слушатели фактических знаний из его лекций и насколько они были научно серьезны — это другой вопрос; но он несомненно умел возбудить интерес к географии, пределы которой он расширил, успел заставить полюбить ее, не считать ее более сухим перечнем рек, гор, мысов и т.п.

В воскресенье — между половиной 12-го и 12-ю часами — я с удовольствием буду ждать Вас в "Café Riche".

Комиссионера пришлите завтра пораньше.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3074. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

18(30) декабря 1871. Париж

Париж.
Rue de Douai, 48.
(Не 8, как ты написал.)
Суббота, 30/18-го дек. 1871.

Очень обрадовало меня твое письмо, любезнейший Яков Петрович, хотя не все известия, сообщаемые тобою, веселого свойства[1]. (Надеюсь, между прочим, что твои опасения насчет твоего зрения преувеличены; во всяком случае, ты не должен, по добродушию своему, допускать, чтобы на тебя взваливали непосильную работу.) Итак, ты покинул Полякова — и получил относительную свободу; видно, так следовало. Из твоих произведений я прочел только "Нагорный ключ". Красиво и грациозно — и аллегория верно выдержана до конца. Так как я "Беседу" получаю — то, вероятно, на днях прочту твое "У сатаны"[2], хотя что-то заранее побаиваюсь. Как бы не напомнило Сенковского! (Помнишь, "Большой выход"?)[3] А впрочем, посмотрим. Вполне сочувствую мучениям, возбужденным в тебе опечатками: это своего рода сочинительский ад. "Бульдога", должно быть, придется прочесть не раньше февраля, когда я приеду в Петербург. Но что тебе так дался Салтыков?[4] Этому че-

* Особенно выдавался он после птичьего свиста Ранке, шепелявого мурлыканья А. Бёка и допотопного мычанья Цумпта, его современников!

ловеку даже как-то неприлично не ругаться. Самый голос его на то природой устроен: ты только послушай.

Моя повесть (говоря между нами) едва ли понравится: это пространственно рассказанная история о любви, в которой нет никакого ни социального, ни политического, ни современного намека[5]. Если я ошибаюсь, тем лучше. А то Стасюлевич перестанет платить, когда и *эта* штука хлопнется наподобие "Ергунова", "Несчастной", "Стук, стук" — и прочих уродцев[6].

Ты мне ничего не сказал о моем портрете нового; я сам это чувствовал весьма хорошо — но как было сказать Ге?[7] Что же касается до наступающего возникновения талантов в русском художестве — то это для меня праздник. Душа веселится... Наконец-то![8]

Я что-то не понимаю, что ты мне пишешь о своем колене: будто с ним будет хуже, если ты пролежишь некоторое время неподвижно? Я полагаю, что это у тебя смесь ревматизма с подагрой; и у меня сильно болело и теперь еще не совсем выздоровело колено; но я лечился неподвижностью. В первые две недели я, впрочем, физически пошевелиться не мог. Ты советовался с Боткиным?[9]

Лонгинов, автор "Попа Пихатия", сквернейший по всей Руси губернатор, публично лаявший на царя за эмансипацию, сделан начальником нашей несчастной прессы!![10] Ничего хорошего ожидать нельзя — и "Вестнику Европы" грозит карачун. Он будет злобствовать — как Катков — со всей ехидностью ренегата.

А в "Нагорном ключе" — извини меня, я неисправимый педант и пурист — есть нерусский оборот:

"*Остановлюсь*
Замерзать на высотах".

Вряд ли возможно эдак выразиться[11].

"И так далее" смущает меня столько же, сколько оно тебя удивило. Я, вероятно, хотел прибавить: "и поклонись прочим друзьям", — а написал: "и так далее"! Прошу извинения у твоей жены — и вторично ей кланяюсь, безо всякого "и так далее" — но дружески[12].

Бог даст, через 6 недель увидимся — а до тех пор будь здоров, пиши стихи, не хандри и не давай себя заезживать. Федору Ивановичу Тютчеву поклонись.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P.S. Чуть было не забыл главного. Не помню, взял ли я с Салаева расписку, но он человек честнейший, поступал со мною всегда даже *по-рыцарски*, и потому за свои деньги не беспокойся. Сделай ему запрос — с своей стороны, я ему напишу, чтобы он сообщил, сколько твоих экземпляров продано[13].

3075. П.В. АННЕНКОВУ

19(31) декабря 1871. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресение, $\frac{\text{31-го}}{\text{19-го}}$ янв.[а] 71.

Ох, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — и обрадовали Вы меня, и зарезали своим письмом! Обрадовали теми похвалами, которые Вы расточаете моим "Водам" — а зарезали неотразимой верностью Вашего упрека насчет развязки! Представьте себе, что в первой редакции *оно было именно так*, как Вы сказывали — точно Вы прочли ее[1]. Беда моя на этот раз состояла в том, что я не успел прочесть[б] — перед печатаньем — мою повесть никому, ни г-же Виардо (что я до сих пор всегда делал, переводя на французский язык), ни Вам. Так, несмотря на все переделки, она пошла в дело сырою. Этой беде теперь уже помочь нельзя — но, конечно, при отдельном печатании Санин до некоторой степени регабилитируется[2]. Я, кажется, писал Стасюлевичу о напечатании 10 отдельных оттисков и о присылке их[3] — а также и январского N-а сюда; но Вы напомните. Сверх того, скажите ему, что, по просьбе моего управляющего, я желаю, чтобы один экземпляр "Вестника Европы" посылался по следующему адрессу:

Орловской губернии, в город *Мценск*.
Г-ну управляющему имением Тургенева
Никите Алексеевичу Кишинскому.

Деньги на подписку прошу вычесть из суммы, которую я получу за "В⟨ешние⟩ в⟨оды⟩".

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Далее начато*: мою

"Пэгаза" оставьте у себя, пока я не получу ответа от своего казанского охотника-корреспондента[4]. (Издателем "Журнала охоты" был не Иванов — а Николаев; а имя Гиероглифова меня путает.)

Г-жу Шнейдер следовало бы ошикать. На что нам — помилуйте — этот *разбитый* урыльник?[5]

Кланяюсь всем, а Вам дружески жму руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Будьте так добры, вытребуйте от редакции "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" мою рукопись "Вешних вод" — и сохраните ее до моего приезда[6].

3076. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 декабря 1871 (3 января 1872). Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, $\frac{\text{3-го янв.}}{\text{23-го янв.}}$ 1871.[a]

Любезнейший Михаил Матвеевич, я получил Ваше письмо[1] и чистый экземпляр "Вешних вод". Посылаю Вам маленький списочек опечаток — их, как Вы увидите, очень немного — и, за исключением двух, трех, они незначительны — так что мне очень благодарить приходится и Вас, и Анненкова. (Спасибо также за исправление моего "lapsus calami" о Франкфурте.) Надеюсь, что этот списочек придет еще вовремя для помещения в январской книжке[2].

Душевно порадовался Вашему одобрительному отзыву о моем труде; будем надеяться, что публика так же благосклонно взглянет на него, как Вы.

Я привезу с собою в П⟨етербур⟩г (в феврале) небольшую повесть листа в 2 печатных, которую также предоставляю Вам, если Вы захотите[3].

С Новым годом и новым счастьем (как бы Лонгинов нас не услышал!)[4] — и дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3077. Н.В. ХАНЫКОВУ

22 декабря 1871 (3 января 1872). Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 3-го янв. 1871.[a]

Любезнейший Николай Владимирович, по поручению г-жи К. Тургеневой посылаю Вам прилагаемую к сему статью в "Nation" (северо-американском журнале) о покойном Николае Ивановиче[1] и кланяюсь Вам дружески.

Ваш Ив. Тургенев.

3078. А.С. СУВОРИНУ

22 или 24 декабря 1871 (3 или 5 января 1872). Париж

48, rue de Douai.
Пятница, 3-го янв. 72.[á]

Вот, любезнейший Суворин, желаемый Вами биографический очерк. В нем мало интересных фактов, как во всякой исключительно литературной жизни. Решаюсь послать Вам черновую в надежде, что Вы разберете мой почерк[1].

Мы еще увидимся до Вашего отъезда? Полагаю, что Вы извлекаете всяческую пользу из Вашего пребывания в Париже.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3079. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

26 декабря 1871 (7 января 1872). Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресенье, 7 янв. (26 дек.) 1871 г.[à]

Любезнейший Сергей Дмитриевич!

Наконец-то Вы отозвались — а то я уже начинал думать, не случилось ли что с Вами? Очень рад тому, что Вы, по-видимому, нашли уютный уголок в Веве... Желаю Вам здоровья, спокойствия и прошу передать мой поклон княгине С.Н. Трубецкой и ее мужу, с которым я знаком.

---

[a] *Так в подлиннике.*

[á] *Так в подлиннике.*

[à] *Так в тексте публикации.*

Не зная, где Вы, я — грешный человек — пожег и побросал №№ "С.-Петербургских ведомостей"; впрочем, там, помнится, не было ничего особенно любопытного. Посылаю Вам экземпляр моей некрологической статейки о Н.И. Тургеневе, которая явилась в "Вестнике Европы".

В "местечке", как Вы говорите, я еще не огляделся и сижу сиднем. Да и вообще с каждым годом я всё более и более люблю уединение. Положение Франции продолжает быть скверным. Нынче говорят, что оно неизлечимо.

Из статей, упомянутых Вами, особенно интересны "Записки" Басаргина[1]. Очень хороша также в "Вестнике Европы" статья Пыпина о Чадаеве[2]. От Лонгинова я жду всяких гадостей: в нем будет кипеть желчь ренегата[3].

Я остаюсь здесь еще до конца февраля.

Засим дружески жму Вашу руку, поздравляю с Новым (русским) годом и желаю всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3080. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 декабря 1871 (7 января 1872). Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресенье, 7-го янв. / 26-го дек. 1871.[a]

Любезнейший Михаил Матвеевич, сейчас получил Ваше письмо[1] и трету на банкира Верна. Искренно благодарю Вас за эту даже досрочную плату. Для порядка прилагаю расписку в получении и прошу передать ее в контору редакции.

Я Вам уже послал маленький списочек опечаток, коих оказалось чрезвычайно мало — и мне остается только благодарить Вас за "exguizes", "Франкфурт" и т.д.

Книгу Н.И. Тургенева (т.е. собственно письма его брата), если только она выйдет к февралю, привезу Вам непременно[2]. Сверх того, у него осталось еще много любопытных бумаг, которые будут у меня в руках, как только семейство вернется из Вербуа в Париж; можно будет извлечь что-нибудь для "Вестника".

Дружески кланяюсь Вам и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Приложение:

В редакцию "Вестника Европы".

Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что получил сполна от редакции "Вестника Европы" три тысячи сто двадцать пять (3125) рублей, следуемые мне за статью "Вешние воды", помещенную в 1-ом № "Вестника Европы" за 1872-й год.

Иван Тургенев.

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресение, $\frac{\text{7-го янв.}}{\text{26-го дек.}}$ 1871[6].

3081. М.Н. ЗУБОВОЙ

27 декабря 1871 (8 января 1872). Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Lundi, 8 janvier 1872.

Madame,

Ce n'est qu'hier que j'ai reçu par l'entremise de Mr Achard[1] la lettre accompagnée de votre photographie — que vous aviez bien voulu m'envoyer. Il l'a gardée pendant près de deux ans, à ce qu'il m'a dit lui-même. Ce retard, qui s'explique jusqu'à un certain point par tous les événements des derniers temps[2], m'est d'autant plus désagréable que vous ayant rencontrée à St. Pétersbourg cet hiver et ne vous ayant pas remerciée de votre bon souvenir, vous avez pu croire que je ne l'apprécie pas comme je le fais.

Permettez-moi de vous dire maintenant combien j'y suis sensible. Je vous envoie en même temps la photographie que vous avez bien voulu me demander.

Je vous écris à St. Pétersbourg par l'intermédiaire de mon ami Mr Paul Annenkoff ne sachant pas du tout où vous êtes; j'espère pourtant que ce billet vous parviendra[3].

Je compte venir en Russie vers la fin de février; je visiterai Pétersbourg et Moscou: peut-être aurai-je la chance de vous y rencontrer.

Agréez, Madame, avec l'expression de mes remerciements, celle de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff.

---

[6] *Так в подлиннике.*

3082. П.В. АННЕНКОВУ

27 декабря 1871 (8 января 1872). Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, 8-го янв. 1872. / 27-го дек. 1871.

Вот в чем дело, любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Есть на свете очень хорошенькая барыня *Зубова*, дочь Кокошкина и внучка — по матери — Каталани; два года тому назад она мне послала письмо и фотографию — но я получил всё это только вчера — и вот пишу ей ответ[1] (и посылаю фотографию своей физиономии, которую она требовала). Но где она обретается? Неизвестно! Я встретил ее в последнее мое пребывание в Петербурге у знаменитого Половцева (женатого на дочери Штиглица, друга в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Владимира Александровича и т.д., и т.д.). Да вообще г-жа Зубова — дама известная в высшем бомонде, а так как Вы в нем витаете, то, быть может, и узнаете, где она теперь, и перешлете ей мою цидулю, за что я поклонюсь Вам в ноженьки.

А Стасюлевич просто велик! Подобных редакторов — я полагаю на свете нет. Представьте: книга еще не вышла — а я уже получил все деньги сполна. Так что даже совестно становится. Он мне пишет, что выдал Вам 200 р., которыми, я полагаю, Вы уже распорядились (насчет подписки журналов, *Фонда* и т.д.)[2]. Жду "Каменного гостя" с нетерпеньем[3].

Опечаток оказалось очень мало — я уже послал списочек. Одна только проскочила ужасная: "при*мо*кший" мотылек вместо "при*ни*кший"[4]. И поделом: зачем я пишу неразборчиво! Всё же Вам искреннее спасибо!

Надеюсь на Вас, что Вы напишете мне мнение публики о "В⟨ешних⟩ в⟨одах⟩" — даже если бы оно совершенно разнствовало с Вашим. На то Вы старый друг.

Кланяюсь всем и жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3083. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

28 декабря 1871 (9 января 1872). Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Dienstag, d. 9. Jan. 1872.

Natürlich bin ich noch hier, lieber Pietsch — und reise erst Mitte Februar nach Russland, bleibe dann aber zwei Tage ganz gewiss in Berlin. Amüsiren thut man sich in Paris *nicht*; Frau Viardot hat aber vollauf zu thun — mit ihrer Gesundheit steht es gut — und bald wird auch das Haus im Stande sein, Gäste zu empfangen. Was meine Person betrifft, so lebe ich absolut wie eine Schnecke — will auch gar nicht anders leben. Sonst fange ich an zu glauben, dass Frankreich totkrank ist[1].

Mein "jüngstes Kind", wie Sie es nennen, ersheint am 13/1-ten Januar in Petersburg im "Europäischen Boten" — wann es aber übersetzt wird, davon weiss ich nichts. Vielleicht bald, vielleicht spät, vielleicht nie. Wird es dennoch[a] übersetzt, Sie bekommen es gewiss zuerst. Unmoralisch ist es — das steht einmal fest[2] — aber ein Mithridat wie Sie hat noch ganz andere Gifte verschluckt und sich dabei noch besser befunden.

Also wirklich — keine "zweite Welle mehr"?[3] Es geht bergab mit uns — bergab — da steht sie schon, die blinde, stumme, graue, kalte, dumme, gefrässige, ewige Nacht![4]

Mit Lapidarschrift schreibe ich:

Ich weiss gar nichts von jenen "*Confessions*", habe nie welche geschrieben, und begreife nicht, wer Sie mystificirt hat!? Ich möchte doch das Zeug sehen[5].

Grüssen Sie alle guten Freunde und leben Sie recht wohl.

Ihr I. Turgénjew.

P.S. Ist wirklich A. v⟨on⟩ Werner ein so grosser Maler?[6]

P.S.S. Sie haben wieder Ihre Adresse nicht geschrieben!! Zum Glück war noch ein früherer Brief da. Das thut ein *Deutscher*!!!

---

[a] *Далее зачеркнуто:* erscheinen

3084. Н.В. ХАНЫКОВУ

29 декабря 1871 (10 января 1872). Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 10-го янв. 72.

Я сам весьма желаю познакомиться с г-м Вырубовым — любезнейший Николай Владимирович — и потому Вам стоит только сказать ему, что я все эти дни до *часу* дома — и буду очень рад его видеть. Можно даже условиться и позавтракать или пообедать втроем где-нибудь в трактирчике. Я свободен.

Дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3085. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

30 декабря 1871 (11 января 1872). Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Thursday, 11-th Jan. 1872.

My dear friend,

I send you back your sheets[1].

On p. *264.* The word "*bryudgi*" is quite new to me. How is it written in Russian? It must be a provincialism[2].

P. *272* (in the remark). *Kosa* — never means a "fish's tail" — but a kind of promontory in the sea — a narrow strip of land which advances — among the waters[3].

P. *334.* "Prichitat" — does not mean — to count up. You have confounded "*schi*tat" and "*chi*tat", "Pritchitat" — signifies: complain, repeat, read by the side of...[4]

S. *339.* Is it not:

"No room would be there *out of* (*because of*) my misery", and not: "*for* my misery".

I don't remember the Russian text. Is the word: *от* — or *из-за*? If *из-за* — "out of" would be the right translation[5].

P. *352. Kostia* being the diminutive of Konstantin (Костя) — the reason of the choice of the name is evident[6].

You can be quite sure of having made a good and *interesting* book — take my word on it[7].

I will send you a copy of my novel[8] immediately after my receiving it — with the necessary corrections.

A young Englishman of the name of A. Stephen will most probably soon present himself to you with a card of mine — he is a very good and amiable boy. He wishes to learn Russian!! It is a rather daring feat — but why not?[9]

The sister of Joukofsky[10] is a very queer person. I have made her acquaintance at Petersburg — but I don't know — de quoi il s'agit. I will ask.

Поздравляю Вас с нашим Новым годом и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3086. М.А. МИЛЮТИНОЙ

1867–1871. Баден-Баден или Москва

Не пеняйте на меня, любезная Мария Агеевна, если я не могу сдержать слова на сегодняшний день: на меня вдруг свалилась нежданная и спешная работа, которую никак нельзя отложить. До другого раза — но не другого *спора.*

Крепко жму Вам руку и кланяюсь Николаю Алексеевичу.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

1872

3087. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

1(13) января 1872. Париж

48, rue de Douai.
Samedi, 13 janv. 1872.

Chère Madame,

J'ai reçu votre lettre[1] trop tard dans la journée d'hier pour pouvoir profiter de votre aimable invitation. Je le regrette beaucoup et je me promets d'aller vous voir bien certainement vendredi prochain. Vous me dites tant de choses aimables dans votre lettre que je suis "at a loss" d'y répondre; tout ce que je puis vous assurer c'est que je ne suis point ingrat et que je suis très reconnaissant aux personnes qui, comme vous, veulent bien me témoigner de l'amitié.

Agréez, Madame, l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

J. Tourguéneff.

3088. А.Н. ЧУДИНОВУ

5(17) января 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 17/5-го янв. 1872.

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Я только вчера получил Ваше письмо[1], которое мне было переслано из Бадена, где я уже более не живу. Спешу заявить Вам, что охотно принимаю Ваше столь лестно для меня выраженное предложение. Не говорю уже о том, что каждому человеку свойственно сделать что-нибудь особенное для своего родного города; но задачи Вашей программы такого рода, что я не могу им не сочувствовать — и весьма был бы рад способствовать по мере сил к их осуществлению. Я желал бы знать, какого рода сотрудничества Вы ожидаете от меня: будете ли Вы иметь фельетон для беллетристики — или Вы решились ограничиться

журнальными статьями и корреспонденциями? Прошу Вас известить меня об этом — и я постараюсь так или иначе доказать Вам на деле мое желание быть полезным Вашему изданию[2].

Я остаюсь здесь еще 6 недель; потом я на два месяца еду в Россию.

Примите уверение моего совершенного уважения и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie.
Ville d'Orel.
Mr Tchoudinoff.
В город *Орел.*
Его высокоблагородию
Александру Николаевичу *Чудинову.*

3089. П.В. АННЕНКОВУ

7(19) января 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Пятница, 19/7-го янв. 1872.

Любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. С получения сего отправьте немедленно от моего имени "баснословного" "Пэгаза" по следующему адрессу:

Его б⟨лагороди⟩ю Петру Петровичу Васильеву — в город *Казань*, на Рыбнорядской улице, *в д⟨оме⟩ наследников Травина*[1]. Этот адресс — еще что! Тот же Васильев жил "на Второй горе, в доме дьячихи Трепуновой" и т.д., и т.д. Он, очевидно, меняет свое местожительство каждые две недели.

Первый № "Вестника Европы" пришел — я заглянул в статью Кавелина и почувствовал смущение...[2] Отдельных экземпляров "Вешних вод" еще не пришло[3]; также не пришел еще "Каменный гость" Даргомыжского[4] и некоторые N-а журналов. Но я твердо надеюсь на Ваши великие и богатые милости.

Рассчитываю также на сообщение толков в публике о моей штуке — какого бы свойства они ни были.

На стр. 48, 16 строка сверху, я пропустил опечатку. Вместо *она* — читай: *он.*

Меня в "Таймсе" и во всех английских журналах умо-

рили, прибавив, что мне было 81 год. Произошло смешение с покойным Николаем Ивановичем. Говорю это Вам для того, чтобы Вы знали, что я еще не умер[5].

Здесь идет всё помаленьку, в феврале — в начале или в конце — я *непременно* в Петербурге.

Засим обнимаю Вас и всех Ваших.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Следует несколько запросов:

1.) Получил ли Д.В. Григорович письмо от меня, в котором я ему передавал предложение одного "KunstInstitut'a" в Мюнхене — и какой он дал ответ?[6]

2.) Находится ли М.В. Авдеев в Петербурге и какой его адресс?

3.) Что за *история* произошла с фрейлиной Жуковской, дочерью поэта[7] — и брат ее, Ваш тезка, в Петербурге или нет?

4.) Можете Вы мне выслать вторично фотографию с "Иоанна Грозного" Антокольского — так как прежний пакет окончательно погиб[8].

3090. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

7(19) января 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Vendredi, 19 janv. 72.

Ma goutte m'a lâché de nouveau, mon cher ami — je suis désolé de tous ces contre-temps bêtes — et de vous avoir donné tout ce mal inutile, mais — sac à papier! — il faut pourtrant que cela se fasse.

Quel jour voulez-vous:

mardi,
mercredi[а]
ou
samedi[б]

de la semaine suivante? Et si je ne suis pas mort (comme le prétend le "Times")[1] — je me ferai porter chez vous plutôt que...

Enfin! J'attends la réponse.

Votre J. Tourguéneff.

[а] *Далее зачеркнуто:* jeudi
[б] *Далее зачеркнуто:* ou dimanche

3091. А.А. ФЕТУ

8(20) января 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 20/8-го янв. 1872.

Прежде всего поздравляю Вас с изобретением зерносушилки, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩ — если она точно окажется без сучка и задоринки. Je ne demande pas mieux que de m'écrier: "Tu as vaincu, Galiléen!"[1] Также радуюсь душевно успехам Пети: всё это обещает в будущем хорошие плоды. Также с удовольствием прочту Ваши письма "Из деревни" — если они будут написаны "sine ira et studio"[2]. Но так как мне в сношениях с Вами сам бог повелел ворчать, то я исполняю его волю — ворчу:

Во-1-х). Прочли ли Вы статью К. Арсеньева, за которую "Вестник Европы" получил столь восхитившее Вас предостережение?[3] Конечно нет; а то бы Вы увидели, что более дельной, серьезной, благонамеренной, антикоммунистической, прямо сказать, консерваторской в лучшем смысле слова статьи представить себе нельзя — и это предостережение может объясниться только тем, что французы называют "infatuation", блистательный пример которой является нам в назначении М. Лонгинова![4]

Во-2-х). Вы пишете, что "не шутя не знаете ни одного бедного литератора". Это происходит оттого, что Вы их вообще мало знаете. Укажу Вам на один пример. Недавно А.Н. Афанасьев умер буквально от голода — а его литературные заслуги будут помниться тогда, когда наши с Вашими, любезный друг, давно уже пожрутся мраком забвения[5]. Вот на такие-то случаи и полезен наш бедный Вами столь презираемый Фонд.

Надеюсь, что Вы весело пожили в Москве, и "люблю думать", как говорят французы, что Вы не слишком нанюхались катковского прелого духа[6].

Передайте мой дружеский поклон Марье Петровне — и будьте здравы и невредимы. В конце февраля я в Питере — а там в Москве и, пожалуй, в деревне. Жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3092. РЕДАКТОРУ "LE TEMPS"

9(21) января 1872. Париж

Paris, dimanche, 21 janvier 1872.

Plusieurs journaux français et anglais ont annoncé ma mort à l'âge de quatre-vingt un ans[1]. Il y a eu évidemment confusion entre moi et mon regrettable parent, M. Nicolas Tourguéneff[2], mort le 10 novembre de l'année passée à Vert-Bois, près de Bougival. Permettez-moi de recourir à la publicité de votre journal pour démentir cette nouvelle, et agréez l'assurance de mes sentiments distingués.

Ivan Tourguéneff.

3093. Н.А. КИШИНСКОМУ

12(24) января 1872. Париж

Париж.
38, rue de Douai.
Середа, 24/12-го янв. 1872.

Любезный Никита Алексеевич,

Я получил Ваше письмо от 3-го янв⟨аря⟩[1]. Одобряю все Ваши распоряжения насчет школы — и разрешаю Вам выписать все нужные книги и прочие школьные потребности. Повторяю: школа в Спасском не должна быть только подобием школы — надлежит поставить ее на высокую точку. Надеюсь, что Ваш выбор окажется хорошим, хотя я побаиваюсь недоучившихся студентов. Познаний у них хватает, но характер — вот где беда![2]

Я распорядился о высылке Вам "Вестника Европы" — известите о получении.

Здоровье мое порядочно; желаю Вам того же.

Где находится Порфирий?

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Не выпускайте из виду окончания выкупной операции.

3094. П.В. АННЕНКОВУ

13(25) января 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 25/13-го января 1872.

Любезнейший Анненков!

Как Вы предсказывали, Буренин остался недоволен[1] — и, по словам Стасюлевича, другие критики также упрекают меня, зачем моя повесть не с "начинкой"? На это отвечать очень трудно — сделанного не переделаешь!

Mais je ne vous tiens pas quitte письма, в котором Вы сообщите мне мнение людей, которые интересуются моими продуктами.

А теперь важная следует просьба! Дочь г-жи Виардо, г-жа Луиза Геритт, вот уже более двух месяцев не пишет к своим родным — а по театральным афишам видно, что она уже более не участвует в Русской опере. Так как она страшно самолюбива и всё на *эту* карту поставила — то родные беспокоятся, не выкинула ли она какую-нибудь новую штуку? Быть может, она больна? И вообще, в Петербурге ли она — или нет? Она жила у Серовой, вдовы композитора, на Васильевском острову, в двух шагах от Кавелина, в той же линии, в доме Вяземского. Пожалуйста, дружище, разузнайте хорошенько — и дайте знать немедля[2]. Кстати, что делает Антокольский?[3]

Смеха ради прилагаю Вам мой *некролог*, явившийся в одном лондонском музыкальном журнале. Меня смешали с Н.И. Тургеневым. Некоторые французские журналы также похоронили меня[4]. Говорят, это знак хороший. Кто такое *Летнев*, автор повести в "Деле"?[5]

А что же "Каменный гость"?[6] Я прошу Стасюлевича немедля выслать мне оттиски "В⟨ешних⟩ в⟨од⟩" сюда.

До свидания в *конце* февраля! Кланяюсь всем.

Ваш Ив. Тургенев.

3095. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

13(25) января 1872 г. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 25/13-го января 1872

Любезнейший Михаил Матвеевич, из фельетона "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей" я уже мог заключить, что от меня ждали повести "*с начинкой*"[1]; но что делать — чем

богат, тем и рад — и приходится повторить слова, кажется, Гете:

"Mit keiner Arbeit hab'ich geprahlt —
Und was ich gemalt hab — hab'ich gemalt"[2].

Замечание Ваше, без сомнения, справедливо и верно; но я убоялся многословия[3]. А в опечатке "на мою" виноват я — и поправка должна быть, как Вы предполагали, "на мою *честь*" — а не "на меня". Но это не *суть важно.* Покорно прошу выслать мне оттиски сюда, в Париж, ибо я раньше 5, 6 недель отсюда не выеду. Так-то вот дела затягиваются! И будьте так добры, прикажите, чтобы высылкой не мешкали.

Кто такое Г., пишущий "Десять лет реформ"? Если можно, назовите[4].

Засим до свидания и будьте здоровы и благополучны — и да сохранит господь Вас и "Вестник" от всяких бед!

Ваш Ив. Тургенев.

3096. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

14(26) января 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Friday, 26-th Jan. 1872.

My dear friend,

I have received the "Orchestra" with ⟨a⟩[а] very flattering article. Chorley must feel a very great "dépit"; but I must nevertheless think that it is better so as it is. I am rather surprised to find myself a "somewhat *fatiguing* enthusiast"; I did not imagine my defaults laid in *that* any[б] but nobody knows who he is[1].

I sent you yesterday — no, the day before — a copy of my novel; I hope you will not be *too much* shocked by its rather lax morality[2].

Believe me

yours very truly,
J. Tourguéneff.

P.S. *Saturday morning.* I have just received the n° of the "Athenæum" — many thanks.

[а] *В подлиннике:* the

[б] *Так в подлиннике.*

3097. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

14(26) января 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Vendredi, 26 janvier 72.

Mon cher ami,

Je n'avais rien de particulier à vous dire, j'étais venu voir si vous étiez encore à Paris. Vous êtes bon pour moi comme le bon pain — je vous remercie beaucoup et je profiterai de vos offres amicales. J'ai vu de Gramont; à partir de lundi nous entamons résolument notre ouvrage[1]. J'espère qu'il sera fini vers la fin de février — et vous déciderez alors ce qu'il faudra en faire. Quant au *volume*, je crois qu'il faut attendre jusqu'à l'hiver prochain[2].

Tout le monde ici va bien et se rappele à votre souvenir. Vous dites que vous n'avez plus de soleil — nous n'en avons pas davantage — mais il fait ridiculement chaud. C'est un hiver *pourri*, comme on dit en Russie. On est à peu près *casé* chez Viardot (enfin!) et on va recevoir un peu de monde et faire de la musique tous les vendredis.

Si vous recevez "Le Temps", vous avez dû y trouver une protestation de moi contre des bruits qui me faisaient passer pour mort[3].

Pas encore, que diable!

Mille amitiés et portez-vous bien.

Votre J. Tourguéneff.

3098. С.К. КАВЕЛИНОЙ

16(28) января 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресенье, 16(28) января 1872 г.

Любезнейшая Софья Константиновна, отвечаю немедленно на Ваше письмо[1]. Прежде всего должен Вам сказать, что никакого письма от Вас я в Лондоне после мая месяца не получал (NB. хуже Англии насчет неисправности почт нет в целом свете страны!); на единственное письмо, написанное Вами, я отвечал немедленно[2]. Во-вторых, я не только не сержусь на Вас за то, что Вы мне сказали о моей повести[3], но, напротив, весьма Вас благодарю за откровенность; впрочем, зная Вас, я другого и не ожидал. Скажу Вам без обиняков,

что я совершенно согласен с Вами и чувствую нечто вроде отвращения к собственному детищу: это отвращение во мне накоплялось помаленьку — и Ваше письмо только довершило начатое. Мне кажется, что, если бы мне пришлось прочесть кому-нибудь вслух эту вещь до печатания, я во всяком случае переделал бы конец и заставил бы г-на Санина бежать тотчас от г-жи Полозовой, еще раз свидеться с Джеммой, которая бы ему отказала, и т.д., и т.д.

Но теперь всё это в воду упало — и я не прикоснусь до моего уродца. Не знаю, буду ли я еще когда-нибудь что писать — но с этими лицами, в которых Вы справедливо меня упрекаете, я расстался навеки. Вот видите ли, какой я паинька.

Вы мне ничего не говорите о Ваших родителях, полагаю, что они здоровы и благоденствуют. Статью Вашего батюшки в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" еще не прочел[4]. Радуюсь тому, что Вы продолжаете подвизаться на пользу отечественного просвещения — а также и тому, что Вы до сих пор вольная птица. Одно к одному... или, говоря другими словами, одно с другим вяжется плохо. Впрочем, Вы созданы на то, чтоб доказать на деле совместимость несовместимых вещей.

В начале марта, бог даст, увидимся, а до тех пор еще раз благодарю Вас и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам И.Т.

P.S. Поклонитесь всем и Дарье Ивановне также. На этот раз Вы не только не выставили своего адреса, но даже имени не подписали! Хорошо, что я знаю Ваш почерк.

3099. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

16(28) января 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Воскресенье, 28/16-го янв. 1872.

Любезный брат!

Обращаюсь к тебе с следующей просьбой. Из полученных здесь сегодня "Московских ведомостей" я увидал, что в прошлый четверг — 13-го числа — была дана в бенефис г-жи Васильевой моя комедия "Месяц в деревне"[1]. Хотя я[a]

---

[a] *Далее зачеркнуто:* ее

всячески уговаривал г-жу Васильеву этой комедии не давать — ибо она вещь не сценическая и непременно должна нагнать скуку — я же вовсе не драматический писатель — однако мои доводы не подействовали: видно, ничего другого под рукою не было[2]. Не полагаю, чтобы ты находился в театре 13-го числа; однако невозможного нет ничего. Если ты был, потрудись написать мне чистосердечно твое впечатление и впечатление публики; если ты не был и если эту комедию дадут еще раз, не поленись съездить для сообщения мне твоего впечатления[3]; ибо хотя я вообще к литературе охладел, а к театру подавно — однако не настолько, чтобы уже совсем потерять всякий интерес к моим вещам. Ты бы меня этим весьма обязал.

Надеюсь, что вы оба с Анной Яковлевной здоровы и благополучны; кланяюсь ей — а тебя обнимаю — и до свидания в начале марта, если бог даст.

Твой любящий брат
Ив. Тургенев.

3100. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

19(31) января 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Mercredi, 31 janv. 72.

Mais c'est magnifique tout ce que vous me dites là, chère princesse — et je ne m'attendais pas à tant d'éloges![1] Le public en Russie semble goûter assez ma petite machine, — mais la critique est généralement sévère: on ne me trouve pas assez sérieux, — on voudrait que je fisse de la politique, que je traitasse des questions sociales; peut-être a-t-elle raison, la critique. Enfin, la chose est faite et je suis enchanté que vous m'ayez lu sans ennui[2].

Je suis allé voir Orloff, je ne l'ai pas trouvé à la maison, ni la princesse non plus[3]; j'espère être plus heureux un autre jour. Il faundrait s'arranger pour aller ensemble à Bellefontaine.

Toute la famille Viardot va bien; — vendredi aura lieu la première soirée musicale. On a fini par établir l'orgue[4].

Mille amitiés à tout Bellefontaine; je vous serre bien cordialement la main.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩
J. Tourguéneff.

3101. П.В. АННЕНКОВУ

22 января (3 февраля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 3-го фев. / 22 янв. 72.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Спасибо за № "Московских ведомостей". Этот документик стоит сохранить. Я, кажется, знаю, кто этот столь усердствующий Антропов. Он был мужем одной моей знакомой, г-жи Рашет, которая развелась с ним после трехнедельного брака, вследствие его неистовых поступков. Быть может, он знает, что я нахожусь в дружеских отношениях с его женой; а быть может, он так старался просто по приказу Каткова. Эка, подумаешь, желчи-то накопилось, желчи! Я сам знаю, что моя повесть стоит на слабых ножках; но в ней есть искренние звуки, которые сохранят ее от смерти, что бы ни говорили ces messieurs[1].

Теперь насчет пунктов:

1.) Приедет же Зубова хоть посмотреть на кончину мужа, тогда и вручите фотографию. А не приедет — и письма нельзя будет доставить — отдайте кому вздумается[2].

2.) Не забудьте, пожалуйста, справиться поаккуратнее о г-же Геритт[3].

3.) Насчет "Каменного гостя" я напишу в Лейпциг сам — а потому не хлопочите больше[4].

4.) От Григоровича я уже получил ответ[5].

5.) О фрейлине Жуковской...[6] все мы люди, все человеки! А жалко.

6.) Журналы буду ожидать с спокойным духом. Даровой экземпляр "Русского вестника", мне вероятно, уже более доставляем не будет — и подписаться на сей журнал не вижу большой необходимости. Вы подписались для меня на "Русский архив" — а Бартенев мне прислал даровой экземпляр. Но это ничего — лишний экземпляр я помещу.

7.) Иоахим — бог скрипки — с большим "Б". Все другие скрипачи перед ним пигалицы — и Вы хорошо делаете, что восторгаетесь.

8.) В Москве 13-го янв⟨аря⟩ давали мою злополучную комедию "Месяц в деревне". Хотя, кроме скуки, она ничего возбудить не может — о чем я нелицемерно пред-

варял самое бенефициантку[7] — однако не настолько я одеревенел, чтобы уже вовсе не интересоваться участью моих детищ: если до Вас что-нибудь дошло — сообщите.

Засим ждите меня непременно в марте с новой повестушкой под мышкой[8] (опять работа г-ну Антропову!) — и будьте здоровы и благополучны. Кланяюсь дружески всем Вашим и жму Вам крепко руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Писемскому я напишу[9]. Как показывает себя М. Лонгинов?[10]

3102. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 января (3 февраля) 1872. Париж.

Париж.
48, rue de Douai.
$\frac{\text{3-го фев.}}{\text{22 янв.}}$ 1872.

Любезнейший Михаил Матвеевич, благодарю за высылку экземпляров[1] — я их еще не получил — но c'est tout comme. Анненков доставил мне статью обо мне в "Московских ведомостях"; я, грешный человек, почувствовал себя польщенным. Стало быть, думалось мне, дорожил мною г-н Катков и не может мне простить, что я бросил его лавочку! Пересолить-то — он, конечно, пересолил; но в сердцах человек — где уж ему тут разбирать? И какие у него молодцы усердные![2]

Вы мне не пишете о том, как себя держит Лонгинов? Видели Вы его — беседовали с ним?

В марте месяце я отъявлюсь самолично в Петербург — и привезу новую поживу[3] для Каткова — не смею прибавить: для Вас. А впрочем, может быть, "Вестник Европы" не убоится его громов.

До тех пор будьте здоровы и не давайте выедать себе глаза всяким *чадам*. Жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3103. М.Н. ЛОНГИНОВУ

24 января (5 февраля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, $\frac{\text{5-го фев.}}{\text{24-го янв.}}$ 72.

Любезнейший Михаил Николаевич, обращаюсь к тебе по просьбе знакомого тебе человека, К.К. Ахенбаха, киевского цензора. Он полагает, что ты примешь к сведению слово, которое я замолвлю тебе о нем. Сколько я его знаю, он человек усердный, работящий — и отличный исполнитель предписаний начальства. Оно не может не дорожить такими людьми. Итак, позволяю себе рекомендовать тебе его.

В конце марта я прибуду в Петербург — и, конечно, с тобой увижусь. Я не встречался с тобою во время твоего губернаторства[1] — авось встречусь теперь, когда петербургская пресса отдана в твои руки[2]. Надеюсь, что ты будешь обходиться с нею бережно — и в этой надежде желаю тебе всего хорошего и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

На обороте:

Его превосходительству
Михаилу Николаевичу *Лонгинову*
От И.С. Тургенева.

3104. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

24 января (5 февраля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, $\frac{\text{5-го фев.}}{\text{24-го янв.}}$ 72.

Милый Яков Петрович, отвечаю разом на твои два письма[1]. Несколько дней тому назад я отвез твое письмо к г-ну Устюжскому — но не застал его дома, — а вчера после обедни видел его, и всё его семейство. Он кажется очень добрым и тихим человеком — и все его дочки очень милы — особенно одна, белокурая, с тонким профилем и симпатическими глазами. Да и все они очень красивы — хотя "красавицами в полном смысле слова" я бы их не назвал — и

все очень тебя любят и сохраняют очень теплую память о тебе. Я им много рассказывал о твоем житье-бытье.

В первой редакции твой "Утес" мне гораздо меньше понравился, чем "Нагорный ключ"; аллегория не ясно выведена и т.д. Ты, должно быть, сам это почувствовал — потому что переделал свой "Утес"; но в 3-м № "Гражданина", который я получил, его нет[2]. Надеюсь прочесть твое стихотворение в следующем №. Ты очень хорошо делаешь, что печатаешься там, где предстоит тебе возможность. К чему эти бесполезные деликатности, за которые тебе даже никто спасиба не скажет? "Клячу и Пегаз" прошу прислать[3].

Спасибо за доставление известий о моей повести. Я вижу, что она многим не нравится, и рад, что в тебе она по крайней мере пробудила сочувственные звуки. Анненков мне доставил статью "Московских ведомостей"[4]. Ну уж они пересолили — не могу же я быть таким пошлецом! Катков не может мне простить моего перехода в "Вестник Европы" — mais il montre trop le bout de l'oreille. А впрочем, всё это для меня уже старая история: "пощебелил... да и за щеку!"[5].

Твои бывшие "belles-sœurs" напомнили мне твою милую покойницу — но ни одна из них не может сравниться с нею по красоте и прелести выраженья.

Я не знаю, писал ли я тебе свое мнение о твоем стихотворенье "Что с ней?". Оно мне очень нравится: правдиво и трогательно[6]. В "Беседе" твоя большая вещь мне нравится менее: не довольно сжато и иногда фельетонно[7].

Засим будь здоров и бодр; обнимаю тебя — и до свидания в марте!

Твой Ив. Тургенев.

3105. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

24 января (5 февраля) 1872. Париж

Париж.
Rue de Douai.
Понедельник, 5-го февр. (24-янв.) 1872.

Любезнейший Сергей Дмитриевич!

Отвечаю разом на Ваши два письма по порядку[1].

1.) Несколько №№ "С.-Петербургских ведомостей" собраны и отправлены к Вам, и впредь буду отправлять[2]. Не

поспеть мне ко дню Вашего рождения, с которым Вас поздравляю[3] — что делать! Прошу извинить.

2.) Книга в Лейпциге еще не вышла[4], и семейство Тургеневых еще живет в Вербуа — так что я вижусь с ним весьма редко.

3.) Орлова видел всего раз. Он очень занят — впрочем, держит себя молодцом[5]. Жена его пока еще в Кракове, но через две недели поселится здесь.

4.) Надеюсь, что Ваша уплата Мюллеру Вас не стеснила; что же касается до 200 руб. — то Вы совсем не должны ни торопиться уплатой, ни беспокоиться о ней. Если в мае у Вас найдутся свободные деньги, то пришлите их в Петербург на имя П.В. Анненкова, адрес которого я Вам доставлю и которому я оставлю Вашу расписку. А то Вы можете прислать мне эти деньги в Париж по моем возвращении[6].

А сами Вы когда думаете завернуть "в местечко"? Здесь же еще идет cahin-caha, да, я думаю, долго будет так идти.

Примите уверение в моих дружеских чувствах.

Ив. Тургенев.

3106. Н.А. КИШИНСКОМУ

25 января (6 февраля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Вторник, $\frac{\text{6-го фев.}}{\text{25-го янв.}}$ 1872.

Любезный Никита Алексеевич,

Я получил три письма: от г-жи Маляревской, от Серебрякова Петра и от Емельяна Панина, бывшего тамбовского бурмистра[1].

1.) Г-жа Маляревская беспокоится о распространившемся слухе ⟨о⟩ моей смерти[2] — и просит прибавки к своей пенсии 3-х копеек в день. Напишите ей, что я благодарю ее за ее участие — и что я прибавляю ей 10 рублей в год с 1-го янв⟨аря⟩ 72 г. Также просит она получать пенсион вперед. Это я считаю невозможным.

2.) Серебряков разливается горькими жалобами за то, что мальчиков отдали другому учителю — и ни одним словом не упоминает о назначенной ему сторублевой пенсии — точно он ее не получает[3]. Надеюсь, что Вы извести-

ли его о моем решении — и потому прибавьте — от моего имени — что, сверх этой пенсии, я ничего для него сделать не могу — и что он должен ею удовлетвориться.

3.) Емельян Панин снова толкует о десяти десятинах, подаренных ему дядею Н⟨иколаем⟩ Н⟨иколаевичем⟩, проданных впоследствии и просит вознаграждения, причем удивляется, что я не отвечал ему на его письмо от сентября 1870-го года. Прошу известить его — также от моего имени — что я оба эти письма получил и не нахожу возможным изменить что бы то ни было в моем решении[4].

Прошу Вас объясниться с этими тремя лицами немедленно, чтобы они опять не приставали ко мне.

Засим желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья, и кланяюсь спасским жителям.

Ив. Тургенев.

3107. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

31 января (12 февраля) 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Lundi.

Mon cher ami,

Je m'aperçois que votre invitation est pour vendredi, Mme Viardot a des soirées musicales le vendredi, où je ne puis manquer. Je veux seulement vous dire qu'il faut que je sois à la maison un 1/4 heure avant dix heures. J'espère que cela ne dérangera rien[1].

Mille amitiés.

Votre vieux
J. Tourguéneff.

3108. П.В. АННЕНКОВУ

4(16) февраля 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Vendredi, 16 février 72.

Mon cher ami,

Voici quelqu'un que je vous recommande particulièrement: Mlle Marie Dumas qui se rend à Pétersbourg pour la saison du grand Carême. Elle déclame à ravir — et joue des saynetes, des

petites comédies de salon, etc. d'une façon tout à fait remarquable. Je suis sûr qu'elle fera sensation à Pétersbourg — à cette époque où il n'y a pas de théâtres. Aidez-la de vos conseils et dites-lui comment il faut s'y prendre pour "trouver le joint"?

Je compte sur notre vieille amitié — et je suis sûr que vous vous mettrez à sa disposition de bon cœur. Dites-lui à qui il faut s'adresser pour paraître dans un concert.

Je vous dis *merci* — et vous serre la main.

Votre J. Tourguéneff.

P.S. Indiques à Mlle D⟨umas⟩ l'adresse du comte Sollohoub et de Souvorine[1].

3109. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

5(17) февраля 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Sonnabend, d. 17. Febr. 1872..

Mein edler Freund und Gönner Ludwig Pietsch!

Es kommt ein Moment, so hab'ich bemerkt, im besten Verhältniss zwischen Freund und Freund — wo der eine Freund dem anderen Freund plötzlich als ein toter Hund erscheint — und auf keinen höheren Werth Anspruch machen darf[a]. Aus verschiedenen Symptomen und Indicien habe ich schliessen können, dass jener Totenhundmoment, angesichts meiner deutschen Pythiasse[1], in meinem Leben als eingetroffen zu betrachten ist. Wenn dem so ist — o, so brauchen Sie nur zu schweigen — und mein ahnungsvolles Herz wird alles verstehen! Brechen wird es jedoch nicht. Wenn ich aber irren sollte — irren ist menschlich — dann sagen Sie ein Wort — und ich werde sehr vergnügt sein[2].

Hier steht es mit Frankreich und mit Paris — sehr schlimm[3], mit der Familie Viardot — gut. Ende März reise ich nach Petersburg über Berlin.

Meine lerchentrillernde Novelle hat Fiasco gemacht[4].

Viele Grüsse der Familie — und leben Sie recht wohl.

Ihr I. Turgénjew.

---

[a] *Было:* kann

3110. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

5(17) февраля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 17/5-го февр. 1872.

Спасибо тебе, любезный брат, за присланные вырезки из журналов: хотя, впрочем, я из них не узнал ничего нового, ибо ничего иного не ожидал: моя комедия, как я тебе это писал заранее, *должна* была получить фиаско[1]. Оттого я и бросил (с 1851-го года) писать для сцены: это не мое дело. Мне остается только упрекнуть себя: зачем я имел слабость согласиться на просьбы г-жи Васильевой?[2] Впрочем, всё это не имеет важности.

Очень сожалею я о болезненном состоянии Анны Яковлевны: впрочем, я, зная твою мнительность, утешаю себя мыслью, что ты преувеличиваешь. Но критические годы всегда тяжелы для женщины — и я полагаю, ты поступишь очень умно, если с первым появлением весны повезешь свою жену за границу на воды[3].

Неприятна также (хотя это дело поправимое) совершившаяся кража. Авось принятые тобою меры окажутся действительными.

Но, признаюсь, я никак не ожидал, что у тебя нет того, что англичане называют *an iron safe*, для хранения документов. Я бы, кажется, готов был пари держать, что именно у тебя их существует несколько!

Засим обнимаю тебя дружески, кланяюсь А⟨нн⟩е Я⟨ковлевн⟩е — и говорю: до свидания!

Твой Ив. Тургенев.

3111. П.В. АННЕНКОВУ

11(23) февраля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Пятница, 23/11-го фев. 72.

Любезнейший друг Павел Васильевич, вчера я получил телеграмму от издателя "Nordische Presse" Беренса: он желает поместить перевод "Вешних вод" в фельетоне своего журнала и просит моего согласия, без которого он может, как Вы знаете, преспокойно обойтись. Я ему послал по телеграфу мое "да" — а сегодня пишу ему, что я хотел бы

сперва просмотреть этот перевод, так как я через 6 недель являюсь самолично в Питер — но что если ему не терпится, то он может снова обратиться к Вам, как[a] он это сделал по случаю перевода "Степного Лира" в прошлом году[1]; и хотя в этом переводе проскочили крупные ошибки в достаточном количестве — но я снова прибегаю к Вам с просьбой, не знаете ли Вы какого-нибудь русского немчуру или немецкого русопета, который бы мог проверить верность оного перевода? Весьма бы обязали — а я прошу у Вас милостивого прощения за возложение на Ваши приятельские рамена такой обузы. Но как проглотят немецкие читатели г-на Клюбера и прочие неприятности, сказанные их расе?[2]

Я получил 1-й № "Русского вестника"; полагаю, что Вы не подписались — и это достохвальный Катков потчует меня по старой памяти, предварительно вымазав меня грязью[3]. Январские Nомера петербургских журналов еще не пришли; но, полагаю, не замедлят.

Скажите на милость, запрещение "Голоса" — работа М.Н. Лонгинова? Или этот гром ударил мимо его? Какая тут подкладка — le dessous de cartes? Если знаете, сообщите[4].

Мы получили здесь "Каменного гостя" Даргомыжского — с жадностью накинулись на него — и остались огорошенными! Неужели это не мистификация? Как? Эти вялые, бесцветные, водянистые речитативы, напоминающие бессильный ⟨- - - ⟩ старца, у которого желудок давно не варит, это — гениальное произведение, перед которым моцартовский "Д⟨он⟩-Жуан" ничто?!! Я решительно отказываюсь понять, что "сей сон значит" — и, если когда-нибудь этого "Гостя" дадут и вся публика не *завоет* от скуки, как, говорят, она завыла в Москве при исполнении моей знаменитой комедии "Месяц в деревне", я заранее даю торжественную клятву никогда не посягать на какое бы то ни было музыкальное суждение[5].

Правда ли это — не смейтесь! — что холера свирепствует в Петербурге?[6]

Но, помилуйте, что это за статья в "Гражданине" по поводу г-жи Шнейдер и "Герцогини Герольштейнской"?! Этот кн. Мещерский, ведь *это* — Магницкий redivivus![7]

Обнимаю Вас и кланяюсь всем друзьям и приятелям.

Ваш Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* дела⟨л⟩

3112. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14(26) февраля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, 26/14-го февр. 1872.

Я только что собирался отвечать Вам на Ваше письмо от 29-го янв⟨аря⟩, любезнейший Михаил Матвеевич, как уже получил второе[1] с приятным и для Вас, и для публики, и для меня известием о перепечатании "Вестника Европы" вторым изданием[2]. Не без некоторого злорадства — сознаюсь! — воображаю себе фигуру почтенного издателя "Русского вестника" при этом известии. Оказывается, что и московский папа так же мало непогрешителен, как и римский.

Особенное удовольствие доставило мне то, что Вы говорите мне о "Вешних водах"... Коли и после третьего чтения (в течение месяца!) моя повесть Вам не прискучила — значит, она не так плоха, как уверяет г-н Антропов (ибо ратоборец в "Московских ведомостях" носит *это* имя, а не Маркевича)[3]. Знай я, что моя повесть выйдет вторым изданием, я бы Вам сообщил еще несколько опечаток, которые я проглядел, как-то напр.: на 13-й стран., 9-я строка снизу, вместо "Падуи" должно стоять "Пармы" (mea culpa), на 48-й стран., строка 16-я сверху, следует не "она знает", а "он знает", ибо речь идет об Эмилио — но всё это неважно. 10-ть экземпляров я с благодарностью получил — и жду новых, ибо старые разлетелись.

Очень хороша статья в февральской книжке "Вестника Европы" — "Современная глушь" Назарьева. Вот бы таких побольше! За "Восточную политику" примусь сегодня же[4]. Повесть Левитова интересна — но местами страдает вычурностью слога[5].

Я не удивляюсь, что немцы на меня злятся: у них теперь кожа станет очень чувствительна и во всем им будет мерещиться crimen laesae majestatis. Впрочем, редактор "Nordische Presse" попросил у меня позволения напечатать[a] в своем фельетоне перевод "Вешних вод" — чего доброго: колкости выкинет[6].

Хоть я далеко не ландыш (разве вот что волосы так же белы) — но поверьте мне — вместе с этим цветком и я по-

---

[a] *Было*: перепечатать

явлюсь в наших странах. Это несомненно, если только я жив буду. А Корша мы ждем de pied ferme[7].

Еще раз поздравляю Вас с успехом "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" — и крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3113. Н.А. КИШИНСКОМУ

24 февраля (7 марта) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 7-го марта / 24-го февраля 72.

Любезный Никита Алексеевич, я получил Ваше письмо от 6/18-го февр⟨аля⟩ и вслед за тем длинную эпистолию от П. Серебрякова[1]. Я отвечал ему кратко и резко, чтобы он впредь ни Вас, ни меня не утруждал — пусть он будет доволен тем, что ему назначена пожизненная пенсия, которую он будет получать, как другие, по третям — и баста! Действительно — нельзя иметь дело с прежними дворовыми.

Надеюсь, что Ваше здоровье совершенно поправилось; мне кажется, Вы не довольно радеете о себе: носите ли Вы фланелевую фуфайку на теле?

Пребывание мое в Париже затягивается: я раньше 15-го апреля *нашего* стиля отсюда не выеду; но и не позже.

А потому, если у Вас случатся свободные деньги, перешлите их: Вы еще успеете — а главное, воспользуетесь курсом, который — пока — для нас очень выгоден. Долго ли он так простоит — сказать трудно.

В Спасское я попаду в мае месяце — около Николина дня[2].

В ожидании Вашего ответа насчет выкупной операции и пр. остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3114. А.А. ФЕТУ

24 февраля (7 марта) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 7-го марта / 26-го[а] февраля 1872.

Прежде всего, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩ — примите мое поздравление с благополучным исходом мучительной, но спасительной операции, которой Вы подверглись; я, хотя и не доктор, давно предвидел, что Вам ее не избегнуть, и очень рад, что всё хорошо сошло с рук[1]. Теперь, вероятно, то, что французы называют "l'entrée des artistes", у Вас надолго застраховано.

При всем моем старании не могу найти в душе моей сильного сочувствия к исчезновению Александра Никитича; сожалею только о том, что эта смерть прибавит еще некоторое бремя к обузе, отягощающей Ваши плечи[2]. Но на то человек и существует, чтобы ему с каждым годом становилось тяжелее.

Прочтя Ваше изумительное изречение, что: "я (И.С.Т.) консерватор, а Вы (А.А.Ф.) радикал"[3] — я воспылал лирическим пафосом и грянул следующими стихами:

Решено! Ура! Виват!
Я — Шешковский, Фет — Марат!
Я — презренный волтерьянец...
Фет — возвышенный спартанец!
Я — буржуй и доктринер...
Фет — ре-во-лю-ци-о-нер!
В нем вся ярость нигилиста...
И вся прелесть юмориста!

Только вот что, новейший Кай Гракх[4]; Вы, как человек впечатлительный и пиит, слишком легко поддаетесь обаянию *слова*: республиканское заглавие нового петербургского журнала "*Гражданин*" соблазнило Вас, и Вы посвятили ему свои задушевные излияния, не подозревая того, что Ваша драгоценная влага попадает в простой... урыльник, каким несомненно должен быть признан вышереченный "Гражданин"[5].

[а] *Так в подлиннике.*

Желаю Вам расцвесть на деревенском воздухе, как ландыш — а увижусь я с Вами, бог даст, в мае, ибо выеду отсюда не раньше апреля.

Передайте мой искренний поклон Марье Петровне — и верьте в искренность моих хотя реакционерных, но дружеских чувств.

Ив. Тургенев.

3115. ПОЛИНЕ БРЮЭР

26 февраля (9 марта) 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Samedi, 9 mars 72.

Chère Paulinette,

Ceci est pour t'avertir que j'arrive *lundi* à *3 h. 40* à Cloyes avec les *pilules*, les *huîtres*, *le saumon* et *l'eau de Cologne*.

Gaston n'a qu'à venir me chercher avec le Philosophe[1].

Je t'embrasse.

J. Tourguéneff.

3116. В.В. СТАСОВУ

1(13) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 13-го/1-го марта 1872.

Обращаюсь к Вам с следующей просьбой, почтеннейший Владимир Васильевич. На днях Вы получите книгу нашего доброго Ральстона "The Songs of the Russian people"[1]. Составлена она очень добросовестно, по источникам — и мы, русские, обязаны всячески поощрить этот труд. Ничего подобного ни на одном европейском языке еще не являлось — и Ральстон стоит того, чтобы такой компетентный судья, каков Вы, погладил его по головке. И он Вам за это спасибо скажет, и Ваш покорный слуга. Я полагаю — статейка в "Вестнике Европы" самая будет лучшая штука. Со своей стороны я напишу Стасюлевичу. Книга издана роскошно, как все английские издания.

Мой отъезд из Парижа затянулся — так что раньше конца апреля я в Петербург не попаду — и пробуду там не-

дели три, четыре. Надеюсь увидеться и беззлобиво поспорить с Вами. Известите меня, пожалуйста: что, Антокольский — в Петербурге? Женился? Как его здоровье — и что он делает?[2]

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie.
St-Pétersbourg.
Mr W. Stassof.
В С.-Петербург.
На Моховой, в доме Мелихова.
Его высокоблагородию
Владимиру Васильевичу *Стасову.*

3117. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

1(13) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 13/1-го марта 72.

Наш общий знакомый W. Ralston издал наконец свою книгу "The Songs of the Russian people"[1] — и послал Вам экземпляр, почтеннейший Михаил Матвеевич. Труд, как Вы увидите, весьма почтенный — и нам, россиянам, следует его поощрить. Я уже написал Стасову (В.В.), чтобы он написал о нем статейку[2] — и не сомневаюсь в том, что Вы не откажетесь поместить ее в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩", которому от души желаю 10 000 подписчиков! Заранее благодарю Вас и от имени Ральстона, и от моего.

Я даже совещусь говорить, когда я прибуду в Петербург ("волки, волки!")[3] — но, кажется, много существует вероятностей, что в конце апреля я буду иметь удовольствие пожать Вам руку под Вашим гостеприимным кровом.

Будьте здоровы, благополучны — и не давайте пожрать себя разным Лонгиновым!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3118. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

1(13) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue Douai.
Mercredi, 13 mars 72.

Chère Madame,

Khanykoff et moi — nous avions eu l'intention d'aller faire une visite à Vert-Bois demain jeudi; mais des empêchements se sont mis en travers — et je viens vous demander la permission de remettre cette visite au jeudi de la semaine prochaine — bien sûr par exemple[1].

J'espère que vous allez tous très bien et je vous dis mille amitiés.

Tout à vous
J. Tourguéneff.

3119. Н.В. ХАНЫКОВУ

1(13) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 13-го марта 72.

Я только что собирался известить Вас, милейший Н⟨иколай⟩ В⟨ладимирович⟩, что завтра не могу никак ехать к Тургеневым — и что эту поездку надо отложить на неделю. Кстати ж и погода, вероятно, к тому времени исправится. Впрочем, я их известил с своей стороны[1].

По поручению Я.П. Полонского, посылаю Вам прилагаемое стихотвореньице. Вот его слова "Отдай... Ханыкову — моему старому знакомцу и закавказскому патрону. Я знаю, что он меня не забывает — и это меня трогает"[2]. Стихотворенье туманновато — но есть красивые обороты[3].

Боже! До какого барахтанья в грязи дошло Версальское собрание! Кажется, дело разыграется худо[4].

Vale et me ama.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Неужели *восемьдесят тысяч* франков! Это что-то слишком баснословно.

3120. П.В. АННЕНКОВУ

2(14) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 14/2-го марта 1872.

Любезный друг Павел Васильевич, искренно сочувствую Вашему горю: это — почти неизбежная темная сторона счастливой семейной жизни[1]. Известие это было для меня не совсем неожиданно: меня предуведомила mlle Marie Dumas, за ласковый прием которой благодарю Вас искренне. Она бой-девка, в душе, полагаю, великая ерница — но не глупа и не без таланта. Быть может, она в Петербурге соберет кой-какие гроши.

Беренс Вас беспокоить не будет; я уговорил его отложить печатание перевода до моего приезда[2] — и я сам всё это просмотрю. А прибуду я в Петербург — если жив буду — на святой непременно, ибо выезжаю отсюда в 15-х числах апреля нового стиля — и в Бадене и в Берлине остановлюсь всего на день.

Луиза Геритт написала наконец к своим родителям, которых она выдает за каких-то подозрительных тиранов — тогда как она всю жизнь делала положительно всё, что хотела, а они только распинались за нее и отдавали ей последние денежки. Но как она представляет — гораздо интереснее! Пусть эта комета гуляет себе где и как угодно.

Сообщите, если услышите что, о житье-бытье семьи Н.А. Милютина. Этот человек оставил не только политический — но просто человеческий глубокий след.

"Каменный гость", стало быть, провалился?[3] Я, признаюсь, не знаю большего святотатства, как это посягновение бессильного музыкантишки на одно из грандиознейших произведений поэзии! Очень нуждались пушкинские стихи в этой пошлой "*трень-брени*".

Мне, может быть, придется увидать великолепный бал с *солнцем и звездами* — если он будет отложен до святой.

Здесь происходит каша и кавардак невообразимые. Каковы последние два заседаньица Версальской ассамблеи![4] И что замечательнее всего: никакого, даже насильственного, выхода из этого себе представить нельзя, ибо ни одна партия не довольно сильна, чтобы произвести какой-либо coup d'état — а потому нечего ожидать скорой перемены à

vue. C'est un effondrement. А в это самое время, посмотрите, *какими* исполинскими шагами идет Германия![5]

Здешние мои друзья благоденствуют. Г-жа Виардо пела с истинно беспримерным успехом в консерватории и в цирке Pasdeloup[6]. Ханыков толстеет и добреет. Мы с ним изредка едим устрицы. Завтра в "Revue des Deux Mondes" появляется перевод "Степного короля Лира", значительно урезанный и укарноушенный. Скучная операция![7]

Засим прошу Вас передать мое теплое сочувствие Вашей жене. Обнимаю Вас и до свиданья.

Ваш Ив. Тургенев.

3121. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

2(14) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 14/2 марта 1872.

Любезный друг Яков Петрович, как исправный корреспондент, отвечаю немедленно на твое письмо[1] — и тоже по пунктам:

1.) Стихотворение "Утес" доставлено толстому приятелю Н.В. Ханыкову. Он процветает[2].

2.) По заведенной между нами привычке быть откровенным скажу тебе, что присланное тобою стихотворение "Блажен *озлобленный* поэт" не совсем мне нравится, хотя и носит печать твоей виртуозности. Оно как-то неловко колеблется между иронией и серьезом — оно либо не довольно зло, либо не довольно восторженно — и производит впечатление в одно и то же время и неясное, и напряженное. Я не сомневаюсь в том, что Ст⟨асюлевич⟩ его не принял *не* из политики — а просто потому, что оно ему не понравилось. Впрочем, я даже не понимаю его намека на того, на кого ты якобы намекал — и если ты отгадал, о ком шла речь, то я только вложил в рот палец изумления! Я не говорю о первой половине — тут несомненно фигюрирует Некрасов — хотя ты и не допускаешь этого — но кто во второй половине (которая гораздо слабее первой)? Ты сам? Нет, это всё не вытанцовалось[3].

3.) Тем хуже для Фета, если он к тебе не заехал. Философия Льва Толстого и его собственная его совсем с толку сбили — и он теперь иногда такую несет чушь[4], что поне-

воле вспоминаешь о двух сумасшедших братьях и сумасшедшей сестре этого некогда столь милого поэта[5]. У него тоже мозг с пятнышком. А что Мещерский не понял его статей — дело весьма естественное[6].

4.) Что же касается до "Гражданина" самого кн. Мещерского — то это, без сомнения, самый зловонный журналец из всех ныне на Руси выходящих[7]. Он мне его посылает. Предсказываю ему (журналу, не Мещерскому) скорое околение — и не насильственной смертью.

5.) У твоих парижских знакомых был два раза и намерен их посетить еще на днях. Они очень добрые и хорошие люди[8].

6.) Чайковского я видел в Москве и слышал его музыку и находился с ним в переписке — но лично с ним не познакомился[9]. Он мне кажется человеком весьма симпатическим — и талант у него несомненный, во всяком случае, гораздо более замечательный, чем у всех гг. Кюи, Балакиревых и прочих бездарностей, которых (так же как и покойного Даргомыжского) стараются раздуть в гении. Увертюру, о которой ты пишешь, я не слышал[10].

7.) Ты мне не говоришь ничего о своем здоровье. Как я должен это понимать? Вероятно, в хорошем смысле.

8.) О "Вешних водах" я — как вообще о всех вещах поконченных и сданных в архив — перестал думать. Я рад, что иные кушают да похваливают[11]; а кто выплевывает — это его дело. Пусть берется за другие яства. Quod scripsi, scripsi[12].

9.) Отсюда я выезжаю 20-го/8-го апреля — и потому, если никакой беды не приключится, на святой неделе предстану перед тобою в виде белого яйца — и похристосуюсь. А до тех пор будь здоров, работай, не хандри — и поклонись от меня твоей милой жене.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P.S. Ты, злодей, опять не выставил своего адресса — и я должен был с полчаса копаться в старых письмах, пока не отыскал его.

3122. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

6(18) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Montag, d. 18, März 72.

Liebster Pietsch, ich hätte längst auf Ihren so freundlichen Brief antworten sollen[1] — aber ich ⟨bin⟩ ein sehr faules Thier! Doch kein undankbares! Es hat mich sehr gefreut zu wissen, dass Sie mich immer noch lieben — und ich habe mir Vorwürfe gethan, daran gezweifelt zu haben.

Das Leben rollt sich hier ganz leidlich ab. Frau Viardot hat zwei mal — im Conservatore und im Cirque Pasdeloup, mit ganz enormen Beifall gesungen — und das hat ihre Stimmung gehoben — und sie fühlt sich ganz munter und wacker, arbeitet jedoch zu viel. Mit der Familie geht es auch gut. Ich dusele so hin und bereite mich auf meine russische Reise. Ich verlasse Paris am 20-ten April — gehe über Baden — wo ich ein paar Tage bleibe — nach Berlin und dann weiter. Am 25-ten April — so etwa — sehen wir uns ganz gewiss[2].

Man hat hier eine Ausstellung der H. Regnault Bilder, Skizzen u.s.w. organisirt (desselben Regnault, der im vorigen Jahr, ein paar Tage vor dem *Friedensschluss* — so unglücklich erschossen wurde). Es lohnt sich die (oder der? — wie sagt man?) Mühe, hierher zu kommen um das zu sehen. Regnault ist unstreitig der *grösste Colorist* der Neuzeit. Was hätte noch alles aus dem werden können![3]

Also — viele Grüsse an alle Freunde und an die Familie. Bleiben Sie gesund und guten Muthes — und auf Wiedersehen!<...>

3123. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Середина февраля — 9(21) марта 1872. Париж

Mon vieux Flaubert, j'ai oublié hier de vous prévenir de ne pas dire à ou devant Viardot que j'ai dîné chez la princesse[1]; il a une grande haine pour l'Empire (je vous dirai pourquoi un jour) et il serait affligé de savoir que je fréquente ses *ennemis*. Mme V⟨iardot⟩ — sait — elle — où j'ai été. On vous attend ce soir. Il n'y aura personne que moi.

Au revoir.

Votre fidèle J.T.

Jeudi.

3124. ПОЛИНЕ БРЮЭР

10(22) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Vendredi, 22 mars 1872.

Ma chère Paulinette,

Cela ne m'a pas amusé non plus de rester si peu avec toi[1] — mais tout droit de la gare du chemin de fer je suis allé chez le dentiste qui m'a abîmé — de façon que j'ai été obligé d'aller chez un autre — et cela n'est pas fini encore — et je souffre toujours de ma maudite dent, où une inflammation du périoste s'est déclarée. C'est fort ennuyeux, je t'assure — mais il n'y a d'autre remède que la patience.

J'espère que tu te soignes beaucoup[2]; je te promets d'aller voir les beaux-parents avant Pâques et je réitère ma parole de ne pas partir sans aller te voir[3]. En attendant je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

3125. М.Г. ПЕЦОЛЬД

10(22) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Freitag, d. 22/10. März 1872.

Wertheste Frau v⟨on⟩ Pezold!

Ich habe Ihren liebenswürdigen Brief bekommen und zugleich mit ihm eine Zuschrift vom Redacteur der "Nordischen Presse" — Herrn Baerens — worin er mich bitter die Publication der "Frühlingsgewässer" — nicht später, als bis zum 1-ten April, aufzuschieben[1]. Nun kann ich aber nicht früher nach Petersburg kommen, als am 20-ten April — und so entschliesse ich mich, im Vertrauen auf Sie, gnädige Frau, die Autorisation zur sofortigen Publication zu geben, wenn es ihm auch recht ist. Auch ist es nicht nothwendig, dass Herr Annenkoff die Revision der Uebersetzung übernehme: wie gesagt, ich lege das Schicksal meiner Novelle ganz in Ihre Hand[2].

Es wird mich sehr freuen, Ihre persönliche Bekanntschaft zu machen[3] — und bis dahin bitte ich Sie, die Versicherung meiner aufrichtigen Verehrung zu empfangen.

Ihr ergebener
I. Turgénjew.

На конверте:

Russie.
St-Pétersbourg.
Mme M. de Pezold.
В С.-Петербурге, на Моховой, № 14—8.
Г-же М. фон Пецольд.

3126. ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

10(22) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Freitag, d. 22. März 72.

Werthester Herr Professor,

Vor einigen Tagen habe ich den 3-ten Theil Ihrer "Sittengeschichte Rom's" empfangen — und sage Ihnen meinen besten Dank für diese schöne Gabe[1]. Ich zweifle nicht, dass ich an diesem Bande eben so viel Freude haben werde — wie an den beiden ersten. Ich habe mich sogleich an die Lectüre gemacht. Wie prächtig und wahr ist schon gleich das erste Capitel vom "Luxus"!

Ich habe den grössten Theil des Winters hier zugebracht und gehe Ende April nach Russland. Ich möchte doch mein Versprechen endlich halten und Sie in Königsberg besuchen! In Berlin bleibe ich jedenfalls zwei Tage (wie gewöhnlich im Hôtel de St-Pétersbourg) — und werde Sie benachrichtigen.

Also — hoffentlich — auf Wiedersehen und vielen Dank! Ich drücke Ihnen herzlich die Hand.

Ihr ergebener
I. Turgénjew.

P.S. Der Familie Viardot geht es hier ganz besonders gut. Sie lässt Sie freundlichst grüssen.

На конверте:

Prusse.
Herrn Dr. Professor L. Friedländer
in Königsberg.

3127. П.В. АННЕНКОВУ

11(23) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 23/11-го марта 72.

Любезнейший друг Павел Васильевич, третьего дня мне попался в руки совершенно случайно старый № "Нового времени", в котором повествуется, будто бы в *Киеве* на поминательном обеде 19-го февраля послали сочувственную телеграмму между прочими и мне — за "Записки охотника"[1]. Я никакой телеграммы не получил и даже не знаю, не утка ли это корреспондента; но если это правда, то я, не желая прослыть неблагодарным и не чувствующим сделанную мне честь, которая, напротив, очень меня трогает, прошу Вас вооружиться своим изящным пером и сказать по этому поводу quelques paroles bien senties от моего имени и с моей оторизацией — хоть в "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях"[2]. Я искренно благодарен г-дам киевлянам, если только всё это не выдумка.

Засим обнимаю Вас и кланяюсь всем приятелям — и до свидания в апреле!

Ваш Ив. Тургенев.

3128. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

11(23) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Samedi, 23/11 mars 1872.

Monsieur,

Je viens de recevoir votre lettre[1], et comme mon voyage est remis d'une quinzaine de jours (je ne quitte Paris que le 25 avril), j'avoue que je serais fort content de recevoir les 65 pages dont vous me parlez, si cela ne vous cause pas trop d'inconvénients[2].

Voici ce qui est arrivé depuis ma dernière lettre: j'ai reçu d'un M. Charles de Coutouly, frère d'un rédacteur de "L'Avenir National" et du "Temps"[3], le manuscrit complet d'une traduction de "Veschnia Vody", avec une demande d'autorisation de publication. Je n'ai pu que lui répondre par un refus, vu que ma parole était déjà donnée, et je vous ai nommé. Alors il est revenu à la charge, m'a demandé votre adresse

et a l'intention, à ce qu'il paraît, de vous faire des propositions d'arrangement pécuniaire. Je lui ai envoyé votre adresse tout en lui répétant que je me considérerais comme complètement engagé envers vous, et lié par ma parole. Sa traduction est bonne, mais comme j'ai toutes les raisons du monde d'être persuadé de la bonté de la vôtre, je me borne à vous prévenir de ce fait, en vous laissant toute liberté à cet égard. Je vous considère comme mon traducteur[4].

En attendant je vous prie de vouloir bien m'envoyer le commencement de votre travail et d'accepter l'expression de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

3129. ПОЛИНЕ БРЮЭР

14(26) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Mardi.

Chère fillette,

Les 2000 francs partiront *demain* — et tu les auras après-demain. Je suis fort pressé, je t'écrirai davantage demain — je voulais seulement te le dire au plus vite.

Je vais mieux.

Je t'embrasse; au revoir.

J. Tourguéneff.

3130. ПОЛИНЕ БРЮЭР

15(27) марта 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Mercredi[a], 27 mars 72.

Chère fillette,

Voici les 2000 francs promis. Tu m'en accuseras réception immédiatement.

Je n'ai pas encore vu les beaux-parents — mais j'irai demain.

Je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

---

[a] *Было*: Mardi

3131. В.В. СТАСОВУ

15 (27) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 27/15-го марта 1872.

Из письма Стасюлевича я узнал, любезный Владимир Васильевич, что статью о Ральстоне будет писать Пыпин[1] — а из Вашего письма я вижу, что между Вами действительно проскочила кошка, что очень сожалительно для "Вестника Европы"; но тут ничего не поделаешь[2]. Я знаю, что Р⟨альстон⟩ хотел послать Вам экземпляр, и я полагаю, что Вы его скоро получите; впрочем, я еще раз извещу его. Спасибо за подробности об Антокольском: они очень любопытны. Надеюсь, что он справится с своей задачей — лишь бы здоровье его не выдало[3]. Что же касается до Репина, то откровенно Вам скажу, что хуже сюжета я для картины и придумать не могу[4] — и искренно об этом сожалею: тут как раз впадешь в аллегорию, в казенщину, в ходульность, "многозначительность и знаменательность" — словом, в каульбаховщину...[5] Беда! Гемицикл Делароша[6] на что мертвенен — но так ⟨как⟩ темперамента живописного у Делароша было столько же, сколько у Краевского, то портить было нечего. Вы напрасно воображаете, что я "недолюбливаю" Глинку: это был очень крупный и оригинальный человек, ну, остальные господа — дело другое, особенно Даргомыжский с его "Каменным гостем". Это так и останется одним из величайших недоумений моей жизни, как могли такие умные люди, как напр. Вы и Кюи, в этих вялых, бесцветных, бессильных — бессильных, извините! до старческого ⟨- - -⟩ — речитативах, кое-где тоскливо пересыпанных мучительными подвываниями "*для ради*" фантастичности и колорита, как могли Вы, повторяю, в этом ничтожном писке открыть — что же? не только музыку, но даже гениальную, новую, "делающую эпоху" музыку!!?!! Неужто это бессознательный патриотизм? Я, признаюсь, кроме святотатственного посягновения на одно из красивейших созданий Пушкина, в *этом* "Каменном госте" ничего не нашел. Ну а теперь можете хоть голову мне рубить!

Изо всех "молодых" русских музыкантов только у двух есть талант положительный: у Чайковского и у Римского-Корсакова. А остальных всех — не как людей, разумеется, как люди они прелестны — а как художников — в куль да

в воду![7] Египетский король Рампсинит XXIX-й так не забыт теперь, как они будут забыты через 15, 20 лет — это одно меня утешает[8].

Я выезжаю отсюда через 4 недели и в конце апреля буду в Петербурге, где я надеюсь увидеть Вас и всласть с Вами поспорить, если только Вы захотите беседовать с таким еретиком, как я.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Вы, как все русские, не выставляете своего адреса — и я целых два часа должен был рыться в старых письмах и бумагах.

На конверте:

Russie.
St-Pétersbourg.
Mr Stassoff.
В С.-Петербург.
На Моховой, в д. Мелихова.
Его высокородию
Владимиру Васильевичу *Стасову*.

3132. Н.А. КИШИНСКОМУ

16(28) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 28/16-го марта 1872.

Любезный Никита Алексеевич, вчера пришел вексель от Ахенбаха в 6920 фр. — а вслед за ним явилось и Ваше письмо. Курс заграничный нашего рубля стоял в 4 франка лет 25 тому назад: эти блаженные времена давно прошли — и он теперь беспрестанно колеблется, восходя иногда до 3,70 сантимов (по 100 в франке) и падая даже до 260! Присылка Ваша в декабре 2000 руб. принесла мне 7089 фр. (по 354 с⟨антима⟩ за рубль) — но с тех пор курс понизился — и я потерял около 170 франков. Но этому горю помочь нельзя; и на том спасибо!

Наши выкупные дела — словно ткань пресловутой Пенелопы; то соткутся — то опять распустятся. Надо иметь терпение! Хорошо еще, что с Хмелевым идет на лад[1].

Итак, Афанасий скончался... Жаль старого товарища по охоте![2] Прошу Вас оказывать некоторые — возможные — льготы дочери его Анне — по некоторым давно исчезнувшим, но мною не забытым причинам[3].

Жаль мне, что Вы вдруг — хотя, надеюсь, временно — лишаетесь двух помощников в Кадном и в Тапках; особенно жаль тапковского бурмистра. Старайтесь сами сохранить свое здоровье.

Вы мне более о Серебрякове не пишете; из этого я заключаю, что этот смертный успокоился.

Желаю Вам всего хорошего — и до свидания в мае!

Ив. Тургенев.

3133. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

16(28) марта 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, 28 (16) марта 72.

Почтеннейший Сергей Дмитриевич, хоть я знаю, что в таком великом горе, каково Ваше, выражения сочувствия, даже искреннего, помогают мало — однако не могу не выразить Вам его и уверить Вас, что Ваша скорбь нашла отголосок в моем сердце, и я понял, как должна была поразить Вас эта потеря[1]. Все мы на смерть осуждены — hodie mihi, cras tibi[2] — это плохое утешение, но другого нет, если только не искать его в религии... Но Вы, может, знаете, это не по моей части. Авось время хоть несколько облегчит Вашу печаль.

Я потому Вам не высылаю продолжения "Ведомостей", что не получал ответа, полагал, что Вы, быть может, уже переселились в другое место Швейцарии; завтра отправляется к Вам большая пачка[3].

Сам я остаюсь здесь еще с месяц; а там в Россию и оттуда в Карлсбад. В конце июля я опять здесь — но надолго ли, не знаю.

Во Франции всё та же неопределенность и шаткость; однако республика словно окрепла в последнее время. Торговля здесь улучшилась, и золото снова появилось в изобилии.

Как же Вы в Париж?

Дружески жму Вам руку. Остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3134. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

16(28) марта 1872. Париж

48, rue de Douai.
Jeudi, 28 mars 72.

Mon cher ami,

Il est probable qu'on ne fera pas de musique demain soir chez Mme Viardot; ainsi si c'est pour entendre de la musique que vous vouliez venir — attendez une semaine encore — j'ai cru devoir vous prévenir.

A bientôt en tous cas et mille amitiés.

J. Tourguéneff.

3135. Н.В. ХАНЫКОВУ

22 или 23 марта (3 или 4 апреля) 1872. Париж

Париж.
48, rui de Douai.
Четверг, 3-го апр. 72.[a]

Любезнейший Ханыков, сегодня вечером большое собрание у Ж. Симона в Министерстве просвещения (rue Grenelle, St-Germain). Если Вы любопытствуете услыхать г-жу Виардо и увидеть Тиэра и прочих знаменитостей — то вот Вам пригласительный билет. Я там буду. Начало в 3/4 10-го.

Ваш Ив. Тургенев.

3136. П.В. АННЕНКОВУ

23 марта (4 апреля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, $\frac{\text{4-го апр.}}{\text{23-го марта}}$ 72.

Любезнейший Павел Васильевич, спасибо за исполнение моей просьбы: я сейчас прочел в "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях" то, что Вы сказали от моего имени: лучше бы я выразиться не мог — и я именно это чувствовал[1].

(Кстати — фотографию "Ивана Грозного" я давно получил — и она висит у меня на стене спальни)[2].

---

[a] *Так в подлиннике.*

Меня Вы, конечно, дождетесь в Петербурге, ибо через 3 недели меня уже в Париже не будет — и, может быть, мы так устроимся, что вместе выедем за границу. Мы тогда же потолкуем о выборе местности для летнего пребывания. Этих благ в Германии не оберешься. Около Дрездена есть, напр., прелестный Таранд с превосходными пенсионами и т.д., и т.д.

Анекдот о "Калебе" Жуковских прекрасен — но здесь ходят слухи, что сама барышня уехала в Америку для окончательного свидания[3].

Здесь наступает тишина, лишь изредка возмущаемая такими явлениями, каков процесс Трошю...[4] республика словно собирается установиться, именно потому что она — временная, provisoire.

Чрезвычайно замечательна статья Белюстина в "Беседе"; и удивляюсь же я, что это всё проходит ему даром[5].

Кланяюсь Вашей жене, друзьям и Вас обнимаю.

Ваш Ив. Тургенев.

3137. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

23 марта (4 апреля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Четверг, $\frac{\text{4-го апр.}}{\text{23-го марта}}$ 72.

Любезнейший брат Николай Сергеевич, спасибо за присланные вырезки из газет. Решительно наша[a] старая Москва "veut faire feu des quatre pieds" и удивить Европу[1]. Надеюсь, что, как бы ни возвысились цены на жизненные припасы, они не превзойдут твоих средств — и ты не покинешь Москвы, не дождавшись меня (это будет в самом начале мая месяца), тем более что за границу — на воды — раньше июня ехать незачем. Душевно радуюсь тому, что Анне Яковлевне стало лучше, и уверен, что пребывание в теплом климате окажет благодетельное влияние на ее здоровье.

Заявление киевлян меня сердечно тронуло — и ты, вероятно, уже прочел в "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях" то, что я сказал по этому поводу[2]. Что же касается до мнения

---

[a] *Было*: ваша

публики насчет меня как литератора, то оно подвержено приливам и отливам — и я уже слишком старый воробей, чтобы бросаться на эту мякину. "Tout casse, tout passe, tout rasse" — а *эти* чувства прежде всего. Отупел я очень за эти последние два года.

Картина Н.Н. Тургенева, слепого, в больнице, возбудила во мне жалость... все-таки я глубоко любил его — и не могу я не дорожить *этим* прошедшим. Я непременно посещу его — да и ты[б], брат, мог бы то же сделать, вспомнив, что мы, все люди, — жалкие, слабые, на смерть осужденные существа. "Сегодня — тот, завтра — я"[3] — как же не сострадать своему ближнему — и кто из нас безгрешен, кто имеет право строго судить другого? Я не сомневаюсь, что твое посещение будет для него отрадой в теперешнем горестном его положении.

Итак, до свидания. Кланяюсь А⟨нне⟩ Я⟨ковлевне⟩ — и крепко жму твою руку.

Твой любящий брат
Ив. Тургенев.

3138. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

25 марта (6 апреля) 1872. Париж

48, rue de Douai.
Samedi soir.
6 mars.[а]

Cher Monsieur,

Si je n'ai pas répondu immédiatement à votre lettre — c'est un peu votre faute: comme la plupart de vos compatriotes, vous ne mettez pas votre adresse — et je l'avais complètement oubliée — d'autant plus que c'était Flaubert qui m'avait mené chez vous[1]. Je n'ai pas pu la trouver dans le gros livre des adresses; j'ai eu enfin la bonne idée de m'adresser à la concierge de la P-se Mathilde[2], qui me l'a donnée. Je suis bien content que mon ouvrage vous ait plu — quant à vos livres que vous m'avez envoyés — je me suis mis aussitôt à lire l'histoire de de Mailly[3] — et je trouve un très grand intérêt à ce type curieusement étudié et fouillé par vous. Il est bien de notre époque et de tous les pays — mais il est aussi bien français.

[б] *Далее зачеркнуто*: бы

[а] *Так в тексте копии.*

Je serai très enchanté de vous rencontrer et d'avoir une bonne causerie avec vous. Jeudi vous conviendrait-il? Fixez-moi l'heure et le lieu où nous pourrions nous donner rendez-vous à Paris pour aller manger quelque part. En attendant recevez mes meilleures amitiés.

J. Tourguéneff.

3139. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

25 марта (6 апреля) 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Samedi, 6 avril/25 mars 1872.

Votre lettre du 26 mars a été suivie de près par celle du 20[a] et hier j'ai reçu le manuscrit que vous m'annonciez[1]. M. de Coutouly m'a fait savoir depuis plus d'une semaine que, dans les circonstances présentes, il renonçait à sa traduction, ou du moins il ne songeait plus à la publier; il l'a fait en fort bons termes et en galant homme en se refusant d'avance à croire à une infériorité de votre version. Ainsi, de ce côté, tout est arrangé; j'ai à peine eu le temps de jeter un regard sur votre manuscrit, mais j'en ai lu assez pour voir que M. de Coutouly avait raison[2].

J'espère avoir tout le manuscrit dans mes mains avant de quitter Paris — et je compte aussi vous trouver à Pétersbourg et y faire votre connaissance. J'ai l'intention de faire un petit changement dans la fin de "Veschnia Vody": de l'adoucir un peu en introduisant une nouvelle scène. Ce ne sera pas long et nous arrangerons cela facilement en une heure de temps[3].

Mon arrivée à Pétersbourg aura lieu *avant* la fin d'avril vieux style, et mon retour à Paris au mois de juin. J'espère que ces dates ne dérangent pas vos calculs.

Je vous écrirai encore dès que j'aurai reçu la fin de votre traduction, et j'irai vous voir dès le lendemain de mon arrivée à Pétersbourg. En attendant je vous prie d'accepter l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

---

[a] *Так в тексте публикации.*

3140. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

26 марта (7 апреля) 1872. (?) Париж

48, rue de Douai.
Dimanche matin.

Mon cher ami.

Voici ce que j'ai à vous répondre: je possède en effet en ce moment une traduction complète(de Mr de Coutouly) de ma nouvelle[1] — mais je ne puis la donner au "Temps" — car j'avais donné au commencement de cette année à Mr *E. Durand* de St-Pétersbourg l'autorisation de me traduire — er de cette traduction-ci je n'ai que les deux tiers environ. Le reste n'arrivera pas avant quinze jours — ou trois semaines. J'ai dû écrire à Mr de Coutouly qu'à mon grand regret — ma parole étant donnée — la traduction ne pouvait pas paraître. Il faudra donc attendre encore. Mais j'aurai tout le manuscrit avant mon départ pour la Russie — et vous l'aurez immédiatement.

Je suis très enchanté que "Le Temps" veuille de moi — et je ne demande pas mieux que de faire des affaires avec lui.

Mille amitiés et au revoir.

J. Tourguéneff.

3141. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

27 марта (8 апреля) 1872. Париж

48, rue de Douai.
Lundi, 8 avril 72.

Cher Monsieur,

Je viens, en toute hâte rectifier une étourderie que j'ai commise et dont je m'apperçois sur-le-champ. Je vous avais parlé de *jeudi* pour notre entrevue — et précisément ce jour-là je dîne chez des parents hors de Paris, auxquels je l'avais promis depuis quinze jours[1]. Voulez-vous accepter *lundi* prochain au lieu de jeudi? Je n'ai pas encore reçu votre réponse — mais si vous ne me faites rien savoir, je saurai que cela veut dire "oui".

Mille excuses et tout autant d'amitiés.

J. Tourguéneff.

3142. Н.А. КИШИНСКОМУ

27 марта (8 апреля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Понедельник, 8-го апр. / 27-го марта 1872.

Любезный Никита Алексеевич, я получил вчера Ваше письмо от 18/30-го марта[1]. Вы уже знаете из моего последнего письма[2], что деньги через Ахенбаха (2000 р. сер.) мною получены. Денег мне более не высылайте, не нужно — а храните их до моего приезда.

Что касается до продажи тамбовского имения[3] — то я не знаю (не помня цифру годового дохода), выгодна ли или нет предлагаемая цена в 9700 р. Притом же Вы сами не высказываете Вашего мнения на этот счет. Я полагаю, лучше всего дождаться моего возвращения и личных переговоров с Вами.

Я рад, что дела в Кадном и Тапках по крайней мере временно уладились[4].

Здесь у нас царствует ужасный холод; не знаю, как у Вас.

До скорого свидания; а пока — будьте бодры и здоровы.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3143. А.А. ФЕТУ

29 марта (10 апреля) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Середа, 10-го апр. / 29-го марта 1872.

Итак, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, добродушный дуботол В.А. Шеншин приказал долго жить![1] Смерть действительно сильно щелкает вокруг нас... уж точно "battle of life!"[2] Желаю Вам как можно долее продержаться под этим перестрельным огнем — и радуюсь укреплению Вашего кишечного канала. Пейте воду, воду — в большом количестве!

Что касается до Афанасьева (А.Н.), то позвольте Вам заметить, что Вы не довольно ясно даете себе отчет о подразделениях литературы на так называемую беллетристику, прес-

су-журналистику и прессу-науку (и педагогику) — или, что еще вернее, Вы сознаете это подразделение, но цените одну беллетристику — да еще какую! поэзию! Но наше Общество основано именно для литераторов, пользу которых Вы с трудом признаете и без которых пришлось бы плохо делу просвещения. Вот оттого-то мы и заботимся об обеспечении этих самых литераторов от голода, холода и прочих гадостей[3].

Ну а теперь, так как Вы в своем "Exegi monumentum"[4] объективно отнеслись к поэту Фету — то позвольте и мне сделать то же. Фет — действительно поэт в настоящем смысле слова, но ему недостает нечто весьма важное — а именно: такое же тонкое и верное чутье *внутреннего* человека — его душевной сути[a] — каковым он обладает в отношении природы и *внешних* форм человеческой жизни. Тут не только Шиллер и Байрон, но даже Я. Полонский побивают его в пух и прах. Быть тронутым или потрясенным чрез посредство какого бы то ни было произведения Фетовой музы так же невозможно, как ходить по потолку. А потому, при всей его даровитости, его следует отнести к dii minorum gentium. Уж и это не шутка: через сто лет будут помнить около 20 красивых его стихотворений — чего же еще? Но пусть он себя не повторяет более, как он это делает вот уже 10-й год. Старый соловей — contradictio in adjecto.

А за поход Ваш по поводу сифилиса нельзя Вас не похвалить — вот это дело, дельное дело — и дай бог Вам успеха и помощи отовсюду! На Вашу больницу с *домом*[5] я немедленно подписываюсь на сто рублей сер., которые буду иметь удовольствие вручить Вам при нашем свидании в Спасском в мае месяце. А до тех пор будьте здравы и благополучны. Дружески кланяюсь Марье Петровне и крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3144. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

2(14) апреля 1872. Париж

48, rue de Douai.
Dimanche, 14 avril 72.

Cher Monsieur,

Je crains bien que vous n'ayez pas reçu les deux lettres que je vous ai écrites[1] — car vous ne m'avez pas répondu au sujet du lieu du rendez-vous que je vous demandais. J'avais pour-

---

[a] *Было*: жизни

tant mis exactement votre adresse. Aujourd'hui je viens faire encore une tentative — pour vous faire savoir que devant partir dès ce soir pour Bruxelles où je vais rester 2 à 3 jours, il me serait impossible de dîner avec vous demain lundi, comme je vous le proposais dans ma dernière lettre. Ecrivez-moi donc un mot, que je trouverai à mon retour et qui me prouvera que mes billets vous parviennent.

Je vous serre bien amicalement la main.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

3145. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

4(16) апреля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
16/4-го апреля 1872.

Любезный друг и брат, сейчас получил я твое письмо, в котором ты извещаешь меня о жестокой и скорбной потере, тебя поразившей[1]. В моем глубоком и искреннем сочувствии ты, я уверен, не сомневаешься. Женщина, с которой ты около 30 лет прожил в согласии и дружбе и которая умела внушить тебе такую сильную привязанность, не могла не иметь особенных достоинств и не быть дорогою для меня. Понимаю, как должно тебе казаться горьким и несносным твое одиночество; но что же делать — надо стараться жить, пока еще живется, надо стараться создать себе деятельность, прилепиться к чему-нибудь, если главный корень уже навеки вырван! Все мы существа эфемерные, "petits papillons d'un moment", как говорит Вольтер[2], все осуждены на скорую смерть — и не успеешь оглянуться, как уже всё покончилось! Le tout est de savoir soutenir la vie.

Мне самому очень хочется как можно скорее увидать тебя — и подать тебе братскую руку помощи; я ускоряю свой отъезд — и надеюсь в самых первых числах быть в Москве — и уж конечно остановлюсь у тебя. До того времени, милый брат, старайся не предаваться слишком унынию и отчаянию — и верь в неизменную дружбу твоего брата, который заочно обнимает тебя со всею нежностью и жаром любящего сердца.

До скорого свиданья!

Ив. Тургенев.

3146. П.В. АННЕНКОВУ

7(19) апреля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Пятница, 19/7-го апр. 72.

Любезнейший друг Павел Васильевич, истинно сокрушусь я духом — если не застану Вас уже в Питере, хотя я понимаю, что Вас должно подмывать к отбытию за границу. Я выезжаю отсюда непременно через *10 дней* — т.е. 30-го/18 апр⟨еля⟩, и буду, не останавливаясь, скакать в Россию, куда мне еще тем необходимее прибыть поскорее, что третьего дня я получил от брата письмо, в котором он извещает меня о кончине своей жены и умоляет меня[a] не оставить его в жертву отчаянию. Женщина она была нехорошая, имела вредное на него влияние — но он ее обожал, жил только для нее, никаких других интересов не имел и теперь находится действительно в весьма жалком положении — так как он совершенно один, без семейства и без друзей.

Оттого я и в Петербурге останусь меньше, чем предполагал (мне хочется увезти брата за границу) — но все-таки, повторяю, было бы горько, если б я не застал Вас.

"Искры" я не видел; но что в меня бросают грязью — это в порядке вещей. А для меня "Вешние воды" так далеко отлетели в прошедшее — что я даже и забыл о них[1]. Omnia vanitas[2].

Здесь понемногу всё утихает, но расцветает слабо, так как холода стоят ужасные.

Статьи о Крылове и Щедрине постараюсь привезти — хотя дивлюсь: на что они Вам?[3] Фотографические карточки тоже привезу. Не желаете ли еще чего? Напишите, Вы еще успеете. Во всяком случае, уведомьте, когда Вы выезжать собираетесь.

Прочли ли Вы повесть Толстого в "Беседе"? Заглавие мне не больно нравится[4].

Кланяюсь Вашей супруге и обнимаю Вас.

Любящий Вас
Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: приб⟨ыть⟩

3147. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

7(19) апреля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Пятница, 7/19-го апр. 72.

Уж на что ты мастер неразборчиво писать, добрый друг Яков Петрович, но в последнем письме[1] превзошел самого себя: я чуть не выл, пробиваясь сквозь твои каракули — и целая четверть письма осталась для меня тайной. Впрочем, большой беды в том нету, так как 10 дней не пройдет после получения тобою настоящего письма — и я предстану пред тобой, как лист перед травой — и тогда вдоволь наговоримся. На этот раз, если здоровье не помешает — а этого нет причины предвидеть — я не обману и приеду наверное.

Мне удалось разобрать то место, где ты жалуешься на свое колено: пожалуйста, не пренебрегай этим и постарайся вылечиться и не допустить себя до анкилозы — т.е. до окостенения сустава! Вычитал я также несколько слов о "Каменном госте" Даргомыжского[2]; поверь мне: это всесовершеннейшая дребедень и ерунда, которая лет через десять будет наводить краску стыда на лица тех, которые не тотчас в этом убедились — и даже превозносили это бессильное трясение давно уже мертвого ⟨- - -⟩.

А засим до скорого свидания — обнимаю тебя и кланяюсь всем твоим.

Любящий тебя
Ив. Тургенев.

3148. Н.В. ХАНЫКОВУ

12(24) апреля 1872. Париж

48, rue de Douai.
Середа, 24-го апр. 72.

Очень мне жаль, любезнейший Николай Владимирович, что нам не удастся пропутешествовать вместе: я выезжаю ровно через неделю — 1-го мая. Но так как мне хочется повидать Вас перед отъездом, то я завтра рано, в 11 часов, зайду к Вам. (Я завтракаю в Вашем соседстве.)

Как это досадно, что Вы потеряли письма Боткина! Неужели нельзя публиковать о них?

Читали Вы "Année terrible"?[1] Там есть куриозы дивные, напр.:

Dans cette cicatrice auguste — le nombril!

До свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

3149. ПОЛИНЕ БРЮЭР

13(25) апреля 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Jeudi.

Chère Paulinette,

Attends-moi *samedi* à 3 [a]h. 40 min. Je serai obligé de repartir dès le lendemain — car je dois quitter Paris mardi pour aller tout droit à Moscou. La femme de mon frère vient de mourir[1]. Je te conterai tout cela. En attendant je vous embrasse tous les deux.

J. Tourguéneff.

3150. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

7(29) апреля 1872. Париж

Lundi.

Voici, mon cher ami, le manuscrit en entier[1].

1°.) Lisez-le et dites-moi *franchement*, si vois croyez que cela convient.

2°.) Je ne veux pas le publier tel qu'il est; il faut absolument que j'introduise vers la fin une scène où mon *héros* (qui n'en est pas un du tout) revient à sa première flamme, et où celle-ci le chasse — sans cela c'est trop immoral. C'est une idée arrêtée et je ne reviendrai pas là-dessus[2].

Ceci fait que cette chose ne puisse pas être insérée dans "Le Temps" (s'il l'accepte) avant mon retour[3]. Mais je vous prie d'avoir la complaisance de lire, de me dire votre avis et de me rendre le manuscrit avant mon départ qui aura lieu *dimanche*[4]. Si vous le permettez, je viendrai frapper à votre porte *samedi* matin.

En attendant au revoir, mille remerciements, mille excuses et mille amitiés.

J. Tourguéneff.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: 1/2

3151. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

20 апреля (2 мая) 1872. Париж

48, rue de Douai.
Jeudi, 2 mai.

Hélas, mon cher ami, je crains bien qu'à l'heure qu'il est vous n'ayez déjà appris, comment j'ai su gâter — non pas un chef-d'œuvre, comme le dit votre bienveillante amitié — mais une petite histoire d'amour qui aurait été amusante à lire. Cette diablesse de femme m'a séduit, comme elle a séduit ce nigaud de Sanine[1]. Goethe avait bien raison de dire qu'à la fin on devient esclave de ses propres créatures[2]. Je compte bien vous voir demain soir. On fera de la bonne musique — nous parlerons de tout cela[3].

Tout à vous
J. Tourguéneff.

3152. К РЕДАКТОРУ ⟨"С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ"⟩

21 апреля (3 мая) 1872. Париж

Париж, 3 мая/21 апреля.

М. г.

Вот уже несколько раз как в "С.-Петербургских ведомостях" и в других газетах (как, например, в "Новом времени") было упомянуто о намерении некоторых любителей отечественной словесности почтить меня юбилейным праздником по поводу двадцатилетия, протекшего со времени появления "Записок охотника"[1]. Так как осуществлению этого намерения не предстоит положительных препятствий и даже, быть может, уже сделаны первые шаги, то считаю долгом обратиться к посредничеству Вашей уважаемой газеты — во-первых, для того, чтобы выразить моим доброжелателям самую глубокую и самую искреннюю благодарность, а во-вторых, и для того, чтобы столь же искренно попросить у них позволения отказаться от предлагаемой чести. Подобные изъявления только тогда имеют место, когда они не дают повода ни к каким отрицательным чувствам, ни к каким сомнениям и недоумениям; а в предстоящем случае это немыслимо. К тому же я уже и так свыше меры награжден сочувствием той части читающей публики, которая

не считает мою деятельность бесполезной. Еще раз великое спасибо за честь, но принять ее запрещает мне совесть.

Примите и пр.

Ив. Тургенев.

P.S. Покорно прошу редакцию "Нового времени" и другие редакции перепечатать настоящее письмо.

3153. П.В. АННЕНКОВУ

22 апреля (4 мая) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, $\frac{\text{4-го мая}}{\text{22-го апр.}}$ 72.

Пишу к Вам, любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, не без некоторого трепета, ибо полагаю, что Вас уже в Петербурге нет — и мы с Вами разъедемся и не увидимся, так как от Вас давным-давно нет весточки. На всякий случай сообщаю Вам, что я выезжаю отсюда в будущий *четверг*, 10-го мая (27-го апр⟨еля⟩ по-нашему)[1] — и ехать буду не останавливаясь. Авось еще застану Вас! А теперь сообщаю Вам на следующем листе копию с письма, которое я вчера отправил к Коршу для помещения в "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях" по поводу толков о якобы устроиваемом мне юбилее[2]. Вы понимаете, что я позволю скорей себе нос отрезать, чем быть предметом обеда наподобие Марио, Кокорева или Погодина[3]. В подобных затеях есть что-то наполовину детское, наполовину варварское — да и отчего же тогда не праздновать 25-летие Гончарова, Некрасова, Григоровича? Нет, нет, у меня и без того довольно недоброжелателей. Если бы Корш не получил своего письма или по какой-либо причине затруднился его печатать, то прошу Вас убедительнейше сделать надлежащее распоряжение со всем моим уполномочием.

В надежде еще увидеть Вас обнимаю Вас и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

3154. Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ

25 апреля (7 мая) 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Mardi, 7 mai 72.

Chère Mademoiselle Fanny,

Pierre ne m'a malheureusement pas trouvé à la maison — il m'a laissé *cinq* exemplaires[1] — mais il ne m'a pas fait savoir à qui vous les destinez. Il y en a un pour les Sverbéieff — je le sais; un autre sera remis à Pétersbourg — à Pypine (ou à Stassulevitch)[2];un troisième à Bartenieff à Moscou. Mais les deux autres? Voulez-vous que j'en envoie un à Ralston à Londres qui en ferait, j'en suis sûr, le sujet d'un bon article dans quelque Revue?[3] Et à qui donner le dernier? Peut-être à la Rédaction de la "Besséda" à Moscou? Donnez-moi vos instructions sans tarder — car il est probable que je pars *vendredi*[4].

Mille amitiés à Mme votre mère et à tous les vôtres.

Je vous écrirai de Moscou.

Croyez-moi, chère Mademoiselle,

votre bien dévoué
J. Tourguéneff.

На конверте:

Mademoiselle Fanny Tourguéneff,
à *Vert-Bois,*
près de *Bougival.*

3155. В.А. ЧЕРКАССКОМУ

25 апреля (7 мая) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Вторник, $\frac{\text{7-го мая}}{\text{25-го апр.}}$ 72.

Любезнейший князь,

Третьего дня, вернувшись из небольшой поездки в Бельгию[1], я нашел Ваше письмо вместе с рукописью г-жи Энгельгардт[2] — и вчера же отправил ее к Бюлозу, редактору "Revue des Deux Mondes". Не скрываю Вам[a], что на помещение перевода г-жи Энгельгардт не предстоит почти никакой надежды — и не потому, чтобы перевод был нехо-

[a] *Так в подлиннике.*

рош — напротив, он сделан замечательно ловко и даже поэтически — но потому, что "R⟨evue⟩ des 2 M⟨ondes⟩" вообще не помещает стихов[3] — а переводных уже подавно.

Ей непременно нужно имя — да еще крупное. Что же касается до моего *влияния*, о котором Вы упоминаете, то оно именно теперь ниже нуля — ибо я лично разошелся с этими господами, во-первых, потому, что они измучили меня безобразными урезками в "Степном короле Лире"[4], а во-вторых, и потому, что они, обещавши (безо всякого со стороны моей требования) 200 франков за лист, спустили, по напечатанию, эту цену до ста — что моему карману ущербу не причинило, но, так сказать, заехало в физиономию моей амбиции. Вся эта штука сделана была против моей воли — и никакой охоты к дальнейшим сношениям во мне не возбудила[5].

Но чем черт не шутит — быть может, и напечатают "le chevalier avare".

Выезжаю я отсюда через три дня и, так как я в Петербурге останусь недолго, то вскорости буду иметь удовольствие с Вами свидеться.

А писать я вынужден на имя М.А. Милютиной — так как Вы, по жестокой привычке всех русских, адресса своего не выставили. Правду сказать, кто же не знает князя Черкасского в Москве? Но всё вернее выставить определенный адресс.

Кланяюсь княгине, жму Вашу руку и говорю: до свидания!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3156. ЛУИ ПОМЕ

28 апреля (10 мая) 1872. Париж

Vendredi, 10 mai.
48, rue de Douai.

Mon cher ami,

Pour célébrer mon départ qui aura lieu *lundi*, il y aura une grande sauterie (pour ne pas dire un bal) à la rue de Douai *dimanche*[1]. Venez-y si ça vous amuse avec Jeanne pas tard, à 6 h. 30, car il faudra se coucher de bonne heure, et amenez les deux jeunes messieurs Fournier, ainsi que d'autres danseurs si vous en connaissez qui soient aussi aimables que ceux-là!

Au revoir et mille amitiés.

Votre J. Tourguéneff.

3157. ЛУИ ПОМЕ

29 апреля (11 мая) 1872. Париж

48, rue de Douai.
Samedi.

Cher Pomey,

J'ai oublié de vous dire dans mon billet d'hier[1] que vous pouvez amener demain Thérèse[2], qui trouvera comme d'habitude son petit lit près de celui de sa mère[3].

Vous viendrez, n'est-ce pas, dire adieu au vieux papa Fridolin?[4]

3158. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

29 апреля (11 мая) 1872. Париж

48, rue de Douai.
Samedi matin.

Chère Madame,

Grâce à une inadvertance de domestique — votre lettre ne m'a été remise qu'à l'instant — je me hâte de vous envoyer ma réponse par un commissionnaire. Viardot qui connaît déjà Albert et qui sera enchanté de faire la connaissance de Pierre doit passer toute la matinée d'aujourd'hui à l'Exposition — et il propose aux deux jeunes gens de venir le voir demain entre *midi et 1 heure*. De mon côté, j'irai vous voir aujourd'hui entre 1 h. et 2 — je verrai vos tableaux et puis de là nous pourrions peut-être aller ensemble à l'Exposition qui est belle cette année.

Je pars décidément *lundi* soir.

Au revoir et mille amitiés.

J. Tourguéneff.

3159. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

30 апреля (12 мая) 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
12-го мая / 30-го апреля 1872.

Я оттого не тотчас отвечал тебе, любезный брат и друг, что полагал в скором времени свидеться с тобою; между тем меня здесь задержали некоторые непредвиденные дела — и я беру перо, чтобы известить тебя о моем отъезде, который будет иметь место послезавтра — я нигде, кроме

Петербурга, останавливаться не буду (и в Петербурге я пробуду всего дня три, четыре) — так что скоро после получения тобою этого письма мы, бог даст, свидимся. Я напишу тебе два слова из Петербурга тотчас после моего приезда[1].

Глубоко и скренне сочувствую твоему одиночеству и горю — кроме времени, на это нет врача; ты очень хорошо сделал, что пригласил к себе в дом родственников Анны Яковлевны — по крайней мере ты не будешь один[2].

Ты мне дашь знать в Петербург, будет ли для меня у тебя в доме комната — а то я остановиться могу у И.И. Маслова, как я это делал до сих пор.

Обнимаю тебя со всею искренностью братской дружбы и говорю: до скорого свидания.

Твой Ив. Тургенев.

3160. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ
2(14) мая 1872. Париж

48, rue de Douai.
Mardi, 14 mai 72.

Cher Monsieur,

Je pars demain pour la Russie — mais je ne veux pas m'en aller sans vous avoir dit, combien je regrette de ne vous avoir plus revu depuis la charmante journée que nous avons passée chez vous[1]. C'est bien ma faute, je le sais, mais cela ne rend mes regrets que plus amers. Enfin, j'espère qu'il en sera autrement après mon retour. J'ai lu vos livres[2] avec le plus grand intérêt; je n'étais pas toujours de votre avis — mais la maestria de l'artiste me tenait constamment sous le charme.

Je me permets de vous envoyer un de mes volumes, que vous n'avez pas lu peut-être.

J'écris aujourd'hui même à Flaubert. On m'a dit qu'il va venir à Paris[3]. Serrez-lui la main de ma part bien fort — et recevez pour vous-même l'assurance des sentiments sincèrement affectueux

De votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

3161. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

2(14) мая 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Вторник, 14(2) мая 72 г.

Любезнейший Сергей Дмитриевич!

Я виноват перед Вами два раза, а не три, т.е. не ответил на Ваше второе письмо и не послал вторичный пакет "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей": первый посланный мною пакет, очевидно, канул в вечность и, быть может, послужил очищению каких-либо французских или швейцарских афендюлов[1]. Стараюсь ныне по возможности загладить свои вины:

1) Извещаю Вас о получении "Опасного соседа", за коего благодарю искренно, и мюллеровской квитанции[2].

2) Извещаю также о том, что завтра съезжаю в Питер или Москву и вернусь не ранее двух или трех месяцев.

3) Насчет юбилея (который, по-моему, приличествует только Марио, Кокореву или Погодину[а]) посылаю Вам вырезок из "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей"[3]. Нет на свете таких коврижек, для получения которых я бы согласился на подобный парад.

Засим от души желаю Вам всего хорошего, здоровья, спокойствия, душевного и физического, и хорошей погоды, которой, кажется, уже не существует более на белом свете.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Мой адрес: в Москве, на Пречистенке, в доме Н.[б] Тургенева.

3162. КАМИЛЮ СЕН-САНСУ

6(18) мая 1872. Париж

Samedi matin,
48, rue de Douai.

Eh bien, carissimo Saint-Saëns, et le manuscrit du "Rouet d'Omphale"[1], que je devais porter à Moscou pour le donner à Rubinstein?[2] — Nous vous avons vainement attendu hier[3]. Je reste encore ici jusqu'à lundi soir[4]. Ainsi, vous avez encore le

---

[а] *В тексте публикации ошибочно*: Погожину
[б] *В тексте публикации ошибочно*: И

temps de faire achever la copie. Et voici ce qu'il faut faire: il y a *demain* dimanche[a] à la rue de Douai grande sauterie sans façon — pour célébrer mon départ. Ça commence à 8 1/2 t. p. Venez, apportez le manuscrit, dansez — tout le monde dansera — et vous serez très gentil et nous arrangerons tout ce qu'il faudra faire à Moscou. Au revoir, n'est-ce pas?[5]

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩ J. Tourguéneff.

P.S. Il y aura un musicien! Aussi on n'abusera pas de la complaisance de vos doigts[6].

3163. ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

6(18) мая 1872. Париж

48, rue de Douai.
Samedi, 19 mai 1872[a]

Mon cher Monsieur Gautier,

Au moment de faire un assez long voyage en Russie[1] j'éprouve le besoin de vous dire, combien je regrette que nous ne nous soyons plus rencontrés depuis le charmant dîner que nous avons fait ensemble chez l'ami Flaubert[2]; j'espère avoir plus de chance l'année prochaine. Et maintenant laissez-moi vous dire une autre chose. Dès ma première visite au Salon je me suis épris d'un tableau de *Blanchard* (№ 149, fort mal intitulé "Courtisane") — et bien que je l'aie acheté, je[б] trouve que c'est là le plus beau corps de femme qu'il y ait au Salon. Mais il paraît que je suis seul de mon avis. Personne n'en parle — les dames le trouvent laid, etc. Ceci me trouble un peu, je l'avoue. Je n'ai pas besoin de dire que je ne viens pas vous prier de faire un peu de réclame; je veux tout bonnement savoir votre avis — car, avec toute votre indulgence, je sens en vous un maître critique, comme vous êtes un maître écrivain. Si vous ne dites rien — je saurai à quoi m'en tenir. J'aime toujours mon pauvre tableau délaissé, et je l'aimerai malgré tout; mais votre approbation serait un fier coup d'épaule[3]. Je vous demande bien pardon de venir vous ennuyer ainsi — mais je me flatte que vous me connaissez assez pour que rien ne vous empêche d'oublier cette lettre et ma demande tout bonnement et tout tranquillement. Cela ne diminuera en rien la sympathie bien sincère que vous a vouée

votre J. Tourguéneff.

---

[a] dimanche – *вписано над строкой.*

[a] *Так в подлиннике.*

[б] *Далее зачеркнуто*: le

3164. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

6(18) мая 1872. Париж

48, rue de Douai.
Samedi, 19 mai.[a]

Cher ami, je regrette que vous ne soyez pas venu hier soir. Vous vous seriez amusé[1]. Je pars demain soir pour la Russie et je ne crois pas que je puisse déjeuner avec vous — j'ai, comme d'habitude, tout remis au dernier moment — et j'ai mille choses à faire.

Je n'ai aucune intention d'enterrer cette pauvre Gemma — je n'ai pas besoin de vous dire, combien je vous remercie d'avoir été sincère[2]. Vous la recevrez bientôt ou je la rapporterai moi-même fort gentiment amputée et en état de la montrer au public[3].

Veuillez présenter mes excuses à Mme Hetzel que je n'ai pas du tout reconnue — je me suis en effet sauvé comme un voleur...

Je verrai Zvonareff et je causerai avec lui dans le sens que vous désirez: c'est un être à peu près illettré comme la plupart des libraires russes — mais je le crois brave homme[4]. Seulement il ne sait pas mettre l'orthographe ni au *physique*, ni au moral. Au fond c'est un paysan.

Quant à Wolf c'est une autre chose. Ne lui mettez jamais le doigt dans la bouche: il vous mordrait jusqu'au sang.

On est énormément payé en Russie — quand on tient une plume — parce qu'il n'y a guère de concurrence. Ce sont des prix de fantaisie qui disparaîtraient avec la "diffusion des lumières" — pour parler en style académique. En attendant on profite d'être né de bonne heure.

Je vous serre la main bien cordialement, mille amitiés et au revoir.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

3165. ПОЛЮ БУРЖЕ (?)

7(19) мая 1872 (?). Париж

48, rue de Douai.
Dimanche.

Mon cher Paul,

Il paraît que ces demoiselles[1] ont fait mal leur calcul — il nous faut 10 (dix) jeunes gens avec vous — enfin amenez autant que vous pouvez. Cela commence de bonne heure —

---

[a] *Так в подлиннике.*

8 1/2 — on se met à danser immédiatement — un musicien de *fer* est loué — rafraîchissements, joujoux de cotillon en abondance — la rue de Douai en frémira pendant quinze jours[2].

A ce soir — sur le champ de bataille!!!

Tout à vous.

J. Tourguéneff.

3166. Н.С. ТУРГЕНЕВУ
12(24) мая 1872. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", кварт. № 8.
Пятница, 24/12-го мая 72.

Любезный брат и друг, я сегодня вечером благополучно сюда прибыл — остановился у Демута — и спешу тебя об этом уведомить. Я, вероятно, выезжаю отсюда в середу — так что ты успеешь еще мне дать о себе весточку. Надеюсь, что письмо мое найдет тебя в хорошем здоровье. Извести меня, могу ли я у тебя остановиться — или снова обратиться мне к Маслову?

Во всяком случае до скорого свидания. Крепко тебя обнимаю и остаюсь

твой любящий брат
Ив. Тургенев.

3167. Н.А. КИШИНСКОМУ
13(25) мая 1872. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", кварт. № 8.
Суббота, 13-го мая 1872.

Извещаю Вас, любезный Никита Алексеевич, что я вчера прибыл сюда и во вторник или в середу еду в Москву к брату (у него, как Вы знаете, жена умерла) — и пробуду там недели три. Я, быть может, Вас туда выпишу, может быть, сам съезжу в Спасское. Во всяком случае я Вас уведомлю — и прошу Вас держать свободные деньги наготове.

Экипаж я, вероятно, добуду у брата.

Я получил от старухи пенсионерки Маляревской (в Харькове) письмо[1], в котором она просит меня, чтобы пенсион ей выдавался по третям вперед. Я соглашаюсь — и прошу Вас поэтому распорядиться и известить ее.

Итак, до скорого свиданья — будьте здоровы.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3168. И.П. АРАПЕТОВУ

13(25) мая 1872. Петербург

Суббота. 3 часа.

Любезнейший Иван Павлович!

О ужас! Я сейчас узнаю, что я *обещался уже в самый* день приезда обедать у В.П. Гаевского — и потому об английском клубе нечего и думать. "Режь меня, жги меня..."[1], но делать нечего — извините, пожалуйста, мое старческое беспамятство. К Феоктистову же я приеду непременно в *10 часов* вечера[2].

До свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

3169. КЛОДИ ВИАРДО

14(26) мая 1872. Петербург

St. Pétersbourg.
Hôtel Demuth, № 8.
Dimanche, 26/14 mai 1872.

Chère Didie,

Le télégramme que je viens de recevoir m'afflige et me préoccupe beaucoup. Ta maman a un eczéma, la main et le bras sont malades et la guérison sera longue... J'avais demandé des nouvelles de la soirée de vendredi, mais il est évident qu'elle n'a pas eu lieu[1]. Je t'en prie, écris-moi immédiatement à Moscou (ta maman a mon adresse, mais je la récris de nouveau: *Mr J. T., Moscou, rue Prétchistenka, maison Tourguéneff*)[2] — et dis-moi:

L'éruption est-elle grande? Il est impossible qu'elle ait envahi *tout* le bras?!.. Dis-moi d'une façon précise jusqu'oú elle s'étend?

Ta maman souffre-t-elle beaucoup? Peut-elle se servir de son bras? Peut-elle sortir ou bien lui a-t-on ordonné de rester à la maison?

Que disent les médecins? Frisson est-il venu la voir? Quelle espèce de traitement doit-elle suivre? Son mal l'empêche-t-il de dormir?

Je t'en prie, ma bonne petite Didie, ne fais pas la paresseuse et réponds bien vite à mes questions — et ne me cache rien de la vérité, quelque désagréable qu'elle fût.

Cette maladie de ta pauvre maman me tourmente beaucoup. Darum hatte Ich das Herz so schwer, als Ich abreiste.

Raconte-moi aussi ce que vous faites, si vous avez beaucoup dansé lundi, si tu as revu à l'Exposition le Chintreuil[3] et ma Charmeuse[4], etc. Je n'ai pas besoin de te dire combien les moindres détails, qui peuvent te sembler peu intéressants sur place, me *paraissent* précieux et *chers* ici.

J'ai écrit hier à ta maman et j'écrirai encore ce soir[5] et ma lettre partira demain, tu sais en conséquence ce que j'ai fait jusqu'à la matinée d'hier. Dans le courant de la journée qui a été atroce, — la pluie n'a pas cessé de tomber, — j'ai fait quelques visites, je suis allé voir une exposition de tableaux *russes* à l'Académie des Beaux-Arts, je n'ai trouvé que des croûtes ignobles — il paraît que toutes les bonnes choses ont été envoyées à Londres (où il y a aussi une exposition). J'ai dîné très sobrement au Club anglais avec le vieil ami Annenkoff — et j'ai passé la soirée avec un autre vieil ami[6]. Je me suis couché de bonne heure et voilà!

Ce matin, il fait très beau — un ciel bleu superbe — les cloches sonnent à toute volée en honneur du dimanche, j'aurai beaucoup de courses à faire, je veux aussi aller voir la collection de peintures à l'Hermitage — et je verrai si les vaches du vrai *Paul Potter* sont plus belles que la mienne[7].

Mais la maladie de ta maman est comme un point noir que j'ai toujours devant les yeux.

Je t'embrasse bien tendrement, ainsi que la chère Mariandl — et le gros Paul[8].

Portez-vous tous bien et n'oubliez pas

Votre vieil ami
J. Tourg.

P.S. Embrassez aussi de ma part maman, papa et Mlle Arnholt, si elle veut le permettre. Un shake-patte à Quiggle.

3170. Е.М. ФЕОКТИСТОВУ

14(26) мая 1872. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 8.
Воскресение.

Любезный Феоктистов, я вчера приехал и очень бы желал Вас видеть[1]. *До* 11 часов я всегда дома — зайдите или напишите, когда я могу к Вам заехать. Я в четверг должен отправиться в Москву — итак, надеюсь, до скорого свиданья.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3171. И.И. МАСЛОВУ

16(28) мая 1872. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 8.
Вторник, 16-го мая 1872.

Как оно ни неправдоподобно, любезный друг Иван Ильич, а я наконец прибыл в Россию — три дня тому назад — и в пятницу выезжаю отсюда в Москву. Тебе, вероятно, известно, что жена моего брата скончалась — он в большом горе и звал меня к себе в дом; я по приезде сюда известил его об этом — но до сих пор не получил ответа — так что я уже думаю, не выехал ли он к себе в деревню? На всякий случай я обращаюсь к тебе; будь так любезен, вели немедленно справиться в доме брата, там ли он, и извести меня — ты еще успеешь, так как я выезжаю отсюда в пятницу. Если брата в Москве нет, то я снова прибегну к твоему дружескому, столь часто мною изведанному гостеприимству — и остановлюсь у тебя[1].

Жду от тебя слова (пожалуй, по телеграфу) — жму дружески твою руку и говорю: до свидания.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

3172. А.Ф. ОНЕГИНУ

17(29) мая 1872. Петербург

Я уезжаю послезавтра в Москву — и желал бы очень Вас видеть — *до* 12 часов я всегда дома.

Гостиница "Демут", № 8.

3173. А.А. ПОЛОВЦОВУ

17(29) мая 1872. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 8.
Середа.

Любезнейший Александр Александрович, к крайнему моему сожалению, не могу исполнить Вашей просьбы[1] — ибо в пятницу уезжаю в Москву, куда зовут меня важные семейные дела. Передайте его высочеству[2] выражение моей совершенной преданности и уважения — быть мо-

жет, мне удастся увидеть Вас на возвратном пути за границу — а до тех пор примите уверение в моих искренних и дружелюбных чувствах.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Кланяюсь Вашей супруге и прошу извинить этот клочок бумаги, кроме которого у меня ничего не нашлось.

3174. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

17(29) мая 1872. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 8.
Середа, 17-го мая 1872.

Любезный брат, я выезжаю отсюда в пятницу вечером, остановлюсь у И.И. Маслова — и, конечно, увижу тебя в субботу. Обо многом и многом придется нам переговорить — а пока крепко тебя обнимаю — и говорю: до скорого свидания!

Твой Ив. Тургенев.

P.S. Письмо, прибывшее из-за границы — а также и другие, какие прибудут — сохрани до моего прибытия.

3175. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18(30) мая 1872. Петербург

С.-П. бург.
Гостиница Демута, № 8.
Четверг.

Вот Вам адресс того молодого человека, о котором я Вам говорил вчера, любезнейший Михаил Матвеевич:

Александр Осипович *Либан* (действительный студент Варшавского университета по юридическому факультету, хорошо знает древние языки) — Ковенский переулок (около Надеждинской), № 13, кварт. № 3.

Я могу рекомендовать его как трудолюбца и честного малого. Он за всякую работу примется с охотою. Если Вы что-нибудь для него сыщете — то я Вам буду искренне благодарен.

До свидания. Жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3176. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19(31) мая 1872. Петербург

Любезнейший Михаил Матвеевич, Вы были так любезны, что осведомлялись сегодня о молодом человеке, моем протеже[1] — а он сейчас отъявился ко мне и объявил мне, что ему выходит место, но весьма жидкое и казенное в 25 рублей в месяц. Прежде чем принять это блестящее предложение, я посоветовал ему сходить к Вам и поговорить с Вами. Зная Вашу снисходительность к молодым людям и дружелюбные чувства ко мне, я льщу себя надеждой, что из этого разговора выйдет прок и что во всяком случае Вы, как человек опытный, дадите сему юноше полезный совет.

Засим благодарю Вас заранее и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

Пятница, 19-го мая 1872.

3177. Н.А. КИШИНСКОМУ

23 мая (4 июня) 1872. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Вторник, 23-го мая 72.

Любезнейший Никита Алексеевич, я выезжаю отсюда в пятницу вечером, а в *субботу утром* вышлите мне экипаж на Мценскую станцию. Я в Спасском пробуду всего несколько дней — и потому никаких особых приготовлений не нужно.

До свидания.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3178. Н.А. КИШИНСКОМУ

25 мая (6 июня) 1872. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в доме Удельной конторы.
Четверг, 25-го мая 1872.

Любезный Никита Алексеевич,

Я продолжаю иметь намерение выехать *завтра*, в пятницу; но может случиться, что встретится обстоятельство, которое заставит меня отложить мой отъезд до *субботы*;

тогда Вы будьте так добры, если не встретите меня в субботу, приезжайте в *воскресение*.

До свидания — остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3179. Н.Н. РАШЕТ

25 мая (6 июня) 1872. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Четверг, 25-го мая 1872.

Любезная Наталья Николаевна, мне самому очень жалко, что Вы меня не застали и что я провел неделю в одном городе с Вами[1], не свидевшись с Вами. Оно тем более жалко, что и не предвидится, когда мы можем натолкнуться друг на друга. Вот Вам мои планы. Я остаюсь здесь еще недели три — а там еду почти не останавливаясь через Петербург, Берлин, Баден в Париж — а оттуда в маленький приморский город St-Valery-sur-Somme, где будет жить семейство г-жи Виардо — а на зиму опять в Париж.

Вы мне ничего не пишете о здоровье детей — вероятно, оно хорошо; поклонитесь им от меня[2]. Писать я теперь не пишу — уж очень бранят меня за мой последний продукт — надо продышаться[3].

Засим крепко жму Вам руку, желаю Вам всего хорошего и говорю: "до свидания" — хоть и не знаю: где и как?

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Мой адресс в Париже:
48, rue de Douai.

3180. ПОЛИНЕ БРЮЭР

26 мая (7 июня) 1872. Москва

Moscou.
Boulevard Pretchistenskoï.
Au Comptoir des Apanages.
Vendredi, $\frac{\text{26 mai}}{\text{7 juin}}$ 1872.

Chère Paulinette,

Je reçois à l'instant ta lettre et je me hâte de te répondre — tout en me disant que je suis un gros paresseux de ne t'avoir pas écrit jusqu'à présent[1].

Je ne demeure pas chez mon frère, quoique je le voie tous les jours — sa maison est encore en voie de reconstruction et j'ai accepté la vieille hospitalité de mon ami Massloff qui est le chef du Comptoir des Apanages de Moscou. Mon frère est très frappé de la mort de sa femme — cependant je ne crois pas qu'il se décide à quitter la Russie. Aussi tous mes plans sont tombés à l'eau. Je remercie beaucoup le bon Gaston de tout le mal qu'il s'est donné et de la lettre très détaillée et exacte qu'il a écrite — et qui, par parenthèse, a lambiné en route. Je le prie de m'excuser de lui avoir donné tous ces tracas inutiles — vu la décision probable de mon frère; pourtant la chose peut encore être faite, si ce n'est pour ce lieu — pour un autre — et si ce n'est pour le compte de mon frère — pour le mien. Pour le moment tout est encore dans le vague[2]. J'espère que la santé de Gaston est complètement remise; ce n'est pas le moment d'être malade.

Tu peux compter sur moi pour le baptême[3]; quant aux 3000 francs — je ne pourrai pas vous les envoyer avant la fin de juin; peut-être ne les rapporterai-je que moi-même[4] avec la fameuse pelisse d'Astrakan[5]. Nous avons eu ici des sécheresses et des chaleurs terribles qui ont bien compromis les récoltes: il faut s'attendre à une mauvaise année et à de misérables petits revenus[6].

En attendant je vous embrasse tous les deux de bon cœur — et vous dis: au revoir!

J. Tourguéneff.

P.S. Continue à m'écrire à l'adresse de mon frère: elle est plus facile et la maison de mon frère est à deux pas d'ici.

3181. ПОЛИНЕ И ЛУИ ВИАРДО

30 мая (11 июня) – 1(13) июня (?) 1872. Москва

⟨...⟩ J'ai en ce moment une violente attaque de choléra[1], du vrai, et je crains bien que je n'en réchapperai pas. Je veux, pendant qu'il en est temps encore, vous dire que mes dernières pensées étaient avec vous et que l'amertume de la mort est très augmentée par l'idée qu'elle est venue me surprendre loin de tout ce que j'ai aimé, ce que j'aime dans ce monde. Adieu! Adieu! ⟨...⟩

3182. ЛУИ ВИАРДО

2(14) июня 1872 Москва

à Viardot

Moscou,
ce 2/14 juin 1872.

Mon cher ami,

Je viens vous remercier de tous les soins que vous avez donnés à "La Charmeuse"[1] — et de la peine que vous avez prise de me transmettre tous ces détails. Je suis enchanté que Blanchard ait sa médaille, je crois qu'il l'a fort bien méritée, mais je crois aussi que, sans vous, elle lui passait sous le nez[2]. La voilà maintenant bien habillée, grâce à Mr Duloup, et à mon passage par Paris je la verrai déjà à la place d'honneur dans la galerie. A propos, quelle est l'époque de votre départ pour Valery-sur-Somme?[3] Le jour est-il déjà fixé?

J'ai vu pas mal de tableaux russes depuis mon retour — à Pétersbourg et à Moscou, — mais rien de bien saillant, si ce n'est le tableau de Mr Gay, — "Pierre le Grand interrogeant son fils"[4], — dont je vous ai déjà parlé, il me semble. Il a l'intention de l'envoyer à l'Exposition prochaine et je crois qu'il y fera bonne figure.

Je ne puis vous donner encore aucune nouvelle de l'Exposition — le premier jour — c. à d. mardi — je l'ai parcourue trop sommairement, et puis je suis tombé malade. Mais me voilà guéri — et je vais y retourner. La cage est originale et ne ressemble pas à ce qu'on a vu jusqu'à présent; reste à savoir quelle espèce d'oiseau on a mis dedans. On annonce jusqu'à présent peu d'étrangers[5].

J'ai écrit a Mme Viardot à propos du "Roi Lear" dans l'"Indépendance Belge"[6]; je crois qu'il n'y a rien à faire... qu'à ne plus avoir à faire désormais avec la "Revue des 2 Mondes".

Au revoir bientôt; et en attendant, portez-vous bien et mille amitiés

de votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P.S. On désire beaucoup en Russie l'installation définitive de la République en France[7].

3183. СОФИИ ДЕ ГУБЕРНАТИС

3(15) июня 1872. Москва

Moscou, le 15/3 juin 1872.

Madame,

Je reçois a l'instant votre lettre du 1 juin qu'on m'envoyée de Paris[1]. Je m'empresse de vous donner l'autorisation que

vous désirez tout en souhaitant que vous ne vous soyez pas trompée dans le choix que vous avez bien voulu faire dans mes ouvrages[2].

Je ne puis qu'être flatté de voir que vous veuillez bien m'admettre de la Revue que Mr de Goubernatis dirige avec tant de distinction.

Agréez, Madame, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

P.S. A partir de mois d'août mon adresse est de nouveau, Paris, rue de Douai, 48.

3184. Н.А. КИШИНСКОМУ

3(15) июня 1872. Москва

Москва.
В ⟨доме⟩ Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Суббота, 3-го июня 1872.

Любезный Никита Алексеевич, мы порешили с Иваном Ильичом Масловым Кадное продать — и потому пишу Вам в надежде, что мое письмо застанет Вас на обратном пути из Тапков, чтобы Вы об *отдаче в аренду* Кадного теперь уже не заботились, чтобы легче было состояться продаже. Иван Ильич показывал мне лист, подписанный ефремовским почетным гражданином Иваном Платоновым Горшковым, который предлагал за Кадное 55 000 р. сер. с рассрочкою половины платежа на три года. Тот ли это Горшков, который предлагал Вам взять Кадное на аренду, или имя было другое? Известен ли Вам также адресс (имя и отчество) Зурова, который живет в Туле и также хотел купить Кадное или брать в аренду? Сообщите его немедля Маслову — или Вы даже могли бы ему написать, не хочет ли он вступить в переговоры с Иваном Ильичом, которому поручена продажа, так как я решился сбавить цены. Но во всяком случае в аренду я Кадное отдавать не намерен — а продать.

Желаю, чтобы Ваши хлопоты в Тапках и в Холодове[1] окончились успехом — но во всяком случае приезжайте сюда к *15-му* и привозите какие только соберете деньги, жикинские[2] и другие. Бог знает, застанете ли Вы меня; я в самый день моего приезда в Москву занемог сильной холериной, провалялся дня два — и до сих пор еще не выхожу; здесь, говорят, ее теперь развелось очень много — и это

обычная предтеча холеры. В таком случае я ее не дождусь и при первом появлении недоброй гостьи дам стречка. Тогда я оставлю все мои инструкции Ивану Ильичу — а Вы все-таки к 15-му июня приезжайте сюда. Может быть, это всё только пустые опасенья — и москвичи отделаются одним страхом[3].

Я все-таки еще надеюсь увидеть Вас и желаю Вам здоровья и всего хорошего.

Ив. Тургенев.

P.S. Захару Балашову я с 1-го мая нынешнего года выдал пенсию — за целый год — 100 рублей вперед, на что и расписку получил.

3185. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

3(15) июня 1872. Москва

Москва.
15/3 июня 1872 г.

Мой дорогой друг,

Вы хотели сообщить мне, какое окончательное впечатление произвели на Вас "Вешние воды"; может быть, вы забыли об этом, а может быть, не собираетесь сказать ничего особенно хорошего[1].

Я приеду в Берлин раньше, чем думал, вероятно, около 6 июля[2]. И тогда я смогу с глазу на глаз спросить вас об этом. А теперь я хочу задать вам следующий вопрос. Один из моих хороших друзей, профессор Кавелин из Петербурга, написал по-русски книгу, озаглавленную "Задачи психологии". Вы, вероятно, удивитесь, как это русский может написать философское сочинение? А книга между тем солидная, оригинальная, свидетельствующая о самостоятельной и углубленной исследовательской работе и большой эрудиции[3]. Кавелин хотел бы увидеть свою книгу о переведенной и изданной на немецком языке (разумеется, без всякого авторского права, но и без расходов с его стороны), так как русская публика проявила бы мало внимания к русскому Канту, случись ему появиться здесь. Не думаете ли вы, что можно найти в Германии переводчика и издателя для подобного произведения или по крайней мере издателя? Перевести можно было бы и здесь. Книга невелика: приблизительно 300 страниц[4]. Я думаю, она вызвала бы интерес. Пожа-

луйста, напишите мне ваше мнение об этом — откровенно, кратко и точно.

Вы знаете мой московский адрес: Пречистенка, дом Тургенева. Я буду вам очень благодарен.

До скорого свидания. Тысяча приветов вашей дорогой жене, а вам сердечное рукопожатие

от вашего И. Тургенева.

3186. ПОЛИНЕ БРЮЭР

6(18) июня 1872. Москва

Moscou.
Au Comptoir des Apanages.
Boulevard Pretchistenskoï.
Mercredi, 6/18 juin 1872.[a]

Chère Paulinette,

J'ai reçu ton télégramme — et j'ai envoyé immédiatement une réponse par l'entremise de Viardot[1] — car on ne voulait pas recevoir ici de télégramme direct pour Cloyes. A l'heure qu'il est, tu dois être complètement tranquillisée; je m'étonne que tu n'aies pas eu de mes nouvelles. Je t'ai écrit deux fois: une fois de Pétersbourg — et une seconde fois de Moscou[2]. Je te disais dans cette seconde lettre qu'il fallait abandonner toute idée de voir mon frère venir s'établir en France[3] et surtout de lui voir faire pour cela la moindre dépense; il est devenu plus avare que jamais — maintenant qu'il n'a plus personne: il empile ses écus, se refuse tout et ne changera pas de genre de vie. Chacun prend son plaisir où et comme il le trouve — et il n'y rien à changer à tout cela.

J'avais compté aussi un peu sur lui pour ces 3000 francs que je t'avais promis — mais j'avais compté sans mon hôte — et sans la mauvaise récolte qui s'annonce[4]. Pourtant je ne désespère pas de t'apporter au moins une partie de cette somme, quand j'irai à Rougemont baptiser le gros poupon[5] que tu ne manqueras pas de te donner.

Et attendant porte-toi bien — et le cas échéant, ne manque pas de m'envoyer un télégramme. Je vous embrasse tous les deux et je n'oublierai pas l'astrakan[6].

J. Tourguéneff.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3187. П.В. АННЕНКОВУ

14(26) июня 1872 г. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Середа, 14/26-го июня 1872.

Милый Павел Васильевич, письмо Ваше, которого я всё поджидал, застало меня еще здесь[1]. Вот уже две недели, как я вернулся из деревни — но из московских удовольствий на мою долю выпало немного: сперва меня схватила сильная холерина и продержала дня четыре; а теперь я вот уже 6-й день лежу как пласт по милости подагрического припадка в ноге, которого я никак не мог ожидать так скоро после моей сентябрьской передряги. К счастью, припадок не очень силен, — и я, как только буду в состоянии надеть туфлю, удеру из России, которая что-то совсем как мачеха принимает меня в этот раз. Я прямехонько проеду в Париж — а оттуда в Valery-sur-Somme, на берег Нормандии. К первым числам октября я вернусь в Париж, куда, надеюсь, и Вы прибудете — и мы заживем припеваючи[2].

Надеюсь, что лечение Ваше пойдет Вам впрок; а скучать... почти везде приходится.

Не знаю, дошло ли до Вас печальное известие о кончине бедной Ольги Александровны Сомовой (9/21 июня, в Петербурге). Одним прекрасным, чистым существом на свете меньше. Многое мне вспомнилось... вспомнилось горько. Набегают... набегают тени на жизнь — и падают они не на одно настоящее или будущее — но и на прошедшее. И то становится тусклее и туманнее. Бедные оставленные ею сироты должны искать опоры — в старушке Еропкиной?[3] Признаюсь, нет большой охоты рассказывать даже то немногое, что я здесь видел и слышал. Кажется, всё ползет по-старому: Самарины, Черкасские с одной стороны, Кетчер, Корш и т.д. с другой[4]. Довольно интересен был народный театр[5]. Выставка[6], кажется, является чем-то вроде фиаско. Перов опять с меня рисует портрет[7] — и опять неудачно. Я видел Марию Агеевну Милютину и должен был съездить к ней в деревню — но подагра помешала. Брат огорчен — но уже начинает успокаиваться: из него выработался Гарпагон № 1-й[8] — и в жизни[a] уже дру-

---

[a] *Было*: к сожалению

гого наслаждения он видеть не будет, как трясение и корпение над деньгами. Маслов всё так же мил. Здесь в эту минуту Арапетов, Языков, Фет; промелькнул Полонский. Островский в деревне; Писемский уехал на дачу. Вот и всё.

Передайте мой усердный поклон Вашей жене и поцелуйте деток. Как нравится Верочке неметчина?

В деревне я провел целых три дня безвыходно в саду[9]; я ничего не знаю прелестнее наших орловских старых садов — и нигде на свете нет такого запаха и такой зелено-золотистой серости (вот Вам новое слово) под чуть-чуть лепечущими липами в этих узких и длинных аллеях, заросших шелковистой травкой и земляникою. Чудо!

Обнимаю Вас и до свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Я получил от Маслова 300 р. сер. для Вас. Напишите мне в Париж — 48, rue de Douai — что мне с ними сделать? Я их с собой повезу за границу.

3188. ПОЛИНЕ БРЮЭР

14(26) июня 1872. Москва

Moscou.
Boulevard Pretchistenskoï,
chez Mr Massloff.
Mercredi, 14/26 juin 1872.

Chère Paulinette, je reçois ta lettre à l'instant. Je suis content de voir que tes inquiétudes se sont calmées — et j'attends avec impatience quelque bon télégramme bien joyeux[1].

Je reste encore ici 5 à 6 jours grâce à un accès de goutte qui est venu comme la foudre il y a une semaine et qui me cloue au sofa. Je ne m'y attendais pas — après la longue et dure attaque de septembre — octobre passés. Heureusement l'accès n'est pas trop fort et j'espère pouvoir mettre une pantoufle dès demain. Si rien ne vient se mettre au travers, j'arrive à Paris vers le 15 juillet — peut-être avant — et dare-dare j'irai chez toi[2].

Je suis très chagriné de ne pouvoir t'envoyer l'argent que je t'avais promis — bien spontanément, tu t'en souviens. Ni Gaston, ni toi, vous ne m'aviez rien demandé. Malgré tout, je ne désespère pas de pouvoir le faire, c'⟨est⟩-à-d⟨ire⟩ de t'apporter quelque argent. Nous avons une *très mauvaise* année[3] qui s'annonçait magnifiquement — je n'y puis rien et il faut se

résigner. Quant à mon frère qui est certainement très riche — il ne me prêterait pas *50* francs — et tu parles de 50, 60 mille!! Mets-toi en tête qu'il a toujours été avare et que c'est maintenant un Harpagon qui redonnerait des points à celui de Molière. De ce côté-là — c'est fini, n-i ni — et il ne faut jamais y penser un seul instant[4].

J'ai rempli jusqu'à présent tous mes engagements — et au delà — et je ne demande pas mieux que de continuer ainsi — mais on ne peut faire que ce qui est faisable[5].

Allons, à bientôt — je vous embrasse tous les deux bien fort — et Dieu veuille que je te revoie en grand-père!

J. Tourguéneff.

3189. В.В. СТАСОВУ

14(26) июня 1872. Москва

Москва.
На Пречистенск⟨ом⟩ бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Середа, 26/14-го июня 1872.

Я получил Ваше письмо от 17-го мая только на днях и здесь, любезный Владимир Васильевич. Когда Вы его писали, я самолично был в Петербурге (в гостинице Демута) — но мне сказали, что Вы в отсутствии — и я Вас не отыскивал, о чем я теперь очень жалею. Впрочем, я в Петербурге пробыл всего несколько дней. Я выезжаю отсюда[a] в воскресение, если позволит мне припадок подагры, которому я неожиданно подвергся — но в Петербурге останусь всего 24 часа — и потому навряд ли Вас увижу — тем более что и Вы, может быть, находитесь теперь в Москве — а я об этом ничего не знаю. Приходится поспорить на бумаге, не на словах.

Почему Вы полагаете, что я — не музыкант и не живописец, да, сверх того, уже и старый человек, которому всякая фальшь наскучила и который слушается только собственных впечатлений — почему Вы полагаете, что я заражен фетишизмом и преклоняюсь перед европейскими авторитетами? Да провались они совсем! Я восторгаюсь от глуковских речитативов и арий не потому, что авторитеты их хвалят — а потому, что у меня от первых их звуков на-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: через

вертываются слезы — и не авторитеты заставляют меня относиться с полным пренебрежением к "Каменному гостю", которого я имел терпение выслушать два раза не в *сомнительном*, а в вполне мастерском дешифрировании Klavierauszug'a. Вы даже неверно ставите эти авторитеты. Вы, напр., полагаете, что Ари Шеффер для французов (я говорю не о филистерах, а о художественных натурах) и Каульбах для немцев что-нибудь значат, тогда как они давно сданы в архив и серьезно *никто* не говорит о них; что же касается до Делакруа, то я бы пожелал нашей школе такой неправильной, неровной, но высокогениальной натуры![1] Репина картину я видел — и с истинным соболезнованием признал в этом холодном винегрете живых и мертвых — извините — натянутую чушь, которая могла родиться только в голове какого-нибудь Хлестакова-Пороховщикова с его "Славянским базаром". И это мнение мое разделяет сам автор, который просидел у меня часа два и с сердечным сокрушением говорил о навязанной ему теме и даже сожалел, что я ходил смотреть его произведение, в котором все-таки виден замечательный талант, но которое в эту минуту претерпевает заслуженное фиаско[2]. Дай бог, чтобы другие его темы не были такие мертворожденные, как эта! Нет, любезный Владимир Васильевич, родному художеству радоваться я буду первый; но я не хочу уподобиться тому Вагнеру, о котором говорит Гёте, что он

"Mit gier'ger Hand nach Schätzen grubt —
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet"[3].

Нашел самородок — Глинку — и радуйся и гордись им... а этих всех Даргомыжских[4], да Балакиревых, да Брюлловых волна смоет и унесет вместе с песком и всяческой пылью.

Всё это может показаться Вам святотатством, ахинеей... Но я помню людей, которые также считали меня чуть не преступником за то, что я не признавал Кукольника, этого *юного гения*...[5] Впрочем — довольно. Ни Антокольского здесь нет — ни об его статуе не слышно ни слова[6]. Вот *этого* я бы посмотрел охотно — и в его вещи я верю, потому что у него есть[б] *темперамент* — а не одно литературствующее пружение.

Ну, однако, в самом деле, довольно — а то что это мы всё только землю под собою роем. Не выедете ли в Европу

[б] *Далее зачеркнуто*: и

и не завернете ли в Париж? Я буду там с первых чисел октября — и уже теперь можете, если хотите, писать мне по адресу: 48, rue de Douai.

Прощайте и будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте:

В С.-Петербург.
Его высокородию
Владимиру Васильевичу *Стасову.*
На Моховой, в д⟨оме⟩ Мелихова.

3190. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ
14(26) июня 1872. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Середа, 14/26 июня 1872.

Почтеннейший Михаил Матвеевич, я знаю, что Вы теперь не в Питере, но Вы сказали мне, чтобы я написал Вам, когда я буду собираться обратно из Москвы — вот я и пишу Вам, хотя с совершенной достоверностью дня назначить не могу, ибо вот уже шестой день, как нахожусь в когтях катковки[1], сиречь подагры, которая совершенно неожиданно "накрыла" меня. Правда, припадок не силен — и хотя я еще не могу надеть туфлю, однако полагаю, что в воскресение или в понедельник выеду. В Питере я пробуду всего один день, постучусь в Вашу дверь и, если Вас не найду, то оставлю хотя карточку. Рукопись, к сожаленью, оставить не буду в состоянии — ибо я, вероятно, для того чтобы показать, что я точно русский человек, в России ничего не делал. Могу, однако, обещать с несомненностью, что Вы получите эту повестушку до осени. Ведь и кончить ее всего стоит присесть на день — так что даже совестно[2].

С великим удовольствием прочел я статью Герье о кронпринцессе[3], а также и начало путешествия Е. Маркова в Крыму[4].

Если мы не увидимся в Питере, то позвольте мне пожать Вам дружески руку, да, кстати, рекомендовать Вам — chaudement — одного молодого человека, по имени Василия Варфоломеевича Денского, который теперь живет в Париже, но к осени явится в Питер для того, чтобы

жить литературной, т.е. переводной деятельностью. Из этого одного Вы можете заключить, что он идеалист и мечтатель; впрочем, он очень симпатический юноша, исполненный благородных стремлений и рвения. Поощрите его — и, ради меня, дайте ему работу предпочтительно перед другими. За что я Вам буду искренно благодарен.

Еще раз до свиданья — и будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3191. М.П. ТУРГЕНЕВОЙ

14(26) июня 1872. Москва

Любезная кузина,

Моей ноге лучше, хотя я всё еще надеть туфли и наступать не могу; в этой болезни нужно преимущественно терпение. Адресс Ваш я вручу завтра моему управляющему[1], который должен приехать из деревни, и сам ему лично передам приказание о выдаче Вам денег и о внесении Лизаветы Петровны[2] — т.е. ее гувернера, на пенсионский лист. Брата я эти два дня не видал, так что не мог ему напомнить о 1000 рублях; и хотя надежды мало — но нельзя сказать, что она совершенно исчезла.

Благодарю Вас за выраженное Вами участие и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Д⟨ом⟩ Удельной конторы.
14-го июня 1872.

3192. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

14(26) июня 1872. Москва

Moscou.
Ce 26 juin 1872.

Mon cher ami,

Vous m'avez envoyé vos projets pour l'été[1] — voici les miens:

NB. Pour le moment je me trouve à Moscou pincé par un vilain accès de goutte qui me cloue à mon sofa. Je ne m'y attendais guère après la violente attaque du mois d'octobre

dernier — cela devient trop fréquent et on me fait trop de félicitations ("brevet de longévité", etc., etc.). Heureusement l'accès n'est pas trop fort et je puis espérer quitter la capitale de toutes les Russies dimanche ou lundi. C'est aujourd'hui mercredi.

Je vais droit comme une flèche à Paris, puis de là en Touraine chez ma fille qui est en train de me faire grand-père[2]; puis de là à Valery-sur-Somme où je retrouve mes vieux amis les Viardot. Je flâne, je travaille si je puis, puis je vais à Paris y trouver un certain Flaubert que j'aime beaucoup et avec lequel je vais soit chez lui à Croisset, soit à Nohant, chez Mme Sand qui, à ce qu'il paraît, veut nous y voir[3]. Et puis à partir du mois d'octobre — Paris. Voilà!

Mon cher ami, la vieillesse est un gros nuage blafard qui s'étend sur l'avenir, le présent, et jusque sur le passé qu'il attriste en craquelant ses souvenirs. (Je crains que voilà du bien mauvais français — mais cela ne fait rien.) Il faut se défendre contre ce nuage! Il me semble que vous ne le faites pas assez. Je crois en effet qu'un voyage en Russie à nous deux vous ferait du bien[4]. Je viens de passer 4 jours entiers non pas sur le haut d'une[a] meule de foin[5] — mais dans les allées d'un vieux jardin campagnard tout bourré de parfums rustiques, de fraises, d'oiseaux, de rayons de soleil et d'ombres aussi endormis les uns que les autres — et deux cents arpents de seigles ondoyants tout autour! C'était superbe! On s'immobilise dans une sorte de sensation grave et immense — et stupide — qui tient à la fois de la vie de la bête et de Dieu. On sort de là comme si on avait pris je ne sais quel bain puissant. Et puis on reprend le train-train habituel.

Il ne faut pas que St-Antoine se décourage. Qu'il aille vaillamment jusqu'au bout![6]

Je sais que vous avez assisté à une belle soirée musicale chez Mme Viardot. Il paraît que le public a été content.

Vous ne me dites rien de mon tableau. Il vous déplaît — ou bien ne l'avez vous pas vu?[7]

Adieu et au revoir, mon cher ami... Tenons la tête haute avant que les flots ne la recouvrent.

Je vous embrasse cordialement.

Votre J. Tourguéneff.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: vieille

3193. Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ

15(27) июня 1872. Москва

Moscou.
Ce 27/15 juin 1872.

Chère Mademoiselle Fanny,

Mon intendant qui arrive de la campagne vient de m'apporter votre lettre et je m'empresse d'y répondre[1]. J'ai en effet beaucoup connu Mérimée dans les dernières années de sa vie — je l'ai beaucoup aimé — et je crois avoir bien étudiés son caractère. Je ne demande pas mieux que de me mettre à la disposition de Mr de Loménie pour tous les renseignements qu'il désirera — quoique, à vrai dire, j'eusse préféré un autre panégyriste — ou plutôt un autre biographe — non que je doute le moins du monde du talent de Mr de Loménie — mais les points de contact entre lui et Mérimée sont trop peu nombreux: ces deux natures sont trop différentes. Le souvenir affectueux que je garde à la mémoire de Mérimée me fait désirer qu'on lui rende pleine et entière justice — et je serais heureux d'y contribuer. Je me mets à la disposition de Mr de Loménie[2]. Seulement — quand et comment aurons-nous cet entretien? Je reviens à Paris vers le 10 juillet — mais pour aller aussitôt chez ma fille qui à cette époque-là — je l'espère bien — m'aura fait grand-père[3]; ce n'est qu'au retour et avant d'aller à St-Valery-sur-Somme où je compte rester jusqu'au mois d'octobre qu'il me sera possible de vous faire une visite à Vert-Bois — et alors nous pourrions nous rencontrer. Je vous écrirai, dans tous les cas, le jour de mon arrivée à Paris[4]. Quant aux lettres de Mérimée, j'en ai en effet une centaine — il y en a de fort curieuses dans le nombre — mais toute ma correspondance se trouve à Bade — et je ne l'aurai à Paris que vers le commencement de l'hiver. Généralement parlant, ces lettres sont d'un style un peu... rabelaisien; mais il ne s'agit pas de les citer[5]. Si Mr de Loménie peut attendre jusqu'au mois d'octobre ou de novembre — les choses peuvent s'arranger.

Je suis fort heureux d'apprendre que vous allez tous bien — et j'espère que nous vous aurons tous cet hiver à Paris — ne fût-ce que pour arranger les papiers de Nikolaï Ivanitch. Tous ceux qui ont lu le volume que j'ai apporté en sont enchantés; "Le Messager de l'Europe" l'a annoncé en termes fort élogieux[6]. Je n'ai pas pu voir grand'chose de tout ce qui ⟨se⟩ fait ici dans ce moment; voilà bientôt 8 jours que je suis en proie à un accès de goutte; cela se passe petit à petit — mais dès que je pourrai me traîner, il faudra partir.

Mes meilleures amitiés à Mme votre mère et à tous les vôtres; je vous serre cordialement la main et vous dis: au revoir.

J. Tourguéneff.

P.S. Puisque vous voulez bien ajouter foi à mes prédictions, sachez qu'il n'y a rien à craindre même d'un régime gambettiste[7]; la paix de l'Europe est assurée pour 2, 3 ans au moins. Après — je ne dis pas!

3194. Н.А. КИШИНСКОМУ

18(30) июня 1872. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Воскресение, 18-го июня 72.

Любезнейший Никита Алексеевич, вчера вечером, вернувшись домой, я нашел прилагаемую цидулю от Кабанова[1]. Прочтите ее и избавьте меня от сего мучителя, ибо я ничего не понимаю, о чем он мне пишет — но приведите наконец это дело к концу.

От Горшкова никаких нет вестей — да и бог с ним. Мне почему-то кажется, что я имел бы наверное с ним неприятности.

Насчет продажи поступайте, как мы с Вами условились. Отдавать дешево не следует — крайней надобности в деньгах пока еще нет.

Моей ноге несколько лучше, и я надеюсь выехать отсюда в середу.

Желаю Вам здоровья и всевозможных успехов.

Ив. Тургенев.

P.S. Пишите мне: Paris, 48, rue de Douai.

3195. Н.А. КИШИНСКОМУ

21 июня (3 июля) 1872. Москва

Москва.
На Пречистенском бульваре,
в д⟨оме⟩ Удельной конторы.
Середа, 21-го июня 72.

Любезнейший Никита Алексеевич, брат Н⟨иколай⟩ С⟨ергеевич⟩ дает на сооружение богадельни в Спасском 1000 р. сер. — из которых я уже получил 500, о чем я Вас из-

вещаю. Брат в первых числах июля едет к себе в деревню — и прибудет в Спасское. Я просил его, чтобы он сообща с Вами выбрал окончательно место для постройки богадельни, так как он теперь стал одним из ее основателей: купим ли мы Порфирьево место или займем место возле церкви[1] — это будет зависеть от того, на что вы оба решитесь. Очень бы я желал, чтобы основание могло быть положено 6-го июля нынешнего года. Если же это невозможно — то в скором времени после 6-го. Деньги, полученные мною *500* р., Вы вычтете из первой Вашей посылки ко мне за границу.

Еще одно: отворите брату ящики моего письменного стола; он возьмет оттуда рукопись "Записок охотника", которую я обещал г. Маслову.

Будьте здоровы; я Вам напишу по приезде в Париж.

Ив. Тургенев.

3196. ПОЛИНЕ БРЮЭР

28 июня (10 июля) 1872. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Mercredi, 10 juillet 72.

Chère Paulinette,

Me voilà enfin de retour, boiteux grâce à la goutte, mais du reste bien portant. J'ai fait prendre de tes nouvelles chez les beaux-parents. On dit que tu vas très bien — j'en ai été enchanté — mais j'avais espéré que le grand pas avait été franchi[1]. Dis-moi quand il faut que je vienne — j'ai apporté 1500 f-s. Veux-tu que je te les envoie ou bien pourrai-je les remettre ici? J'attends une réponse.

Je t'embrasse bien tendrement ainsi que Gaston.

J. Tourguéneff.

3197. Н.А. КИШИНСКОМУ

1(13) июля 1872. Париж

Париж.
48, rue de Douai.
Суббота, 13/1-го июля 1872.

Любезный Никита Алексеевич, сим извещаю Вас, что я благополучно прибыл сюда дня четыре тому назад — но здесь меня подагра опять подцепила, и я опять лежу и не могу наступать на ногу. Впрочем, я надеюсь, что я настоль-

ко поправлюсь, что завтра или послезавтра буду в состоянии отправиться в приморский городок, где я намерен пробыть шесть недель и адресс которого следующий:

Г-ну И.С. Тургеневу.
Во Францию.
Через Париж, в Сен-Валери-сюр-Сомм.
Mr J. Tourguéneff.
Saint-Valery-sur Somme, maison Ruhaut.

Я с некоторым нетерпением жду от Вас известий — 1.) насчет продажи земель; 2.) насчет богадельни, Порфирия[1] и т.д.

Надеюсь, что вы все здоровы, что у вас нет холеры и что всё по хозяйству идет как следует.

Кланяюсь всем спасским жителям и остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3198. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

3(15) июля 1872. Париж

15 juillet, lundi.
48, rue de Douai.

Voici, mon cher ami, deux photographies — choisissez — et quand je reviendrai dans *10 jours* — je mettrai sur celle-là que je vous aime bien.

Je vous remettrai alors aussi le manuscrit — je vais faire un dernier effort! C'est bien vilain — de devoir se relire. Je laisse un mot pour Durand. Je lui donne votre adresse[1].

Guérissez-vous vite de votre bronchite. Ma goutte va mieux — je pars aujourd'hui pour St-Valery-sur Somme, maison Ruhaut.

Je vous serre la main bien cordialement.

J. Tourguéneff.

3199. П.В. АННЕНКОВУ

7(19) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Rihaut.
Суббота, 19-го июля 1872.

Любезнейший друг Павел Васильевич, на устье Соммы, в нескольких верстах от Аббевиля и железной дороги, ведущей из Парижа в Булонь, лежит премилый примор-

ский городок, где я нахожусь вот уже 5-й день, но которым я до сих пор мало мог насладиться, ибо со мной повторился припадок подагры, начавшейся в Москве — и я пока брожу с трудом на костылях. Но воздух здесь удивительный, окрестности, говорят, прелестные — и я, как только оправлюсь, намерен ожесточенно работать[1]. Остаюсь я здесь во всяком случае до конца сентября.

Я получил Ваше письмо из Киссингена, радуюсь, что Вам с Вашим семейством там хорошо живется, и очень бы желал, чтобы Вы решились на зиму приехать в Париж. Опасения Ваши насчет здешнего Вам не совсем симпатичного *духа* преувеличены; поверьте, всё будет тихо — да так тихо, что чудо! — да на долгие годы. Франция догадалась, что республика — самая смирная и смиренная форма правления — республика à la Thiers — и ухватилась за нее и руками и ногами[2]. Приезжайте — отличную мы проживем зиму!

Пересылкой Вам Ваших 300 руб. Вы мне, как говорят французы, посадили "блоху в ухо". Иначе нельзя послать Вам отсюда как lettre chargée — и дойдет ли оная — бог весть! Напрасно Вы мне не написали раньше, куда Вам их переслать: я бы из Берлина их отправил. Решаюсь послать Вам завтра 2 сторублевых бумажки. Как только Вы их получите — известите немедленно, куда Вам переслать третью; в случае же, если, боже сохрани, застрахованное письмо не достигнет своего назначенья — известите столь же немедленно.

У меня семейная радость: дочь моя третьего дня родила благополучно дочку — так что я теперь дедушка.

А прочли Вы новый указец о заменении у нас в деле запрещения книг и журналов судебного порядка административным?[3] Шувалов и Толстой работают отлично.

Засим обнимаю Вас, кланяюсь Вашей жене, бунтовщицу Веру и смирного Павла целую и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3200. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

7(19) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Sonnabend, d. 19. Juli 1872.

Pietchissime carissime — Sie wissen schon, dass ich Sie abermals verfehlt habe![1] Das ist eben eine Fatalität — wie in der "Belle Hélène"[2]. Jetzt wohn'ich hier in einem reizenden,

höchst malerischen und stillen Ort[3] — habe aber leider wieder die Gicht und kann kaum mit 2 Krücken herumkriechen. Das verfluchte Zeug dauert jetzt schon mehr als einen Monat. Wollen'es abwarten.

Der ganzen V⟨iardot⟩schen Familie geht es ganz gut. Alle haben einen fürchterlichen Appetit, schlafen wie die Riesen — und ergeben sich der gründlichsten Faulheit. Nur Eins ist nicht ganz in der Ordnung: Frau Viardots *Daumen* ist noch immer geschwollen und schmerzhaft. Nun muss ich wieder an die bekannte Berliner Salbe denken, die mir einst so geholfen hat. Wenn ich nicht irre, so hiess der Verfertiger — Zimmermann. Chirurg oder Barbier, Rosenthalerstrasse, 20. Haben Sie die Gefälligkeit, liebster Pietsch, gehen Sie gleich hin, kaufen Sie eine kleine Büchse — und schicken Sie sie *hierher* — ohne Zeitverlust — oder wenn es nicht geht, wenigstens nach Paris, rue de Douai, 48, auf meinen Namen. Sie können das kleine Paketchen per Briefpost absenden. Bitte, thun Sie es ja recht schnell!

Ich bin Grossvater geworden — endlich! Vorgestern hat meine Tochter ein kleines, wie es scheint, ganz gesundes Tochterchen bekommen.

Leben Sie recht wohl und grüssen Sie Familie und Freunde. Ich bleibe hier bis Ende September.

Vale et me ama.

I. Turgénjew.

3201. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

9(21) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Dimanche, 21 juillet 1872.

Monsieur,

Je suis arrivé á Paris le 8 de ce mois et j'y suis resté une semaine; malheureusement le concierge ne m'a pas remis votre carte, et il m'a été impossible de decouvrir votre adresse. Au moment de partir, j'ai laissé à la maison une lettre pour vous, que je vous prierais de vouloir bien y faire prendre[1]. Je vous parle dans cette lettre du désagréable incident Franceschi et du dédommagement que je comptais vous offrir, car ni la Rédaction du "Temps", ni celle de la "Revue des Deux Mondes" ne veulent plus d'une œuvre déjà déflorée[2]. Ces infortunées "Veschnia Vody" ont joué de malheur[3]. Je dois venir à Paris dans une semaine et nous aurons, si vous le voulez bien, une entrevue où nous débattrons ce qu'il y aurait à faire.

Je vous rapporterai en même temps le manuscrit"[4]. Il va sans dire que vous avez mon autorisation tout entière pour la publication en volume. Hetzel (le libraire qui est mon ami et un bien charmant homme) le fera volontiers[5]. Allez le voir de ma part; il m'a même dit que, malgré la traduction du "Nord", il ne serait pas impossible de trouver un journal parisien ou une revue qui accepterait votre manuscrit et le publierait[6].

Hetzel a déjà publié plusieurs volumes de moi[7]; il ferait un nouveau volume avec "Veschnia Vody", en y ajoutant peut-être "Stouk, stouk, stouk!" et "Le Brigadier", ou "L'Aventure de Yergounoff", ou "Le Roi Lear" qui n'ont paru que dans la "Revue des Deux Mondes", mais, je le répète, nous parlerons de tout cela à Paris dans peu de jours[8]. Je vous avertirai dès la veille de mon départ d'ici.

En attendant je vous prie d'accepter l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Iv. Tourguéneff.

3202. Н.А. КИШИНСКОМУ

9(21) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Воскресение, 21/9-го июля 1872.

Вот уже неделя, как я здесь, любезный Никита Алексеевич, скоро три недели, как я выехал из Москвы — а от Вас еще никакой нет весточки. Надеюсь, что получу вскоре — тем более что мне хочется знать, какие были Ваши распоряжения насчет продажи земель, богадельни и т.д.

Николай Сергеевич теперь, вероятно, в Тургеневе — и Вы виделись с ним.

Подагра продолжает меня мучить: никогда она не была так упорна, как в этот раз.

Четвертого дня у моей дочери родилась дочка — так что я теперь стал дедушкой.

Я Вам писал из Парижа: на всякий случай прилагаю французский здешний адресс:

Mr J. Tourguéneff.
Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut (Somme).

В ожидании скорого от Вас уведомления желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья.

Ив. Тургенев.

3203. П.В. АННЕНКОВУ

11(23) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Вторник, 23-го июля 1872.

Дорогой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, отправка прилагаемых 200 р. сер. опоздала двумя днями[1] — я всё надеялся, что буду в состоянии отправиться лично на почту — но подагра окончательно пригвоздила меня к постели — никогда она не била так упорно — и я решаюсь попросить Виардо отправить это письмо вместо меня. Не забудьте, что я жду Ваших инструкций насчет остальных ста рублей.

Уведомьте меня о получении этих 200 — и будьте здоровы и благополучны со всеми Вашими домочадцами.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3204. ПОЛИНЕ БРЮЭР

11(23) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Mercredi, 23 juillet 72.[a]

Chère Paulinette,

J'ai eu le plus grand plaisir à recevoir la lettre du bon Gaston[1] et je rends avec usure à la chère petite Jeanne le baiser qu'on m'envoie en son nom. Je suis bien content de voir que tout marche bien — continue à être prudente et sage — et rien ne manquera à ton bonheur et au nôtre. Ma vilaine horreur de goutte me tient avec plus de ténacité que jamais — et je t'écris de mon lit, ce que tu peux reconnaître à mon écriture[2], et ce qui fait que je ne puis encore fixer avec certitude mon arrivée à Rougemont, mais je ne tarderai pas une minute à t'annoncer ma convalescence[3]. Encore un peu de patience et tout s'arrangera.

En attendant le plaisir de vous revoir tous, je vous embrasse tous les *trois* avec tendresse. J'espère pouvoir t'écrire bientôt.

J. Tourguéneff.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3205. П.В. АННЕНКОВУ

13(25) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Четверг, 25/13-го июля 1872.

Драгоценный Павел Васильевич, 200 целковых отправлены к Вам третьего дня *par lettre recommandée* за пятью печатями; оказывается, что это письмо было первое, отправленное согласно новым узаконениям — и потому я ощущаю некоторое сомнение и ажитацию: пожалуйста, уведомьте меня о получении[1]. Деньги отправлены в двух радужных билетах с физиономией Екатерины.

Подагре моей легче — то есть мне от нее легче — но она всё еще не прошла — и я принужден сидеть дома. Жары продолжают стоять страшные.

Если бы не эти жары да не эта подагра, я бы, кажется, принялся за работу. Кое-какие мыслишки вертятся в голове[2].

Обнимаю вас всех.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3206. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

14(26) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Vendredi, 26 juillet 1872.

Monsieur,

Je n'ai jamais eu une attaque de goutte plus obstinée que celle qui me tient maintenant depuis bientôt six semaines. Je n'ai pu quitter mes béquilles qu'hier et il me serait impossible d'aller à Paris avant la fin de la semaine prochaine; mais j'espère bien pouvoir le faire à cette époque. Vous serez averti la veille de mon arrivée.

Je n'ai jamais douté de l'accueil que vous ferait Hetzel; c'est une nature aussi excellente que délicate et je suis sûr que vous vous arrangerez fort bien avec lui[1].

M. Franceschi se trouve, à ce que j'ai appris, dans ce moment à Valery. Je ne demande pas mieux que de lui écrire, quoique je ne puisse m'imaginer qu'il ait l'intention de publier une édition séparée des "Veschnia Vody" en Belgique[2]. Vous

pourriez peut-être demander son adresse exacte (au bureau du "Nord") à Paris et me l'envoyer.

Vous avez carte blanche pour présenter les "Veschnia Vody" à toute revue ou journal, et si la "Revue Universelle" l'accepte, tant mieux. Quant à l'amputation que désire Hetzel, je n'ai aucun avis là-dessus, ne pouvant pas avoir d'appréciation critique d'une œuvre récemment écrite; mais j'accepte tout des deux mains et fais bon marché de ma susceptibilité d'auteur. J'ai grande confiance dans le goût de Hetzel. Seulement il me semble que cette amputation devient un peu plus difficile depuis que "Le Nord" a publié la machine tout entière. Mais, encore une fois, je me désiste dans cette question[3].

Les récits du comte Tolstoï sont destinés à être lus par le peuple, ce qui n'est pas tout à fait la même chose que s'il avait écrit pour les enfants. Je n'en ai lu que deux. Le second, intitulé "Kavkazki Pliénnik" (il avait été inséré dans la "Zaria"), est charmant; je crois que les enfants le goûteraient fort[4].

Nous causerons de tout ceci lors de notre entrevue prochaine, et en attendant je vous prie de croire à l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

3207. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

14(26) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Friday, 26-th July 1872.

My dear friend,

I came here some ten days ago still very lame and stiff with gout (I had an attack at Moscow in the midst of June) — and I have tried to-day for the first time to walk without crutches. I think my coming over to London is "fallen in the water" — as the French say[1] — so that I cannot say now when I will have the pleasure of seeing you — unless you come to Paris during the winter. I have left the books I brought for you from Russia at my lodgings in Paris; as I have to go there, as soon as I will able to get in a railway carriage, I will send them ⟨to⟩ you to London soon enough, I hope[a,2].

Saint-Valery is a very quiet little nook — in a very pleasant situation. The right place for working — and I mean to do it, if

---

[a] *Далее текст письма отсутствует, так как нижняя часть листа оторвана.*

possible. The heat is intense but it is nothing, compared with Paris or, I imagine, London.

I hope this letter will find you in good health and spirits. Your book has been such a success that it must cheer you up[3]. Expecting a few lines in answer to this letter, I am

yours very truly,
J. Tourguéneff.

На конверте:

Angleterre.
W. Ralston, Esq-re.
London.
British Museum.

3208. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

15(27) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Sonnabend, d. 27.[a] Juli 72.

Liebster Pietsch, als Sie mir Ihren Brief vom 20-ten d⟨ieses⟩ M⟨onats⟩ schrieben, hatten Sie wahrscheinlich den meinigen noch nicht bekommen (wo ich um die *Salbe* bat) — und haben wahrscheinlich auch Berlin verlassen, ohne ihn bekommen zu haben[1]. Ich muss Sie nochmals bitten, meine Commission recht bald zu erfüllen, sobald Sie nach Spree-Athen zurückgekehrt sind[2].

J. Schmidt hatte mir schon gesagt — Sie wären *nicht* nach Amerika abgegangen[3]. Desto besser! So hat man mehr Chancen Sie mal zu sehen — und diesmal verspreche ich Ihnen, Sie ein paar Tage *vor* meiner Ankunft in Berlin zu benachrichtigen.

Den Monat August und September, bleiben wir alle hier; Padilla's wohnen in ihrer Villa in Ville d'Avrey.

Gott! Wie seid Ihr alle Deutsche zarthäutig geworden, wie altjüngferisch susceptibel nach den grossen Erfolgen! Dass ich Euch in meiner letzten Novelle ein bißchen "egratignirt" habe — das[б] könnt Ihr nicht ertragen?[4] Habe ich doch meinem eigenen Volke — das ich doch gewiss liebe — ganz andere Hiebe versetzt![5] Da schreit ein Critiker in der St. Petersburger

---

[a] *Переправлено из: 26*

[б] *В подлиннике ошибочно*: dass

(deutschen) Zeitung Zeter und Mordio über mich und fordert alle Offiziere der deutschen Armeen auf — den Verläumder und frechen Lügner — nämlich mich — von der Oberfläche der Erde zu vertilgen![6] Ich hatte bis jetzt geglaubt, die Deutschen hätten mehr Gleichmuth und Objectivität. Da muss ich doch meine Russen loben. Glauben Sie wirklich, dass ich aus *Concession* an französische Wünsche den elenden Devrient mit seiner ganzen miserablen Theaterwirtschaft abgefertigt habe?[7] Meine letzte Novelle ist schlecht genug — aber das Beste und Wahrste in ihr sind grade diese wenigen Kniffe.

Also so liebenswürdig hat sich Kaiserin Augusta ausgedrückt. Nun "es ist doch schön von einer so grossen Dame"[8] u.s.w.

Zu Ihrem *unruhigen* Leben und zu allen sonstigen Widersprüchen und Complicationen — wünsche ich herzlich Glück. Sie müssen, wie Franz d⟨er⟩ l-te im Schilde einen Salamander führen[9]. Hier im Feuer lebt es sich recht!

Frau Viardot hat, so viel ich weiss, Ihnen vor kurzem geschrieben. Der ganzen Familie geht es gut. Ich drücke Ihnen die Hand.

Ihr I. Turgénjew.

P.S. Ist Paul Heyse noch in München?[10]

3209. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

18(30) июля 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Mardi, 30 juillet 1872.

Où êtes-vous dans ce moment, mon cher ami[1], et que devenez-vous jusqu'à l'hiver? Ecrivez-moi un mot, je vous prie. Quant à moi — voici quinze jours que je suis dans le petit trou d'où je vous écris — et je m'y trouverais parfaitement bien, n'était la maudite goutte qui me tient par la patte plus obstinément que jamais. Elle m'a happé il y a 6 semaines à Moscou — et ne me lâche pas. J'ai eu trois ou quatre rechutes, j'ai marché à l'aide de béquilles — puis avec deux cannes — avec une — et me voilà de nouveau à peu près immobile. La vieillesse est une vilaine chose — n'en déplaise à Mr Cicéron[2].

Je suis ici avec la famille Viardot — j'ai une très gentille chambre où rien ne m'empêche de travailler... mais voilà! Cela ne vient pas. Il y a de la rouille sur les ressorts.

Et Antoine — que fait-il? Donnez-moi de ses nouvelles[3].

Cet emprunt de 9, 12, 15 milliards me fait l'effet d'une grosse salve d'artillerie[4]. Vous êtes nés pour étonner le monde, vous autres diables de Français — d'une façon ou d'une autre.

Je suis grand-père depuis le 18; ma fille est accouchée d'une fille que l'on a nommée Jeanne — et que je vais aller baptiser vers la fin d'août. Je devrai passer et repasser par Paris. Si vous étiez à Croisset à cette époque, je pousserais bien jusque chez vous.

Allons — portez-vous bien et au revoir! Je vous secoue la main rudement.

Votre J. Tourguéneff.

3210. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

24 июля (5 августа) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Lundi, 5 août 1872.

Monsieur,

Je joue véritablement de malheur: après six semaines de souffrance et au moment où je pouvais croire que la goutte allait me quitter, la voilà qui me reprend au genou et me force de me remettre au lit.

Je crois bien qu'il se passera trois semaines avant que je puisse aller à Paris et vous porter le manuscrit[1]. Si pourtant vous désirez l'avoir dès à présent, je pourrais vous l'expédier avec les quelques petites notes que je me suis permis d'ajouter par-ci, par-là.

J'attends votre réponse et l'adresse de M. Franceschi, si vous avez pu vous la procurer et si vous croyez qu'il soit nécessaire que je lui écrive[2].

Des amis que j'ai consultés ici ne supposent pas qu'on puisse faire l'amputation désirée par Hetzel; mais, je le répète, vous avez là-dessus carte blanche[3].

Je vous prie d'agréer l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Iv. Tourguéneff.

3211. Н.А. КИШИНСКОМУ

27 июля (8 августа) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Четверг, $\frac{\text{8-го августа}}{\text{27-го июля}}$ 1872.

Несколько дней тому назад получил я Ваше письмо от 11-го июля, любезный Никита Алексеевич, а сегодня пришло Ваше письмо от 20-го июля[1], в котором Вы извещаете меня о продаже тамбовского имения и ситовского участка[2] — а также и березовой рощицы возле Чаплыгина. Соглашаюсь на эти продажи и замечаю только, что если Вы решились запродать чаплыгинскую рощицу[3], руководствуясь не выгодой самой цены, а мыслию, что мне теперь нужны деньги — то я пока без них очень хорошо могу обойтись, и если Вы можете выслать мне, не стесняясь, тысячи две р.с. — то и прекрасно. Если же цена *2000* р. за 17 десятин очень хорошая, о чем Вам судить лучше, тогда продавайте. Коли Порфирий упрямится, господь с ним — но хороши были бы мы, если б мы уступили ему и колодезь, как он того желал![4] Место, выбранное Вами, я вполне одобряю — а также и план[5] кажется мне вполне практичным. Дай бог окончить начатое дело благополучно!

Вы мне ничего не пишете о школе; правда, летом она действует слабо. Уж не запил ли опять учитель?

Погода и у нас здесь скверная — дожди и бури. Третьего дня приключилось большое горе: наш камердинер, прекрасный малый, утонул, купаясь в море близ самого берега.

Подагра моя не только не проходит — но даже сильнее становится. Остается одно: терпение.

Засим остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Я теперь рад, что не продал Ситово купцу; быть может, в будущем году дадут больше — а денег теперь довольно.

3212. Н.Н. РАШЕТ

29 июля (10 августа) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme (Somme).
Maison Ruhaut.
Суббота, 10-го авг. 72.

Сейчас получил Ваше письмо, любезная Наталья Николаевна, и отвечаю. Душевно радуюсь сообщенному Вами известию, отчасти мною ожиданному: сколько можно судить по двухдневному знакомству, А.Т. Велихов совершенно способен составить счастие Вашей дочери. Поздравьте и ее, и его от моего имени; Вас я также поздравляю сердечно[1].

Очень был бы я рад быть посаженным отцом милой будущей невесты; но боюсь, что не в состоянии определить с уверенностью, когда я прибуду в Петербург. Быть может, точно в ноябре; а быть может, и не раньше декабря, даже января. Я не могу взять на себя обречь Вас на подобную неизвестность и потому, хоть с сожалением, но принужден отказаться от предложенной мне чести.

Здесь всё было бы как нельзя лучше, если б не проклятая моя подагра, которая разыгралась сильнее прежнего и едва позволяет мне двигаться. Никогда она не была так упорна.

Мой парижский адресс — rue de Douai, 48.

Итак, если бог даст, до свидания в Париже — а пока будьте здоровы и веселы.

Всем Вашим кланяюсь и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3213. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1(13) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Ce 13 août 1872.

Chère Paulinette, je viens de recevoir ta lettre; je suis heureux d'apprendre que tout va bien. Ma goutte aussi fait mine de vouloir me quitter, après m'avoir tenu plus de deux mois. Je commence à marcher tout seul, comme une grande personne.

Je te prierais de choisir pour le baptême une autre époque que le 1 — au 10 septembre: ce sont les seuls jours de chasse

possibles — et je ne veux pas encore abandonner tout à fait cet espoir[1]. On pourrait baptiser la petite Jeanne soit plus tôt, soit plus tard[2]. Un jour entre le 25 et le 28 ou 30 août serait peut-être ce qui me conviendrait le plus.

Ou bien alors ce serait après le 10 septembre.

Dans tous les cas j'espère te revoir et t'embrasser bientôt — et en attendant je vous embrasse tous les trois bien tendrement.

Iv. Tourguéneff.

3214. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

3(15) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Donnerstag, d. 15 Aug. 72.

Werther Herr!

Ich erhalte eben Ihr Schreiben vom 8-ten August — und beeile mich Ihnen zu antworten[1].

Ihren Brief vom 28-ten Juni, den Sie an H-n Annenkoff dirigirten, habe Ich nicht bekommen; wahrsch Annenkoff damals schon abgereist. Ich bin bereit die Revision des 6-ten Bändchens zu übernehmen — und wünsche es sogar sehr — da die in den zwei Deutschen Zeitungen erschienenen Uebersetzungen mich wenig befriedigt haben, und Ich grade in diesen zwei Novellen die grösste Genauigkeit des Textes bewahrt sehen möchte[2]. Ich bitte Sie, mir die Correcturen nach

Paris, rue de Douai, 48

zuschicken zu wollen. Ich kehre bald dahin zurück — und solange Ich noch hier bleibe, wird mir Alles sehr pünktlich nachgesendet.

Ich habe mein Haus in Baden-Baden verkauft — und mein beständiger Wohnort ist jetzt, wie gesagt — Paris, rue de Douai, 48.

Die Correcturen werden von mir am Tage ihrer Ankunft pünktlich zurückgeschickt.

Ich verbleibe mit Hochachtung

Ihr ergebener
I. Turgénjew.

3215. НЕИЗВЕСТНЫМ

10(22) августа 1872. Сент-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme
(près de Boulogne).
d. 22 Aug. 1872.

Meine werthen Damen,

In Erwiederung auf Ihnen viel zu schmeichelhaften Brief, den Ich erst heute und hier bekommen habe, mache Ich mir das Vergnügen, Ihnen die gewünschten Blättchen zuzusenden. Zugleich erlaube Ich mir meine Photographie beizulegen[1].

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebenster
Iw. Turgenjew.

3216. ПОЛИНЕ БРЮЭР

12(24) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Ce 24 août 72.

Chère Paulinette,

Au moment où j'ai reçu ta lettre, je me demandais si je ne devais pas te faire savoir que le baptême devait être décidément remis à la mi-septembre, car j'ai eu encore une rechute! — la 6-me — et je suis loin d'être ingambe. Je regrette fort que c'est une indisposition de Mme Bruère qui occasionne ce nouveau délai — et j'espère qu'elle ne sera que passagère — mais dans tous les cas il vaut mieux attendre[1]. Cela ne m'empêchera pas d'aller te voir dès que ma goutte me le permettra — à moins que je n'y sois condamné à perpétuité.

Je suis fort heureux de voir que toi, Gaston et la petite, vous allez bien — et je vous imbrasse tous les trois. Fais mes meilleures amitiés à Mme Bruère; je t'écrirai quand je pourrai venir.

Au revoir.

J. Tourguéneff.

3217. П.В. АННЕНКОВУ

13(25) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Понедельник, 25-го авг. 72[a].

Итак, Вы в Содене, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Это местечко мне хорошо знакомо: я прожил там три недели — лет 10 тому назад — вместе с Н.Н. Толстым, покойным братом Льва Николаевича[1]. Уголок земли — "angulus terrarum", уютный и тихий. Желаю Вам наслаждаться там природой. Я ахнул, когда в предыдущем Вашем письме прочел, что Вы остановились в Westendhalle: этот вертеп известен во всей Европе — и пользуется только нелепыми птенцами, соблазненными близостью железных дорог. В этом вертепе я однажды заплатил 1 $^1/_2$ талера за кусок говядины, которую, будучи не в состоянии разжевать ее, бросил под стол! Жаль мне Вас — огрели Вас лихо.

А Вы все-таки не пишете, куда Вам выслать *сто* рублей, которые бременят мой портфель. В Соден, что ли? Долго ли Вы там останетесь — и куда оттуда?

Я ни одного Вашего письма не оставил без ответа — но во всяком случае молчание мое не могло происходить от литературной работы. Правда, я за нее принялся — но в микроскопически гомеопатических размерах. Высижу небольшой рассказец к октябрьской или ноябрьской книжке "Вестника Европы"[2].

Подагра моя только теперь меня покидает — и я вчера в первый раз надел сапог. Впрочем, живу благополучно.

О романе молодого Сальяса слышал смутные отзывы. Не знаю, что в них справедливого — но только это наверное он пишет — а не маменька. Но не курьезнейшее ли дело, что графиня Сальяс, урожденная *Кобылина*, сделалась ярой *легитимисткой*, поклонницей Генриха V-го? Псевдокатоличкой и полькой она уже стала давно. Экое тесто — это так называемая русская натура. Кобылина — и Monseigneur le comte de Chambord!!![3]

Скажу Вам на ухо, что всё, что Вы говорите о немцах и о 1871-м годе, — совершеннейшая правда, но только, смотрите, никому ни гугу![4] "Чу!" — как говаривали при Жуковском[5].

Последняя роль, в которой я видел Садовского, изобра-

---

[a] *Так в подлиннике.*

жала допившегося до чертиков купца — и он исполнял ее удивительно — уж точно au naturel[6].

Жаль его — а с другой стороны, не приходится ли повторить французскую пословицу: "Fallait pas qu'il y aille"?

Уходят, уходят современники!.. Напишите мне, где Вы будете зимой, если Вы сами это знаете. Да не забудьте о ста рублях!

Жму Вам дружески руку и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

3218. Е.И. РАГОЗИНУ

13(25) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Понедельник, 25/13 авг. 72.[a]

Любезный Евгений Иванович,

Ваше письмо было мне переслано сюда — Saint-Valery, небольшой приморский городок — и я живу здесь для ради воздуха — но постоянная моя квартира в Париже, rue de Dauai, 48 — и я скоро туда возвращаюсь. Мне было очень приятно узнать, что Вам наконец разрешили издание "Недели"[1] — и я прошу Вас высылать мне ее по парижскому адрессу. Обещание мое я непременно исполню *до* зимы; Вы можете рассчитывать на рассказ листа в полтора полных (неизданный отрывок из "Записок охотника"). Я не кончил его тогда в предчувствии, что цензура — тогдашняя — его непременно запретит; должно полагать, что, несмотря на все прелестные позднейшие нововведения, теперешняя цензура его все-таки пропустит[2].

Что касается до самих этих нововведений — то, видно, богу угодно, чтобы нынешнее поколение никакого авантажа не имело перед нашим; и мы рылись в темноте, под землей — и вам тоже, кажется, нельзя носа показать на воздух[3].

Терпение!

Подагра только на днях меня покинула; впрочем, здоровье — ничего.

Не забудьте прислать мне "Неделю" — а я жму Вам руку — и до свидания в ноябре.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Рассказ Вы получите в октябре непременно. Заглавие ему: "Русский немец и реформатор"[4].

---

[a] *Так в подлиннике.*

3219. ПОЛИНЕ БРЮЭР

15(27) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Ce 27 août 1872.

Chère Paulinette,

Je reçois ta lettre et voici à quoi je me suis arrêté et ce que je te propose: je viens à Rougemont le *10* septembre — sans faute. Si le baptême peut se faire à cette époque, tant mieux; sinon — il se fera plus tard et je reviendrai faire mon office de parrain. Mais dans tous les cas, je viens à Rougemont le 10.

En attendant je t'embrasse tendrement, ainsi que Gaston et la petite Jeanne.

J. Tourguéneff.

P.S. Mes amitiés à Mme Bruère.

3220. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

18(30) августа 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Пятница, 30 авг. 1872 г.

Любезнейший Сергей Дмитриевич!

Ваше письмо я получил здесь[1]. St-Valery — небольшой приморский город в соседстве с Аббевилем[a], где я поселился по возвращении из России — и где я намерен пробыть еще с месяц, а там на время в Париж. В конце ноября я в Петербурге.

Ваши пожелания насчет подагры, к сожалению, не оправдались. Я только дня три тому назад мог впервые надеть сапог. Эта скверная болезнь схватила меня во время моего пребывания в Москве — и около трех месяцев у меня гостила. Если б не она, я бы не мог пожаловаться на мое пребывание на святой Руси. Московская выставка была очень интересна[2].

Душевно радуюсь за Вас, что Вы теперь опять соединились с Вашим семейством. Надеюсь, что здоровье Ваше находится в удовлетворительном положении.

Р⟨ольстон⟩ мне хороший приятель и прекрасный человек. Не сомневаюсь в ласковости его приема, но боюсь, что Вы его теперь не застанете в Москве, откуда он выехал на

---

[a] *В тексте публикации ошибочно*: Аббелин

вакансию для окончания своего второго тома "⟨The Songs⟩ of the Russian people". У него нет больше ни одного экземпляра "Вешних вод"; заглянул я в переводе "Nord'a" — кажется, плох. А главное — наперевел[6] без моего разрешения, так как между Россией и Бельгией не существует литературной конвенции[3].

Завтра или послезавтра высылаю Вам десятка два-три "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей".

Засим дружески жму Вам руку ⟨и⟩ остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3221. П.В. АННЕНКОВУ

22 августа (3 сентября) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
3-го сентября 1872-го г.

Посылаю Вам при сем письме две 50-рублевые ассигнации, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — и прошу Вас известить меня о получении[1].

Если Вы останетесь в Содене до конца сентября — то мы, весьма вероятно, увидимся, ибо я должен быть в Баден-Бадене около 25-го и останусь там несколько дней. От Бадена до Франкфурта 4 часа езды — и либо я к Вам прикачу, либо Вы завернете. Во всяком случае мы спишемся.

Прочту Вам тогда мою безделку[2]. Радуюсь тому, что Вы со всеми Вашими хорошо поживаете; проклятая подагра всё еще не совсем меня оставила.

В трувильской глупейшей истории русские были, как говорится, с бока припека; впрочем, она носит совершенно славянский характер — и г. де Валлон достоин быть петербуржцем[3].

Не сомневаюсь в том, что наши любезные радикалы до безобразия накуролесили в своих публикациях; но присутствие М.Н. Лонгинова, автора "Попа Пихатия", в главе нашей прессы не способно внушить мне много доверия[4].

Я остаюсь здесь еще две недели: там отправляюсь сперва в Париж, потом на крестины моей внучки к моей

---

[6] *Так в тексте публикации.*

дочери, потом дня два погощу у Жорж Занд — а там в Баден.

Будьте здоровы и до свиданья. Кланяюсь всем.

Ваш Ив. Тургенев.

3222. ПОЛИНЕ БРЮЭР

25 августа (6 сентября) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Ce 6 septembre 72.

Chère Paulinette,

Les nouvelles que tu donnes de la santé de Madame Bruère sont fort inquiétantes — et je vois bien que le baptême doit être remis. Aussi voici ce que je te propose: je viens dans tous les cas et quoi qu'il arrive — le *24* de ce mois à Rougemont — pour y rester deux jours. Si le baptême peut se faire à cette époque — tant mieux; sinon — eh bien! je passerai quelque temps avec toi, je ferai la connaissance de ma petite Jeanne — et je reviendrai plus tard pour remplir mon devoir de parrain. Peut-être pourrait-on *ondoyer* l'enfant dès à présent[1] mais c'est à toi et à Gaston de voir ce qu'il y a à faire. Ce qui est positif — c'est que je serai à Rougemont le *24*; tu *peux absolument compter là-dessus.*

D'ici là porte-toi bien; je vous embrasse tous les trois.

J. Tourguéneff.

3223. К.Д. КАВЕЛИНУ

26 августа (7 сентября) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
$\frac{\text{7-го сентября}}{\text{26-го августа}}$ 1872.

Пишу Вам, любезный Кавелин, хотя и не знаю, найдет ли Вас мое письмо в Петербурге; но всё равно, зима приближается — и Вы, вероятно, скоро вернетесь в свое васильеостровское гнездо[1]. Про себя скажу Вам в двух словах следующее: с тех пор как я вернулся из России, я посе-

лился здесь в доме моих приятелей Виардо (St-Valery — небольшой приморский городок недалеко от Трепора) — и почти всё время провел в муках подагры, которая напала на меня в Москве три месяца тому назад — да вот до сих пор надо мной потешается. Если это будет повторяться каждый год в таких размерах — то, надо сознаться, жизнь примет приятный колоритец.

Недели через три я возвращаюсь в Париж — а в конце ноября, deo volente, буду в Петербурге.

Вы, вероятно, полагаете, что я забыл Ваше поручение — и никаких мероприятий насчет перевода "Психологии" в ход не пустил. Напрасно Вы бы так думали: я и словесно объяснялся с Ю. Шмидтом в Берлине, и письменно — но, к сожалению, никаких результатов мы с ним не достигли. Ни один издатель не хочет взять на себя труда перевода — даже ни один не желает печатать готовый перевод на свой счет и предлагая только имя своей фирмы (т.е. не ставя унизительного: in Selbstverlage des Autors) — [a]каждый воображает, что оказывает благодеяние! Да и в самом деле: возможно ли, по их понятиям, в теперешнее время издавать в Германии философскую книгу да еще русского сочинителя![2] Философ Гартман только потому и имеет успех, что всякую философию отрицает[3]. И потому, любезный друг, если Вы хотите рискнуть, сделавши перевод, напечатать его на свои деньги, я Вам могу предложить свое — как видите — весьма бедное посредничество.

Очень было бы приятно узнать, что Вы поделываете — и как живет Софья Константиновна[4], которой прошу передать мой самый дружеский поклон. Я по милости подагры почти не работал; в октябрьской или ноябрьской книжке "Вестника Европы" появится, однако, небольшой мой рассказ, озаглавленный "Конец Чертопханова" (из "Записок охотника")[5].

Мой адресс: Paris, rue de Douai, 48.

Дружески жму вам всем трем[6] руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: вооб⟨ражает⟩

3224. Н.А. КИШИНСКОМУ

27 августа (8 сентября) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
8-го сентября / 27-го августа 1872.

Любезный Никита Алексеевич,

Вчера пришел вексель от Ахенбаха на 2000 р. — а сегодня я получил Ваше письмо[1]. Сообщаемые Вами известия свойства печального; особенно беспокоит меня холера, появившаяся в наших краях[2]. Прошу Вас быть осторожным — и беречь себя. Надеюсь, что с приближением холодной погоды эта безобразная болезнь ослабнет. Прошу Вас также уведомить меня, сколько именно людей она унесла в Спасском.

Как только небо несколько очистится от этой грозы, Вы не оставите заняться больницей — т.е. богадельней.

Подагра моя всё не проходит; дней пять тому назад я промучился целых 24 часа с припадком — по счету девятым.

У меня не внук родился, а внучка. Я недели через три возвращаюсь в Париж.

Будьте здоровы и не унывайте.

Доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

3225. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 августа (8 сентября) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
8-го сентября / 27-го августа 1872.

Любезнейший Михаил Матвеевич, "Конец Чертопханова" кончен и переписан — и если я до сих пор Вам его не отослал[a], то виною этому следующее обстоятельство: я по делам через две недели отправляюсь в Баден-Баден, где пробуду несколько дней и где у меня назначено свидание с

[a] *Было*: отправил

П.В. Анненковым, находящимся теперь в Содене, возле Франкфурта: я желаю ему прочесть мою штуку перед отправлением и в случае нужды сделать кое-какие поправки, так как я до сих пор это всегда делал. Но в первых числах *нашего* октября — т.е. в последних *вашего* сентября, рукопись во всяком случае будет в Ваших руках — на это Вы можете рассчитывать с совершенной уверенностью.

Вы из этого можете заключить, что беллетристическая часть Вашей ноябрьской книжки обеспечена — и я буду очень рад обновить своим "Чертопхановым" деятельность затеянной Вами типографии[1], которой желаю всевозможных успехов и которую непременно осмотрю, как только прибуду в Петербург.

А совершится это прибытие в течение ноября — и я имею твердую надежду, что привезу с собою другую штуку для помещения в январской книжке, если никаких не встретится к тому препятствий[2].

Живется мне здесь порядочно — только гнусная подагра все не хочет меня покинуть: вот уже 4-й месяц, как она продолжается, недавно был у меня *десятый* припадок — и я всё без ног.

Засим при пожелании Вам всего хорошего крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Статья Пыпина о переписке А.И. Тургенева вышла очень интересной[3]; по возвращении в Париж я надеюсь привести в ясность остальные бумаги Николая Ивановича.

3226. СОФИИ ДЕ ГУБЕРНАТИС

31 августа (12 сентября) 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Ce 12 septembre 1872.

Madame,

Je viens bien tard vous remercier pour les deux numéros de la "Rivista Europea" que vous avez eu la bonté de m'envoyer et qui contiennent les premiers chapitres des "Eaux printanières"; mais ces deux numéros ne me sont parvenus que tout récemment[1].

Autant que je puis en juger, votre traduction est excel-

lente, et ce ne sera pas votre faute si ma nouvelle ne reçoit pas un accueil bienveillant du public italien.

J'ai parcouru les autres articles contenus dans les deux numéros, et j'ai pu me convaincre que la "Rivista" est une publication très distinguée où je me trouve honoré de prendre place, sous les auspices d'interprète tel que vous.

Agréez, Madame, l'expression de ma parfaite considération.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

P.S. Mon adresse permanente est: Paris, 48, rue de Douai.

3227. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

2(14) сентября 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

St-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
d. 14. September 1872.

Also in Russland, in Moskau gewesen[1] und die Sphynx in der Ermitage[2] gesehen, carissime Pietsch! Es freut mich sehr, dass Ihnen meine Sphynx gefallen hat. Sie werden wohl über Ihre Reise einige Feuilletons in der "Vossischen" schreiben: es wäre recht hübsch von Ihnen — mir sie[a] zu schicken[3]. Thuen Sie es doch!

Ich bleibe hier bis zum 23-ten d⟨ieses⟩ M⟨onats⟩. Dann geh'ich zu meiner Tochter[б]; meine Enkelin zu taufen, dann nach Nohant, G. Sand's Landsitz auf ein paar Tage[4], dann nach Baden-Baden auf 4 bis 5 Tage — um alle meine Sachen in Ordnung zu bringen — dann zurück nach Paris, wo ich vom 10-ten October an bis Ende November bleiben werde. Dann hoff'ich nach Petersburg gehen zu können — et ce serait le diable, wie die Franzosen sagen — wenn ich Sie nicht endlich treffen würde.

Meine vermaledeite Gicht lässt mich noch immer nicht los — ich habe heftige Rückfälle gehabt — auch jetzt noch muss ich in Pantoffeln herumlaufen. O Don Juan! Don Juan! (*Sie* meine ich nämlich) das Altwerden ist ein hässliches Ding. Davon wissen Sie glücklicherweise noch nichts und fahren fort die schönsten Blumen⟨...⟩

---

[a] *Было*: einige

[б] *Далее зачеркнуто*: dann nach

3228. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

2(14) сентября 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
14/2-го сентября 1872.

Любезный брат, пишу тебе всё еще из моего приморского городка, который я, впрочем, скоро оставляю. (Мой адресс отныне опять: rue de Douai, 48). Представь себе , что моя подагра всё меня не оставляет и по временам даже сильно мучит! Никогда не было у меня такого продолжительного припадка. Чуть ли не хочет эта болезнь сделаться у меня хронической.

18/6-го июля у моей дочери родилась дочка, а мне внучка, которой дали имя Jeanne. Я на днях еду крестить ее.

Из твоего письма я вижу, что ты всё еще не решился, что с собой ⟨начать?⟩ Я по-прежнему тебе советую приехать в течение зимы в Париж. Поживешь — увидишь, понравится ли тебе.

Из деревни я получаю неутешительные известия. Урожай плох, в Спасском холера и т.д. Le séjour là-bas n'est pas précisément ce qu'il y a de plus séduisant. Отказ Порфирия я предвидел — впрочем, богадельне еще приличнее быть на выбранном тобою с Кишинским месте[1].

Картину Богатова прошу хранить у себя, пока я распоряжусь высылкой[2]. Я полагаю, что все работы в доме твоем теперь давно окончены.

Пишу тебе по московскому адрессу, хотя и не знаю наверное, где ты находишься. Но, вероятно, ты распорядился пересылкою писем.

Семейство Виардо тебе кланяется и благодарит за память.

Засим обнимаю тебя и говорю: до свидания!

Твой любящий брат
Ив. Тургенев.

3229. С.Д. ПОЛТОРАЦКОМУ

3(15) сентября 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
15(3) сент. 1872 г.

Любезный Сергей Дмитриевич!

Я получил Ваше письмо — и имею Вам сказать следующее: я Вам могу выслать двенадцать фунтов стерл. — только не теперь и не отсюда — а из Парижа, куда я прибуду

24-го сент⟨ября⟩. Надеюсь, что Вы можете вытерпеть эту отсрочку; иначе я при всем желании поступить не могу. Полагаю, что через десять дней Вы всё еще будете в Лондоне и под тем же адресом.

Пук "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей" Вы уже, вероятно, получили.

Мое здоровье было бы недурно, если бы не гнусная подагра, которая никак не хочет от меня отвязаться.

Жму Вам дружески руку и кланяюсь.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3230. ПОЛИНЕ БРЮЭР

4(16) сентября 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Ce 16 septembre 1872.

Chère Paulinette,

Je commence à être un peu inquiet de ton silence: il ne s'est rien passé de fâcheux, j'espère? Ecris-moi deux mots. Quant à moi, je pars d'ici, comme je te l'ai annoncé, le 23 — et le 24 je suis à Rougemont.

En attendant je vous embrasse tous.

Iv. Tourguéneff.

3231. А.Ф. ОНЕГИНУ

7(19) сентября 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
19-го сент. 1872.

Если Вы точно до 1-го октября остаетесь в Париже, любезный друг, то я непременно Вас увижу — ибо выезжаю отсюда в воскресение, 22-го числа, и до вторника остаюсь в Париже. Мы бы могли вместе пообедать в воскресение — и потому приходите в этот день к 6 часам в rue de Douai, 48. До свидания. Жму Вам дружески руку.

Ваш Ив. Тургенев.

На конверте:

Monsieur A. Onéguine.
Paris.
Hôtel de Calais.
Rue Neuve des Capucins.

3232. А.Ф. ОНЕГИНУ

9(21) сентября 1872. Сен-Валери-сюр-Сомм

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut.
Суббота, 21-го сент. 1872.

Любезный Онегин, я полагаю, что завтра после обеда можно пойти в театр — если Вы еще не видели "Réveillon"[1] в Пале-Рояле — возьмите, пожалуйста, два хороших места — говорят, это забавно. Или в "Tour du Cadran"[2] в "Variétés". Но только не "Timbale d'argent"[3] — я ее видел и не желаю видеть ее вторично.

Во всяком случае до свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

2858. Чарльзу Дильку (с. 7)

С английского:

Г-н И. Тургенев благодарит сэра Ч.У. Дилька и с удовольствием принимает его приглашение на вторник, 17-е[1].

Бентинк стрит, 4.
Манчестер сквер.
Суббота, 14-го янв.

На обороте:

Сэру Чарльзу У. Дильку.
Слоун Стрит, 76. Ю.З.

2859. Джордж Элиот (с. 7)

С французского:

Бентинк Стрит, 4,
Манчестер сквер.
Понедельник, 16 янв. 71.

Дорогая госпожа Льюис,

Я задержался с посылкой вам моей книги, потому что надеялся найти лучший перевод; поскольку мне это не удалось — посылаю вам этот — (весьма неудачно озаглавленный "Записки русского *барина*" — вместо "Записок охотника")[1] — и вверяю себя вашей снисходительности. Надеюсь иметь удовольствие повидаться с вами в ближайшее воскресенье, до моего отъезда из Англии[2] — а пока прошу вас принять уверение в моих наилучших чувствах.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

P.S. Сердечный привет от меня г-ну Льюису.

2860. Бернгарду Эриху Бере (с. 8)

С немецкого:

Бентинк стрит, 4.
Манчестер сквер.
Лондон.
Вторник, 5/17 января 1871.

Милостивый государь!

Только что я получил Ваше письмо от 27 дек⟨абря⟩ / 8 ян⟨варя⟩ из Риги, которое Вы переслали господину Анненкову[1]. "Король Лир" — действительно моя новая повесть, появившаяся в *октябрьской* книжке "Вестника Европы" в С.-Петербурге. В самый день его публикации я получил в Баден-Бадене от редакции "Nordische Presse" телеграмму с вопросом, не могу ли я дать авторизацию для напечатания в фельетоне "N⟨ordischen⟩ P⟨resse⟩" перевода этой повести — что я и сделал, поскольку не допускал мысли, что *Вы* по нынешним временам станете этим сму-

щаться. Стилистически перевод получился неплохо — хотя не обошлось без множества грубых промахов ("свидетели" — "понятые", приглашаемые из крестьян, были переиначены в деревенских чиновников и т.д. и т.д.). Неизвестный мне господин переводчик знает русский язык именно так, как знают язык мертвый — и имеет весьма дурное обыкновение, встречая тёмные места, действовать наобум. В русский текст ("Вестника Европы") вкрались некоторые досадные опечатки — но я могу распорядиться, чтобы Вам прислали из Петербурга исправленный мною отдельный оттиск[2]. Я выезжаю — в конце этого месяца в Россию и около месяца проведу в Петербурге. Не знаю еще, где я буду жить — мой адрес у г-на Анненкова.

Поскольку Вам хочется скорее узнать о моих делах, спешу сообщить, что в *январской* книжке "Вестника Европы" за 1871 год должен появиться[а] мой небольшой рассказ под названием "Стук, стук, стук"[б] — "Tap, tap, tap"[в] по-немецки, который, однако, как мне кажется, не представляет особенной ценности для Вашего издания моих сочинений[3].

Примите уверение в моем глубоком уважении.

И. Тургенев.

2862. Полине Брюэр (с. 9)

С французского:

Лондон.
Бентинк стрит, 4. Манчестер сквер.
2 февраля 1871.

Дорогая Полинетта,

Сразу после получения твоего письма[1] я отправился к г-ну Дево[2] и изложил ему наше дело: он мне ответил, что квитанция на 60 фунтов стерлингов действительно на какое-то время затерялась — *но что он телеграфировал г-ну Нодену в Нант, и ты, должно быть, получила деньги.* Это кажется мне подозрительным — и, пока ты не подтвердишь их получения, я не решусь доверить ему те 1000 фр., о которых я тебе писал. Но так как я должен уехать из Лондона самое позднее через 4—5 дней, я не смогу уже получить здесь твое письмо. Поэтому вот что я сделаю. Я оставлю деньги — 1000 франков — *у г-на Виардо* — ты напишешь ему (Девоншир плейс, 30, Портленд плейс) и объяснишь, как и на чье имя положить или выслать эти деньги. Он немедленно выполнит твое поручение.

Мне же пиши по следующему адресу:
Г-ну Павлу Анненкову.
С.-Петербург, Итальянская улица, дом Овсянникова.
Для вручения г-ну И. Тургеневу.

Я напишу тебе, как только приеду.

Что касается новой просьбы, которая исходит от г-на Брюэра, то она совершенно невыполнима. Я послал в Берлин оба письма, о которых шла речь, еще прежде, чем стало известно, где находится пленник. Но о том, чтобы отправить его во Францию, когда пруссаки и так уже упрекают

[а] *Было*: появился
[б] *Далее зачеркнуто слово.*
[в] *Далее зачеркнуто слово.*

французов в том, что многие из них не держат своего слова, нечего и думать. Впрочем, поскольку блеснула надежда на возможность окончания войны, теперь это, по-видимому, не так срочно.

Будьте здоровы оба. Это самое главное — всё остальное может устроиться. Целую тебя и Гастона. До свиданья, может быть, в конце апреля!

И. Тургенев.

2863. Валентине Делессер (с. 10)

С французского:

Лондон.
Бентинк стрит, 4. Манчестер сквер.
2 февраля 1871.

Сударыня,

Пишу вам, едва лишь представилась к этому возможность. Нет нужды говорить вам, как много и с каким горестным сочувствием я думал о вас. В ответ напишите мне хотя бы два слова — о себе, о вашем семействе. Я накануне отъезда в Россию. Но ваше письмецо еще застало бы меня здесь. В Париж я приеду к концу апреля. Надеюсь, что к этому времени у нас уже будет мир, и мы сможем поговорить об этих ужасных "tempi passati"[a, 1]. Вероятно, вам придется писать множество писем — но я прошу всего лишь два слова.

А пока нежно целую вам руки и прошу принять уверение в моей неизменной вам преданности.

Ив. Тургенев.

2866. Вильяму Рольстону (с. 12)

С английского:

Бентинк стрит, 4.
Манчестер сквер.
Среда.

Мой дорогой друг,

книга Максимовича-Амбодика была опубликована, сколько помню, в самом начале этого века. Вполне возможно, что это лишь перепечатка в сокращенном виде другой книги, опубликованной "sub auspiciis"[a] — Петра Великого, которой я никогда не видал. Я охотно привезу книгу Максимовича из Спасского и предложу ее сэру В. Максвеллу для пополнения его коллекции: для меня она не представляет особой ценности[1].

Я остаюсь здесь до утра пятницы — так что у вас есть еще время сообщить мне о результатах вчерашних выборов[2].

Преданный вам
И. Тургенев[3].

---

[a] "минувших временах" (*итал.*).

[a] "по воле" (*лат.*).

2868. Полине Виардо (с. 13)

С французского:

№ 1

Кёльн.
Гостиница "Дом".
Суббота, 18 февраля 1871.
Полночь.

"Ecco mi al fine in Babi... Co-lonia"[а, 1], theuerste Freundinn[б]. Все прошло как по маслу — море было божественное! Я нашел Кёльн — и гостиницу ужасающе многолюдными; сейчас в знакомой вам большой зале поют патриотические песни. Кёльнер только что сообщил мне, что *множество* солдат прибывает ежечасно из Берлина, из глубин Германии — в одном только Кёльне их более 20000 и более 100000 между Кёльном и Майнцем. Здесь считают, что французы не примут условий Бисмарка, и готовятся к окончательному их разгрому[2]. Откуда взялась эта орда? На вокзале я видел множество солдат, спящих на тюфяках, сидящих, стоящих — все они дюжие, откормленные, кровь с молоком, словно кровь французов, которую они собираются пролить, заранее окрашивает им щеки... На это страшно смотреть, уверяю вас. Один немец, с которым я ехал, сказал мне: "Vor lauter Sieg gehen wir zu Grunde — aber wenn die Franzosen den Krieg fortsetzen willen... Gott sei Ihnen gnädig! Frankreich wird ausgerottet!"[в] Говорят, что Бисмарк назначил на *24* февраля конец перемирия, чтобы именно *в этот день* вступить в Париж... Это на него похоже[3].

Я отправляюсь отсюда в 9 ч. и приезжаю в Баден-Баден вечером в 8 1/2 ч. Разумеется, я тотчас же вам напишу.

Точно также разумеется, что я очень часто думал о вас и обо всем милом доме на Девонширской площади[4]. Сейчас вы уже, должно быть, вернулись с вашего вечера. Я уверен, что вы пели очень хорошо[5]. Вы ведь получили мою телеграмму из Остенде[6], не правда ли?

До завтра; я ложусь спать. Ich küsse ihre lieben, lieben Hände[г]. Целую Диди, Марианну, Поля — тысяча приветов Виардо, Мануэлю; der alte treue,

der Ihrige[д]
И.Т.

2869. Полине Виардо (с. 14)

С французского:

№ 2

Баден-Баден,
Тиргартенштрассе, 3.
Понедельник, 20 фев. 71.

Сегодня утром только словечко, theuerste Freundinn[а], чтобы сообщить вам, что я прибыл вчера очень поздно вечером целым и невредимым, что нашел м-ль Берту лежащей в постели с сильным катаром — по-

---

[а] "Вот я, наконец, в Вави... Кёльнии" (*итал.*).

[б] самый дорогой друг (*нем.*).

[в] От сплошных побед мы погибаем — но если французы вздумают продолжать войну... пусть бог смилуется над ними! Франция будет уничтожена" (*нем.*).

[г] Целую ваши дорогие, дорогие руки (*нем.*).

[д] Ваш старый, верный (*нем.*).

[а] самый дорогой друг (*нем.*).

началу у нее вовсе не было голоса; чуть позже — когда она не обращала на это внимание, он был подобен грому; Жана и Розину — в целости и сохранности[1], такими же — Юлиуса, Хайтера[2] и т.д.; Минмин — очень грязной и меланхоличной: похоже, что она чувствует себя плоховато[3], Пэгаза[4] — толстого и милого, но страдающего недугом, который не позволяет держать его в доме — в комнате (у него, бедняги, совсем разболтался краник (прошу прощения!)); Кору[5] — великолепной; дом № 1 — выстуженным и потерявшим вид, № 2 — получше[6]. У меня на шее миллион дел и я, довольно сносно выспавшись и приняв ванну, пускаюсь в сумасшедшие бега по Баден-Бадену. Буш уже приехал. Но обо всем этом попозже — сегодня же. Завтра я уезжаю.

Итак, до вечера — тогда 4 страницы ин-фолио[7] — а пока тысяча приветов всем. Ich küsse zärtlich Ihre liebe Hände. Mit ewiger Treue.

Der Ihrige[б]
И.Т.

2870. Полине Виардо (с. 15)

С французского:

№ 2[а]

Баден-Баден,
Тиргартенштрассе, 3.
Понедельник, 20 февраля 1871. — Полночь.

Я только что написал длинное деловое письмо Виардо[1], theuerste Freundinn[б]. Вероятно, он вам его прочтет, и вы вместе решите, что следует делать. Нельзя не приехать в Баден-Баден в июле и августе, пусть для того, чтобы иметь возможность никогда потом туда не возвращаться. Часть дня я провел с м-ль Бертой в жарко натопленной комнате — закутанная во всевозможные шерстяные одежки, вся вспотевшая, она не кашлянула ни одного раза, но самым жалким образом причитала над собой, над своими *бедными* ногами, над своими *бедными* руками, над своими *бедными* тапочками, выражая сильнейшее недовольство доктором. С неделю при ней была сестра (милосердия), которая, по словам Розины, ушла от нее, объявив, что ее дело ухаживать за больными, а не беседовать со здоровыми. Хайлигенталь (которого сейчас здесь нет) считает, что лихорадки у нее не было вовсе. Но что касается скуки, то скучала она, должно быть, изрядно!

Представьте себе, я получил письмо от г-жи Вуалье, которая просит меня пожить в моем доме, в двух или трех комнатах — всего-то! в течение нескольких *месяцев*! Эта гузка в образе женщины пристала ко мне даже на улице: я сказал, что отвечу ей письменно и сделал это — не стеняясь в выражениях[2].

Сады не изменились, но всё еще очень молодо и голо; я не видел ни уток, ни павлинов, ни кур; надеюсь, что все это еще существует. Тиргартен немного напоминает мне приговоренного к смерти: поскольку у вас на него больше видов нет, я проявляю к нему лишь умеренный интерес. И все же нам здесь было неплохо[3].

"Болезнь" м-ль Берты помешала ей уложить коробку, которую, впрочем, по ее словам, и не удалось бы отправить ввиду ужасных холодов. Я и

[б] Нежно целую ваши дорогие руки. Верный навеки. Ваш (*нем.*).

[а] Так в подлиннике, в действительности это № 3, см. № 2869.

[б] самый дорогой друг (*нем.*).

в самом деле видел огромные глыбы льда вдоль берегов Рейна. Я посоветовал ей не забыть о халате Виардо, когда она наконец будет собирать коробку. Но я полагаю, что она (м-ль Берта, а не коробка) долго еще будет лежать томно распростертой на постели, с лицом одновременно пылающим и бледным и лбом, треугольная вершина которого вот-вот пробьет потолок и заденет звезды.

Я в своей спальне и сам себе кажусь призраком. Как, я — во плоти и крови — здесь, а не на Девонширской площади[4]? Я верно выразился: "во плоти и крови", ибо что касается души, то я знаю, где она находится. Все время — я повторяю про себя: что они делают в Лондоне? Закрываю глаза и вижу вас, вижу Диди, Марианну, Виардо, Поля — еще немного и я услышу ваши голоса... — Вчера около 2 часов я представил себе Поля, играющего перед Иоахимом[5]... потом обед у Чорли... Сегодня вечером вы, наверное, дома, и к вам пришел Мануэль[6]. Кажется, Поль — пока был здесь — в последнее время — не вылезал от Дёрров; он шатался по городу с утра до ночи: эти привычки слоняться без дела опасны — особенно в его случае. М-ль Берта говорила об этом со священным ужасом... она дошла до того, что сказала, будто было бы лучше отправить его обратно к г-ну Коссману[7]!!

Перед домом Дюпрессуара[8], в двух шагах от театра, теперь находится великолепный фонтан; но все равно — Баден-Баден кажется мне тяжело больным. Тем не менее, строительство продолжается.

Дует яростный ветер... Хорошо, что он не начался раньше.

Сегодня Минмин была в меньшей меланхолии[9]; боюсь, однако, как бы атмосфера, в которой она жила, не сказалась на ней.

Боги! До чего же архивульгарнейшая женщина эта г-жа Роберт Таль! Сам он, как всегда, добр и мил.

Было еще одно письмо, посланное с помощью воздушного шара, от двух ваших маленьких работниц из Парижа; но м-ль Берта не отослала его, сочтя слишком незначительным. Оно пришло вскрытым.

Послезавтра утром я напишу вам из Берлина[10]. Рихард Поль написал целую брошюру о своей жене[11] — я обнаружил ее на своем столе. Он в Баден-Бадене и, как будто, не собирается его покидать. Г-жа Жанна Поль была милым существом... но целую брошюру!.. В ней он говорит о вас с признательностью.

Ах! Как бы я хотел уже вернуться! И как плохо я себя чувствую на свободе, вдали от вас, опустошенным, ничтожным, бесполезным — совсем не самим собой!

Итак... надобно заканчивать это бессвязное письмо... Из Берлина я напишу также и малышкам... не таким уж и маленьким[12]. А пока я целую их, равно как и Поля.

Ich denke ewig und beständig an Sie und bin bis zu meinem Tode, in unwandelbare Treue.

Der Ihrige[в]
И.Т.

P.S. Я не нашел "Слишком много жен", но зато откопал в своих бумагах набросок второго действия и роль Пинуфа; это позволит восстановить все полностью[13].

[в] Я вечно и непрестанно думаю о вас и останусь непоколебимо верным вам до самой смерти. Ваш (*нем.*).

2871. Полине Виардо (с. 17)

С французского:

№ 4

Берлин.
Гостиница "С.-Петербург".
Среда, 22 февраля 1871.

Theuerste Freundinn[а], итак, я здесь уже 2 часа. Программу выполнил в точности и через Германию промчался, "как молния"[1]. Сегодня вечером отправляюсь в П⟨етер⟩бург, а послезавтра — si Dios quiere[б] — обедаю у Анненковых. Вчера перед отъездом я обнял м-ль Берту, уже лежавшую в постели (Es giebt noch Helden... and still I was not happy!)[в], еще раз успокоил Жана[2], сделал все необходимые распоряжения, уплатил мелкие долги (скажите Виардо, что он мне должен *122* флорина — 50 фл. я уплатил мелких долгов и 72 фл. жалованья Жану, и все это вручил м-ль Берте) — и простился с Баден-Баденом. Постараюсь вернуться туда только с вами в июле или в августе, но, если б это оказалось очень уж необходимым, я бы снова сделал этот крюк[3]. Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить.

С моей стороны было очень глупо, что я не попросил вас написать мне сюда, в гостиницу: я как раз успел бы получить здесь это письмо; надеюсь, что оно будет ждать меня у старины Анненкова. Завтра и послезавтра два ваших концерта; послезавтра, когда вы будете одеваться, чтобы туда ехать, в 6 1/2 ч., я буду въезжать в П⟨етер⟩бург. Думайте обо мне, а я буду думать о вас и об арии царицы Савской[4]. Но до чего же я глуп! Ведь это письмо вы, вероятно, получите *после* концерта!

В Берлине невероятно грязно — вдоль улиц огромные кучи *черного* снега и льда. Никогда еще не бывало здесь столько снега, как нынешней зимой; сообщение с Россией было прервано на целых три дня; но теперь оно восстановлено.

Я очень сожалею — очень! — что дал Виардо убедить себя взять обратно 28 ф.ст., которые представляли собой доход Диди. Положительно, это не имело смысла. В тысячу раз лучше было бы употребить эти деньги — на уроки Диди и, в особенности, *Марианны.* Диди могла бы сделать ей этот маленький подарок. Меня очень волнует, что у Марианны нет учителя музыки и что она не может, таким образом, использовать тех замечательных способностей, которыми наделила ее природа. Хороший учитель, действуя на ее самолюбие, заставил бы ее

1) гораздо больше упражняться;
2) выучиться играть наизусть;
3) придать законченность своей игре.

Прошу вас, theuerste Freundinn[г], подумайте об этом. Я надеюсь привезти из России достаточно денег, чтобы пополнить приданое Диди[5]: это составит что-то около 5 1/2 или даже 6 тысяч фр. ренты: какое же лучшее употребление она могла бы сделать из них до выхода замуж? Итак, скорее, скорее берите учителя для Марианны — и для Диди тоже, если сыщется подходящий. Кстати, Жером видел копию Веласкеса[6]?

[а] Самый дорогой друг (*нем.*).
[б] если бог даст (*исп.*).
[в] Есть еще герои... и все же я не был счастлив! (*нем., англ.*).
[г] самый дорогой друг (*нем.*).

Напишите мне, что поделывает Поль и как привыкает к новой жизни[7].

По приезде в Петербург я напишу всем обитателям № 30[8]. Рассказывать придется, вероятно, о многом.

Сожалею, что не могу вам послать уменьшенного снимка с огромной фотографии, изображающей короля Вильгельма в костюме Карла Великого[9]... Qué mamarracho[д]!

Я побываю у Эккертов — но и только.

А теперь позвольте обнять вас всех, начиная с Виардо.

Я буду счастлив лишь тогда, когда вновь вас увижу. Tausend Küsse ihren lieben, lieben Händen. Auf ewig

Der Ihrige[е] И.Т.

2872. Юлиану Шмидту (с. 19)

С немецкого:

Гостиница "С.-Петербург".
Среда, 22 фев. 1871.
9 ч. вечера.

Не сердитесь на меня, милый мой Шмидт — я провел в Берлине целый день, но так и не смог повидать Вас. Приехал сегодня, очень рано, после чудовищной ночи и проспал целое утро, а после завтрака попал к друзьям, которые никак меня не хотели отпускать — и я так и не смог от них вырваться[1] — Вы ведь знаете, какой у меня сильный характер — освободился только за час до моего отъезда в Россию. — Но в начале апреля я уже вернусь, и тогда, черт побери, я не я буду, коли не удастся мне выпить с моим старым другом Шмидтом по чашечке крепкого кофе, да не наговориться всласть! Итак — всего доброго и еще раз — не сердитесь!

Кланяйтесь Вашей милой жене — а Вам сердечно жму руку.

Ваш Ив. Тургенев.

2873. Полине Виардо (с. 20)

С французского:

№ 5

Вержболово.
Четверг, 23 февраля 1871.

Вы, вероятно, спросите себя, theuerste Freundinn[а]: черт возьми, откуда это он мне пишет? "Wi-e-r-z-bolowo" — это более или менее польское, другими словами, немыслимое название *первой* русской железнодорожной станции — возле самой границы. Выехав вчера вечером из Берлина, мы задержались в пути и опоздали на поезд — из-за налипшего на рельсы снега и страшной метели, которые препятствовали нашему продвижению вперед. И вот теперь волей-неволей придется сидеть здесь до завтрашнего утра, а там как Бог даст. Впрочем, здесь не так уж плохо: к величайшему своему удивлению я нашел весьма чистенькую комнатку, где и

[д] Какая рожа! (*исп.*).

[е] Тысячи поцелуев вашим дорогим, любимым рукам. Навеки Ваш (*нем.*).

[а] самый дорогой друг (*нем.*).

разместился с одним долговязым немцем, постели тоже безупречно чистые. Ну и ну, Россия цивилизуется.

Расскажу вам в двух словах о том, что я делал в Берлине. Я отправился к Эккертам, которые при виде меня испустили радостный крик. Кати поцеловала меня двадцать раз кряду. Тут же заговорили о вас, посыпалось множество нежных упреков за то, что вы не пишете — а м-ль Астен написали, и она этим хвастается, что, между прочим, разбило сердце м-ль Бранд: вполне очевидно, что в этом доме вас любят. Мне пришлось рассказывать милльон подробностей, и т.д. и т.д. Здесь стало известно о ваших крайне антипрусских настроениях, и, по словам г-жи Эккерт, об этом трубят повсюду три особы — графиня Флеминг, м-ль фон Астен и м-ль Мурьян. Эккерты, разумеется, очень сожалеют, что вы стали такой[1], и т.д. и т.д. Потом г-жа Эккерт насильно потащила меня к г-же фон Хюльсен (жене директора)[2]; это была чашечка кофе на немецкий лад. Г-жа фон Х. оказалась (только никому не говорите) такой поклонницей моих литературных достоинств, что я не знал куда глаза девать.

Народу было много: м-ль Бранд, не такая безобразная, как обычно, но, как всегда, пылающая чувствами к вам; г-жа Харриенвипперн и г-жа Фоггенхубер. Последние спели дуэт из "Женитьбы Фигаро"[3]; у г-жи Харриен осталось еще кое-что от великолепного голоса. М-ль Бранд исполнила песни — хорошо, но порой вскрикивая, как павлин. Драматизм нужен, но в меру. Потом я зашел в театр, где давали вечную "Миньону". Г-жа Лукка к тому времени уже спела свой романс[4]. Мне она не понравилась, и слишком холодна, и слишком "commonplace"[б] в игре. В этой роли я предпочитаю ей м-ль Нильсон. Остальные, в особенности Вово, были отвратительны. Я оказался сидящим перед г-ном Гайаром, и вы можете себе представить, сколько мы с ним болтали. Ему пришлось — да и сейчас приходится очень круто; но он несколько раз повторил мне, что королева была единственной *подходящей* личностью, что она ни на минуту не изменила себе, что успех не вскружил ей голову, что в душе она глубоко опечалена. Гайар с неподдельным интересом расспрашивал меня о вас.

Напишите Эккертам и м-ль Бранд; они на самом деле очень вас любят.

В Берлине уже не сомневаются относительно заключения мира[5], и Эккерту уже заказана кантата по случаю возвращения короля и армии[6].

"Миньону" я не дослушал до конца и в 11 ч. был уже на пути к дому. Сегодня весь день у меня в голове вертелся сюжет моей новой безделицы, и я полагаю, что дело пойдет на лад[7].

В 7, 8, 9, 10 часов я думал о вас с удвоенной "Innigkeit"[в]. Я видел вас стоящей перед публикой. Будем надеяться, что вы были на высоте[8].

До свидания, theuerste, liebste Freundinn[г]. Привет всем. Целую малышек и с огромной нежностью целую ваши руки. Навеки

Der Ihrige[д]
И.Т.

[б] банальна (*англ.*).

[в] "сердечностью" (*нем.*).

[г] самый дорогой, самый любимый друг (*нем.*).

[д] ваш (*нем.*).

2874. Полине Виардо (с. 21)

С французского:

№ 7[1]

Санкт-Петербург.
Гостиница "Демут"
на Мойке, № 7.
Суббота, 25/13 февраля 71.
4 1/2 ч.

Theuerste Freundinn[а], вот я и в Петербурге. Прибыл сюда только сегодня утром в 11 часов — (не знаю, получили ли вы мое письмо с границы, из Вержболова[2], где мне пришлось провести ночь с четверга на пятницу, — у служащего, которому я поручил опустить письмо, был плутоватый вид, а я имел глупость дать ему денег на марку. В этом письме я рассказывал вам, как провел день в Берлине) — побродив по гостиницам, я нашел-таки две очень дорогих комнатки, довольно скверных — зато теплых. Друг Анненков уже успел навестить меня — он немного постарел — но жена только что подарила ему второго сына[3] — и крестины состоятся на будущей неделе. Переодевшись и почистившись с дороги — я тотчас же отправился к Луизе[4]; ее я не застал — она была на репетиции концерта, который должен состояться завтра — но застал г-жу Серову, которая показалась мне довольно странной, умной, весьма огорченной смертью своего мужа[5] — и очень влюбленной в Луизу, о которой она говорит почти с восторгом. К несчастью, здоровье Луизы неважно — по словам г-жи Серовой, которая полагает, что у нее болезнь сердца. Я назначил ей свидание завтра в полдень — и тогда сообщу вам обо всем как можно подробнее. А теперь иду обедать в Английский клуб, куда меня записал Анненков. До вечера.

11 часов вечера.

Прежде всего я должен поблагодарить вас за ваше милое письмо № 1[6], час тому назад врученное мне Анненковым. Так приятно было получить от вас весточку! Надеюсь, что теперь они будут следовать непрерывно одна за другой и всегда будут добрыми. Я много думал о вас вечером 23-го и 24-го; напишите, хорошо ли все это прошло[7]. Вы сообщаете очень немного подробностей о том, что вы пели у г-жи Кейт. Да, надо поскорее взять учителя Полю — и Марианне. Не забудьте известить меня, получил ли Жером копию Веласкеса[8].

На обеде в клубе была куча народу; немало и старых знакомых — я имею полное основание употребить слово старых, так как все они чудовищно поседели. Встретил графа Хрептовича, который спрашивал о вас. Здесь общее мнение таково, что мир заключен, — и дело только за формальностями ратификации[9]. Впрочем, вы узнаете все это лучше и скорее меня. Вечер провел у Анненкова — в очень узком кругу — чувствовал себя усталым и предвижу, что моя постель "wird mir villkommen sein"[б].

Здесь очень настроены против Германии и очень сочувствуют Франции, но сильно потрясены тем, что она выказала себя столь мало способной, и тревожатся за ее будущее. По-видимому, даже в высших сферах

[а] самый дорогой друг (*нем.*).
[б] "будет мне желанной" (*нем.*).

желают успеха умеренной республике и довольны, что у власти — Тьер. Он понравился во время своего пребывания здесь[10].

После Кёнигсберга я снова очутился в Царстве снега. У нас все бело, архибело, небо синее, снег скрипит под ногами и под колесами — на дворе 15° мороза. Мало сходства с лондонскими туманами, с милыми лондонскими туманами, охотно добавил бы я, так как там находитесь вы[11].

Завтра напишу вам, и письмо уйдет в понедельник[12]. Тысячу приветов Виардо и скажите ему, чтобы не хворал; целую Диди, Марианну, Поля, жму руку м-ль Арнхольт и, "last not least"[в], нежно целую ваши руки. In ewig unwandelbarer Treue

der Ihrige[г] И.Т.

2876. Полине Виардо (с. 24)

С французского:

№ 8

С.-Петербург,
гостиница "Демут", № 7.
Воскресенье, 26/14 февраля 71.
Половина первого ночи.

Моя дорогая и любимая госпожа Виардо, я только что вернулся с вечера у г-жи Серовой, где Луиза пела романсы Шумана — "Doppelgänger", "Gretchen"[а,1] (разумеется, копируя вас — лучшего она бы и не придумала) — отрывки из опер Серова[2]... Но начнем по порядку. Сегодня утром, сделав кое-какие дела — я отправился к ней. Нашел ее похудевшей, остриженной словно мальчик, но это ей очень идет. Глаза прекрасны как никогда, выражение лица несколько более спокойное. В остальном — жесты, телодвижения — прежние. В настоящее время она простужена, но я не думаю, что ее здоровье под большой угрозой. Мы долго беседовали, я избегал касаться чувствительных мест — в особенности я не говорил о ее будущем, о том, что она собирается делать... Это впереди. Полагаю, что в эту минуту у нее нет ни гроша... Об этом мы еще поговорим. Она произнесла имя Лулу[3]... Тогда я принялся говорить о нем, рассказывая о том, какой он славный и смышленый. Это заметно растрогало ее, но разрыв с Эриттом, очевидно, дело бесповоротное, это как отсеченная рука[4]. Я вернулся вечером из Мариинского театра с большого концерта, о котором сейчас вам расскажу: в нем участвовали несколько артистов — девица Бларамберг, которая, кажется, ходит теперь в рабынях[5]. Голос у Луизы значительно окреп — она разрабатывает его со стороны драматической — несколько утрируя: спела она отрывок из "Рогнеды", представляющий собой ряд криков[6] — но по-русски произносила великолепно. Все это звучит замечательно и даже захватывающе в гостиной... я полагаю, что для концерта это мало подходит. Думаю также, что легкость — та, что была раньше — теперь исчезла. В общем, мне показалось, что она в хорошем настроении, как человек, оказавшийся в своей стихии и господствующий в ней. Она больше не хочет давать уроков и как будто хочет порвать со светом. Не надо стараться изменить ее: такова уж она есть и другой быть не может.

[в] "в последнюю очередь, но не последней" (*англ.*).
[г] Навеки верный Ваш (*нем.*).
[а] "Двойник", "Гретхен" (*нем.*)

Кто мне доставил удовольствие в концерте, так это, прежде всего, м-ль Лавровская, у нее очень красивый голос, и поет она со вкусом и чувством меры, как настоящая певица; затем бас — г-н Мельников: молодой и берущий за душу голос; прочие отвратительны... М-ль Левицкая совершенно спала с голоса. Большой финал из "Руслана" (Глинки) показался мне очень красивым, оригинальным и поэтичным. В оркестре и хорах — хорошие силы — но дирижер — никудышный. Публика восторженная — но неразборчивая и даже грубая. Зал просторный, красивый — и не пригодный для пения[7].

Днем я познакомился с одним молодым русским скульптором — польским евреем из Вильны — который одарен незаурядным талантом. Он изваял статую Ивана Грозного, сидящего с Библией на коленях, небрежно одетого, погруженного в мрачное и зловещее раздумье. Я считаю эту статую просто шедевром по исторической и психологической глубине — и по великолепному исполнению. И сделано это каким-то чахоточным, бедным, как церковная крыса, евреем, который и начал-то работать — и учиться читать и писать лишь в 22 года — до этого он был рабочим... Spiritus flat ubi vult[б,8]. В этом бедном юноше, уродливом и тщедушном, несомненно, есть искра божия — к сожалению, здоровье его загублено. Его посылают в Италию (но хорошие времена наступили для него слишком поздно). Зовут его Антокольский. Это имя останется[9].

Я спокойно отобедал у моего старого друга Анненкова.

До завтра!

Понедельник, 27/15 февр., полночь.

Я только что вернулся из шахматного клуба, где прочитал официальные сообщения...[10] Итак, Эльзас и Лотарингия потеряны... пять миллиардов. Бедная Франция! Какой страшный удар и как от него оправиться? Я очень живо представил вас и то, что вы должны были перечувствовать... Что ж, это мир — но какой мир! Здесь все полны сочувствия к Франции — но от этого становится еще горше.

Вот как я провел день:

Сегодня утром — длительный визит к художнику Ге, который ваяет бюст Белинского, знаком с ним он не был, а для работы располагал лишь посмертной маской и плохими литографиями. Я постарался помочь ему своими воспоминаниями и думаю, что побудил его сделать полезные изменения[11]. Ге хочет сделать мой портрет, он просит лишь о двух сеансах[12] — он уже сделал превосходный портрет Герцена[13]. Затем я имел долгое совещание со своим редактором[14] — обедал я с теми двумя молодыми русскими — Жуковским и Онегиным, — которых вы видели в Баден-Бадене[15] — потом играл в шахматы в клубе[16] — одну партию выиграл, другую проиграл. Написал письма своему управляющему[17] — в Москву — вот и все. Завтра я снова буду у Луизы[18].

До свидания, theuerste, liebste Freundinn[в]. Будьте здоровы, пишите мне и позвольте мне поцеловать ваши дорогие руки. Да хранит вас небо.

Der Ihrige[г]

И.Т.

[б] Дух дышит, где хочет (*лат.*).

[в] самый дорогой, самый любимый друг (*нем.*)

[г] Ваш (*нем.*).

2879. Полине Виардо (с. 27)

С французского:

№ 9 (?)

С.-Петербург,
гостиница "Демут", № 7.
Четверг, $\frac{\text{18 февраля}}{\text{2 марта}}$ 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, вчера я получил письмо от Виардо с вашей записочкой. Отвечаю ему на отдельном листке[1]. Опять видел Луизу, и мы довольно долго беседовали: она уверяет, что вовсе не нуждается в деньгах. Я взял с нее слово, что, если ей понадобится, она без стеснения обратится ко мне, как к старому другу.

С позавчерашнего дня я видел мало народу и все время работал для моего московского издателя[2]. Второй (и предпоследний) раз позировал г. Ге — у него портрет выходит хуже, чем у Диди[3]. Я очень доволен, что у вас прибавилось учениц; с нетерпением жду подробностей о двух концертах 23-го и 24-го февраля[4]. Завтра схожу к Иогансену насчет романсов, которые я перевел[5]. Вижу, что мне придется оставаться здесь еще неделю, а то и 10 дней.

Но это не отдалит ни на один день моего возвращения в *гнездышко* — напротив!

Видел м-ль Раден, и мы говорили с ней о Луизе. Здесь ее репутация особы умной, превосходной музыкантши, безупречного поведения — но с характером невыносимым, взбалмошным и резким — окончательно установилась. Все очень сожалеют, что из нее не удалось извлечь большего.

"Кракамиша" должен был ставить Серов; с его смертью все рухнуло[6].

Сегодня пишу вам всего несколько слов. Завтра напишу большое письмо. По-прежнему очень холодно и *бело* вокруг; у многих кучеров носы отморожены.

До свидания, theuerste Freundinn[а], привет от меня всем. Целую обе ваши руки с живейшей нежностью.

Будьте здоровы и думайте иногда о вашем верном друге.

Der Ihrige[б] И.Т.

P.S. Рубинштейн здесь и дает концерт в воскресенье. Пойду послушать и расскажу вам (будут играть его новую симфонию)[7].

2880. Полине Виардо (с. 28)

С французского:

№ 10

Санкт-Петербург,
гостиница "Демут", № 7.
Пятница вечером.
$\frac{\text{19 февраля}}{\text{3 марта}}$ 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, расскажу вам, что я делал два дня. Вчера я обедал у некоего г. Половцева, одного петербургского ловкача, который, женившись на побочной дочери банкира Штиглица, страш-

---

[а] Самый дорогой друг (*нем*).
[б] Ваш (*нем.*).

но разбогател, живет во дворце, дает изысканные обеды и т.д. Там я встретил — *Фредро*, сияющего и щеголеватого — и красивую позерку г-жу Зубову, которая уже не так хороша, как была когда-то — но позирует по-прежнему. Фредро, естественно, много говорил о вас, о Веймаре, о Вагнере; — что же касается меня, то я мог убедиться, что мой "Степной король Лир" имел у публики большой успех[1]. Вернувшись домой, я написал статью о статуе того самого талантливого еврея — Антокольского[2]. Ради него стоит бить в литавры и устроить так, чтобы наконец был выполнен заказ, сделанный ему двором, и чтобы он получил немного денег на поездку в Италию[3]. Нынче утром статья появилась.

Поскольку сегодня годовщина освобождения крестьян, я получил приглашение на ежегодный обед от комитета, участвовавшего в трудах по завершению этой великой реформы. Я был единственным приглашенным, помимо членов комитета, и это очень большая честь для меня — единственная подобного рода, которая может меня тронуть. Но этим дело не ограничилось; эти господа пили за мое здоровье! Быть может, я должен был бы этого ожидать и приготовить какой-нибудь *спич*; — но так как я об этом не подумал, то пробормотал — с моим обычным красноречием несколько невразумительных слов: в конце концов они могли видеть, что я взволнован — потому что так оно действительно и было — вот и всё[4]!

Многие навещают меня; очевидно, что если кое-кто считает меня мертвым и удивляется, что я не велел себя похоронить — то другие сохранили ко мне дружеские чувства — e sempre bene[а]!

Сегодня пятница; в *следующий* понедельник — не в ближайший — я покидаю Петербург[5]. До тех пор все мое время занято.

Здесь очень довольны тем, что мир заключен — очень жалеют Францию и надеются, что она проявит гибкость и энергию в своем возрождении. Вполне принимают республику. (Я, разумеется, говорю только о тех, кому она по душе.)[6]

Мой управляющий сообщает, что общее собрание желающих взять мое имение в аренду назначено — на 5 марта по нашему стилю[7]; это поневоле напоминает мне стаю ворон, которые, разинув клювы, ожидают добычи. Я постараюсь оставить им как можно меньше *мяса*, как выразился бы Мюллер[8].

М-ль Демидова (подруга Луизы) исчезла с горизонта; похоже, что ее последняя отлучка была вынужденной — чтобы подыскать укромный уголок, где можно было бы спокойно произвести на свет ребенка[9].

На сей раз она заменена (потому что раб необходим всегда) — некоей м-ль Бларамберг, которая производит на меня впечатление серьезной и несколько педантичной особы. Со мною — старым болваном — она держится величественно-презрительно. Умоляю вас, чтобы ничто из того, что я вам рассказываю, даже не проскользнуло в письмах, которые вы с Виардо пишете Луизе. Я немедленно попаду в немилость и под подозрение.

До завтра; я порядком утомлен. Чувствую я себя хорошо — но плохо сплю в этом чертовом Петербурге — в этих комнатах, где так жарко топят.

С нетерпением ожидаю письма. Шлю всем тысячу и тысячу приветов; целую вам руки с самой *нежной* нежностью. Auf ewig

Der Ihrige[б] И.Т.

[а] ну и отлично! (*итал.*).

[б] Навеки ваш (*нем.*).

2881. Полине Виардо (с. 31)

С французского:

№ 11

С.-Петербург,
Гостиница "Демут", № 7.
Понедельник утром, $\frac{\text{22 февраля}}{\text{6 марта}}$ 1871.

Моя дорогая и любимая госпожа Виардо, прежде всего позвольте мне сказать вам, как рад я был, получив ваше письмо от 25-го числа со всеми подробностями о двух концертах 23-го и 24-го! Вы взяли блистательный реванш — и как жаль, что я не присутствовал при этом![1] Теперь трудное время позади, голос — в порядке, и все будет хорошо. Я счастлив и поздравляю вас от всего сердца.

Перейдем теперь к моим делам и поступкам, начиная с пятницы вечера.

В тот вечер, написав вам письмо, я отправился на раут к некоей графине Протасовой[2] — много знакомых, несколько хорошеньких лиц — разговоры мало интересные. В субботу утром — визиты и разъезды. В 4 часа получаю приглашение от в⟨ели⟩кой княгини Елены; она заставила меня прождать до 5 1/4 часов — разговор о политике. Она очень постарела. Потом литературный обед у моего издателя[3]. — Он осыпал меня любезностями; затем я отправился на собрание педагогического общества, где 19-летняя барышня — дочь г. Кавелина — профессора из числа моих друзей, — перед 200 слушателями отстаивала свое мнение в диспуте на историческую тему, с редкостными знаниями, уверенностью и красноречием. Вот это, несомненно, нечто новое, и ни тени педантизма — детская непосредственность — столь полная отрешенность от всего личного — что это избавило ее от всякой робости. Это удивительно! Ей хлопали оглушительно. В аудитории было много барышень, учительниц[4]. Вчера утром, в воскресенье — сеанс для моего портрета — но не у г. Ге — у другого художника — Маковского — который просил у меня всего обо одном сеансе — и который по части живописи сделал нечто весьма замечательное (он гораздо талантливее г-на Ге). Я дожил до 52-х лет, и с меня ни разу не писали портрета маслом — я не беру в счет портрет моей дорогой Диди — и вот теперь их делают сразу два![5] Потом концерт Рубинштейна в Дворянском собрании. Народу тьма — он играл, как всегда, — поначалу его игра вызывает у вас головокружение — а под конец наскучивает — или, по крайней мере, утомляет. Аплодисменты оглушительные! Ауэр тоже играл — но признаюсь, что я более всего любовался его глазами и всем его обликом: игра его нравится мне умеренно, это слишком невыразительно, слишком вяло, слишком слащаво, слишком в духе Алара, да и звук слабый. Оркестровая пьеса под названием "Дон-Кихот" довольно хороша; только комический элемент — Санчо Панса — совершенно отсутствует. Он ввел отрывки испанских песен, выбрав из них довольно пошлые. Я как будто припоминаю, что он просил у вас именно таких[6]. Потом — тихий и патриархальный обед у Анненкова — получение вашего милого и дорогого письма — вечер за картами — довольно раннее возвращение домой — вот и все!

Я начинаю тяготиться Петербургом. Мне надо было побыть здесь, чтобы подышать родным воздухом — теперь надо уезжать и подталкивать, подстегивать дела — чтобы вернуться поскорее. Мой управляющий должен прислать мне денег. Борисов ждет меня в Москве — и мы, вероятно, вместе отправимся в деревню.

Я принужден был дать обещание выступить с публичным чтением — очень кратким — в будущую субботу (с благотворительной целью)[7]. В понедельник — через неделю — я удираю.

Поль очень меня беспокоит... Боюсь, что он совсем не работает — и этот год будет потерянным. Хотя бы со скрипкой его посильнее подгоняли!

У нас настоящая оттепель. Снег растаял — или, вернее, почернел, и мы барахтаемся в ужасной грязи. На солнце это выглядит очень некрасиво.

До завтра, theuerste Freundinn[а] — на сей раз я не пропущу ни единого дня без того, чтобы не написать вам. Тысяча приветов всем; тысяча очень нежных поцелуев вашим любимым рукам.

Der Ihrige[б]
И.Т.

2882. Полине Виардо (с. 33)

С французского:

№ 12

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 7.
Вторник утром, 7 марта / 23 февраля 71.

Вот, дорогая и добрая госпожа Виардо, письмо, которое меня просили передать вам. Как видите, эти московские господа ни в чем не сомневаются и ни в чем себе не отказывают. Я хорошо знаю ответ, который вы им дадите, но все же это приятно[1]. Николай Рубинштейн должен приехать сюда — он примет участие в концерте брата, который состоится в следующее воскресенье — я надеюсь увидеть его (Антона я, однако, еще не видел)[2]. Знаете, кто здесь и собирается дать концерт? Маленький Серве с трясущейся головой! Я еще не видел его, но, боги, как все это напоминает мне Веймар![3]

Вчера я обедал у моего друга Анненкова, который праздновал годовщину своей свадьбы. *Оба* мои портрета продвигаются: они принадлежат к совершенно разным жанрам, — но, по-моему, — оба очень хороши — и похожи[4]. Чтение, которое я должен был устроить в субботу, провалилось: по-видимому, начальство не соизволило дать необходимого разрешения: прошел слух, будто сбор предназначается в пользу *раненых гарибальдийцев*[5]. Я совсем не огорчен — ибо эти "exhibitions"[а] мне совсем-совсем — не по сердцу.

Г-жа Патти производит фурор в Москве; говорят, она там заработала 40 000 рублей! А нас уверяют, будто в России нет денег. Послезавтра она поет здесь; я знаю кой-кого, кто не пойдет ее слушать[6].

Вы ничего больше не слышали о Фриссоне?

А что с вашим жильцом на улице Дуэ — вернулся ли он?[7]

Это только письмецо; настоящее письмо вы получите завтра. Тысячу приветов всем und tausend Küsse Ihren lieben Händen.

Der Ihrige[б]
И.Т.

[а] самый дорогой друг (*нем.*).

[б] Ваш (*нем.*).

[а] "выставления себя напоказ" (*англ.*).

[б] и тысяча поцелуев вашим любимым рукам. Ваш (*нем.*).

2884. Полине Виардо (с. 34)

С французского:

№ 13

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 7.
Среда вечером, $\frac{8 \text{ марта}}{24 \text{ февраля}}$ 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, час тому назад, когда я выходил от Анненкова, ко мне подошел почтальон с *двумя* письмами — одним от вас — и другим — от девочек. Излишне говорить вам об удовольствии, которое они мне доставили; и все же я был огорчен, что вы в течение *10 дней* не получали от меня писем — и могли подумать о небрежности с моей стороны! Номер, стоящий в начале этого письма — свидетельствует о том, что я никогда еще не был столь аккуратен: сегодня *19-й* день нашей разлуки — и вот уже *13-е* письмо! К счастью, небольшая приписка на конверте письма *девочек* (не знаю уж, право, как их называть), — успокоила меня. И все же я убежден, что тот противный почтовый служащий в Вержболово — с его плутоватой физиономией — положил 15 копеек в свой карман и не отправил письма! Не забудьте сообщить мне об этом, чтобы я знал, надо ли мне выругать его задним числом![1]

Вчера вы пели в Ливерпуле и завтра будете пусть в Манчестере... Мысленно я неотступно следую за вами... но уже не боюсь за вас; я убежден, что теперь все пойдет, как по маслу[2].

Расскажу вам, как я жил вчера и сегодня. Как правило, мой день начинается очень рано нашествием старых друзей, старинных знакомых или же лиц, намеренных так или иначе меня использовать — либо имеющих ко мне дело. Сегодня утром явилась, между прочим, старая нищенка-полька — которая выманила у меня 5 рублей. Нет, никогда, от самого сотворения мира, не бывало еще лица в своем роде столь типического, и будь я художником, охотно дал бы ей 25 рублей, чтобы она мне позировала! Далее следуют разъезды по городу, представляющие изрядные трудности по причине ужасной грязи, которой полны все улицы — а также из-за того, что на сей раз я не позволяю себе роскоши иметь экипаж — затем приходит время обеда.

Вчера я обедал у старой графини Протасовой — дамы весьма приветливой и добродушной, где застал пять или шесть довольно приятных особ; все общество сильно восстановлено против немцев, но какая от этого польза? Вечером я отравился к некоему г-ну Жемчужникову, брату того, которого вы видели в Баден-Бадене и который был столь скучен; этот еще красивее: — у него целый *вулкан* седых волос на голове — и еще скучнее. Я застал там нескольких приверженцев новой русской музыкальной школы (к сожалению, не Кюи), но зато великого Балакирева, которого они признают своим вождем[3]. Великий Балакирев довольно скверно сыграл несколько отрывков из фантазии для оркестра Римского-Корсакова (помните, вам присылали несколько его красивых романсов); мне показалось, что в этой фантазии — на довольно забавный русский сказочный сюжет — действительно много фантазии[4]. Потом великий Балакирев довольно скверно сыграл вариации на темы Листа и Берлиоза[5], который в особенности представляет для этих господ Абсолют и Идеал. В общем, мне кажется, что это человек умный. Kein Talent, doch ein Character[a].

---

[a] Таланта никакого, но есть характер (*нем.*).

Я не сказал вам, что Иогансен берет романсы — и что к моему возвращению они будут готовы[6]. Я привезу вам несколько экземпляров.

Сегодня утром меня заполонили как никогда, потом я был на последнем сеансе у г. Ге — еще один сеанс я должен г-ну Маковскому — судя по тому, что говорят все друзья и судя по тому, что мне кажется самому — портрет г-на Ге имеет поразительное сходство[7], — потом я делал *литературные*, т.е. скучные визиты — но так было ну-у-ужно, как говорит Бильбоке[8]. Потом я обедал в полном одиночестве, впервые после приезда сюда, в небольшом подземном ресторанчике, — я хочу сказать, ниже уровня земли — и пошел к папаше Анненкову... Ах да, забыл сказать! Вчера довольно долго пробыл в Эрмитаже, где вновь наслаждался шедеврами, которыми полна эта галерея: картины Поттера, Рембрандта и пр. и пр.[9] Среди новых поступлений есть чудесная маленькая мадонна Леонардо (из галереи Литта), замечательные вазы из коллекции Кампана — и, в особенности — маленький сидящий сфинкс (деталь светильника) — из раскопок в Керчи — одна из восхитительнейших вещиц, какую только можно увидеть. Он раскрашен и удивительно сохранился[10]! Я бы очень хотел, чтобы Виардо увидел этого сфинкса! Потом пришли 2 письма у Анненкова — и все! А теперь до завтра. Тысяча поцелуем всем. Ich bin auf ewig, mit der grössten Zährtlichkeit und Treue

Der Ihrige[6]

И.Т.

2886. Полине Виардо (с. 37)

С французского:

№ 14

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 7.
Пятница, $\frac{\text{10 марта}}{\text{26 фев.}}$ 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, я писал вам, что мое завтрашнее чтение сорвалось; к сожалению, это был всего лишь ложный слух, а на самом деле я читаю, между м-ль Ловато, которая будет петь "Мне щекотно не в носу" — и другой девицей того же пошиба. Совершенный кафешантан, но поскольку цель мне очень симпатична (в пользу раненых французов, об этом в афише не говорится, но все знают), — я не обращаю внимания. Мое имя поставили на видном месте, и оно сияет рядом со "свежими устрицами" и т.п.[1] Я подумал о вашем приезде в Брайтон и почувствовал себя весьма польщенным подобным совпадением. Вместе с тем я опасаюсь, что будет мало народу, так как здешняя публика слишком пресыщена концертами, живыми картинами и т.д. и т.п.

Завтра я расскажу вам, что из этого вышло.

А теперь поговорим о моих делах и поступках. Сеансы для портретов (слава богу, они уже окончены!)[2], сеансы для фотографий[3] (прошу поверить, что плачу не я); визиты литературные и деловые, визиты ко мне и отданные мною. Здешняя моя жизнь — сплошная суета, и я очень обрадуюсь, когда покачу в тихую Москву и еще более тихое Спасское[4]. Все это необходимо, но когда оно кончится, будет очень "преятно", как

---

[6] Остаюсь навеки с величайшей преданностью и нежностью ваш (*нем.*).

говорит Тереза[5]. Вчера, в четверг, я обедал с тремя *молодыми* литераторами в небольшом ресторанчике, и беседа была весьма живой и одушевленной (NB. Мы выпили только *одну* бутылку вина — это реплика для Диди); затем я принужден был провести вечер у одной дамы, очень скучной! с которой вы знакомы, как мне кажется, — у г-жи Новиковой, той самой особы, у которой такие толстые щеки, и она оказалась достойна своей репутации. Сегодня обед у некоего гр⟨афа⟩ Апраксина, человека тоже довольно-таки скучного, но преисполненного благих намерений в отношении литературы; он намеревается основать обширное словарно-энциклопедическое предприятие; он очень богат, и надо поощрить его в этом начинании — не в богатстве, а в предприятии. Оттуда я отправился в другой салон, тоже политико-литературный, но с несколько более определенной окраской[6], так что я имею представление о различных оттенках того, что можно назвать общественным мнением в cara patria[а]. Есть немало такого, о чем я вам расскажу изустно — бумага это плохо здесь сносит.

Суббота вечером.

Ну вот, моя дорогая и добрая госпожа Виардо, чтение состоялось — но это было нечто совсем иное, чем я предполагал. Немножко кафешантана, отвратительной музыки действительно было, но была многочисленная, кипящая молодостью публика: — апофеоз Гарибальди в живой картине, чтение одной дамой "Воспоминаний о пребывании среди гарибальдийцев"[7], исполнение толстой индюшкой с надтреснутым голосом "Zwei Grenadiere"[б] Шумана, которые, как вы может быть помните, оканчиваются "Марсельезой". Потом взрыв неистовых оваций — крики: "Да здравствует Франция!" — словом, буря, продолжавшаяся 10 минут. Правда, актер-француз объявил "Двух жандармов". Но французская актриса продекламировала "Голубей Республики", и это слово, как обычно, взволновало публику[8].

Что до меня, то должен сознаться, что никогда еще я не был предметом таких... простите мне это слово! — оваций — говорю вам обо всем этом, потому что знаю, что вам это доставит удовольствие, а я думал о вас все то время, что стоял, сконфуженный, красный, с глупой улыбкой на лице перед этой ревущей толпой... У меня было такое ощущение, будто крупный грозовой дождь, быстрый и сильный, падает мне на голые плечи. Я читал отрывок из "Записок охотника" под названием "Бурмистр". Кажется, я читал довольно хорошо. Нервное напряжение за время этого шума ослабло — и я был спокоен, да и публика была так благожелательна![9]

Вот вы и возвратились из Ливерпуля...[10] может быть, завтра я получу от вас какие-нибудь известия. Я продолжу свое письмо на другом листке и пошлю его завтра[11]. А пока тысяча приветов всем, und die warmsten Küsse Ihren lieben Händen. Ich träume von Ihren jede Nacht.

Der Ihrige[в]

И.Т.

[а] дорогом отечестве (*итал.*).

[б] "Двух гренадеров" (*нем.*).

[в] и самые горячие поцелуи вашим любимым рукам. Я каждую ночь вижу вас во сне. Ваш (*нем.*).

2887. Полине Виардо (с. 39)

С французского:

№ 16

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 7.
Суббота вечером, 11 марта / 27 февраля 1871.

Продолжаю свое письмо № 15[1], дорогая и любимая госпожа Виардо. После чтения[2] я видел Луизу; — она остается по-прежнему той же странной и, к сожалению, малосимпатичной особой. Думаю, что здоровье ее изрядно подорвано — или, вернее, я полагаю, что у нее действительно имеется какое-то органическое изменение в сердце. После обеда я отправился на концерт Русского общества. Симфония № 3 Бетховена — довольно грубо сыгранная... а потом — вы сейчас удивитесь — и в то же время отдадите должное моей искренности — потом давали "Увертюру к Мейстерзингерам" и "Антракт"[3] — которые доставили мне величайшее удовольствие! В особенности "Антракт" грандиозен, — это — нужно сознаться, могучая музыка. Публика много хлопала — и "Антракт" был по ее просьбе повторен.

Один известный вам маленький музыкант по имени г-н Ш. Леви потащил меня с концерта к одному из наших лучших актеров, г-ну Самойлову[4], где я должен был встретить Рубинштейна[5]. Он на самом деле там был. Он возненавидел немцев (!) и хочет остаться в России. Поскольку ему всегда нужно что-нибудь предпринимать, он вбил себе в голову основать какое-то Общество, "Орфеум" или "Verein"[а], где бы собиралась вся литературно-артистическая интеллигенция Петербурга[6]. Эта идея долго обсуждалась — и в конце концов решено было устроить пробный вечер — в будущий четверг — (этот день был выбран потому, что в пятницу я уезжаю) — и составили списки приглашенных — обращения. Я должен был подписать обращение к литераторам. Из всего этого, естественно, ничего не выйдет. Впрочем, меня это не касается, ибо я не живу в России — но, в конце концов — это развлекло Рубинштейна — а он чертовски последователен и упрям, как мул.

Я видел его жену: она очень хорошо выглядит — а нос по-прежнему крив. Кажется, ее мальчик все так же великолепен[7].

Я думаю послать вам мои русские переводы "Gärtner" и "Es ist ein schlechtes Wetter"[б]. Я выбрал именно эти два текста потому, что они самые трудные[8]. Лошадка княжны — из "белоснежной" — превратилась в "вороную, как сталь", но это в порядке вещей[9]. Предложите г-же Гурьевой спеть вам это — вы увидите, удачно ли это получилось.

Воскресенье вечером, 12 марта / 28 февраля.

О, дорогая госпожа Виардо, какой невыносимой "bore"[в] оказался концерт Рубинштейна (с участием его брата[10]) сегодня утром! Была только его музыка — его новая музыка — еще не изданная — и если он сочиняет теперь подобным образом, он архикончился. Он всегда был склонен

[а] "Общество" (*нем.*).
[б] "Садовника" и "Стоит погода злая" (*нем.*).
[в] "скукотищей" (*англ.*).

к излишествам: теперь только это и осталось — шум, гам, пассажи престиссимо, стремительное движение — вперед — мы завоюем мир! — все это в громоподобном исполнении — и ничего, ни единой идеи — во всяком случае, ничего оригинального — нечто от Шумана, от Мендельсона, от Бетховена, даже от Вагнера, но от Рубинштейна — увы! Молодящиеся старики смешны, но и затянувшаяся молодость — также — а Р⟨убинштейн⟩ не имеет больше права быть молодым и "подавать надежды". Зал был наполовину пуст и публика очень скучала[11].

Я тихо и мирно отобедал у моего старины Анненкова; — после обеда имел свидание с одним господином — по поводу аренды моих имений и возможной продажи одного из них. Этот господин — любезный человек, давний мой знакомый, и у него водятся деньги[12].

Петербургский вихрь, в который я попал и откуда рассчитываю как можно скорее выбраться, не может заставить меня ни на мгновение забыть ни о Лондоне, ни о моем возвращении, ни обо всем, что я люблю в этом мире — и больше чем когда-либо. Я буду счастлив, лишь переступив порог дома № 30 на Девонширской площади[13].

Я получил письмо от Льюиса, который пишет мне об одной из ваших "суббот", где он присутствовал, и о другой, где он еще рассчитывает побывать[14]. Он, кажется, почувствовал к вам склонность.

До завтра, theuerste Freundinn[г], тысяча приветов всем. Ich küsse 100 000 mal Ihre lieben, lieben Hände.

Der Ihrige[д]

И.Т.

2891. Полине Виардо (с. 42)

С французского:

№ 17

С.-Петербург.

Гостиница "Демут", № 7.

Среда вечером, $\frac{15}{3}$ марта 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, вот уже три дня, как я перестал получать ваши письма — полагаю, что вы их посылаете мне в Москву по адресу моего старого друга Маслова — вы не предвидели, что я пробуду так долго в П⟨етер⟩бурге, — я и сам этого не предвидел — но это задержит момент возвращения разве что на неделю. Если ничего со мной не случится — месяца не пройдет, как я буду в Лондоне — мое пребывание в Спасском продлится не более недели[1]. Мой управляющий непрестанно пишет мне письма[2], в которых старается доказать, что, сохраняя прежнюю систему, другими словами, не увольняя его, я буду получать бешеные деньги — гораздо больше, чем если сдам имение в аренду; мы рассмотрим всё это с моим другом Борисовым, а пока что я договорился о сдаче в аренду одного из моих имений с орловским помещиком[3], у которого сегодня обедал — и которого знаю издавна как человека весьма почтенного и превосходного сельского хозяина. Он выразил желание купить это имение — об этом деле я подумаю — и, может быть, приведу его в исполнение. А пока договор, который мы с ним заключим, будет служить мне образцом для такого же договора о Спас-

---

[г] самый дорогой друг (*нем.*).

[д] Целую 100 000 раз ваши дорогие, дорогие руки. Ваш (*нем.*).

ском. Самое главное в этих делах, довольно новых и непривычных в России, — это не дать себя обмануть (а вы знаете, какой я мастер на это!), не попасться, как попался один господин, с которым я беседовал недавно и который был вынужден начать процесс со своим фермером, или "арендатором", как их здесь называют, уже через *две недели* после подписания договора!

Если я задержался дольше, чем предполагал, в Петербурге — то это потому, что нашел здесь множество полуоборванных нитей, которые мне пришлось вновь связывать — чтобы не порвать всех отношений с Россией, а этого делать я пока не желаю. Я, бездеятельное существо, каким вы меня знаете, переделал столько дел за девятнадцать дней, проведенных здесь — что сам этим совершенно изумлен. А тут еще завтра я должен участвовать в основании какого-то литературно-артистического общества[4], которое, в сущности, меня нисколько не касается, потому что я никогда не буду его членом — но мне говорят, что не надо быть эгоистом и думать только о вещах, из которых можно извлечь пользу — или личное удовольствие.

Но вот уже целый час я говорю вам только о себе — а вы, вы... что поделываете вы? Это жестоко — такое отсутствие писем. Как вы съездили и возвратились (я говорю о Ливерпуле и Манчестере)[5], что делаете? Часто ли поете? Что делают дети... и пр., и пр., и пр.?.. Имели ли вы известия от Фриссона, вашего жильца с улицы Дуэ? Сегодня *26-й* день со дня отъезда — да! — ведь сегодня, вероятно, половина срока моего отсутствия, потому что через 26 дней я уже буду, конечно, в Лондоне — и слово "вероятно" здесь излишне. Ах, какое наслаждение, какое счастье для меня вновь очутиться в этом дорогом доме!..

Два последних стиха в "Es ist ein schlechtes Wetter"[а] не точны. Нужно читать:

"Пушистые кудри мягко
Льются на нежный лик"[6].

Потому что во 2-м стихе ударение падает на "*Über* das süsse Gesicht"[б]. Г-жа Гурьева, наверное, заметит это. Мы еще раз всё просмотрели с Луизой, которая возьмет на себя правку корректур[7]. Перевод"Rosenzeit"[в] восхитителен (!!?!) — вот: посудите сами[г].

Смею думать, что маленькое изменение, внесенное мною в последнюю строфу, служит ей на пользу — и Мёрике принял бы его[8].

Посылаю вам фотографию, только что изготовленную Бергамаско; ее находят удачной[9]. А теперь до завтрашнего вечера — и через *двадцать шесть* дней — si Dios quiere[д] — я с вами вновь — и надолго.

Обнимаю всех, Виардо, Диди, Марианну, Поля, г-жу Арнхольт; а вам целую руки с бесконечной нежностью.

Der Ihrige[е] И.Т.

[а] "Стоит погода злая" (*нем.*).
[б] "*На* милое лицо" (*нем.*).
[в] "Пора роз" (*нем.*).
[г] *См. русский текст на с. 44.*
[д] если бог даст (*исп.*).
[е] Ваш (*нем.*).

2897. Полине Виардо (с. 46)

С французского:

№ 18

С.-Петербург.
Итальянская улица.
Дом Овсянникова.
Суббота вечером, 6/18 марта 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, пишу вам от моего друга Анненкова — и вот почему. Вот уже с неделю Холера — это страшное чудовище, опустошает Петербург[1] — я боюсь ее, как нечистой силы, и последние три ночи промучился — приступы тоски, страха, холодный пот, бессонница и пр., и пр. Стыдно, конечно, быть таким трусом — но я думаю, что тут причина чисто физиологическая, и это сильнее меня, ибо никакая другая болезнь не внушает мне такого ужаса. Видя это — а главное, поскольку завтра я уезжаю, Анненков предложил мне переночевать у него. Здесь под рукою доктор, который у него же и живет, и, в случае чего — меня успокоят. Теперь половина двенадцатого, а сон, кажется, страшно далеко — хотя устал сильно. Сообщаю вам без стеснения все эти подробности потому, что 1) обещал всегда писать вам правду; 2) письмо это пойдет только завтра, за несколько часов до моего собственного отъезда в Москву. Только бы попасть туда, а там уж, надеюсь, всё придет в порядок. А если в Петербурге положение не улучшится, можно ведь попасть по железной дороге в Европу прямо из Москвы и даже из Орла. Потому что через 26 дней я должен быть в Лондоне. Было бы слишком печально, если б меня задержали...

Еще раз — и очень тщательно — просмотрел текст русского перевода романсов — в присутствии и с помощью Луизы. Мы сделали кой-какие изменения — и теперь всё пойдет хорошо. Иогансен уже начал их печатать[2].

Третьего дня состоялось заседание литературно-артистического общества, о котором, кажется, я вам писал и идея которого принадлежит Рубинштейну. Выбрали комитет из 8 членов, которому поручено выработать нечто вроде проекта еженедельных собраний. Я стал очень популярен в Петербурге: вкусы публики изменчивы[3]. На этом заседании пили за мое здоровье под гром рукоплесканий. В тот же вечер — в большом зале Городской думы — состоялась публичная лекция... о типах, *выведенных в моих произведениях* (!!!)[4]. Публики на лекции было очень много — но этот господин в конце концов ей наскучил. Вы понимаете, что я не пошел слушать, как мне будут объяснять меня же самого — и, вообще, нахожу, что можно было выбрать более интересную и более общую тему. Как бы то ни было, это все же лестно — но господин, кажется, — настоящий "bore"[a].

1 час ⟨ночи⟩.

Сна всё нет — и ощущения самые странные в желудке, в руках, в ногах... Всё это нервное и значения не имеет — но мешает спать и даже лежать. Мне не хотелось бы, чтобы со мной что-нибудь приключилось вдали от вас... Вдали от вас, нет, это невозможно! А потому — больше не надо разлучаться.

---

[a] "зануда" (*англ.*).

Что за несчастье, что вот уж скоро целую неделю нет писем... Очень надеюсь, что они ждут меня в Москве — с какою жадностью я накинусь на них! Это ужасно — не знать, что вы делаете, что сделали.

Сегодня суббота... Может быть, у вас гости — вы музицируете — а я борюсь с каким-то гадким фантомом, который словно держит меня в своих когтях.

Вчера я присутствовал на публичной лекции одного из наших лучших физиологов, г-на Сеченова[5]. Он объяснял функции глаза — очень ясно и научно. Я сидел совсем близко от него — он предложил мне принять участие в некоторых опытах — как приятелю...

Воскресенье, 9 часов утра.

В первый раз за неделю ночь прекрасно спал — и сейчас свеж и бодр, как оно и следует для поездки в Москву. Лучшим другом, чем Анненков, быть нельзя.

Завтра вечером напишу вам опять из дома другого друга, Маслова — и уже прочтя ваши письма!

Гостиница "Демут", № 7. 1 1/2 часа.

Я опять немножко волнуюсь — но через час уезжать, а в дороге это пройдет. Итак — напишу вам завтра из Москвы.

Тысячу и тысячу приветов всем — Виардо, детям — а вам нежно целую руки и остаюсь навсегда

der Ihrige[б]

И.Т.

2898. Полине Виардо (с. 48)

С французского:

№ 20

Москва.
Пречистенский бульвар.
В доме Удельной конторы.
Понедельник вечером, 8/20 марта 71 года.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, с сегодняшнего утра я здесь у моего старого друга Маслова — и мои страхи перед холерой улеглись. В поезде было немало пассажиров, спасавшихся бегством из "зачумленного" города[1]. Здесь погода чудеснейшая — и никто не говорит об этом ужасе.

Я нашел здесь письмо от Виардо и от детей[2] — отвечу им завтра. Они писали мне в то время, когда вы уезжали в Манчестер. Нашел также письмо от своего управляющего[3], который сообщает, что в Спасском меня ждут письма из-за границы. После совещания с Масловым было решено вызвать управляющего сюда со всеми его документами, планами и счетами — и, может быть, удастся покончить с этим делом здесь без того, чтобы мне самому ехать в Спасское. Но это еще не наверняка, и весьма возможно, что мне-таки придется съездить туда на *неделю*, так что через полмесяца я уже смогу двинуться в путь, в свой "home" на "Devonshire place"[а]. Я уверен, что среди писем, о которых мне сообщает управляющий, есть и ваши. Как давно я уже не видел вашего дорогого почерка — и, разумеется, сам виноват в том — или, точнее, виноваты обстоятельства, сложившиеся таким образом.

[б] Ваш (*нем.*).

[а] "дом"⟨на⟩ "Девонширской площади" (*англ.*).

Маслов процветает, как и прежде... Но в каком печальном состоянии бедный Борисов, которого я поспешил навестить тотчас по приезде! Худоба его ужасающа... выражение лица почти такое, какое бывает у умирающих; боюсь, что ему не дотянуть и до лета — его отнимет у меня весна, этот страшный убийца чахоточных![4] Для меня это будет большая утрата, и я буду ощущать ее долго... Милютин, которого я тоже видел, — всё в том же состоянии[5]. Брата своего всё еще не видел.

Здесь все, кого я ни встречал, говорили со мной о письме, посланном вам Н. Рубинштейном[6]. Всем так хотелось бы заполучить вас сюда, в Москву! Князь Трубецкой, который вместе с Н. Рубинштейном стоит во главе консерватории, уже был у меня и справлялся, осуществимо ли это. Он сказал мне, мне что консерватория никак не может предложить вам за 7 зимних месяцев больше 5000 рублей — что втрое превышает их самые крупные гонорары, — но что вы необычайно легко сможете, помимо этого, заработать за зиму 15 000 рублей — уроков по 25 руб. за час у вас будет сколько хотите, да еще концерты и т.д., и т.д. Я принужден был взять на себя по отношению к вам роль передаточной инстанции — но не скрыл от этих господ, что у них очень мало шансов на успех. Приехать в Москву!

Нашел я здесь и ужасные последние телеграммы из Парижа — о победе монмартрских инсургентов, об убийстве Кл. Тома и т.д.[7] О бедная, бедная Франция! В какую бездну она упала — и как она выберется оттуда...! "Das werden Mexikanische Zustände werden"[б], — говорил мне Мюллер о Франции после заключения мира[8]. Неужели он прав? И после войны с внешним врагом на Францию обрушится война гражданская?.. Вот уж, что называется, обухом по голове.

Из Москвы буду писать вам *каждый* день. Итак, до завтра. Тысячу нежностей всем. Целую ваши дорогие руки с Inbrunst. Auf Leben und Tod

Der Ihrige[в]

И.Т.

2901. Полине Виардо (с. 51)

С французского:

№ 21

Москва.
Пречистенский бульвар,
в доме Удельной конторы.
Вторник, 9/21 марта 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, день я провел без особого движения. Здесь совсем не то, что в Петербурге. Друзей у меня здесь гораздо меньше, и общество мне не по душе: всюду разит лампадным маслом, которого я не выношу. Ни они мне не подходят, ни я им[1]. Часть утра и послеобеденного времени я провел подле моего бедного Борисова; мы играли в шахматы. Я совершенно уверен, что это последние часы, которые я проводил с ним, и когда я в следующий раз приеду в Россию, его уже не будет в живых... И случится это много раньше![2]

Я послал телеграмму моему управляющему и жду его здесь вместе с деньгами, счетами, бумагами — и в особенностями с письмами![3]

[б] "Это будет то же, что было в Мексике" (*нем.*).

[в] восторгом. До гроба Ваш (*нем.*).

Графиня Ламберт тоже укрылась в Москве, но ей пришлось срочно уехать в Петербург: муж ее умирает от холеры[4].

Чувствую я себя довольно спокойным, и по ночам нервы не слишком меня донимают. Конечно, вполне уравновешенным и спокойным я почувствую себя лишь вновь оказавшись подле тех, кого люблю больше всего на свете. Никогда еще возможность долгой разлуки не была для меня столь тягостна. Вот уж вздохну с облегчением, когда пересеку границу.

В особенности плохо бывает мне ночью. Я с трудом засыпаю и регулярно просыпаюсь, час или два спустя, "скачком", как говаривала не помню уж которая из ваших горничных. И тогда меня начинают одолевать тоскливые мысли и странные ощущения — то озноб, то какой-то смутный страх... Я думаю обо всех вас, и потом обо всем, что происходит, о вашей несчастной стране, обо всех ужасах и жестокостях, которые творят люди[5], и потом о вечной проблеме смерти... Потом являются всякие нелепости полусна, какая-нибудь фраза, не переставая, звучит в голове и т.д. и т.п. Виардо все это знакомо — пока, наконец, снова не уснешь.

Однако милое письмецо я вам написал... Но раз уж надо в точности рассказывать вам свою жизнь — в данный момент она такова. Ну что ж, я продолжу завтра. Надеюсь, это будет веселее. А пока вы знаете, что, веселый или грустный, больной или здоровый, я всецело и безраздельно принадлежу вам, навеки и неизменно.

Der Ihrige[a]
И.Т.

2902. Полине Виардо (с. 52)

С французского:

№ 22

Москва.
Пречистенский бульвар,
в доме Удельной конторы.
Четверг, 11(23) марта 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, приехал из Спасского мой управляющий и привез мне два письма: одно из Ливерпуля[1], другое из Лондона. Первое огорчило меня — вас положительно преследует неудача; второе пролило немного бальзама на мои раны. Ваши "субботы" очаровательны, и я был бы счастлив присутствовать на них — и вскоре буду на них присутствовать. Прежде всего я должен вам сообщить вот что:

1) Я решил не ездить в Спасское — и всё устроить здесь.

2) Выехать из Москвы в будущую среду, 10/30 марта[2].

3) Не возвращаться в Петербург, а ехать прямо в Кёнигсберг через Смоленск и Витебск[3].

Кладя *десять* дней на путешествие — а, по-моему, это гораздо больше, чем нужно — я, как видите, имею все шансы прибыть в Лондон между *10-м* и *15-м* апреля[4]. Таким образом, задержка будет незначительной, и "вершина горы" осталась уже далеко позади, что наполняет меня радостью.

Холера принимает в Петербурге ужасающие размеры, и я вовсе, вовсе не желаю подвергать себя риску не вернуться на Devonshire place[a].

---

[a] Ваш (*нем.*).

[a] Девонширскую площадь (*англ.*).

Вот в каком порядке мы с Луизой расположили романсы в Альбоме[5]:

1) "Märchen" (по-русски "Лесная тишь", "Waldeinsamkeit");

2) "Verfehltes Leben"[б];

3) "Der Gärtner"[в];

4) "Allein" (по-р⟨усски⟩ "Ожидание" — attente);

5) "Rosenzeit" (по-р⟨усски⟩ "Былое счастье" — "Bonheur passé"; и

6) "Es ist ein schlechtes Wetter"[г].

Вы меня спрашиваете, имеется ли "хижина и сердце"[6] в истории Луизы. Увы! (я говорю: увы!) ничего подобного нет. Всё то же, что и прежде: горькое и гордое одиночество — около нее несколько существ женского пола в положении рабынь — и будущее — я сказал бы, почти умышленно неопределенно. Она по-прежнему "рубит свои канаты" — чтобы скитаться по волнам. Что касается общества, то она, мало сказать, его не любит — просто ненавидит. При всем том не следует забывать, что она по-настоящему больна. Я, кажется, уже писал вам, что мы с ней много говорили о ее ребенке: это, кажется, льстило ее материнской гордости — но она оставалась непреклонной, как скала. Это существо, отмеченное печатью рока, — к которому, несмотря на невольное отвращение, нельзя не чувствовать глубокой и острой жалости[7].

Я послал вам хорошую свою фотографическую карточку[8]. Что касается двух портретов, я их и не думал заказывать — портреты редко удаются[9].

Мои письма доходят до вас очень нескоро... а я-то — когда и как дойдут до меня ваши? Я, разумеется, отдал распоряжения в Спасское. К счастью, скоро этому всему конец.

Прядь моя — раз уж вам угодно осведомляться о ее делах и поступках, опять начинает завиваться.

Мой брат (который, кстати сказать, чувствует себя превосходно и продает лес по баснословным ценам) снесет это письмо на почту, и я кончаю писать, говоря: до завтра. Он благодарит Виардо за память.

Клоди и Марианна! Завтра вы получите колоссальное письмо!![10]

А пока обнимаю всех и с благоговейной нежностью целую ваши дорогие руки.

Der Ihrige[д] И.Т.

Ура! десятому апреля![11]

2903. Полине Виардо (с. 54)

С французского:

№ 23

Москва.
Пречистенский бульвар.
В доме Удельной конторы.
Суббота, 13/25 марта 1871.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, не могу не сказать вам о том, что эти ужасные известия из Парижа поглощают меня целиком и повергают в отчаяние[1]. Это в точности — императорский и преторианский Рим, погружающийся в анархию, и крик Горация: "Quo, quo scelesti, ruitis?"[2] (Куда вы стремитесь, несчастные?) — непрерывно звенит у меня в ушах.

[б] "Погибшая жизнь" (*нем.*).

[в] "Садовник" (*нем.*)

[г] "Стоит погода злая" (*нем.*).

[д] Ваш (*нем.*).

Последние события особенно прискорбны тем, что они с корнем вырывают симпатии, которые в Европе питали к Франции (только это я сейчас и вижу вокруг) и превосходно играют на руку врагам свободы: "Вот видите, — восклицают они, — видите, к чему приводят эти достославные принципы 89 года"[3] и т.д. и т.д.

Это июньское восстание 1848 года, одержавшее победу[4], — а что станет с Францией? Как? Неужели же нации, которую мы все так любили и которой мы стольким обязаны, уготована судьба Польши, Мексики?[5] Я не перестаю задавать себе эти вопросы и, пытаясь заглянуть в будущее, чувствую себя растерянным и отупевшим. К этому добавляются личные заботы (само собой, речь не обо мне). Что станется с вашим состоянием? С домом на улице Дуэ — с вашими акциями, и с этой злополучной фермой!.. Все торговые сношения, наладившиеся было с Францией, сразу же снова прекратились. Банкиры пожимают плечами... Это тонущий корабль, сказал мне вчера г-н Ахенбах.

Я купил на 17 500 франков акций русских железных дорог для пополнения приданого Диди — я хочу сказать, для увеличения суммы. Теперь у нее около 80 000 франков. Виардо написал мне, спрашивая, не думаю ли я, что часть этих денег следует употребить для того, чтобы подписаться на новый французский заем; это, как он выражается, было бы жертвой на алтарь отечества; я полагаю, что это было бы просто жертвой[6] и именно в таком духе ему ответил[7]. Если Клоди, когда станет взрослой и вступит во владение своими акциями, захочет распорядиться этими деньгами таким образом, это будет ее дело[8].

Сегодня суббота, и я уже подсчитал, что через две недели я, более чем вероятно, смогу присутствовать на вашем музыкальном вечере накануне Easter Sunday[а].

Итак, вот что надо сделать: как только вы получите это письмо, живо напишите мне или лучше пришлите мне телеграмму в Берлин, в гостиницу "С.-Петербург", на Unter den Linden, надо ли мне прямо и без промедления ехать в Лондон — чего мне хочется самому, или же вы считаете необходимым, чтобы по каким-нибудь делам, соображениям и т.д. я заехал в Баден-Баден, что задержит меня на два-три дня. Виардо пишет мне, что он приедет в Баден-Баден только на несколько дней осенью с единственной целью забрать картины и пр. и затем уехать; но, может быть, следовало бы уже весной принять какие-либо меры с тем, чтобы продать дома или отдать внаем. Поговорите с ним, и если он считает, что мое присутствие в Баден-Бадене *весной* — необходимо — я *повторяю*, что сделаю этот крюк скрепя сердце... Но все же сделаю[9]. Надо только, чтобы я знал об этом тотчас по приезде в Берлин.

В этом конверте вы найдете письмо для Клоди и Марианны[10]. Я сообщаю им некоторые подробности, которые, может быть, заинтересуют и вас. Одновременно с телеграммой в Берлин пошлите письмо в Баден-Баден с необходимыми распоряжениями, если сочтете их необходимыми и если полагаете, что я должен поехать в Баден-Баден.

Спустя 4—5 дней по получении этого письма мы, возможно, увидимся — сердце мое трепещет от радости. Тысяча приветов всем. 1000 раз целую ваши руки.

Auf ewig
Der Ihrige[б]
И.Т.

[а] Христова Воскресенья (*англ.*).
[б] Навеки ваш (*нем.*).

2905. Полине Виардо (с. 57)

С французского:

№ 24

Москва.
Пречистенский бульвар.
В доме Удельной конторы.

Понедельник вечером, $\frac{15}{27}$ марта 1871.

Два публичных чтения — два дня подряд, дорогая и любимая госпожа Виардо! — Вчера — без подготовки: две дамы благотворительницы пришли просить меня читать взамен внезапно заболевшего актера, публики было немного; сегодня — чтение в большом зале Дворянского собрания[1] — народу пропасть — прием восторженный!!! — но боюсь, слышно ничего не было — потому что этот зал ужасен для голоса — он чрезмерно велик. Звучащая речь превращается в невнятное гудение. Ну, что делать, цель была достигнута — в кассу поступило много денег — а это главное. Я не слишком обременил себя: читал я три раза (один раз в Петербурге — и два здесь) — ту же самую вещь — публика всякий раз была новая и я был уверен в своем сочинении[2]. Так вот! Знаете ли вы, что я боюсь — только не смейтесь надо мной — *пресытиться* по части аплодисментов! Под их шум я чувствую себя болваном и как бы стыжусь, что меня так мало трогают все эти изъявления чувств... Или, скорее, я не пресыщен — но раз уж я знаю, что через несколько дней возвращусь в свой home[а] — все остальное мало меня трогает. Завтра у меня будет паспорт — и раньше, чем через две недели — что я говорю, в *следующую* субботу — я смешаюсь с толпой, входящей в вашу гостиную[3]... "Ничего, ничего, молчание", как говорит гоголевский сумасшедший[4].

Я вижу здесь много народу и улаживаю немало дел. Надеюсь привезти остаток приданого Клоди[5]. Мой брат мог бы существенно поддержать меня... Но ведь еще имеется женщина, его жена! Впрочем, посмотрим.

Мой бедный Борисов чувствует себя весьма скверно; он как никогда пожелтел и исхудал[6]. Сегодня вечером мой управляющий отбыл в Спасское; он исправился — и я собираюсь оставить его еще на этот год.

Говорил ли я вам, что у Луизы ровным счетом ничего не вышло с завершением оперы Серова?[7] Она воображала себе это — но работа была поручена другому. Что она будет делать? В конце концов, я не такого уж высокого мнения об этой опере.

Управляющий должен мне прислать все письма, которые он обнаружит в Спасском.

Холера в Петербурге свирепая — и губительная. Я хорошо сделал, что сбежал оттуда.

Мне будет гораздо лучше через несколько дней, когда я уеду отсюда — какое это будет счастье, когда я дам телеграмму из Берлина!

А пока будьте здоровы — обнимаю всех, а вам с живейшей нежностью целую руки.

Der Ihrige[б]
И.Т.

[а] дом (*англ.*).
[б] Ваш (*нем.*)

2916. Полине Брюэр (с. 64)

С французского:

Берлин.
Гостиница "С.-Петербург".
Среда, 5 апреля 1871.

Дорогая Полинетта,

Я только что приехал сюда — твое письмо[1] мне было передано два дня тому назад, когда я был проездом в С.-Петербурге. Те несчастья, о которых ты мне сообщаешь, очень серьезны; но они не так велики, слава богу, как мне передавали; к тому же — вы оба здоровы — а это самое важное. Теперь перейдем, не откладывая, к денежному вопросу. Но прежде всего умоляю тебя проникнуться сознанием, что я всегда говорю только правду, и уверен, до тех пор пока мне не докажут противное, что и мне говорят тоже правду. Поэтому с твоей стороны по меньшей мере напрасно было бы полагать, будто я счел твою просьбу — "шуткой"; я прекрасно понимаю, что вам нужны деньги, — но выслушай следующее: *я не могу* взять 10—15 тысяч франков из моего годового дохода, значит, надо что-то продать или где-то занять. Я пытался продать часть своего имения в прошлом году[2] — и в этом году; в прошлом году мне это *совсем* не удалось; в этом году *пока еще* не удалось — так что я принужден был оставить своему другу г-ну Маслову полномочия для окончания сделки. *У меня все основания полагать,* что она будет заключена — и тогда я смогу тебе выплатить не 10 000 ф-в, а всю сумму. Но эта сделка еще не совершена. Я хотел взять в долг у брата, который несметно богат, — он отказал. Всё, что я могу сделать при настоящем положении вещей, это: 1°) послать тебе из Лондона — в субботу или воскресенье — в качестве предварительной выплаты 5000 ф-в; 2°) призвать тебя к терпению. Приехать самому, пока в Париже не прекратилось это невозможное положение, было бы бессмысленно; впрочем, по всей вероятности, это ненадолго. Я приеду, как только смогу. А пока пиши мне — Девоншир плейс, 30, Портленд плейс, Лондон. И, что самое главное, вооружись терпением. Эти 5000 ф-в будут для тебя небольшой поддержкой — потом, возможно, совершится та крупная продажа; тогда мы избежим катастрофы.

Нежно обнимаю вас обоих и до свидания!

Твой любящий отец
И. Тургенев.

P.S. Я обращусь в Лондоне к тому же банкиру; впрочем, если ты придумаешь лучший способ, напиши мне поскорее.

2918. Полине Виардо (с. 66)

С французского:

Лондон.
Бомонт Стрит, № 16.
Четверг, 13 апреля, 9 ч. утра.

Дорогая и любимая госпожа Виардо, я еще лежал в постели, где проспал беспробудно, как сурок, с 11 1/2, когда мне принесли ваше письмо из Уорсэша[1], которое доставило мне огромное удовольствие, как вы можете себе представить. Я уверен, что пребывание в прекрасной местности, в условиях полнейшего комфорта и благополучия, принесет вам большую пользу (да и погода, кажется, благоприятствует), и я не настолько эгоист, чтобы не желать продолжения вашего отдыха на несколько дней. Что до

меня, то я снова стал если не совсем жаворонком, то хотя бы наполовину. Сегодня я рассчитываю выйти и пообедаю на Девонширской площади[2]. 3 добрых анабаптиста[3] не пренебрегли мною: но ни политического, ни религиозного конфликта не случилось. Мануэль объявил, что, при случае, он с удовольствием приговорил бы к смерти *тысячу двести* (почему в точности такая цифра?) инквизиторов, что должно вам доказать, насколько он стал умереннее! Мы немного попробовали свои силы в висте, и я даже играл в шахматы с Мануэлем, которого разбил наголову, к моему великому удовлетворению, после печальных московских опытов. Потом я долго думал о вас, я развлекался тем, что мысленно следовал за вами в ваших прогулках — со всеми подробностями прекрасной жизни замка, с которой познакомился за неделю, проведенную у Найтингейлов, где было гораздо менее приятно, чем у г-жи Сарторис. Мне жаль, что я не был представлен ей на вечере во время чтения "Кракамиша"[4]. Я читал русские газеты, прочел также "Письма путешественника во время войны" г-жи Санд в "Revue des 2 Mondes"[5], полные душераздирающей грусти, с теми очаровательными интонациями, секретом которых владеет одна она, и рядом пейзажей, набросанных ею как бы невольно то здесь, то там, несмотря на все ее заботы, и тем более прекрасных. Я предпочитаю такого рода сочинения ее романам, как предпочитаю всему, что она написала, старые "Письма путешественника" из Венеции[6]. Это донельзя поэтично и *правдиво*, чего, в сущности почти всегда, недостает ее романам.

Я все еще не получил известий о большой сделке[7]: утро я собираюсь провести за писанием писем в Россию. Диди! Марианна! Я напишу вам завтра. Сегодня я целую вас! Развлекайтесь! Развлекайтесь! хорошенько ешьте и спите, вот и все, что я вам скажу!!

Что до вас, theuerste Freundinn[а], я целую обе ваши руки с самой большой нежностью и остаюсь навсегда

Der Ihrige[б]
И.Т.

P.S. Вчера я отправил свое письмо на почту до 11 ч., — но, может быть, требуется много времени, чтобы добраться до Уорсэша, и потому вы не получили его до 5 часов.

2920. Полине Брюэр (с. 68)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Портленд плейс.
Четверг, 13 апреля 1871.

Дорогая Полинетта,

Если ты получила, как я надеюсь, мое письмо, посланное из Берлина неделю тому назад, то ты должна уже знать обо всем, что я тебе написал, и о моем обещании послать тебе *5000* ф-в, как только приеду в Лондон[1]. Я действительно приехал сюда в субботу вечером — но с воскресенья заболел — в понедельник слег в постель и только сегодня начал выходить; я еще довольно слаб, хотя и поправился. Надеюсь, что завтра смогу пойти к банкиру — но меня немного беспокоит, что я не получил здесь твоего письма; по моему расчету, оно должно было бы уже дойти[2]. События, ко-

---

[а] самый дорогой друг (*нем.*).
[б] ваш (*нем.*).

торые происходят в Париже, нанесли делам последний удар — это хуже, чем во время войны — и я сильно опасаюсь, что коммерческие и финансовые отношения станут почти невозможны; в моем письме я просил тебя указать мне, каким путем лучше всего послать эти деньги[3] — тебе на месте видней — речь не идет уже ни о Нанте, ни о Туре. Я посоветуюсь со своим банкиром, но и ты со своей стороны напиши — чтобы я знал по крайней мере, где вы находитесь — телеграфируй, если нужно. У меня была простуда с осложнением — припадок моей старой невралгии. Это меня порядком измучило.

Итак, еще раз — *точные указания о способе отправки.* Гастон, конечно, будет знать, как следует поступить.

Целую вас обоих и с нетерпением жду от вас вестей.

И. Тургенев.

P.S. Назовите какой-нибудь *город* во Франции — *Бордо,* напр., в котором вы знали бы банкира.

2926. Валентине Делессер (с. 75)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Портленд плейс.
17 апреля 71.

Сударыня,

Мне хотелось бы, чтобы это письмо не застало вас в Париже — а с другой стороны, я так хотел бы получить от вас какое-нибудь известие... Пребывая в сомнении, пишу вам. Мне даже страшно подумать, что в вашем тихом Пасси бомбардировка и всякого рода ужасы сейчас угрожают вам больше, чем во время осады Парижа пруссаками[1]. Нет нужды говорить вам, какие мысли терзают меня со времени этих последних событий: неужели действительно рушится мир, который мы знали и в котором жили? Я возвратился из двухмесячного путешествия в Россию — и пробуду здесь до конца июля. Если этот листок дойдет до вас, дайте мне знать об этом хотя бы двумя строками, написанными вашей рукой. Где и когда мы снова увидимся? У меня было намерение проехать через Париж на обратном пути из России... но вообще — существует ли еще Париж?

Что бы ни случилось, вы должны знать, что в моем лице вы имеете друга, чья привязанность к вам останется навсегда неизменной. Нежно целую вам руки.

Преданный вам
И. Тургенев.

2928. Полине Брюэр (с. 76)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит. 16. Портленд плейс.
21 апреля 1871.

Дорогая Полинетта, я только что получил сразу два твоих письма[1]. Деньги будут отправлены завтра же[2] г-ну Гуэну в Тур, а Гастону я пошлю вексель. Вы сможете его получить, начиная с понедельника.

Я прекрасно понимаю, в каком затруднительном положении вы находитесь — и какие бесчисленные трудности вас осаждают. Вы испыты-

ваете те же невзгоды, что и большинство французов[3]. Можешь не сомневаться,что я сделаю всё, что будет в моей власти, чтобы тебе помочь, и, если та продажа не состоится — ну, что ж! я возьму в долг. Г-н Маслов до сих пор мне ничего не написал, и это молчание — плохое предзнаменование[4]. Около середины мая я должен буду поехать в Баден-Баден — и непременно с тобой увижусь[5] — может быть, не в Париже, потому что кто знает, сколько еще времени могут продолжаться эти ужасы[6], — а в каком-нибудь месте, которое можно будет назначить, — заранее. Во всяком случае мы скоро увидимся.

Мое здоровье совсем поправилось.

Итак, *завтра* — я хочу сказать, назавтра после получения письма — вы получите вексель.

Нежно целую вас обоих.

И. Тургенев.

2932. Полине Брюэр (с. 79)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
25 апреля 1871.

Дорогая Полинетта,

Я только что вернулся от банкира *Кутса*, которому вручил 120 фунтов стерлингов — *3000* франков, которые он должен немедленно отправить г-ну Гуэну в Тур — и ты или твой муж сможете их у него получить. Как принято у этих господ, они не дали мне *ни расписки, ни какой-нибудь другой бумаги*, сказав, что в их фирме это не делается. Прошу тебя, как только ты получишь деньги, *тотчас же* меня известить[1].

Пока что я смог послать тебе только 3000 франков — остальные 2000 будут посланы *не позднее* чем две недели, даю тебе слово[2].

Пишите мне — и будьте здоровы; целую вас обоих.

И. Тургенев.

2934. Сюзанне Милнер Гибсон (с. 81)

С английского:

Г-н И. Тургенев шлет поклон г-же Милнер Гибсон и почтет за честь быть званым на ее Среду 20 апреля[1].

Бомонт Стрит, 16.
Портленд Плейс, Западная часть.

2936. Томасу Карлейлю (с. 82)

С английского:

Бомонт стрит, 16, Мэрилебон.
Суббота, 29-го апреля 71.

Любезнейший г-н Карлейль,

Будете ли вы дома завтра (в воскресенье) в 9 ч. вечера? Если я не получу ответа, буду полагать, что вы *дома*, и буду иметь удовольствие навестить вас[1].

Совершенно преданный вам И. Тургенев.

2938. Людвигу Пичу (с. 83)

С немецкого:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
Понедельник, 1 мая 1871.

Любезнейший друг, вчера утром мне попала на глаза заметка в "Observer", которую при сем прилагаю; Вы можете представить себе, как бы я перепугался, если бы прочел эти строки, находясь в каком-нибудь другом месте, а не в гостиной г-жи В⟨иардо⟩, и не в ее присутствии[1]. Однако, так как подобные новости распространяются с быстротой огня и немецкие газеты их охотно повторяют, я прошу Вас, если понадобится, опротестовать это сообщение — или, даже лучше, уже сейчас предостеречь публику от него через какую-нибудь газету ("Vossische Nationale")[2]. Сама г-жа В⟨иардо⟩ отнеслась к этому случаю совершенно спокойно — ей только неприятно, что ее сделали на пять лет старше, чем на самом деле (49)[3].

В остальном здесь всё относительно благополучно. Только г-жа В⟨иардо⟩ не может отделаться от жестокого катара, который уже давно не отпускает ее и мешает петь, что означает большую потерю денег, а *это* уж совсем некстати.

Что касается меня — то со мной тоже всё обстоит относительно благополучно. С каждым днем в моей жизни запах тления становится все ощутимее. Смерть — тонкий гурман, она любит поедать людей, как фазанов, с острым haut goût[a].

Поклонитесь от меня всем друзьям — и напишите мне несколько строк.

Ваш И. Тургенев.

2839. Валентине Делессер (с. 83)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Портленд плейс.
3 мая 1871.

Сударыня,

Хотя ваше письмо и очень грустное, я был весьма рад его получить[1]; по крайней мере, я знаю теперь, где вы находитесь. Вы ничего не говорите мне о своем здоровье; но надеюсь, оно не слишком пошатнулось из-за всего, что вам пришлось пережить в это ужасное время. Вы очень любезны, сообщая мне новости о Полине: война нанесла сильный ущерб ее состоянию — но ведь она, равно как и ее муж, в добром здравии — и всё это может еще мало-помалу поправиться. Я рассчитывал поехать с ней повидаться; но из-за этих парижских событий невозможно строить какие бы то ни было проекты... Ждешь — сам не зная чего. Это уж даже не покорность судьбе — это какое-то оцепенение. Если только всё это не кончится вдруг — совершенно неожиданным образом — то вообще неизвестно, как это кончится. Однако я твердо решил отправиться, как только смогу, в Париж — и увижу вас, быть может, раньше, чем предполагаю. Кто знает?

У меня к вам просьба. Вот о чем идет речь. "Le Temps", полагаясь на сообщение неизвестно какого корреспондента, напечатала, что г-жа Полина Виардо умерла — и множество газет, английских, немецких, италь-

---

[a] душком (*франц.*).

янских, повторило эту новость, слава Богу, совершенно ложную[2]. Она была опровергнута здесь и в Германии; но как быть с Францией? Я и подумал, что, если послать вам небольшое письмо, которое г-жа В⟨иардо⟩ написала в "Pall Mall Gazette", вам бы удалось, быть может, напечатать его ⟨если не⟩ в "Le Temps", то хотя бы в какой-нибудь версальской газете[3]. В последние дни пришло множество писем от встревоженных друзей — надо бы их успокоить. Будьте столь добры и любезны это сделать; со своей стороны, г-жа Виардо была бы вам очень благодарна.

Наилучшие пожелания всем вашим. Что касается вас, то вы ведь знаете о той глубокой привязанности, которую я к вам питаю. Нежно целую вам руки и остаюсь навсегда

ваш И. Тургенев.

P.S. Г-жа В⟨иардо⟩ указывает дату своего рождения, потому что в сообщении о смерти ее наградили 54 годами.

2941. Полине Брюэр (с. 85)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
6 мая 1871.

Дорогая Полинетта,

Твое молчание начинает меня беспокоить. Во вторник (на прошлой неделе) — скоро будет уже две недели — я послал тебе 3000 франков через банкира Кутса на имя Гуэна из Тура; а ты мне не сообщаешь, получила ли ты их. Поскольку этот чертов Кутс не дал ни расписки, ни векселя, то, признаюсь, мне это не нравится, и у меня возникают опасения. Напиши мне немедленно, прошу тебя[1]. Я скоро должен буду послать тебе еще 2000 ф-в и хочу знать, могу ли я отправить их тем же путем[2].

Не знаю, дошел ли до тебя слух о смерти г-жи Виардо; едва ли мне нужно говорить тебе, что это известие, которое повторили газеты всей Европы, совершенно ложно[3].

Целую вас обоих.

И. Тургенев.

2942. Жорж Санд (с. 86)

С французского:

Да — к счастью — все это неправда, дорогая г-жа Санд[1], знай я ваш адрес, я уже написал бы вам, — теперь в спешке и радости целую ваши руки и остаюсь навсегда

ваш И. Тургенев.

2944. Гюставу Флоберу (с. 87)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
6 мая 1871.

К счастью, мой дорогой друг, к счастью, это известие совершенно ложно[1]! То, что г-жа В⟨иардо⟩, которую я вижу ежедневно, умерла, справедливо не более, чем то, что ей 54 года. Если бы это известие соответст-

вовало действительности, думаю, я был бы не в состоянии вам ответить... Теперь я могу сказать вам, что ваше письмо меня глубоко тронуло. Очень приятно сознавать, что у тебя есть настоящий друг — и я благодарен вам за то, что вы мне доказали это[2].

Я нахожусь здесь уже три недели — конец зимы и начало весны я провел в России — здесь я пробуду до 1-го августа — а затем отправлюсь — через Францию — в Баден-Баден. Я сделаю остановку в Париже — если Париж будет еще существовать к тому времени — и надеюсь вас увидеть. Быть может, и вы приедете в Баден-Баден, где мы спрячемся — на некоторое время — словно кроты в свои норы, вы могли бы там укрыться вместе с нами. Но раньше сообщите мне, что у вас нового. Получили ли вы в конце концов письмо, которое я написал вам в начале года[3]? Что вы делали во время этой ужасной бури? Оставались ли всё это время в Круассе? Удалось ли вам, вопреки вашему стремлению к одиночеству и сосредоточенности, избежать участи тех соломинок, которые так печально-растерянно и так бесполезно кружатся в распахнутых дверях риги? Работали ли вы — или вам пришлось вести день за днем — пустую и тягостную — жизнь? Я не француз, и однако же моя жизнь была почти такой. Ах, трудные дни нам еще предстоят — нам, *рожденным быть зрителями.* Как поживает Антоний? Он не выходит у меня из головы.

Я нахожусь в Англии — не ради удовольствия — но потому, что мои друзья, почти разоренные этой войной, приехали сюда, чтобы попытаться заработать немного денег[4]. Англичане, в общем неплохие люди, но все они — даже самые умные — ведут очень суровый образ жизни. Надо к нему приспособиться — как и к их климату. Да и куда деваться?

Как поживает госпожа Флобер? Передайте ей мой поклон. Нет ли вестей от Дюкана? Его унесло бурей — как многих других[5].

Напишите мне несколько слов. Еще раз спасибо за вашу привязанность ко мне. Обнимаю вас со всей силой моей привязанности к вам.

Ваш друг И. Тургенев.

P.S. Нет необходимости говорить, что ваше письмо я получил лишь сегодня.

2945. Бернгарду Эриху Бере (с. 88)

С немецкого:

Лондон.
Бомонт Стр., 16. Мэрилебон.
$\frac{\text{11 мая}}{\text{29 апреля}}$ 1871.

Милостивый государь!

Только сегодня я получил Ваше письмо — и спешу ответить Вам. Несомненно, мне было бы очень приятно (да и для Вас это было бы дополнительной гарантией), если бы я смог отредактировать 5-й том моих сочинений, так же, как и прежние; но боюсь, что могут возникнуть некоторые затруднения с пересылкой корректур. Я останусь здесь до конца июля; затем отправлюсь в Баден-Баден — и покину его только в октябре. Может

быть, печатание начнется только в июле? Во всяком случае я отсылал бы обратно корректурные листы с обычной аккуратностью[1].

Примите уверение в моем глубоком уважении.

И. Тургенев.

P.S. Если же Вы не решитесь высылать корректурные листы, то я порекомендовал бы для сравнения исправленнный мною самым тщательным образом перевод "Призраков" во французском издании Этцеля[2].

2946. Людвигу Пичу (с. 89)

С немецкого:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
11 мая 1871.

О Пиче, Пиче (латинский звательный падеж) — *этого* я не мог ожидать от такого проницательного человека, как Вы: как Вы могли испугаться? Неужели Вы думаете, что если бы г-жа В⟨иардо⟩ в самом деле умерла, я был бы в состоянии вырезать извещение и наклеить его на бумагу??[1] О Пиче! Пиче! Но Вы верный друг — а это главное.

Меня очень огорчило известие о болезни Вашей дочери — но разве можно было ожидать чего-либо иного от такой *собачьей погоды*? Если только вообще наступит лето, ей, конечно, станет лучше.

Разумеется, Вы должны приехать в Лондон — это совершенно обязательно. К сожалению, я не могу предоставить Вам комнату, как в Баден-Бадене — но мы непременно подыщем Вам не слишком дорогую квартиру[2].

Поцелуйте от моего имени Кати — и скажите ей, что я ношу ее в своем сердце наперекор всем "eunuques enragés"[a,3]. Передайте привет всем остальным друзьям и Вашему семейству.

Итак, до свидания!

Ваш И. Тургенев.

2948. Элизабет Бензен (с. 91)

С французского:

⟨...⟩ К своему стыду, я обнаружил, что даже пометил этот день в своей памятной книжке. Следовательно, мне нет оправдания. Перед вами преступник, который ждет прощения. Мне было бесконечно неприятно узнать, что я заставил ждать себя ⟨...⟩

2949. А.А. Трубецкой (с. 91)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон,
17 мая 1871.

Любезная княгиня,

Вероятно, обстоятельства против меня — и более чем вероятно, очевидно, что мне уже давно следовало вам написать — поэтому я даже не буду пытаться оправдываться — ограничусь тем, что скажу, что всякий раз,

---

[a] "бешеным евнухам" (*франц*.).

как я думал о вас и ваших близких, во мне возникало чувство горячей и дружеской симпатии. Семейство В⟨иардо⟩ полностью разделяет эту симпатию и просит меня передать вам самые нежные пожелания. Вид вашего почерка положительно наполнил радостью мое сердце. Я был счастлив узнать, что вас в Бельфонтене оставили в покое в течение этого ужасного года[1], и вы могли продолжать наслаждаться вашим "горизонтом". Несчастье, постигшее княгиню Орлову, — ужасно, но поправимо — и раз уж есть сыновья, будут и дочери[2]. Вне всякого сомнения. Пожалуйста, передайте ей и князю от меня поклон, когда будете им писать.

Г-жа В⟨иардо⟩ получила столько изъявлений любви и участия после опубликования известного вам ложного сообщения[3], что весьма этим тронута. Ваше было ей очень приятно; она просила меня горячо поблагодарить вас и будет вам писать сама. Чувствует она себя хорошо; к несчастью, в ноябре месяце у нее случился катар, от которого она полностью так и не избавилась, это очень ей мешало, часто лишая ее возможности петь. Дети тоже чувствуют себя хорошо, равно как и Виардо. Клоди делает большие успехи — она, наконец, нашла хорошего учителя — некоего г-на Ложе, французского беженца, поистине талантливого художника и лучшего из людей[4]. Марианна стала прелестно петь, и Поль тоже продвигается вперед. По субботам устраиваются весьма приятные музыкальные вечера. Они останутся здесь до августа, затем отправятся на несколько недель в Баден-Баден, а потом как Бог даст! Может быть, вернутся в Лондон[5].

Я последую за ними.

Я очень рад узнать, что "Король Лир" вам понравился[6]; — я почти не работаю больше. Я исчерпал свои возможности.

Мы с изумлением продолжаем наблюдать за тем, что творится во Франции — не испытывая подлинной симпатии ни к Версалю, ни к Парижу[7]. Являются ли эти судороги признаком агонии или это те судороги, которые сопутствуют родам? Только будущее покажет это.

Я твердо обещаю вам никогда отныне не проезжать через Париж, не навестив вас... Но когда буду я проездом в Париже? Я рассчитывал приехать туда в мае — чтобы повидаться с дочерью — а теперь?

Тысяча приветов князю, Марианне[8], всему Бельфонтену; со всей силой моих дружеских чувств пожимаю вам руки.

И. Тургенев.

2952. Полине Брюэр (с. 94)

С французского:

Лондон.
Бомонт стр⟨ит⟩, 16. Мэрилебон.
19 мая 1871.

Дорогая Полинетта,

Я только что получил твою телеграмму[1] — и, так как я еще не получил денег из России, которые мне обещают уже целый месяц, я был вынужден занять у г-на Мануэля Гарсиа 80 ф⟨унтов стерлингов⟩ (2000 ф-в), которые я сегодня же послал тебе через того же банкира Кутса. Деньги посланы на имя Гастона — он должен будет только явиться к Гуэну в Тур, как в прежние разы[2].

Тысячу приветов вам обоим — и целую вас.

И. Тургенев.

2957. Полине Брюэр (с. 97)

С французского:

Лондон.
Бомонт стр⟨ит,⟩ 16. Мэрилебон.
Среда, 24 мая 1871.

Дорогая Полина,

Только что получил твое письмо и спешу тебе сказать:

что *в самый день получения* телеграммы я отнес 2000 ф-в г-ну банкиру Кутсу, который отправил их, как и раньше, на имя твоего мужа;

что в тот же день я уведомил тебя об этом в своем письме, которое ты, к моему удивлению, не получила[1].

Наведи необходимые справки на почте и у г-на Гуэна в Туре и скорее сообщи мне результат[2].

Целую вас обоих.

И. Тургенев.

2959. Полине Брюэр (с. 98)

С французского:

Лондон.
Бомонт стр⟨ит⟩, 16. Мэрилебон.
Понедельник, 29 мая 71.

Дорогая Полина,

Я только что получил твое письмо[1] и могу только повторить то, что уже тебе говорил: *18 мая*, в день получения телеграммы[2], я послал (а не обещал послать, как ты упорно предполагаешь) — *послал* твоему мужу 2000 франков через посредничество банкира *Кутса* на имя *Гуэна* в Туре. Ты знаешь, что Кутс не дает расписки — но он должен был написать — наведи справки, деньги должны быть у Гуэна.

Вполне достаточно быть обворованным на сумму в 7000 ф-в — как это со мной только что случилось — вексель из России до меня так и не дошел, вероятно, он был получен кем-нибудь другим — не нужно терять еще и эти *2000* ф-в[3].

Сегодня же отправляюсь за разъяснениями к Кутсу.

Целую вас обоих.

И. Тургенев.

2960. Кутсу (?) (с. 99)

С английского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
Понедельник, 29-го мая 1871.

Сударь!

Я только что получил от г-д Ахенбаха и Колли из Москвы чек на ваш банк — на 390 ф⟨унтов⟩ (3000 рублей) — в своем авизо он говорит о другом чеке на 2000 рублей, который он выслал мне *12*-го апреля. Он не сообщает что ⟨...⟩[a]. Я буду иметь удовольствие видеть вас.

Остаюсь, сударь, вашим покорнейшим слугой.

И. Тургенев.

---

[a] *Далее текст письма отсутствует, так как нижняя часть листа отрезана.*

2961. Полине Брюэр (с. 99)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
6 июня 1871.

Дорогая Полинетта,

Я очень рад, что ты наконец получила свои 2000 фр. и убедилась, что твои упреки были неосновательны[1].

В ответ на твою просьбу вот что я предлагаю. Попроси Гастона сосчитать, сколько я вам дал *сверх* ежегодных *2500* ф-в. Я прибавлю к этому сумму, недостающую до 10 000 ф-в — так чтобы впредь я вам был должен только 40 000 ф-в, которые дают 2000 ф-в годовых[2].

Возможно, что скоро я смогу сам привезти вам эту сумму в Париж, потому что сообщение возобновилось[3].

Я, разумеется, заранее уведомлю вас, когда смогу приехать, чтобы мы встретились.

Целую вас обоих и желаю вам бодрости и удачи.

И. Тургенев.

2965. Людвигу Пичу (с. 102)

С немецкого:

Лондон.
Бомонт стр⟨ит⟩, 16. Мэрилебон.
9 июня 1871.

Pietschio de mi alma (по-испански: душа моя, Пич), все семейство остается здесь до 1-го *августа* — только что добрались! Торжественный прием, рукоплескания и т.д. — как в Берлине — в несколько меньшем масштабе[1].

Супруг Лукки[2] присочинил — но furia antitedesca[а,3] в значительной степени улеглось. Когда свои люди бьют тебя до синяков, то не вспоминаешь больше о *чужих* щелчках![4]

О Париже совсем не хочется говорить — здесь все совершенно подавлены случившимся[5]. Там, где стоял француз, теперь осталось только мокрое место. Но — "ἄριστον ὕδωρ"[б] — из этой влаги может еще вырасти прекраснейший цветок былого существования[6].

Французы получат теперь временную республику, а что будет потом, знает — быть может! — господь Бог; но похоже на то, что и он этого не ведает[7].

В остальном все благополучно — только по утрам в бороде *ледяные сосульки. Так* мерз я только в Веймаре![8]

Тысяча приветов всей Вашей семье, Шмидту, Менцелю, Эккертам. Сердечно жму Вашу руку и до свиданья!

И. Тургенев.

Неопровержимая аксиома:

"*Ни один* англичанин не имеет ни *малейшего* понятия о том, что такое искусство. Его изначальная природа искони антихудожественна". Докажу Вам это, когда Вы приедете! (NB. Разумеется, я говорю не о литературе и не о поэзии)[9].

[а] антинемецкое бешенство (*итал.*).
[б] "вода лучше всего" (*греч.*).

2966. Гюставу Флоберу (с. 103)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
13 июня 1871.

Мой дорогой друг,

Если я не ответил вам раньше, то лишь потому, что не мог собраться с силами. Эти парижские события меня потрясли[1]. Я замолчал, как замолкают на железной дороге при въезде в туннель: адский грохот ошеломляет вас и вызывает головокружение. Теперь, когда он почти прекратился, я спешу вам сказать, что в августе месяце *непременно* приеду повидать вас и послушать "Антония". Это будет между *15-м* и *20-м* числами[2]. Я получил приглашение в начале августа поохотиться в Шотландии на "grouse"[а], но 15-го буду свободен и, возвращаясь в Баден-Баден, остановлюсь в Париже — или в Руане — иными словами, в Круассе — если вы там окажетесь. Я очень рад узнать, что вы написали уже половину вашей книги; вы ничем не рискуете, если немного поторопитесь: напротив. Я стану слушать, широко открыв уши, глаза и душу — и почти уверен, что это будет прекрасно.

В Германию я вас больше не зову: мне понятно ваше отвращение к самой мысли ступить на немецкую землю[3]. Не хочу говорить вам и то, что приходит мне на ум относительно Франции: пришлось бы всё изложить в нескольких словах — а это невозможно; при личной встрече — мы неторопливо и подробно обсудим этот вопрос и, конечно, придем к невеселому выводу. Не знаю, суждено ли России отомстить за вас, как вы это полагаете[4]; но Германия сейчас очень сильна — и на нашем веку перемен, видимо, не будет...

Сообщите мне, если вы знаете что-либо о Дюкане. Мне сказали, что г-жа Юссон сошла с ума, потом, что она умерла: правда ли это[5]?

Я вспоминаю, что мой учитель плавания (тоже пруссак) всегда кричал мне: "Рот над водой, schwere Noth![б] До тех пор, пока держишь рот над водой, остаешься человеком!"

Всё это время вы не переставали быть настоящим человеком, потому что могли работать: теперь это будет легче.

Поблагодарите г-жу Флобер и вашу племянницу[6] за добрую память обо мне. А вас я обнимаю — и до свидания в августе месяце.

И. Тургенев.

2967. Кларе Тургеневой (с. 104)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
14 июня 1871.

Сударыня,

Мне хочется пожать вам руку после всех этих несчастий и ужасных потрясений — и просить вас написать мне о себе и о всех ваших, о Николае Ивановиче — и о бедном дорогом Альберте, который, я очень на это

[а] "серых куропаток" (*англ.*).
[б] черт побери! (*нем.*).

надеюсь, теперь поправится. Я знаю из письма, которое вы написали в Лондон, что дом ваш остался невредимым среди окружающих его развалин, но несколько слов от вас меня бы успокоили. Возможно, что я приеду в Париж к концу будущей недели — и мой первый визит, разумеется, будет к вам[1].

Здесь всё прошло довольно хорошо. Вы знаете, что я написал три письма Н⟨иколаю⟩ И⟨вановичу⟩ (одно из России и два после моего возвращения) — я очень сомневаюсь, что он их получил[2]. Вы найдете в этом же конверте письмо, которое мне было написано в Россию — судя по содержанию, оно было адресовано не мне, а Н⟨иколаю⟩ И⟨вановичу⟩[3].

Мои лучшие и самые сердечные пожелания всем вашим; дружески жму вам руку.

Совершенно преданный вам
И. Тургенев.

2972. Данте-Габриэлю Россетти (с. 108)

С английского:

Бомонт Стрит, 16. Мэрилебон,
2 июля 1871.

Дорогой сэр,

Посылаю вам прилагаемую программу "Mantinée Musicale"[a], который дает г-жа П. Виардо[1]. Поскольку, может статься, она последний раз поет в Англии, вы может быть сочтете необходимым прийти.

Примите уверения
в моем почтении
И. Тургенев.

P.S. Я могу достать вам билет.

2973. Вильяму Стерлингу-Максвеллу (с. 108)

С английского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
3 июля 1871.

Г-н И. Тургенев свидетельствует свое почтение сэру Вильяму и леди Огасте[1] Стерлинг-Максвелл и с удовольствием принимает их любезное приглашение на пятницу 7 июля.

---

[a] "Музыкального утренника" (*франц.*).

2976. Людвигу Пичу (с. 110)

С немецкого:

Лондон.
Бомонт стрит, 16.
18 июля 71.

Вечно юный Пичахилл,
Дон-Жуан и Алкивиад!
Ты единственный, которому было дано
Смелой рукой схватить непокорный локон Фортуны —
И, запрокинув ей голову,
Поцеловать тем дерзким
Победным поцелуем,
Который зовется: "langue fourrée"[а][1].

С быстротой молнии отвечаю на Ваше письмо.

Всё семейство (и я) едет 29-го июля в Булонь, где останется до 8-го или 10-го августа и будет дышать морским воздухом, потом отправится в Баден-Баден, где пробудет два месяца, я же 8-го уеду из Булони в Эдинбург (на празднование столетнего юбилея Вальтера Скотта) — а оттуда на неделю к одному шотландскому другу, где будут стрелять чудеснейших *grouse*[б]. Затем и я приеду в Баден-Баден и останусь там до 1-го ноября.

Итак — если у Вас есть необходимость или желание приехать в Англию — прекрасно! Правда, мы сможем видеться там очень недолго[2]. Во всяком случае, непременно приезжайте в Баден-Баден; хотя семейство и будет жить там в совершеннейшем уединении — но тем лучше!

Привет Вашей семье и друзьям! Привезите свою книгу[3]. Здесь всё благополучно — госпожа В⟨иардо⟩ к своему 50-му (!) дню рождения здорова, свежа и весела...

2978. Неизвестному (с. 112)

С английского:

Я пишу вам за два дня до моего отъезда из Лондона в Булонь... где я останусь до 6 августа. Затем я отправлюсь прямо в Эдинбург...[1]

2979. Полине Брюэр (с. 112)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
Среда, 26 июля 71.

Дорогая Полинетта,

Я только что отправил на имя *Гастона* — сто фунтов стерлингов (2500 ф-в) — через того же банкира Кутса — на имя Гуэна в Туре. Как обычно, Кутс не дал мне ни расписки, ни векселя — но до сих пор деньги до вас доходили. Гастону нужно только явиться к Гуэну.

Я уезжаю из Лондона послезавтра, *одну* неделю пробуду в Булони, потом *еще на одну* неделю поеду в Шотландию[1] — и около 15 августа бу-

---

[а] "поцелуем взасос" (*франц.*).

[б] серых куропаток (*англ.*).

ду в Париже, где увижусь с тобой. Ты будешь заранее уведомлена о точном дне моего приезда.

Как только Гастон получит 2500 ф-в — тотчас же напиши мне: *Булонь*, до востребования[2].

А пока целую вас обоих.

И. Тургенев.

2982. Полине Брюэр (с. 114)

С французского:

Булонь-с⟨юр⟩-Мер.
Гостиница "Север".
4 августа 1871.

Дорогая Полинетта,

Я здесь уже 4 дня — в понедельник выезжаю в Лондон, где пробуду один день — потом поеду в Эдинбург и 17-го или 18-го проездом буду в Париже. Я получил твое последнее письмо (от 25 июля) — но ты еще не могла сообщить мне, получила ли ты 100 фунтов ст⟨ерлингов⟩, которые я послал Гастону через банкиров Кутса и Гуэна. Теперь он, вероятно, уже давно получил эти деньги — немедленно сообщи мне об этом или сюда, или в Лондон по тому же адресу: Бомонт стрит, 16, Мэрилебон. Если ты напишешь немедленно — твое письмо еще застанет меня здесь.

Я уведомлю тебя о точном дне моего приезда в Париж, чтобы ты могла приехать и получить деньги, которые я привезу.

А пока целую вас обоих.

И. Тургенев.

2983. Полине Виардо (с. 114)

С французского:

№ 1

Лондон.
Бомонт стрит, 16.
Понедельник, 7 августа 1871.
11 ч. вечера.

Дорогая госпожа Виардо, в 7 1/2 ч. я приблизился к дому г-жи Картер — а она стояла на пороге, встречая меня. Я наскоро поел и затем пошел на Девонширскую площадь, 30 (все ставни и пр. были закрыты... странное впечатление!)[1], я отыскал там славную старушку, которая вручила мне два прилагаемых письма, т.е. одно письмо и одну визитную карточку[2], которые я позволил себе распечатать, чтобы их легче было переслать — и подписной лист на статую Бальфа[3] с целым рядом подписчиков, чьи имена хорошо известны в качестве подписчиков в музыкальном мире. Не посылаю вам этого списка: бумага слишком большая, но завтра внесу за вас *две* гинеи (А. Патти дала 10, Карвальо — 1, Фор — 2; полагаю, что цифра *2* вполне подходит, надеюсь, вы с этим согласитесь).

Потом я пошел к Роооольстону — он вручил мне — и, по моей просьбе, прочел вслух перевод моей речи — завтра вечером (в 9 ч.) я уезжаю в Эдинбург[4]; послезавтра в 9 ч. утра я возвращаюсь. Невозможно сосчитать, сколько раз я думал о вас, а вернее сказать, что я думал лишь один раз... непрестанно все время... Поездка по морю была прекрасной. Надеюсь, что и у вас все прошло так же. Пич Амброзианский придет завтра в 9 ч.

Вторник, 8 августа, 10 1/2 ч.

Пич Амброзианский завтракал у меня. Отправляюсь в бега по Лондону, чтобы сделать тысячу дел. П⟨ич⟩ сказал, что в Карлсруэ и Баден-Бадене на вас очень сердятся за то, что вы будто бы geschmäht[а] королеву, вел. герцогиню и т.д.[5] Все это сплетни, но пусть это послужит предостережением и еще одним основанием держаться вдали от всей этой презренной черни.

Я напишу вам завтра по приезде в Эдинбург[6]. Сейчас перед вами — развалины. Обнимаю вас всех и остаюсь навсегда u⟨nd⟩ auf ewig

Der Ihrige[б]

И.Т.

Тысяча приветов доктору Фриссону.

2984. Полине Брюэр (с. 115)

С французского:

Лондон.
Бомонт стрит, 16. Мэрилебон.
Вторник, 8 августа 71.

Дорогая Полинетта,

Я приехал вчера вечером очень поздно и сегодня с утра отправился к Кутсу. Я предъявил свою жалобу[1], и господин, ведающий делами Гуэна, посмотрев в свои книги, сказал мне, что действительно это "advice had been overlooked"[а] — и что он исправит оплошность — и всё это с величайшим хладнокровием. Решительно — нужно найти какой-нибудь другой способ посылать вам деньги. Это случается уже 2-й раз[2]! Надеюсь, что через несколько дней вы наконец получите эти злополучные деньги; дай *мне знать тотчас же* — на Бомонт стрит, 16. Через 7 дней я вернусь из своей поездки в Шотландию и приеду в Париж около 17-го. Впрочем, ты будешь уведомлена о точном времени моего приезда в Париж[3].

Я очень сожалею об этих досадных промедлениях, которые от меня не зависят — и целую вас обоих.

До свидания, до скорой встречи!

И. Тургенев.

2985. Полине Виардо (с. 116)

С французского:

№ 3

Эдинбург,
10 августа 1871.
Полдень.

Уф! дорогая госпожа Виардо, какая жарища стоит сейчас и стояла вчера[1] на *чествовании*![2] Я произнес свою маленькую речь голосом крикливым и слабым, два раза споткнулся — были cheers[а́], как вы можете судить по небольшому отрывку, который я вам посылаю[3], но, между нами говоря, госпо-

---

[а] ругали (*нем.*).
[б] и навеки ваш (*нем.*).
[а] "извещение было пропущено" (*англ.*).
[а́] приветственные возгласы (*англ.*).

дин Туркенеф[4] отлично почувствовал, что был совсем чужим человеком и говорил о чем-то совершенно незначительном. Если бы мне пришлось это повторить, я не стал бы, — потому что это *бесполезно*, если не *смешно*. Народу была тьма, и каждый был squeezed[б] на своем месте, так что пошевелиться было невозможно. Я ни с кем не познакомился и ужасающе потел. Добавьте к этому, что я плохо слышал то, что произносили — и спросите себя, получил ли я удовольствие. На бумаге это звучит лучше, чем в действительности.

А Бензен так *ничего мне и не передал*! Через час я в полной растерянности уезжаю в Питлокри, а как я доберусь оттуда до его дома?[5] Вот уж не знаю. Шотландское гостеприимство, неужто ты существуешь лишь в операх Обера?[6]

Сегодня вечером я напишу вам, возможно, от г-на Бензена, а может быть, из гостиницы в Питлокри[7].

Ах! и зачем я только приехал в эту... Шотландию![8]

Вы-то в Баден-Бадене[9] — и вам там не так жарко, как мне.

Тысяча, тысяча приветов всем — очень нежно целую ваши руки.

Der Ihrige[в]
И. Тургенев.

2986. Вильяму Стерлингу-Максвеллу (с. 116)

С английского:

Аллен Хауз,
Питлокри.
Пятница, 11 авг. 71.

Милостивый государь!

Извините за задержку ответа на ваше любезное письмо — я получил его в тот момент, когда покидал Эдинбург[1], — а сюда я приехал только вчера. К великому моему сожалению, я не смогу на этот раз воспользоваться вашим приглашением: на днях я должен уехать отсюда в Париж[2]. Примите выражение моей искренней благодарности.

С сердечным приветом леди Энне и вам

остаюсь
преданный вам
И. Тургенев.

P.S. С большим удовольствием я прочел вчера вашу превосходную речь о В. Скотте[3] — я не мог ее слышать на празднестве: я сидел слишком далеко.

2987. Полине Виардо (с. 117)

С французского:

№ 4

Аллен Хауз,
Питлокри. N.B.
Пятница, 11 августа 1871.

Дорогая госпожа Виардо, пишу вам два слова — (нет времени писать больше. Г-н Бензен уезжает за своей женой в Питлокри, она сегодня возвращается из Германии). Пишу только для того, чтобы сообщить, что нахожусь здесь со вчерашнего вечера — что здесь чудные места — леса, горы, бурная речка, красивый дом, превосходный воздух и т.д. и т.д. Все это,

---

[б] стиснут (*англ.*).
[в] Ваш (*нем.*).

несмотря на предстоящую охоту на grouses[а], которая начинается завтра, не мешает мне — через 4 дня исчезнуть, а через 8 быть в Баден-Бадене. Я получил вашу записочку из Парижа — очень благодарен вам за то, что подумали обо мне — этот бронхит, засвидетельствованный Фриссоном, — меня тоже очень беспокоит — надеюсь, что вы уже принялись за кумыс — надо беречь себя и заниматься в Баден-Бадене только этим.

Браунинг живет в двух шагах отсюда[1] — вчера вечером он был здесь со своим сыном, заядлым охотником.

Я напишу вам сегодня же письмо подлиннее[2]. А пока горячо пожимаю вам руки и передаю тысячу приветов всем.

Ganz der Ihrige[б]
И.Т.

2988. Полине Виардо (с. 118)

С французского:

№ 5

Аллен Хаус,
Питлокри.
С⟨еверная⟩ Б⟨ритания⟩
Суббота, 12 августа 1871.

Дорогая госпожа Виардо, я только что вернулся с купанья в реке (сейчас 7 часов утра), погода стоит наипрекраснейшая, она обещает нам на сегодня великолепную охоту — проходя по лесу, я заметил двух косуль, десятка полтора кроликов — а прыгая в воду, вспугнул в двух шагах от меня стаю диких уток — сообщите все эти подробности Виардо.

Вчера мы совершили обход "moors"[а] с собаками; я впервые увидел "grouses"[б], взлетевших при моём приближении. Затем я совершил длительную прогулку вдоль реки под предлогом половить рыбы. В течение 3—4 дней все это очень приятно. Г-жа Бензен вчера вернулась, полностью избавившись от своего хронического насморка, но как-то особенно остроносая. Браунинг с сыном провели вечер в доме — право же, Браунинг слишком тщеславен и не слишком приятен. Сын его на вид славный парень с большой бородавкой на кончике носа. Бензен по-прежнему столь же доброжелателен, каким вы его знаете. Имеются еще г-н и г-жа Викерс, о которых сказать нечего. Они молоды — вот и все. Воздух живителен, а еда изысканная. Поглощаются горы Strawberries[в], огромных, как горы.

"Sed delenda est Carthago"[г] [1]

и 17-го я буду в Париже — а 20-го в Баден-Бадене. Это "наинепременнейше"!

Как вы чувствуете себя в Баден-Бадене? Сегодня я жду письма. А пока обнимаю вас всех и очень нежно целую ваши руки.

Der Ihrige[д]
И.Т.

P.S. Кумыс! Кумыс!! Кумыс!!! И воспитателя для Поля! И Экорше!![2]

[а] серых куропаток (*англ.*).
[б] Всецело ваш (*нем.*).
[а] "охотничьих угодий" (*англ.*).
[б] серых куропаток (*англ.*).
[в] клубники (*англ.*).
[г] "Но Карфаген должен быть разрушен" (*лат.*).
[д] Ваш (*нем.*).

2989. Полине Виардо (с. 119)

С французского:

№ 6

Аллен Хаус,
Питлокри,
С.Б.
13 августа 1871.

Итак, дорогая госпожа Виардо, все это менее удивительно, чем я себе представлял. — 1) Это ужасно утомительно, это охота для молодых — а я уже давненько таковым не являюсь. — 2) Пришлось идти вместе с другим охотником, — молодым, проворным и прытким — как черт — это положение сиамского близнеца доставляло мне весьма мало удовольствия — еще и потому, что он стрелял, как "un gerifalte"[а] — а я отвратительно: по первым моим 9 grouses[б] я промахнулся — и чтобы убить 22, сделал больше 50 выстрелов. А он подстрелил 76. Дичи было в изобилии, погода стояла превосходная — нам подали отличный завтрак на moors[в] — *одна* из собак была чудесная — сама же охота показалась мне, тем не менее, несколько однообразной и потом — никогда, никогда еще я не уставал так, как вчера, — ну хоть плачь. В довершение всего я поранил себе ногу — сегодня воскресенье, охоты не будет — не надеюсь побывать там и завтра, в понедельник[1] — а во вторник — я удираю. Вот и окончилась моя "grouse shooting"[г]. Нет, в самом деле — да здравствуют маленькие охоты близ Баден-Бадена — где не надо идти в паре с сумасшедшим, у которого оленьи ноги и который, как только остановишься, чтобы передохнуть, кричит вам: Come on! come on![д] Вдобавок ко всему, горы здесь очень высокие... Basta cosi[е].

Погода по-прежнему стоит восхитительная. Я радуюсь за вас — потому что думаю, что у вас в Баден-Бадене она такая же. Начали ли вы пить кумыс? У вас еще есть время написать мне в Париж, в гостиницу "Байрон", на улицу Лаффитт.

Г. Браунинг пришел вчера вечером еще раз; я нашел его скучноватым... впрочем, я сам падал от усталости и засыпал на ходу.

Через неделю — самое позднее — я снова увижу вас всех. Целую вас всех, всех (даже смешную собачку Минмин), а вам с самой большой нежностью целую руки.

Der Ihrige[ж]
И. Турген⟨ев⟩.

[а] "кречет" (*исп.*).
[б] серая куропатка (*англ.*).
[в] лугах (*англ.*).
[г] "охота на куропаток" (*англ.*).
[д] Вперед! вперед! (*англ.*).
[е] Довольно (*итал.*).
[ж] Ваш (*нем*).

2990. Неизвестной (с. 121)

С французского:

Аллен Хаус,
Питлокри.
С.Б.
13 августа 1871.

Дорогая мадемуазель,

Позвольте мне отвечать по-французски на ваше милое письмо: я знаю английский — раз уж я произнес небольшой "speech" (выученный, правда, наизусть) на столетней годовщине Вальтера Скотта[1]; но поскольку, судя по тому, что вы говорите, вам знаком французский язык, я воспользуюсь этим языком, на котором пишу гораздо свободнее.

Для начала благодарю вас за доброе мнение, которое вам было угодно составить о моих произведениях — и за очаровательную непринужденность, с которой вы его высказали. Подобные проявления симпатии в любом случае редки — а для меня в особенности, я их почти не получал: тем более они для меня ценны.

Я искренне сожалею о невозможности принять ваше предложение. Соблазн воспользоваться вашим гостеприимством в Дерхеме велик — но я должен быть — по важным делам — с 17 числа в Париже — и у меня не останется ни одного свободного мгновенья. Надеюсь, что позднее у нас еще будет случай познакомиться.

Я был бы счастлив, мадемуазель, если бы вы прислали мне свою фотографию: позвольте мне предложить вам свою. Мой постоянный адрес таков: "Г-ну И.Т. — Баден-Баден — Тиргартенштрассе 3" — Великое Герцогство Баденское.

Примите, мадемуазель, уверение в моем глубочайшем уважении совершенно вам преданного

И. Тургенева.

2991. Гюставу Флоберу (с. 121)

С французского:

Аллен Хаус.
Питлокри (Шотландия).
14 августа 1871.

Мой дорогой друг, обе ваши записки догнали меня здесь — в глубине Шотландии, где я охочусь на "grouse"[a] у одного приятеля[1]. Уеду я отсюда послезавтра, *16-го*; 17-го выезжаю из Лондона, а *18-го* буду в Париже. Мне очень хотелось бы, чтобы в этот день вы оказались в Париже и мне не пришлось ехать в Круассе — ибо у меня ужасно мало времени. В Париже я остановлюсь в гостинице "Байрон", улица Лаффитт, 20. Сделайте так, чтобы по приезде я нашел записочку от вас. Для большей надежности я перепишу это письмо и копию пошлю в Круассе.

Обнимаю вас и до скорого свидания. Приготовьте вашего "Антония"!

Весь ваш
И. Тургенев.

---

[a] "серых куропаток" (*англ.*).

2992. Полине Виардо (с. 122)

С французского:

№ 7

Аллен Хаус,
Питлокри.
С.Б.
Вторник, 15 августа 1871.

Дорогая госпожа Виардо, я все-таки пошел вчера на охоту, несмотря на пораненую ногу. Г-н Бензен любезно одолжил мне лошадь, которая следовала за мной по moors[а] — а сапоги я надел старые. Погода стояла превосходная — я стрелял лучше — но дичи нам попадалось меньше. Я убил 18 штук — с 40 выстрелов. Хвастаться нечем — и я не оставлю здесь по себе славы "capital shot"[б], да я и не мог на нее претендовать.

Со мной уже не было моего спутника первого дня, человека в семимильных сапогах; я был с г-ном Бензеном, который как охотник не лучше сурка, и с сыном Браунинга, который хочет им казаться (охотником, а не сурком) — а на самом деле всего лишь ничтожество с большой, вечно-красной бородавкой на носу. Вечером немного помузицировали. Г-жа Бензен "squeaked"[в] — mit falscher Stimme und wahrem Gefühle — Lieder[г] [1] Шуберта и Шумана. Тем не менее, это доставило мне удовольствие — благодаря воспоминаниям[2].

Вам уже известно об итоге нашего "литературного банкета" и о моем в оном участии. Газета "Pall-Mall" во вчерашнем номере негодует, что мое имя с таким упорством искажалось; "Pall-Mall" — очень любезна, но уместно заметить: для кого это имеет хоть какое-нибудь значение?[3]

Итак — Париж вас очаровал! Что ж — я рад этому и полагаю, что решение вернуться на улицу Дуэ — правильное решение. А раз уж зашла об этом речь, почему бы и мне — поскольку у вас будут комнаты для сдачи в наем — там не обосноваться? Для меня это будет все-таки дешевле, чем в гостинице. Мысль эта пришла мне в голову только что. Подумайте об этом перед тем, как говорить с кем бы то ни было. Может быть, она очень хороша, эта мысль[4].

Я вам напишу завтра еще раз и еще раз из Парижа[5]. О, какое это будет счастье — снова увидеть вас. Мои приветы всем, начиная с Виардо; нежно целую вам руки.

Der Ihrige[д]
И.Т.

2993. Луи Поме (с. 123)

С французского:

Мой дорогой друг,

Прилагаемая записочка[1] разрешает вам передать мне 2 250 франков за сдачу внаем жилища на улице Дуэ[2]; будьте добры занести мне их сегодня к 6 часам.

[а] лугам (*англ.*).
[б] "первого стрелка" (*англ.*).
[в] "пропищала" (*англ.*).
[г] фальшивым голосом и прочувствованно — песни (*нем.*).
[д] Ваш (*нем.*).

Почему бы нам потом не провести ту музыкальную встречу, которую вы наметили с Марселем?[3]

До вечера.

Совершенно преданный вам
И. Тургенев.

Понедельник утром.

2994. **Людвигу Пичу** (с. 123)

С немецкого:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
24 авг. 71.

Любезнейший Микобер[1] — то есть я хотел сказать... Пич — я прибыл сюда в понедельник — и нашел всё семейство в полном здравии; г-жа Виардо тоже чувствует себя лучше. Я *написал* Вам из Эдинбурга, *сдержал* свое слово; то, что Вы не получили письма[2], только лишний раз доказывает абсолютно жалкое состояние всех английских *официальных* учреждений: за одну лишь нынешнюю зиму у меня пропало больше писем и телеграмм, чем до сих пор за всю мою жизнь. Об эдинбургском празднестве и моем в нем участии сказать, право, нечего: совершенно неизвестный человек — Торгунов — говорил о каком-то совершенно неинтересном предмете: русской литературе[3].

Я не могу послать Вам это письмо в Бонн — сегодня ведь четверг[4]. Поэтому посылаю его в Берлин. Очень нехорошо с Вашей стороны, что Вы не приедете в Баден-Баден: Вас приняли бы сердечно — но Вы не хотите мне верить[5].

Передайте привет всем друзьям и не забудьте отдать книгу Ю. Шмидту[6].

Зимой увидимся. А пока будьте бодры и благополучны. По старой дружбе

Ваш И. Тургенев.

P.S. Я остаюсь здесь до конца октября.

2995. **Жюлю Этцелю** (с. 124)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
Четверг, 24 августа 1871.

Мой дорогой друг,

Помните ли вы рукопись, которую вы передали мне уже довольно давно? Это был перевод с русского одного рассказа г⟨раф⟩а Л. Толстого под названием "Поликушка"[1]. Перевод был сделан некоей дамой, имя которой мне неизвестно. Предполагалось его опубликовать — но, не помню уже почему, напечатан он не был. Дама эта в дружбе с г-ном Либрейхом, знаменитым окулистом. В течение прошлой зимы в Лондоне он постоянно преследовал меня из-за этой несчастной рукописи, которую я оставил в Баден-Бадене: дама желала получить свою рукопись — а я не мог ее вернуть. Возвратившись сюда, я перерыл все свои бумаги и нашел рукопись;

это очень хорошо... но куда ее отослать? Г-н Либрейх носится по свету — и не оставил мне ни адреса, ни даже имени этой дамы. Если вы не забыли обо всей этой истории — помогите мне, пожалуйста: либо сообщите мне адрес дамы, либо позвольте переслать вам рукопись, с тем чтобы вы соблаговолили доставить ее затем по назначению. Буду весьма обязан вам за ответ.

Позволяю себе также послать вам перевод одного из моих маленьких рассказов, появившийся в "J⟨ournal⟩ de St-P⟨étersbour⟩g"[2]. Если вы считаете, что эта безделица может заинтересовать г-жу Санд, перешлите ее ей.

Если вы поедете в Страсбург, то, надеюсь, доберетесь и сюда. Всё семейство Виардо просит передать вам тысячу приветов.

Весь ваш
И. Тургенев.

2999. Жюлю Этцелю (с. 127)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
Вторник, 29 августа 71.

Мой дорогой друг,

Mea culpa, mea maxima culpa![a] Я сразу же отошлю вам рукопись, но сначала прочту ее и совершенно искренне сообщу свое мнение[1].

Что касается моей безделицы, которую я послал вам, то можете делать с ней что захотите, если, прочитав ее, вы не измените своего суждения — если вы отдадите ее в газету, это будет, разумеется, безвозмездно. Вирдо намеревался сделать новый ее перевод вместе со мною (ибо к посланному вам переводу я не причастен) и предложить его в "Revue des Deux Mondes"; но, помимо того, что там, вероятно, не пожелали бы принять вещь, уже однажды опубликованную, она сама по себе слишком мала для журнала[2]; я предложил ему перевести другой мой рассказ, не изданный на французском языке, более длинный и, как я думаю, имеющий бо́льшие литературные достоинства[3]. Если г-н Бюлоз скажет "да", мы примемся за работу. Итак, предоставляю вам свободу действий.

Примите мою благодарность за добрые и любезные предложения — вы издатель, каких мало, каких вовсе нет.

Весь *наш* Баден-Баден ликует при мысли увидеть вас здесь хотя бы на несколько дней; что же до *другого* Баден-Бадена — мы не очень-то с ним общаемся и не думаем о нем.

Я выполнил ваше поручение к семейству Виардо: только я расцеловал их всех.

В нынешнем французском Национальном собрании особенно поражает меня отсутствие патриотизма в самом простом — и в самом прямом — смысле этого слова. В то время, как позор иноземного нашествия должен бы быть днем и ночью их единственной заботой, невыносимо жечь, как прикосновение раскаленного железа к их подошвам, их сердцу, их душе — эти господа заняты обсуждением каких-то вопросов о партиях, о форме правления — уж не знаю, о чем еще! Право же, это страшно подрывает престиж Франции в глазах Европы[4]. Как-то во время моего последнего пребывания в С.-П⟨етер⟩бурге кучер, который вез меня в санях,

---

[a] Моя вина, моя величайшая вина! (*лат.*).

повернулся на облучке и спросил, правда ли, что французы дрались между собой в то время, как пруссаки были под Парижем; и когда я ответил ему, что "да" — он широко перекрестился — и, помолчав немного, добавил: "Выходит, остается их только похоронить?" Не думаю, что вы дошли до такого состояния — это было бы самым большим бедствием для всех нас — но если Тьер имеет право быть там, где он есть, и тем, что он есть — то это потому, что, вопреки всему, невозможно не ощутить в нем этот патриотизм, о котором я говорил выше[5].

До свидания, мой дорогой друг — постарайтесь быть здоровым и держать голову выше. Погода здесь чудесная; Баден-Баден осенью — это поистине волшебный уголок; не откладывайте надолго ваш приезд сюда.

Весь ваш
И. Тургенев.

3000. Полине Брюэр (с. 129)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
13 августа[a] 71.

Дорогая Полинетта,

Я получил твое письмо в постели, к которой меня пригвоздил припадок подагры. Он сильнее, чем обычно, да еще в *колене*, и это очень неприятно, потому что обрекает меня на абсолютную неподвижность. Ничего не поделаешь, приходится уживаться со своим врагом. Доктор полагает, что это у меня продлится еще недели две[1].

2759 ф-в, которые я вам остался должен, будут отправлены *послезавтра* через здешнего банкира Мюллера. Таким образом, я вам буду должен только 40 000 фр-в, а проценты будут уплачены до 1-го октября 1872 г.[2]

Я постараюсь выплатить если не половину, то по крайней мере четверть этой суммы в течение зимы[3].

А пока поздравляю тебя и Гастона с избавлением от г-на В⟨имона⟩ и желаю, чтобы оживление в делах продолжалось[4].

Нежно целую вас обоих.

И. Тургенев.

P.S. Я не забуду ни вишневку, ни одеколон, ни рамку — но для этого нужно, чтобы я мог двигаться.

3002. Людвигу Пичу (с. 131)

С немецкого:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
15 сент. 1871.

Дорогой Пич!

Во-первых, должен Вас побранить: можно считать друга способным на всевозможные преступления, даже на убийство, но только не на indélicatesse[a]. Если бы Микобер представлял собой тип человека, *бе-*

---

[a] *Так в подлиннике.*

[a] неделикатность (*франц.*).

рущего в долг деньги, я скорее откусил бы себе язык, чем дал бы Вам это прозвище[1]; Диккенс, как мне кажется, хотел изобразить в М⟨икобере⟩ человека, который постоянно колеблется между глубочайшим отчаянием и безудержным ликованием — и в *этом* смысле Вы Микобер.

Во-вторых, как это мне ни неприятно, должен Вам сказать следующее: не приезжайте в Баден-Баден. Дом продан одному московскому банкиру[2] — и должен быть сдан к началу октября — бóльшая часть мебели уже вывезена — а с нею и мебель из Вашей комнаты. К тому же меня поразил ужаснейший приступ подагры в *колене* — лежу уже 7 дней неподвижно, точно колода, в постели и пролежу еще *по меньшей мере* с месяц: на всем лежит, таким образом, печать конца, разложения, ухода, безвозвратности; в такой дом не должен входить радостный и здоровый человек. Одно присутствие его — уже диссонанс.

Вы видите, я тоже умею говорить откровенно.

Итак, дорогой Пич, до встречи в Париже, если это удастся, и тогда будем веселы, если это также удастся. А сейчас приходится в тишине и одиночестве предоставить господство злым демонам.

Поклонитесь всей Вашей семье, всем друзьям и передайте от меня глубокую благодарность Ю. Шмидту за его доброжелательную и, как всегда, очень меткую статью в "Allgem<eine> Augsb<urger> Zeitung"[3]. Он проникает глубоко — в "самые потроха" — своим проницательным взором.

Ваш И. Тургенев.

3006. Жюлю Этцелю (с. 134)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
27 сент. 71.

Ну что же, мой дорогой друг, время проходит — а вы не приезжаете в Баден-Баден? А ведь вы мне обещали — или почти обещали. Теперь уже поздно, и мы увидимся в Париже. Семейство Виардо приедет туда к середине следующего месяца, а я — к концу. Уже целый месяц меня очень мучает приступ подагры. На этот раз она, к несчастью, поразила колено, и я был вынужден в течение трех недель — неподвижно — лежать в постели. Сейчас я едва передвигаюсь с помощью палки.

Уже давно я отослал несчастную рукопись[1] г-ну Либрейху и получил по этому поводу очень любезное и слишком скромное письмо от г-жи Б.[2] Если вы увидите ее, передайте ей тысячу сердечных приветов.

Надеюсь, что вы здоровы — и что дела идут хоть чуточку получше. Напишите мне пару слов — и до свидания.

Ваш И. Тургенев.

P.S. 6 недель тому назад я написал Бюлозу и предложил ему — не ту грошовую безделицу, которую послал вам[3], а нечто более длинное и лучше отделанное[4]. Он не ответил мне. Не можете ли вы осторожно осведомиться, получил ли он мое письмо?

3007. Людвигу Пичу (с. 135)

С немецкого:

Любезнейший Пич!

Конечно, мой "Стук, стук" к Вашим услугам — "and welcome"[а], как говорят англичане. Из письма г-жи Виардо Вы, вероятно, убедились, что Вас *не* считают мертвым. Всё же жаль, что Вы не приехали — я оказался мизантропическим ослом[1] — теперь мне лучше. Передайте привет всем друзьям — и наслаждайтесь жизнью.

Ваш И.Т.

P.S. Французский перевод я только бегло прочел[2] — кажется, он хорош — возможно, отдельные выражения не совсем правильны. Если Вы считаете, что это стоит труда, пришлите мне корректуру.

P.S.S. До 1-го нояб<ря> я пробуду здесь; с 1-го нояб<ря> — Paris, rue de Douai, 48, chez M-r Viardot[б].

3009. Шарлю Бюлозу (с. 136)

С французского:

Г-ну Ш. Бюлозу.

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
4 окт. 1871.

Милостивый государь,

Не получив ответа на свое письмо относительно рассказа, предложенного мною для "Revue" и вынужденный уехать — я поручил г-ну Этцелю договориться с вами об этом деле, которое я предпочел бы обсуждать с вами — если оно вам подходит[1].

Примите, милостивый государь, выражение моего глубокого уважения.

И. Тургенев.

3011. Жюлю Этцелю (с. 137)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
4 окт. 1871.

Дорогой друг,

Прежде всего прошу извинить меня, что не ответил вам сразу — затем хочу сказать, что вы — сама доброта, а перевернув страницу, вы увидите, что я точно последовал вашим советам. Только мне кажется — что прежде, чем передать мое письмо, надо бы узнать, хочет ли Бюлоз получить мое сочинение[1]; кажется, я говорил вам, что его сын не ответил на мое предложение; нельзя ставить условия тому, кто не намерен вступать с вами в деловые отношения. В этом, как и во всем, предоставляю вам свободу действий.

Насколько я помню, Бюлоз платил мне по 100 ф-в за печатный лист — я считаю, что это вполне достаточно за перевод опубликованных вещей.

[а] "и добро пожаловать" (*англ.*).

[б] Париж, улица Дуэ, 48, у г-на Виардо (*франц.*).

Рассказ, который я предложил Б<юлозу>, был напечатан в конце прошлого года в Петербурге. Называется он "Провинциальный король Лир" или "Степной король Лир". Мы с Виардо намеревались вместе перевести его — но, не получив ответа Бюлоза, перестали об этом думать[2].

Мы все приедем в Париж к концу октября. Я буду очень рад видеть вас — часто — и в добром здравии.

Моя подагра кое-как ковыляет — или, точнее, это я так хожу. Охотиться невозможно! Погода мерзкая.

До свидания — и тысяча приветов.

Ваш И. Тургенев.

3017. Полине Брюэр (с. 143)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
Вторник, 17 окт. 1871.

Дорогая Полинетта,

Пишу тебе лежа в постели, в которой меня уже 4 дня держит припадок моей подагры. Я навлек его на себя, отправившись на загонщичью охоту, где переутомился. Это было опрометчиво — потому что нога у меня болела еще — и теперь я расплачиваюсь за свою опрометчивость.

Надеюсь, однако, что я не буду уж слишком наказан — и смогу выехать из Баден-Бадена около 1-го ноября, как я намеревался. Очень рад узнать, что на стекольной фабрике всё идёт хорошо.

До свидания — и, надеюсь, до скорого. Целую тебя и Гастона.

И. Тургенев.

3019. Теодору Ахенбаху (с. 145)

С немецкого:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
21 окт. 1871.

Милостивый государь!

Я получил Ваше письмо и прошу Вас принять мою большую благодарность за Ваш быстрый и любезный ответ[1]. — Господин Фрерде признал смехотворным свое требование и удовлетворился столь незначительной суммой, что нет смысла ее делить с вами. Тем не менее я благодарен Вам за Ваше предложение.

30 октября я покидаю виллу и оставляю ее Гейтеру. Я спросил у г-на банкира Мюллера, можно ли, по его мнению, оставить некоторые книги и вещи на несколько месяцев в одной из верхних комнат? Он уверил меня, что Вы не будете иметь ничего против этого. До 1-го мая комната будет освобождена[2].

Ваша просьба относительно моей фотографии очень лестна для меня, и я бы тотчас удовлетворил Ваше желание, но у меня нет фотографии большого формата. Я пришлю ее из Парижа, и Гейтер повесит ее на подходящем месте.

Передайте мои наилучшие пожелания г-же Ахенбах и примите уверение в моем глубоком почтении.

И. Тургенев.

3026. Жюлю Этцелю (с. 151)

С французского:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
9 ноября 1871.

Мой дорогой друг,

Я сам удивлен, что еще не появился у вас в кабинете. Дело в том, что я остаюсь здесь с детьми Виардо до тех пор, пока отец и мать, которые находятся в Париже, не сообщат нам, что их дом (на улице Дуэ, 48) приведен в жилой вид — и что мы можем приехать. Они стараются, как только возможно — но, кажется, в Париже очень трудно найти рабочих — и дело подвигается медленно. Тем не менее они уверяют нас, что через 5—6 дней мы сможем отправиться в дорогу. Нет нужды говорить, что я постучусь в вашу дверь на следующий же день по приезде. И тогда мы поговорим de omnibus rebus[a].

А пока будьте здоровы и поддерживайте Республику.

Тысяча приветов и до скорого свидания.

Ваш И. Тургенев.

3029. Людвигу Пичу (с. 153)

С немецкого:

Баден-Баден.
Вилла Виардо.
14 ноября 71.

Caro amico Lodovico[a], тысяча благодарностей за Ваше любезное письмо и добрые пожелания[1]. Катишься с грохотом под гору — 53 года! Тормоз, тормоз, ради Бога!

Сижу еще здесь с детьми — г-жа Виардо и г-н Виардо давно уже в Париже — но дом, в котором мы все будем жить, еще не готов! Надеюсь, что выедем в субботу, 18-го. "Иоанна уходит и никогда не вернется!"[2] Я живу уже 5 дней — с 9-го ноября — у Виардо. Мой дом похож сейчас на руину — новый владелец хочет все переделать до основания[3]. Ну, что же, Бог в помощь!

Как выглядит памятник Шиллеру под открытым небом[4]?

Почему Вы не пишете г-же Виардо?

"Стук, стук" переведен уже *дважды*. Это меня крайне удивляет. *Ваш* перевод, несомненно, будет превосходен. Я только что переписал набело свою небесно-голубую вещицу, звенящую трелями жаворонка, и, к моему глубокому удивлению, заметил, что она смахивает на ядовитый гриб[5]! Таким безнравственным я еще никогда не был. Horreur![б]

Передайте привет всем добрым старым друзьям. Зимой я увижу Вас. А пока желаю Вам всего хорошего, работайте прилежно и не теряйте бодрости!..

---

[a] о разных вещах (*лат.*).

[a] Дорогой друг Лодовико (*итал.*).

[б] Ужас! (*франц.*).

3031. Людвигу Фридлендеру (с. 155)

С немецкого:

Баден-Баден.
Вилла Виардо.
16 ноября 1871.

Милостивый государь!

Получил Ваше любезное письмо еще здесь, так как задержался в Баден-Бадене гораздо дольше, чем предполагал[1], и лишь завтра еду в Париж. Примите мою большую благодарность за Ваши дружеские пожелания — и будьте уверены, что я знаю настоящую цену такой симпатии.

В Париже я пробуду около 6 недель — и затем еду в Россию — в начале января[2]. Не исключена возможность, что мне удастся провести один день в Кёнигсберге — и лично познакомиться с Вашей супругой и с Вашим семейством.

Дочери г-жи Виардо, еще остающиеся здесь, благодарят Вас — и просят передать Вам сердечный привет.

Будьте здоровы и храните добрую память о

Вашем искренне преданном
И. Тургеневе.

3032. Полине Брюэр (с. 155)

С французского:

Баден-Баден.
Вилла Виардо.
Суббота, 18 ноября 71.

Дорогая Полинетта,

Я всё еще здесь из-за *третьего* подагрического припадка — но надеюсь уехать завтра — и буду в Париже в понедельник. Живу я здесь — так как моя вилла продана и всё в ней вверх дном: новый владелец — московский банкир[1] — пожелал заново ее обставить и т.д. В Париже я буду жить у г-на Виардо на улице Дуэ, 48. Я напишу тебе на другой же день по приезде.

Я очень рад, что всё у вас благополучно — и в личном, и в деловом отношениях. Надеюсь вскоре увидеть вас обоих.

А пока очень нежно целую вас.

И. Тургенев.

3034. Гюставу Флоберу (с. 157)

С французского:

Баден-Баден.
Вилла Виардо.
18 ноября 1871.

Мой дорогой друг,

После всевозможных неудач и задержек, вызванных подагрическим припадком и делами, которые почти стоят подагры — я наконец уезжаю завтра в Париж; если со мной ничего не случится — в понедельник приеду туда — а во вторник увижу вас — ибо, надеюсь, что вы там будете — и это письмо посылаю вам на улицу Мурильо. Итак, до скорого свидания — на следующий день после получения вами этого письма — обнимаю вас.

Ваш И. Тургенев.

3037. Гюставу Флоберу (с. 159)

С французского:

Мой дорогой друг,

Я нахожусь здесь с *понедельника* — но *в самый день* моего приезда у меня *снова начался* подагрический припадок (надеюсь, последний) — и сегодня я впервые выйду из дома, однако подняться по вашей лестнице еще не смогу. *Я приду завтра в час дня* — как-нибудь уж до вас доберусь. Я собирался вам написать, чтобы пригласить к себе — но в доме, где я живу (это дом семейства Виардо), всё ещё сущий хаос; к тому же, я был вне себя, что мне пришлось оставаться в постели. Итак, до завтра — я буду очень рад вас увидеть.

Живу я на улице Дуэ, 48 — но вы не приходите, я приду сам.

Ваш И. Тургенев.

3038. Жюлю Этцелю (с. 159)

С французского:

Мой дорогой друг,

Я вернулся в Париж 4 дня назад, и уже 3 дня, как лежу в постели с подагрой. Будет очень мило с вашей стороны навестить меня в любое подходящее для вас время, ибо я не двигаюсь, а мне нужно многое вам сказать.

Тысяча приветов и до свидания, не так ли?

В<есь> в<аш>
И. Тургенев.

Улица Дуэ, 48.
Суббота.

3039. Гюставу Флоберу (с. 159)

С французского:

Воскресенье.
Улица Дуэ, 48.
10 ч. утра.

Мой дорогой друг,

Я думал, что смогу побывать у вас сегодня — но вижу, что это невозможно — я буду у вас завтра *ровно в 1 час.*

Не то чтобы жизнь стала более трудной — но всё труднее становится *предпринять* что-либо. Жизнь, словно трава, покрывает вас с головой.

До завтра.

Ваш старый верный
И. Тургенев.

3040. Гюставу Флоберу (с. 160)

С французского:

Понедельник. 9 ч. утра.

Мой дорогой друг,

Когда я писал вам о том, как трудно что-либо предпринять, я и не думал, сколь это справедливо. Минувшей ночью лодыжка моей больной ноги неожиданно распухла — и теперь я не могу ни надеть сапог,

ни ступить. Итак, "Антоний" откладывается — вот уж, действительно, невезение[1] — разве что вы придете с рукописью сами, или же подождем пару дней — такие припадки редко продолжаются более 2-х суток.

Так что я очень смущен и разочарованно жму вам руку.

Ваш старый
И. Тургенев.

3041. Гюставу Флоберу (с. 161)

С французского:

Мой дорогой друг,

Случилось вот что. Недавно в Париже умер мой дядюшка, г-н Николай Тургенев[1], превосходный и почтенный человек — и я только что получил из Петербурга телеграмму с просьбой написать некролог — причем отправить его надо завтра вечером. Я согласился — и теперь занят этим делом. Доброму Антонию придется, следовательно, подождать до послезавтра[2] — ибо завтра я должен для получения некоторых сведений показать некролог семейству Т<ургеневых>, которое живет в Буживале, и т.д., и т.д.[3] Итак — до четверга!

Ваш слуга не вручал мне позавчера вашей записки. Возможно, он ошибся домом. № *48* по улице Дуэ находится на углу площади Вентимиль.

Тысяча приветов.

И. Тургенев.

Вторник. 11 1/2 ч.

3042. Жюлю Этцелю (с. 162)

С французского:

Вторник вечером.
Улица Дуэ, 48.

Мой дорогой друг,

Из-за своей проклятой подагры, которая мучает меня уже три месяца, (4 припадка!) — я только вчера впервые смог выйти из дому и собирался навестить вас сегодня или завтра (пригласить вас к себе было невозможно — дом Виардо всё еще представляет собой хаотическое зрелище) — но я получил из П<етер>бурга по телеграфу предложение написать некрологическую статью об этом достойнейшем Николае Тургеневе, и необходимо, чтобы эта статья была отправлена завтра вечером — завтра с утра я везу ее семье покойного, которая живет близ Буживаля[1]. К вам я наверняка приду в четверг около полудня.

Мне сказали, что моя вещица была помещена в "Le Temps" — но я ее не видел[2].

Семейство Виардо просит передать вам тысячу сердечных приветов — в начале следующей недели они немного уладят свои дела. Госпожа В⟨иардо⟩ пока не может даже давать уроки дома.

Меня глубоко опечалила смерть Русселя — она будет иметь дурные последствия всюду — даже в России. Вот увидите[3].

Тысяча приветов и до свидания.

И. Тургенев.

3044. Жюлю Этцелю (с. 162)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Четверг вечером.

Мой дорогой друг,

У меня в самом деле ветер гуляет в голове, несмотря на мои седые волосы. Я не могу прийти в воскресенье, так как должен вернуться в Рюей для участия в семейном совете, который будет созван в связи с кончиной г-на Н⟨иколая⟩ Т⟨ургенева⟩. Устраивает ли вас понедельник? Если вы мне ничего не передадите — я буду считать, что *да.*

Весь ваш
И. Тургенев.

3046. Полине Брюэр (с. 163)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
1 декабря 1871.

Дорогая девочка,

Я здесь уже 10 дней — но, так как у меня был *четвертый* подагрический припадок в самый день приезда — я не хотел тебе об этом сообщать. Теперь, кажется, всё прошло окончательно — но я впервые вышел из дому только три дня тому назад. Родителей Гастона я еще не видел[1]. Возможно, пойду к ним завтра. Я буду очень рад увидеть тебя и Гастона — но приезжайте лишь когда вам будет удобно. У меня две комнаты в доме Виардо — или, вернее, одна — поскольку другая еще недостаточно просохла — да и всё в доме еще вверх дном[2]. Понемногу всё устроится.

Целую вас обоих и говорю вам: до свидания.

И. Тургенев.

P.S. Я видел г-жу Иннис, которая едет завтра в Лондон. Я повидал также г-жу Делессер, у которой всё благополучно.

3053. Ф.Н. Тургеневой (с. 169)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Воскресенье, 10 дек. 1871.

Дорогая мадемуазель Фанни!

Вот статья Рольстона о вашем отце, напечатанная в "Athenaeum"[1]. Возможно, что он вам ее уже послал; но, не зная этого точно, предпочитаю сам послать ее вам.

Как дела в Вербуа? Вы, должно быть, жестоко страдали во время этих ужасных холодов. Действительно ли вы собираетесь еще долго не возвращаться в Париж?

№ "Вестника Европы"[a] должен придти через несколько дней. Я пришлю его вам немедленно[2].

Тысяча приветов матушке и братьям. Верьте моей искренней дружбе.

И. Тургенев.

На конверте:

Мадемуазель Фанни Тургеневой,
в *Вербуа*,
около Буживаля (*Сена-и-Уаза*).

3054. А.А. Трубецкой (с. 169)

С французского:

Париж,
улица Дуэ, 48.
Воскресенье, 10 декабря 1871.

Любезная княгиня,

Вот уже больше двух недель как я в Париже, где рассчитываю провести большую часть зимы[1], но подагрический припадок (увы, да) — и скопление литературных работ помешали мне написать вам[2] — а главное спросить, когда я смогу навестить вас — в Bellefontaine-Abbey[a] (позволю себе обойтись без "могу ли я"). К концу этой недели я буду свободен — начиная с четверга; укажите мне день — и время отправления поезда, пожалуйста — и я приеду, чтобы вспомнить "auld lang syne"[б, 3].

P.S. Орлов — определенно едет в Париж — не так ли[4]?

3056. Полине Брюэр (с. 171)

С французского:

Дорогая Полинетта,

У меня так болят ступни и колено, что мне ни за что не одолеть твоих 4-х этажей — поэтому я довольствуюсь тем, что целую тебя заочно и советую тебе быть очень осторожной и терпеливой.

Тысяча приветов милому Гастону. Напиши мне из Ружмона.

И. Тургенев.

На обороте:

Г-же Полине Брюэр.
Улица Брюссель, 23.

3057. М.С. Стасюлевичу (с. 171)

С французского:

Рукопись[1] выслана в субботу, 26-го, адресована Павлу Анненкову. Иван Тургенев.

---

[a] *Написано по-русски.*

[a] Бельфонтенское Аббатство (*англ.*).

[б] доброе старое время" (*шотл.*).

3059. Фридриху Брукману (с. 172)

С немецкого:

Париж,
Rue de Douai, 48.
14 дек. 1871.

Милостивый государь!

Только вчера я получил Ваше письмо, которое пришло уже сюда; — спешу сообщить Вам, что я уехал из Баден-Бадена и большую часть зимы намерен провести в Париже[1]. К сожалению, я не могу принять Ваше соблазнительное предложение — все мое время сейчас занимает работа[2]. Я мог бы порекомендовать Вам одного из лучших наших писателей — Д.В. Григоровича, который сможет, очевидно, помочь Вам в подготовке этого издания. — Мне представляется ,что он как нельзя лучше подходит для этой цели, поскольку он много занимался живописью и прочими изящными искусствами. Если хотите, я мог бы написать ему и потом познакомить Вас, в том случае, если он примет такое предложение[3].

Примите уверение в моем глубоком почтении.

И. Тургенев.

3060. Полине Брюэр (с. 172)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
15 дек. 1871.

Дорогая Полинетта,

Я должен был ответить тебе раньше — но всё это время я был перегружен работой (что, как ты знаешь, бывает со мной редко) — мне надо было завершить переписку целого маленького романа, который мой петербургский издатель требовал немедленно[1]. Это было немалое дело — в течение 10 дней я ложился спать не ранее 2—3 часов утра. Теперь все окончено — моя подагра как будто тоже намеревается меня покинуть — и я вернулся к своему обычному укладу.

Я буду очень рад увидеть тебя 31 дек‹абря›; — и мы постараемся весело провести вместе Новый год. Я рад также узнать, что ваши дела в порядке.

А пока целую вас обоих и до свидания. Привет г-ну Брюэру[2].

И. Тургенев.

3061. Людвигу Пичу (с. 173)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
15 дек. 71.

Итак, после долгого молчания признак жизни! Но Вы никогда, никогда еще не писали так неразборчиво, великолепный Пич! Я с трудом смог расшифровать не больше половины письма[1].

Мы здесь живем хорошо — только дом еще в хаотическом состоянии. В Париже больше нет рабочих — а те, которые остались, не работают[2]. У г-жи Виардо много хлопот — и она в хорошем расположении духа. Я еще почти никого не видел — сначала был болен (распроклятая подагра!) — потом отделывал свою повесть[3] — и потому ничего не знаю о парижской жизни. Я не имею никакого понятия о том, когда эта повесть будет переведена на французский язык — для этого я и пальцем не пошевельну — а потому и совсем не знаю, когда Вы получите возможность прочесть этого новое произведение.

Что же касается "Стук, стук" — то всё это неважно. Эта маленькая вещица не имела, собственно, никакого права на перевод[4].

Ваш постскриптум изумил меня. Я совсем не знаю, что эта вещь означает и как она попала в Ваши руки[5]. Как раз тут-то и встречаются замечательнейшие каллиграфические образчики почерка мастера Пича[6]. Например:

"К тому же *мне*, *мне* иногда кажется, что *Вы* могли бы чаще, чем имели *это*, и Вы это (неразборчивое слово) написать (снова неразборчиво)".

Кто же сумеет в этом разобраться!! Всё это место осталось для меня загадкой!

Что же касается Вашего грустного настроения, то, хотя я и очень Вам сочувствую, мне вспомнилось:

"На камнях в потоке лежит *он*, такой светлый..."[7] Всё уладится!

Республика здесь превращается в настоящий "cabinet inodore"[a]. Каждый пользуется им, но никто не хочет признаться, что имел с ним дело. Вероятно, орлеанисты вскоре получат перевес[8]. Но это не обойдется мирно. Ладно, посмотрим.

Ненависть к Германии здесь колоссальная! Это единственное колоссальное, что тут есть[9].

Увидимся в *январе* непременно — а до того времени всего Вам хорошего; передайте привет семье и друзьям.

Ваш И. Тургенев.

3081. М.Н. Зубовой (с. 190)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Понедельник, 8 января 1872.

Милостивая государыня,

Лишь вчера я получил через посредство г-на Ашара[1] ваше письмо вместе с фотографией, которую вам было угодно мне послать. Он, как сам мне сказал, держал ее около двух лет. Это промедление, которое до некоторой степени объясняется всеми событиями последнего времени[2], тем более мне неприятно, что я видел вас в Петербурге этой зимой и не поблагодарил за добрую память, а вы могли подумать, что я не ценю ее по достоинству.

Позвольте мне сказать вам, сколь я тронут этим. Одновременно посылаю вам свою фотографию, о которой вам было угодно меня попросить.

---

[a] "общественную уборную" (*франц.* Буквально: непахнущий кабинет).

Я пишу вам в Петербург через моего друга Павла Анненкова, совершенно не представляя себе, где вы находитесь; надеюсь однако, что эта записка дойдет до вас[3].

Я рассчитываю приехать в Россию к концу февраля; посещу Петербург и Москву: возможно, мне удастся вас там встретить.

Примите, милостивая государыня, мою благодарность, а также уверение в моем глубочайшем уважении.

И. Тургенев.

3083. Людвигу Пичу (с. 192)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Вторник, 9 янв. 1872.

Разумеется, я всё еще здесь, дорогой Пич, и только в середине февраля поеду в Россию, но тогда уж непременно пробуду два дня в Берлине. Нам сейчас в Париже совсем *не* до развлечений; у г-жи Виардо вдоволь хлопот — с ее здоровьем дело обстоит хорошо — а вскоре и дом будет готов для приема гостей. Что же касается меня, то я живу точь-в-точь как улитка — и не хочу жить по-другому. Иначе я начну верить, что Франция смертельно больна[1].

Мое "младшее дитя", как Вы его называете, появится в Петербурге 13/1-го января в "Вестнике Европы" — но о том, когда его переведут, мне ничего неизвестно. Может быть, скоро, может быть, не скоро, может быть, никогда. Однако, если оно все-таки будет переведено, Вы, конечно, получите его первым. Оно безнравственно — это твердо установлено[2] — однако такой Митридат, как Вы, глотал и не такие яды и чувствовал себя при этом еще лучше.

Итак, в самом деле, "второй волны не будет"[3]. Мы катимся под гору, под гору — и вот она уже, слепая, немая, серая, холодная, нелепая, ненасытная, вечная ночь![4]

Пишу лапидарным слогом:

Я ничего не знаю об этой "Confessions"[a], никогда ее не писал и не понимаю, кто Вас мистифицировал?! Я всё же хотел бы поглядеть на эту вещь[5].

Передайте привет всем добрым друзьям и будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев.

P.S. Действительно А. ф⟨он⟩ Вернер такой великий художник?[6]

P.S.S. Вы опять не написали Вашего адреса!! К счастью, сохранилось еще Ваше предыдущее письмо. И так поступает *немец*!!!

---

[a] "Исповеди" (*франц.*).

3085. **Вильяму Рольстону** (с. 193)

С английского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Четверг, 11 янв. 1872.

Мой дорогой друг,

Возвращаю ваши листки[1].

На с⟨тр⟩. *264*. Слово "bryudgi" совершенно ново для меня. Как оно пишется по-русски? Это, должно быть, провинциализм[2].

С⟨тр⟩. *272* (в примечании). *Коса* — никогда не значит "рыбий хвост" — но своего рода мыс в море, узкая полоса земли, выступающая среди воды[3].

С⟨тр⟩. *334*. "Причитать" — не значит подсчитать. Вы спутали "*счи*тать" и "*чи*тать". "Причитать" означает: сетовать, повторять, читать над кем-либо...[4]

С⟨тр⟩. *339*. Не надо ли:

"No room would be there *out of* (*because of*) my misery"[а], а не: "*for* my misery"[б].

Я не помню русского текста. Какое там слово: *от*[в] или *из-за*?[в] Если *из-за*[в] — "out of" было бы верным переводом[5].

С⟨тр⟩. *352*. Так как *Костя* — уменьшительное от Константина (Костя)[в], причина выбора имени очевидна[6].

Можете быть совершенно уверены, что вы написали хорошую и *интересную* книгу, даю вам слово[7].

Я вышлю вам экземпляр моей повести[8] сразу же по получении ее — с необходимыми исправлениями.

Молодой англичанин по имени А. Стивен, по всей вероятности, скоро представится вам с моей карточкой — он очень хороший и любезный молодой человек. Он хочет изучать русский язык!! Это довольно смелый подвиг — но почему бы нет?[9]

Сестра Жуковского[10] — весьма странная особа. Я познакомился с ней в Петербурге, но не знаю — de quoi il s'agit[г]. Я справлюсь.

Поздравляю Вас с нашим Новым годом и остаюсь

преданный вам
Ив. Тургенев[в].

3087. **Кларе Тургеневой** (с. 195)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Суббота, 13 янв. 1872.

Сударыня,

Я получил ваше письмо[1] вчера днем слишком поздно, чтобы воспользоваться вашим любезным приглашением. Я очень сожалею об этом и обещаю быть у вас в будущую пятницу непременно. Вы говорите мне

[а] "Не будет там места *из-за* (*по причине*) моего горя (*англ.*).

[б] "*для* моего горя" (*англ.*).

[в] *Написано по-русски.*

[г] о чем идет речь (*франц.*).

[в] *Написано по-русски.*

столько любезного в вашем письме, что я "at a loss"[a] что-либо ответить; могу сказать вам только, что мне отнюдь не свойственна неблагодарность и что я глубоко признателен тем, кто, подобно вам, проявляет ко мне дружеское расположение.

Примите, сударыня, уверение в моих самых сердечных чувствах.

И. Тургенев.

3090. Гюставу Флоберу (с. 197)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 19 янв. 72.

Подагра моя снова меня отпустила, мой дорогой друг — все эти глупые помехи очень меня огорчают — равно как и то, что я причинил вам напрасное беспокойство, но — черт возьми! — должно же это когда-нибудь состояться.

Какой день вы предпочитаете:

вторник,
среду
или
субботу

на следующей неделе? И если я не умру (как утверждает "Times")[1] — то скорее велю, чтобы меня отнесли к вам, нежели...

Словом! Я жду ответа.

Ваш И. Тургенев.

3092. Редактору "Le Temps" (с. 199)

С французского:

Париж, воскресенье, 21 января 1872.

Несколько французских и английских газет объявили о моей смерти в возрасте восьмидесяти одного года[1]. Очевидно, произошло смешение между мною и моим покойным родственником г. Николаем Тургеневым[2], умершим 10 ноября прошлого года в Вербуа, близ Буживаля. Разрешите мне прибегнуть к помощи вашей газеты, чтобы опровергнуть это известие, и примите уверение в моем уважении.

Иван Тургенев.

3096. Вильяму Рольстону (с. 201)

С английского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 26-го янв. 1872.

Мой дорогой друг,

Я получил "Orchestra" со статьей, которая мне очень льстит. Чорли должен в очень большой степени испытывать "dépit"[a]; но я вынужден тем не менее думать, что лучше пусть будет так, как есть. Я был несколько

---

[a] "затрудняюсь" (*англ.*).

[a] "досаду" (*франц.*).

удивлен, обнаружив, что я "немного *утомительный* энтузиаст"; я и не подозревал, что мои недостатки заключались в *этом*, но никогда ведь не знаешь, каков ты сам[1].

Я послал вам вчера — нет, позавчера — экземпляр моей повести. Надеюсь, что вы не будете *слишком* шокированы ее весьма вольной нравственностью[2].

Преданный вам
И. Тургенев.

P.S. *Суббота утром.* Я только что получил "Athenæum" — большое спасибо.

3097. **Жюлю Этцелю** (с. 202)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 26 января 72.

Мой дорогой друг,

У меня не было для вас никаких особых новостей, я заходил лишь узнать, в Париже ли вы еще. По отношению ко мне вы — сама доброта, я сердечно благодарю вас и воспользуюсь вашим дружеским предложением. Я видел де Грамона; с понедельника мы непременно примемся за работу[1]. Надеюсь, она будет окончена к концу февраля — и тогда вы решите, что с нею делать. Что же касается *тома*, думаю, надо подождать до следующей зимы[2].

Здесь все здоровы и вам кланяются. Вы говорите, что у вас совсем нет солнца — и у нас его не больше — но стоит до смешного теплая погода. Это *гнилая* зима, как говорят в России. Виардо почти *устроились* (наконец!) и скоро начнут понемногу принимать гостей и устраивать музыкальные вечера по пятницам.

Если вы получаете "Le Temps", то, должно быть, видели там опровержение по поводу слухов о моей смерти[3].

Пока еще нет, черт возьми!

Тысяча приветов и будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев.

3100. **А.А. Трубецкой** (с. 204)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Среда, 31 янв. 72.

Все, что вы говорите мне — восхитительно, любезная княгиня — и я не ожидал стольких похвал![1] Русская публика, кажется, достаточно оценила мою безделицу, — но критика по большей части сурова: меня находят недостаточно серьезным, — им бы хотелось, чтобы я занимался политикой, чтобы я затрагивал общественные вопросы; может быть, критика и права. Но дело сделано, и я рад, что вы прочитали это без скуки[2].

Я отправился к Орлову, но не застал его дома, равно как и княгини[3]; надеюсь, что в другой раз мне повезет больше. Надо бы условиться насчет совместной поездки в Бельфонтен.

Все семейство Виардо чувствует себя хорошо; — в пятницу состоится первый музыкальный вечер. Наконец установили орган[4].

Тысяча приветов всему Бельфонтену; очень сердечно пожимаю вам руку.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩
И. Тургенев.

3107. Гюставу Флоберу (с. 210)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Понедельник.

Мой дорогой друг,

Вы приглашаете меня, оказывается, на пятницу; но у г-жи Виардо по пятницам музыкальные вечера, на которых я не могу не присутствовать. Хочу только сказать вам, что мне нужно быть дома без 1/4 десять. Надеюсь, это ничему не помешает[1].

Тысяча приветов.

Ваш старый
И. Тургенев.

3108. П.В. Анненкову (с. 210)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 16 февраля 72.

Мой дорогой друг,

Вот особа, которую я вам очень рекомендую: м-ль Мари Дюма, направляющаяся в Петербург на время Великого поста. Она восхитительно декламирует — а также совершенно замечательно играет шуточные пьески, маленькие салонные комедии и пр. Я уверен в том, что она вызовет сенсацию в Петербурге — в эту пору, когда театры там бездействуют. Помогите ей вашими советами и подскажите, как взяться за дело, чтобы "добиться цели"?

Я рассчитываю на нашу старую дружбу — и уверен, что вы охотно отдадите себя в ее распоряжение. Укажите ей, к кому нужно обратиться, чтобы выступить в концерте.

Говорю вам *спасибо* — и жму вашу руку.

Ваш И. Тургенев.

P.S. Сообщите м-ль Д⟨юма⟩ адреса графа Соллогуба и Суворина[1].

3109. Людвигу Пичу (с. 211)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Суббота, 17 февр. 1872.

Мой благородный друг и благодетель Людвиг Пич!

В самых лучших отношениях между двумя друзьями, как я заметил, наступает такой момент, когда один из них вдруг кажется другому мертвым псом и уже не может претендовать на какую-либо более высокую

оценку. По разным симптомам и признакам я смог заключить, что этот мертвопсовый момент следует считать наступившим в отношении ко мне моих немецких пифий[1]. Если это так — о, тогда Вам достаточно только промолчать — и мое исполненное предчувствий сердце всё поймет! Однако оно не разобьется. Если же я ошибаюсь — ошибаться свойственно человеку — тогда молвите хоть слово — и это доставит мне большую радость[2].

Здесь с Францией и Парижем дело обстоит очень плохо[3], с семьей Виардо — хорошо. В конце марта я поеду в Петербург через Берлин.

Моя звенящая голосами жаворонков повесть потерпела фиаско[4].

Передайте приветы семье — и будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев.

3115. Полине Брюэр (с. 217)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Суббота, 9 марта 72.

Дорогая Полинетта,

Уведомляю тебя, что в *понедельник* в *3 ч. 40* я прибываю в Клуа с *пилюлями, устрицами, лососиной* и *одеколоном.*

Гастон должен только меня встретить с Философом[1].

Целую тебя.

И. Тургенев.

3118. Кларе Тургеневой (с. 219)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Среда, 13 марта 72.

Сударыня,

У нас с Ханыковым было намерение отправиться в Вербуа завтра, в четверг; но возникли всякого рода препятствия — и потому я прошу у вас разрешения отложить этот визит до четверга на будущей неделе — теперь уже наверняка[1].

Надеюсь, что вы все в добром здравии, и шлю вам тысячу приветов.

Весь ваш
И. Тургенев.

3122. Людвигу Пичу (с. 223)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Понедельник, 18 марта 72.

Любезнейший Пич, мне следовало бы давно ответить на Ваше столь дружеское письмо[1] — но я очень ленивое животное! Хотя вовсе не неблагодарное! Я очень обрадовался, когда узнал, что Вы всё еще любите меня — и упрекал себя, что усомнился в этом.

Жизнь здесь идет вполне сносно. Г-жа Виардо дважды пела — в консерватории и в цирке Паделу, с огромным успехом — это подняло ее настроение — она чувствует себя весело и бодро — однако работает слишком много. Семейству также живется хорошо. Я пока болтаюсь без дела и готовлюсь к поездке в Россию. Париж я покидаю 20-го апреля — еду через Баден-Баден, где пробуду несколько дней, в Берлин и потом дальше. 25-го апреля — приблизительно — мы с Вами увидимся наверняка[2].

Здесь выставка картин, эскизов и т.п. А. Реньо (того самого Реньо, который так несчастливо был застрелен в прошлом году за несколько дней до *заключения* мира). Она заслуживает того, чтобы специально приехать сюда и посмотреть ее. Реньо — бесспорно *величайший колорист* нового времени. И ведь еще многое могло бы из него выйти![3]

Итак — передайте приветы всем друзьям и семье. Будьте здоровы и бодры — и до свиданья!<...>

3123. Гюставу Флоберу (с. 223)

С французского:

Старина Флобер, я позабыл предупредить вас вчера, чтобы вы не проговорились Виардо или в его присутствии о том, что я обедал у принцессы[1]; он питает сильнейшую ненависть к Империи (я вам как-нибудь скажу почему) и был бы огорчен, узнав, что я посещаю его *врагов*. Г-жа В⟨иардо⟩ знает, где я был. Вас ждут сегодня вечером. Кроме меня, никого не будет.

До свидания.

Ваш верный И.Т.

Четверг.

3124. Полине Брюэр (с. 224)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 22 марта 1872.

Моя дорогая Полинетта,

Мне было совсем невесело так мало пробыть с тобой[1] — но прямо с вокзала я пошел к дантисту, который меня так изувечил, что я был вынужден пойти к другому. И это еще не конец — я по-прежнему мучаюсь изза своего проклятого зуба: обнаружилось воспаление надкостницы. Это очень неприятно, уверяю тебя — но остается только терпеть, другого средства нет.

Надеюсь, что ты хорошо заботишься о себе[2]; обещаю тебе навестить родителей Гастона до Пасхи и еще раз даю слово не уезжать, не повидав тебя[3]. Пока целую вас обоих.

И. Тургенев.

3125. М.Г. Пецольд (с. 224)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 22/10 марта 1872.

Многоуважаемая г-жа ф⟨он⟩ Пецольд!

Я получил Ваше любезное письмо и одновременно с ним письмо редактора "Nordische Presse" — г-на Беренса, в котором он просит меня не откладывать публикацию "Вешних вод" далее, чем до 1-го апреля[1]. Однако я не смогу быть в Петербурге раньше 20-го апреля — и потому решаюсь, в надежде на Вас, милостивая государыня, дать свое согласие на незамедлительную публикацию, если это и его удовлетворит. Нет никакой необходимости в том, чтобы г-н Анненков сам редактировал перевод: как я уже сказал, судьбу своей повести я передаю полностью в Ваши руки[2].

Мне доставит большую радость лично познакомиться с Вами[3], а до тех пор прошу Вас принять уверение в моем искреннем почтении.

Преданный Вам
И. Тургенев.

На конверте:

Russie.
St.-Pétersbourg.
M-me de Pezold[а].
В С.-Петербурге, на Моховой, № 14—8.
Г-же М. фон Пецольд[б].

3126. Людвигу Фридлендеру (с. 225)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Пятница, 22 марта 72.

Многоуважаемый господин профессор,

На днях получил 3-ю часть Вашей "Истории римских нравов" — и шлю Вам горячую благодарность за этот прекрасный подарок[1]. Я не сомневаюсь, что этот том доставит мне такое же наслаждение, как и первые два. Тотчас же принялся за чтение. Как великолепно и убедительно написана уже первая глава о "роскоши"!

Я провел бóльшую часть зимы здесь и в конце апреля еду в Россию. Мне всё же хотелось бы наконец исполнить свое обещание и посетить Вас в Кёнигсберге! Во всяком случае я два дня пробуду в Берлине (как обычно, в отеле "С.-Петербург") — и извещу Вас.

Итак — надеюсь — до свидания и большое спасибо! Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
И. Тургенев.

[а] Россия. С.-Петербург. Г-же фон Пецольд (*франц.*).
[б] *Написано по-русски.*

P.S. Семейство Виардо чувствует себя здесь прекрасно. Все Вам дружески кланяются.

На конверте:

Prusse[a].
Господину профессору Л. Фридлендеру
в Кёнигсберге.

3128. Эмилю Дюрану (с. 226)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Суббота, 23/11 марта 1872.

Милостивый государь,

Я только что получил ваше письмо[1] и, поскольку мое путешествие отложено недели на две (я уезжаю из Парижа лишь 25 апреля), признаюсь, был бы очень рад получить те 65 страниц, о которых вы мне пишете, если вас это не слишком затруднит[2].

Вот что произошло со времени моего последнего письма: от некоего г. Шарля де Кутули, брата одного из редакторов "Avenir National" и "Temps"[3], я получил рукопись полного перевода "Вешних вод" с просьбой разрешить его напечатать. Мне оставалось лишь ответить ему отказом, так как я уже дал слово, и я назвал ему ваше имя. Тогда он возобновил попытку, попросил у меня ваш адрес и теперь, как будто, намерен предложить вам денежную компенсацию. Я сообщил ему ваш адрес, повторив при этом, что, насколько я понимаю, окончательно договорился с вами и связан словом. Его перевод хорош, но, поскольку у меня все основания не сомневаться в высоких достоинствах вашего, я лишь предупреждаю вас обо всем этом, предоставляя вам в этом деле полную свободу действий. Я считаю вас своим переводчиком[4].

А пока прошу вас прислать мне начало вашей работы и принять уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

3129. Полине Брюэр (с. 227)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Вторник.

Дорогая девочка,

2000 франков будут отправлены *завтра* — и ты их получишь послезавтра. Я очень спешу, завтра напишу подробнее — я только хотел как можно скорее сообщить тебе об этом.

Чувствую я себя лучше.

Целую тебя; до свидания.

И. Тургенев.

---

[a] Пруссия (*франц.*).

3130. Полине Брюэр (с. 227)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Среда, 27 марта 72.

Дорогая девочка,

Вот обещанные 2000 франков. Немедленно уведоми меня об их получении.

Я еще не видел родителей Гастона — но отправлюсь к ним завтра.

Целую вас обоих.

И. Тургенев.

3134. Жюлю Этцелю (с. 231)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Четверг, 28 марта 72.

Мой дорогой друг,

Вероятно, музыкальный вечер у г-жи Виардо завтра не состоится; поэтому, если вы хотели прийти именно для того, чтобы послушать музыку — подождите еще неделю — я считал своим долгом предупредить вас.

До скорого свидания во всяком случае и тысяча приветов.

И. Тургенев.

3138. Эдмону де Гонкуру (с. 233)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Суббота вечером.
6 марта[a].

Сударь,

Если я не ответил вам тотчас же — в этом немного виноваты вы сами: подобно большинству ваших соотечественников, вы не указываете в письме своего адреса — а я его совсем позабыл — тем более что меня к вам приводил Флобер[1]. Я не мог найти его в большой адресной книге; наконец мне пришла благая мысль обратиться к консьержке п⟨ринцесс⟩ы Матильды[2], которая мне и сообщила его. Я очень рад, что мое сочинение понравилось вам; что касается ваших книг, которые вы мне прислали — я сразу же принялся за чтение истории де Майи[3] — и очень заинтересовался этим персонажем, так тщательно и глубоко изученным вами. Это вполне современный тип, его можно встретить в любой стране — но в то же время это настоящий француз.

Я буду чрезвычайно рад увидеться с вами и хорошенько побеседовать. Подойдет ли вам четверг? Назначьте мне час и место, где мы могли бы встретиться в Париже, чтобы пойти куда-нибудь пообедать. А пока примите уверение в моих лучших чувствах.

И. Тургенев.

---

[a] *Так в тексте копии.*

3139. Эмилю Дюрану (с. 234)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Суббота, 6 апреля/25 марта 1872.

За вашим письмом от 26 марта вскоре последовало письмо от 20-го[a], а вчера я получил рукопись, о которой вы мне сообщали[1]. Неделю тому назад г. де Кутули известил меня, что при создавшихся обстоятельствах он отступается от своего перевода или, по крайней мере, больше не думает о его издании; сделал он это в изысканных выражениях и, как человек благородный, заранее отказываясь предположить, что ваш перевод менее удачен. Таким образом, с этой стороне всё улажено; у меня едва хватило времени бегло просмотреть вашу рукопись, но я всё же прочел достаточно, чтобы убедиться в правоте г. де Кутули[2].

Я надеюсь получить рукопись целиком до моего отъезда из Парижа — я рассчитываю также встретиться с вами в Петербурге и лично познакомиться. Я собираюсь внести небольшое изменение в финал "Вешних вод": несколько смягчить его, добавив новую сцену. Это будет не длинно, и мы легко в течение какого-нибудь часа приведем всё в порядок[3].

В Петербург я приеду еще *до* конца апреля по старому стилю, в Париж возвращусь в июне месяце. Надеюсь, что эти даты не нарушают ваших планов.

Как только получу окончание вашего перевода, напишу вам еще и на другой же день после моего приезда в Петербург буду у вас. А пока прошу вас принять уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

3140. Жюлю Этцелю (с. 235)

С французского:

Улица Дуэ, 48
Воскресенье утром.

Мой дорогой друг,

Вот что я вам отвечу: у меня действительно есть полный перевод (г-на де Кутули) моей повести[1] — но я не могу дать его в "Temps" — потому что в начале года дал г-ну Э. Дюрану в С.-Петербурге разрешение на ее перевод — и получил пока около двух третей этого перевода. Остальное прибудет не ранее, чем через две-три недели. Я вынужден был написать г-ну де Кутули, что, к моему большому сожалению, из-за данного мною слова его перевод нельзя опубликовать. Следовательно, надо еще подождать. Но вся рукопись будет у меня до моего отъезда в Россию — и вы получите ее немедленно.

Я в восторге, что в "Le Temps" согласны меня печатать — и очень рад иметь с ними деловые отношения.

Тысяча приветов и до свидания.

И. Тургенев.

---

[a] *Так в тексте публикации.*

3141. Эдмону де Гонкуру (с. 235)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Понедельник, 8 апреля 72.

Сударь,

Спешу исправить свою оплошность, которую я только что заметил. Я предлагал вам встретиться *в четверг* — но в этот день я как раз обедаю за городом у родственников, которым дал обещание еще две недели тому назад[1]. Не подойдет ли вам будущий *понедельник* вместо четверга? Я еще не получил вашего ответа — но, если вы ничего мне не сообщите, я буду считать, что это означает "да".

Тысяча извинений и столько же приветов.

И. Тургенев.

3144. Эдмону де Гонкуру (с. 237)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Воскресенье, 14 апреля 72.

Сударь,

Я очень опасаюсь, что вы не получили двух писем, которые я вам послал[1] — так как ничего не ответили на мой вопрос о месте нашей встречи. А между тем я точно написал ваш адрес. Сегодня я делаю еще одну попытку — дабы уведомить вас, что я вынужден уехать сегодня вечером в Брюссель, где пробуду 2—3 дня, и поэтому не смогу пообедать с вами завтра, в понедельник, как предлагал в своем последнем письме. Напишите же мне несколько слов; я получу их по возвращении, и они докажут мне, что мои записки до вас доходят.

Дружески жму вам руку.

Совершенно вам преданный
Ив. Тургенев.

3149. Полине Брюэр (с. 241)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Четверг.

Дорогая Полинетта,

Жди меня в *субботу* в 3 ч. 40 мин. Я вынужден буду уехать обратно на следующий же день — так как во вторник я должен выехать из Парижа, чтобы отправиться прямо в Москву. Только что умерла жена моего брата[1]. Я тебе все это расскажу. А пока целую вас обоих.

И. Тургенев.

3150. Жюлю Этцелю (с. 241)

С французского:

Понедельник.

Вот, мой дорогой друг, эта рукопись целиком[1].

1°.) Прочтите ее и скажите *откровенно*, годится ли это, по вашему мнению.

2°.) Я не хочу публиковать ее в таком виде; совершенно необходимо ввести в конце сцену, где мой *герой* (который настоящим героем отнюдь не является) возвращается к предмету своей первой любви, а его прогоняют — иначе это слишком безнравственно. Это решено, и я от этого не отступлюсь[2].

Вот почему до моего возвращения эта вещь не может быть помещена в "Le Temps" (если ее там и примут)[3]. Но я прошу вас о любезности прочесть, высказать свое суждение и возвратить мне рукопись до моего отъезда, который назначен на *воскресенье*[4]. Если позволите, я приду к вам в *субботу* утром.

А пока до свидания, тысяча благодарностей, тысяча извинений и тысяча приветов.

И. Тургенев.

3151. Жюлю Этцелю (с. 242)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Четверг, 2 мая.

Увы, мой дорогой друг, я очень боюсь, что сейчас вы уже узнали, насколько я сумел испортить — не шедевр, как назвали ее вы, движимые дружеской благожелательностью — но маленькую любовную историю, которая могла бы оказаться занятной для чтения. Эта женщина-дьявол соблазнила меня так же, как она соблазнила простофилю Санина[1]. Гете был совершенно прав, говоря, что в конце концов становишься рабом своих собственных созданий[2]. Надеюсь увидеть вас завтра вечером. Будет хорошая музыка — и мы обо всем поговорим[3].

Весь ваш
И. Тургенев.

3154. Ф.Н. Тургеневой (с. 244)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Вторник, 7 мая 72.

Дорогая мадемуазель Фанни,

Пьер, к сожалению, не застал меня дома — он оставил мне *пять* экземпляров[1] — но не сказал, кому вы их предназначаете. Один, я знаю, для Свербеевых; другой будет передан в Петербурге Пыпину (или Стасюлевичу)[2]; третий — Бартеневу в Москве. Но кому же два остальные? Хотите, я пошлю один в Лондон Рольстону, который, я уверен, положит его в основу хорошей статьи в каком-нибудь журнале?[3] А кому дать послед-

ний? Может быть, редакции "Беседы" в Москве? Дайте мне ваши указания не откладывая, так как, вероятно, я уеду в *пятницу*[4].

Тысяча приветов вашей матушке и всем вашим.

Я напишу вам из Москвы.

Примите, дорогая мадемуазель, уверение в совершенной преданности вашего

И. Тургенева.

На конверте:

Мадемуазель Фанни Тургеневой,
в *Вербуа*,
близ *Буживаля*.

3156. Луи Поме (с. 245)

С французского:

Пятница, 10 мая.
Улица Дуэ, 48.

Мой дорогой друг,

По случаю моего отъезда, который будет иметь место в *понедельник*, в *воскресенье* на улице Дуэ состоится большая танцулька (если не сказать бал)[1]. Приходите туда вместе с Жанной, коли вам это придется по душе, не поздно, к половине седьмого, поскольку надо будет пораньше лечь спать, и приводите двух молодых господ Фурнье, как и иных танцоров, если вы таковых знаете, которые столь же приятны, как эти!

До встречи и тысяча приветов.

Ваш И. Тургенев.

3157. Луи Поме (с. 245)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Суббота.

Дорогой Поме,

В моей вчерашней записке[1] я забыл сказать вам, что вы можете привести завтра Терезу[2], которой, как обычно, будет приготовлена кроватка подле кровати матери[3].

Ведь вы придёте, не правда ли, попрощаться со старым папашей Фридолином?[4]

3158. Кларе Тургеневой (с. 246)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Суббота утром.

Сударыня,

Благодаря оплошности прислуги — ваше письмо передано мне только сейчас — спешу отправить вам ответ с посыльным. Виардо, который уже знаком с Альбертом и который будет очень рад познакомиться с Пьером, должен сегодня все утро пробыть на Выставке — а потому он пред-

лагает молодым людям прийти к нему завтра *между полуднем и часом*. Я же буду у вас сегодня между 1 ч. и 2-мя — посмотрю ваши картины, а от вас, может быть, мы сможем отправиться вместе на Выставку, которая очень хороша в этом году.

Я решительно уезжаю в *понедельник* вечером.

До свидания и тысяча приветов.

И. Тургенев.

3160. Эдмону де Гонкуру (с. 247)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Вторник, 14 мая 72.

Сударь,

Завтра я отправляюсь в Россию — но мне не хочется уезжать, не сказав вам, сколь я сожалею, что больше не виделся с вами с того дня, который мы так чудесно провели у вас[1]. Это, разумеется, моя вина, я сам знаю, но от этого мои сожаления еще горше. Словом, надеюсь, что, когда я вернусь, всё будет по-иному. Я прочитал ваши книги[2] с живейшим интересом; я не всегда разделял вашу точку зрения — но постоянно находился под обаянием maestria[a] художника.

Позволяю себе послать вам одну из моих книг, которую вы, вероятно, не читали.

Сегодня же я напишу Флоберу. Мне говорили, что он должен скоро приехать в Париж[3]. Пожмите ему от меня покрепче руку и примите уверение в моих искренне сердечных чувствах.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

3162. Камилю Сен-Сансу (с. 248)

С французского:

Суббота утром,
Улица Дуэ, 48.

Ну, carissimo[a] Сен-Санс, как там обстоят дела с "Прялкой Омфалы"[1], которую я должен отвезти в Москву и вручить Рубинштейну?[2] — Вчера мы напрасно ждали вас[3]. Я еще остаюсь здесь до понедельника вечера[4]. Так что у вас еще есть время завершить копирование. А сделать надо вот как: *завтра* в воскресенье на улице Дуэ состоится большая танцулька, без всяких церемоний — по случаю моего отъезда. Она начнется ровно в половине девятого. Приходите, приносите рукопись, танцуйте — танцевать будут все — и будете умницей, а мы договоримся обо всём, что надо будет сделать в Москве. До встречи, не так ли?[5]

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩ И. Тургенев.

P.S. Приглашен музыкант! Так что ваши пальцы оставят в покое[6].

---

[a] мастерства (*итал.*)
[a] дражайший (*итал.*)

3163. Теофилю Готье (с. 249)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Суббота, 19 мая 1872[a]

Любезный господин Готье,

Отправляясь в довольно длительное путешествие в Россию[1], я чувствую потребность сказать вам, сколь я сожалею, что мы так и не встретились больше после того приятного обеда у нашего друга Флобера, на котором мы с вами оба присутствовали[2]; надеюсь, что в будущем году мне повезет больше. Теперь же позвольте мне сказать несколько слов о другом. Еще во время первого моего посещения Салона мне понравилась одна картина *Бланшара* (№ 149, очень неудачно названная "Куртизанка") — и я, не потому что купил ее, нахожу, что это самое прекрасное женское тело из всех выставленных в Салоне. Но, кажется, никто не разделяет моего мнения. Никто о ней не говорит — дамы находят ее уродливой и т.д. Должен признаться, меня это немного смущает. Нет надобности говорить, что я не прошу вас о какой-то рекламе; мне просто хотелось бы узнать ваше мнение — ибо я чувствую в вас не только большого писателя, но, при всей вашей снисходительности, и большого критика. Если вы даже ничего не скажете — я буду знать, как к этому отнестись. Мне по-прежнему нравится моя бедная отверженная картина, и она будет мне нравиться несмотря ни на что; но ваше одобрение было бы мне сильной поддержкой[3]. Прошу извинить меня за то, что надоедаю вам — и льщу себя надеждой, что вы знаете меня настолько хорошо, чтобы, не стесняясь, просто-напросто забыть об этом письме и о моей просьбе. Это ни в коей мере не уменьшит той искренней симпатии, которую к вам питает

ваш И. Тургенев.

3164. Жюлю Этцелю (с. 250)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Суббота, 19 мая[a].

Дорогой друг, жаль, что вы не пришли вчера вечером. Вы бы развлеклись[1]. Я уезжаю завтра вечером в Россию и не надеюсь, что смогу позавтракать с вами — как обычно, я отложил всё на последнюю минуту — и мне предстоит тысяча дел.

Я вовсе не намерен хоронить бедную Джемму — нет нужды говорить, как я вам благодарен за искренность[2]. Повесть вы скоро получите, или же я сам привезу ее, осторожно сокращенную и в таком виде, чтобы можно было представить ее публике[3].

Передайте, пожалуйста, г-же Этцель мои извинения: я ее совсем не узнал — в самом деле, я убежал, как вор...

Звонарева я увижу и поговорю с ним в соответствии с вашим желанием: это существо почти неграмотное, как и большинство русских издателей — но я считаю его славным малым[4]. Только он не умеет соблюдать

---

[a] *Так в подлиннике.*

[a] *Так в подлиннике.*

орфографию ни в *буквальном* смысле, ни в переносном. В сущности — это крестьянин.

А вот Вольф — это другое дело. Ему пальца в рот не клади: укусит до крови.

В России тем, кто умеет держать перо, платят огромные деньги — потому что почти нет конкуренции. Эти фантастические цены исчезли бы с "распространением просвещения" — если выражаться академическим языком. А пока мы пользуемся тем, что рано родились.

Сердечно жму вам руку, тысяча приветов и до свидания.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

3165. Полю Бурже (?) (с. 250)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Воскресенье.

Мой дорогой Поль,

Кажется, эти юные девицы[1] плохо сосчитали — нам требуется 10 (десять) молодых людей, считая вас — в конце концов, приводите столько, сколько сможете. Начинается это спозаранку — $8^{1}/_{2}$ — тут же пускаемся в пляс — музыкант нанят *железный* — прохладительные напитки, игры и забавы в изобилии — от этого улица Дуэ будет содрогаться две недели[2].

До вечера — на поле брани!!!

Весь ваш

И. Тургенев.

3169. Клоди Виардо (с. 252)

С французского:

С.-Петербург.
Гостиница "Демут", № 8.
Воскресенье, 26/14 мая 1872.

Дорогая Диди,

Только что полученная мною телеграмма очень меня огорчает и заботит. У твоей мамы экзема, поражена вся рука, и выздоровление будет длительным... Я спрашивал о подробностях музыкальной пятницы, но ее, очевидно, не было[1]. Прошу тебя, безотлагательно напиши мне в Москву (у твоей мамы есть мой адрес, но пишу его тебе снова: *Г-ну И.Т., Москва, ул. Пречистенка, дом Тургенева*)[2] — и сообщи:

Велика ли сыпь? Ведь не может быть, чтобы она захватила *всю* руку?!.. Скажи мне точно, до какого места она распространилась?

Сильно ли страдает мама? Может ли она владеть рукой? Может ли она выходить или ей велено оставаться дома?

Что говорят доктора? Приходил ли к ней Фриссон? Какое лечение ей предписано? Мешает ли боль сну?

Прошу тебя, моя крошка Диди, не поленись и поскорее ответь на мои вопросы — и не скрывай от меня правды, какой бы неприятной она ни была.

Болезнь твоей бедной мамочки очень меня тревожит. Darum hatte Ich das Herz so schwer, als Ich abreiste[a].

Расскажи мне также, что вы поделываете, много ли вы танцевали в понедельник, видела ли ты на Выставке картину Шентреля[3] и мою "Чаровницу"[4] и т.д. Мне не надо говорить тебе, какими ценными и *дорогими кажутся* мне здесь подробности, которые тебе там могут показаться малоинтересными.

Я написал вчера твоей маме и напишу еще сегодня вечером[5], и мое письмо уйдет завтра, следовательно, ты знаешь, что я делал до вчерашнего утра. В течение вчерашнего дня, а он был ужасен — дождь лил непрерывно — я нанес несколько визитов, пошел на выставку *русских* картин в Академии художеств, обнаружил там только гадкую мазню — похоже, что все хорошие картины отосланы в Лондон (где тоже проходит выставка). Очень скромно пообедал в Английском клубе со старым другом Анненковым — и провел вечер у другого старого друга[6]. Рано лег спать — вот и всё!

С утра стоит прекрасная погода — небо великолепного голубого цвета — звонят во все колокола по случаю воскресенья, впереди у меня много дел, а я еще хочу сходить в Эрмитаж посмотреть его живописную коллекцию — и увижу, красивее ли коровы настоящего *Пауля Поттера*, чем моя[7].

Но здоровье твоей мамы, словно черная точка, все время стоит у меня перед глазами.

Очень нежно целую тебя, как и дорогую Мариандль — и толстяка Поля[8].

Будьте все здоровы и не забывайте

вашего старого друга
И. Тург⟨енева⟩.

P.S. Поцелуй также от меня маму, папу и м-ль Арнхольт, если она позволит. Лапо-пожатие — Квигглю.

3180. Полине Брюэр (с. 257)

С французского:

Москва.
Пречистенский бульвар.
В доме Удельной конторы.
Пятница, 26 мая / 7 июня 1872.

Дорогая Полинетта,

Только что получил твое письмо и спешу ответить — без конца повторяя себе, что я большой лентяй, потому что не написал тебе до сих пор[1].

Я живу не у своего брата, хотя вижу его ежедневно — его дом еще перестраивается, и я воспользовался старинным гостеприимством своего друга Маслова, управляющего московской Удельной конторой. Мой брат глубоко потрясен смертью жены — однако я не думаю, что он решится уехать из России. Поэтому все мои планы рухнули. Я очень благодарен

[a] Вот почему мне было так тяжело на сердце, когда я уезжал (*нем.*)

милому Гастону за все его старания и за очень подробное и точное письмо, которое он написал — и которое, между прочим, задержалось в пути. Я прошу его извинить меня за то, что причинил ему все эти бесполезные хлопоты — ввиду возможного решения моего брата; однако дело-то может еще и осуществиться, если не в этом месте — так в другом, и если не за счет моего брата — так за мой. Пока что всё еще неопределенно[2]. Надеюсь, что здоровье Гастона совсем поправилось; сейчас не время болеть.

В отношении крестин ты можешь на меня рассчитывать[3]; что касается 3000 франков — я не смогу вам их послать ранее конца июня; а может быть, я их привезу[4] сам вместе со знаменитой шубой из астраханской мерлушки[5]. У нас здесь была ужасная жара и засуха, которые поставили урожай под угрозу: нужно приготовиться к плохому году и к ничтожно малым доходам[6].

А пока целую вас обоих от всего сердца — и говорю вам: до свидания!

И. Тургенев.

P.S. Продолжай писать мне по адресу брата: он проще, а дом брата в двух шагах отсюда.

3181. Полине и Луи Виардо (с. 258)

С французского:

⟨...⟩ У меня в настоящий момент сильный приступ холеры[1], настоящей, и я боюсь, что не выкарабкаюсь. Пока у меня еще есть время, хочу сказать вам, что последние мои мысли — с вами, и горечь смерти сильно возрастает при мысли, что она застигла меня вдали от всего, что я любил и люблю в этом мире. Прощайте! Прощайте! ⟨...⟩

3182. Луи Виардо (с. 259)

С французского:

для Виардо

Москва,
2/14 июня 1872.

Дорогой друг,

Приношу вам свою благодарность за все заботы, которыми вы окружили "Чаровницу"[1] и за то, что взяли на себя труд сообщить мне все эти подробности. Я рад, что Бланшар получил свою медаль, полагаю, что он ее вполне заслужил, но я также полагаю, что не будь вас, она уплыла бы у него из-под носа[2]. Благодаря г-ну Дюлу она приоделась, и, будучи проездом в Париже, я увижу ее на почетном месте в галерее. Кстати, на какое время назначен ваш отъезд в Валери-сюр-Сомм?[3] Определен ли день?

Со времени моего приезда в Петербург и в Москву, я видел немало русских картин, но ничего выдающегося нет, если не считать картины г-на Ге "Петр Великий, допрашивающий своего сына"[4], о которой я, кажется, вам уже говорил. У него есть намерение отправить ее на ближайшую Выставку, и, думаю, выглядеть она там будет неплохо.

Никаких больше новостей о Выставке я вам сообщить не могу — в первый день — т.е. во вторник — я ее осмотрел весьма бегло, а потом заболел. Но вот я выздоровел и собираюсь туда вернуться. Клетка своеоб-

разна и не похожа ни на что виденное до сих пор; остается узнать, какую птицу в нее посадили. До сих пор иностранцев объявлено мало[5].

Я написал г-же Виардо относительно "Короля Лира" в "Indépendance Belge"[6]; думаю, что здесь ничего не поделаешь... кроме того, чтобы отныне иметь дело только с "Revue des 2 Mondes".

До скорого свидания; а пока будьте здоровы и тысяча приветов

от совершенно вам преданного
И. Тургенева.

P.S. В России очень хотят окончательного установления во Франции Республики[7].

3183. Софии де Губернатис (с. 259)

С французского:

Москва, 15/3 июня 1872.

Сударыня,

Я только что получил ваше письмо от 1-го июня, пересланное мне из Парижа[1]. Спешу дать вам необходимое разрешение, желая в то же время, чтобы вы не ошиблись в сделанном вами выборе моего произведения[2].

Я могу лишь чувствовать себя польщенным, видя, что вы соблаговолили допустить меня в журнал, столь умело руководимый г-ном де Губернатисом.

Примите, сударыня, выражение моего самого глубокого почтения.

P.S. Начиная с августа месяца адрес мой снова будет: Париж, улица Дуэ, 48.

3186. Полине Брюэр (с. 262)

С французского:

Москва.
В доме Удельной конторы.
Пречистенский бульвар.
Среда, 6/18 июня 1872[a].

Дорогая Полинетта,

Я получил твою телеграмму — и немедленно послал ответ через Виардо[1], потому что здесь не хотели принять прямую телеграмму в Клуа. Сейчас ты, должно быть, уже совсем успокоилась; я удивляюсь, что ты не получала от меня известий. Я писал тебе дважды: один раз из Петербурга — а второй раз из Москвы[2]. В этом втором письме я говорил тебе, что нужно решительно отказаться от мысли, что мой брат поселится во Франции[3], и тем более, что он пойдет ради этого хотя бы на малейшие расходы; он стал еще более скупым, чем когда-либо — теперь, когда у него никого больше нет: он копит деньги, отказывая себе во всем, и не изменит своего образа жизни. Каждый получает удовольствие в том, в чем он его находит — и тут уж ничего не изменишь.

Я отчасти рассчитывал также и на него, когда обещал тебе 3000 франков — но я не принял в расчет мнение хозяина — и предстоящий плохой урожай[4]. Однако я не теряю надежды привезти тебе хотя бы часть этой

---

[a] *Так в подлиннике.*

суммы, когда поеду в Ружмон крестить пухленького младенца[5], которого ты не преминешь себе подарить.

А пока будь здорова — и в случае необходимости непременно пошли мне телеграмму. Целую вас обоих, а про астраханскую мерлушку не забуду[6].

И. Тургенев.

3188. Полине Брюэр (с. 264)

С французского:

Москва.
Пречистенский бульвар,
в доме г-на Маслова.
Среда, 14/26 июня 1872.

Дорогая Полинетта, только что получил твое письмо. Рад видеть, что твои волнения улеглись — и с нетерпением жду какой-нибудь хорошей, очень радостной телеграммы[1].

Я пробуду здесь еще 5—6 дней по милости подагрического припадка, который, как гром, грянул неделю тому назад и пригвоздил меня к дивану. Я этого не ожидал — после продолжительного и жестокого припадка, который был в сентябре — октябре прошлого года. К счастью, припадок не слишком сильный, и я надеюсь, что с завтрашнего дня уже смогу надевать домашнюю туфлю. Если ничто не помешает, я приеду в Париж около 15 июля — может быть, раньше — и живо отправлюсь к тебе[2].

Я очень огорчен, что не могу послать деньги, которые я тебе обещал — совершенно добровольно, как ты помнишь. Ни Гастон, ни ты ничего у меня не просили. Несмотря ни на что, я не теряю надежды, что смогу это сделать, то есть привезти тебе немного денег. Этот год у нас *очень плохой*[3], хотя и обещал быть великолепным — тут уж я ничего не могу сделать, нужно смириться. Что касается моего брата, который, конечно, очень богат, то он не одолжил бы мне и *50* франков — а ты говоришь о 50, 60 тысячах!! Пойми же наконец, что он всегда был скупым, но что сейчас он стал таким Гарпагоном, которым дал бы мольеровскому несколько очков вперед. С этим — покончено — и об этом больше нечего и думать[4].

До сих пор я выполнял все свои обязанности — даже с лихвой — и буду очень рад продолжать в том же роде — но нельзя же сделать невозможное[5].

Итак, до скорого свиданья, очень крепко целую вас обоих — и дай Бог, чтобы к нашей встрече я уже стал дедушкой!

И. Тургенев.

3192. Гюставу Флоберу (с. 268)

С французского:

Москва.
26 июня 1872.

Мой дорогой друг,

Вы сообщили мне свои планы на лето[1] — а вот мои:

№ В настоящее время я нахожусь в Москве, прикованный скверным припадком подагры к дивану. Я почти не ожидал этого после жестокого припадка в октябре прошлого года — это повторяется слишком час-

то, и меня слишком уж много поздравляют ("залог долгой жизни" и т.д., и т.п.). К счастью, припадок не особенно сильный, и я могу надеяться покинуть столицу всея Руси в воскресенье или в понедельник. Сегодня у нас среда.

Я помчусь стрелой в Париж, оттуда в Турень, к дочери, которая вот-вот сделает меня дедом[2]; оттуда в Валери-сюр-Сомм, где снова увижу моих старых друзей Виардо. Там я стану бродить без дела и, если смогу, работать, а затем отправлюсь в Париж, чтобы повидать некоего Флобера, которого очень люблю и с которым поеду или к нему в Круассе, или в Ноан к г-же Санд, которая, кажется, хочет нас там видеть[3]. А затем, начиная с октября месяца — Париж. Вот так-то!

Мой дорогой друг, старость — это тяжелое тусклое облако, которое заволакивает будущее, настоящее и даже прошлое, омрачая и разрушая воспоминания. (Боюсь, что это очень плохо звучит по-французски — но ничего не поделаешь.) Надо защищаться от этого облака! Мне кажется, что вы делаете это недостаточно. Я действительно думаю, что наше совместное путешествие в Россию было бы вам полезно[4]. Я только что провел целых 4 дня не в стоге сена, правда[5], но в аллеях старого деревенского сада, полного сельских ароматов, земляники, птиц, дремлющих лучей солнца и теней; а вокруг — двести десятин волнующейся ржи! Это было чудесно! Замираешь с каким-то ощущением торжественности, бесконечности — и отупения, в котором есть нечто и от зверя и от Бога. Выходишь из этого состояния словно после какой-то сильнодействующей ванны. А затем снова вступаешь в привычную житейскую колею.

Св. Антоний не должен отчаиваться. Пусть он мужественно идет до конца![6]

Мне известно, что вы присутствовали на прекрасном музыкальном вечере у г-жи Виардо. Публика, как будто, осталась довольна.

Вы ничего не говорите мне о моей картине. Она вам не нравится — или вы ее не видели?[7]

Прощайте и до встречи, мой дорогой друг... Будем высоко держать голову, пока ее не захлестнет волной.

Сердечно вас обнимаю.

Ваш И. Тургенев.

3193. Ф.Н. Тургеневой (с. 270)

С французского:

Москва.
27/15 июня 1872.

Дорогая мадемуазель Фанни,

Мой управляющий, приехавший из деревни, только что доставил мне ваше письмо, и я спешу ответить на него[1]. Я действительно хорошо знал Мериме в последние годы его жизни — очень любил его — и думаю, что хорошо изучил его характер. Я охотно предоставляю себя в распоряжение г-на де Ломени и сообщу все необходимые ему сведения — хотя, по правде говоря, предпочел бы другого панегириста или, вернее, другого биографа — и не потому, чтобы я хоть в малейшей степени сомневался в таланте г-на Ломени — но у него с Мериме слишком мало точек соприкосновения: это две слишком различные натуры. Я храню о Мериме добрые воспоминания, поэтому мне хотелось бы, чтобы ему было в полной мере воздано по его заслугам — и я буду рад содействовать этому. Отдаю себя в полное распоряжение г-на де Ломени[2]. Только — когда и как про-

изойдет наше свидание? Я вернусь в Париж к 10 июля — но для того, чтобы тотчас же отправиться к дочери, которая к тому времени, надеюсь, сделает меня дедушкой[3]; только по возвращении оттуда и перед поездкой в Сен-Валери-сюр-Сомм, где я думаю пробыть до октября, я смогу побывать у вас в Вербуа — и тогда мы могли бы встретиться с ним. В любом случае я сообщу вам о дне моего приезда в Париж[4]. Что же касается писем Мериме, то их у меня, действительно, около сотни — в том числе есть очень любопытные — но вся моя переписка находится в Баден-Бадене — и лишь к началу зимы будет у меня в Париже. Вообще-то эти письма в несколько... раблезианском стиле; но ведь речь идет не о том, чтобы их цитировать[5]. Всё это можно устроить — если г-н де Ломени согласится подождать до октября или до ноября.

Я счастлив, что все вы в добром здравии — и надеюсь, что эту зиму вы проведете с нами в Париже — хотя бы для того, чтобы разобрать бумаги Николая Ивановича. Все, кто читал привезенную мною книгу, в восторге от нее; "Вестник Европы" отозвался о ней с большой похвалой[6]. Мне пришлось видеть лишь немногое из того, что здесь сейчас происходит; вот уже скоро неделя, как у меня подагрический припадок; понемногу это проходит, но как только я смогу кое-как передвигаться, надо будет уезжать.

Сердечный привет вашей матушке и всем вашим; сердечно пожимаю вам руку и говорю: до свидания.

И. Тургенев.

P.S. Поскольку вы верите в мои предсказания, знайте, что нечего опасаться даже от гамбеттистского правления[7]; мир в Европе обеспечен на 2—3 года по крайней мере. А дальше — всё может быть!

3196. Полине Брюэр (с. 272)

С французского:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Среда, 10 июля 72.

Дорогая Полинетта,

Вот наконец я и вернулся, хромой по милости подагры, но, впрочем, здоровый. Я послал справиться о тебе к родителям мужа. Говорят, что ты чувствуешь себя прекрасно — это меня очень обрадовало — но я-то надеялся, что ты уже на что-то решилась[1]. Сообщи мне, когда я должен приехать — я привез 1500 ф-в. Хочешь ли ты, чтобы я послал их тебе, или я могу их передать здесь? Жду ответа.

Очень нежно целую тебя и Гастона.

И. Тургенев.

3198. Жюлю Этцелю (с. 273)

С французского:

15 июля, понедельник.
Улица Дуэ, 48.

Вот, мой дорогой друг, две фотографии — выбирайте, а когда через *10 дней* я вернусь — то напишу на выбранной вами, что очень вас люблю.

Тогда же я вручу вам рукопись — я собираюсь сделать последнее

усилие! Как это противно — когда нужно перечитывать собственное сочинение. Для Дюрана я оставляю записку. Даю ему ваш адрес[1].

Вылечивайтесь скорее от вашего бронхита. Подагра меня немного отпустила — сегодня я еду в Сен-Валери-сюр-Сомм, дом Рюо.

Сердечно жму вашу руку.

И. Тургенев.

3200. Людвигу Пичу (с. 274)

С немецкого:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Суббота, 19 июля 1872.

Pietchissime carissime[а] — Вы уже знаете, что я опять с Вами разминулся[1]! Это именно рок — как в "Belle Hélène"[б,2]. Теперь я живу здесь в прелестном, в высшей степени живописном и тихом месте[3] — но, увы, опять подагра, и я едва ползаю на 2 костылях. Проклятая болезнь тянется теперь больше месяца. Посмотрим, что будет дальше.

Все семейство В⟨иардо⟩ пребывает в полном здравии. У всех чудовищный аппетит, все спят, как великаны — и основательнейшим образом предаются лени. Одно только не совсем в порядке: у г-жи Виардо *большой палец* руки все еще опух и болит. Вновь пришлось мне вспомнить известную берлинскую мазь, которая однажды мне так помогла. Если не ошибаюсь, приготовлял ее некто Циммерман, лекарь или цирюльник, Розенталерштрассе, 20. Будьте так добры, любезнейший Пич, подите немедленно туда, купите небольшую баночку и пришлите ее *сюда* — не теряя времени — или, если не успеете, хотя бы в Париж, улица Дуэ, 48, на мое имя. Вы можете вложить этот маленький пакетик в почтовый конверт. Пожалуйста, сделайте это как можно быстрее!

Я стал дедушкой — наконец-то! Позавчера моя дочь родила маленькую, по-видимому, совершенно здоровую дочурку.

Всего Вам хорошего, передайте привет семье и друзьям. Я остаюсь здесь до конца сентября.

Vale et me ama[в].

И. Тургенев.

3201. Эмилю Дюрану (с. 275)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Воскресенье, 21 июля 1872.

Милостивый государь,

Я приехал в Париж 8 числа этого месяца и пробыл там неделю; к сожалению, консьерж не передал мне вашей визитной карточки, и я был лишен возможности узнать ваш адрес. Уезжая, я оставил для вас дома письмо и очень просил бы вас послать за ним[1]. В этом письме я говорю о неприятном инциденте с Франчески и о той компенсации, которую я рас-

---

[а] Дражайший Пич (*лат.*).
[б] "Прекрасной Елене" (*франц.*).
[в] Будь здоров и люби меня (*лат.*).

считывал вам предложить, ибо ни редакция "Temps", ни редакция "Revue des Deux Mondes", не желают печатать сочинение, уже утратившее новизну[2]. Этим несчастным "Вешним водам" положительно не везет[3]. Через неделю я должен возвратиться в Париж, и, если вы пожелаете, мы сможем встретиться и обсудить, что нам следует делать. Одновременно я верну вам рукопись[4]. Само собой разумеется, что я безоговорочно разрешаю вам опубликовать ее отдельной книгой. Этцель (издатель, мой друг и милейший человек) охотно это сделает[5]. Обратитесь к нему от моего имени; он даже сказал мне, что, несмотря на перевод в "Nord", не исключена возможность найти такую парижскую газету или журнал, которые приняли бы вашу рукопись и опубликовали[6].

Этцель уже опубликовал несколько томов моих сочинений[7]; он мог бы выпустить новый том, включив в него "Внешние воды", а также, быть может, "Стук, стук, стук!" и "Бригадира", или "Историю Ергунова", или "Короля Лира", которые появились только в "Revue des Deux Mondes", но, повторяю, мы переговорим обо всем этом в ближайшее время в Париже[8]. Я уведомлю вас накануне моего отъезда отсюда.

А пока прошу вас принять уверение в моем глубоком уважении.

Ив. Тургенев.

3204. Полине Брюэр (с. 277)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Среда, 23 июля 72[a].

Дорогая Полинетта,

Я был чрезвычайно обрадован, получив письмо от милого Гастона[1], и с лихвой возвращаю дорогой маленькой Жанне поцелуй, который мне посылают от·ее имени. Я очень рад, что всё идет хорошо — будь по-прежнему осторожна и благоразумна — и ничто не помешает твоему счастью, и нашему тоже. Моя мерзкая, отвратительная подагра держит меня с бóльшим упорством, чем когда-либо — и я пишу тебе лежа в постели, о чем ты можешь догадаться по моему почерку[2]; из-за этого я и не могу до сих пор с уверенностью назначить время моего приезда в Ружмон, но я ни на минуту не замедлю известить тебя о своем выздоровлении[3]. Еще немного терпения, и всё уладится.

В ожидании удовольствия увидеть вас, нежно целую всех *троих*. Надеюсь, что скоро смогу тебе написать.

И. Тургенев.

3206. Эмилю Дюрану (с. 278)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Пятница, 26 июля 1872.

Милостивый государь,

Никогда еще у меня не было припадка подагры более упорного, чем тот, который мучает меня вот уже скоро полтора месяца. Только вчера мне удалось наконец отбросить свои костыли, и я никак не смог бы вер-

---

[a] *Так в подлиннике.*

нуться в Париж ранее конца будущей недели; надеюсь, однако, что к тому времени я уже буду в состоянии это сделать. Вы будете предупреждены накануне моего приезда.

Я никогда не сомневался в приеме, который вам окажет Этцель; это добрый и чуткий человек, и я уверен, что вы с ним отлично договоритесь[1].

Как я узнал, г. Франчески в настоящее время находится в Валери. Я согласен написать ему, хотя и не смогу себе представить, чтобы он намеревался опубликовать "Вешние воды" в Бельгии отдельным изданием[2]. Не могли бы вы узнать (в конторе "Nord") и послать мне его точный парижский адрес?

Вы можете по собственному усмотрению предложить "Вешние воды" любому журналу или газете, и, если "Revue universelle" выражает согласие, тем лучше. Что же касается сокращения, которого желает Этцель, у меня на этот счет нет определенного мнения, поскольку я не в состоянии критически оценить произведение, написанное мною недавно; но я согласен на всё, нисколько не считаясь со своим авторским самолюбием. Я вполне доверяю вкусу Этцеля. Мне только кажется, что после того, как "Le Nord" опубликовал всю вещь целиком, сократить ее уже несколько труднее. Но, повторяю еще раз, я устраняюсь от решения этого вопроса[3].

Рассказы графа Толстого предназначены для народного чтения, а это не совсем то же самое, что чтение для детей. Я прочел только два из них. Второй, озаглавленный "Кавказский пленник" (он был напечатан в "Заре"), прелестен; думаю, что детям он очень понравился бы[4].

Обо всем этом мы поговорим при нашей ближайшей встрече, а пока прошу вас принять уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

3207. Вильяму Рольстону (с. 279)

С английского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Пятница, 26 июля 1872.

Мой дорогой друг,

Я приехал сюда около десяти дней тому назад, всё еще сильно хромая и совершенно одеревенелый от подагры (у меня был приступ в Москве в середине июня) — и попытался сегодня впервые пройтись без костылей. Думаю, что моя поездка в Лондон "канула в воду" — как говорят французы[1] — и поэтому не могу теперь сказать, когда буду иметь удовольствие видеть вас — разве только, если вы приедете в Париж зимой. Я оставил книги, привезенные мною для вас из России, в своей квартире в Париже; так как мне нужно отправиться туда, как только я смогу сесть в вагон — я вышлю их вам в Лондон довольно скоро, надеюсь[a,2].

Сен-Валери — очень тихий маленький уголок, весьма мило расположенный. Подходящее место для работы — и я намерен заняться ею, если будет возможно. Жара стоит сильная, но это ничто в сравнении с Парижем или, как я представляю себе, с Лондоном.

---

[a] *Далее текст письма отсутствует, так как нижняя часть листа оторвана.*

Надеюсь, что это письмо найдет вас в отменном здравии и расположении духа. Ваша книга была настолько удачной, что это должно подбодрить вас[3]. В надежде получить в ответ на это письмо несколько строчек остаюсь

искренне преданный вам

И. Тургенев.

На конверте:

Англия.
В. Рольстону, эск⟨вай⟩ру.
Лондон.
Британский музей.

3208. Людвигу Пичу (с. 280)

С немецкого:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Суббота, 27 июля 72.

Любезнейший Пич, когда Вы мне писали 20-го э⟨того⟩ м⟨есяца⟩, Вы, вероятно, еще не получили моего письма (в котором я просил Вас прислать *мазь*) — и, по-видимому, уехали из Берлина, так и не получив его[1]. Я вынужден еще раз просить Вас поскорее выполнить мое поручение, как только Вы вернётесь в Афины-на-Шпрее[2].

Ю. Шмидт уже сообщил мне, что Вы *не* уехали в Америку[3]. Тем лучше! Теперь больше вероятности повидать Вас — и на этот раз обещаю известить Вас за несколько дней *до* моего приезда в Берлин.

Мы все останемся здесь на август и сентябрь; Падилья живут в своей вилле в Виль д'Авре.

Господи! Какими вы — все немцы — стали неженками, обидчивыми, как старые девы, после ваших великих успехов! Вы не в состоянии перенести, что я в моей последней повести чуточку вас поцарапал?[4] Но ведь своему родному народу — который я ведь, конечно, люблю — мне случалось наносить и не такие удары![5] А некий критик в с.-петербургской (немецкой) газете кричит караул и призывает всех офицеров немецкой армии стереть с лица земли клеветника и наглого лгуна — то есть меня![6] До сих пор я думал, что немцы более спокойны и объективны. Вот я и должен похвалить своих русских. Неужели Вы в самом деле думаете, что я отделал этого жалкого Девриена с его никудышным театром *в угоду* французам?[7] Моя последняя повесть довольно плоха, но самое лучшее и правдивое в ней — как раз эти немногочисленные щипки.

Стало быть, императрица Августа выразилась столь милостиво. Ну, "это, право же, мило со стороны такой высокой дамы"[8] и т.д.

Что до Вашей *беспокойной* жизни и до Ваших прочих противоречий и осложнений — то я Вас поздравляю от всего сердца. Вам следовало бы, как Франциску 1-му, иметь на своем щите саламандру[9]. Только в огне настоящая жизнь!

Г-жа Виардо, насколько я знаю, писала Вам недавно. Всё семейство благополучно. Жму Вашу руку.

Ваш И. Тургенев.

P.S. В Мюнхене ли еще Пауль Гейзе?[10]

3209. Гюставу Флоберу (с. 281)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Вторник, 30 июля 1872.

Где вы сейчас, мой дорогой друг[1], и что собираетесь делать до наступления зимы? Прошу вас, напишите мне несколько слов. Что до меня — то вот уже две недели, как я нахожусь в захолустье, откуда пишу вам — и мне было бы здесь отлично, если бы не проклятая подагра, которая держит меня за ногу упорней, чем когда-либо. Она вцепилась в меня полтора месяца тому назад в Москве — и всё еще не отпускает. У меня было три или четыре припадка, передвигался я при помощи костылей, затем двух палок, затем одной — и вот теперь я снова почти недвижим. Старость — скверная вещь, да не прогневается г-н Цицерон[2].

Я живу здесь вместе с семейством Виардо — у меня очень милая комната, где ничто не мешает мне работать... но как раз это-то и не получается! Пружины заржавели.

А как поживает Антоний? Сообщите мне о нем[3].

Этот заём в 9, 12, 15 миллиардов производит на меня впечатление оглушительного артиллерийского залпа[4]. Вы, французы, черт вас побери, просто рождены для того, чтобы — тем или иным способом — удивлять мир.

18-го числа я стал дедом! у моей дочери родилась девочка, которую назвали Жанной и которую я поеду крестить в конце августа. Я должен буду дважды проезжать через Париж и, если бы вы оказались в это время в Круассе, я добрался бы и до вас.

Ну, будьте здоровы и до свидания! Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

3210. Эмилю Дюрану (с. 282)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Понедельник, 5 августа 1872.

Милостивый государь,

Поистине мне не везет: после полуторамесячных страданий в то время, как мне уже казалось, что подагра вот-вот меня отпустит, она снова хватает меня за колено и загоняет в постель.

Думаю, что пройдет недели три, прежде чем я смогу выехать в Париж и отвезти вам рукопись[1]. Если, однако, вам угодно ее получить теперь же, я мог бы выслать ее вместе с теми немногочисленными мелкими замечаниями, которые я позволил себе кое-где присовокупить.

Жду вашего ответа и адреса г. Францески, если вам удастся его получить и если вы считаете, что мне необходимо ему написать[2].

Друзья, с которыми я здесь советовался, не думают, чтобы можно было сделать то сокращение, которого желает Этцель; но, повторяю, я предоставляю вам в этом вопросе полную свободу действий[3].

Прошу вас принять уверение в моем глубоком уважении.

Ив. Тургенев.

3213. Полине Брюэр (с. 284)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
13 августа 1872.

Дорогая Полинетта, только что получил твое письмо; очень рад узнать, что всё идет хорошо. Моя подагра тоже делает вид, будто хочет со мной расстаться, промучив меня более двух месяцев. Я уже начинаю ходить самостоятельно, как большой.

Я попросил бы тебя выбрать для крестин какое-нибудь другое время, но не с 1 по 10 сентября: это единственно возможные дни для охоты — а я еще не совсем оставил эту надежду[1]. Можно было бы окрестить маленькую Жанну или раньше, или позднее[2]. Один из дней между 25 и 28 или 30 августа был бы для меня, пожалуй, самым подходящим.

Или тогда уж пусть это будет после 10 сентября.

Во всяком случае, я надеюсь скоро увидеть и расцеловать тебя — а пока очень нежно целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

3214. Бернгарду Эриху Бере (с. 285)

С немецкого:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
Четверг, 15 авг. 72.

Милостивый государь!

Только что я получил Ваше письмо от 8-го августа — и спешу Вам ответить[1].

Вашего письма от 28-го июня, которое Вы отправили г-ну Анненкову, я не получал; очевидно, г-н Анненков к этому времени уже уехал. Я готов взять на себя редактирование 6-го тома — и даже очень этого хочу, так как переводы, появившиеся в двух немецких газетах, совершенно меня не удовлетворили — а как раз в этих двух повестях мне хотелось бы сохранить наибольшую точность[2]. Прошу Вас направлять мне корректуры в

Paris, rue de Douai, 48[a].

Я скоро туда возвращусь — а пока я здесь, мне будет всё аккуратно пересылаться.

Дом в Баден-Бадене я продал, и моё постоянное место жительства теперь, как уже говорилось, — Paris, rue de Douai, 48.

Корректуры аккуратно отсылаются мною обратно в день их прибытия.

С глубоким уважением остаюсь

преданный Вам
И. Тургенев.

---

[a] Париж, улица Дуэ, 48 (*франц.*).

3215. Неизвестным (с. 286)

С немецкого:

Сен-Валери-сюр-Сомм
(близ Булони).
22 авг. 1872.

Милостивые государыни,

Отвечая на Ваше любезное письмо, содержащее немало лестных слов по моему адресу, я с удовольствием высылаю Вам те несколько страничек, о которых Вы просили[1]. К сему позволю себе приложить свою фотографию.

Примите уверение в моем искреннем почтении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3216. Полине Брюэр (с. 286)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
24 августа 72.

Дорогая Полинетта,

Когда я получил твое письмо, я как раз спрашивал себя, не следовало ли мне сообщить тебе, что крестины должны быть решительно отложены до середины сентября, потому что у меня был еще один припадок! — 6-й — и сейчас я еще далек от того, чтобы свободно передвигаться. Весьма сожалею, что эта новая отсрочка вызвана недомоганием г-жи Брюэр — и надеюсь, что оно быстро пройдет — но во всяком случае лучше подождать[1]. Это не помешает мне навестить тебя, как только моя подагра мне это позволит — если только я не приговорен к ней навечно.

Я очень счастлив, что ты, Гастон и малютка чувствуете себя хорошо — и целую вас всех троих. Передай мой сердечный привет г-же Брюэр; я напишу тебе, когда смогу приехать.

До свидания.

И. Тургенев.

3219. Полине Брюэр (с. 289)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
27 августа 1872.

Дорогая Полинетта,

Я получил твое письмо, и вот на чем я остановился и что тебе предлагаю: я приеду в Ружмон *10* сентября — непременно. Если крестины могут состояться в это время, тем лучше; если нет — пусть состоятся позднее, и я еще раз приеду, чтобы выполнить свои обязанности крестного отца. Но в любом случае я приеду в Ружмон 10-го.

Пока нежно целую тебя, а также Гастона и маленькую Жанну.

И. Тургенев.

P.S. Привет от меня г-же Брюэр.

3222. Полине Брюэр (с. 291)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
ДоМ Рюо.
6 сентября 72.

Дорогая Полинетта,

То, что ты сообщаешь о здоровье г-жи Брюэр, весьма тревожно — и я вижу, что крестины должны быть отложены. Поэтому вот что я тебе предлагаю: в любом случае и что бы ни произошло — я приеду в Ружмон *24*-го этого месяца — с тем чтобы пробыть там два дня. Если крестины могут состояться в это время — тем лучше; если нет — ну что ж! проведу некоторое время с тобой, познакомлюсь с моей маленькой Жанной — а потом приеду еще раз, чтобы исполнить свой долг крестного отца. Может быть, можно было бы теперь же *окрестить* ребенка *малым крещением*[1] — но это уж тебе и Гастону решать, как лучше поступить. Несомненно только то, что я буду в Ружмоне *24*-го; ты *можешь вполне на это рассчитывать*.

Пока что будь здорова; целую вас всех троих.

И. Тургенев.

3226. Софии де Губернатис (с. 294)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
12 сентября 1872.

Милостивая государыня,

С большим опозданием благодарю вас за любезно высланные мне два номера "Rivista Europea", в которых напечатаны первые главы "Вешних вод"; но дело в том, что эти номера я получил только сейчас[1].

Насколько я могу судить, ваш перевод превосходен, и не ваша вина, если моя повесть не найдет благожелательного приема у итальянской публики.

Я пробежал и другие статьи, помещенные в этих двух номерах, и смог убедиться, что "Rivista" — отличное издание, попасть в которое при содействии такого переводчика, как вы, я считаю для себя честью.

Примите, милостивая государыня, выражение моего искреннего к вам почтения.

Совершенно вам преданный
Ив. Тургенев.

P.S. Мой постоянный адрес: Париж, улица Дуэ, 48.

3227. Людвигу Пичу (с. 295)

С немецкого:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
14 сентября 1872.

Итак, Вы были в России, в Москве[1] и видели в Эрмитаже сфинкса[2], carissime[a] Пич! Меня очень радует, что Вам понравился мой сфинкс. Вы, вероятно, напишете несколько фельетонов в "Vossische" о Вашем путе-

---

[a] дражайший (*лат.*).

шествии: было бы очень мило с Вашей стороны, если бы Вы их мне прислали[3]. Непременно сделайте это!

Я остаюсь здесь до 23-го э⟨того⟩ м⟨есяца⟩. Потом поеду к моей дочери на крестины внучки, затем в Ноан, поместье Ж. Санд, на несколько дней[4], потом в Баден-Баден на 4 — 5 дней, чтобы привести мои дела в порядок, затем обратно в Париж, где пробуду с 10-го октября до конца ноября. Тогда, надеюсь, я смогу поехать в Петербург — et ce serait le diable[6], как говорят французы, если я Вас в конце концов не застану.

Моя распроклятая подагра все еще меня не отпускает — у меня были острые приступы — да и теперь еще я принужден ходить в туфлях. О Дон-Жуан! Дон-Жуан! (именно о *Вас* я говорю) приближение старости — безобразная штука. Об этом, к счастью, Вы еще ничего не знаете, а прекраснейшие цветы исчезают...

3230. Полине Брюэр (с. 297)

С французского:

Сен-Валери-сюр-Сомм.
Дом Рюо.
16 сентября 1872.

Дорогая Полинетта,

Твое молчание начинает немного меня беспокоить: надеюсь, ничего неприятного не произошло? Напиши мне два слова. Что касается меня, то я выезжаю отсюда, как я тебя уже уведомлял, 23-го — и 24-го буду в Ружмоне.

Я пока целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

---

[6] это будет черт знает что (*франц.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1]

Собрания сочинений, сборник и другие издания

Достоевский	—	Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972 — 1990.
Толстой	—	Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1928 — 1958.
Гонкур, Дневник	—	Гонкур Эдмон и Жюль де. Дневник: Записки о литературной жизни: В 2 т. М.: Худож. лит., 1964.
Т в восп. совр, Переписка	—	И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И.С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Ред. В.Г. Фридлянд. М.: Правда, 1988.

[1] В настоящем списке раскрываются условные сокращения, вводимые впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

11-й том писем И.С. Тургенева содержит 375 эпистолярных текстов за период со 2(14) января 1871 г. по 9(21) сентября 1872 г., обращенных к 79 адресатам. Из числа печатающихся в томе писем 160 написаны — на английском (10), немецком (21) и французском (129) языках; 329 из них публикуются по автографам (или фотокопиям), находящимся в различных советских и зарубежных книгохранилищах и частных собраниях коллекционеров; 46 — по копиям (6) и авторитетным публикациям (40).

20 писем, печатавшихся в предыдущем издании Полного собрания писем И.С. Тургенева по неполным, как правило, публикациям во французском оригинале (6) или в русском переводе (14), в настоящем томе публикуются по фотокопиям полностью (№ 2870, 2871, 2873, 2874, 2876, 2879—2882, 2884, 2886, 2887, 2897, 2898, 2901, 2902, 2903, 2983, 2989, 2992).

Впервые включаются в Полное собрание писем И.С. Тургенева 37 писем, опубликованных в СССР и за рубежом уже после выхода в свет его первого издания (№ 2859, 2860, 2866, 2869, 2872, 2905, 2918, 2923, 2934, 2942, 2945, 2948, 2949, 2972, 2973, 2978, 2985, 2986, 2987,2988,2990, 2993, 3019, 3054, 3059, 3081, 3100, 3156, 3157, 3162, 3165, 3169, 3181, 3182, 3183, 3214, 3215).

Период, отраженный в письмах настоящего тома, весьма значителен в жизни Тургенева и богат как внешними событиями, так и глубокими внутренними переживаниями.

Важнейшим историческим событием этого периода была, несомненно, франко-прусская война и последовавшие за нею политические катаклизмы, которые не только вынудили Тургенева вести скитальческий образ жизни, но и существенно поколебали устойчивую веру писателя в стабильность западноевропейского общества и историческую необратимость общественного прогресса. Глубокое разочарование, а порой и подлинный страх за будущее Европы овладевают Тургеневым, вынужденным вслед за семьей Виардо покинуть уютный Баден-Баден, где он намеревался провести остаток жизни. Война не только лишила Тургенева и Виардо возможности оставаться в Германии, она нанесла значительный ущерб их состоянию. Тургеневу пришлось заниматься финансовыми вопросами, связанными с продажей виллы Виардо и своей собственной в Баден-Бадене, хлопотать о продаже и сдаче в аренду своих русских земель, чтобы оказать материальную помощь своим друзьям, попавшим в затруднительное положение, а также дочери, тоже нуждавшейся в денежной поддержке. Временно поселившись в Лондоне, Тургенев должен был совершить несколько поездок — в Россию, Германию, Францию, пока, наконец, в августе 1871 г. не было принято решение вновь поселиться на улице Дуэ в Париже.

Воспринявший вначале войну Германии против Франции как войну "цивилизации с варварством", олицетворением которого был режим империи Наполеона III, Тургенев был вынужден вскоре признать, что побе-

дители менее всего похожи на цивилизованных европейцев в своем торжестве над поруганной Францией. Шовинистический угар, охвативший стремящуюся стать несокрушимой империей Германию, не мог не вызвать отвращения у Тургенева, ненавидевшего самый дух прусского милитаризма. В свою очередь и положение побежденной Франции вызывает у него не только сочувствие. Мелочная возня политических группировок, постоянная опасность реставрации монархии, с одной стороны, и, с другой, реальная угроза гражданской войны побуждают писателя оценивать настоящее положение страны как катастрофическое. Крайности Парижской Коммуны, повлекшие человеческие жертвы, жестокое подавление ее заставляют Тургенева опасаться за судьбу государства и желать только одного — прочного и благодетельного мира. Он обвиняет политических лидеров в отсутствии патриотизма "в самом простом и прямом смысле этого слова" (письмо 2999 к Ж. Этцелю), надеется на победу умеренных республиканцев, которые смогут вывести страну из затянувшегося кризиса. В письмах Тургенева этого периода содержатся не только резкие оценки происходящих событий, но и дальновидные предсказания, впоследствии подтвердившиеся.

Несмотря на "ужасную бурю" (так охарактеризовал Тургенев современное состояние Франции в письме к Флоберу — 2944), нельзя сказать, что этот сложный период не был плодотворным в творчестве писателя. В 1871 г. им написаны два довольно больших произведения — повесть "Вешние воды", названная им в одном из писем "маленьким романом", и рассказ "Конец Чертопханова", по своему объему приближающийся к повести. Оба произведения писались трудно, с перерывами, с многочисленными переделками, не без опасений за их читательскую судьбу. Публикуемые письма позволяют не только воссоздать творческую историю этих произведений, они убедительно свидетельствуют, насколько устойчивым был интерес к каждому новому сочинению Тургенева в России и в Европе, невзирая на все политические и общественные потрясения.

Почти все, что выходит из-под пера писателя, тотчас переводится на основные европейские языки, иногда двумя, а то и тремя переводчиками. Такая конкуренция служит временами причиной некоторых недоразумений.

Об огромном международном авторитете Тургенева свидетельствует и приглашение выступить с речью на 100-летнем юбилее Вальтера Скотта в Эдинбурге. Некоторые из вновь публикуемых писем дают возможность более полно воссоздать обстоятельства этого немаловажного эпизода биографии писателя.

Заслуживают внимания и обстоятельства, связанные с написанием Тургеневым некролога Н.И. Тургенева, скончавшегося в ноябре 1871 г. Писатель не только оставил свои воспоминания о выдающемся общественном деятеле минувшей эпохи, но и приложил немало стараний к тому, чтобы смерть одного из видных участников декабристского движения не прошла незамеченной в Европе и Америке, проявил много усилий к обнародованию архива декабриста.

В этот период Тургеневым написана восторженная статья о молодом скульпторе М.М. Антокольском. Чтение писем Тургенева показывает, сколько забот и обязанностей брал он на себя, отдавая не только профессиональный долг литератора, но и проявляя личную человеческую заинтересованность в судьбах тех, кто, с его точки зрения, должен был оставить свой след в истории отечественной культуры.

На фоне житейских треволнений и неудобств особенно заметно, сколь велика была в Тургеневе потребность именно общественного действия. Кроме поездки в Эдинбург, связанной с празднованием юбилея В. Скотта, он дважды посещает Россию, где принимает участие в благотворительных вечерах, встречается с представителями самых разных направлений, вступает в горячие споры в литературных салонах Москвы и Петербурга, появляется на лекциях и научных диспутах, набираясь новых впечатлений, которые вскоре найдут воплощение в его художественном творчестве.

В 1871 г. выходит в свет 8-й (дополнительный) том Собрания сочинений Тургенева в издании братьев Салаевых, куда вошли: "Странная история", "Казнь Тропмана", "Степной король Лир", "Стук... стук... стук!..".

В это время зарождается у писателя замысел нового романа, имеющего самое непосредственное отношение к общественной жизни России, — романа "Новь". Он будет написан гораздо позже, но не потому ли так внимательно вслушивается Тургенев в яркое выступление юной девушки, дочери его старинного приятеля, С.К. Кавелиной, которая бесстрашно отстаивает свои убеждения в публичном диспуте с маститым ученым, что ему уже слышатся страстные речи будущих героинь нового романа? Не случайно, наверное, и то, что именно С.К. Кавелиной будет принадлежать впоследствии один из лучших разборов "Нови".

Тургенев по-прежнему не забывает старых друзей — Я.П. Полонского, Н.В. Ханыкова, Н.А. Милютина, помогая им и словом, и делом, но главная связь с Россией осуществляется, как и раньше, через П.В. Анненкова, которому доверяются самые сокровенные мысли и переживания. Тяжело переживал Тургенев смерть одного из старых товарищей — И.П. Борисова, чьими письмами он очень дорожил и чье мнение всегда выслушивал с большим вниманием.

Впервые публикуемые в настоящем томе в их полном объеме, письма к Полине Виардо превосходят остальные детальностью изложения и служат хорошим подспорьем для биографов Тургенева.

Как и в былые годы, много времени уделяется Тургеневым пропаганде русской культуры за рубежом, что находит отражение в письмах к В. Рольстону, Э. Дюрану, Ж. Этцелю и др. В этом роде деятельности Тургенев выступает и как редактор, и как переводчик, и как литературный советчик. Благодаря длительному пребыванию в Англии расширяется круг английских знакомств Тургенева. Особенно важна здесь публикация вновь найденных писем к Дж. Элиот, Д.Г. Россетти, В. Стерлингу-Максвеллу и др. Несколько ослабевают связи с Германией, хотя произведения Тургенева переводятся и публикуются на немецком языке.

Не прерываются связи писателя с французскими литераторами, переводчиками, издателями. Продолжается интенсивная переписка с Г. Флобером, близким другом и литературным единомышленником, происходит обмен письмами с Ж. Санд, Т. Готье, намечается некоторое сближение с Э. Гонкуром.

И еще одно немаловажное событие в жизни Тургенева — 18(30) июля 1872 г. у Полины и Гастона Брюэр родилась дочь Жанна. Тургенев стал дедушкой.

Главное же, что волнует писателя, что вызывает его постоянный и напряженный интерес, — это Россия, ее общественная и литературная жизнь. Может быть, как никогда ранее, ощущает Тургенев потребность "дышать родным воздухом", быть нужным и полезным родине. Горячность тона, полемический задор в письмах к В.В. Стасову, П.В. Анненко-

ву, Я.П. Полонскому, А.А. Фету выдают страстную заинтересованность писателя в судьбах отечественного искусства. Он постоянно запрашивает своих корреспондентов о новинках литературы и искусства, откликается на всякое более или менее значительное событие культурной жизни, будь то научное исследование или новая повесть, музыкальное сочинение или картина. Порой его высказывания отдают излишней резкостью (как, например, оценка оперы Даргомыжского "Каменный гость" и вообще русской музыки), но за самыми крайними суждениями большого художника стоит горячее желание судить русское искусство по самым строгим законам истины и красоты. "Что же касается до наступающего возникновения талантов в русском художестве, — читаем в письмах к Я.П. Полонскому, — то это для меня праздник. Душа веселится... Наконец-то!" (№ 3074). Отвергая упреки Стасова в преклонении перед европейскими авторитетами, выступая приверженцем высокого реалистического искусства, чуждого как безжизненного академизма, так и грубого натурализма, Тургенев декларирует: "родному художеству радоваться я буду первый" (письмо 3189). В подтверждение этих слов читатель найдет много высоких оценок творчества Глинки и Чайковского, Римского-Корсакова и А.Н. Серова, Репина и Антокольского. Знаменательно, что именно в этот период сразу три русских художника писали портреты Тургенева по заказу П.М. Третьякова — Н.Н. Ге, К.Е. Маковский и В.Г. Перов. Может быть, следует отметить нашедший в опубликованном полностью письме к П. Виардо подтверждение тот факт, что Тургенев помогал своими советами Н.Н. Ге, работавшему над бюстом В.Г. Белинского (№ 2876).

Несмотря на разногласия как личного, так и идейно-эстетического характера, Тургенев по-прежнему проявляет большой интерес к творчеству Льва Толстого, "единственной надежды нашей осиротевшей литературы", который в этот период переживал сложный этап своей философской эволюции.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в первых номерах "Русского вестника" за 1871 г. появился роман Ф.М. Достоевского "Бесы", в котором Тургенев был выведен в образе писателя Кармазинова. По скупым замечаниям в письмах к друзьям трудно судить, насколько глубоко был задет писатель, но этот эпизод долгой и напряженной полемики между ним и Достоевским, принимавшей время от времени обостренные формы, несомненно, наложил свой отпечаток на общее мирочувствование Тургенева.

Публикуемые в настоящем томе письма значительно расширяют масштабы литературной и общественной деятельности Тургенева и существенным образом углубляют представление о его замечательной и разносторонне одаренной личности.

Тексты писем 11-го тома подготовили к печати и примечания к ним составили: *А.И. Батюто* (2947, 2956, 2968, 2974, 2998, 3004, 3014, 3027, 3047, 3091, 3114, 3143); *К.Ф. Бикбулатова* и *Н.Ф. Буданова* (2912, 2925, 2933, 2950, 3062, 3086); *И.А. Битюгова* (2867, 2883, 2889, 2894, 2907, 2921, 2964, 2975, 3064, 3068, 3071, 3073, 3077, 3084, 3103, 3119, 3135, 3148, 3191); *Т.И. Бронь* (2858, 2920, 2928, 2932, 2941, 2952, 2957, 2959, 2961, 2979, 2982, 2984, 3000, 3017, 3056, 3115, 3124, 3129, 3130, 3149, 3180, 3186, 3188, 3196, 3204, 3213, 3216, 3219, 3222, 3230); *Н.Ф. Буданова* (2906, 2958, 3015, 3978, 3179, 3212); *Г.Я. Галаган* (2896, 3085, 3096, 3170, 3207, 3223); *Н.П. Генералова* (2942, 3162); *Н.П. Генералова, А. Гранжар* и *А. Звигильский* (2887, 2905); *Н.П. Ге-*

нералова и *А. Звигильский* (2869, 2918, 2949, 2987, 2988, 2992, 2993, 3081, 3100, 3156, 3157, 3165, 3182, 3169); *Н.П. Генералова, А. Звигильский, Н.В. Измайлов* и *Д.М. Климова* (2868, 2870, 2871, 2873, 2874, 2876, 2879, 2880 – 2882, 2884, 2886, 2897, 2898, 2901 – 2903, 2983, 2985, 2989); *Н.П. Генералова* и *П. Уоддингтон* (2859, 2934, 2972, 2978, 2990, 3054, 3181); *Т.П. Голованова* (2878, 2930, 2943, 2969, 3063, 3074, 3099, 3104, 3110, 3121, 3137, 3145, 3147, 3159, 3166, 3174, 3228); *Р.М. Горохова* (2995, 2999, 3006, 3009, 3011, 3026, 3038, 3042, 3044, 3097, 3134, 3138, 3140, 3141, 3144, 3150, 3151, 3160, 3164, 3198, 3226); *Р.Ю. Данилевский* и *Х. Леман-Шульце* (3125); *Т.П. Ден* (2862, 2916, 3032, 3046, 3060); *Т.П. Ден* и *Г. Ионас* (3010, 3185); *Т.П. Ден* и *Х. Леман-Шульце* (2938, 2946, 2965, 2976, 2994, 3002, 3007, 3029, 3061, 3083, 3109, 3022, 3200, 3208, 3227); *Е.Н. Дрыжакова* — текст, *Н.Н. Мостовская* — примечания (3155); *П.Р. Заборов* (2944, 2966, 2991, 3034, 3037, 3039 – 3041, 3090, 3107, 3123, 3128, 3139, 3163, 3192, 3206, 3209, 3210); *П.Р. Заборов* и *М. Партюрье* (2863, 2926, 2939, 3201); *Р.Б. Заборова* (3088); *Н.В. Измайлов* и *Д.М. Климова*, при участии *Н.П. Генераловой* (2891); *Е.И. Кийко* (2865, 3152); *М.Ю. Коренева* (2872, 3019, 3059); *М.Ю. Коренева* и *П. Уоддингтон* (3215); *Л.И. Кузьмина* (2885); *Ю.Д. Левин* (2866, 2973, 2986); *А.Н. Михайлова* (2875, 2888, 2892, 2899, 2910, 2911, 2914, 2917, 2929, 2935, 2951, 2962, 2970, 2977, 2981, 2996, 3003, 3005, 3016, 3020, 3023, 3051, 3066, 3072, 3093, 3106, 3113, 3142, 3167, 3177, 3178, 3184, 3194, 3157, 3197, 3202, 3211, 3224); *А.П. Могилянский*, при участии *Т.И. Орнатской* (2861, 2864, 2900, 2904, 2908, 2909, 2919, 2922, 2927, 2931, 2937, 2940, 2955, 2963, 2971, 2980, 2997, 3001, 3008, 3012, 3013, 3018, 3024, 3025, 3030, 3033, 3035, 3036, 3043, 3045, 3048 – 3050, 3055, 3057, 3058, 3065, 3067, 3069, 3070, 3075, 3076, 3079, 3080, 3082, 3089, 3094, 3095, 3098, 3101, 3102, 3105, 3108, 3111, 3112, 3117, 3120, 3127, 3133, 3136, 3146, 3153, 3161, 3175, 3176, 3187, 3190, 3199, 3103, 3205, 3217, 3220, 3221, 3225, 3229); *Н.Н. Мостовская* (2923); *Н.С. Никитина* (2967, 3053, 3087, 3092, 3118, 3154, 3158, 3173, 3193); *Т.И. Орнатская* (2953, 3022); *Л.А. Николаева* (3218); *Т.А. Никонова* (2890, 2913, 2954); *Г.Ф. Перминов* (2915, 2954, 3171); *З.М. Потапова* (3183); *А.М. Ступель* (2893, 3021, 3052, 3116, 3131, 3189); *Г.А. Тиме* (2860, 2945, 3214); *И.С. Чистова* (2895, 2960, 3028, 3172, 3231, 3232); *Г. Цигенгайст* — тексты, *Е.Н. Дрыжакова* — переводы и примечания (3031, 3126).

Указатели составлены *Е.М. Лобковской* и *Г.В. Степановой.*

Французские тексты печатаются под наблюдением П.Р. Заборова; немецкие — *Р.Ю. Данилевского* и *М.Ю. Кореневой.*

В подготовке тома к печати принимали участие *Н.Н. Мостовская* и *Е.М. Лобковская.*

Редакторы тома — И.Я. Айзеншток и *Н.П. Генералова.*

Редакция выражает глубокую признательность организациям и лицам, содействовавшим полноте и достоверности издания: парижской Национальной библиотеке, Центральному институту истории литературы Академии наук ГДР, президенту Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, доктору филологии *А. Звигильскому* (Франция), профессору *П. Уоддингтону* (Великобритания), а также литературоведу и музыковеду профессору *А.А. Гозенпуду*, литературоведу *Н.М. Чернову* и петербургскому библиографу *А.Г. Ирлину.*

2858. Чарльзу Дильку (с. 7 и 301)

Печатается по подлиннику: British Museum (Британский музей), Mss., Add. 43909, Dilke Papers, vol. 36, л. 165, фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 352. Написано на почтовой открытке с почтовым штемпелем: "London. Ja⟨nuary⟩ 14.71".

Впервые опубликовано: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 100.

[1] Следует полагать, что приглашение Дилька связано с его возвращением из очередной поездки по России (см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2923, примеч. 2). В ноябре 1870 г. Дильк из Петербурга поехал в Москву, где жил в доме князя В.А. Черкасского. Во время этой поездки он встречался с братьями Н.А. и Д.А. Милютиными, братьями П.А. и А.А. Васильчиковыми, И.С. Аксаковым, двумя братьями Самариными и др. (см.: *Gwinn and Tuckwell*, vol. 1, p. 115—119, 122; наст. изд., Письма, т. 10, № 2567, примеч. 2).

2859. Джорж Элиот (с. 7 и 301)

Печатается по фотокопии, предоставленной проф. П. Уоддингтоном. Подлинник хранится в Отделе редкой книги и рукописей библиотеки Бейнеке Йельского университета (США).

Впервые опубликовано: The Modern Language Review, 1971, October, vol, 66, № 4, p. 752.

[1] Тургенев послал своей корреспондентке одно из последних изданий "Записок охотника" в переводе Э. Шаррьера: "Mémoires d'un seigneur russe. Paris. Hachette. 1869. 2 volumes" с дарственной надписью по-английски: "To the great poet, George Eliot, from one of her admirers. The auther. London 1871". ("Великому поэту Джорж Элиот от одного из ее почитателей. Автор. Лондон. 1871."). Это издание хранится в частной коллекции А. Полонского (Париж) — см.: *Cahiers*, 1991, № 15, p. 162—163, где воспроизведена факсимильная дарственная надпись. Выражая неудовольствие по поводу отсутствия лучшего перевода "Записок охотника", Тургенев имел в виду перевод И. Делаво, "единственный, авторизованный автором": "Récits d'un chasseur, par Ivan Tourguéneff, traduits par H. Delaveau. P. 1858". В переводе же Э. Шаррьера, вышедшем в Париже в 1854 г., было допущено столь вольное обращение с авторским текстом, что Тургенев был вынужден печатно протестовать против этого издания и предпринять попытку нового перевода "Записок охотника" с помощью И. Делаво. Однако и этот перевод не вполне удовлетворил его (см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 424—426). Перевод Э. Шаррьера был несколько переработан и в дальнейшем неоднократно переиздавался.

[2] Неизвестно, состоялась ли встреча Тургенева и Дж. Элиот 10(22) января, но и до отъезда в Россию 5(17) февраля, и после возвращения в Лондон 25 марта (7 апреля) 1871 г. Тургенев неоднократно бывал у Льюисов. Знакомство с будущим мужем Дж. Элиот произошло еще в 1838—1839 гг. во время учебы в Берлинском университете. Воз-

можно, именно Дж. Льюис посоветовал В. Рольстону обратиться за поддержкой к Тургеневу, так как из письма Рольстона (не дошедшего до нас) писатель узнал, что автор книги "The life of Goethe" и его сокурсник по Берлинскому университету — одно лицо (см.: наст. изд., Письма, т. 7, с. 68). Скорее всего, через Рольстона и было возобновлено старое знакомство. В дневнике Дж. Льюиса посещение Тургенева и "очень интересная беседа" с ним помечены 8 января н. ст. 1871 г. (цит. по: The Geoge Eliot Letters. 7 vols. / Ed. by G.S. Haight. New Haven; Connecticut; London. 1954—1956. Vol. V. 1955. P. 143). Об отношениях Тургенева и Дж. Элиот см.: W a d d i n g t o n P. Turgenev and George Eliot: a litterary friendship / The Modern Language Review. 1971. Vol. 66. № 4. P. 751—759.

2860. Бернгарду Эриху Бере (с. 8 и 301)

Печатается по тексту первой публикации Г. фон Римши: *Briefe an Behre*, S. 558—559.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Дата получения — 15(27) февраля 1871 г.

[1] Письмо Бере неизвестно.

[2] Имеется в виду публикация немецкого перевода повести "Степной король Лир" в петербургской газете "Nordische Presse" (декабрь 1870 г., № 262, 263, 266, 269, 271, 276, 277, 280—282). Имя переводчика установить не удалось.

[3] Рассказ "Стук... стук... стук!.." не был включен в издание Бере. На полях этого письма рукой Бере намечен план будущих томов: V — "Призраки", "Накануне" ("Елена"), VI — "Анчар", "Фауст", "Первая любовь". Рассказ "Затишье" ("Анчар") и другие произведения, намеченные Бере для шестого тома, вошли затем в том одиннадцатый (см.: Т и м е Г.А. И.С. Тургенев в переписке с Бернгардом Эрихом Бере // *Рус лит.* 1988. № 3. С. 170—174).

2861. П.В. Анненкову (с. 9)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 6.

[1] Речь идет о картине Рембрандта "Портрет старого воина", которую Л. Виардо намеревался продать еще в 1857 г. В 1871 г. картина была приобретена вел. княгиней Марией Николаевной, затем вошла в состав эрмитажной коллекции. См.: B e a u l i e u M. Louis-Claude Viardot, collectionneur et critique d'art, 1800—1883 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français. Année 1984. P., 1986. P. 252—253.

[2] Письмо Тургенева к вел. кн. Марии Николаевне неизвестно.

[3] Речь идет о братьях А.О. и Р.О. Либанах, устройством судьбы которых Тургенев много занимался в 1871—1872 гг.

[4] А.Н. Энгельгардт, жена известного профессора химии, публициста и народника А.Н. Энгельгардта, была арестована в ночь на 1 декабря ст.ст. 1870 г. в связи с посещением ею вечерних студенческих собраний в Земледельческом институте. Освобождена она была 12 декабря ст.ст. 1870 г.

[5] Подразумевается рассказ "Стук... стук... стук!.."

[6] От латинского слова "pecunia" — "деньги".

2862. Полине Брюэр (с. 9 и 302)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 186—187.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 317—318. Перепечатано: *Séménoff*, p. 215—216.

[1] Письмо неизвестно.
[2] Дево — по всей вероятности, банкир.

2863. Валентине Делессер (с. 10 и 303)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).
Впервые опубликовано: Les nouvelles littéraires, 1964, 31 décembre.

[1] Тургенев имеет в виду осаду Парижа прусскими войсками. "Tempi passati" ("Минувшие времена") — слова, произнесенные австрийским императором Иосифом II во Дворце дожей в Венеции при виде картины итальянского художника Ф. Цуккаро, на которой был изображен папа Александр III (XII в.), снимающий интердикт с распростертого у его ног Фридриха I (см,: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., [б.г.]. Т. 2. С. 398).

2864. П.В. Анненкову (с. 11)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 3.
Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 7.
Стр. 11. "Франция" разлагается, как тухлая рыба...
Кого же взволнует подобная глупость? (*нем.*).
Стр. 11. которые позволяли предчувствовать всё это (*франц.*).

[1] Вероятно, речь идет о концертном исполнении одной из оперетт, написанных П. Виардо на либретто Тургенева (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12). Более подробных сведений об этом чтении обнаружить не удалось. В письме 2918 к Полине Виардо Тургенев вспоминает о чтении оперетты "Последний колдун" на одной из "суббот" в доме Виардо.
[2] Это письмо Анненкова неизвестно.
[3] См. письмо 2861 и примеч. 1, 2.
[4] Измененная цитата из "Zahme Xenien" ("Кроткие ксении") Гете (Goethes Werke. Weimar, 1890. Bd. 3. S. 325):

Komm her! wir setzen uns zu Tisch,
Wen möchte solche Narrheit rühren!
Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch,
Wir wollen sie nicht balsamieren.

(Стихи 1327—1330).

[5] Французское временное "правительство народной обороны", избранное 4 сентября н.ст. 1870 г., уже 18 сентября н.ст. вынуждено было разделиться на две части ввиду начала осады Парижа немцами. Парижская часть этого единого по существу правительства была представлена Фавром, Рошфором, Трошю и др. Выехавшие из Парижа представители правительства (Гамбетта, Кремье, Фуришон и др.) имели своей резиденцией сначала г. Тур, а затем Бордо.

[6] См. письмо 2868, примеч. 2.

[7] Речь идет о графе П.К. Ферзене, участвовавшем 30 декабря ст.ст. 1870 г. в царской охоте и принявшем на себя ответственность за случайное убийство В.Я. Скарятина, совершенное имп. Александром II (см.: С к а р я т и н Н.Я. Из воспоминаний // *Рус Ахр.* 1894. № 8. С. 600—602).

2865. Н.В. Ханыкову (с. 12)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 39.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 9.

В *ГПБ, Описание* (с. 90, № 664) письмо отнесено к концу 1870 г., однако вероятное время его написания должно быть распространено и на начало 1871 г., о чем свидетельствуют следующие факты. Письмо написано в Лондоне, что устанавливается тиснеными знаками на почтовой бумаге. В Лондоне одновременно с Ханыковым Тургенев был во время войны 1870—1871 гг. Таким образом, вероятное время написания может быть ограничено первой и предпоследней средами пребывания Тургенева в Лондоне, т.е. 4(16) ноября 1870 г. и 27 января (8 февраля) 1871 г. Письмо не могло быть написано в последнюю среду пребывания Тургенева в Лондоне, 3(15) февраля 1871 г., так как этим числом датируется следующая записка Тургенева к Ханыкову (№ 2867).

2866. Вильяму Рольстону (с. 12 и 303)

Печатается по тексту первой публикации: Scottish Slavonic Review. Glasgow, 1986, Autumn, № 7, p. 42; факсимильное воспроизведение: ibid., p. 38.

Подлинник хранится в собрании Стерлинга оф Стерлинг (Великобритания).

Датируется на основании указания дня недели (среда) и датировки письма Рольстона к Стерлингу-Максвеллу (см. примеч. 3).

[1] Тургенев отвечает на письмо В. Рольстона (письмо неизвестно), который получил запрос от В. Стерлинга-Максвелла — собирателя книг о гербах, — узнавшего из гл. XI "Дворянского гнезда" в переводе Рольстона (Liza. London, 1869) о существовании книги «некоего Максимовича-Амбодика, под заглавием "Символы и Эмблемы"» (наст. изд., Сочинения, т. 6, с. 39). Имелась в виду книга "Эмблемы и символы..." (СПб., 1788), составленная на основании книги "Символы и эмблемата" (Амстердам, 1705) с добавлениями (см. письмо 28, примеч. 3: наст. изд., Письма, т. 1, с. 465). В настоящем письме, говоря о публикации "в самом начале этого века", Тургенев, по-видимому, подразумевал 2-е издание "Эмблем и символов" (СПб., 1809), которое сохранилось в библиотеке писателя. В собрании Стерлинга-Максвелла (хранится в библиотеке университета Глазго) имеется экземпляр издания 1788 г. без экслибриса и каких-либо иных указаний на его владельца; является ли эта книга даром Тургенева, установить не удалось (см.: H i p p i s l e y A. Turgenev, Ralston and Stirling-Maxwell. Some unpublished correspondence // Scottish Slavonic Review. 1986. Autumn. № 7. P. 43, 46).

[2] Возможно, имеются в виду выборы в Клубе искусств (Arts Club), почетным членом которого Тургенев стал по рекомендации Рольстона в ноябре 1870 г. (см.: W a d d i n g t o n P. Turgenev and England. London; Basingstoke. 1980. P. 156).

[3] В тот же день, 15 февраля 1871 г., Рольстон переслал письмо Тургенева Стерлингу-Максвеллу, пояснив в сопроводительном письме, что означает упомянутое Тургеневым Спасское (см.: Scottish Slavonic Review, 1986. Autumn. № 7. P. 43).

2867. Н.В. Ханыкову (с. 12)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 41.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 10.

Датируется по следующим соображениям: 1871 г. определяется содержанием письма (франко-прусская война и ожидание ее завершения). Тургенев, проживая в Лондоне по обозначенному в письме адресу, выехал оттуда 5(17) февраля 1871 г. Указание на то, что отъезд предполагается "послезавтра", свидетельствует, что письмо было написано в среду 3(15) февраля 1871 г.

2868. Полине Виардо (с. 13 и 304)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета, очевидно, рукой П. Виардо: "à relire" ("перечитать" — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью) — Revue Bleue, 1906, № 18, 3 novembre, p. 552; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 11015, 11(24) ноября, иллюстр. приложение, с. 11. Перепечатано: в оригинале — *Halp.-Kam., Viardot*, p. 243—245, LXII; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1912, № 4, с. 117.

Дата письма уточняется в связи с пометой Тургенева "полночь", значит, письмо было написано после полуночи, т.е. 7(19) февраля.

[1] Во французских публикациях Гальперина-Каминского было предложено прочтение слова "Babi-Co-lonia" как "Badi-Co-lonia", что представляется ошибочным. Контекст письма позволяет связать игру слов не с Баден-Баденом (Bade), а с Вавилонским столпотворением, которое Тургенев наблюдал в Кёльне (Babilonia — Cologne). Заключенная в кавычки первая фраза письма — иронический парафраз начальных слов речитатива Арзаче из 1-го действия оперы Россини "Семирамида" (1823), "Ecco mi al fine in Babilonia" ("Наконец-то я в Вавилонии" — *итал.*) (сообщено А.М. Ступелем).

[2] 26 февраля вновь избранное Национальное собрание, во главе которого стал Тьер, подписало позорные для Франции условия Бисмарка, по которым к Германии отходили Эльзас, часть Лотарингии, а также была назначена огромная контрибуция.

[3] День 24 февраля был выбран Бисмарком для вступления в Париж неслучайно — в этот день в 1848 г. вооруженный народ Парижа взял Тюильри, после чего, 25 февраля, Франция была провозглашена республикой. В действительности, перемирие, заключенное между Францией и Германией 28 января н.ст. 1871 г., 23 февраля было продлено еще на два дня, а предварительные условия мира подписаны в Версале 26 февраля. Согласно этим условиям 1 марта прусские войска вступили в Париж.

[4] В Лондоне, на Девонширской площади в доме № 30, жила в это время семья Виардо, покинувшая Баден-Баден в связи с разразившейся франко-прусской войной.

[5] Вероятно, речь идет о заключительном концерте большого музыкального фестиваля в Брайтоне, проходившего с 6 по 18 февраля н.ст. 1871 г. Сведений об участии П. Виардо в этом концерте обнаружить не удалось, однако, судя по письму 2882, выступление это не было удачным.

[6] Эта телеграмма неизвестна.

2869. Полине Виардо (с. 14 и 304)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М и А. Ле Сен (Париж). В левом верхнем углу письма помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 176—177.

[1] Имеются в виду управляющий домом Виардо в Баден-Бадене Жан Шох и служанка в доме Виардо Розина.

[2] Слуги в доме Виардо в Баден-Бадене.

[3] Минмин — собачка Полины Виардо.

[4] Пэгаз — любимая охотничья собака Тургенева, которой он посвятил очерк, написанный в декабре 1871 г. и вошедший в "Литературные и житейские воспоминания" (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11. С. 157—163).

[5] Кора — охотничья собака Луи Виардо.

[6] Очевидно, под № 1 Тургенев имеет в виду виллу Виардо, а под № 2 либо помещение театра, выстроенного в саду, либо собственный дом в Баден-Бадене, который был построен вблизи виллы Виардо.

[7] См. письмо 2870.

2870. Полине Виардо (с. 15 и 305)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). В левом верхнем углу письма помета П. Виардо: "à voir" ("отложить" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе в виде небольшого отрывка со слов "Je suis dans ma chambre" до: "le dîner de Chorley" — *Рус. Мысль*, 1912, № 1, с. 119. Полностью во французском оригинале опубликовано: *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 177—180.

Год написания письма определяется по содержанию: письмо написано после отъезда семьи Виардо и Тургенева из Баден-Бадена в Англию в связи с началом франко-прусской войны, во время кратковременного посещения Тургеневым Баден-Бадена. О большом письме, которое должно быть написано вечером 8(20) февраля, Тургенев упоминает в предыдущем письме (№ 2869), хотя помета "полночь" указывает на то, что фактически письмо было написано 9(21) февраля 1871 г. Может быть, для того чтобы подчеркнуть, что это письмо является продолжением предыдущего, Тургенев проставляет на нем тот же номер — "2".

[1] Это письмо Тургенева к Луи Виардо неизвестно.

[2] Письмо Тургенева к г-же Вуалье, которая, судя по контексту, была съемщицей виллы Тургенева, неизвестно.

[3] Тургенев, последовавший за семьей Виардо в Баден-Баден в 1863 г., прожил в нем около семи лет и собирался поселиться навсегда, чему помешала разразившаяся в 1870 г. франко-прусская война.

[4] См. письмо 2868, примеч. 4.

[5] Очевидно, речь идет о прослушивании Поля Виардо известным скрипачом И. Иоахимом, с которым он позднее выступал в концертах. Воспоминания об И. Иоахиме сохранились в мемуарах П. Виардо "Souvenirs d'un artiste" (Paris, 1910).

[6] Речь идет о Мануэле Гарсиа, брате П. Виардо, который занимал в это время должность профессора пения в Лондонской консерватории.

[7] После отъезда П. Виардо с дочерьми в Лондон в октябре 1870 г., Поль Виардо оставался до 10 ноября 1870 г. в Баден-Бадене с отцом и со своей теткой, незамужней сестрой Л. Виардо, м-ль Бертой. Коссман был директором пансиона в Карлсруэ, куда Поль Виардо был помещен в конце 1860-х годов (см.: V i a r d o t P. Souvenirs d'un artiste. Paris, 1910. P. 20, 24).

[8] Дюпрессуар сменил Беназета на посту директора баденского "Конверсациона", заведения, где проходили музыкальные концерты.

[9] См. письмо 2869, примеч. 3.

[10] См. письмо 2871.

[11] Речь идет о брошюре немецкого поэта и музыканта, знакомого Тургенева и Виардо Рихарда Поля "Meiner theuren Gattin Jeanne Pohl, geb. Eyth, zum Gedáchtniss" ("Памяти моей дорогой супруги Жанны Поль, урожд. Айт"), изданной в Баден-Бадене в 1870 г.

[12] Это письмо к Клоди и Марианне Виардо неизвестно.

[13] "Слишком много жен" (1867) — первая из написанных и поставленных в Баден-Бадене оперетт П. Виардо на либретто Тургенева. Роль паши Пинуфа в ней исполнял сам Тургенев. Сохранилось три редакции оперетты, все они хранятся в *Bibl. Nat* (Париж), однако указанных в письме материалов к оперетте среди известных рукописей нет (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 7—25, 428—445, 600—604, 633—634). Либретто понадобилось П. Виардо скорее всего для чтения или постановки на домашней сцене в Лондоне, где она пыталась восстановить атмосферу баден-баденских музыкальных собраний (см. письмо 2864).

2871. Полине Виардо (с. 17 и 307)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 187—189 (без последней фразы по-немецки); во французском оригинале — *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 180—182.

[1] Первая строка арии Фидес из оперы Дж. Мейербера "Пророк" (1849), в которой часто выступала П. Виардо.

[2] См. письмо 2869, примеч. 1.

[3] Тургенев пробыл в Баден-Бадене вместе с семьей Виардо с 9(21) августа по 7(19) ноября 1871 г. в связи с продажей своей виллы и дома Виардо.

[4] "Царица Савская" ("La Reine de Saba") — опера Ш. Гуно на слова М. Карре и Ж. Барбье, поставленная в Париже в 1862 г. Арию из нее П. Виардо исполняла в концерте, который был дан под управлением Ш. Гуно, жившего тогда в Лондоне, в Сент-Джеймс-Холле, в пользу французских жертв войны 12(24) февраля 1871 г. (см.: The Athenæum, 1871, 11 February, p. 183 и 18 February, p. 215). Сведений о концерте 11(23) февраля обнаружить не удалось.

[5] О приданом для Клоди Виардо см. письмо к И.И. Маслову от 4(16) июня 1870 г.

[6] Возможно, речь идет о копии с одной из картин испанского живописца XVII в. Диего Веласкеса, которую сделала Клоди Виардо, серьезно занимавшаяся живописью. Не исключено, что Тургенев хотел приобрести или продать какую-то копию с картины Веласкеса.

[7] Поль Виардо, которому было в это время 13 лет, приехал с отцом в Лондон спустя почти месяц после переезда туда П. Виардо с дочерьми в октябре 1870 г.

[8] См. письмо 2868, примеч. 4.

[9] Речь идет о прусском короле Вильгельме I, который 18 января н.ст. 1871 г. в Версале был провозглашен германским императором. Завершив объединение Германии на военно-бюрократической основе, Вильгельм считал себя преемником первого римско-германского императора Карла Великого. В этой связи и была выпущена упоминаемая Тургеневым фотография.

2872. Юлиану Шмидту (с. 19 и 308)

Печатается по тексту первой публикации: Welt der Slawen, 1970, H. 2, S. 189.

Местонахождение подлинника неизвестно.

[1] Подробное описание дня, проведенного в Берлине, см. в письме № 2873.

2873. Полине Виардо (с. 20 и 308)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). В левом верхнем углу первой страницы письма помета П. Виардо: "Heuh" — междометие, выражающее сомнение.

Впервые опубликовано: в русском переводе (с небольшими пропусками и неточностями) — *Совр Мир*, № 3, с. 189—190; полностью во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 182—184.

[1] Семья Виардо, покинувшая Францию с ее режимом военной диктатуры Наполеона III и поселившаяся в Баден-Бадене, была известна своими германофильскими настроениями, однако с началом франко-прусской войны они изменились в пользу Франции.

[2] Речь идет о директоре Берлинского королевского театра Бото фон Хюльсене. Г-жа Хюльсен, будучи писательницей, могла познакомиться с произведениями Тургенева, переведенными на немецкий язык.

[3] Дуэт графини и Сюзанны из третьего акта оперы Моцарта "Женитьба Фигаро" (1786).

[4] "Миньона" — опера А. Тома, либретто М. Карре и Ж. Барбье на сюжет романа Гете "Годы учения Вильгельма Мейстера", поставлена в 1866 г. Романс Миньоны — "Connais-tu le pays" — перевод стихотворения Гете "Kennst du das Land" ("Ты знаешь край") (1784).

[5] Переговоры о мире велись в это время между Францией и Германией в Версале, где 26 февраля н.ст. 1871 г. был подписан прелиминарный договор.

[6] На публичном торжестве, устроенном в Берлинской опере в честь возвращения Вильгельма I из Франции, кантата Эккерта не исполнялась

(см.: Литературное прибавление к Нувеллисту, 1871, апрель, с. 27). Возможно, что кантата была написана для большого концерта в пользу немецкой армии, организованного берлинским певческим обществом в марте 1871 г.

[7] Скорее всего, речь идет о повести "Вешние воды", к написанию которой Тургенев приступил, возможно, в феврале 1871 г. 12(24) апреля после возвращения из России он сообщал П.В. Анненкову о том, что "с жаром принялся *оканчивать*" повесть (см. письмо 2931). Первоначально это произведение было задумано в гораздо меньшем объеме (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 501—503). Возможно, однако, что под "безделицей" Тургенев имел в виду рассказ "Конец Чертопханова", начатый, согласно помете на черновом автографе, 10(22) мая 1871 г. (см. наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 507).

[8] 11(23) февраля 1871 г. П. Виардо должна была участвовать в концерте (см. письмо 2871), примеч. 4.

2874. Полине Виардо (с. 21 и 310)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой Полины Виардо: "oui" ("да" — *франц.*) исправлено на "non" ("нет — *франц.*); "plutôt non" ("скорее нет" — *франц.*). Фрагменты письма, касающиеся Луизы Виардо, а также часть письма, написанная после 11 ч. вечера до слов: "je me sentais fatigué", отчеркнуты на полях, очевидно, П. Виардо.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 190—191; во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 167—169.

[1] Номер письма (7), очевидно, проставлен ошибочно вместо № 6, так как из письма видно, что между ним и посланным из Вержболово (№ 5) другого письма не было (см. письмо 2873).

[2] См. письмо 2873.

[3] Сын П.В. Анненкова — Павел.

[4] Луиза Виардо давала уроки пения в Петербургской консерватории, куда была приглашена в 1868 г., а также выступала в концертах и дважды дебютировала на сцене Мариинского театра (см.: Литературное прибавление к Нувеллисту, 1871, август. С. 61).

[5] Композитор А.Н. Серов умер 20 января ст.ст. 1871 г. Об отношении семейства Серовых к Луизе Виардо см. воспоминания вдовы композитора В.С. Серовой (Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович. СПб., 1914. С. 143—144), а также статью М.Е. Славинского "Последние три часа жизни Серова" (Голос. 1871. № 40, 9(21) февр. С. 2).

[6] Это письмо Полины Виардо неизвестно.

[7] О концертах П. Виардо 11(23) и 12(24) февраля 1871 г. см. письмо 2871, примеч. 4.

[8] См. письмо 2871, примеч. 6.

[9] О заключении мира между Германией и Францией см. письмо 2873, примеч. 5.

[10] 17 февраля н.ст. 1871 г. Национальное собрание избрало Тьера главой исполнительной власти. Тьер посетил Петербург еще в сентябре 1870 г., с целью добиться признания Россией Французской республики и получить помощь в войне с Пруссией. Несмотря на любезный прием, миссия его не дала ощутимых результатов.

[11] В связи с началом франко-прусской войны семья Виардо на время переехала в Лондон. После установления во Франции республики Виардо, а вслед за ними Тургенев вернулись в Париж в начале ноября 1871 г.

[12] См. письмо 2877.

[13] Сокращенный вариант английской поговорки "last but not least" ("хотя и последний, но не менее важный", "не самый худший"). Возможно, Тургенев перефразирует слова короля Лира, обращенные к Корделии в 1-й сцене I-го действия трагедии В. Шекспира "Король Лир": "Now, our joy, Although our last and least..." ("Теперь же ты, наша радость, хоть и последняя и самая младшая").

2875. Н.А. Кишинскому (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 26. На подлиннике пометы Кишинского: "Получил 18 февраля, тогда же выслано 500 р.", "Ведомость кассовая послана 20 февраля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П. Письма*, т. IX, с. 18.

[1] См. наст. изд., Письма, т. 10, письмо к Н.А. Кишинскому от 29 августа (10 сентября) 1870 г.

2876. Полине Виардо (с. 24 и 311)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице помета рукой Полины Виардо: "prendre fragments" ("взять частично" — *франц.*). Первые две страницы письма (там, где речь идет о Луизе Виардо) отчеркнуты на полях, такая же помета на последней странице против текста, касающегося посещения мастерской художника Н.Н. Ге. Пометы принадлежат, очевидно, Полине Виардо: эти фрагменты не были опубликованы в русском переводе. В отрывок, касающийся М.М. Антокольского, внесены некоторые исправления, принадлежащие, по мнению А. Гранжара, Гальперину-Каминскому (см. *Т, Quelques lettres*, p. 169, note 14). А. Звигильский считает, что они сделаны П. Виардо (см. письмо 2880, примеч. 2).

Впервые опубликовано (не полностью — без первых двух страниц и последнего абзаца): во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 18, 3 novembre, p. 552—553; в русском переводе — *Н Вр*, 1906, № 11015, 11(24) ноября, иллюстрированное приложение, с. 11. Во французском оригинале полностью впервые опубликовано: *Т, Quelques lettres*, p. 165—167.

[1] Речь идет о вечере у вдовы композитора и музыкального критика А.Н. Серова — В.С. Серовой (см. письмо 2874, примеч. 5). Луиза Виардо пела романс Шуберта "Doppelgänger" ("Двойник", на слова Г. Гейне), а не Шумана, как по ошибке указано у Тургенева. Этот романс, входивший в цикл "Лебединая песня", был в репертуаре П. Виардо, как и другой романс "Gretchen am Spinnrade" ("Гретхен за прялкой"), написанный на слова Гете.

[2] Очевидно, одним отрывком была ария из оперы А.Н. Серова "Рогнеда" (1865), о которой речь идет далее. Л. Виардо могла также исполнять арии из оперы "Юдифь" (1863) и неоконченной оперы "Вражья сила" (начата в 1867 г.).

[3] Луиза Виардо, которую сам Тургенев называл "нигилисткой чистой воды" (см. письмо к А.А. Фету от 23 января (4 февраля) 1870 г.), в год рож-

дения своего сына Луи — 1864 — покинула мужа и уехала к родителям в Баден-Баден, где прожила до 1868 г. Затем она была приглашена в Россию преподавать пение в Петербургской консерватории. Ребенок с этого времени находился на попечении отца.

[4] Речь идет об Эрнесте Эритте де ля Тур, который жил в это время с сыном в Дании, где исполнял обязанности генерального консула Франции.

[5] Имеется в виду Е.И. Бларамберг. Эта первая встреча описана ею в воспоминаниях (см.: *Т в восп совр,* т. 2. М.; 1983. С. 165—167), где содержатся некоторые фактические неточности. См. о ней также № 2880.

[6] Очевидно, эта оценка относится не к исполнительской манере Луизы Виардо, а к опере Серова.

[7] Тургенев описывает концерт в пользу хора русской оперной труппы, который состоялся 14(26) февраля 1871 г. на сцене Мариинского театра под руководством Э.Ф. Направника, ставшего в 1869 г. главным дирижером (первым капельмейстером) Русской Оперы, а в 1870 г. дирижером симфонических концертов Русского Музыкального Общества. В концерте был исполнен финал оперы Глинки "Руслан и Людмила" (1842), незадолго до этого возобновленной под руководством Направника на Мариинской сцене (о премьере 26 января 1871 г. В.В. Стасов позднее вспоминал как о "самой замечательной, самой талантливой и верной из всех ⟨постановок⟩, какие только у нас бывали" — цит. по кн.: М и х е е в а Л.В. Эдуард Францевич Направник. М., 1985. С. 40). Названнные Тургеневым Е.А. Лавровская (ученица П. Виардо) и И.А. Мельников исполняли партии Ратмира и Руслана. Тургеневская оценка дирижерской манеры Направника вызвана, очевидно, непривычно скупым, строгим и, как казалось, многим, сухим жестом, который на первый взгляд, сводил до минимума дирижирование (см. об этом: М и х е е в а Л.В. Указ. соч. С. 88—89). О концерте 14(26) февраля см.: *СПб Вед,* 1871, № 45, 14(26) февраля.

[8] Несколько измененная цитата из Евангелия: "Spiritus ubi vult spirat" ("Дух дышит, где хочет" — Евангелие от Иоанна, III, 8). Эту же цитату Тургенев повторил в своей "Заметке" о статуе Ивана Грозного М. Антокольского (см.: наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 260).

[9] Эти впечатления отразились в статье Тургенева о статуе М. Антокольского, помеченной 18 февраля 1871 г. (опубликована в газете "Санкт-Петербургские ведомости", 1871, № 50, 19 февраля — наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 259—261). Об отношении Тургенева к творчеству М. Антокольского см.: Там же, с. 542—543. О посещении Тургеневым мастерской скульптора, где состоялось их первое знакомство, см.: М.М. Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. СПб., 1905. С. 953.

[10] Тургенев имеет в виду появившиеся в русских газетах известия о подписании 26 февраля н.ст. 1871 г. в Версале предварительных условий мира между Францией и Германией. Шахматный клуб в Петербурге был вновь открыт, после закрытия его в 1862 г., в ноябре 1869 г. на Офицерской улице, а в октябре 1870 г. переехал в Демидов переулок, в помещение Немецкого собрания.

[11] Бюст Белинского, вылепленный Н.Н. Ге, был приобретен П.М. Третьяковым. Свидетельство о том, что Тургенев помогал Ге советами, содержится и в воспоминаниях Стасова. См.: С т а с о в В.В. Николай Николаевич Ге, его жизнь и переписка. М., 1904. С. 242—243; а также записку Ге о своей работе над бюстом, хранящуюся в архиве А.Н. Пыпина в *ГПБ.* См. также письмо к П.В. Анненкову № 3036 и примеч. 6 к нему.

[12] Речь идет о портрете Тургенева, выполненном Н.Н. Ге в Петербурге в 1871 г. См. также изд.: Альбом художественных произведений Н.Н. Ге, М., 1904. № 54. См. также: наст. том, письмо 2876, примеч. 4, и 2881, примеч. 5.

[13] Очевидно, речь идет о портрете А.И. Герцена, написанном Н.Н. Ге в 1867 г. (ныне находится в Государственной Третьяковской галерее).

[14] Скорее всего, имеется в виду М.М. Стасюлевич, редактор "Вестника Европы", в 1-м номере которого за этот год вышел рассказ Тургенева "Стук... стук... стук!.." Следующая повесть — "Вешние воды" — была опубликована тоже в "Вестнике Европы".

[15] Имеются в виду сын поэта П.В. Жуковский и его друг А.Ф. Онегин (Отто). С ними Тургенев познакомился в Баден-Бадене, очевидно, в конце 1860-х годов. См.: И в а н о в а Л.Н. Тургенев в переписке А.Ф. Онегина и П.В. Жуковского // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 158—177.

[16] См. примеч. 10.

[17] Н.А. Кишинскому.

[18] См. письмо 2879.

2877. В.К. Ржевскому (с. 26)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании С.М. Громбаха (Москва).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 214.

Год определяется по содержанию и дате, а также в связи с письмом 2876, в котором упоминается посещение Тургеневым шахматного клуба.

Стр. 26. "следы древнего пламени" (*лат.*).

[1] Цитата из "Энеиды" Вергилия" (Песнь IV, ст. 23).

2878. Н.С. Тургеневу (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 71.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 20.

[1] Записка эта неизвестна.

2879. Полине Виардо (с. 27 и 313)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 191—192; во французском оригинале — *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 184—185.

[1] Записка Тургенева к Луи Виардо, как и письма Полины и Луи Виардо к Тургеневу, неизвестна.

[2] Московский издатель — Ф.И. Салаев, в это время Тургенев готовил к печати 8-й, дополнительный, том своего собрания сочинений: Сочинения И.С. Тургенева. Издание братьев Салаевых. 7 частей. М., 1868—1869. Восьмой том вышел в 1871 г., в нем были напечатаны: "Странная история", "Казнь Тропмана", "Степной король Лир", "Стук... стук... стук!.."

[3] Речь идет о портрете Тургенева, написанном художником Н.Н. Ге (см. письмо 2885, примеч. 4 и 5). Говоря о портрете, выполненном Клоди Виардо, Тургенев, очевидно, имеет в виду портрет в шляпе, ныне находящийся в коллекции М. и А. Ле Сен и воспроизведенный впервые в журнале *New Z Sl J*, 1983 на обложке и фронтисписе. См.: настоящий том, с. 27.

[4] Это письмо П. Виардо с подробным описанием концертов 23 и 24 февраля было получено Тургеневым (см. № 2881), но оно не сохранилось.

[5] Речь идет об альбоме: Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа. Изд. А. Иогансена в Петербурге (ценз. разрешение — 23 апреля 1871 г.). В него вошли: "Лесная тишь" (перевод стихотворения Р. Поля "Märchen"), "Загубленная жизнь" ("Verfehltes Leben" Р. Поля), "Садовник" ("Der Gärtner" Э. Мёрике), "Ожидание" ("Allein" Р. Поля), "Былое счастье" ("Agnes" Э. Мёрике), "Стоит погода злая" ("Es ist ein schlechtes Wetter" Г. Гейне). См. наст.: изд., Сочинения, т. 12. С. 301—304.

[6] Возможно, что А.Н. Серов должен быть принять участие в инструментовке и постановке в Петербурге "Последнего колдуна" ("Кракамиша"), в котором могла участвовать и Луиза Виардо, находившаяся тогда в Петербурге и близкая к семье Серова. Постановка оперетты П. Виардо на либретто Тургенева "Последний колдун" в Петербурге не состоялась. А.Н. Серов умер 20 января ст.ст. 1871 г.

[7] О концерте А.Г. Рубинштейна см. письмо 2881, примеч. 6.

2880. Полине Виардо (с. 28 и 313)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: "Oui" ("Да" — *франц.*), "à relire" ("перечитать" — франц.), "à choisir" ("выбрать" — *франц.*). Номер письма в оригинале зачеркнут.

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью) — Revue Bleue, 1906, № 18, 3 novembre, p. 553; в русском переводе (не полностью) — *Н Вр*, 1906, № 11015, 11(24) ноября, иллюстрированное приложение, с. 11. Впервые опубликовано полностью во французском оригинале: *Т. Quelques lettres*, p. 171—172.

[1] "Степной король Лир" был опубликован в № 10 "Вестника Европы" за 1870 г.

[2] Статья Тургенева о статуе Ивана Грозного, написанная им 18 февраля — 2 марта 1871 г., была напечатана в № 50 "С.-Петербургских ведомостей" 19 февраля (3 марта), а не на другой день после посещения мастерской скульптора, как написал М. Антокольский в своих воспоминаниях (см. примеч. 9 к письму 2876). В первой полной публикации этого письма Тургенева во французском оригинале А. Гранжаром было высказано предположение, что купюра в публикации Гальперина-Каминского, касающаяся национальности Антокольского, была сделана самим публикатором (подобные купюры обнаружены были и в других письмах) (см.: *T, Quelques lettres*, p. 172, note 5), однако А. Звигильский считает, что вся "цензурная правка" в письмах Тургенева была произведена самой Полиной Виардо (см.: *Cahiers*, 1986, № 10, p. 170—172). См. также: W a d d i n g -

t o n P. Pauline Viardot as Turgenev's cencor // Times Literary Supplement, 1 janvier 1970.

[3] Александр II заказал М.М. Антокольскому бронзовую копию статуи Ивана Грозного для Эрмитажа, что дало возможность скульптору поехать в Рим.

[4] Запись об этом обеде, на котором присутствовало 22 человека и который прошел под председательством А.П. Заблоцкого-Десятовского, сохранилась в дневнике Н.Н. Тютчева: "Кроме обычных тостов было провозглашено здоровье И.С. Тургенева, в "Записках охотника" столь красноречиво агитировавшего невозможность дальнейшего продолжения крепостного бесправия, за ⟨...⟩ К.Д. Кавелина, написавшего отважную статью о необходимости наделения крестьян землею. Оба они как бы передовые пионеры в борьбе перед положением 19 февраля" (цит. по: Г р о м о в В.А. И.С.Тургенев и Н.Н. Тютчев (По новым данным) // Спасский вестник, № 2. 1993. С. 54).

[5] Несмотря на настойчивые просьбы П. Виардо о скорейшем возвращении в Лондон (см., например, дошедшее до нас письмо от 17(29) марта 1871 г. — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 358), Тургенев выехал из Петербурга в Москву лишь 8(20) марта, где задержался еще на две недели.

[6] А.С. Суворин в статье "Недельные очерки и картинки" охарактеризовал отношение русского общественного мнения к подписанному в Версале предварительному мирному договору следующим образом: «Мир заключен и надо благодарить за это судьбу. Как ни велики потери Франции, но худой мир лучше доброй ссоры. Потеряв часть своей территории, Франция выиграла в территории свободы, освободившись от несчастного правительства Наполеона III и учредив народное правительство, вопреки ожиданиям "Московских ведомостей", "Голоса" и "Биржевых ведомостей"...» (*СПб Вед.*, 1871, № 52, 21 февраля (5 марта)).

[7] О сдаче Тургеневым своих имений в аренду см.: наст. изд., Письма, т. 10, №№ 2791, 2800 и наст. том, №№ 2891, 2909.

[8] Г. Мюллер-Штрюбинг.

[9] Источник цитаты обнаружить не удалось.

2881. Полине Виардо (с. 31 и 315)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) запись рукой П. Виардо: "à lire" ("прочесть" — *франц.*). Номер письма исправлен на "10", но и этот номер зачеркнут.

Впервые опубликовано: во французском оригинале (не полностью) — Revue Bleue, 1906, 10 novembre, № 19, p. 582—583; в русском переводе (не полностью) — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 365—366. Полностью во французском оригинале (с некоторыми неточностями) опубликовано: *T, Quelques lettres*, p. 175—176.

[1] Письмо П. Виардо с описанием двух концертов неизвестно. Говоря о реванше, Тургенев, очевидно, имеет в виду неудачное выступление Виардо в Брайтоне (см. письмо 2868, примеч. 5).

[2] Речь идет о Н.Д. Протасовой, вдове гр. Н.А. Протасова.

[3] Издатель — М.М. Стасюлевич.

[4] Заседание Педагогического общества, на котором присутствовал Тургенев, состоялось 20 февраля ст.ст. На этом заседании, среди других вопросов, обсуждались тезисы доклада известного историка В.Д. Сипов-

ского "О преподавании истории в средних учебных заведениях", которые были опубликованы в печати и вызвали полемику. Впечатление Тургенева от выступления С. Кавелиной, с которой после этого вечера у него завязалась дружеская переписка, схоже с тем, которое высказал сам Сиповский: "Выражения ее были сильны, на них лежала печать такого сильного убеждения, в них было так много горячности, — молодой, хорошей горячности и любви к делу, что я, не соглашаясь с возражениями, не мог в то же время не чувствовать уважения к ним" (Женское образование, 1877, № 8, с. 476). Об отношениях Тургенева и С. Кавелиной см.: Статья С.К. Брюлловой о романе "Новь". Вступительная статья и публикация Н.Ф. Будановой // *Лит Насл*, т. 76, с. 277—320; а также: Zviguilsky T. A propos d'un centenaire: une correspondante de Tourguéniev, Sofia Kavélina, (1851—1877) // *Cahiers*, 1977, № 1, p. 30—36.

[5] Речь идет о двух портретах Тургенева, написанных одновременно Н.Н. Ге и К.Е. Маковским во время пребывания писателя в Петербурге в феврале 1871 г. См. письмо 2885., примеч. 4 и 5. О портрете Тургенева, выполненном Клоди Виардо, см. письмо 2879, примеч. 3.

[6] 21 февраля (5 марта) 1871 г. А.Г. Рубинштейн дал концерт в зале Дворянского собрания, в котором под управлением автора впервые исполнялась его фантазия для оркестра "Дон-Кихот". В исполнении анданте и каприччио для скрипки с оркестром Рубинштейна принимал участие известный скрипач Л.С. Ауэр (подробную программу концерта см.: *СПб Вед*, 1871), 21 февраля (5 марта), № 52). По сообщению внучки Рубинштейна, А. Ругевич, мысль обратиться к сюжету "Дон-Кихота" возникла у композитора под влиянием бесед с Тургеневым. В музыкальной характеристике образа героя нашла отражение тургеневская трактовка Дон-Кихота (см.: Баренбойм Л.А. А.Г. Рубинштейн. Л., 1962. Т. 2. С. 61). Мелодии каких народных испанских песен использовал Рубинштейн в своем сочинении, неизвестно. П. Виардо была знатоком народной испанской музыки и часто исполняла ее в своих концертах.

[7] См. № 2886.

2882. Полине Виардо (с. 33 и 316)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с небольшими неточностями) — *Совр Мир*, 1912, № 3. с. 192—193; во французском оригинале (с небольшими неточностями) — *T, Lettres inéd*, p. 172—173.

[1] Речь идет о письме Н.Г. Рубинштейна Полине Виардо с приглашением преподавать зимой в Московской консерватории (см. письмо 2898). Вскоре Виардо получила такое же приглашение от директора С.-Петербургской консерватории М.П. Азанчевского (см.: Финдейзен Н. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества. СПб., 1909. С. 54). В письме Тургеневу от 17(29) марта 1871 г. из Лондона П. Виардо писала: "Вчера я ответила Н. Рубинштейну, поблагодарив его за приглашение, которое не могу принять. Я не могу разлучиться со своей семьей на 7 месяцев, а что до Луи ⟨Виардо⟩, то о том, чтобы его везти туда, не может быть и речи. Предложите ему от меня Луизу. Если им нужен хороший преподаватель, она, может быть, и примет предложение занять место в Москве, поскольку сейчас чувству-

ет себя лучше. Им не удастся найти никого, кто лучше ее знал бы семейную методу" (*T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 358). Луиза Виардо, которая с 1868 г. преподавала в Петербургской консерватории, была серьезна больна и в 1871 г. уехала на лечение в Эмс.

[2] Второй концерт А.Г. Рубинштейна с участием Н.Г. Рубинштейна состоялся 28 февраля (12 марта) в зале Дворянского собрания (программу его см.: *СПб., Вед*, 1871, 27 февраля (11 марта), № 59).

[3] Виолончелист Жозеф Серве, сын знаменитого французского виолончелиста Франсуа Серве, 1(13) марта 1871 г. дал в Петербурге концерт, в котором исполнял произведения своего отца (см.: Голос, 1871, № 59, 28 февраля (12 марта), с. 2; Литературное прибавление к Нувеллисту, 1871, апрель, с. 26). Жозеф Серве принимал участие в постановке оперетты П. Виардо и Тургенева "Последний колдун" в Веймаре в 1869 г. — см. статью Тургенева "Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре" — наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 300).

[4] Портреты Тургенева, написанные Н.Н. Ге и К.Е. Маковским (см. письмо 2881 и письмо 2885, примеч. 4 и 5).

[5] Речь идет о благотворительном концерте в пользу раненых французов, который состоялся 27 февраля ст.ст. 1871 г. Тургенев читал рассказ "Бурмистр" из "Записок охотника". См. письмо 2886 и примеч. 1 к нему. Английское слово "exhibition", употребленное иронически Тургеневым, в буквальном смысле означает выставку товаров с целью продажи.

[6] В феврале 1871 г. Аделина Патти дала четыре концерта в Москве, после чего, вернувшись в Петербург, выступила в концертах 24 и 28 февраля ст.ст. (см.: *СПб Вед*, 1871, 24 февраля (8 марта), № 55, и 28 февраля (12 марта), № 59). Упоминая о "ком-то", кто "не пойдет" слушать Патти, Тургенев имеет в виду себя.

[7] Очевидно, Кронье де Вариньи.

2883. Д.А. Толстому (с. 34)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 84, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 26.

[1] Тургенев обращался к Д.А. Толстому с ходатайством относительно определения братьев Либанов в Славянский учительский институт и назначения им соответствующей стипендии (см. также письмо 2986).

2884. Полине Виардо (с. 34 и 317)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) пометы рукой П. Виардо: "Oui? à voir" ("Да? посмотреть" — *франц.*). На первой и третьей страницах письма, очевидно, рукой П. Виардо отмечены части текста, опущенные в первой публикации. Окончание письма со слов "chez Annenkoff" вписано на полях последней и первой страниц.

Впервые опубликовано (не полностью): Revue Bleue, 1906, № 19, 10 novembre, p. 583—584; в русском переводе (не полностью): *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 366—368.

[1] П. Виардо получила это письмо (см. № 2873).

[2] Отзыв о концерте П. Виардо в Ливерпуле 7 марта н.ст. был напечатан в газете "Liverpool Mercury" (1871, 8 марта), объявление о концерте в Манчестере 9 марта появилось в газете "Manchester Courier" (1871, 9 мар-

та), отклики на этот концерт были опубликованы в газетах: "Manchester Guardian" (1871, 11 марта и приложение, с. 5) и "Manchester City News" (1871, 11 марта). Сообщено Дж.С.Г. Симмонсом.

[3] Тургенев присутствовал на одном из музыкальных вечеров, которые устраивал В.М. Жемчужников (а не на вечере у В.В. Стасова, как считал М.К. Клеман, не знавший полного текста письма — см.: *Клеман, Летопись*, с. 199). В письме В.М. Жемчужникова к М.А. Балакиреву от 22 февраля (6 марта) 1871 г. сообщается о вечере, на котором должен присутствовать Тургенев. Сообщения о подобных вечерах 12(25) и 19(31) января 1871 г. есть и в других письмах (см.: *ГПБ*, ф. 41, а также в кн.: Балакирев М.А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 95, 103). Тургенев долгое время весьма сдержанно относился к представителям новой русской школы, известной в истории музыки под названием "могучей кучки". Это негативное отношение Тургенева было обусловлено, как показал А.А. Гозенпуд, позицией В.В. Стасова и Ц. Кюи, декларировавших в своих статьях разрыв с западноевропейской музыкальной традицией и позволявших себе резкие выпады против великих композиторов прошлого (см.: Гозенпуд А.А. И.С.Тургенев. Серия "Musica et literatura". СПб., 1994. С. 69—79, 82—92). Выражение сожаления по поводу отсутствия на вечере Ц. Кюи в связи с этим следует, очевидно, рассматривать как ироническое. Впоследствии Тургенев во многом пересмотрел свое отношение к русской музыке. См.: наст. том, №№ 3131, 3189.

[4] Балакирев исполнил на вечере отрывки из музыкальной картины "Садко" (op. 5, 1867) Н.А. Римского-Корсакова, который в 1871 г. был приглашен в Петербургскую консерваторию.

[5] Г. Берлиоз состоял в дружественных отношениях с представителями "Могучей кучки", которые высоко ценили и пропагандировали его творчество. В 1867 г. он дал несколько концертов в Москве и Петербурге, прошедших с большим успехом. Здесь Берлиоз познакомился с Балакиревым, которому передавал "тысячу приветов" в письме В.В. Стасову от 21 августа 1868 г. (см.: Берлиоз Г. Избранные письма. Л., 1985. Т. 2. С. 232). М.А. Балакиреву принадлежат фортепианные обработки "Неаполитанской песни" Листа и вступления к "Бегству в Египет" Берлиоза. Сообщение о мнении русских композиторов о Листе и Берлиозе было особенно важно для П. Виардо, чьи дружеские и творческие связи с этими двумя композиторами были хорошо известны Тургеневу.

[6] См. письмо 2879, примеч. 5.

[7] О портретах Тургенева, написанных Н.Н. Ге и К.Е. Маковским, см. письмо 2885, примеч. 4 и 5.

[8] Бильбоке — беспринципный делец, персонаж комедии Т. Дюмерсана и Ш. Варена "Шарлатаны" ("Les Saltimbanques", 1831).

[9] Об отношении Тургенева к нидерландскому искусству см.: Заборов П.Р. И.С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 134—137.

[10] Мадонна Леонардо да Винчи ("Мадонна Литта") поступила в Эрмитаж из коллекции графа Ю.П. Литты, приобретенной в 1864 г. С.А. Гедеоновым, директором Эрмитажа с 1861 г.; вазы из собрания итальянского антиквара маркиза де Кампана были куплены в 1861 г. и послужили основанием античной коллекции Эрмитажа; сосуд в виде сфинкса (так называемый "Фанагорийский сфинкс") из керченских раскопок поступил в 1869 г. (ср. письмо 3223).

2885. А.Ф. Писемскому (с. 36)

Печатается по подлиннику: Рукописный отдел Государственной Третьяковской галереи, № 2651.

Впервые опубликовано: *Рус лит*, 1972. № 4, с. 123–125.

[1] В начале 1870-х годов П.М. Третьяков активно действовал по созданию галереи портретов классиков русской литературы, стараясь при этом иметь дело с лучшими отечественными портретистами. Узнав о том, что Тургенев в Петербурге, он писал 22 февраля 1871 г. П.В. Анненкову: "... Долго ли останется И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ в Петербурге и куда поедет из Петербурга? Дело в том, что известный наш живописец В.Г. Перов желает обратиться к Ивану Сергеевичу с покорнейшей просьбой дозволить сделать портрет его с натуры и потому я Вас покорнейше прошу сделать мне одолжение, известить прямо меня: долго ли останется И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ в Петербурге? Алексей Феофилактович тоже просит меня сообщить ему то, что я буду иметь честь узнать от Вас" (*ИРЛИ*, ф. 8, № 95). Очевидно, что на все вопросы Третьякова Тургенев предпочел ответить в письме к Писемскому, который переслал его коллекционеру.

[2] Вопреки своим намерениям, Тургенев пробыл в Москве более пяти дней: с 8 по 21 марта.

[3] Уже 19(31) марта Тургенев писал П.В. Анненкову, что портрет, написанный с него В.Г. Перовым, "находят удачным" (наст. том, с. 59). Однако сам художник не был вполне удовлетворен результатами своей работы: через год, когда Тургенев снова оказался в Москве, Перов вернулся к портрету писателя. Тургенев высоко ценил этот портрет и заказал художнику копию с него. С тех пор он неоднократно отзывался с похвалой о Перове-портретисте, постоянно выделяя среди его работ портрет Ф.М. Достоевского.

[4] Написанные в одно время портреты Н.Н. Ге и К.Е. Маковского сначала Тургеневу оба понравились, хотя они и были совершенно не схожи по толкованию образа писателя (см. письмо 2882). Позднее Тургенев изменил свое отношение к портрету Ге, предпочтя ему работу Маковского. Сильное впечатление произвел портрет Тургенева работы Маковского на В.В. Стасова.

[5] Портрет работы Н.Н. Ге Третьякову не понравился. Из трех портретов писателя, выполненных в 1871 г. художниками Н.Н. Ге, К.Е. Маковским и В.Г. Перовым, он приобрел для своей коллекции только работу Перова.

2886. Полине Виардо (с. 37 и 318)

Печатается по копии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "fragments" ("отрывки" — *франц.*). Номер письма в оригинале зачеркнут.

Впервые опубликовано (с небольшими пропусками и неточностями) как часть письма вместе с № 2887: Revue Bleue, 1906, № 19, 10 novembre, p. 584–585; перепечатано в таком же виде — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 29–30. Полностью, с исправлением неточностей и как отдельное письмо, публикуется впервые. Последняя фраза письма написанная по-немецки, в подлиннике зачеркнута и восстанавливается по копии Гальперина-Каминского.

[1] Тургенев имеет в виду следующее сообщение: «В С.-Петербургском собрании художников (Троицкий переулок, дом Зайцевой) в субботу, 27-го февраля, в 1 час пополудни, будет дано Литературно-музыкальное утро с благотворительной целью, с участием И.С. Тургенева, В.П. Буренина, П.Д. Боборыкина, А.Н. Якоби, И.Ф. Горбунова, Д.И. Леоновой, О.В. Кольцовой, М.В. Терминской (ученицы А.Г. Рубинштейна), Корсова, Палечека и артистов французской труппы: г-жи Делапорт и г. Дюпюи. Билеты по 10, 5, 3, 2 и 1 руб. можно получить в книжных магазинах Черкесова, "Русской книжной торговли", в музыкальном магазине Бесселя и у швейцара собрания» (*СПб Вед*, 1871, 25 февраля (9 марта), № 56). М-ль Ловато — возможно, мистификация Тургенева, так как в объявлении такой фамилии нет. Вспоминая сообщение о выступлении П. Виардо в Брайтоне в феврале 1871 г. (см. письма 2868, примеч. 4, и 2882), неудачу которого певица связывала, очевидно, с невыгодной для себя обязанностью петь вместе со второстепенными исполнителями, Тургенев аналогичным образом оценивает общий уровень участников предстоящего утренника.

[2] Имеются в виду портреты Тургенева, выполненные Н.Н. Ге и К.Е. Маковским (см. письмо 2885, примеч. 4 и 5).

[3] Очевидно, речь идет о фотографиях, сделанных К.И. Бергамаско (см.: *ПД, Описание*). См. также письмо 2891, примеч. 9.

[4] В Спасское Тургенев не поехал.

[5] Тереза — псевдоним кафешантанной певицы Эммы Валадон. См. о ней: наст. изд., Письма, т. 6, по указателю. Неправильным написанием слова ("agriable" вместо "agréable") Тургенев подчеркивает ее вульгарное произношение.

[6] О каком "другом" литературно-политическом салоне идет речь, установить не удалось.

[7] Имеется в виду А.Н. Якоби, которая и пригласила Тургенева на этот утренник в неопубликованном письме от 21 февраля (5 марта) 1871 г. (сообщено А. Звигильским).

[8] Имеется в виду стихотворение Э. Манюэля (1823—1901), прочитанное впервые в Comédie Française 7 ноября н.ст. 1870 г.

[9] «И.С. Тургенева встретили при входе его в залу крики и рукоплескания, не умолкавшие несколько минут. То же повторилось перед чтением рассказа из "Записок охотника". Автор выбрал "Бурмистра" и прочел его мастерски, спокойно, с тонкими оттенками выражения, юмором и силой...» (*СПб Вед*, 1871, № 60, 1 (13) марта).

[10] П. Виардо выступала в концерте в Ливерпуле 7 марта н.ст. 1871 г. (см. письмо 2884, примеч. 2).

[11] См. письмо 2887, на котором писатель ошибочно проставил № 16.

2887. Полине Виардо (с. 39 и 320)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "à prendre" ("взять" — *франц.*). В оригинале вычеркнуты, очевидно П. Виардо, отрывки, касающиеся Луизы Эритт-Виардо и концерта А.Г. Рубинштейна, которые не вошли в текст первой публикации. Номер письма проставлен ошибочно, вместо № 15.

Впервые опубликовано во французском оригинале как вторая часть письма 2886 (с указанными купюрами и неточностями): Revue Bleue, 1906, № 19, 10 novembre, p. 585; перепечатано в том же виде — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 31—32; в русском переводе (не полностью и с искажениями

текста) — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 369—370. Полностью во французском оригинале (с некоторыми неточностями) опубликовано: *Т, Quelques lettres*, p. 183—185.

[1] В оригинале ошибочно проставлен № 15, вместо положенного № 14 (см. письмо 2886).

[2] См. № 2882 и примеч. 5 к нему и письмо 2886, примеч. 1.

[3] В концерте Русского музыкального общества, состоявшемся в субботу, 27 февраля ст.ст., в зале Дворянского собрания, исполнялись увертюра, антракт к III действию и песни Вальтера из оперы Вагнера "Нюрнбергские мейстерзингеры" (1868), а также Вторая симфония Бетховена (1802), "Новеллета" для виолончели Шумана (1838), "Кампанелла" Листа и увертюра Мейербера к трагедии его брата Михаила Беера "Струэнзе". См.: Ф и н д е й з е н Н. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества. СПб., 1909, приложения. С. 12; *СПб Вед*, 1871, 26 февраля (10 марта), № 57.

[4] Имеется в виду актер Александринского театра В.В. Самойлов.

[5] А.Г. Рубинштейн.

[6] Об открытии литературно-художественного кружка см.: письмо 2893, примеч. 1.

[7] Жена А.Г. Рубинштейна — Вера Александровна (урожд. Чекуанова) — ученица П. Виардо. Их сын — Я.А. Рубинштейн, которому было в это время только пять лет, был музыкально одаренным ребенком.

[8] Тексты романсов из нового альбома. См. письмо 2879, примеч. 5.

[9] Имеется в виду первая строфа стихотворения Мёрике "Садовник", где княжна скакала на белой лошади; в переводе на русский язык начало стихотворения звучало так: "Верхом на лошадке, /Как сталь вороной..." (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 302). О работе Тургенева над переводом стихотворения Мёрике см.: Е г у н о в А.Н. Тургенев и Э. Мёрике // *Орл сб*, 1960, с. 235—236; З а б о р о в а Р.Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871 г.) // *Т.сб*, вып. 2, с. 178—181.

[10] Брат А.Г. Рубинштейна — Н.Г. Рубинштейн.

[11] О концерте, на котором присутствовал Тургенев, сведений обнаружить не удалось.

[12] О ком идет речь, неизвестно. Возможно, это был З.Н. Мухортов, с которым впоследствии Тургенев договорился об аренде Тапков (см. письма к Н.А. Кишинскому от 7 (19) ноября 1872 г. и от 11 (23) декабря 1874 г.).

[13] По этому адресу жила в Лондоне семья Виардо.

[14] Письмо Дж. Льюиса к Тургеневу неизвестно. В Лондоне П. Виардо устраивала музыкальные собрания по субботам, где выступали ее ученицы и она сама.

2888. Н.А. Кишинскому (с. 41)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 27.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 32.

2889. В.П. Безобразову (с. 41)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 37.
Впервые опубликовано: Центрархив, Документы, с. 69.
Датируется на основании следующих соображений: вторник приходился на 2 марта ст.ст. в 1871 г.; именно в этом году Тургенев, приехав

13(25) февраля в Россию, остановился в Петербурге в гостинице Демута, № 7 и в марте того же года выехал из Петербурга в Москву — только не в пятницу, 5(17) марта, как предположительно сообщал Безобразову в данном письме и П. Виардо в письме от 26, 27 февраля (10, 11 марта) 1871 г. (№ 2886), а в воскресенье 7(19) марта.

2890. П.В. Васильеву (с. 41)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 15.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 305—306.

Датировка письма имеет следующие основания: 1) по адресу, указанному в письме, Тургенев жил во время своего пребывания в Петербурге между 13(25) февраля и 7(19) марта 1871 г.; 2) репетиции оперы А.Н. Серова "Вражья сила", упоминаемой в письме, начались с 17 февраля ст.ст. 1871 г. (см.: Петербургская газета, 1871, 28 февраля ст.ст., № 29, отдел "Театр и музыка"); 3) в период между 13(25) февраля и 7(19) марта среды приходились на 17 февраля (1 марта), 24 февраля (8 марта), 3(15) марта.

[1] Опера А.Н. Серова "Вражья сила" была закончена после смерти композитора (в январе 1871 г.) Н.Ф. Соловьевым и В.С. Серовой и поставлена на сцене Мариинского театра 19 апреля ст.ст. 1871 г. Посещение Тургеневым репетиции оперы было связано с его довольно устойчивым интересом к творчеству Серова. Познакомившись в январе 1864 г. с первыми двумя операми композитора — "Юдифью" и "Рогнедой" (последнюю он слушал в отрывках в исполнении самого Серова), — Тургенев пришел к выводу: "Этот Серов — великий колорист и мастерски владеет оркестром" (наст. изд., Письма, т. 5, с. 247). "Юдифь" и "Рогнеда" были предметом беседы Тургенева и Серова во время их встречи в Баден-Бадене в августе того же года (см.: С е р о в а В.С. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович: Воспоминания. СПб., 1914. С. 61). Об интересе Тургенева к третьей, последней, опере Серова свидетельствует также письмо к П.В. Анненкову от 23 апреля (5 мая) 1871 г. (№ 2940).

[2] Будучи прекрасным комическим актером, Васильев обладал и незаурядным трагическим талантом. По свидетельству многих современников, он мечтал о роли Гамлета и превосходно читал его монологи (см.: А в⟨еркиев⟩ Дм. ⟨В.⟩ Русский театр в Петербурге: Павел Васильевич Васильев // Эпоха, 1864, № 10, отдел X, с. 7; Г н е д и ч П. Из моей записной книжки: Павел Васильев // Театр и искусство, 1913, № 33, 18 августа, с. 651; Ф е д о р о в Мих. На кладбище русской сцены: Воспоминания и заметки. П.В. Васильев // *Н Вр*, 1879, № 1122, 5(17) апреля).

2891. Полине Виардо (с. 42 и 321)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 35.

Впервые опубликовано: во французском оригинале (факсимиле последней страницы письма) — Revue Bleue, 1911, № 25, 11 juin, p. 7; в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 193—195. Полностью во французском оригинале опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 34—36 и 371—372.

[1] В Спасское Тургенев не поехал. В Лондон он приехал 26 марта (7 апреля).

[2] Управляющий — Н.А. Кишинский. Его письма, о которых говорит Тургенев, неизвестны.

[3] См. письмо 2887, примеч. 12.

[4] См. письмо 2893, примеч. 1.

[5] О концертах П. Виардо в Ливерпуле и Манчестере см. письмо 2884, примеч. 2.

[6] Речь идет о единственном стихотворении Г. Гейне, переведенном Тургеневым для сборника романсов П. Виардо под названием "Что за погода злая" (см. письмо 2880, примеч. 5). В альбоме конец последней строфы:

Пушистые кудри мягко
Ложатся на розовый лик.

В печатный вариант перевода также были внесены существенные изменения. О работе Тургенева над переводом см.: З а б о р о в а Р.Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871 г.) // *Т сб*, вып. 2, с. 176—177. См. также: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 304 и 651.

[7] Луиза Виардо-Эритт, которая находилась в это время в Петербурге, помогала Тургеневу готовить к печати тексты романсов для альбома П. Виардо 1871 г. (см. письма 2897 и 2909).

[8] Речь идет о переводе Тургеневым стихотворения Мёрике "Agnes" (1831). О работе Тургенева над переводом и изменениях, внесенных в текст стихотворения, см.: Е г у н о в А.Н. Тургенев и Э. Мёрике // *Орл сб*, 1960, с. 236—237; З а б о р о в а Р.Б. Указ. соч. С. 177—178. Иногда Тургенев называл это стихотворение "Rosenzeit" (ср. начальную строку: "Rosenzeit, wie schnell vorbei...").

[9] Возможно, П. Виардо была послана фотография, сделанная К.И. Бергамаско. В *ПД, Описание* № 482 а также № 484 датированы ошибочно: 1874 г. Ср. фото с дарственной надписью Пете Борисову, с датой 1871 г. (*Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, фронтиспис) с № 482 в *ПД, Описание*, что позволяет уточнить датировку. Такая же фотография могла быть послана П. Виардо. Не исключено, что Тургенев послал профильный портрет (см. фронтиспис наст. тома), который в *ПД, Описание* датируется условно 1871 годом (с. 68—69) или 1870 годом (см. иллюстрации, № 473). "Лично Тургенев ставил выше всего кабинетный портрет Бергамаско. Он, правда, очень удачен и имеет огромное сходство, но в нем есть и огромный недостаток: он профильный" (Г н е д и ч П.П. Портреты Тургенева // *Н Вр*, 1883, № 2692, 27 авг.). П. Виардо обратила внимание на прядь, спадающую на лоб (см. письмо № 2902).

2892. Н.А. Кишинскому (с. 44)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 28.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т.IX, с. 37.

2893. В.В. Стасову (с. 44)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 738, № 223, л. 1. На подлиннике помета Стасова: "1871".

Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 163.

[1] Речь идет о собрании литераторов, художников и музыкантов. По словам Стасова, "это была затея Рубинштейна, вознамерившегося устроить в Петербурге нечто вроде художественного клуба" (*Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 151). В качестве одного из организаторов А.Г. Рубинштейн

привлек Тургенева. Для выработки проекта устава была избрана комиссия в составе писателей П.В. Анненкова и П.Д. Боборыкина, композиторов А.Г. Рубинштейна и М.А. Балакирева, актеров В.В. Самойлова и В.И. Васильева 1-го, живописцев М.А. Зичи и Н.Н. Ге. После двух собраний деятельность кружка прекратилась, по объяснению Рубинштейна, из-за противодействия властей. Петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов заявил ему: "Мы знаем и следим. О последствиях и наших мерах узнаете". "Так и похоронили, — добавляет Рубинштейн. — Время было ужасное" (Б а р е н б о й м Л. Антон Григорьевич Рубинштейн. Л., 1962. Т. 2. С. 452). См. также: *СПб Вед*, 1871, № 65 и 73, 6(18) и 14(26) марта. Ср. письмо 2897.

2894. А.И. Урусову (с. 45)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 311, папка 16, № 57.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 220, с предположительной датировкой — 1871 г. (в той же книге, в разделе "Описание автографов И.С. Тургенева", с. 210, письмо ошибочно датировано 19 марта 1871 г.).

Датируется по сопоставлению с письмом 2889. Письмо к Урусову отправлено из того же номера гостиницы Демут, в нем также говорится об отъезде и точно указывается срок — "послезавтра". Тургенев действительно выехал в Москву 7(19) марта 1871 г., в воскресенье; пятница же приходилась на 5(17) марта 1871 г.

2895. А.Ф. Онегину (с. 45)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 29352, л. 57.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т.IX, с. 38.

Датируется по следующим соображениям: в феврале—марте 1871 г. Тургенев жил в гостинице Демута, № 7. Отправляясь в Россию, он просил близких писать ему на адрес П.В. Анненкова — Итальянская улица, дом Овсянникова (см. письмо 2862). Между тем Онегин послал несколько писем на гостиницу Клея, в которой Тургенев останавливался во время предыдущего своего приезда в Петербург, в мае 1870 г. Датировку письма 1871 г. подтверждает также содержащееся в тексте упоминание об эпидемии холеры в Петербурге (ср. письмо 2897). Помета "суббота" в сочетании с упоминанием о назначенном на следующий день отъезде позволяет уточнить дату написания письма — 6(18) марта 1871 г.

2896. Е.М. Феоктистову (с. 46)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 28—29.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 39.

[1] Галичанами официально именовалось украинское население Галиции.

[2] Под Славянской педагогической семинарией Тургенев подразумевает Славянский учительский институт, учрежденный в 1868 г. и находившийся в то время под начальством А.И. Георгиевского (см.: Г е о р г и е в с к и й А.И. Памяти графа Д.А. Толстого // *Рус Вестн*, 1889, № 7, с. 261).

2897. Полине Виардо (с. 46 и 323)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц*.).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 195—196; во французском оригинале (с небольшими неточностями) — *T, Lettres inéd*, p. 174—175.

[1] О вспыхнувшей в Петербурге эпидемии холеры А.В. Никитенко писал: "Две враждебные силы атакуют Петербург: эпидемическая оспа и эпидемическая холера... Первою жертвою ее был сын принца Ольденбургского, а там пошла она косить. Да такая свирепая — в три, в четыре часа кончает дело смерти, точно пруссак, в шесть месяцев разгромивший Францию" (*Никитенко*, т. 3, с. 200, запись 8 марта 1871 г.).

[2] Речь идет о переводах на русский язык Тургеневым текстов для альбома романсов П. Виардо (см. письмо 2879, примеч. 5), в подготовке которого к печати принимала участие и дочь П. Виардо Луиза.

[3] См. примеч. 1 к письму 2893.

[4] Тургенев имеет в виду одну из трех публичных лекций Ореста Миллера на тему "Об общественных типах в повестях И.С. Тургенева", напечатанных в журнале "Беседа" (1871, № 10—12).

[5] В начале 1871 г. И.М. Сеченов прочел цикл популярных лекций по физиологии в клубе художников. Очевидно, Тургенев присутствовал на одной из них.

2898. Полине Виардо (с. 48 и 324)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц*.).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с небольшими неточностями) — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 196—198; во французском оригинале (с небольшими неточностями) — *T, Lettres inéd*, p. 176—177).

Номер письма проставлен Тургеневым ошибочно, вместо "19" (см. письмо 2897).

[1] См. письмо 2897 и примеч. 1 к нему. Возможно, Тургенев вспоминает заглавие драмы Вильсона "The city of the Plague" ("Город чумы"), к которой восходит "маленькая трагедия" Пушкина "Пир во время чумы".

[2] Это письмо Л. Виардо и письмо детей к Тургеневу неизвестны, однако в другом, дошедшем до нас письме от 29 марта 1871 г, Луи Виардо упоминал о содержании своего предыдущего письма, которое Тургенев должен был получить по приезде в Москву. В нем он, в частности, предсказывал, что за войной с Пруссией последует война гражданская (см.: *T, Nouv corr. inéd*, t. 2, p. 117, русский перевод — *Т в восп совр, Переписка*, с. 534).

[3] Н.А. Кишинский привез Тургеневу 2 письма П. Виардо, которые не дошли до нас (см. письмо 2902).

[4] И.П. Борисов умер от чахотки во второй половине мая 1871 г. О его последних днях см.: *Фет*, ч. 2, с. 226—230).

[5] Н.А. Милютин был парализован после удара, случившегося с ним в конце ноября 1866 г. Об отношении Тургенева к Милютину см. воспоминания В. Икскюль-Финкель: *Т в восп совр*, М., 1969, т. 1, с. 89—92. Сведе-

ния о болезни Милютина содержатся в воспоминаниях Ф.И. Тимирязева в кн.: На кончину Н.А. Милютина. М., 1872. С. 60—66.

[6] См. письмо 2882, примеч. 1.

[7] Речь идет о событиях Парижской Коммуны. 6(18) марта Центральный комитет национальной гвардии, при поддержке широких слоев трудящихся, узнав о готовящемся выводе войск из Парижа в Версаль, где обосновалось правительство Тьера, принял решение захватить Ратушу и взять власть. В районе Монмартра находились пушки, которые были перенесены сюда из опасения, что они будут захвачены прусской армией, которая вступила в Париж 1 марта, согласно договору, подписанному в Версале Тьером. Попытка правительства разоружить национальную гвардию и рабочих не удалась, орудия остались на Монмартре. Генерал Клеман Тома, задержанный восставшими по подозрению в шпионаже, был расстрелян вместе с генералом Леконтом, давшим приказ стрелять в народ.

[8] Г. Мюллер-Штрюбинг, с которым Тургенев встречался зимой 1870-1871 г. Сопоставляя события во Франции с мексиканскими делами, он имел в виду гражданскую войну, которая была развязана в Мексике из-за вмешательства европейских государств, и прежде всего правительства Наполеона III. В 1862 г. Наполеон III организовал военную экспедицию, свергнув законное демократическое правительство Хуареца и восстановив в Мексике монархию во главе со ставленником империи австрийским эрцгерцогом Максимилианом. В феврале 1867 г. в Мексике вспыхнуло восстание, и Максимилиан был расстрелян повстанцами.

2899. Н.А. Кишинскому (с. 50)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 29.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 44.

[1] Письмо Кишинского неизвестно. Речь идет об имении Тургенева при селе Тапки Малоархангельского уезда Орловской губернии; кого подразумевает Тургенев в качестве арендатора — не установлено. См. письмо 2887, примеч. 12.

2900. П.В. Анненкову (с. 50)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 7.
Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, № 3, с. 7—8.

[1] О свидании с И.П. Борисовым см. письмо 2898.

[2] М.М. Антокольский в это время жил в Петербурге. Друзей беспокоило состояние его здоровья.

2901. Полине Виардо (с. 51 и 325)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 199—200; во французском оригинале — *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 186-187.

[1] Очевидно, Тургенев имеет в виду встречи в славянофильски настроенных литературных кругах. См. письмо 2904 и примеч. 4 к нему.

[2] См. письмо 2898, примеч. 4.

[3] Возможно, имеется в виду письмо к Н.А. Кишинскому от 8(20) марта (№ 2899). Письма, которые Кишинский должен был привезти из Спасского, — от П. Виардо — до нас не дошли (см. письмо 2902).

[4] И.К. Ламберт, оправившись от холеры, умер позднее — в 1879 г.

[5] Речь идет о недавней франко-прусской войне и только что разразившихся событиях Парижской Коммуны. См. письма 2898 и 2903. О надвигающейся гражданской войне, которая сменит войну с внешним врагом, писал Тургеневу Луи Виардо в не дошедшем до нас письме, полученном Тургеневым в Москве (см. № 2898, примеч. 2). О содержании этого письма Луи Виардо вспоминал в письме от 29 марта н.ст. 1871 г. (см.: *Т в восп совр*, *Переписка*, с. 534; см. также: *Т, Nouv corr inéd*, t. 2, p. 117).

2902. Полине Виардо (с. 52 и 326)

Печатается во фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с незначительными пропусками) — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 199—200; во французском оригинале — *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 187—189.

[1] См. примеч. 2 к письму 2884. Эти письма П. Виардо неизвестны.

[2] Очевидно, Тургенев хотел написать 17(29) марта, которые выпадало на среду, в действительности он выехал из Москвы 21 марта (2 апреля) 1871 г.

[3] На самом деле Тургенев поехал через Петербург (см. письмо 2915).

[4] В Лондон Тургенев прибыл 26 марта (7 апреля).

[5] Об альбоме романсов П. Виардо, вышедшем в 1871 г., см. письмо 2879 и примеч. 5 к нему.

[6] Источник цитаты не установлен. В статье "Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре" Тургенев упомянул о том, что героине оперетты нужна "простая хижина и любящее сердце" (наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 296), однако среди дошедших до нас вариантов, редакций и подготовительных материалов оперетты этих слов нет. См.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 44—117, 456—485, а также: Ž e k u l i n Nicholas G. The story of an operetta: "Le Dernier Sorcier" by Pauline Viardot and Ivan Turgenev // Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Band 15, 1989. Verlag Otto Sagner. München. P. 116—147.

[7] История Луизы — очевидно, ее семейные неурядицы, доставившие много огорчений семье (см. письмо 2876 и примеч. 3 к нему). Размышляя о причинах, побудивших Луизу оставить мужа, Полина Виардо писала: "Болезнь, болезнь! Вот истинная, единственная причина этого несчастья" (письмо к Луи Виардо от 28 февр. н.ст. 1867 г. // *Cahiers*, 1991, № 15. P. 110). Обнаруженные недавно в регистрационной книге одной из баденских аптек сведения об отпуске Луизе Виардо в 1862 г. большой дозы кокаина, дали основания исследователям считать причиной болезни чрезмерное употребление наркотиков (ibid., p. 120—121). При встрече Тургенев, возможно, говорил о возвращении Луизы в семью.

[8] О фотографии Тургенева см. письмо 2891, примеч. 9.

[9] Возможно, П. Виардо спрашивала, не заказал ли Тургенев копии с двух портретов, которые были написаны Н.Н. Ге и К.Е. Маковским во

время его пребывания в Петербурге. Не исключено, что имелся в виду и портрет, написанный во время его пребывания в Москве В.Г. Перовым (см. письмо 2885, примеч. 1 и 3).

[10] Письмо Тургенева, адресованное Клоди и Марианне Виардо, неизвестно.

[11] К 10 апреля Тургенев намеревался приехать в Лондон.

2903. Полине Виардо (с. 54 и 327)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с небольшими пропусками) — *Совр Мир*, 1912, № 3, с. 200—202; во французском оригинале — *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 189—191.

[1] Речь идет о событиях Парижской коммуны (см. письмо 2898, примеч. 7). В письме к Тургеневу от 29 марта н.ст. 1871 г. Луи Виардо писал: "На сей день мы ввергнуты более, чем в гражданскую войну ⟨...⟩ наша война *социальная*. После Катилины Спартак становится хозяином Рима". Оценивая происходящее с точки зрения сторонника буржуазной республики, он высказывал опасения, что эта долго вызревавшая в недрах империи "*социальная Революция*" восторжествует: "Сегодня пролетариат бунтует против привилегий буржуазии (теперь если не против происхождения, то против богатства). Пролетарии собираются и организуются; они осознают себя многочисленнее и сильнее, они уверены, что победят и в уличных и в избирательных боях" (*T, Nouv corr. inéd*, t. 2, p. 117, в русском переводе см.: *T. в восп совр, Переписка*, с. 534—535).

[2] Цитата из эпода VII Горация, первая строка.

[3] На знамени Великой французской революции были начертаны слова: "Свобода, равенство, братство".

[4] Жестоко подавленное буржуазным Временным правительством восстание рабочих в Париже 23—26 июня н.ст. 1848 г., свидетелем которого был Тургенев. Впечатления писателя отразились в его очерке "Наши послали!" (цикл "Литературные и житейские воспоминания"), а также в очерке "Человек в серых очках", вошедшем в тот же цикл (наст. изд., Сочинения, т. 11). См. также записи в дневнике П.А. Васильчикова, сохранившие рассказы Тургенева об увиденном им в революционном Париже (*Лит Насл*, т. 76, с. 351—356).

[5] Участь Польши — распадение государства и захват страны другими государствами (Россией, Пруссией и Австрией, по трем "разделам" — 1772, 1793 и 1795 гг.). Участь Мексики — непрерывные перевороты и гражданские войны (см. письмо 2898, примеч. 8). Несомненно, что в памяти Тургенева были свежи воспоминания о Польском восстании 1863—1864 гг.

[6] Одним из условий подписанного 26 февраля н.ст. 1871 г. договора о перемирии была уплата Францией громадной по тому времени суммы в пять миллиардов франков в качестве контрибуции. До выплаты контрибуции германские войска оккупировали часть французской территории. Для своевременной уплаты контрибуции Тьер провел два займа, которые были покрыты с большим превышением.

[7] Письмо Луи Виардо к Тургеневу, о котором идет речь, как и ответное письмо Тургенева неизвестны, однако в дошедшем до нас письме Луи

Виардо соглашался с доводами Тургенева о помещении денег, предназначенных для приданого Клоди, за границей, т.е. не во Франции (см.: *T, Nouv corr inéd*, t. 2, p. 118).

[8] Тургенев выполнил свое обещание, данное когда-то Луи Виардо, составить приданое для Клоди Виардо в размере 100 000 франков.

[9] В дошедшем до нас письме Л. Виардо объяснил, почему он так настойчиво просил Тургенева заехать в Баден-Баден по пути из Берлина в Лондон: "Поскольку столь же невозможно предвидеть события, как и управлять ими, кто знает, не придется ли нам в один прекрасный день искать убежища в Баден-Бадене, где мы больше и не думали жить?" (*T, Nouv corr inéd*, t. 2, p. 118). Выполнил ли Тургенев просьбу Л. Виардо, неизвестно.

[10] Это письмо Тургенева к Клоди и Марианне Виардо неизвестно.

2904. С.К. Кавелиной (с. 56)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Мысль*, 1897, № 6, с. 20—21. Подлинник неизвестен.

Стр. 56. "туда, где не цветут лимоны" (*нем.*)
Стр. 56. "что отсрочено, то еще не отменено" (*франц.*).

[1] Перефразировка первого стиха песенки Миньоны из третьей части роман Гете "Годы учения Вильгельма Мейстера":
Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen?

[2] Тургенев 15 марта ст.ст. 1871 г. читал рассказ "Бурмистр" на литературном утре в малом зале Благородного собрания в Москве.

[3] Чтение для гарибальдийцев состоялось в Петербурге 27 февраля (11 марта) 1871 г.; см. письмо 2886 и примеч. 8 к нему.

[4] Подчеркнутое упоминание в письме о "славянской ворвани", "славянах", "славянщине" объясняется прежде всего нелюбовью как самого Тургенева, так и его корреспондентки к славянофильству и всевозможным славянофильским предприятиям. Приезд Тургенева в Москву совпал с рядом событий, связанных с австрийскими славянами (деятельность львовского депутата парламента доктора Смолки, конференция чешских парламентских фракций и пр., — см.: *СПб Вед*, 1871, №№ 59, 63, 64 и др.); события эти привлекали к себе пристальное внимание славянофильской общественности и, очевидно, обсуждались в присутствии Тургенева.

2905. Полине Виардо (с. 57 и 329)

Печатается по факсимиле журнальной публикации письма, осуществленной П. Уоддингтоном: Times Literary Supplement, 1 january 1970. Подлинник хранится в муниципальной библиотеке Прованса (Сена-и-Марна) (Франция).

Перепечатано: *T, Quelques lettres*, p. 221-222.

[1] Сведений о первом чтении обнаружить не удалось. Второе чтение состоялось в малом зале Благородного собрания (на ул. Большой Димитровской).

[2] Тургенев читал свой рассказ "Бурмистр".

[3] П. Виардо устраивала по субботам в Лондоне музыкальные утренники подобные тем, что были в Баден-Бадене.

[4] Цитата из "Записок сумасшедшего" Н.В. Гоголя.

[5] См. письмо 2903 и примеч. 8 к нему.

[6] И.П. Борисов умер во второй половине мая 1871 г.

[7] А.Н. Серов, в дом которого была вхожа жившая тогда в Петербурге Луиза Виардо, скончался в феврале 1871 г. Его последняя опера "Вражья сила" (начата в 1867 г.) осталась неоконченной и была завершена его женой В.С. Серовой и Н. Соловьевым в том же 1871 г. Подчеркнутое Тургеневым слово "complétion" отсутствует во французском языке — писатель образовал его от глагола "compléter" (пополнять, дополнять).

2906. Е.Н. Васильевой (с. 58)

Печатается по подлиннику: Гос. театральная библиотека им. А.В. Луначарского. Р. 1/1320, Альбом Н.С. Васильевой, л. 2.

Впервые опубликовано: Петербургский дневник театрала, 1904, № 16, 18 апреля, с. 7, с незначительным пропуском. Перепечатано: П л е щ е е в А.А. Что вспомнилось. СПб., 1914. Т. 3. С. 257—258.

[1] Это письмо является разрешением на первую постановку пьесы "Месяц в деревне" (см. письмо 3099). Тургенев, считавший пьесу несценичной (что отмечалось им еще во вводном "замечании" к ее журнальной публикации в "Современнике"), дал согласие на ее постановку после больших колебаний, сомневаясь в ее успехе. Опасения Тургенева оправдались. Пьеса успеха не имела; постановка получила отрицательную оценку в печати. "Пьеса, прелестная в чтении, на сцене показалась крайне натянутою, длинною и скучною", — писали "Русские ведомости" (1872, № 13, 18 янв.). Отрицательно оценил рецензент также игру Е.Н. Васильевой (Наталья Петровна), упрекая ее за неудачный выбор роли, не соответствующей возрасту актрисы.

2907. Е.А. Лавровской (с. 58)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 2, № 11, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 53.

[1] Это письмо является, по всей вероятности, ответом на приглашение на сольный концерт в Большой театр в среду, 17 марта ст.ст. 1871 г., посланное Тургеневу Лавровской, приехавшей в это время из Петербурга в Москву на гастроли от Мариинского театра (см.: *Моск Вед*, 1871, № 58, 17 марта). Тургенев и ранее высоко ценил талант Лавровской, особенно исполнение ею романсов П. Виардо (см.: наст. изд., Письма, т. 9, № 2423).

2908. П.В. Анненкову (с. 59)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3. с. 8—9.

[1] Письмо Анненкова в настоящее время неизвестно.

[2] Речь идет о московском журнале "Беседа", издававшемся в 1871—1872 гг. на средства А.И. Кошелева под редакцией С.А. Юрьева. Упоминание о "провале" журнала имеет в виду небольшое количество подписчиков. Об отношении Тургенева к этому журналу см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2726.

[3] Ф.М. Решетников скончался 9 марта ст.ст. 1871 г. О положении, в котором оказалась семья писателя, можно судить по прошению его вдовы, С.С. Решетниковой, от 22 марта ст.ст. 1871 г. в Комитет Литературно-

го фонда: "Покойный муж мой, Федор Михайлович Решетников, писатель, известный в русской литературе своими романами и очерками из народного быта, умер, оставив после себя на моих руках двух малолетних детей, и после его смерти у меня нет никаких средств для воспитания детей. Поэтому, основываясь на литературных заслугах покойного, осмеливаюсь обратиться к Обществу литературного фонда с покорнейшей просьбой о назначении постоянного пособия для воспитания вышеозначенных детей, какое только Обществу будет благоугодно назначить на помощь бедному семейству умершего литературного деятеля" (*ИРЛИ*, ф. 155, 1871 г., приложения, л. 562).

[4] См. примеч. 2 к письму 2904.

[5] См. письма 2898 и примеч. 7 к нему, 2901 и примеч. 5, 2903 и примеч. 1 к нему.

[6] Первый (овальный) портрет Тургенева работы В.Г. Перова 1871 г. (см. Каталог выставки к столетию со дня рождения В.Г. Перова // В.Г. П е р о в. М., 1934. С. 97. № 54). В настоящее время местонахождение портрета неизвестно (см.: Очерки по истории русского портрета второй половины XIX в. М., 1963. С. 383). См. письмо 2885, примеч. 1, 3.

[7] Возможно, что Анненков прислал Тургеневу из Петербурга его фотографии работы К.И. Бергамаско (ср. в письме 2891, примеч. 9).

2909. П.В. Анненкову (с. 60)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 11—12.
Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 9—10.

Стр. 60. невинная хитрость (*франц*.)
Стр.60. с распростертыми объятиями (*франц*.)

[1] Тургенев выехал за границу через Петербург.
[2] См. примеч. 5 к письму 2879.
[3] Речь идет о повести "Вешние воды".
[4] См. письмо 2922.

2910. Н.А. Кишинскому (с. 61)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 30—31. На подлиннике карандашная помета неизвестной рукой: "Аксенов".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 56—57.

[1] Имение Тургенева при хуторе Кадном Ефремовского уезда Тульской губернии.

2911. Н.А. Кишинскому (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 32.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 58.

[1] На обороте письма — расписка "временно обязанного" крестьянина села Сычево Мценского уезда Ивана Федосеева Градова в получении от Н.А. Кишинского 375 рублей "для доставления г. Тургеневу", Николаю Сергеевичу (см. письмо 2914).

2912. М.А. Милютиной (с. 63)

Печатается по фотокопии: *ЦГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в Библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус лит арх*, с. 115.

Датируется по времени пребывания Тургенева в Москве — с 8(20) марта по 21 марта (2 апреля) — и по связи настоящего письма со следующим его письмом к М.А. Милютиной от 2(14) апреля 1871 г., из Лондона (№ 2925).

[1] Милютиной принадлежит ряд литературно-художественных произведений, не увидевших печати (см.: наст. изд., Письма, т. 8, примеч. 1 к письму 2227). Возможно, она посылала Тургеневу для прочтения свою комедию "Старая церковь", черновик которой сохранился в архиве Милютиных (*ЦГИАЛ*, ф. 869, оп. 1, № 1131). Тургенев, по-видимому, не успел прочесть эту пьесу в Москве и выслал ее Милютиной по почте из Петербурга (см. письма 2919 и 2925).

[2] Речь идет о портрете В.Г. Перова (см. письма 2885, примеч. 4 и 5 и 2908, примеч. 6).

2913. Н.С. Тургеневу (с. 63)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 66.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 59.

По-видимому, записка написана во время пребывания Тургенева в Москве. В записке указан день отъезда — воскресенье. В воскресенье Тургенев уезжал из Москвы в 1868, 1870, 1871 гг. Однако в 1868 г. в день отъезда Тургенева, 6(18) июля, его брат был за границей (см.: наст. изд., Письма, т. 9, № 2423). Маловероятно, чтобы записка была написана 27 июня (9 июля) 1870 г., накануне отъезда Тургенева из Москвы в 1870 г., хотя Н.С. Тургенев и находился там в это время: характер записки позволяет предположить некоторый период общения, предшествующий ее написанию, а Тургенев в 1870 г. был в Москве проездом лишь 27 июня и часть дня 28 июня ст.ст. (см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2567). Таким образом, вероятнее всего, записка написана перед отъездом Тургенева из Москвы в 1871 г., в субботу, 20 марта (1 апреля).

2914. Н.А. Кишинскому (с. 63)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 33.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 59–60.

[1] Письмо З.Н. Мухортова к Н.Ф. Кутлеру неизвестно.

[2] См. письмо 2911.

2915. И.И. Маслову (с. 64)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 34.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 188.

[1] Супругам Брюэр нужны были деньги для возобновления аренды стекольной фабрики.

[2] Речь идет о продаже имения Кадное (см. письмо 2910). Оно было продано лишь в 1881 г. (см. письмо Тургенева к Н.А. Щепкину от 6(18) января 1882 г.).

2916. Полине Брюэр (с. 64 и 330)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 188 — 189.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 318—319. Перепечатано: *Séménoff*, p. 216—217.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Тургенев поручил И.И. Маслову продажу имения Кадное (см. письма 2910 и 2915).

2917. Н.А. Кишинскому (с. 65)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 34. На подлиннике пометы Кишинского: "Полу⟨ч⟩. 5 апреля", "Отвеч. 7 апре⟨ля⟩", "Высл. 2000 р.", "Отв. 8 апрел⟨ля⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 62.

2918. Полине Виардо (с. 66 и 330)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 191 — 193.

Год написания письма определяется по соответствию числа дню недели, что подтверждается контекстом.

[1] П. Виардо была приглашена вместе с дочерьми Аделаидой Сарторис (урожд. Кембл), певицей и писательницей, в ее имение Уорсэш, расположенное на побережье.

[2] На Девонширской площади, 30, в Лондоне жили в это время Виардо.

[3] Очевидно, Тургенев имеет в виду Мануэля Гарсиа, Луи Виардо и Мюллера-Штрюбинга. Анабаптисты — религиозное движение, с которым связано действие оперы Мейербера "Пророк" (где П. Виардо с успехом исполняла главную роль).

[4] Возможно, речь идет о чтении (с музыкальным сопровождением) оперетты "Последний колдун" ("Кракамиш"), которое состоялось 11 февраля 1871 г. на одной из "суббот" П. Виардо в Лондоне в присутствии английских журналистов (см. № 2864).

[5] Указанное произведение Ж. Санд — "Journal d'un voyageur pendant la guerre de 1870" было опубликовано в "Revue des Deux Mondes" в номерах от 1 и 15 марта и от 1 апреля за 1871 г.

[6] "Письма путешественника" Жорж Санд были написаны в 1834 г.

[7] В связи с составлением приданого Клоди Виардо и финансовыми затруднениями своей дочери Тургенев просил своего друга Маслова принять участие в продаже Кадного (см. письма 2810 и 2815).

2919. П.В. Анненкову (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 13 — 14.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 10 — 11.

[1] Письмо М.А. Милютиной неизвестно. В "пакете" пересылалась ее пьеса (см. письмо 2912).

[2] Речь идет о Семененко (см. письмо 2909).

[3] Имеется в виду сборник романсов П. Виардо (см. примеч. 5 к письму 2879).

2920. Полине Брюэр (с. 68 и 331)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 190 – 191.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 63 – 64.

[1] Письмо 2916.

[2] Тургенев рассчитывал получить от дочери ответ на свое письмо от 24 марта (5 апреля) 1871 г., в котором он сообщил ей свой лондонский адрес (см. № 2916). Это ответное письмо было им получено 9(21) апреля 1871 г. (см. № 2928).

[3] См. письмо 2916.

2921. И.П. Борисову (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 443.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 189 – 191.

[1] Тяжело больной Борисов в апреле – мае 1871 г. поселился в Москве, на Тверской, в гостинице "Дрезден" (см.: *Фет*, ч. 2, с. 226).

[2] Тургенев имеет в виду события гражданской войны, начавшейся во Франции после провозглашения 6(18) марта 1871 г. Парижской Коммуны.

[3] См. письмо 2924.

2922. С.К. Кавелиной (с. 70)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Мысль*, 1897, № 6, с. 21 – 22. Подлинник неизвестен.

Стр. 71. отчего, как, когда (*лат.*).

[1] Заявление о справедливости целей нового правительства было сделано руководством Коммуны сразу же по приходе его к власти – в "Journal officiel" от 20 марта н.ст. 1871 г. Несколько позже, 18 апреля н.ст. 1871 г., в Париже было опубликовано обращение к крестьянству, в котором утверждалось, что революция 18 марта является "величайшим актом народной справедливости" (Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. М., 1959. Т. 1. С. 425).

[2] Ироническое сопоставление имен Тацита и М. Погодина связано с тем, что последний тоже был автором многотомных исторических сочинений. В 1871 г. вышла его трехтомная "Древняя русская история до монгольского ига".

[3] Речь идет об обращении Славянского благотворительного комитета в Москве к московскому купечеству с просьбой о поддержке русского храма в Праге (см.: Н и к и т и н С.А. Славянские комитеты в России в 1858 – 1876 годах. М., 1960. С. 73). В этой связи упоминается и Е.А. Черкасская, видная деятельница Славянского комитета.

2923. Н.И. Тургеневу (с. 72)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 622, карт. 1, № 36.
Впервые опубликовано: *Зап.* отд. рукописей ГБЛ, вып. 34. М., 1973, с. 206.

Стр. 72. наудачу (*франц.*).

[1] Это письмо Тургенева к Н.И. Тургеневу неизвестно. Речь идет о Д.А. Оболенском, товарище министра государственных имуществ, бывшем в приятельских отношениях с Тургеневым.

[2] Семья Н.И. Тургенева вернулась из Англии в Париж в начале марта 1871 г. (см.: С в е р б е е в Д.Н. Н.И. Тургенев // *Рус Арх*, 1871, № 11, с. 1982).

[3] Тургенев приехал из России в Лондон 26 марта (7 апреля) 1871 г.

[4] По-видимому, имеются в виду новости о русской жизни.

[5] Н.И. Тургенев писал Д.Н. Свербееву 2(14) июля 1871 г.: "Через 10 дней по нашему возвращению (в Париж. — *Ред.*) возникла междуусобная война. Беспрестанная пушечная пальба, особливо ночью, раздражала нервы. Под конец начались пожары. Наша улица особливо от них потерпела. Наш дом остался невредим. Как скоро можно было выехать из Парижа, мы переселились на дачу (*Рус Арх*, 1871, № 11, с. 1982—1983).

[6] Ответа на это письмо Тургенев не получил (см. письмо 2967).

2924. И.И. Маслову (с. 73)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 35.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 188—189.

[1] См. письмо 2921.

[2] См. примеч. 2 к письму 2915. Объявление о продаже имения Тургенева со ссылкой на И.И. Маслова в "Московских ведомостях" напечатано не было.

[3] Отклики буржуазной прессы на установление власти Коммуны в Париже были резко ей враждебны (см.: Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961. Т. 1. С. 387). О возможной победе Коммуны писал Тургеневу Луи Виардо (см. письмо 2903, примеч. 1), хотя он считал, что то, что происходит во Франции, "гораздо больше, чем война Парижа с провинцией и городов с деревней" (см.: *T. Nouv corr inéd*, t. 2, p. 117, а также: *Т в восп совр. Переписка*, с. 534).

2925. М.А. Милютиной (с. 73)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1884, № 1, с. 187—188. Вторично опубликовано: *Рус лит арх*, с. 116—118.

[1] Письмо Милютиной, о котором идет речь, неизвестно.

[2] Письмо Тургенева с отзывом о комедии Милютиной, а также записка в пакете неизвестны. Речь идет о той же пьесе, что и в письмах 2912 и 2927.

[3] Н.И. Тургенев в семьей в начале марта 1871 г. возвратился из Англии, где он прожил семь месяцев, во Францию. Во время Коммуны находился в Париже, затем в Вербуа (см.: Записки Д.Н. Свербеева. М., 1899. Т. 1. С. 493—495). Мысль о возможности "вербовки" его сыновей в "защитники Коммуны" могла возникнуть в связи с газетными сведениями о замене рекрутского набора в армию организацией национальной гвардии, а также сообщениями английских газет о том, что "теперешнее положение дел таково, что каждый пригодный человек обязан воевать на стороне Коммуны nollens vollens" (Daily News, 1871, 12 April, № 7785).

[4] Возможно, речь идет об А.И. Голицыной.

[5] На июль — август 1871 г. был намечен переезд Тургенева и семейства Виардо обратно во Францию.

[6] Тургенев работал в это время над повестью "Вешние воды" и очерком "Конец Чертопханова".

2926. Валентине Делессер (с. 75 и 332)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).

Впервые опубликовано: Les nouvelles littéraires, 1964, 31 décembre.

[1] С начала апреля 1871 г. реорганизованная армия версальцев активизировала свои действия против Коммуны. Наступление версальцев сопровождалось систематическим артиллерийским обстрелом революционного Парижа. Прусские войска вошли в Париж 1 марта н.ст. и покинули его 3 марта.

2927. П.В. Анненкову (с. 75)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 15—16.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 11.

[1] Фотографию скульптуры М.М. Антокольского Тургенев получил (см. письмо 3136). Тургенев хлопотал о поездке больного Антокольского в Рим (см. письма 2876, примеч. 9 и 2880, примеч. 3).

[2] Фамилию врача установить не удалось.

[3] Письмо Н.В. Успенского неизвестно.

[4] Н.В. Успенский обратился в Литературный фонд с письмом от 3 марта ст.ст. 1871 г. на имя П.В. Анненкова: "Обращаюсь к Вам как к члену Комитета общества для вспомоществования литераторам и ученым. Получая жалованье 30 рублей в месяц и не имея возможности свободно располагать временем для литературных занятий, покорнейше прошу Вас исходатайствовать мне единовременное пособие в 200 рублей, чтобы я мог, оставив службу, уехать в провинцию, где, по роду моей литературной деятельности, я с большей уверенностию имею возможность рассчитывать на успех моих работ" (*ИРЛИ*, ф. 155, 1871 г., приложения, л. 434).

[5] См. письмо 2925.

2928. Полине Брюэр (с. 76 и 332)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 192—193.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 73.

[1] Вероятно, имеются в виду несохранившиеся письма Полины Брюэр в ответ на письма Тургенева к ней от 24 марта (5 апреля) и 1(13) апреля (№№ 2916 и 2920).

[2] Деньги были отправлены только 13(25) апреля 1871 г. (см. письмо 2932).

[3] Тургенев имеет в виду и материальные затруднения в семье дочери, и трудности, которые испытывались всеми французами в связи с последствиями франко-прусской войны.

[4] Речь идет о хлопотах по продаже имения Тургенева Кадное (см. примеч. 2 к письму 2915).

[5] Тургенев увиделся с дочерью только в августе 1871 г.

[6] Английские буржуазные газеты, враждебно настроенные по отношению к Коммуне, изображали события в Париже как кровавый террор, как заговор против цивилизации. Находясь в Лондоне, Тургенев читал тенденциозные сообщения газет "Times", "Daily News", "Pall Mall Gazette". В газете "Daily News", например, изо дня в день помещались крупные заголовки тревожного характера: "В Париже царит террор", "Угрожающее положение в Париже", "Запрещение публичных собраний", "Ограблен собор Парижской богоматери", "Разрывы снарядов на улице" и т.д. (от 8 апреля, № 7782; от 10 апреля, № 7783, и др.).

2929. Н.А. Кишинскому (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 35—36. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 22 апр.".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 74.

[1] См. письмо 2928.

2930. Н.С. Тургеневу (с. 78)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 73—74. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол⟨учено⟩ 14-го апреля 1871. Москва. Отв⟨ечено⟩ 20 апр. / 2 мая 1871".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 335, с сокращениями.

[1] Письмо из Лондона — см. № 2921. Письмо из Берлина за 1871 г. не сохранилось.

[2] См. письма 2910, 2915 и др.

2931. П.В. Анненкову (с. 78)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 17—18.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 12—13.

[1] Строки из первой строфы оды Г.Р. Державина "Бог" (1784).

[2] Речь идет об исправленной опечатке в романсе "Садовник" (см. примеч. 5 к письму 2879), где вместо слов "Как сталь вороной" было набрано "Как степь вороной".

[3] Интерес Тургенева к "календарю военному" вызван его желанием получить сведения о генералах русской армии — немцах (см. письмо 2919).

[4] Имеется в виду посвящение Дезире Арто одного из романсов П. Виардо на слова Тургенева и последующая отмена этого посвящения Полиной Виардо.

[5] Речь идет о повести "Вешние воды".

[6] Слова, произносимые во время церковной службы при пострижении в монахи.

[7] Говоря об "окончательном разорении" Виардо, Тургенев имел в виду возможную реквизицию их квартиры по декрету Коммуны 24 апреля н.ст. 1871 г. Декрет обсуждался незадолго до этого на страницах газет.

[8] Речь идет о подготовлявшейся правительственной реформе среднего образования в России (см. примеч. 6 к письму 3004). Обсуждение предстоящей реформы началось на страницах русских газет за несколько ме-

сяцев до опубликования закона и шло с большим ожесточением, захватив очень широкие круги; известно, например, выступление профессора А.Н. Бекетова (защитника роли естественных наук в гимназическом курсе) и его оппонента Я.К. Грота. С критикой классической системы образования выступил также М.М. Стасюлевич (см.: *СПб Вед*, 1871, № 109, 22 апреля ст.ст.) и др.

[9] "Биржевые ведомости" одобряли правительственную политику, резко полемизируя с "Вестником Европы", "С.-Петербургскими ведомостями", "Неделей" и другими органами печати.

2932. Полине Брюэр (с. 79 и 333)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 194—195.

Впервые опубликовано: *Т. ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 76.

[1] Имеется в виду банкирский дом Кутс и К°, во главе которого в это время стояла А.-Г. Бурдетт-Кутс.

[2] В письме к дочери от 24 марта (5 апреля) Тургенев обещал ей послать 5000 фр. Посланные 3000 франков Полина Брюэр получила почти месяц спустя. 7(19) мая Тургенев отправил ей остальные 2000 фр. (см. письма 2916 и 2952).

2933. М.А. Милютиной (с. 80)

Печатается по фотокопии: *ЦГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1884, № 1, с. 188—189. Вторично опубликовано: *Рус лит арх*, с. 119—120.

[1] Речь идет о "Шести романсах" (оп. 6) П.И. Чайковского, изданных П.И. Юргенсоном в Москве, в 1870 г. Последний романс — "Нет, только тот, кто знал свиданья жажду" (перевод Л. Мея, 1857 г.).

[2] Тургенев, очевидно просил М.А. Милютину прислать П. Виардо романсы Чайковского.

[3] Тургенев навестил Милютиных 8 или 9 марта ст.ст. 1871 г. (см. письмо 2900).

[4] Как отметила М.А. Милютина, публикуя это письмо, Тургеневу приписывали фразу, что он "презирает русский народ столько же, сколько и самого себя" (*Рус Ст*, 1884, № 1, с. 189). Слухи эти были вызваны романом "Дым": в речах Потугина некоторые из современников были склонны видеть высказывания самого Тургенева.

[5] О принадлежности В.А. Соллогубу куплетов с рефреном "Благодарю, не ожидал" см. дневниковую запись В.Ф. Одоевского 2 января 1869 г.: *Лит Насл*, т. 22—24, с. 251; ср. также: Д а в ы д о в Н.В. Из прошлого. М., 1913. С. 88.

2934. Сюзанне Милнер Гибсон (с. 81 и 333)

Печатается по первой публикации: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 10. Подлинник хранится в Отделе рукописей Тринити Колледжа (Кембридж).

Датируется приблизительно по указанной в письме дате визита.

[1] Салон г-жи Гибсон, куда был приглашен Тургенев, был одним из известнейших в Лондоне; его посещали Теккерей и Герцен, была вхожа в

этот салон и Полина Виардо. Как считает П. Уоддингтон, ни Виардо, ни Тургенев не были склонны к сближению с г-жой Гибсон, которая увлекалась спиритизмом и устраивала в своем салоне спиритические сеансы, однако эти сеансы, по мнению П. Уоддингтона, могли повлиять на представления Тургенева о фантастических и физических феноменах, отразившиеся в его позднем творчестве (см.: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 10, а также: W a d d i n g t o n P. Turgenev and England. London, 1980. P. 148).

2935. Н.А. Кишинскому (с. 81)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 37—38. На подлиннике пометы Кишинского: "Отв. 1-го мая", "Выслано 3000 р. чрез Ахенбах⟨а⟩".

Впервые опубликовано (за исключением небольшого отрывка, напечатанного в *Отчете ПБ* за 1894 г., с. 48): *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 78—80.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

[2] Калугина, мать дочери Тургенева Полины Брюэр.

2936. Томасу Карлейлю (с. 82 и 333)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 162. Подлинник хранится в Национальной библиотеке Шотландии в Эдинбурге (*MS* 666, № 102).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 215.

1 По указанию М.П. Алексеева, вплоть до начала 1870-х годов сношения между Тургеневым и Карлейлем "поддерживались через В. Рольстона, но также и непосредственно" (см.: Неизданные письма русских писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. / Под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 317). Состоялась ли намеченная Тургеневым встреча — неизвестно. Подробно об отношениях Тургенева и Карлейля см.: W a d d i n g t o n P. Turgenev and England. L., 1980. P. 163—170.

2937. П.В. Анненкову (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 19—20.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 13.

Стр. 82. «Письмо из Парижа, в "Temps", сообщает о смерти госпожи Полины Виардо, урожденной Гарсиа, сестры Малибран и создательницы роли Фидес в мейерберовом "Пророке". Прославленной артистке только что исполнилось 54 года» (*англ.*).

[1] В конце апреля — начале мая сообщение о смерти Полины Виардо было напечатано во многих европейских газетах. Парижская газета "Temps" от 28 апреля 1871 г. (№ 3701) поместила некролог, в котором говорилось: "Из Турина сообщают о смерти г-жи Полины Виардо, урожденной Гарсиа, сестры Малибран и создательницы роли Фидес в "Пророке" Мейербера. Великой лирической трагической актрисе было только 53 года». Это сообщение было опубликовано и в других французских газетах (см.: Д а н и л и н Ю. Парижская Коммуна и Французский театр. М.:

АН СССР, 1963. С. 117), а также в английских и немецких газетах. Однако газеты "Daily News" (1871, 1 мая), "Temps" (1871, 5 мая) и берлинская газета "National-Zeitung" (1871, 5 мая) напечатали опровержения. Сообщения о смерти П. Виардо попали и на страницы русских газет со ссылкой на парижскую газету "L'Echo du soir". См., например: "Голос" (1871, 22 апреля (4 мая), № 110), "Русские ведомости" (1871, 24 апреля (6 мая), № 85), "Петербургская газета" (1871, 24 апреля (6 мая), № 56). В газетах "Голос" и "С.-Петербургские ведомости" на следующий же день были напечатаны опровержения.

[2] П.В. Анненков напечатал опровержение в "С.-Петербургских ведомостях", указав, что П. Виардо рада "иметь возможность уличить в милой любезности составителя своего некролога, который приписал ей 54 года вместо 49 лет, числящихся за ней в действительности" (*СПб Вед*, 1871, 25 апреля (7 мая), № 112).

[3] Сведений о получении П.И. Чайковским романсов П. Виардо не имеется.

2938. Людвигу Пичу (с. 83 и 334)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 81—82.

[1] См. примеч. 1 к письму 2937.

[2] Пич выполнил просьбу Тургенева и опубликовал опровержение о смерти П. Виардо в "Vossische Zeitung" (1871, 6 Mai, № 111, 2 Beilage, S. 5).

[3] П. Виардо родилась в 1821 г.

2939. Валентине Делессер (с. 83 и 334)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).
Впервые опубликовано: Les nouvelles littéraires, 1964, 31 décembre.

[1] Имеется в виду ответ Делессер на письмо 2926.

[2] О мнимой смерти П. Виардо см. примеч. 1 и 2 к письму 2937.

[3] Опровержение, о котором пишет Тургенев, было помещено в газете "Le Temps" (1871, № 3708, 5 мая).

2940. П.В. Анненкову (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 21—22.
Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 14.

[1] Данное письмо является ответом на не дошедшее до нас письмо Анненкова. Эпаминонд, как свидетельствует Корнелий Непот в "Биографиях знаменитых полководцев", отличался высокими моральными качествами.

[2] Речь идет о гипсовой копии бронзового бюста В.Г. Белинского, выполненного Н.Н. Ге в 1871 г. по заказу П.М. Третьякова. См. письмо 2876 и примеч. 11 к нему.

[3] Мысль о памятнике А.С. Пушкину, зародившаяся в 1860 г. среди бывших воспитанников царскосельского лицея в связи с 50-летним юби-

леем лицея, в начале 1871 г. вновь привлекла к себе внимание широкой общественности.

[4] Речь идет о высылке в Лондон по просьбе Тургенева четырех экземпляров альбома романсов П. Виардо (см. письмо 2937).

[5] 17 апреля ст.ст. 1871 г. М.Н. Островский был назначен товари-щем государственного контролера и произведен в тайные советники. А.А. Абаза в начале марта 1871 г. был назначен государственным контролером.

[6] Тургенев говорит о последней опере А.Н. Серова "Вражья сила", написанной на сюжет драмы А.Н. Островского "Не так живи, как хочется". Певец Кондратьев, вопреки опасениям Тургенева, имел успех, изобразив в роли Петра "великолепный тип богатырской русской удали и страсти" (Голос, 1871, 24 апреля (6 мая). № 112. С. 2).

[7] Известно одно письмо Тургенева к А.О. Либану от 30 сентября (12 октября) 1872 г. (наст. изд., Письма, т. 12).

[8] См. примеч. 2 к письму 2937.

2941. Полине Брюэр (с. 85 и 335)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 196.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 84—85.

[1] Телеграмма Полины Брюэр, извещавшая о получении денег, отправленных Тургеневым 13(25) апреля, прибыла только 7(19) мая (см. письма 2933 и 2952).

[2] Эти 2000 франков были отправлены тем же путем 7(19) мая (см. письмо 2952).

[3] См. письма 2937—2939.

2942. Жорж Санд (с. 86 и 335)

Печатается по первой публикации: *Cahiers*, 1979, № 3, p. 129. Подлинник хранится в собрании И. Зильберштейна (Москва). Публикуемый текст является припиской Тургенева к письму Мануэля Гарсиа к Жорж Санд, которое было целиком воспроизведено в первой публикации.

В русском переводе (как часть письма Мануэля Гарсиа) опубликовано: Огонек, 1983. № 3. 17 сент. С. 24.

1 Речь идет о ложном сообщении (с некрологом) во французской печати о смерти Полины Виардо, на которую откликнулась Жорж Санд (Le Temps. 1871. 28 апр.). См. также письмо 2937 и примеч. 1 к нему. Мануэль Гарсиа поспешил успокоить писательницу следующим письмом:

"Дорогая госпожа Санд.

Все это чистейшие выдумки журналистов, Полина чувствует себя прекрасно, и за те семь месяцев, что она в Лондоне, кроме одной простуды, ничем не хворала.

Англичане приняли ее великолепно, она работает с пылом и успехом молодой особы. Сам Виардо в восторге, что приехал сюда. Для детей нашлись здесь все нужные им преподаватели, а для него — неисчерпаемый источник занятий и наслаждений в художественных галереях и в коллекциях предметов искусства, принадлежащих богатым вельможам.

Как видите, сударыня, вместо дурных известий можно было бы напечатать хорошие.

Мне было бы очень приятно узнать, что испытанные вами волнения не пошатнули вашего здоровья.

Ваш верный и преданный
М. Гарсиа.

6 мая,
Бентинк стрит, 5,
Манчестер Сквер."

Подлинник по-французски. Далее, после приписки Тургенева, следовала еще одна приписка М. Гарсиа: "Полины и Луи не было дома, когда я пошел попросить их подтвердить то, что пишу вам выше.

М.Г."

Письмо Жорж Санд, на которое отвечали М. Гарсиа и Тургенев, неизвестно.

2943. Я.П. Полонскому (с. 86)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 72—73.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 193—195, с пропуском.

[1] Это письмо Полонского к Тургеневу неизвестно.

[2] В февральском номере "Отечественных записок" за 1871 г. в отделе "Новые книги" была опубликована (анонимно) резко отрицательная рецензия на сборник стихотворений и прозы Я.П. Полонского "Снопы" (СПб., 1871), принадлежащая М.Е. Салтыкову (см.: *Щедрин*, т. 8, с. 422—430). Это было вторичное выступление писателя против Полонского. Незадолго до того, в сентябрьском номере "Отечественных записок" за 1869 г., помещена еще более резкая рецензия Салтыкова на первые два тома "Сочинений" Я.П. Полонского (СПб., 1869) — см.: *Щедрин*, т. 8, с. 372—376. Тургенев выступил в защиту Полонского со статьей, опубликованной в виде письма к редактору в "С.-Петербургских ведомостях" (1870, № 8). Сам Полонский также возражал Салтыкову в предисловии к сборнику "Снопы". Рецензия Салтыкова на "Снопы" и была ответом на выступления Тургенева и Полонского, Салтыков подчеркивал в ней, что его критическая позиция была обусловлена не личными соображениями: "... мы утверждаем, — говорилось в статье, — что неясность миросозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю".

Полонский, несмотря на уговоры Тургенева, опубликовал свой новый ответ Салтыкову в виде брошюры: «Рецензент "Отечественных записок" и ответ ему Я.П. Полонского» (СПб., 1871; ценз. разрешение 14 марта 1871 г.). Брошюра была подверстана к сборнику "Снопы". В этом ответе автор отвел от себя обвинение в "презрении к полезному", в "поддерживании невежественности в массах" и в "возведении понятия о свободе на степень секрета". Статья Полонского помечена авторской датой: "10 марта 1871".

[3] Тургенев был пародийно изображен Достоевским в романе "Бесы" под именем писателя Кармазинова. Первые главы этого романа были напечатаны в № 1, 2 и 4 журнала "Русский вестник" за 1871 г.

[4] См. об этом: наст. изд., Письма, т. 7, № 2137. Письмо П.И. Бартенева к Тургеневу неизвестно.

[5] Письмо С.А. Гагариной к Тургеневу неизвестно.

2944. Гюставу Флоберу (с. 87 и 335)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 109—110 об. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 459—460; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 7, с. 97—98.

[1] См. письмо 2937.

[2] В письме от 1 мая н.ст. 1871 г. Флобер писал Тургеневу: "Дорогой друг, я узнал о горе, вас постигшем, и моя первая мысль обращена к вам. Я слишком люблю вас, чтобы писать банальные фразы. Но мне очень грустно, и я вас обнимаю" (*Flaubert, Correspondance, Suppl.* 2, p. 270).

[3] Это письмо Тургенева к Флоберу неизвестно.

[4] Под "Антонием" Тургенев подразумевает символическую драму Флобера "Искушение святого Антония". Далее речь идет о семействе Виардо.

[5] Во время Коммуны М. Дюкан находился в Париже, и его переписка с друзьями прекратилась (см.: D u C a m p M. Souvenirs littéraires. Paris, 1883. T. 2. P. 519—520; F i n o t A. Maxime Du Camp. Paris, 1949. P. 64—65).

2945. Бернгарду Эриху Бере (с. 88 и 336)

Печатается по тексту первой публикации Г. фон Римши: *Briefe an E. Behre*, S. 559.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Дата получения — 31 мая (12 июня) 1871 г.

[1] Письмо Бере неизвестно. По-видимому, Тургенев получил возможность просмотреть немецкие переводы как для пятого, так и для последующих томов митавского издания своих сочинений. См. письмо № 3214.

[2] Сборник "Nouvelles moscovites", в который вошел и французский перевод "Призраков", был издан Ж. Этцелем в Париже в 1869 г.

2946. Людвигу Пичу (с. 89 и 337)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Первая публикация в немецком оригинале неизвестна. В русском переводе впервые опубликовано: *BE*, 1909, № 5, с. 151, с сокращениями. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 91—92; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 119—120.

[1] См. письмо 2938.

[2] Пич выехал в Лондон 1 августа н.ст. 1871 г. из голландской гавани Схевенинген (Scheveningen) и встретился в начале августа с Тургеневым (ср. письмо 2976).

[3] Тургенев имеет в виду Кати Эккерт, жену берлинского придворного капельмейстера, который приезжал в Баден-Баден и находился в дружеских отношениях с Тургеневым. К. Эккерт была ярая поклонница Вагнера, которого Тургенев прозвал "бешеным евнухом".

2947. А.А. Фету (с. 90)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20293, л. 21—22.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 431—432.

[1] "Всем *нам* гуртом" — т.е., очевидно, вместе с семейством Виардо. Письмо Фета с предложением переехать в Россию неизвестно.

[2] Цитата из песенки Олиньки в пьесе А.Н. Островского "Старый друг лучше новых двух". У Островского:

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна,
И сижу обнакновенно
Близ камина у огня.

(Д. 1, явл. 1)

[3] Это письмо И.П. Борисова неизвестно. Н.Н. Толстой, брат писателя, умер от чахотки.

[4] См. примеч. 1 и 2 к письму 2937.

[5] Письма Фета к Тургеневу за 1871 г. неизвестны.

2948. Элизабет Бензен (с. 91 и 337)

Отрывок письма печатается по рукописной копии с рекламного объявления на французском языке в каталоге, изданном в связи с аукционом 14 и 15 мая 1936 г. Место хранения подлинника на немецком языке неизвестно. Копия объявления, где указана дата письма, предоставлена редакции М. Партюрье. Как видно из приведенного в объявлении содержания неопубликованной части письма, на обеде должен был присутствовать Бульвер-Литтон.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 215.

2949. А.А. Трубецкой (с. 91 и 337)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 325—326.

[1] Тургенев имеет в виду оккупацию Франции прусскими войсками и события Парижской Коммуны. Бисмарк, питавший глубокую привязанность к дочери Трубецких Екатерине (в замужестве Орловой), дал приказ не занимать Фонтенбло, близ которого находилось имение Трубецких Бельфонтен.

[2] У княгини Е. Орловой незадолго до этого умерла дочь в возрасте шести месяцев. Кроме дочери, у нее были два сына — Алексей (1867—1916) и Владимир (1868—1927).

[3] Имеется в виду известие о смерти Полины Виардо, опубликованное в парижской газете "Le Temps". См. письмо 2937, примеч. 1.

[4] Клоди Виардо серьезно занималась живописью и брала уроки у известных в то время художников. Д.-Ф. Ложе был хорошим портретистом и историческим живописцем, он расписал несколько парижских церквей.

[5] Тургенев вместе с семьей Виардо в августе 1871 г. приехал в Баден-Баден и прожил там несколько месяцев. В это время была продана вилла писателя. После Баден-Бадена Тургенев и Виардо переехали в Париж.

[6] Повесть Тургенева "Степной король Лир" была напечатана в № 10 "Вестника Европы" за 1870 г.

[7] В Версале в это время находилось Национальное собрание Франции, переехавшее туда из Бордо. Туда же после монмартрских событий, бежал Тьер. Париж упоминается здесь как синоним Парижской Коммуны.

[8] Речь идет о компаньонке княгини Трубецкой М. Турнер.

2950. М.А. Милютиной (с. 92)

Печатается по фотокопии: *ЦГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1884, № 1, с. 189—190, с неточностями. Вторично опубликовано: *Рус лит арх*, с. 120—121.

Стр. 93. "Кто жил для лучших (людей) своего времени,
Тот жил для всех времен" (*нем.*).

[1] Эти письма Милютиной неизвестны; по-видимому, выраженное в них сочувствие Тургеневу было вызвано газетными сообщениями о смерти Полины Виардо (см. примеч. 1 к письму 2937).

[2] Н.А. Милютин в результате тяжелой болезни, постигшей его в ноябре 1866 г., был лишен возможности принимать участие в общественной и государственной деятельности.

[3] Неточная цитата из пролога к драматической трилогии Шиллера "Валленштейн". У Шиллера:

Denn wer den Besten seiner Zeit genug
Gethan, der hat gelebt für alle Zeiten.

(Кто сделал достаточно для лучших (людей) своего времени,
Тот жил для всех времен.)

2951. Н.А. Кишинскому (с. 93)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 39—40. На подлиннике помета Кишинского: "От⟨в⟩. 20 мая/1 июня".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 91—92.

[1] Это письмо Кишинского не сохранилось.

[2] См. письмо 2915, примеч. 2.

2952. Полине Брюэр (с. 94 и 338)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 197.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 92.

[1] По всей вероятности, телеграмма Полины извещала о получении 3000 франков, посланных Тургеневым 13(25) апреля 1871 г. (см. письмо 2932).

[2] Эти деньги были получены с большой задержкой (см. письмо 2961).

2953. Н.С. Тургеневу (с. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 75—76. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол⟨учено⟩ 14/26 мая 1871 Москва 7-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 335, с сокращениями.

Стр. 95. "Ах, как гордишься тем, что ты француз,
Когда посмотришь на колонну!" (*франц.*).

[1] Письмо Н.С. Тургенева брату неизвестно. О продаже Кадного см. письмо 2915, примеч. 2.

[2] В это время И.П. Борисов был при смерти (см. примеч. 1 к письму 2968).

[3] См. письмо 2951.

[4] См. примеч. 1 и 2 к письму 2937.

[5] Вандомская колонна, сооруженная в 1810 г. в ознаменование побед Наполеона, была разрушена 16 мая н.ст. 1871 г. по приговору Исполнительной комиссии как "памятник варварства, символ грубой силы и ложной славы, апология милитаризма, отрицание международного права, постоянное оскорбление победителями побежденных, вечное посягательство на один из трех великих принципов Французской республики — братство" (Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года. М., 1959. Т. 1. С. 153). Источник стихотворной цитаты не установлен.

[6] Возможно, имеется в виду фотография Эллиот-Фрай, в Лондоне (см.: *ПД, Описание*, с. 67). В таком случае, датировка этой карточки может быть уточнена: она относится к апрелю — маю 1871 г.

2954. М.В. Авдееву (с. 95)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 4.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 9, с. 503.

Стр. *96.* Конец Франции! (*лат.*).

[1] Письмо Анненкова к Тургеневу неизвестно. В письме к Анненкову от 25 апреля ст.ст. 1871 г. Авдеев писал: "... меня глубоко опечалила мысль о впечатлении, которое эта смерть должна произвести на нашего милого Тургенева... Если увидите его или будете ему писать, то потрудитесь передать ему глубокое мое участие в его потере ⟨...⟩ зная его впечатлительность и склонность отдаваться без борьбы всем невзгодам, я очень боюсь за него на первое время" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 16, л. 1—2). О ложных слухах см. примеч. 1 и 2 к письму 2937.

[2] Вступление версальских войск в Париж началось 21 мая н.ст. 1871 г. Окончательно сопротивление коммунаров было подавлено 28 мая.

[3] Слова из "Мертвых душ" Гоголя (т. 1, гл. XI).

[4] См. примеч. 6 к письму 2953.

2955. А.Ф. Писемскому (с. 96)

Печатается по тексту первой публикации: Новь, 1886, № 23. С. 190.

Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Писемского неизвестно, однако ответ на публикуемое письмо сохранился — см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 188—189.

[2] В № 12 еженедельного журнала "День" (органа русских евреев) за 19 марта 1871 г. было помещено 26-е "Петербургское письмо" за подписью Гаммаббит (псевдоним А.Е. Ландау), в котором между прочим говорилось, что "даже наш лучший писатель И.С. Тургенев, сообщивший довольно подробные биографические сведения о нашем художнике, не упомянул о том, что г. Антокольский еврей. Что побудило их умолчать об этом обстоятельстве — желание ли не повредить художнику обнаружением его еврейского происхождения, так как у нас все еще существуют в этом отношении предубеждения и предрассудки, или что-нибудь другое — нам неизвестно. А между тем об этом упомянуть было бы вовсе не лишне".

[3] См. примеч. 1 и 2 к письму 2937.

[4] В "Беседе" (1871, № 1—2) была помещена первая часть романа Писемского "В водовороте".

[5] Сыновья Писемского Павел и Николай.

[6] См. примеч. 6 к письму 2953. Эта фотография хранится в *ГЛМ*. Дарственная надпись: "Другу А.Ф. Писемскому от Тургенева. Лондон. 1971". См.: М е д ы н ц е в а Г. Вглядываясь в старые фотографии // Круг чтения'90. Календарь. М., 1989. С. 41 (с воспроизведением фото, сделанном в ателье Эллитт-Фрай в Лондоне).

2956. А.А. Фету (с. 97)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 33, л. 43—44.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 228—229, с пропусками отдельных слов и искажением фамилии Кишинского (Зайчинский).

[1] Об этом же Тургенев писал самому И.П. Борисову (письмо 2964). Письмо Борисова к Тургеневу было написано под диктовку немцем Ф.Ф. Кауфманом, плохо знавшим русский язык и выполнявшим при умирающем обязанности "дядьки" и "письмоводителя" (см.: *Фет*, ч. 2, с. 230; см. также: Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., 1962. С. 290).

[2] Фет, приехав в Новоселки, уже не застал И.П. Борисова в живых (см.: *Фет*, ч. 2, с. 229—230).

[3] Отрывок из письма И.П. Борисова к Тургеневу не сохранился.

2957. Полине Брюэр (с. 97 и 339)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 198.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 96—97.

[1] Письмо 2952.

[2] Полина Брюэр получила деньги и известила Тургенева об этом (см. письмо 2961).

2958. В.Я. Карташевской (с. 98)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14626, л. 55.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 97.

[1] Вероятно, речь идет о замужестве дочери В.Я. Карташевской Надежды Владимировны.

[2] См. примеч. 6 к письму 2953.

[3] Речь идет о т. 8 издания "Сочинений И.С. Тургенева (1844—1868)", вышедшем в 1871 г.

2959. Полине Брюэр (с. 98 и 339)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 199–200.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 98.

[1] Это письмо П. Брюэр не сохранилось.
[2] См. письмо 2952.
[3] Тургенев имеет в виду 2000 руб. (по вексельному курсу того времени это составляло около 7000 франков), посланные ему из России его управляющим Кишинским 8(20) апреля 1871 г. В своих письмах к Кишинскому, Н.С. Тургеневу и к лондонскому банкиру московской фирмы "Ахенбах и Колли" Тургенев выражал беспокойство по поводу пропавшего векселя на эти деньги (см. письма 2951, 2953, 2960). Тургенев не получил и повторного векселя на эти 2000 руб. и счел их потерянными. Позднее Тургенев получил третий вексель (терцию), по которому ему были выплачены деньги (см. письма 2962 и 2969).

2960. Кутсу (?) (с. 99 и 339)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 283. Подлинник хранится в собрании И.С. Зильберштейна (Москва).
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 98–99.

2961. Полине Брюэр (с. 99 и 340)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 201–202.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 99.

[1] См. письмо 2959.
[2] Тургенев был должен дочери 50 000 фр. приданого, на которые он в 1865 г. дал ей вексель с обязательством выплачивать ежегодно 5% (т.е. 2500 фр.) до момента уплаты долга (см.: наст. изд., Письма, т. 6, № 1715 и т. 10, № 2833). В письме к дочери от 1(13) сентября 1871 г. Тургенев сообщал, что 3(15) сентября намерен послать ей 2759 франков, сократив таким образом свой долг до 40 000 фр., а проценты до 2000 франков (см. письмо 3000).
[3] После завершения разгрома Парижской Коммуны 28 мая н.ст. 1871 г. в газете "Le Temps" (1871, 30 мая, № 3710) было опубликовано обращение Мак-Магона от имени Французской республики к гражданам Парижа, в котором говорилось о прекращении борьбы и восстановлении порядка в стране. Вскоре после этого во французских газетах начали печататься объявления о восстановлении то одной, то другой линии железнодорожных сообщений (см.: Le Temps. 1871. 1 и 3 июня. № 3712 и 3714). Вслед за французскими газетами уведомления о восстановлении во Франции железнодорожного сообщения были напечатаны и в английских газетах (см.: Daily News. 1871. 1 и 5 июня. № 7828, 7831; Times. 1871. 3 и 5 июня. № 27080, 27081, и др.).

2962. Н.А. Кишинскому (с. 100)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 41–42. На подлиннике пометы: Кишинского — "Отвечал 11 июня"; карандашная, неизвестной рукой — "N3 Здесь ошибка: 26 мая/6 июня 1871 было в среду, а не в четверг".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 100.

Дата письма, в которой старый стиль не соответствует новому и день недели — числу, исправлена на основании сопоставления с датами писем Тургенева к Кишинскому за май — июнь 1871 г., а также пометы на подлиннике.

[1] Это письма неизвестны.

[2] См. примеч. 1 к письму 2956.

[3] У Тургенева было три имения в Елатомском уезде Тамбовской губернии при деревнях: Почково, Истлеево и Сасово.

2963. П.В. Анненкову (с. 101)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 104а, л. 11—12.

Впервые опубликовано: Звенья, т. 5, с. 275—276.

Стр. 101."И мы были троянцами!" (*лат.*).
Стр. 101."очевидца" (*лат.*).
Стр. 101."и что не к чему разыгрывать комедию" (*франц.*).
Стр. 101. не один "свет", но и "тепло" — приходят к нам с Севера (*франц.*).

[1] Цитата из "Энеиды" Вергилия (песня II, стих 354).

[2] Тургенев излагает статью "An adventure in Paris" (Daily News. 1871. 8 июня. № 7834. P. 6). Архиепископ Жорж Дарбуа вместе с другими 63 заложниками был расстрелян коммунарами 24 мая н.ст. 1871 г., т.е. после вторжения версальских войск в Париж. Расстрел был произведен по постановлению Комиссии общественной безопасности в ответ на зверства версальцев (см.: Парижская Коммуна 1871 г. М., 1961. Т. 1. С. 401). Сведения о связи жены генерала Галлифе с Наполеоном III содержатся в дневнике бр. Гонкуров в записи от 2(14) августа 1869 г. (G o n c o u r t E. et J. Journal. Mémoires de la vie littéraire. Paris, 1956. T. 2. P. 536).

[3] Речь идет о поражении сторонников классического образования при рассмотрении этого вопроса о Государственном совете 15 мая ст.ст. 1871 г. Несмотря на результаты голосования, Александр II утвердил мнение меньшинства (см.: *Никитенко*, т. 3, с. 207).

[4] Перефразировка стиха Вольтера из его послания к имп. Екатерине II (1771): "C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière" ("Теперь свет идет к нам с Севера", — *франц.*).

[5] Отмеченная Тургеневым ошибка содержится в романсе "Что за погода злая" (на слова Г. Гейне) в сборнике "Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенных на русский язык И. Тургеневым и положенных на музыку Полиною Виардо-Гарсиа" (СПб.: изд. А. Иогансена, 1871).

[6] Речь идет о К.К. Ахенбахе, которого Анненков перепутал с его однофамильцем — банкиром.

[7] Тургенев имеет в виду фотографию скульптуры М.М. Антокольского (см. письмо 2927, примеч. 1).

[8] См. примеч. 3 к письму 2886.

[9] С.Г. Нечаев выпустил два номера журнала "Община. Орган русских социалистов, под редакцией С. Нечаева и В. Серебреникова" (Лондон, 1870). Первый номер помечен 1 сентября 1870 г. и содержит статьи "Наша общая программа" и "Где наша сила? Где наши средства?".

[10] Речь идет о повести "Вешние воды".

2964. И.П. Борисову (с. 102)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 41, л. 9—10.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 419.

[1] См. примеч. 1 к письму 2956. Оба продиктованные письма Борисова неизвестны.

[2] См. письмо 2947.

2965. Людвигу Пичу (с. 102 и 340)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St-Petersburger Zeitung, 1884, № 162, 10(22) Juni, Beiblatt, S. 6; в русском переводе — *BE*, 1909, № 5, с. 151, с сокращениями.

[1] Говоря о торжественном приеме в Берлине, Тургенев имеет в виду тот триумф, которым были встречены прусские войска в конце сентября 1870 г., вернувшиеся в Берлин из Версаля; Пич находился с прусскими войсками как корреспондент "Vossische Zeitung" (см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2816 и 2828).

[2] Тургенев имеет в виду барона Адольфа Радена.

[3] Выражение Тургенева "антинемецкое бешенство" является аналогом известному "испанскому бешенству" — так была названа резня в Антверпене и разорение города во время Нидерландской революции 1576 г.

[4] Под "синяками от своих людей" Тургенев разумеет события Парижской Коммуны; под "чужими щелчками" — военные действия Пруссии против Франции во время франко-прусской войны 1870-1871 гг.

[5] В период Коммуны английская буржуазная печать поначалу призывала к вооруженной борьбе с Парижем (см., например: Times. 1871. 20 марта). Однако жестокость версальцев по отношению к парижским повстанцам побудила либеральную прессу изменить тон. На страницах либеральных газет стала появляться резкая критика в адрес версальцев, открытое возмущение расстрелами пленных коммунаров. С другой стороны, революция 18 марта во Франции вызвала огромный интерес среди рабочих и демократических слоев населения Англии. Некоторые рабочие и мелкобуржуазные демократы приняли непосредственное участие в борьбе парижских коммунаров. Немало англичан сражалось на стороне Коммуны в рядах национальной гвардии. После подавления Парижской Коммуны отдельные английские демократические писатели сделали попытки проанализировать и теоретически осмыслить события во Франции. В газете "Bee-Hive" печатались статьи профессора Э.-С. Бизли; в журнале "Fort-nightly Review" (1871, 1 мая) была опубликована статья Фр. Гаррисона "Революция Коммуны"; сочувственно выступал публицист-демократ Т. Смит и т.д.

[6] "Вода лучше всего" — неточная цитата из 1-й Олимпийской оды Пиндара. "... Знаменитое начало этой оды, — пишет современный исследователь, — интриговало еще античных читателей. Проще и вернее всего толковал его Аристотель ("Риторика", 1, 7): «Обилие лучше скудости, потому что от него больше пользы; оттого и сказано — "Лучше всего на свете вода"» (см.: П и н д а р. В а к х и л и д. Оды. Фрагменты / Изд. подготовил М.Л. Гаспаров. М., 1980. С. 396).

[7] Во Франции в этот период стихийно образовалась временная республика ("République de fait", а не "de droit"). Тьер являлся президентом

Совета министров и главой исполнительной власти (chef du pouvoir exécutif); суверенная власть принадлежала Национальному собранию (Assemblée Nationale).

[8] См.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2699.

[9] Тургенев разделяет мнение об английской живописи, а также музыке И. Тэна (см.: T a i n e H. Notes sur l'Angleterre. Paris, 1872. P. 278, 316—363). А. Звигильский предполагает, что Тургенев мог встретиться с Тэном в мае 1871 г. в Лондоне и беседовать об английском искусстве (Z v i g u i l s k y A. Taine et Tourguéniev // *Cahiers.* 1993—1994. № 17—18. P. 3—4).

2966. Гюставу Флоберу (с. 103 и 341)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 111—112. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, N 8, p. 460—461; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 7, с. 98—99.

[1] Тургенев имеет в виду кровавые события последних дней Парижской Коммуны 1871 г.

[2] Речь идет о символической драме Флобера "Искушение святого Антония" (третья редакция), над которой он работал с июня 1869 по июнь 1872 г., ср. в письме 2944.

[3] В письмах, относящихся к периоду франко-прусской войны, Флобер постоянно пишет о своей неприязни к Пруссии и "прусскому духу". "Какое варварство! Какое движение назад! — восклицает он в письме к Ж. Санд от 11 марта 1871 г. — Меня душит ярость... Эти цивилизованные дикари внушают мне больше отвращения, чем каннибалы!" "Я достаточно видел немцев в этом году, чтобы желать не видеть ни одного из них впредь", — писал он г-же Шлезенжер 22 мая 1871 г. (*Flaubert, Correspondance*. s. VI, p. 202—203, 237—238). Отвечая Тургеневу, Флобер в письме от 17 июня 1871 г. еще раз подтвердил свою точку зрения (*Flaubert, Correspondance, Suppl.* 2, p. 273).

[4] Письмо Флобера к Тургеневу, содержащее утверждение такого рода, неизвестно, но сходная мысль высказывалась им в письме к М. Дюкану от 29 сентября 1870 г. (см.: *Flaubert, Correspondance,* s. VI, p. 161).

[5] В ответном письме Флобер сообщил Тургеневу о плачевном положении, в котором находится М. Дюкан, и о болезни А. Юссон ("Да, г-жа Юссон сошла с ума! (мания самоубийства)") (*Flaubert, Correspondance, Suppl.* 2, p. 274; об этом см. также: F l a u b e r t G. Lettres inédites. Sceaux, 1948. P. 101, 104).

[6] Каролина Комманвиль.

2967. Кларе Тургеневой (с. 104 и 341)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 501, оп. 1, № 362.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 105—106.

[1] Семья Н.И. Тургенева, находившаяся во время франко-прусской войны в Англии, вернулась в Париж незадолго перед началом Парижской Коммуны. Н.И. Тургенев в письме к Д.Н. Свербееву от 2(14) июля 1871 г. писал об этом: "Мы прожили тяжелое время. В прошлом году мы как-то поторопились отсюда выехать, а в нынешнем поторопились сюда возвра-

титься. В Англии мы прожили 7 месяцев. ⟨...⟩ В начале марта, по окончании войны, и жена и дети захотели возвратиться. Альберт был уже в Париже, приехав туда с одним из огромных поездов, привозивших пищу голодающим жителям Парижа от Лондонского лорда-мэра. Через 10 дней по нашем возвращении возникла междоусобная война. Беспрестанная пушечная пальба, особливо ночью, раздражала нервы. Под конец начались пожары. Наша улица особливо от них потерпела. Наш дом остался невредим. Как скоро можно было выехать из Парижа, мы переселились на дачу. Дом, в котором мы живем, был опустошен пруссаками. Другой дом наш, небольшой, расстрелян, а сад там весь вырублен" (*Рус Арх*, 1871, № 11, стлб. 1981 – 1983). В это же время тяжело болел Альберт Николаевич Тургенев (см. письмо 2971).

2 Эти письма Тургенева к Н.И. Тургеневу неизвестны.

3 О каком письме к Н.И. Тургеневу идет речь, неизвестно.

2968. А.А. Фету (с. 105)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 45 – 46.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 231 – 232.

1 И.П. Борисов умер во второй половине мая 1871 г. (см.: *Фет*, ч. 2, с. 229 – 230). Упоминаемые здесь письма Фета и Борисова к Тургеневу неизвестны.

2 Неточная цитата из стихотворения Г.Р. Державина "Утро" (1800). У Державина:

"И всё то благо, всё добро."

2969. Н.С. Тургеневу (с. 106)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, с. 77 – 78. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол⟨учено⟩ 10/22 июня 1871. Москва. 5-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 8, с. 336, с пропусками.

1 См. письмо 2953.

2 См. письмо 2915.

3 Газетное объявление о продаже Кадного не обнаружено.

4 См. примеч. 1 к письму 2968.

2970. Н.А. Кишинскому (с. 107)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 43. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч⟩. июля 8-го".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 108 – 109.

1 В Кромском уезде Орловской губернии находилось принадлежавшее Тургеневу имение Холодово, а в Елатомском – Почково, Истлеево и Сасово.

2971. М.М. Стасюлевичу (с. 107)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 47 – 48.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 13.

Стр. 107. "местопребывании" (*англ.*).

[1] Письмо Стасюлевича, связанное с его поездкой в Киссинген, неизвестно.

[2] Речь идет о работе над повестью "Вешние воды", которая была окончена в ноябре 1871 г., согласно помете на беловом автографе (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 500) и напечатана, как и предполагал Тургенев, в № 1 "Вестника Европы" за 1872 г.

[3] Письмо Н.И. Тургенева неизвестно; о его пребывании в Париже во время Коммуны см. примеч. 1 к письму 2967.

2972. Данте Габриэлю Россетти (с. 108 и 342)

Печатается по первой публикации: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 10—11. Подлинник хранится в Отделе рукописей Энджели Пэйпес (Angeli Papers) (Великобритания).

[1] После того как семья Виардо и Тургенев поселились в Лондоне на Девонширской площади, 30 (после отъезда из Баден-Бадена), Полина Виардо, стремясь воссоздать музыкальную атмосферу баден-баденских собраний, давала многочисленные утренники, на которых выступала и сама. Неизвестно, присутствовал ли Д.Г. Россетти на этом утреннике. Возможно, на нем присутствовал его брат Уильям Микаэль, в дневнике которого содержатся упоминания о музыкальных собраниях у П. Виардо (см.: Rossetti W.M. Some Reminiscences, 2 vols. London, 1906. Vol. 1. P. 189).

2973. Вильяму Стерлингу-Максвеллу (с. 108 и 342)

Печатается по тексту первой публикации: Scottish Slavonic Review. Glasgow. 1986. Autumn. № 7. P. 43; факсимильное воспроизведение: ibid., p. 41.

Подлинник хранится в собрании А. Стерлинга оф Стерлинг (Великобритания).

[1] Тургенев ошибся: жену Стерлинга-Максвелла звали Энне (Anna; см. ниже письмо к Стерлингу-Максвеллу от 30 июля (11 августа) 1871 г. — № 2986).

2974. А.А. Фету (с. 108)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 47—48.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 235, с большими пропусками. Часть из пропущенного Фетом напечатана в альманахе "Северные цветы", 1902, с. 187.

Стр. 109. эсквайр (*англ.*).

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Два брата Толстого — Дмитрий Николаевич, умерший от чахотки в 1856 г., и Николай Николаевич, скончавшийся от той же болезни в 1860 г. Л.Н. Толстой лечился кумысом в деревне Каралык Самарской губернии (выехал туда из Москвы 11(23) июня, вернулся обратно 2(14) августа 1871 г.).

[3] Толстой изучал в это время греческий язык, чтобы иметь возможность читать античных авторов в подлинниках. Фет писал Толстому в начале июля 1871 г.: "А вот писать до трепету свечей в глазах и выучиться в полгода по-гречески и так всю жизнь, это не только вредно — это безбожно" (Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., 1962. С. 288).

[4] Второе предостережение газете "С.-Петербургские ведомости", напечатанное в "Правительственном вестнике" (1871, 27 июня (9 июля). № 152), было сделано за передовую статью и "Хронику", напечатанные в № 164 и 167 "С.-Петербургских ведомостей" за тот же год. В "Хронике" было несколько ядовитых замечаний о запрещении полной публикации в "Губернских ведомостях" отчетов о заседаниях губернских земских собраний, посвященных обсуждению проекта налоговой реформы (*СПб Вед*, 1871, 17(29) июня и 20 июня (2 июля), №№ 164 и 167).

[5] Предостережение "С.-Петербургским ведомостям" было сделано по докладу начальника главного управления по делам печати М.Р. Шидловского. При назначении на этот пост Шидловский говорил, что он «человек горячий и привык действовать *энергически*, каковой способ приличен в полицейской сфере, но, может быть, окажется неудобным в кругу науки и мысли. Ему возразили, что этот-то способ и нужен, ибо хотят "подтянуть"» (*Никитенко*, т. 3, с. 182).

[6] Об участии Тургенева в торжествах, посвященных столетнему юбилею В. Скотта, см.: H e n r y P., W a d d i n g t o n P. Turgenev in Scotland // Slavica, Debrecen, 1986. Vol. 23. P. 117—124, а также письмо 2985 и примеч. 2 и 3 к нему.

[7] В Петербург Тургенев приехал гораздо позднее — 12(24) мая 1872 г.

[8] Письмо 2975.

2975. П.И. Борисову (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20329.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 8, с. 422.

[1] Письмо П.И. Борисова к Тургеневу неизвестно.

[2] Сопоставляя германскую армию с преторианцами древнего Рима, Тургенев хотел подчеркнуть, что кадровые части составляли относительно меньшую часть германской армии и что большая ее часть после демобилизации возвратится к своим мирным профессиям.

[3] Это суждение Тургенева связано с его первоначальным отношением к франко-прусской войне как к войне "цивилизации" с "отвратительной, лживой, насквозь гнилой" империей Наполеона III. Впечатления Тургенева, который во время военных действий жил в пограничном Баден-Бадене, отразились в его "Письмах о франко-прусской войне", напечатанных в газете "С.-Петербургские ведомости" (август — сентябрь 1870 г.). Однако уже 3(15) сентября 1870 г. он писал П.В. Анненкову: "Падение гнусной империи не изменило моих симпатий, но несколько переставило их. Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит" (наст. изд., Письма, т. 10, № 2801). Об отношении Тургенева к франко-прусской войне см.: Р а б и н о в и ч М.Б. И.С. Тургенев и франко-прусская война 1870—1871 гг. // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 99—108.

2976. Людвигу Пичу (с. 110 и 343)

Печатается по неполному подлиннику: *DSB*.

Первая публикация в немецком оригинале неизвестна. В переводах впервые опубликовано: во французском — Revue Bleue, 1909, 13 février, № 7, p. 198—199; в английском — Saturday Review, Supplement, 1909, 14 February, № 2781; в русском — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 151—152; во всех перево-

дах — с искажениями и сокращениями. Вновь опубликовано в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 93.

[1] Тургенев в своем шутливом обращении отмечает необычайную живость, общительность Пича и его успех у женщин.

[2] Пич должен был выехать пароходом в Лондон из Остенде 17(29) июля 1871 г. Он опоздал на пароход и, не желая три дня ожидать следующего парохода, уехал путешествовать по Голландии. 20 июля (1 августа) 1871 г. он выехал в Лондон из Голландской гавани Схевенинген (см.: P⟨ietsch⟩ L⟨udwig⟩. Sommerliche Streifzüge. In Holland. Im Haag und Scheveningen. // Vossische Zeitung, 1871. 9, 17, 24 August. № 190, 197, 203). В Булони Тургенев принимал морские ванны с 17(29) июля по 25 июля (6 августа), откуда он поехал в Эдинбург для участия в праздновании 100-летнего юбилея В. Скотта (см. письмо 2974, примеч. 6), затем, с 29 июля (10 августа) по 3(15) августа он находился Питлокри (Шотландия) по приглашению семейства Бензен. В Баден-Баден Тургенев приехал 9(21) августа.

[3] Тургенев имеет в виду книгу: P i e t s c h L. Von Berlin bis Paris. Kriegsbilder (1870—1871). Berlin, 1871. В эту книгу вошли корреспонденции Пича в "Vossische Zeitung" во время франко-прусской войны.

2977. Н.А. Кишинскому (с. 111)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 44. На подлиннике помета Кишинского: "От⟨в⟩. 28 июля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 113.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

[2] О смерти И.П. Борисова см. в письме 2968.

2978. Неизвестному (с. 112 и 343)

Печатается по первой публикации: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 11. Подлинник, очевидно, по-немецки. Впервые отрывок письма опубликован по-английски в каталоге аукциона И.А. Штаргардта (Марбург), № 602, который состоялся 27—28 ноября 1973 г. (№ 296). П. Уоддингтон считает, что письмо могло быть написано по-русски и указывает возможный адресат — П.В. Анненков (см.: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 11)

[1] О своем намерении выехать на несколько дней в Булонь вместе с семьей Виардо и вернуться в Англию 8 августа Тургенев сообщал также Л. Пичу (см. письмо 2976). В Эдинбурге Тургенев принял участие в торжествах, посвященных столетнему юбилею Вальтера Скотта (см. письма 2974, примеч. 6 и 2987, примеч. 1).

2979. Полине Брюэр (с. 112 и 343)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 203.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 114.

[1] Задолго до поездки Тургенев сообщал друзьям, что предпринимает ее для участия в праздновании столетнего юбилея Вальтера Скотта и охоты у своего приятеля в Северной Шотландии, куда он уже давно был приглашен (см. письма 2966 и 2976).

[2] Полина Брюэр не могла сообщить Тургеневу в Булонь о получении денег, так как они по ошибке не были ей своевременно отправлены (см. письмо 2984).

2980. П.В. Анненкову (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, № 1.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 114—115.

[1] Речь идет о подготовке Тургенева к участию в торжествах по случаю столетия со дня рождения Вальтера Скотта, состоявшихся 28 июля (9 августа) 1871 г. в Эдинбурге. См. № 2985, примеч. 3.

[2] Речь идет о фотографии К.И. Бергамаско, 1871 г. (см. письмо 2963).

[3] Вера — дочь Анненкова.

[4] Упоминая о "нечаевском деле", Тургенев имеет в виду начавшийся 1 июля ст.ст. политический процесс 84-х товарищей Нечаева (который бежал за границу и был выдан позже) — И.Г. Прыжова, Ф.В. Волховского, П.Н. Ткачева, П.Г. Успенского, А.Н. Дементьевой и др. Процесс слушался при открытых дверях; стенографические отчеты публиковались в "Правительственном вестнике" (1871, № 156—168, 171—177, 179—180, 182—185, 187, 195—202, 205—206) и затем перепечатывались во многих газетах, русских и иностранных.

2981. Н.А. Кишинскому (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л.45. На подлиннике пометы: Кишинского — "От‹в›. 31 июля 71 г."; неизвестной рукой — "Tiergartenstrasse, 3".
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 115—116.

[1] Письмо Кишинского неизвестно. О продаже Кадного см. также в письмах 2910, 2928, 2969 и др.

2982. Полине Брюэр (с. 114 и 344)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 204.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 116.

2983. Полине Виардо (с. 114 и 344)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с пропусками и неточностями) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 119; полностью во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 193—194.

[1] По этому адресу проживала в Лондоне семья Виардо, которая в это время находилась в Баден-Бадене.

[2] От кого были письмо и визитная карточка неизвестно.

[3] Речь идет о подписке на большой памятник ирландскому композитору и певцу Майклу Уильяму Балфу, умершему в 1870 г. П. Виардо и Тур-

генев были знакомы с композитором (см. наст. изд., Письма, том 1, № 84). П. Виардо включала произведения Бальфа в свои концерты.

[4] В. Рольстон перевел на английский язык речь Тургенева, произнесенную писателем на празднике в Эдинбурге 9 августа н.ст. 1871 г., посвященном 100-летнему юбилею Вальтера Скотта. Его речь в сокращении была опубликована в номере за 10 августа 1871 г. газетой "Edinburgh Evening Courant" (см. письмо 2985, примеч. 3). См. наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 330—331 и 669. Судя по письму к Анненкову № 2980, Тургенев готовился к этой речи очень тщательно, однако полный ее текст не сохранился.

[5] Королева — императрица германская и королева прусская Августа, супруга Вильгельма I; великая герцогиня баденская — Луиза-Мария-Элизабет, их дочь. Во время своего семилетнего пребывания в Баден-Бадене П. Виардо была принята при прусском, веймарском и баденском дворах, где выступала с концертами. Слухи, о которых сообщает Тургенев, могли возникнуть в связи с тем, что германофильские настроения семьи Виардо в начале франко-прусской войны сменились сочувствием к побежденной Франции.

[6] См. письмо 2985.

2984. **Полине Брюэр** (с. 115 и 345)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 205.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 118.

[1] Тургенев, по-видимому, успел еще в Булони получить от дочери ответ на свое письмо от 23 июля (4 августа), в котором она сообщила, что не получала денег, отправленных Тургеневым 14(26) июля через банкирский дом "Кутс и К°" (см. письма 2979 и 2982). В связи с этим Тургенев и предъявил фирме свою жалобу.

[2] Имются в виду также отправленные 7(19) мая 1871 г. 2000 фр., которые шли очень долго (см. письма 2952 и 2961).

[3] Такое уведомление неизвестно.

2985. **Полине Виардо** (с. 116 и 345)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).
Впервые опубликовано: *Т, Nouv corr. inéd*, t. 1, p.195—196.

[1] Тургенев приводит шутливо перефразированную цитату из оперетты "Людоед" (1868), написанной им совместно с Полиной Виардо. Ария адъютанта принца Сафира Эстамбардоса начиналась словами: "Уф! Ну и жарища" ("Ouf! Quelle chaleur!"). См.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 487.

[2] В Эдинбург Тургенев приехал для участия в праздновании, посвященном 100-летнему юбилею Вальтера Скотта. Очевидно, инициатором приглашения Тургенева был В. Стерлинг-Максвелл (см. № 2986).

[3] К письму Тургенев приложил вырезку из английской газеты "Edingburgh Evening Courant" (см. № 2983, примеч. 4, а также: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 330—331).

[4] Имя Тургенева неоднократно искажалось в сообщениях английских газет, так что одна из них — "Pall-Mall Gazette" в номере от 12 августа 1871 г. указывала, что "Телеграф" (видимо, "Daily Telegraphe") пишет

его имя "Tourqueneff" (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 669). Кроме того, в английской публикации вместо имени Пушкина было напечатано "Tourheine".

5 В Питлокри Бензены пригласили Тургенева на охоту.

6 Очевидно, Тургенев имеет в виду оперу Обера "Лейкестер, или Замок Кенилворт", написанную на сюжет романа Вальтера Скотта.

7 См. письмо 2987.

8 Перефразировка французского выражения "Que diable allais-je faire dans cette galère?" ("Зачем я ввязался в это дело?"), которое восходит к комедии Мольера "Плутни Скапена".

9 Виардо находились в это время в Баден-Бадене в связи с продажей своего дома.

2986. Вильяму Стерлингу-Максвеллу (с. 116 и 346)

Печатается по тексту первой публикации: Scottish Slavonic Review. Glasgow, 1986, Autumn, № 7, p. 44; факсимильное воспроизведение: ibid., p. 40.

Подлинник хранится в собрании А. Стерлинга оф Стерлинг (Великобритания).

1 Тургенев выехал из Эдинбурга в Питлокри 29 июля (10 августа) 1871 г., на другой день после юбилейных торжеств по случаю столетия со дня рождения Вальтера Скотта. О его участии в этом празднестве см.: Henry P., Waddington P. Turgenev in Scotland // Slavica. Debrecen, 1986. Vol. 23. P. 117–124.

2 Из Питлохри Тургенев выехал 4(16) августа в Париж через Лондон (см. письмо к Флоберу от 2(14) августа 1871 г. — № 2991).

3 На юбилейном банкете В. Стерлинг-Максвелл произнес главный тост, в котором говорил о величии творчества В. Скотта и его значении для потомства. Тургенев мог прочесть эту речь в одной из шотландских газет от 10 августа 1871 г., где была опубликована и его собственная речь: "The Scotsman", "Edinburgh Evening Courant", "Daily Review".

2987. Полине Виардо (с. 117 и 346)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 20, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано (с некоторыми неточностями): *T, Lettres inéd*, p. 178–179.

1 Речь идет об английском поэте Роберте Браунинге.

2 См. письмо 2988.

2988. Полине Виардо (с. 118 и 347)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 296. № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T, Lettres inéd*, p. 179–180.

1 Источник выражения — сочинение Плутарха "Жизнь Катона Старшего"; слова, которыми Катон (234–149 до н.э.) имел обыкновение заканчивать каждую свою речь в Сенате.

[2] Очевидно, имеется в виду скульптура человека с обнаженными мышцами, которой пользовались как учебной, изучая анатомию, студенты Академии изящных искусств. Такая скульптура имелась у Н.И. Трубецкого.

2989. Полине Виардо (с. 119 и 348)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 120; полностью во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 180—181.

[1] В понедельник, 3(15) августа, Тургенев был на охоте (см. письмо 2992).

2990. Неизвестной (с. 121 и 349)

Печатается по публикации П. Уоддингтона: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 11—12. Подлинник хранится в собрании г-на Роберта Л. Симпсона (Лондон). Отрывок письма впервые опубликован в каталоге аукциона Сотби, который состоялся 24—25 мая 1976 г. (№ 391). По предположению А. Звигильского, адресатом письма могла быть Джульета Хербер (1829—1909), близкая знакомая Флобера, английская гувернантка Каролины Комманвиль с 1855 г. Основанием для такого предположения служит письмо Флобера к К. Комманвиль от 9 авг. н.ст. 1871 г., в котором он сообщает, что попросил Дж. Хербер зайти к Тургеневу в Лондоне и узнать о его дальнейших планах. Узнав от Хербер, что Тургенев не отвечает ему, потому что находится в Эдинбурге, Флобер поделился этой новостью со своей племянницей (см.: G. Flaubert—I. Tourguéniev. Correspondance. Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 1989. P. 99—100).

[1] Речь на столетнем юбилее Вальтера Скотта, который праздновался в Эдинбурге, была произнесена 28 июля (9 августа) 1871 г. (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 330—331, 669). См. также № 2985, 2986.

2991. Гюставу Флоберу (с. 121 и 349)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 113. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 461; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 7, с. 99.

[1] Письма Флобера от 1 августа н.ст. и периода между 5 и 10 августа н.ст. 1871 г., в которых он настоятельно просил Тургенева сообщить ему о дне приезда в Круассе (см.: *Flaubert, Correspondance, Suppl.* 2, p. 280—282).

2992. Полине Виардо (с. 122 и 350)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: "non" ("нет" — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (без двух последних абзацев, исключая последнюю фразу) — *Рус Мысль*, 1912, № 1, с. 120—121; полностью во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 181—182.

[1] Парафраз из поэмы Г. Гейне "Германия (Зимняя сказка)" (гл. 1):

Ein kleines Harfenmädchen sang.
Sie sang mit wahren Gefühle
Und falscher Stimme, doch ward ich sehr
Gerühret von ihrem Spiele.

[2] Песни Шумана и Шуберта постоянно входили в репертуар П. Виардо.

[3] Имеется в виду участие Тургенева в юбилейных торжествах, посвященных 100-летней годовщине со дня рождения В. Скотта, где он произнес речь на английском языке, напечатанную в нескольких английских газетах. См. письма 2983 и примеч. 4 к нему, 2985, примеч. 3, 4.

[4] После установления во Франции республики семья Виардо приняла решение вернуться в Париж, где и поселилась в ноябре 1871 г. снова на улице Дуэ, 48. Тургенев снимал часть дома.

[5] Эти письма Тургенева неизвестны.

2993. Луи Поме (с. 123 и 350)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Cahiers*, 1983, № 7, p. 157.

В первой публикации письмо не датировано. Датируется предположительно на следующих основаниях: дом на улице Дуэ сдавался внаем на время отсутствия семьи Виардо в Париже, т.е. с 1863 по 1871 гг., за эти годы Тургенев несколько раз ездил в Париж и мог выполнять поручение, о котором идет речь в письме, неоднократно, однако в последний раз он мог выполнить его именно в 1871 г., поскольку в ноябре семья Виардо вернулась окончательно в Париж и поселилась вновь на улице Дуэ. Таким образом, 1871-й год — последний в этой условной датировке. В пользу нашего предположения говорит и высказанное в нескольких письмах Тургенева к П. Виардо за этот год беспокойство в связи с жильцом на улице Дуэ (см. № 2882, 2891). Возможно, беспокойство было связано именно с деньгами, поскольку Виардо находились во время переезда в стесненных финансовых обстоятельствах. Настойчивость, с которой Тургенев просит Поме принести деньги именно в этот день, т.е. в понедельник, как указано в письме, могла быть вызвана тем, что в этот день он уезжал из Парижа в Баден-Баден, где уже находились Виардо. Таким образом, если датировать письмо 1871 г., то оно могло быть написано только 9(21) августа, в понедельник, во время кратковременного заезда в Париж на пути из Англии в Баден-Баден.

[1] Эта доверенность, очевидно написанная для Тургенева Л. Виардо, неизвестна.

[2] По сообщению А. Звигильского, Виардо сдавали дом на ул. Дуэ некоему Кронье де Вариньи и сумма, указанная в письме, соответствует плате за 3 месяца (см. *Cahiers*,1983, № 7, p. 159, note 48). См. также 2882 и 2891.

[3] Марсель — лицо неустановленное.

2994. Людвигу Пичу (с. 123 и 351)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung. 1884. 24 Juni (6 Juli). № 176, Beiblatt. S. 5.

[1] Микобер — персонаж романа Ч. Диккенса "Дэвид Копперфильд" (1850). Это прозвище Тургенев объясняет в письме к Пичу от 3(15) сентября 1871 г. (№ 3002).

[2] Письмо Тургенева к Пичу из Эдинбурга неизвестно.

[3] Об участии Тургенева в эдинбургских торжествах памяти Вальтера Скотта и его выступлении см. № 2983, 2985 и др.

[4] Относительно поездки Пича в Бонн в этот период ничего неизвестно.

[5] Месяц спустя в письме к Пичу от 3(15) сентября Тургенев просил его не приезжать в Баден-Баден (см. письмо 3002).

[6] Очевидно, имеется в виду 8-й том сочинений Тургенева в издании братьев Салаевых (см. письмо 3010).

2995. Жюлю Этцелю (с. 124 и 351)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 122—123.

[1] Перевод рассказа "Поликушка" принадлежал Богомолец, урожденной Депре (сообщено М. Партюрье). Сведений о публикации этого перевода не обнаружено.

[2] Речь идет о рассказе "Стук... стук... стук!.." (Он был переведен на французский язык Э. Дюраном и опубликован в № 181, 184, 185 за 18, 21 и 22 июля ст.ст. 1871 г.).

2996. Н.А. Кишинскому (с. 125)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 47. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 26 августа".

Впервые опубликовано (за исключением отрывка, напечатанного в *Отчете ПБ* за 1894 г., с. 50): *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 123.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

[2] Холерная эпидемия в Орловской губернии в 1871 г. продолжалась с 22 июля по 30 сентября ст.ст. (см.: Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823—1872 гг. СПб., 1874. С. 218).

[3] Речь идет об имении Тургенева при селе Тапки Малоархангельского уезда Орловской губернии. См. письмо 2899, примеч. 1.

2997. М.М. Стасюлевичу (с. 125)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 49.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 13.

[1] Письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Необходимость скорейшего отъезда Стасюлевича в Петербург объяснялась, очевидно, редакционными делами журнала. Заменявший Стасюлевича в редакции "Вестника Европы" А.Н. Пыпин испытывал затруднения в определении цензурности статей. "Я, признаюсь, — писал он Стасюлевичу 9(21) августа 1871 г., — нередко теряю всякую способность рассуждать об этих предметах: как дикарь из Полинезии, не могу отличать дозволенного от недозволенного" (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1188).

[3] "Вешние воды".

2998. А.А. Фету (с. 126)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 515, оп. 1, № 34, л. 14 — 15.

Впервые опубликовано в отрывке и с ошибочной датой: *Фет*, ч. 2, с. 255. Пропущенное Фетом напечатано в альманахе "Северные цветы", 1902, с. 187 — 188. Полностью письмо напечатано: *Щукинский сб*, т. 8, с. 432 — 433.

Стр. 126. г-на Торкунова, выдающегося писателя (*англ.*).

[1] Письмо Фета неизвестно.

[2] Об участии Тургенева в торжествах по поводу столетия со дня рождения Вальтера Скотта см. № 2985 и примеч. к нему.

[3] Тургенев был приглашен на охоту в Питлокри семьей Бензен, где провел несколько дней с 29 июля (10 августа) по 4(16) августа. The Highlands — горная местность на севере и северо-западе Шотландии. Здесь, возможно, намек на балладу Р. Бернса "My heart's in the Highlands" ("В горах мое сердце").

[4] См. письмо 2975.

[5] Письмо П.И. Борисова неизвестно.

[6] Более развернутая характеристика поэзии А.Ч. Суинберна, с которым Тургенев был лично знаком, содержится в его письме к Я.П. Полонскому от 17(29) октября 1872 г. (наст. изд., Письма, т. 12), а в своих мемуарах Полонский приводит воспоминания Тургенева об английском поэте (И.С. Тургенев у себя, в его последний приезд на родину // Нива. 1884. № 7. С. 158). Ряд высказываний Тургенева о Суинберне сохранили также другие мемуаристы У⟨сов⟩ С. Мозаика // *ИВ*. 1912. № 12. С. 1051 — 1052 и др.

[7] Слухи о тяжелой болезни Л.Н. Толстого действительно были преувеличены. Опасаясь заболеть туберкулезом, от которого умерли два его брата (см. примеч. 2 к письму 2974), Толстой поехал пить кумыс в Самарскую губернию.

[8] Речь идет о романе "Война и мир". Тургенев внимательно следил за появлением глав романа в "Русском вестнике" и неоднократно давал развернутые отзывы о нем в своих письмах. Отношение к роману было у писателя сложным — от почти полного неприятия до оценки его как "великого произведения великого писателя" (см.: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. XV, с. 188), хотя философская концепция Толстого, как и его психологическая манера, не принималась Тургеневым полностью.

2999. Жюлю Этцелю (с. 127 и 352)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано (в виде отрывков): *Parménie*, p. 552 — 553; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 126 — 127.

[1] По-видимому, речь идет о французском переводе рассказа Л. Толстого "Поликушка"; см. письма 2995, 3006.

[2] Тургенев имеет в виду рассказ "Стук.. стук... стук!..".

[3] "Степной король Лир". О переводе повести см. примеч. 2 к письму 3011.

[4] Ср. письма 3061 и 3119, примеч. 4.

[5] 31 августа н.ст. 1871 г. (через день после написания данного письма) Национальное собрание приняло закон о продлении полномочий Тьера и провозгласило его президентом Республики. Ср. примеч. 7 к письму 2965.

3000. **Полине Брюэр** (с. 129 и 353)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 206—207.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 128.

Письмо датируется 1(13) сентября 1871 г., а не 13 августа, как ошибочно указал Тургенев, по следующим соображениям: 1) 1(13) августа Тургенев находился в Северной Шотландии и в Баден-Баден приехал только 9(21) августа; 2) впервые приступ подагры в колене у Тургенева был в сентябре 1871 г (см. письмо 3004); 3) вероятнее, что годовые проценты до 1 октября н.ст. 1872 г. Тургенев предполагал выплатить в сентябре, а не в августе.

[1] Этот приступ подагры, начавшийся в первых числах сентября, длился около месяца, затем последовали другие приступы, которые продолжались почти до конца года.

[2] См. примеч. 2 к письму 2961.

[3] В течение зимы 1871/72 г. Тургеневу не удалось выполнить этих обещаний. Только в 1873 г. он выплатил дочери большую часть своего долга — 44 000 из 50 000 франков (см. письмо к П. Брюэр от 19 сентября (1 октября) 1873 г.: наст. изд., Письма, т. 12).

[4] По всей вероятности, в 1869 г. Брюэр стал арендовать (совместно с Вимоном) стекольную фабрику в Ружмоне. В июле 1869 г. между компаньонами состоялся судебный процесс, который кончился для Брюэра благополучно — с условием, что до 1 января н.ст. 1870 г. он уплатит 15 000 франков. В 1871 г., освободившись от сотрудничества Вимона, Брюэр стал единоличным арендатором фабрики.

3001. **П.В. Анненкову** (с. 129)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 104-а, л. 13—14.
Впервые опубликовано: Звенья, т. 5, с. 279—280.

[1] Речь идет о фельетоне (В.П. Буренина), посвященном вышедшим в журнале "Русская старина" (1871, № 2—10) запискам Г.И. Добрынина, которые были напечатаны под названием "Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная" (см.: *СПб Вед*, 1871, 8(20) августа, № 216). Анненков выполнил просьбу писателя (см. письмо 3018). О записках Добрынина (позднее они вышли отдельным изданием: СПб., 1872) см. также письмо 3018 и примеч. 1 к нему.

[2] Имеется в виду начало статьи М.И. Жихарева "Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника" (*ВЕ*, 1871, № 7). Статья, содержавшая много новых материалов о Чаадаеве, вызвала возмущение ряда читателей, в том числе Тургенева, резким недоброжелательством автора по отношению ко многим современникам Чаадаева из прогрессивного лагеря. Следует заметить, что редакция "Вестника Европы" во многом смягчила и сократила оценки и суждения автора. См. также письмо 3013.

[3] Неожиданное упоминание имени М.К. Цебриковой вызвано, возможно, знакомством Тургенева с первым томом ее "Рассказов о погибших детях" (СПб., 1871) и его отрицательным впечатлением.

[4] Имеется в виду повесть "Вешние воды".

[5] О юбилее В. Скотта и об участии в нем Тургенева см. письмо 2985 и примеч. к нему. В не дошедшем до нас письме Анненкова, очевидно, выражалось сожаление о том, что Тургенев живет вне России. "Абсен-

теизм" (от лат. "absens, absentis" — "отсутствующий") буквально означает уклонение от участия в выборах, отсутствие на коллегиальных заседаниях.

[6] О подписке на памятник Пушкину см. письмо 2940, примеч. 3.

3002. Людвигу Пичу (с. 131 и 353)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале (с сокращениями и неверной датой — "14 сентября 1871 г.") — St.-Petersburger Zeitung, 1884, 24 Juni (6 Juli), Beiblatt, № 176, S. 5; полностью в немецком оригинале опубликовано: *Pietsch,* S. 96—97; в русском переводе — *Письма к Пичу,* с. 127—134.

[1] Ср. письмо 2994, примеч. 1.

[2] Вилла была продана московскому банкиру Ахенбаху, совладельцу банкирской конторы "Ахенбах и Колли".

[3] Ю. Шмидт напечатал статью о новейших произведениях Тургенева: Die neuen Schriften Iwan Turgenjew's. Beilage zur "Allgemeinen Zeitung". Augsburg. 1871. 5 September. № 248. S. 4365—4367. В этой статье говорилось о произведениях: "Странная история", "Степной король Лир", "Несчастная" и "Казнь Тропмана".

3003. Н.А. Кишинскому (с. 132)

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 48—49. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 26 сентября".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. IX, с. 131—132.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

3004. А.А. Фету (с. 133)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* Р. I, оп. 29, № 33, л. 49—50.

Впервые опубликовано: *Фет,* ч. 2, с. 236—237, с пропусками и ошибочной датой вследствие описки Тургенева. Письмо следует датировать 6(18) сентября, а не 6(18) августа, так как Тургенев приехал в Баден-Баден 9(21) августа, а приступ подагры начался у него только в конце августа ст.ст. 1871 г. (см. письма № 3000, 3002 и 3012).

Стр. 133. единственную дорогу к спасению (*нем.*).

Стр. 133. "Честная игра" (*англ.*).

Стр. 133. Ему на это наплевать, а мне наплевать на то, что ему на это наплевать (*франц.*).

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Передвижения (от франц. "locomotion").

[3] Тургенев намекает на недавние события франко-прусской войны 1870—1871 гг.

[4] См. письмо 2974, примеч. 3.

[5] Речь идет о критике Толстым установившихся норм литературного языка, которые он в этот период своей жизни (в связи с работой над "Азбукой") считал отжившими и не отвечающими задаче тесного сближения с народом. В письме к Н.Н. Страхову (март 1872 г.) Толстой писал: "...противен этот наш теперешний язык и приемы, а к другому языку и приемам

(он же и случился народный) *влекут мечты невольные* ⟨...⟩ даже Пушкин мне смешон, не говоря уж о наших элукубрациях, а язык, к⟨оторым⟩ говорит народ и в к⟨отором⟩ есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил ⟨...⟩ Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели — всё похоже на литературу" (*Толстой*, т. 61, с. 277, 278).

[6] Реформа средних учебных учреждений, утвержденная Александром II 19 июня ст.ст. 1871 г., имела в виду: "1) Не допускать, согласно с ныне действующими постановлениями, окончивших курс в реальных училищах ни в один из факультетов университетов. 2) Не превращать существующих классических гимназий в реальные училища" (*Моск Вед*, 1871, 4 июля, № 144).

[7] Тургенев откликается на выступления Каткова в газете "Московские ведомости" с защитой классической системы образования. Так, например, в передовой статье "Москва, 17 июля" Катков всячески превозносил старую прусскую гимназию, в которой больше половины учебного времени отводилось на изучение греческого и латинского языков. Греческий язык и латынь Катков считал основным "орудием воспитания детских умов к высшим призваниям мысли и деятельности" (*Моск Вед*, 1871, 18(30) июля, № 156).

[8] Подразумевается, по-видимому, Николай I.

[9] См. письмо 3014, примеч. 10.

[10] Цитата из стихотворения Пушкина "Телега жизни".

3005. Н.А. Кишинскому (с. 134)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 50. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 20 октяб⟨ря⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 134.

[1] Письмо И.Н. Серебрякова неизвестно.

3006. Жюлю Этцелю (с. 134 и 354)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 134—135.

[1] Рукопись французского перевода рассказа Л. Толстого "Поликушка" (см. письма 2995, 2999).

[2] Г-жа Б. — Богомолец, переводчица "Поликушки".

[3] Рассказ "Стук... стук... стук!.."

[4] "Степной король Лир".

3007. Людвигу Пичу (с. 135 и 355)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Первая публикация в немецком оригинале неизвестна. В русском переводе впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 5, с. 152—153, с сокращениями. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 93—94; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 123—124.

Датируется серединой сентября ст.ст. 1871 г. на основании письма к Ю. Шмидту от 22 сентября (4 октября) 1871 г., в котором говорится об уже

посланном Пичу рассказе "Стук... стук... стук!.." (см. письмо 3010), и письма к Пичу от 3(15) сентября 1871 г., где говорится о начале болезни (см. письмо 3002).

[1] В письме от 3(15) сентября 1871 г. больной Тургенев просил Пича не приезжать в Баден-Баден (см. письмо 3002).

[2] Тургенев имеет в виду французский перевод рассказа "Стук... стук... стук!.." (см. примеч. 2 к письму 2995), с которого Пич предполагал сделать перевод на немецкий язык.

3008. С.Д. Полторацкому (с. 136)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1130, оп. 1, № 4. На подлиннике помета Полторацкого: "От Ивана Сергеевича Тургенева. В Бадене. В поне⟨дельник⟩ 2 октяб⟨ря⟩ (20 сент.) 1871, в 3 часа".

Впервые опубликовано: Б у р ц е в А.Е. Записки библиофила. СПб., 1912. Вып. 4. Факсимиле.

[1] Речь идет о намерении адресата получить от Тургенева, или под поручительство Тургенева, взаймы деньги через банкира Мюллера. См. письмо 3105 и примеч. 6.

3009. Шарлю Бюлозу (с. 136 и 355)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 136.

[1] Упоминаемое Тургеневым его письмо к Бюлозу неизвестно. Оно заключало предложение напечатать в "Revue des Deux Mondes" повесть "Степной король Лир" (см. письма 2999, 3006 и 3011).

3010. Юлиану Шмидту (с. 136)

Печатается по тексту (неполной) публикации: *ВЕ*, 1909, № 3, с. 262, в русском переводе. Немецкий оригинал неизвестен. Окончание письма, со слов "То, что я поеду в Париж...", печатается впервые в русском переводе, выполненном с французской копии И. Гальперина-Каминского см.: W a d d i n g t o n P. Turgenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix. Pinehaven, New Zealand, 1998. P. 4.

[1] Тургенев имеет в виду повесть "Вешние воды", которая была напечатана в январском номере "Вестника Европы" за 1872 г.

[2] Прилагаемое письмо Тургенева к Л. Пичу неизвестно. "Маленький рассказ", по-видимому, "Стук... стук... стук!..". Шмидт высказал свое мнение о рассказе в статье "Тургенев и Писемский", которая была переведена на русский язык: «Тургенев блестящим образом осмеял его ("модного героя") в рассказе "Стук... стук... стук!..", хотя в этом рассказе рассуждения автора о самоубийстве обличают некоторую родственность автора с его предметом» (Газета Гатцука. 1875. № 42. С. 697).

[3] Эти планы Тургенев не осуществил: в Петербург он поехал лишь в мае 1872 г.

[4] Название повести восстанавливается в ломаных скобках по первой публикации (W a d d i n g t o n P. Turgenev and Schmidt... P. 4), поскольку,

как предположил П. Уоддингтон, Гальперин-Каминский не смог прочитать немецкое название "Вешних вод" и оставил в рукописи пробел (там же).

[5] Публикуя данное письмо в "Вестнике Европы", Шмидт дал следующее примечание к этой фразе: «Тургенев как-то спросил меня, как мне понравился "Степной король Лир", и я ему ответил, что, собственно говоря, на мой вкус это слишком крепкий табак. На это он ответил: "То же самое говорит и Mme Виардо"».

3011. Жюлю Этцелю (с. 137 и 355)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 137—138.

[1] Речь идет, по-видимому, о повторном обращении Тургенева к Ш. Бюлозу (№ 3009) с предложением напечатать перевод "Степного короля Лира" в "Revue des Deux Mondes".

[2] "Степной король Лир" в переводе Тургенева и Л. Виардо был опубликован с некоторыми сокращениями в "Revue des Deux Mondes" 15 марта 1872 г. В июне 1872 г. перевод был перепечатан в "Indépendance Belge", а затем вошел в сборник рассказов Тургенева "Etranges histoires" (Hetzel, Paris, 1873); в сборнике текст был полностью восстановлен (см. письмо к Этцелю от 12(24) ноября 1872 г.: наст. изд., Письма, т. 12).

3012. М.М. Стасюлевичу (с. 138)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 51—52.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 156—157, с сокращениями. Полностью опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 14.

Стр. 139. Париж, улица Дуэ, 48, г-ну Виардо — для передачи г-ну И.Т. (*франц.*).

[1] Письма Стасюлевича неизвестны.

[2] "Вешние воды".

[3] "Слух о комедии" подробно разъясняется в письме 3013.

3013. П.В. Анненкову (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 43-44.

Впервые опубликовано в виде отрывка: Проблемы реализма русской литературы XIX в. М.; Л., 1961. С. 402. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 140—141.

Стр. 139. да погибнут Цебриковы! (*лат.*).

[1] Письма Анненкова неизвестны.

[2] Подписка для сбора пожертвований на сооружение памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске была объявлена летом 1871 г., после официального разрешения ее 23 июля 1871 г. (см. об этом: Голос. 1882. № 305. 9 ноября). Конкурсной комиссией был одобрен проект А.М. Опекушина, и 16(28) августа 1889 г. состоялось открытие памятника.

[3] Письмо Анненкова, в котором излагался какой-то анекдот о М.К. Цебриковой и Л.А. Ожигиной, неизвестно. Возможно, что анекдот рассказывал о промахах и ошибках в статьях М.К. Цебриковой (незадол-

го перед тем в "Отечественных записках" она спутала Вашингтона Ирвинга с Натаниэлем Готорном). Ср. также письмо 3001, примеч. 3.

[4] Речь идет о процессе единомышленников С.Г. Нечаева, длившемся с 1(13) июля по 1(13) сентября 1871 г. (см. примеч. 4 к письму 2981). Говоря о "пеноуротной" многовещательности процесса, Тургенев, по-видимому, имел в виду выступления ряда обвиняемых с подробным изложением своих общественно-политических взглядов.

[5] Имеется в виду повесть "Вешние воды".

[6] Слухи, о которых сообщили Тургеневу Стасюлевич и Анненков, имели своим основанием подготовлявшуюся постановку "Месяца в деревне" на сцене Малого театра (13 января 1872 г., в юбилейный бенефис Е.Н. Васильевой; см.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 650—651). Ср. письмо 2906 и примеч. 2 к письму 3030.

[7] Рецензия Тургенева на книгу А. Больца "Lehrgang der Russischen Sprache für den Schul-, Privat- und Selbstunterricht" (4. Auflage, Berlin, 1871) была опубликована в "С.-Петербургских ведомостях" (1871, 7(19) октября, № 276).

[8] Рассказ "Маститого беллетриста" (псевдоним В.П. Буренина) "Героиня романа. (Рассказ ради искусства для искусства)" был напечатан в № 251, 258 и 265 "С.-Петербургских ведомостей" за 1871 г. (12, 19, 26 сентября ст.ст.).

[9] Статьи Жихарева о Чаадаеве были напечатаны в № 7, 8 "Вестника Европы" за 1871 г. См. примеч. 2 к письму 3001.

3014. А.А. Фету (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 315, картон 12, № 4.

Впервые опубликовано: *Т сб (Бродский)*, с. 129-130.

День недели не соответствует числу. Вероятно, Тургенев ошибся в указании дня недели. Следовало написать "воскресенье".

Стр. 141. вот они, твои уроки! (*франц.*).

Стр. 142. восстановить свою девственность (*франц.*).

Стр. 142. Париж, улица Дуэ, 48, у г-на Виардо (*франц.*).

[1] Боевой клич французских воинов в средние века. Св. Дени (Saint-Denis) считался патроном-покровителем Парижа и Франции.

[2] Боевой клич враждебных политических партий Гвельфов и Гиббелинов (XII—XV вв.).

[3] Письмо Фета, на которое отвечает Тургенев, неизвестно, однако, сопоставляя это письмо с предыдущим, становится ясным, что Тургенев продолжает спор о роли классического образования, который шел на страницах периодической печати (см. письмо 3004, примеч. 6, 7). Полемизируя с суждениями Фета о І-м Интернационале, Тургенев ошибался, считая, что "Международное товарищество рабочих" не допускало в свои ряды представителей интеллигенции. Термин "Интернационалка", возможно, был заимствован Фетом из статей Каткова (см., например: *Моск Вед*, 1871, № 205, 220, 235 и др.).

[4] По официальному разъяснению К. Маркса («Заявление Генерального совета в редакцию газеты "Times"»), "Асси никогда не был членом Интернационала" (М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 375).

[5] Подчеркивая слово "азбука", Тургенев намекает на "Азбуку" Л.Н. Толстого, над которой работал в это время писатель, вплотную занявшийся вопросами народного образования. Возможно, что в не дошедшем

письме Фета излагалось и мнение Толстого по обсуждаемой проблеме (см. письмо 3004 и примеч. 5 к нему). Семеновка — возможно, описка Тургенева, вместо — Степановка (имение Фета).

[6] О газетной полемике в связи с подготовлявшейся школьной реформой и, в частности, о высказываниях Каткова см. письмо 3004, примеч. 7. В этом письме — наиболее полная формулировка Тургеневым собственного отношения к реальному и классическому образованию.

[7] Надписи на рисунке снизу вверх по горизонтали: 1) Am Grund <?> (на почве, в основании — *нем.*); 2) университет; 3) служение обществу. По вертикали слева направо в нижней фигуре: 1) изображение мыши <?> и стрелки вверх; 2) изображение мыши, сбегающей вниз; 3) класс<ическая> гим<назия>; 4) реаль<ная> гим<назия>; 5) техн<ическое> уч<илище>. По вертикали слева направо в верхней фигуре: 1) юрид<ические> науки; 2) медицина; 3) филология; 4) естеств<енные> науки; 5) теология.

[8] В 1870 г. в Пруссии был разрешен доступ на некоторые факультеты университета лицам, окончившим реальные училища.

[9] Нечаев был учителем в начальной школе и латинского языка не преподавал. В письме Фета, очевидно, высказывалось мнение о том, что предпочтение классических гимназий реальным предотвратит приток в высшие учебные заведения революционной разночинной молодежи.

[10] О какой комедии идет речь, неясно.

[11] Речь идет о продаже баден-баденского дома.

[12] Говоря о желании "быть простым, как Гомер", Тургенев, без сомнения, имеет в виду Толстого, который начал изучать греческий язык, чтобы читать в подлиннике греческих авторов. В письме к Фету от 1—6 января 1871 г. Толстой писал: «Я ничего не пишу, а только учусь ⟨...⟩ я ⟨...⟩ убедился, что из всего истинно прекрасного и простого прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал ⟨...⟩ и писать дребедени многословной, вроде "Войны", я больше никогда не стану» (*Толстой*, т. 61, с. 248). Ссылаясь на Гюго, Тургенев, очевидно, имеет в виду следующие слова Марион Делорм из одноименной драмы Гюго (акт V, сцена 2):

Près de toi rien de moi n'est resté,
Et ton amour m'a fait une virginité.
(Близ тебя ничего от меня не осталось,
И твоя любовь сделала меня девственной.)

3015. Н.Н. Рашет (с. 142)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 64.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3—4, с. 721.

3016. Н.А. Кишинскому (с. 143)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 51. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 9-го октяб⟨ря⟩. 100 р. Пав⟨лу⟩ Вас⟨ильевичу⟩ выслал тоже 9 октябр⟨я⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, Т. IX, с. 145.

[1] Письма И.Н. Серебрякова и ответное письмо Тургенева неизвестны. О просьбе Серебрякова см. письмо 3005.

3017. Полине Брюэр (с. 143 и 356)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 209.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 145 – 146.

3018. П.В. Анненкову (с. 144)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 45 – 46.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 146 – 147.

[1] "Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная. 1752 – 1823" опубликовано в "Русской старине" (1871, № 2 – 10). О севском архиерее Кирилле Флиоринском говорится там же (№ 2, с. 140 – 141).

[2] "Господа ташкентцы" М.Е. Салтыкова-Щедрина печатались в "Отечественных записках" в 1869 (№ 10 – 11), 1870 (№ 11), 1871 (№ 9 и 11) и 1872 г. (№ 1 и 9).

[3] Речь идет о постановке комедии Тургенева "Месяц в деревне" на сцене Малого театра. См. примеч. 2 к письму 3030.

[4] Луиза Эритт дебютировала в Мариинском театре под именем Луизы Виардо в опере А.Н. Серова "Рогнеда" (роль княгини) 6 мая 1871 г. Сдержанный отзыв о ее дебюте см.: Литературное прибавление к журн. "Нувеллист". 1871. № 8. С. 61.

[6] Возможно, что в пакете находился фотографический снимок скульптуры М.М. Антокольского "Иоанн Грозный", который Тургенев просил ему прислать (см. письмо 2927).

[6] Статья Н.И. Костомарова "Личность царя Ивана Васильевича Грозного" была опубликована в "Вестнике Европы" (1871, № 10, с. 499 – 571).

[7] В начале октября 1871 г. Историко-филологическое отделение Академии наук избрало адъюнктом Академии А.Н. Пыпина. Хотя это избрание вызвало резкую оппозицию в части научной общественности и прессы, хотя его решительно порицали правительственные круги, видевшие в Пыпине близкого родственника Чернышевского и "опасного революционера", оно месяц спустя было подтверждено Общим собранием. По желанию Александра II была назначена комиссия из нескольких высших сановников. "Комиссия, — рассказывает современник, — не знала, как сладить с этим делом, и признала за лучшее, чтобы Пыпин отказался сам от звания члена Академии. Это он и сделал" (*Никитенко*, т. 3, с. 219). С.М. Соловьев был избран ординарным академиком 3 марта ст.ст. 1872 г. Весь этот эпизод оживленно обсуждался на страницах газет.

3019. Теодору Ахенбаху (с. 145 и 356)

Печатается по факсимиле, воспроизведенному в первой публикации: *Cahiers*, 1985, № 9, p. 106. Подлинник хранится в альбоме автографов, собранных П.А. Козловым, и ныне принадлежащем В. Козлову (С.-Петербург).

Впервые опубликовано в немецком оригинале и французском переводе: *Cahiers*, 1985, № 9, p. 107. В русском переводе впервые опубликовано с некоторыми неточностями: Огонек. 1986. 1 января.

[1] Предыдущее письмо Тургенева к Т. Ахенбаху и его ответ неизвестны.

[2] Речь идет об освобождении виллы, в которой Тургенев жил с 1868 г. в Баден-Бадене и которая была построена им рядом с виллой Виардо. В связи с решением вернуться во Францию Тургенев и Виардо продали свои дома в Баден-Бадене. Вилла Тургенева была продана московскому

банкиру Т.Г. Ахенбаху. Из своего дома Тургенев переехал на виллу Виардо, а 19 ноября н.ст. выехал из Баден-Бадена в Париж.

3020. Н.А. Кишинскому (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 52. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. 2 ноябр⟨я⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 146 — 147.

[1] Дочь И.П. и Л.И. Тургеневых Евгения была включена в число пенсионеров Тургенева (см. письмо к Н.А. Щепкину от 22 октября (3 ноября) 1876 г.).

3021. В.В. Стасову (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 738, № 223, л. 3 — 4.

Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 163 — 164.

[1] Письмо Стасова от 13(25) октября 1871 г., где он просил сообщить новости о М.М. Антокольском и выражал беспокойство по поводу отсутствия от него известий, см.: *Т сб*, вып. 1, с. 447 — 448. Вскоре Стасов получил телеграмму и письмо от М.М. Антокольского, о чем и сообщал Тургеневу в письме от 29 октября (10 ноября) 1871 г. (см.: там же, с. 450 — 451).

[2] Речь идет о статуе "Иван Грозный", бронзовый отлив с которой был заказан Антокольскому Александром II для Эрмитажа.

[3] Имеется в виду комедия А.Н. Островского "Не всё коту масленица", напечатанная в журнале "Отечественные записки" (1871, № 9, отд. 1, с. 1 — 68).

[4] Суждения Тургенева являются ответом на письмо Стасова от 13(25) октября 1871 г. Касаясь комедии "Не всё коту масленица", Стасов писал Тургеневу: «Этакая гибель таланта, верного схватыванья характеров, этакое мастерство в "разговоре", а между тем всё вместе — преглупая и пренелепая вещь. Читаешь, читаешь — удивительно! а кончил — закрываешь книгу с досадой на пустяки и глупости (что за пуганье ножом, что за развязка и т.д.!). Вот этого странного соединения таланта с нехваткою ума, мне кажется, нигде не найдешь в Европе кроме нас. А у нас, зато, куда ни сунься, в литературу, в музыку, в живопись — везде одно и то же! Исполнители — отличные, изобретатели — плохие...» (*Т сб*, вып. 1, с. 448).

3022. Н.С. Тургеневу (с. 148)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 79 — 80. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Получено 23(4) окт. 71. Москва".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 9, с. 495 — 496.

[1] Тургенев приехал в Россию лишь в мае будущего, 1872 г.

[2] А.Я. Тургенева скончалась в апреле 1872 г.

[3] В Карлсбад на лечение Тургенев попал только в июне 1873 г.

[4] Новое издание "Сочинений И.С. Тургенева (1848 — 1868)" было выпущено в 1874-1875 гг.

[5] См. примеч. 1 к письму 3020. Сергей Петрович — Тургенев.

3023. Н.А. Кишинскому (с. 149)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 53. На подлиннике пометы Кишинского: "Отв. 2 ноябр⟨я⟩", "Писал 26 ноября с представ⟨лением⟩ ведомости".

Впервые опубликовано в виде отрывка: *Отчет ПБ за 1894* год, с. 49. Полностью опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 151.

[1] Письма Кишинского и И.Н. Серебрякова неизвестны. О просьбе Серебрякова сделать его управляющим одним из имений Тургенева см. в письмах 3005 и 3016.

[2] В.Н. Житова вспоминала, как мать Тургенева, Варвара Петровна, "говаривала", что "Ваничка ужасно всякие фрукты любит" и в Спасском "в фруктовых грунтовых сараях" стояли громадные персиковые деревья (*Житова*, с. 107).

3024. П.В. Анненкову (с. 149)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 47 – 48.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 151 – 152.

Стр. 150. у г-на Виардо, улица Дуэ, 48 (*франц.*).
Стр. 150. Возраст немалый! (*лат.*).

[1] Речь идет о повести "Вешние воды".

[2] М.М. Антокольский в это время находился в Риме и работал над проектом статуй для моста через Неву. Письмо Стасова, о котором идет речь, см.: *Т.сб*, вып. 1, с. 447 – 448. См. также примеч. 3 к письму 3130.

3025. С.Д. Полторацкому (с. 150)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 74.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 152 – 153.

3026. Жюлю Этцелю (с. 151 и 357)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 153-154.

3027. А.А. Фету (с. 151)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20293, л. 23 – 24.
Впервые опубликовано: Щукинский сб., вып. 8, с. 434.

Стр. 152. тем самым (*лат.*).
Стр. 152. "нетитулованное дворянство" (*англ.*).

[1] Письмо Фета неизвестно. Жорж Данден — персонаж комедии Мольера "Жорж Данден, или Одураченный муж" ("George Dandin ou Le Mari confondu"). Можно предположить, что Фет, продолжая полемику с Тургеневым и оправдывая, очевидно, резкость тона, считал свои доводы (о них можно получить некоторое представление из настоящего письма) неопровержимыми. Ставшая крылатой фраза: "Ты сам этого хотел, Жорж Данден" ("Vous l'avez voulu, George Dandin" — действие I, сцена IX), обращенная героем к самому себе, употребляется в значении: "Ты этого добивался, пенять не на кого".

[2] См. письмо 3014.

[3] О записках Гавриила Добрынина см. примеч. 1 к письму 3018.

3028. С.Д. Полторацкому (с. 153)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 376.

Впервые опубликовано: Б у р ц е в А.Е. Записки библиофила. СПб., 1912, вып. 4, факсимиле.

[1] Вероятно, речь идет о письме Тургенева к банкиру Мюллеру с просьбой о кредите для С.Д. Полторацкого (см. письмо 3025).

3029. Людвигу Пичу (с. 153 и 357)

Печатается по неполному подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале (с искажениями в тексте и датировке) — St.-Petersburger Zeitung, 1884, 24 Juni (6 Juli), № 176, Beiblatt, S. 5; в русском переводе (с искажениями в тексте и датировке) — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 152. С исправлением неточностей и уточнением в дате впервые опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 97—98; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 128—129.

[1] Тургенев имеет в виду свой день рождения — 28 октября (9 ноября). Письмо Пича с поздравлением до нас не дошло.

[2] Цитата из Шиллера: "Орлеанская дева" (Пролог, явл. 4, строка 10) содержит намек на предстоящий окончательный отъезд из Баден-Бадена.

[3] Новый владелец — банкир Ахенбах — расширил парк с боковой стороны дома и сохранил возле железных ворот мраморную белую доску с выбитой надписью: "Villa Turgenjew" (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 1, с. 209; П л е щ е е в А.А. Что вспомнилось. СПб., 1914. Т. 3. С. 268—269).

[4] Тургенев имеет в виду памятник Шиллеру (работы Рейнгольда Бегаса), открытие которого состоялось 10 ноября н.ст. 1871 г. в Берлине.

[5] Речь идет о повести "Вешние воды". Это суждение ср. с высказанным в письме 3109.

3030. П.В. Анненкову (с. 154)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 49—50.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 157—158.

Стр. 154. "прекрасные дни Аранхуеса миновали" (*нем.*).

Стр. 154. убежища (*франц.*).

[1] Неточная цитата из драматической поэмы Фр. Шиллера "Don Karlos, Infant von Spanien" (1783–1787). В начале первого акта Доминго говорит:

Die schönen Tage in Aranjuez
Sind nun zu Ende.

[2] О "Месяце в деревне" в письме от 30 октября ст.ст. 1871 г. Анненков писал: "Александр Островский отвечает на мой вопрос приблизительно следующее: Никакого труда обделки он в вашу комедию не клал и класть не будет, а приспособить ее к сценической постановке, в случае приглашения со стороны Васильевой, — готов, но это, конечно, не дает ему никакого права фигюрировать на афише рядом с вашим именем" (*Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 15). Ср. письмо 3013 и примеч. 6 к нему. Постановка

"Месяца в деревне" в бенефис Е.Н. Васильевой состоялась в московском Малом театре 13 января ст.ст. 1872 г.

[3] Сказанное здесь о Л. Эритт де ла Тур является ответом на следующее место письма Анненкова от 30 октября ст.ст. 1871 г.: "Я слышал стороной, что настоящим поводом для вступления на сцену г-жи Герит было опасенье быть высланною к мужу или семейству старым императорским посольством. Она скрылась в оперу, как в lieu d'asile, — это ее слова, как говорят. О втором ее дебюте вовсе и не толковали, а теперь и ее дебют и она сама забыты наиполнейшим образом" (*Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 15).

[4] Старший из братьев Либанов — А.О. Либан.

[5] См. примеч. 2 к письму 3024.

[6] Речь идет о первом чтении "Дворянского гнезда" в Петербурге, во второй половине ноября или первой половине декабря 1858 г. См.: наст. изд., Сочинения, т. 6, с. 379; т. 3, № 736, 739, 741.

3031. Людвигу Фридлендеру (с. 155 и 358)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 158—160.

[1] В Баден-Бадене Тургенев задержался с детьми Виардо, в то время как П. и Л. Виардо занимались устройством жилища на ул. Дуэ, 48 (см. письмо 3026).

[2] Эта поездка не состоялась, Тургенев приехал в Россию в мае 1872 г.

3032. Полине Брюэр (с. 155 и 358)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 210.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, 1 juin, № 815, p. 319—320. Перепечатано: *Séménoff*, p. 217—218.

[1] См. примеч. 3 к письму 3029.

3033. М.М. Стасюлевичу (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 53—54.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 157—158.

Стр. 156. "Когда дело проиграно, появляется большая дерзость" (*лат.*).

[1] Письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Сохранились две рукописи "Степного короля Лира" (*Bibl Nat*, Slave 76, 85; фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 217, 318). При переписке Тургенев значительно переработал текст повести. О работе Тургенева над повестью см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 479—485. В письме говорится о повести "Вешние воды".

[3] Речь идет о статье Стасюлевича "Ответ на предложение г. Каткова", напечатанной в виде "Письма в редакцию" в "С.-Петербургских ведомостях" (1871, 30 октября (11 ноября), № 299) в ответ на статью М.Н. Каткова в № 220 "Московских ведомостей" за 1871 г. Обе статьи посвящены реальным училищам в Пруссии в связи с газетной полемикой о школьной реформе (ср. примеч. 6 и 7 к письму 3004).

3034. Гюставу Флоберу (с. 157 и 358)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 115. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31—32, с. 679; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 162.

3035. М.М. Стасюлевичу (с. 157)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 55.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 15.

[1] Телеграмма Стасюлевича неизвестна: в ней Стасюлевич просил Тургенева срочно (для декабрьской книжки "Вестника Европы") написать некролог скончавшегося 30 октября (11 ноября) 1871 г. Н.И. Тургенева. Для этого некролога сыновья покойного и привезли "некоторые документы".

[2] Повесть "Вешние воды". Сохранились две рукописи повести (одна из них наборная), мало отличающиеся друг от друга (*Bibl Nat,* Slave 76; фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 216, 219).

3036. П.В. Анненкову (с. 158)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 23—24.

Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 163.

[1] Речь идет о повести "Вешние воды".

[2] См. примеч. 1 к письму 3035.

[3] Исторический журнал "Русская старина" издавался с января 1870 г. М.И. Семевским. См. письма 3001, примеч. 1; 3018, примеч. 1.

[4] Имеется в виду "История русской литературы в очерках и биографиях. (862—1852)" П.Н. Полевого (СПб., 1872), в которой Тургеневу посвящена отдельная глава; о предстоящем ее выходе Тургенев узнал из газетных объявлений.

[5] О "Русском календаре на 1872 г." А.С. Суворина Тургенев также узнал из газетных объявлений.

[6] Художник Н.Н. Ге в 1871 г. вылепил бюст Белинского, приобретенный П.М. Третьяковым. При работе он, по сообщению В.В. Стасова, пользовался советами и указаниями лиц, знавших Белинского, в том числе и Тургенева (см.: С т а с о в В.В. Николай Николаевич Ге, его жизнь и переписка. М., 1904. С. 242—243), что подтверждается впервые публикуемым полностью в настоящем томе письмом Тургенева к П. Виардо (№ 2876). Ср. также неопубликованную записку Ге о своей работе над бюстом, хранящуюся в архиве А.Н. Пыпина, *ГПБ*). Вероятно, в благодарность за помощь Ге прислал Тургеневу авторскую копию бюста. Репродукцию бюста см.: *Лит Насл*, т. 55, с. 153.

[7] Письмо В.В. Стасова от 29 октября (10 ноября) 1871 г. см.: *Т сб*, вып. 1, с. 450—452.

[8] Князь Н.А. Орлов был назначен русским послом во Францию 9(21) января 1872 г.

3037. Гюставу Флоберу (с. 159 и 359)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 117. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 467; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 8, с. 36.

Датируется по связи со следующим письмом к Флоберу (№ 3039), которое помечено воскресеньем. Данное же письмо, как явствует из их сопоставления, написано накануне, т.е. в субботу, и притом вскоре после приезда. В Париж Тургенев приехал в понедельник 8(20) ноября 1871 г. Следовательно, дата настоящего письма — 13(25) ноября 1871 г.

3038. Жюлю Этцелю (с. 159 и 359)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 164.

Письмо датируется по сопоставлению с письмами 3036, 3037.

3039. Гюставу Флоберу (с. 159 и 359)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 120. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 462; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 7, с. 99.

Датируется по сопоставлению с письмом 3037.

3040. Гюставу Флоберу (с. 160 и 359)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 122. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 471; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 8, с. 40.

Датируется по связи с предыдущим письмом к Флоберу. Данное письмо написано в понедельник, т.е. на следующий день — 15(27) ноября 1871 г.

[1] О предполагавшемся еще в августе 1871 г. чтении "Искушения святого Антония" см. письмо 2966.

3041. Гюставу Флоберу (с. 160 и 360)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 119. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 462—463; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 7, с. 100.

Датируется по связи с письмом 3043.

[1] См. примеч. 1 к письму 3035. В семье Н.И. Тургенева писателя называли родственником, но в действительности он им не был.

[2] См. письма 2944, 2966, 2992, 3188, 3205.

[3] Семья Н.И. Тургенева значительную часть года проживала в Вербуа, недалеко от Буживаля. О посещении Вербуа Тургеневым 29 ноября н.ст. см. письмо Ф.Н. Тургеневой к И.С. Гагарину от 30 ноября н.ст. 1871 г. (А л е к с е е в М.П. По следам рукописей И.С. Тургенева во Франции // *Рус лит*, 1963, № 2, с. 79). Запись от 29 ноября ст.ст. в дневнике Ф.Н. Тургеневой свидетельствует о том, что Тургенев побывал в Вербуа и читал свой некролог памяти Н.И. Тургенева (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 376).

3042. Жюлю Этцелю (с. 161 и 360)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 166—167.

Датируется на основании тех же данных, что и письмо 3041.

[1] См. письмо 3041, примеч. 3.

[2] Речь идет о рассказе "Стук... стук... стук!..". В переводе Э. Дюрана на французский язык он был напечатан в газете "Le Temps" (1871, 10—12 novembre, № 3866—3868).

[3] Вероятнее всего, Тургенев имеет в виду французского политического деятеля Теофиля Русселя. В феврале 1871 г. он был избран членом Национального собрания. Проявил себя как решительный и энергичный сторонник республики и демократических преобразований в стране. Должно быть, Тургенев получил ложные известия о его смерти.

3043. М.М. Стасюлевичу (с. 161)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 57.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 16.

[1] Некролог Н.И. Тургенева, заказанный Стасюлевичем, появился в "Вестнике Европе" (1871, № 12).

[2] Повесть "Вешние воды". Напечатана она была в № 1 "Вестника Европы" за 1872 г.

3044. Жюлю Этцелю (с. 162 и 361)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 168.

Письмо датируется на основании следующих данных. В письме идет речь о семейном совете по делам опеки несовершеннолетнего сына покойного Н.И. Тургенева — Петра. Этот совет, в состав которого входил И.С. Тургенев, был оформлен в мэрии городка Рюей-Мальмезон (под Парижем, в нескольких километрах от Буживаля) в воскресенье 3 декабря н.ст. 1871 г. (см. дневник Ф.Н. Тургеневой — запись от 3 декабря // *Лит Насл*, т. 76, с. 376). Ближайший до этого четверг, которым помечено письмо, приходился на 18(30) ноября.

3045. П.В. Анненкову (с. 162)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 51—52.

Впервые опубликовано в виде отрывка в кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX в. М.; Л., 1961. С. 399.

[1] Эта просьба вызвана, очевидно, желанием П. Виардо, проявлявшей большой интерес к русской музыке, познакомиться с партитурой новой оперы Даргомыжского. Ср. письмо 3111, примеч. 5.

[2] "Вешние воды".

[3] В "Русском вестнике" за 1871 г. (№ 1—2, 4—11) были опубликованы первые две части романа Ф.М. Достоевского "Бесы". Тургенев имеет в виду слова П. Верховенского в восьмой главе второй части: "Знаете ли, что

этот раб крепостной больше себя уважал, чем Кармазинов себя? Его драли, а он своих богов отстоял, а Кармазинов не отстоял" (*Рус Вестн*, 1871, № 11, с. 292). О взаимоотношениях Достоевского и Тургенева, приведших в 1867 г. к разрыву, см. в работах Юрия Никольского (Тургенев и Достоевский: История одной вражды. София, 1921), И.С. Зильберштейна (*Достоевский и Т.*), А.И. Батюто (Достоевский и Тургенев в 1860—1870-е годы: Только ли "История вражды"? // *Рус лит.* 1979. № 1. С. 41—64; Идеи и образы: К проблеме "И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский в 1870-е годы" // Там же. 1982. № 1. С. 76—96), Н.Ф. Будановой (Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987). Свой долг Тургеневу Достоевский уплатил 6(18) июля 1875 г. (см.: Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 237); тема «Тургенев в "Бесах"» раскрыта Н.Ф. Будановой (Указ. соч. С. 56—76), а также в комментариях к роману (*Достоевский*, т. 12). См. также: Долинин А. Тургенев в "Бесах" // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. М.; Л., 1924. Сб. 2. С. 117—136.

3046. Полине Брюэр (с. 163 и 361)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, № 44, л. 211.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, 1 juin, № 815, p. 320. Перепечатано: *Séménoff*, p. 218.

[1] Дедушка и бабушка — родители Г. Брюэра, проживавшие в Париже.
[2] После переселения семьи из Баден-Бадена в Париж.

3047. А.А. Фету (с. 163)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 51—52.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 237—238, с пропусками. Пропущенное Фетом напечатано в альманахе "Северные цветы", 1902, с. 188.

[1] Письмо Фета, в котором он сравнивал Стасюлевича с Чернышевским и Нечаевым, неизвестно.
[2] Об отношении Фета к Литературному фонду см. письмо 3091. Одним из источников денежных средств "Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым" были "пожалования высочайших особ" (ср.: *Фет*, ч. 2, с. 246—247).
[3] Л.Н. Толстой работал в это время над книгой для детей "Азбука". Возможно также, что он делился с Фетом замыслом романа из эпохи Петра I, который не был осуществлен. 26 октября ст.ст. 1872 г. Толстой писал А.А. Толстой: «В последнее время, кончив свою "Азбуку", я начал писать ту большую [вещь] (я не люблю называть романом), о которой я давно мечтаю» (*Толстой*, т. 61, с. 332).
[4] Тургенев имеет в виду философские взгляды Толстого, отразившиеся в "Войне и мире"; см. также письмо 2998. Об отношении Тургенева к философско-этическим исканиям Толстого см.: Батюто А.И. Полемика Тургенева с Л.Н. Толстым в 1869 г. (По данным чернового автографа статьи «По поводу "Отцов и детей"» // *Т сб*, вып. 3, с. 135—140.
[5] Фет был в Неаполе в январе 1857 г. (см.: *Фет*, ч. 1, с. 174, 177).
[6] Придя к власти вскоре после падения Наполеона III, Тьер заявил, что французская республика будет "консервативнейшей из всех республик".

[7] История с зерносушилкой, рассказанная в записках Фета "Из деревни", нашла отражение в романе "Дым", оказавшись удобным поводом для нападения на славянофилов (см.: наст. изд., Письма, т. 7, № 1823, примеч. 4). Восклицание "Ты победил, Галилеянин!", ставшее крылатым выражением, обозначающим признание своей неправоты, приписывается христианской легендой римскому императору Юлиану Отступнику. Галилеянин — Иисус Христос.

3048. П.В. Анненкову (с. 165)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 25.
Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 165.

[1] Письмо 3049.

3049. П.В. Анненкову (с. 165)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 27.
Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 164.

Стр. 165. была не была! (*франц.*).
Стр. 165. Непременное условие (*лат.*).
Стр. 166. Одно это говорит больше, чем целые тома (*франц.*).
Стр. 166. вы первым будете получать мои новые вещи (*франц.*).

[1] Речь идет о повести "Вешние воды".

[2] Подразумеваются сборник исторических материалов "Девятнадцатый век" и № 1 исторического журнала "Русская старина".

[3] Речь идет о назначении М.Н. Лонгинова (15 ноября 1871 г.) начальником Главного управления по делам печати. О Лонгинове см. примеч. 10 к письму 3074.

[4] В первые годы существования "Третьей республики" ей все время угрожало восстановление монархии. Монархическая пропаганда велась совершенно открыто, монархисты были даже в самом республиканском правительстве, "самом консервативном среди всех возможных", по выражению самого президента Тьера. Едва ли не единственным препятствием для провозглашения французским королем главного претендента графа Шамбора (Генриха V) оказывалось его требование признать государственным флагом белое знамя Бурбонов вместо трехцветного республиканского. Это и дало основание Тургеневу иронизировать относительно "белой республики", готовой превратиться в монархию.

[5] Возможно, парафраз заключительных строк стихотворения А.С. Пушкина "Подъезжая под Ижоры..." (1829):

"Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября".

3050. М.М. Стасюлевичу (с. 166)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 14641, л. 58.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 16.

[1] См. письмо 3049.
[2] См. примеч. 1 к письму 3043.

3051. Н.А. Кишинскому (с. 167)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 54. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 9-го декабр⟨я⟩. Деньги высланы в Москву к Ахенбаху 2001 р. 44 ⟨к⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 173 — 174.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

[2] Тургенев имел в виду опасность монархического переворота и новой гражданской войны (см. примеч. 4 к письму 3049).

3052. В.В. Стасову (с. 167)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 738, № 223, л. 6 — 7.

Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 164 — 165, с ошибкой в дате: "25 декабря (10 ноября) 1871 г.".

В подлиннике письма неправильно указана дата: старый стиль не соответствует новому. 10 декабря подтверждается штемпелем на конверте, приложенном к письму.

Стр. 168. в общем (*франц.*).
Стр. 168. "горбатого могила исправит" (*франц.* Буквально: кто пил, тот будет пить).

[1] Письмо Стасова от 29 октября (10 ноября) 1871 г. см.: *Т сб*, вып. 1, с. 450 — 452.

[2] В указанном письме Стасов писал: "Что за браки, что за семейные жизни для художников! ⟨...⟩ Мне кажется, история не только художников (и особенно русских), но и всех людей *дела интеллектуального* громко кричит, что никогда не следует на себя надевать колодки брака... Я всегда удивлялся одному: у Вас во всю жизнь был талант попадать вашими писаньями в самую бьющую жилку современности. Как это Вы *никогда* не взяли задачей представить нынешний *брак* — а Вы его довольно видели вокруг себя, во всех проявлениях и на всех ступенях общества. Это нынешняя почти главная язва повсюду" (*Т сб*, вып. 1, с. 451).

[3] См. примеч. 2 к письму 3035.

[4] Тургенев имеет в виду "Заметку" В. С⟨тасова⟩ в "С.-Петербургских ведомостях" (1871, 11(23) ноября, № 311), заканчивающуюся словами: "Мы твердо верим, что г. Репину предстоит самая значительная будущность, если только он не остановится теперь и будет продолжать идти вперед так, как шел до сих пор, от одного талантливого создания к другому, всё возвышаясь и совершенствуясь...".

[5] Первое знакомство Тургенева с И.Е. Репиным и его работами состоялось в начале 1871 г. В своих воспоминаниях Репин рассказал об этой встрече: «Я писал тогда "Бурлаков". Тургенева я увидел тут в первый раз ⟨...⟩ Тургенев, сидя перед моею картиною, рассказывал со всеми подробностями свою поездку в Тиволи с А.А. Ивановым» (Р е п и н И.Е. Далекое близкое. М.; Л., 1949. С. 316). См. также: З и л ь б е р ш т е й н И.С. Репин и Тургенев. М.; Л., 1945.

[6] "Брюлловщиной" Тургенев называл стремление к внешней эффектности, отсутствие искренности, жизненной правдивости; "противодействие школе, основанной Брюлловым" (наст. изд., Письма, т. 3, № 714) он считал одной из главных задач русского искусства.

[7] Это высказывание Тургенева следует сравнить с аналогичными характеристиками положения Франции в письмах 3049 и 3051; ср. также письмо 3055.

3053. Ф.Н. Тургеневой (с. 169 и 361)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4709.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 231.

[1] В журнале "Athenaeum" (1871, 9 December, № 2302) была напечатана некрологическая статья Рольстона о Н.И. Тургеневе, в которой говорилось: "В Николае Ивановиче Тургеневе ⟨...⟩ Россия потеряла одного из ее незаурядных представителей, человека, полезного нации совершенно бескорыстным патриотизмом, посвятившего себя служению делу правды и справедливости, горевшего негодованием против жестокости, угнетения и обмана". Вырезка из журнала со статьей Рольстона, присланная И.С. Тургеневым Ф.Н. Тургеневой, хранится в архиве братьев Тургеневых (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4546).

[2] Речь идет о декабрьском номере "Вестника Европы" за 1871 г., где был помещен написанный Тургеневым некролог "Николай Иванович Тургенев".

3054. А.А. Трубецкой (с. 169 и 362)

Печатается по неполной публикации: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 13 — 14. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано (с небольшими пропусками — см. примеч. 3): Каталог аукциона Бернард Кворич (№ 938), № 187.

[1] Тургенев действительно пробыл в Париже около трех недель, но в первые же дни заболел. В Петербург Тургенев выехал из Парижа лишь в мае 1872 г.

[2] В это время Тургенев переписывал повесть "Вешние воды", предназначенную для "Вестника Европы" (см. письма к М.М. Стасюлевичу — № 3033, к П.В. Анненкову — № 3036; и др.), а также написал некролог о Н.И. Тургеневе (опубликован в кн. 12 "Вестника Европы") и для "Журнала охоты" очерк "Пэгаз" (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 406).

[3] Далее следовали пожелания Тургенева и его подпись, опущенные в первой публикации.

[4] Имеется в виду зять Трубецких, князь Н.А. Орлов, назначенный в 1871 г. русским посланником в Париже.

3055. С.К. Кавелиной (с. 170)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Мысль*, 1897, № 6, с. 22 — 23. Подлинник неизвестен.

Стр. ... государственным переворотом (*франц.*).

[1] С 1870 по 1873 гг. Кавелина преподавала всеобщую историю в старших классах петербургской Василеостровской женской гимназии.

[2] Речь идет о "Вешних водах", ср. с письмом 3029, примеч. 5. Отзыв С.К. Кавелиной о "Вешних водах" содержится в ее письме к отцу, К.Д. Кавелину, от 4 января ст.ст. 1872 г.: «"Вешние воды" и прелесть и гадость. Прелесть по форме, по художественности отделки, живости колорита, нуль по мысли, по идеалам, в ней выведенным» (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 318). См. также письмо 3098. Позднее, в статье, посвященной роману Тургенева "Новь", С.К. Кавелина (в замужестве Брюллова) назвала "Вешние воды" среди тех произведений писателя, которые "изображали типы

русских за границей ⟨...⟩, в особенности бомонда, страсти и отношения чисто личные" (*Лит Насл*, т. 76, с. 303).

[3] О "странном положении" Франции см. примеч. 4 к письму 3049, "Орлеанистами" назывались приверженцы младшей линии Бурбонов — претендентов на французский престол, отстаивавших кандидатуру во французские короли графа Парижского. Его шансы возросли после обнародования графом Шамбором "манифеста" от 5 июля н.ст. 1871 г. с резким отказом признать республиканское знамя. Граф Парижский оказывался в этом отношении более покладистым и соглашался стать королем с сохранением трехцветного знамени.

3056. Полине Брюэр (с. 171 и 362)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 389—390.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 179.

Письмо могло быть написано не ранее сентября н.ст. 1871 г., когда у Тургенева впервые случился приступ подагры в колене (см. письмо 3004), и не позднее 6(18) июля 1872 г., когда у Полины Брюэр родилась дочь Жанна, которой Тургенев всегда передавал привет. На протяжении этого периода Тургенев был в Париже дважды: с 8(20) ноября 1871 г. по 8(20) мая 1872 г. и с 26 июня (8 июля) по 3(15) июля 1872 г. Письмо не могло быть написано во время второго пребывания в Париже, так как в это время, за неделю до родов, Полина Брюэр вряд ли могла приехать в Париж (см. письмо 3192). Вероятно, письмо было написано после письма Тургенева к дочери от 19 ноября (1 декабря) 1871 г. (№ 3046) и за несколько дней до его письма к ней же от 3(15) декабря 1871 г. (№ 3060), в котором Тургенев сообщает о своем выздоровлении. Позднее, до самого отъезда из Парижа в мае 1872 г., Тургенев на подагрические боли не жаловался. Советы Тургенева Полине быть осторожной и терпеливой объясняются ее беременностью.

Все изложенное убеждает, что данное письмо могло быть написано в конце ноября ст.ст. 1871 г.

3057. М.С. Стасюлевичу (с. 171 и 362)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. ф. 293, оп. 1, № 1464_4, л. 2.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 17.

Датируется на основании письма 3058. Как видно из помет телеграфа, в Петербург телеграмма поступила 2(14) декабря 1871 г.

[1] Рукопись повести "Вешние воды". См. письмо 3049.

3058. М.М. Стасюлевичу (с. 171)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 60.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 16—17.

Стр. 171. выскажет ему всю правду (*франц.*).

[1] Ответ Тургенева — телеграмма 3057; телеграмма Стасюлевича неизвестна.

[2] Письменный отзыв Стасюлевича о некрологе неизвестен.

[3] В полемике с противниками школьной реформы (см. примеч. 6 к письму 3004) Катков особенно нападал на "С.-Петербургские ведомости"

и "Вестник Европы", всячески подчеркивая неблагонадежность обоих изданий (см., например: *Моск Вед*, 1871, № 19, 48, 73, 98, 115, 137, 146); "С.-Петербургские ведомости" неоднократно возражали против инсинуаций катковской газеты (см., например, № 318 и 331 за 1871 г.), а в конце концов, после того как в № 250, 257 "Московских ведомостей" появились призывы Каткова к правительственным органам лишить издателя "С.-Петербургских ведомостей" В.Ф. Корша лицензии на издание газеты, последний оказался вынужденным заявить о своем обращении к суду. К.К. Арсеньев должен был представлять его интересы. Однако до суда дело не дошло, и всякие разговоры о предстоящем судебном процессе вскоре заглохли.

3059. Фридриху Брукману (с. 172 и 363)

Печатается по тексту первой публикации: Zeitschrift für Slawistik, 1972, H. 2, Bd. XVII, S. 260.

Подлинник находится в Баварской государственной библиотеке.

[1] Тургенев переехал в Париж в середине ноября 1871 г.

[2] Речь идет об издании сочинений Гете с иллюстрациями известного художника Вильгельма фон Каульбаха (1805—1874), вышедшем в свет в издательстве Ф. Брукмана в 1861 г. Позднее появились французский и английский варианты этого издания. Ф. Брукман обратился к Тургеневу с просьбой подготовить статью для аналогичного русского издания этой книги (письмо Ф. Брукмана не сохранилось).

[3] 23 декабря 1871 г. Тургенев обратился к Д.В. Григоровичу с предложением принять участие в подготовке русского издания, но, по-видимому, получил отказ (см. письмо 3068). Русское издание не состоялось.

3060. Полине Брюэр (с. 172 и 363)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 212.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, 1 juin, № 815, р. 320—321. Перепечатано: *Séménoff*, р. 219.

[1] В это время Тургенев работал над повестью "Вешние воды" и некрологом Н.И. Тургенева для журнала "Вестник Европы", редактором которого был М.М. Стасюлевич.

[2] Г-н Брюэр — отец Гастона Брюэра.

3061. Людвигу Пичу (с. 173 и 363)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung, 1884, 24 Juni (6 Juli), № 176, Beiblatt, S. 5; в русском переводе — *BE*, 1909, № 5, с. 153 (с искажениями и сокращениями текста). Полностью впервые опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 98—101; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 129—133.

[1] Письмо Пича к Тургеневу неизвестно.

[2] Во второй половине 1871 г. во Франции начались многочисленные стачки (см.: L a b o u l a y e Ch. Les droits des ouvriers. P., 1873. P. 47—48).

[3] К этому месту письма на подлиннике примечание Пича: "Frühlingsfluthen" ("Вешние воды").

[4] Рассказ "Стук... стук... стук!.." в переводе на французский язык был опубликован в 1871 г. (см. примеч. 6 к письму 2994 и примеч. 2 к письму 3042).

[5] О чем идет речь, установить не удалось. См. также письмо 3083 и примеч. 5 к нему.

[6] Тургенев шутливо напоминает Пичу о том, что ему как художнику непростительна небрежность в каллиграфии.

[7] Неточная цитата из стихотворения Гете "Перемена" ("Wechsel"); у Гёте:

"Auf Kieseln in Bache da lieg'ich, wie helle..."

[8] Выборы в Национальное собрание от 7 января н.ст. 1872 г. дали орлеанистам большинство голосов (орлеанисты получили 200 голосов, умеренные республиканцы — 170, крайние республиканцы — 110, умеренные легитимисты — 90, радикалы — 60, бонапартисты — 30), впрочем, явно недостаточное для монархического переворота.

[9] Тургенев в письмах к ряду своих корреспондентов в это время отмечает ненависть французов к Германии после поражения 1871 г. Б. Ауэрбах в письме к Я. Ауэрбаху от 21 сентября н.ст. 1871 г. рассказывает о беседе с Тургеневым на эту тему 20 сентября н.ст. 1871 г. в Баден-Бадене. Тургенев сообщил ему, что среди своих друзей, а также знакомых ему ремесленников он обнаружил две категории — людей отчаявшихся и людей, жаждущих мести. По словам Тургенева, французы любят пенять на других и не замечают собственных недостатков. Между тем в России после поражения в Крымской войне никто не думал о мести Англии и Франции, понимая, что русская действительность требует больших изменений. Это было понято даже русским правительством, которое сочло необходимым освободить крестьян от крепостной зависимости. Франция в настоящее время занята исключительно военщиной, а ей следовало бы обратить внимание на другое (см.: A u e r b a c h B. Briefe an seinen Freund Jakob Auerbach. Ein biographisches Denkmal. Frankfurt am M., 1884. Bd. 2. S. 77—78).

3062. М.А. Милютиной (с. 174)

Печатается по фотокопии: *ЦГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1884, № 1, с. 190—191, с сокращениями.

[1] Это письмо Милютиной неизвестно.

[2] Т.е. семье Н.И. Тургенева, в Вербуа.

[3] По-видимому, речь идет о телеграмме, посланной Милютиными семье Н.И. Тургенева с соболезнованиями по поводу его кончины.

[4] Речь идет о посвященной Н.И. Тургеневу статье М. Погодина "Примечательная панихида", опубликованной в "Московских ведомостях" (1871, 12(24) ноября, № 247).

[5] Публикуя это письмо в "Русской старине", Милютина сделала к нему следующее примечание: "Письмо это было написано в декабре 1871 г., а в январе 1872 г. Николай Алексеевич схватил сильную простуду, от которой, при тяжкой хронической болезни — уже не поправлялся. По приезде в Москву, Ив. Серг. уже не застал его в живых".

[6] Возможно, речь идет об учебных успехах 15-летнего Юрия.

[7] О своем пессимистическом отношении к внутреннему положению Франции после франко-прусской войны и разгрома Коммуны Тургенев часто упоминал в письмах этого времени (см., например, № 3049, 3055 и др.).

[8] Речь идет о повести "Вешние воды".

[9] Иронический тон упоминания о кн. Е.А. Черкасской и А.Ф. Аксаковой объясняется тем, что обе они, будучи хозяйками известных общественно-литературных салонов славянофильского направления, должны были, по мнению Тургенева, осудить новую повесть с точки зрения строгой религиозной морали (ср. с шутливой самооценкой повести в письме к С.К. Кавелиной № 3055).

3063. Я.П. Полонскому (с. 175)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание ОЛДП, № Q250, л. 74—75.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 196—197.

[1] Стихотворение "Нагорный ключ" (с посвящением П.М. Ковалевскому); напечатано в "Вестнике Европы" (1871, № 12, с. 515—517).

[2] Идейно-эстетические расхождения между Тургеневым и Фетом возникли еще в начале 1860-х годов; в письмах Тургенева к различным корреспондентам (Полонскому, Борисову и др.) все чаще начинают появляться резкие отзывы о творческо-эстетической и общественной позиции Фета (см. об этом: наст. изд., Письма, т. 10, № 2712, примеч. 2). См. также: Л о т м а н Л.М. Тургенев и Фет // *Т и его совр.* В конце 1874 г. их отношения достигли особенной остроты и привели к разрыву.

[3] Полонский служил цензором в комитете иностранной цензуры и с середины 1869 г. до конца 1871 г. был домашним воспитателем в семье железнодорожного промышленника С.С. Полякова.

[4] Париж, или Новый Вавилон, как его часто называли, медленно оправлялся после пятимесячной осады. В декабрьском номере "Вестника Европы" была напечатана под заглавием "Разоренье" пятая глава большой статьи Е. Утина "Франция и французы после войны. Из путешествия", где подробно описывалось состояние разоренной Франции. «Между 15-м июлем 1870-го года и 15-м июлем 1871-го, — говорится в статье, — лежит бездна, которую правительство "маленького" Тьера не в силах будет засыпать пеплом и развалинами Парижа и трупами казненных фанатиков коммуны» (*ВЕ*, 1871, № 12, с. 519).

[5] "Вешние воды".

[6] См. письмо 2943, примеч. 5.

3064. Н.В. Ханыкову (с. 176)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 42.
Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 310.

Стр. 176. большой... малой скоростью (*франц.*).

[1] Возможно, Ханыков хотел получить одно из сочинений К. Риттера (см. примеч. 1 к письму 3073). *Увраж* (от франц. "ouvrage" — "труд").

3065. П.В. Анненкову (с. 176)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 26.
Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 165—166.

[1] Речь идет об очерке "Пэгаз". В "Журнале охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других пред-

метов спорта" (1871, № 29, 3 сентября, с. 227) было помещено объявление: "От редакции. И.С. Тургенев почтил нас письмом, от 14/26 августа, в котором обещает прислать для помещения в нашем журнале корреспонденцию об охоте его за тетеревами, которой он в начале августа месяца занимался в Северной Шотландии в течение нескольких дней". Подлинный текст письма неизвестен. С № 31 (от 23 декабря) журнал перешел от А. Николаева к В. Ильину.

[2] Речь идет о П.П. Васильеве, который и издал "Пэгаза" отдельной книжкой (Казань, 1874).

[3] "Вешние воды".

[4] Великий князь Александр Александрович (впоследствии Александр III), женатый на датской принцессе Дагмаре (Марии Федоровне), в продолжение многих лет очень недружелюбно относился к Пруссии (Германии), так как не мог простить отторжения от Дании Шлезвига, Голштинии и Лауенбурга в результате германо-датской войны 1864 г. Ко времени написания комментируемого письма слух об оскорблении, нанесенном германскому посланнику, принцу рейсскому Генриху, был опровергнут международной печатью (см. телеграмму из Парижа от 17 декабря 1871 г.: Times. 1871. 18 December. № 27249. P. 5).

3066. **Н.А. Кишинскому** (с. 177)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 55. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 3 янв.".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 186—187.

3067. **П.В. Анненкову** (с. 178)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 29.

Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 166—167.

Стр. 178. умному достаточно (*лат.*).

[1] Письмо 3068.

[2] Автором романа "Семейство Снежиных" (*ВЕ*, 1871, № 9—12) была А.А. Лачинова (см.: *Рус лит*, 1961, № 2, с. 230—231).

[3] Цитата из комедии Плавта "Перс" (д. IV, сцена 7, стих 729). Это же выражение употребляет Теренций в комедии "Формион".

[4] "Вешние воды".

[5] См. примеч. 4 к письму 3036.

3068. **Д.В. Григоровичу** (с. 179)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 40, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 199.

[1] См. письмо 3067.

[2] Русское издание иллюстраций "Галерея Гете" В. Каульбаха осуществлено не было. См. письмо 3059 к Ф. Брукману. Ответ издателей Тургеневу неизвестен, как неизвестна и переписка Григоровича с этим издательством.

3069. П.В. Анненкову (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 53 – 54.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 189 – 190.

[1] Письмо Анненкова, которое имеет в виду Тургенев, в настоящее время неизвестно. Развернутый отзыв Анненкова о повести "Вешние воды" содержится в более позднем его письме — от 14 декабря ст.ст. 1871 г. (см. примеч. 1 к письму 3075).

[2] В публикации повести "Вешние воды": exghizes (*BE*, 1872, № 1, с. 38).

[3] Имеется в виду некролог Н.И. Тургенева, опубликованный в "Вестнике Европы" (1871, № 12).

Ниже Тургенев пародийно переделывает начало известного церковного гимна "Коль славен наш Господь в Сионе" (текст М.М. Хераскова, музыка Д.С. Бортнянского).

[4] В письме от 14 декабря ст.ст. 1871 г. П.В. Анненков сообщал: «Баснословного "Пегаза" получил, но как быть? Журнал "Охота" с Ивановым провалился, а с 1872 года будет другой — с Гиероглифовым. Попридержу "Пегаза"» (*Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 19). Об издании "Пэгаза" см. примеч. 1 к письму 3065.

3070. М.М. Стасюлевичу (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_1, л. 62 – 63.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 17 – 18.
Стр. 181. жизнь человека действительно превосходного (*франц.*).
Стр. 181. "Нет худа без добра!" (*франц.*)

[1] В некрологе Н.И. Тургенева было сказано «К списку сочинений Н.И. Тургенева следует присоединить: "La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820, d'après des documents la plupart inédits", par Henri Lutteroth (псевдоним покойного). P. 1845» (*BE*, 1871, № 12, с. 917). В неопубликованном письме С.Д. Полторацкого от 14(26) января 1872 г. к Тургеневу содержится следующее замечание: "О псевдониме Lutteroth я сомневался, — и не ошибся. Стасюлевич эту свою ошибку поправил" (*Bibl Nat*, Slave-81, f. 28).

[2] "Вешние воды".

[3] Предостережение было объявлено "Вестнику Европы" в связи с опубликованием в ноябрьской книжке журнала за 1871 г. статьи К.К. Арсеньева "Политический процесс. 1869 – 1871 гг.", посвященной анализу дела нечаевцев и других политических процессов предшествовавших лет. Статье инкриминировалась "мысль о том, что участие молодых людей в тайном обществе с преступными целями ⟨...⟩ было будто бы вызвано стеснительными со стороны правительства мерами" (*BE*, 1871, № 12, вклейка после с. 946).

3071. П.И. Бартеневу (с. 181)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 46, оп. 1, № 564, л. 7 – 8.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 191 – 192.

[1] Письмо это неизвестно. Как свидетельствует запись от 25 декабря н.ст. 1871 г. в дневнике Ф.Н. Тургеневой, Клара Тургенева переслала Тургеневу письмо П.И. Бартенева, который, очевидно, обратился к семье покойного Н.И. Тургенева с предложением подготовить к публикации ка-

кую-то часть семейных бумаг в "Русском архиве" (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 376). Возможно, что Клара Тургенева поручила Тургеневу вести переговоры по поводу архива с П.И. Бартеневым.

[2] У Н.И. Тургенева после смерти его брата, А.И. Тургенева, был сосредоточен весь семейный архив, о котором см. статью А.А. Фомина "Новый историко-литературный клад" (*Рус Мысль*, 1906, № 4), его же книгу "Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке" (СПб., 1913), а также: *Т и его время*, с. 203—204. В настоящее время архив Тургеневых хранится в *ИРЛИ*.

[3] Речь, по всей вероятности, идет о неосуществленном намерении П.А. Вяземского издать на основании материалов своего архива, дополненных материалами из архива, хранящегося у Н.И. Тургенева, сборник, посвященный А.И. Тургеневу. Мысль эта возникла у П.А. Вяземского еще при жизни Н.И. Тургенева (см.: *Рус Арх*, 1872, № 6, стлб. 1200—1205).

[4] При жизни Н.И. Тургенева в "Русском архиве" в 1863 г. была опубликована переписка А.А. Петрова с Н.М. Карамзиным, а в 1867 г. — некоторые письма К.Н. Батюшкова к А.И. Тургеневу. В 1872 г. в Лейпциге вышла книга: "Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. Lettres d'Alexandre Tourguéneff à son frère Nicolas". После смерти Н.И. Тургенева, в 1873 г., И.С. Тургенев обратился к М.П. Драгоманову с предложением участвовать в разборке архива, но последний не смог воспользоваться этим предложением (см.: Драгоманов М. Воспоминания о знакомстве с И.С. Тургеневым // *Письма к Герцену*, с. 213). Позднее архив перешел в руки П.Н. Тургенева, который только в 1904 г. согласился принести его в дар императорской Академии наук. На основании этих материалов были изданы 6 выпусков "Архива братьев Тургеневых" (СПб. — Петроград, 1911—1921). Дополнением к этому изданию является подготовленная А.А. Фоминым по материалам того же архива публикация "Писем И.С. Тургенева к декабристу Н.И. Тургеневу и его семье с 1858 по 1883 г." (*Т и его время*, с. 203—288).

[5] Тургенев имеет в виду первую книгу исторического сборника "Девятнадцатый век" (М., 1872; вышла к декабрю 1871 г.); о ее получении Тургенев извещал Анненкова в письме 3049.

[6] См. письмо 3074 и примеч. 10 к нему.

3072. Н.А. Кишинскому (с. 182)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 56. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 3 январ⟨я⟩ 1872 года в Париж".

Впервые опубликован отрывок: *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 44; частично перепечатан Н. Гутьяром в его книге "И.С. Тургенев" (Юрьев, 1907, с. 187). Полностью опубликовано: *Т сб* (*Пиксанов*), с. 57.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Бывший дворовый Тургенева Петр Николаевич Серебряков состоял в 1870—1871 гг. учителем спасской школы. За плохую работу он был по распоряжению Турегенева уволен и переведен в число пенсионеров.

[3] Тургенев подразумевает здесь, очевидно, труды К.Д. Ушинского и среди них многократно издававшиеся книги для первоначального обучения — "Детский мир" и "Родное слово", а также методические пособия для учителя.

3073. Н.В. Ханыкову (с. 183)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 43—44. Черновой автограф письма сохранился в *Bibl Nat*, Slave, 80 (сообщил О.Б. Туцевич).

Часть письма, касающаяся К. Риттера, опубликована впервые во вступительной статье Н.В. Ханыкова к выполненному им переводу сочинения немецкого ученого: Р и т т е р К. Иран. Пер. и доп. Н. Ханыков. СПб., 1874. Т. 1. С. LXIV—LXV. Полностью впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 310—312.

[1] Речь идет об одном из сочинений К. Риттера, которым Ханыков интересовался в связи с предпринятым им переводом главы об Иране из труда Риттера: R i t t e r K. Die Erkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen. B., 1817—18. Bd. I—II. Второе издание этого труда вышло в 1822—1859 гг. в 19-ти частях, объединенных в 9 томов. Перевод первой части этого труда, касающейся Ирана, был опубликован Ханыковым в 1874 г. Перевод второго тома Ханыков завершить не успел. Очевидно, Ханыков просил Тургенева сообщить свои воспоминания о Риттере с тем, чтобы использовать их в своем предисловии к переводу. См. об этом: М у р а т о в А.Б. Письмо-воспоминание Тургенева о К. Риттере (1871 г.) // *Т.сб.* Вып. 4. С. 250—251. Позднее Ханыков выслал Тургеневу экземпляр книги, в которой писатель мог прочитать строки из своего письма (см.: наст. изд., Письма, т. 10, письмо к Н.В. Ханыкову от 31 декабря 1874 (12 января 1875).

[2] О пребывании Тургенева в Берлинском университете см. воспоминания Б.У.Ф.: И.С. Тургенев в 1839—1882 гг. // *Рус Ст.* 1884. № 5. С. 391—398; см. также: наст. изд., Письма, т. 1.

3074. Я.П. Полонскому (с. 184)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 76—77.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 200—202.

[1] Письмо Полонского неизвестно.

[2] Стихотворение Полонского "Нагорный ключ" было напечатано в "Вестнике Европы" (1871, № 12, с. 515—517), фантастическая сцена "У сатаны" — в журнале "Беседа" (1871, № 11, с. 5—24).

[3] В памфлете О.И. Сенковского — Барона Брамбеуса — "Большой выход у Сатаны", написанном в июне 1832 г. (сб. Новоселье. СПб., 1833. Ч. 1; ср. Собрание сочинений О.И. Сенковского. СПб., 1858. Т. 1), сатирически представлялась революция 1830 г., высмеивались современные литературные направления (особенно романтизм как "бред мятежников"), журналистика, наука, искусство и т.д. Хорошо запомнивший памфлет Сенковского Тургенев опасался каких-либо аналогий между ним и сходной по заглавию (а отчасти и по теме) фантастической сценой Полонского. Сцена "У Сатаны" была написана Полонским в мае 1871 г. под впечатлениями событий франко-прусской войны и Парижской Коммуны.

[4] Имеются в виду "Письма к музе" Полонского ("Письмо 1-е. О бульдоге"). Это — продолжение полемики между Полонским и Салтыковым, начавшейся с рецензии последнего на Собрание сочинений Полонского в издании 1869 г. (см. письмо 2943).

[5] "Вешние воды".

[6] О печатных отзывах на рассказ "История лейтенанта Ергунова" см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 430—431, а также Письма, т. 10, примеч. 1 к письму 2818. Рассказ "Несчастная" также вызвал неодобрение читателей (Милютиных, Я.П. Полонского, Ф.М. Достоевского) и прессы (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 455—456). О критических отзывах на рассказ "Стук... стук... стук!.." см.: А л е к с е е в М.П. Тургенев и Марлинский (К истории создания "Стук... стук... стук!..") // Творческий путь Тургенева / Под ред. Н.Л. Бродского. Пг., 1923. С. 167—201, а также: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 491—499.

[7] Ср. положительный отзыв Тургенева о портрете работы Н.Н. Ге в письме 2885.

[8] По-видимому, Полонский сообщал Тургеневу свои впечатления о первой русской передвижной художественной выставке, открывшейся в Петербурге в залах Академии художеств 29 ноября ст.ст. 1871 г. На выставке были представлены картины Крамского, Мясоедова, Ге, Прянишникова, Перова, Саврасова.

[9] Болезнь Полонского была следствием сильного ушиба ноги в 1859 г. (см.: *Штакеншнейдер. Дневник*, с. 229).

[10] "Поп Пихатий" — непристойная поэма, сочиненная М.Н. Лонгиновым в 1840-х годах и ходившая в рукописи. 3 марта ст.ст. 1863 г. Лонгинов произнес на заседании Общества любителей российской словесности речь "О месте, которое должно занимать ОЛРС в современной литературе". Речь эта по существу являлась памфлетом на либеральные реформы 1860-х годов и была крайне заострена против деятелей демократического лагеря. Это публичное ренегатское выступление Лонгинова и имеет в виду Тургенев в своем письме (ср.: Б е р к о в П.Н. М.Н. Лонгинов в 60-х годах // *Лит Насл*, т. 22—24, с. 739).

[11] Перепечатывая это стихотворение в сборнике "Озими. Новый сборник стихов Я.П. Полонского" (СПб., 1876. С. 79—81), Полонский исключил строфу, о которой говорит Тургенев.

[12] См. письмо 3063.

[13] Речь идет о денежных расчетах между Салаевым и Полонским за издание его сочинений в трех томах (СПб., 1869).

3075. П.В. Анненкову (с. 186)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 98, л. 5—6.

Впервые опубликовано: *Н Мир*, 1927, № 9, с. 167.

В авторской дате день недели не соответствует числу. Вероятно, Тургенев ошибся в указании месяца, написав "январь" вместо "декабрь".

[1] Анненков писал о "Вешних водах" 14(26) декабря 1871 г.: "Вышла вещь блестящая по колориту, по энергии кисти, по завлекательной пригонке всех подробностей к сюжету и по выражению лиц, хотя все основные мотивы ее не очень новы, а мысль-матерь уже встречалась и прежде в ваших же романах". Недостатки повести Анненков видел в следующем: "Я, например, могу понять, что Санин под кнутом Полозовой мог проделывать отвратительнейшие скачки, но не могу понять, как он сделался лакеем ее после пережитого процесса чистейшей любви" (*Рус Обозр*, 1898, № 3, с. 18—19). Похожее замечание было высказано по поводу финала повести и С.К. Кавелиной (см. письмо 3098). Первая редакция повести с другим концом не сохранилась.

[2] Никаких изменений в текст "Вешних вод" Тургенев в дальнейшем не вносил, хотя при подготовке французского издания имел намерение внести новую сцену в финал повести (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 507—508, а также письмо к Ж. Этцелю от 17(29) апреля 1872 г. — наст. том, письмо 3150).

[3] См. письмо 3058.

[4] См. примеч. 2 к письму 3065.

[5] Речь идет о прибытии на гастроли в Россию французской опереточной актрисы Гортензии Шнейдер. Отрицательное отношение к ней Тургенева определялось прежде всего тем, что известностью во Франции актриса была обязана едва ли не более всего своей связи с Наполеоном III; кроме того, актриса ко времени приезда в Россию почти совсем потеряла голос. Тем не менее, гастроли Шнейдер в Петербурге прошли с большим успехом (см.: Я н к о в с к и й М. Оперетта. Л., 1937. С. 216—218).

[6] См. примеч. 2 к письму 3035.

3076. М.М. Стасюлевичу (с. 187)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 14642, л. 34.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 158, с сокращениями. Полностью опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 18—19.

В дате письма Тургеневым допущена описка, среда приходилась на 22 декабря ст.ст. 1871 г.

[1] Письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Список опечаток не сохранился.

[3] Подразумевается "Конец Чертопханова", включенный в 1874 г. в состав "Записок охотника".

[4] Тургенев намекает на опасность для "Вестника Европы" со стороны М.Н. Лонгинова, назначенного накануне начальником Главного управления по делам печати (см. также письмо 3074).

3077. Н.В. Ханыкову (с. 188)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 45.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 199.

В датировку письма вкралась ошибка: оно написано в среду 3 января н.ст. 1872 г., а не 1871 г., после смерти Николая Ивановича Тургенева.

[1] Имеется в виду некролог Н.И. Тургенева, опубликованный в нью-йоркской газете "Nation" (1871, 14 декабря) без подписи — как корреспонденция из Парижа от 24 ноября н.ст. 1871 г. Копия этой корреспонденции хранится в *ИРЛИ* (ф. 309, № 2033).

3078. А.С. Суворину (с. 188)

Печатается по копии: *ГПБ*, ф. 171, № 270, с. 91. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано в отрывке: *Сб ГПБ*, 1955, с. 69.

Публикация этого письма, предназначавшегося для Первого собрания писем, не состоялась, так как копия письма была прислана в редакцию поздно, когда том был уже сверстан (см. письмо М.М. Стасюлевича В.П. Гаевскому от 5(17) октября 1884 г. *ГПБ*, ф. 171 (В.П. Гаевского), № 270, с. 90).

Авторская датировка не соответствует календарным данным, так как 3 января н.ст. 1872 г. приходится на среду, а ближайшая пятница — на 5 января. Тургенев, следовательно, ошибся в дне недели или числе, и письмо было написано им 3 или 5 января н.ст. 1872 г.

[1] Возможно, что речь идет о биографической справке, вошедшей в анонимную статью "Иван Сергеевич Тургенев" (Нива. 1872. № 9. С. 136—138) и, вероятно, основанной на сообщениях самого Тургенева (другую часть статьи составляет характеристика его творчества). Печатный текст этой справки с поправками и дополнениями Тургенева (автограф не сохранился) находится в *ГПБ* (ф. 795, № 57).

3079. С.Д. Полторацкому (с. 188)

Печатается по тексту первой публикации: Луч, 1896, № 1. Там же напечатаны и пометы Полторацкого: "От Ивана Сергеевича Тургенева из Парижа, штемпель 8 янв. 1872, получ. во вторн. 9 января 1872 (28 дек. 1871) в 4-м часу. В ответ на мое письмо от 19(31) декабря 1871, отправленное 1 янв. 1872 г.". Подлинник неизвестен.

[1] Записки декабриста Н.В. Басаргина были опубликованы в сборнике "Девятнадцатый век" (М., 1872, Кн. 1. С. 65—200).
[2] Тургенев имеет в виду третью главу ("Проявления скептицизма") труда А.Н. Пыпина "Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов" (*ВЕ*, 1871, № 12, с. 455—514).
[3] См. письмо 3076 и примеч. 4 к нему.

3080. М.М. Стасюлевичу (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 35.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 19.

[1] Письмо Стасюлевича неизвестно.
[2] Речь идет о подготовленной Н.И. Тургеневым и снабженной его предисловием книге: Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872 (см. примеч. 4 к письму 3071).

3081. М.Н. Зубовой (с. 190 и 364)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* Эта записка является приложением к письму Тургенева к П.В. Анненкову того же дня (№ 3082).
Впервые опубликовано: *T, Nouv corr. inéd*, t. 2, p. 95—96.

[1] Имеется в виду Л.-А.-Э. Ашар, французский журналист и писатель.
[2] Речь идет о событиях франко-прусской войны и Парижской Коммуны.
[3] В письме к Анненкову Тургенев просил его узнать адрес Зубовой и передать ей записку и фотографию, однако Анненкову, очевидно, не удалось выполнить это поручение, поскольку в письме от 3 февраля 1872 г. (№ 3102) Тургенев снова просит его передать адресатке письмо и фотографию. Скорее всего, Анненков вернул письмо Тургеневу, чем и объясняется его нахождение в архиве Мопуаль.

3082. П.В. Анненкову (с. 191)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 55—56.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 202.

1 См. письмо 3081.
2 См. письмо 3065.
3 Имеется в виду клавир оперы А.С. Даргомыжского "Каменный гость" (1866—1869, окончен Н. Римским-Корсаковым и Ц. Кюи в 1872 г.).
4 Речь идет об опечатке в конце главы XXVI в первой публикации повести "Вешние воды" (*ВЕ*, 1872, № 1, с. 68). Сохранился журнальный оттиск повести с правкой Тургенева (*ЦГАЛИ*. Ф. 509, Оп. 1. № 30).

3083. Людвигу Пичу (с. 192 и 365)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung, 1884, № 176, 24 Juni (6 Juli), Beiblatt, S. 6; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 153—154 (с сокращениями). Полностью опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 101—102; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 133—134.

1 Тургенев неоднократно скептически оценивал внутреннее положение Франции после установления Третьей республики (см., например, письма 2965, 3061 и др.; ср. записи в дневнике Ф. Тургеневой — *Лит Насл*, т. 76, с. 378—380, 382—383).
2 В "безнравственности" повесть упрекал сам Тургенев — см., например, письма 3055, 3062, 3150. Большинство журнальных и газетных откликов на "Вешние воды", наряду со сдержанными комплиментами художественному мастерству писателя, содержали также резкие упреки за якобы отсутствие в повести живых проблем современности (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 506—512). Аналогичный отзыв дала С.К. Кавелина в письме к отцу (№ 3055, примеч. 2). Острый полемический характер носил отзыв в "St.-Petersburger Zeitung" (1872, № 161). Автор, отметив сатирическое изображение немцев в повести "Вешние воды", назвал это произведение халтурой ("Machwerk"). О переводах повести см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 512—514. *Митридат* — правитель Понта с 123 по 63 г. до н.э. По преданию, боясь быть отравленным, подмешивал в пищу яды, чтобы приучить к ним организм.
3 Цитата из стихотворения Гете "Перемена" ("Wechsel"). Ср. письмо 3061, примеч. 7.
4 Ср. образ смерти в предисловии к "Вешним водам", а также в "Призраках" и в "Стихотворениях в прозе" ("Старуха", "Конец света", "Черепаха", "Насекомое", "Старик", "Что я буду думать", "Встреча", "Песочные часы", "Я встал ночью" и др.).
5 О чем идет речь, установить не удалось, так как письмо Пича к Тургеневу осталось неизвестным.
6 По-видимому, Пич в не дошедшем до нас письме к Тургеневу отзывался с похвалой о картинах Вернера, который в этот период был популярен в официальных германских кругах благодаря картинам, посвященным эпизодам франко-прусской войны 1870—1871 гг.

3084. Н.В. Ханыкову (с. 193)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 46.
Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 313.

3085. Вильяму Рольстону (с. 193 и 366)

Печатается по подлиннику: Гос. публ. библ. АН УССР в Киеве, Отдел рукописей, инв. № 129.

Впервые опубликовано: в английском оригинале — Le Monde Slave, 1925, № 5; в русском переводе: *Лит Арх*, т. 6, с. 30—33.

1 Тургенев имеет в виду корректурные листы книги Рольстона: The Songs of the Russian People, as illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life. L., 1872 (Песни русского народа как отражение славянской мифологии и русской общественной жизни. Лондон, 1872). Советы, которые дает Тургенев в письме, были большей частью учтены Рольстоном.

2 При описании действующих лиц церемонии свадебного обряда на с. 264 книги Рольстона упомянуты: "The *Boyáruini* (Ladies), i.e. the female members of the cortège, called also *Bryudgi*" ("Боярыни (леди), т.е. женская часть шествия, называются также брюдгами"). Слово "брюдги" (скандинавского происхождения) приводится в книге П.Н. Рыбникова; указывается, что "боярыни или брюдги — провожатые женщины" участвуют в свадьбе со стороны жениха (см.: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1864. Ч. 3. С. 348); "брюдга" "женского рода, Олонецкой, Архангельской губернии" имеет значение: "сватья от невесты? посаженная женихова?" (Д а л ь В.И. Толковый словарь. М., 1955. Т. 1. С. 133).

3 Это замечание Тургенева Рольстон принял к сведению. На с. 272 его книги речь идет о девичьей косе, и в примечании он отметил: "Kosá has several meanings, signifying, for instance, a scythe, a curved spit of land, etc" ("Коса имеет несколько значений, например мыс, вытянутая полоса земли и т.д.").

4 Эта поправка Тургенева тоже была учтена Рольстоном; на с. 334 в скобках он дал объяснение слова "причитанье": "prichitát' — to read beside, to complain" ("причитать — читать над кем-то, жаловаться").

5 Тургенев ошибся — в русском тексте песни, помещенной в указанной выше книге П.Н. Рыбникова (ч. 3, с. 412), сказано: "И тут моей кручинушке не местечко". Поэтому Рольстон не принял поправки Тургенева и дал точный перевод: "for my misery" ("для моего несчастья"), а не "out of my misery" ("по причине моего несчастья").

6 На с. 352—353 в книге Рольстона приводится в двух вариантах загадка о гребешке — по украинскому источнику "Зубчатий костян через гору свинi гнав" и по русскому "Царь Костянтин гонит кони через тын". А.Н. Афанасьев по поводу этих загадок пишет: «... назван он ⟨гребешок⟩ царем Константином по созвучию этого имени со словом "костяной"» (А ф а н а с ь е в А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 23—24). Это объяснение Афанасьева было принято Рольстоном.

7 См. примеч. 2 к письму 3203.

8 Повесть "Вешние воды".

9 Впоследствии, в 1876 г., Стивен выпустил в Лондоне в издательстве Трюбнера стихотворный перевод "Демона" Лермонтова. Тургенев откликнулся на этот перевод заметкой «О переводе "Демона" на английский язык» (*СПб Вед*, 1875, № 208, 8(20) августа).

[10] Тургенев познакомился с фрейлиной А.В. Жуковской, по-видимому, в феврале 1871 г. в салоне вел. кн. Елены Павловны. В этом же году А.В. Жуковская родила сына от вел. кн. Алексея Александровича (см.: Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. СПб., 1906. С. 234—236; Манн К.А. Воспоминания // *ИВ*, 1917, № 7—8, с. 58; см. также дневник Фанни Тургеневой — *ИРЛИ*, ф. 309, № 4641. Л. 9).

3086. М.А. Милютиной (с. 194)

Печатается по фотокопии: *ЦГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в Библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус лит арх*, с. 116.

Датируется приблизительно временем совместного пребывания Тургенева и Милютиных в Баден-Бадене (в 1867—1869 гг.) или в Москве (в 1871 г.).

Возможно, записка относится к московским встречам Тургенева с Милютиными в марте 1871 г. Об этих встречах Милютина сообщает следующее: "В назначенный срок Тургенев прибыл в Москву, пробыл недели три, дал публичное чтение в университетской зале (или дворян⟨ском⟩ собр⟨ании⟩ — не помню), раза два-три в неделю заглядывал к Николаю Алексеевичу и два раза читал у нас вслух, при собрании небольшого круга друзей" (*Рус Ст*, 1884, № 1, с. 187).

3087. Кларе Тургеневой (с. 195 и 366)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 231—232.

[1] Письмо К. Тургеневой неизвестно.

3088. А.Н. Чудинову (с. 195)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 67, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Сб ГПБ* 1955, с. 75.

[1] Письмо Чудинова неизвестно.

[2] Чудинов приглашал Тургенева сотрудничать в затевавшейся орловской газете, которую местная интеллигенция предполагала сделать прогрессивным литературно-политическим органом. Однако газета была разрешена с начала 1873 г. лишь как еженедельный справочный листок о местных делах и издавалась Н.С. Тарачковым с 12 января ст.ст. 1873 г. по 30 декабря ст.ст. 1875 г. под названием "Орловский справочный листок". Только в 1876 г., с № 12, редакция газеты перешла к Чудинову, а с № 21 газета стала называться "Орловский вестник". С этого времени начинается сотрудничество в газете Тургенева (впервые там была напечатана третья глава романа "Новь" — 1876, № 100, 24 декабря ст.ст.). См.: Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев и "Орловский вестник" // *Орл сб*, 1960, с. 571—592.

3089. П.В. Анненкову (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 57—58.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 207—208.

Стр. 197. "Художественного издательства" (*нем.*).

[1] См. примеч. 2 к письму 3065.

[2] Речь идет о первой статье К.Д. Кавелина "Задачи психологии". Смущение Тургенева было вызвано, по-видимому, неожиданным для него утверждением Кавелина о том, что упадок современной философии связан с упадком религии (*BE*, 1872, № 1, с. 132).

[3] Речь идет о журнальных оттисках повести, которые должен был выслать Тургеневу Стасюлевич (см. письмо 3058).

[4] См. письмо 3082 и примеч. 3 к нему.

[5] В связи со смертью Н.И. Тургенева, последовавшей 10 ноября 1871 г., на которую Тургенев откликнулся некрологом в "Вестнике Европы", в ряде английских газет появились сообщения, где вместо Н.И. Тургенева было названо имя И.С. Тургенева. Тургенев вынужден был дать опровержение на это известие в газете "Le Temps" (см. письмо 3092).

[6] См. письмо 3068.

[7] 18 января ст.ст. 1872 г. Анненков писал Тургеневу из Петербурга: "История с фрейлиной Жуковской такова, что она во дворце понесла от в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Алексея-американца и уехала за границу рожать, что теперь, кажется, и исполнила. Брата ее здесь нет" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 9). См. также примеч. 10 к письму 3085.

[8] См. письмо 2927, примеч. 1.

3090. Гюставу Флоберу (с. 197 и 367)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 124. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 463; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 8, с. 33.

[1]Ср. письмо 3089, примеч. 5.

3091. А.А. Фету (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 53—54.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 246, с пропусками. Пропущенное Фетом напечатано в альманахе "Северные цветы", 1902, с. 189.

Стр. 198. Я лучшего и не желаю, как воскликнуть: "Ты победил, Галилеянин!" (*франц.*).

Стр. 198. "без гнева и пристрастия" (*лат.*).

Стр. 198. "безумное пристрастие" (*франц.*).

[1] Ср. письмо 3047, примеч. 7.

[2] Речь идет об очередном продолжении записок Фета "Из деревни", не появившемся в печати (см.: наст. изд., Письма, т. 7, № 1823, примеч. 4). Источник латинской фразы — Тацит, Анналы, I, 1.

[3] Тургенев имеет в виду распоряжение министра внутренних дел от 26 ноября ст.ст. 1871 г. (см. примеч. 3 к письму 3070).

[4] М.Н. Лонгинов, назначенный в 1871 г. начальником главного управления по делам печати, добился дополнения закона о печати (1865 г.) новыми правилами, крайне стеснительными для развития литературы.

[5] В 1862 г. А.Н. Афанасьев был уволен со службы в архиве министерства иностранных дел как политически неблагонадежный. Комментируя данное письмо в своих воспоминаниях, Фет отмечал, что Афанасьев "и после потери места ⟨...⟩ не умирал с голоду, как говорит Тургенев, так как

оставил своей наследнице в Москве дом, оцененный в 13 тысяч". И в другом месте — по поводу самого увольнения Афанасьева, на всю жизнь выбившего его из колеи: "Принимая у себя на собственный риск не прощенного еще Кельсиева, — писал Фет, — Афанасьев, конечно, не мог рассчитывать, что правительство будет продолжать содержать его на службе, не взирая на его оппозиционную роль" (*Фет*, ч. 2, с. 247).

[6] Фет отправился в Москву в декабре 1871 г. и, судя по письму к нему Л.Н. Толстого от 20 февраля ст.ст. 1872 г., пробыл там до половины февраля ст.ст. 1872 г. (см.: *Фет*, ч. 2, с. 239, 241, 247).

3092. Редактору "Le Temps" (с. 199 и 367)

Печатается по тексту первой публикации: Le Temps, 1872, № 3938, 22 janvier. Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. XV, с. 161.

[1] См. письмо 3089, примеч. 5.

[2] Родство писателя с Н.И. Тургеневым не подтверждается их родословными (см.: Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 536—551). В письме к брату А.И. Тургеневу (от 16 июля 1845 г.) Н.И. Тургенев, рассказывая о своем знакомстве с И.С. Тургеневым, назвал его "однофамильцем" (см.: Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // *Т сб*, вып. 1, с. 277), хотя позднее, когда Тургенев стал близким человеком в семье декабриста, его называли "родственником".

3093. Н.А. Кишинскому (с. 199)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 57. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. 6 февр.".

Впервые опубликовано: *Т сб* (*Пиксанов*), с. 58, без приписки. Отрывок из письма напечатан в *Отчете ПБ* за 1894 год, с. 44. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 210—211.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Речь идет о выборе учителя для спасской школы. О роли учителя в понимании Тургенева см.: Громов В. Писатель и учитель // Орловск. правда. 1963. 15 нояб.

3094. П.В. Анненкову (с. 200)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 59—60.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 211—212.

Стр. 200. Но я вас не освобождаю от (*франц.*).

[1] В.П. Буренин (под криптограммой Z) писал о "Вешних водах": «Оказалось, что г. Тургенев ⟨...⟩ дал просто-напросто красивую и изящную беллетристическую вещицу значительного объема (около восьми печатных листов), не имеющую никакого отношения к "веяниям времени" и даже довольно незначительное к русской жизни, потому что действие происходит за границей» (*СПб Вед*, 1872, № 8, 8 янв.).

[2] Этот период своей жизни Луиза Эритт де ла Тур освещает в книге: Héritte de la Tour Louise. Une famille de grands musiciens. P., 1922. Письмо Анненкова с известиями о Л. Эритт неизвестно.

[3] Об отношении Тургенева к Антокольскому см.: Кузьмина Л.И. Тургенев и М.М. Антокольский // *Т сб*, вып. 5, с. 393–399, а также воспоминания И.Я. Гинцбурга // *Т сб*, вып. 3, с. 261–263.

[4] Речь идет о некрологе Тургенева, написанном Г. Чорли (см. письмо 3096, примеч. 1). См. также письмо 3089, примеч. 5.

[5] В "Деле" (1871, № 12) была напечатана повесть П. Летнева "В своих сетях".

[6] См. письмо 3082 и примеч. 3 к нему.

3095. М.М. Стасюлевичу (с. 200)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1462_2, л. 36.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 158, с сокращениями. Вновь опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 20.

Стр. 201. "Никаким трудом я не хвастал,
А что нарисовал — то нарисовал" (*нем.*).

[1] См. письмо 3094, примеч. 1.

[2] Цитата из стихотворения Гете "Künstlers Fug und Recht" (последние две строки). Заключительный стих представляет собою перефразировку слов Пилата из Евангелия от Иоанна (XIX, 22): "Что я написал, то я написал".

[3] О каком замечании Стасюлевича о "Вешних водах" идет речь, неизвестно, так как письма его за этот период к Тургеневу не сохранились.

[4] Автором статей под общим заглавием "Десять лет реформ" был А.А. Головачев. В 1872 г. книга под этим же названием вышла отдельным изданием.

3096. Вильяму Рольстону (с. 201 и 367)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28632, л. 37. На подлиннике неизвестной рукой написано: "N.B. This letter alludes to a biography of Tourguéneff written in a musical journal by Chorley, who had heard that he was dead" ("В этом письме имеется в виду биография Тургенева, написанная Чорли на основании слухов о смерти Тургенева и помещенная в музыкальном журнале").

Впервые опубликовано Рольстоном в английском оригинале в "Orchestra"; в русском переводе (с неточностями и грубыми ошибками) — Недра, 1924, № 3, с. 196–197; в английском оригинале — Le monde Slave, 1925, № 5.

[1] Г.-Ф. Чорли ошибочно отнес известие от смерти Н.И. Тургенева к И.С. Тургеневу и поместил 19 января в журнале "Orchestra" (1872, № 434, с. 251) некрологическую статью о нем. Рольстон в "Воспоминаниях" о Тургеневе писал по поводу этой статьи: "Когда ⟨...⟩ распространилась ложная весть о смерти Тургенева, один английский критик написал о нем биографическую статью, в которой, между прочим, отметил, что великий романист прекрасно говорил, но что его энтузиазм порою был утомителен" (см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 305).

[2] Повесть "Вешние воды".

3097. Жюлю Этцелю (с. 202 и 368)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ,* Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. IX, с. 213—214.

[1] О какой работе идет речь, сведений обнаружить не удалось.

[2] Должно быть, Этцель предлагал издать новый сборник рассказов Тургенева на французском языке. Такой сборник под названием "Etranges histoires" вышел в 1873 г.

[3] Опровержение Тургенева по поводу слухов о его смерти было помещено в парижской газете "Le Temps" (см. письмо 3092).

3098. С.К. Кавелиной (с. 202)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Мысль,* 1897, № 6, с. 23—24. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Кавелиной неизвестно.

[2] См. письмо 3055. Единственным письмом, полученным от С.К. Кавелиной, Тургенев называет письмо от 27—29 марта ст.ст. 1871 г., которое было опубликовано в *Cahiers,* № 1, р. 35.

[3] Речь идет о повести "Вешние воды". См. также письмо 3055 и примеч. 2 к нему.

[4] Имеется в виду начало (главы I—II) большой работы К.Д. Кавелина "Задачи психологии", помещенное в "Вестнике Европы" (1872, № 1, с. 130—169) с посвящением памяти Т.Н. Грановского. В действительности Тургенев к этому времени прочел публикацию, о которой идет речь, но, очевидно, не хотел огорчать свою корреспондентку отрицательным отзывом (см. письмо 3089 и примеч. 2 к нему).

3099. Н.С. Тургеневу (с. 203)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 274, оп. 3. № 100, л. 81. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол⟨учено⟩ 23/4 янв. 1872. Москва 7-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст,* 1885, № 9, с. 496, с сокращениями. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. IX, с. 215—216.

[1] "Месяц в деревне" был поставлен 13 января ст.ст. 1872 г. на сцене Московского Малого театра, в бенефис актрисы Е.Н. Васильевой в связи с 25-летним юбилеем ее деятельности (см. также письмо 2906).

[2] Об отношении Тургенева к своей пьесе, к ее постановкам на сцене см.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 650—651.

[3] Постановка "Месяца в деревне" на сцене Малого театра была повторена 17, 18, 19 и 23 января ст.ст. 1872 г. Сведений о том, посетил ли эти спектакли Н.С. Тургенев, не сохранилось, как не сохранились и письма его к брату за этот период. Вырезки из журналов с отзывами о своей пьесе Тургенев получил (см. письмо 3110). О постановке "Месяца в деревне". см. также воспоминания К.А. Варламова: Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 2. С. 40—41.

3100. А.А. Трубецкой (с. 204 и 368)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T, Nouv corr. inéd*, t. 2, p. 326—327.

[1] Речь идет о не дошедшем до нас отзыве А.А. Трубецкой о повести "Вешние воды".

[2] Об откликах на "Вешние воды" см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 506—512. См. также письма 3094, примеч. 1; 3095, 3098 и др.

[3] Речь идет о русском посланнике в Париже князе Н.А. Орлове и его жене, урожденной Е. Трубецкой. Бельфонтен — имение Тубецких под Парижем.

[4] Имеется в виду знаменитый орган Полины Виардо, сделанный известным мастером Кавайе-Колем, который был перевезен из Баден-Бадена в парижскую квартиру Виардо. Об органе см.: *New Z Sl J*, 1983, p. 215—216, там же воспроизводится фотография органа.

3101. П.В. Анненкову (с. 205)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 61—62.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 216—218.

Стр. 205. эти господа (*франц.*).

[1] Посланный Анненковым номер "Московских ведомостей" содержал статью Л.Н. Антропова «Новая повесть Тургенева "Вешние воды"». В ней, между прочим, говорилось: «Скажем прямо: "Вешние воды" вещь не только относительно слабая, но безотносительно плохая... Редко случалось нам присутствовать при подобном фиаско, и мы недоумеваем, как мог писатель, когда-то пленявший публику, сорваться так жалко» (*Моск Вед*, 1872, № 9, 12(24) января). По поводу этой статьи Анненков писал Тургеневу 18 января ст.ст. 1872 г. из Петербурга: «Я тоже намерен прислужиться Вам посылкой "Московских ведомостей", № 9, где повесть Ваша разругана *бесчестным* образом. Автор — некий Антропов. Хотя вы добрым вестям вообще плохо верите, предпочитая им ядовитые известия, но все-таки должен вам сказать, что ругательство это возбудило общее омерзение, даже у молодежи, распознававшей-де в нем расчеты Каткова и давно пенившуюся у него желчь за оставленье Вами "Русского вестника". Писемский, имеющий сношения через сыновей с московскими студентами, поспешил мне написать, для передачи Вам, что университет in corpore возмущен этим циническим поступком, а я прибавлю от себя, что им возмущены и здешние хладнокровные и Каткову благоволящие индивиды» (*Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 366—367). См. примеч. 10.

[2] Слухи о смерти А.А. Зубова оказались ошибочными. Он умер в 1904 г. См. также письмо 3081 и примеч. к нему.

[3] См. письмо 3094.

[4] См. письмо 3082 и примеч. 3 к нему.

[5] См. № 3059, 3068. Ответное письмо Григоровича, о котором идет речь, неизвестно.

[6] См. письмо 3089, примеч. 7.

[7] См. письмо 3099, примеч. 1, 2.

[8] Очевидно, речь идет о рассказе "Конец Чертопханова", начатом, согласно помете на черновом автографе, 10(22) мая 1871 г., но закончен-

ном гораздо позднее, после написания "Внешних вод", в сентябре 1872 г. В Россию Тургенев приехал не в марте, а в мае 1872 г.

9 Письмо Тургенева к Писемскому неизвестно, однако оно было получено адресатом, который писал Тургеневу 2(14) февраля 1872 г.: «Я хочу еще раз повторить вам, что статья "Московских ведомостей" против вас возбудила всеобщее негодование и сильно повредила и без того уже сильно упавшему авторитету издателей (М.Н. Каткову и П.М. Леонтьеву. — *Ред.*)...» (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 189).

10 См. письмо 3091, примеч. 4.

3102. М.М. Стасюлевичу (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 37.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 158—159.

Стр. 206. Это всё равно (*франц.*).

1 Речь идет о журнальных оттисках повести "Вешние воды".

2 Имеется в виду статья Л.Н. Антропова. См. письмо 3101, примеч. 1 и 9.

3 См. письмо 3101, примеч. 8.

3103. М.Н. Лонгинову (с. 207)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 23292.
Впервые опубликовано: *Сб ПД 1923*, с. 210—211.

1 С 1867 по 1871 гг. Лонгинов занимал пост орловского губернатора, с 1871 г. — назначен начальником Главного управления по делам печати.

2 Тургенев очень интересовался поведением Лонгинова как начальника "петербургской прессы" (см., например, письма 3071, 3074, 3076, 3079, 3101); убедившись в его "ренегатстве", он некоторое время еще не порывал с ним окончательно прежних отношений и обращался к нему с просьбами, которые Лонгинов мог исполнить в связи со своим служебным положением. Вскоре, однако, переписка между ними прекратилась. Последнее письмо, написанное Тургеневым Лонгинову, датировано 24 сентября (6 октября) 1872 г.

3104. Я.П. Полонскому (с. 207)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собр. ОЛДП, № Q 250, л. 78—79.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 202—203.

Стр. 208. но он слишком явно это обнаружил (*франц.*).
Стр. 208. "свояченицы" (*франц.*)

1 Эти письма Полонского неизвестны.

2 Стихотворение Полонского "Утес" напечатано в журнале-газете "Гражданин" (1872, № 4, 24 января). Оттиск его Полонский переслал Тургеневу (см. письмо 3121). О стихотворении "Нагорный ключ" см. примеч. 1 к письму 3063 и письмо 3074.

3 Стихотворение "Кляча и Пегас" под названием "В степи" было впервые опубликовано в кн.: П о л о н с к и й Я.П. Озими: Новый сборник стихов. СПб., 1876. Ч. 1. С. 136—140.

[4] Речь идет о рецензии Л.Н. Антропова на "Вешние воды" (см. примеч. 1 к письму 3101).

[5] О выражении "пощебелить" см.: наст. изд., Письма, т. 9, № 2450, примеч. 6.

[6] Стихотворение "Что с ней?" было опубликовано в первом номере журнала "Вестник Европы" за 1872 г. По поводу этого стихотворения Полонский писал М.М. Стасюлевичу 11 ноября ст.ст. 1871 г.: "Никогда еще не брал я на себя такой трудной поэтической задачи — изобразить нигилистку (начала 60-х годов) и изобразить так, чтобы, во-первых, не обвинить ее — даже отнестись к ней с некоторым сочувствием — и, во-вторых, не раздразнить и не вооружить против себя ни цензуры, ни моралистов" (*Стасюлевич*, т. 3, с. 497).

[7] Имеются в виду фантастические сцены "У Сатаны" (Беседа, 1871, № 11). Об этом стихотворении см. письмо 3074, примеч. 2.

3105. С.Д. Полторацкому (с. 208)

Печатается по первой публикации: Луч, 1896, № 1, 1 ноября, с. 2; там же напечатана и помета Полторацкого: "Получ. во вторник 25 янв. (6 февр.) в 4-м часу à Vevey". Подлинник неизвестен.

Стр. 209. кое-как (*франц.*).

[1] Тургенев отвечает на два письма Полторацкого из Швейцарии (Веве) — от 14(26) янв. и 19(31) янв. 1872 г., которые находятся в *Bibl Nat* (Slave — 81).

[2] "Неужели Вы предали индийскому вдовьему костру *все* Ведомости? — спрашивал Полторацкий в письме от 14(26) янв. 1872 г. — Многие земляки отсюда отчалили, и представьте себе мои истязания: не имею ни одной русской газеты. Какое благодеяние оказали бы Вы мне, если б прислали лежащий у Вас тюк Ведомостей. Побалуйте меня такою присылкою, и если Вам не утомительно и не скучно, балуйте меня ими хоть раз в недельку. Поймите горе — пребывать без родимых газет".

[3] День рождения Полторацкого — 23 января ст.ст. "...Через четыре дня, в воскресенье, стукнет мне 69 лет, — писал он Тургеневу 19(31) янв. 1872 г. — Сколько таких горьких лет и зим накопилось над моею одряхлевшею головкою, стоящею давно на очереди! От вас буду ожидать к этой сиротской, моей годовщине всю кипу Пет⟨ербургских⟩ Ведомостей, у вас накопившуюся за декабрь и январь. Не говорите, что там нет ничего для меня занимательного. В № 29 декабря есть фельетон о Сперанском, и дельное воззрение князей Васильчиковых на статью "Русской старины" об их отце, и проч., и проч. Мне это нужно в двух экз⟨емплярах⟩. Да и каждый лист родных газет мне дорог". См. письмо 3079.

[4] Речь идет о книге: Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. Lettres d'Alexandre Tourguéneff á son frère Nicolas. Лейпциг: Изд. Ф.А. Брокгауза, 1872. 14(26) января 1872 г. Полторацкий писал: "Вы, конечно, не забудете меня, когда семейство Тургеневых получит из Лейпцига письма Александ⟨ра⟩ Ив⟨ановича⟩. — Скоро ли это отпечатается? Жду с нетерпением. Незабвенный покойник обещал мне экземпляр, когда в 1860 году готовил эти письма к печати. Я тогда умоляю его, чтобы он этим поспешил".

[5] "Угадал же я и напророчил, что кн. Орлов *будет* непременно Послом, — писал Полторацкий 14(26) янв. 1872 г. — Тако и бысть", а 19(31) янв. 1872 г. он же написал: "Вы, конечно, часто видетесь с князем Орло-

вым. Скажите ему, что я его обнимаю и за содействие его уничтожению телесных наказаний ежеминутно его благославляю".

[6] В постскриптуме к письму от 19(31) янв. 1872 г. Полторацкий сообщал Тургеневу, что выслал банкиру Мюллеру 100 рублей (150 гульденов) десятью днями раньше обещанного и благодарил его за "истинно-дружеское одолжение", ссодействовавшее "переправе" своей в Швейцарию, а также спрашивал, к какому сроку и куда выслать одолженнные у Тургенева 200 руб.

3106. Н.А. Кишинскому (с. 209)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 58—59. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч.⟩ 6 февраля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и Письма*, т. IX, с. 222.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Очевидно, слухи о смерти Тургенева (см. примеч. 5 к письму 3089).

[3] См. письмо 3072, примеч. 2.

[4] См. письма Тургенева к Кишинскому: наст. изд., Письма, т. 9, № 2359, 2378 и т. 10, № 2814.

3107. Гюставу Флоберу (с. 210 и 369)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 150. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано в русском переводе: *Лит Насл*, т. 31—32, с. 679; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 223.

Датируется по связи с последующими письмами Флобера к Тургеневу и К. Комманвиль, в которых идет речь о назначенном на пятницу 16 февраля н.ст. 1872 г. совместном визите писателей к Жанне де Турбе. Приглашение было передано Тургеневу Флобером в субботу или воскресенье (10 или 11 февраля н.ст.); в понедельник же, 12 февраля н.ст. 1872 г., Тургенев, обнаружив, что приглашен на неудобный для него день, написал об этом Флоберу.

[1] На это письмо Флобер ответил в среду 14 февраля н.ст.: "Что касается пятницы, то всё остается без изменений. Вы уйдете немного раньше" (*Flaubert, Correspondance, Suppl.* 3, p. 13); в четверг, 15 февраля н.ст., он сообщил К. Комманвиль, что в пятницу вместе с Тургеневым отправится на обед к Ж. де Турбе (см.: ibid).

3108. П.В. Анненкову (с. 210 и 369)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 65.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 223.

[1] О приезде Мари Дюма в Петербург А.С. Суворин писал в одном из своих фельетонов (см.: *СПб Вед*, 1872, № 57, 26 февраля (9 марта), Недельные очерки и картинки; подпись — Незнакомец).

3109. Людвигу Пичу (с. 211 и 369)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Первая публикация в немецком оригинале неизвестна. В переводах впервые опубликовано: во французском — Revue Bleue, 1909, № 7, 13

février, p. 200; в английском — Saturday Review, Supplement, 1909, № 2781, 13 February, p. V; в русском — *BE*, 1909, № 5, с. 154, с сокращениями. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 102; в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 135—136.

[1] Пифия — в Древней Греции жрица-прорицательница. Здесь Тургенев, очевидно, имеет в виду своих немецких друзей — Т. Шторма, Ф. Боденштедта и др. Интерес к творчеству Тургенева в Германии заметно упал в конце 1860-х годов (см., например, письмо Т. Шторма к Л. Пичу от 17 августа 1867 г. // *Лит Насл*, т. 76, с. 589 и примеч. 58 на с. 592).

[2] После переезда Тургенева из Баден-Бадена в Париж отношение немецкой критики к писателю, в связи с непрекращавшейся враждебностью Германии по отношению к Франции после франко-прусской войны, резко изменилось (см. письмо 3208). Сатирическое изображение немцев в "Вешних водах" также способствовало охлаждению немецкой критики. 17 января 1873 г. Юлиан Шмидт опубликовал в "National Zeitung" и "Spener'sche Zeitung" протест против клеветнических нападок немецкой прессы на Тургенева; перевод на русский язык напечатан в "С.-Петербургских ведомостях" (1873, № 9, 9(21) января) и вместе с письмами Тургенева к Ю. Шмидту в "Вестнике Европы" (1909, № 3, с. 264—265).

[3] См. примеч. 1 к письму 3083.

[4] Имеются в виду "Вешние воды", ср. в письме 3029, примеч. 5. Говоря о "фиаско", Тургенев подразумевал прежде всего отклики на повесть "Вешние воды", появившиеся в русской печати. См. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 508—512.

3110. Н.С. Тургеневу (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 83. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол⟨учено⟩ 10/22 февраля 1872. Москва. 5-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 9, с. 496—497, с пропусками. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 225.

Стр. ... железный сейф (*англ.*).

[1] В письме от 16(28) января 1872 г. Тургенев просил брата сообщить подробности о первой постановке его пьесы "Месяц в деревне" (см. письмо 3099). В рецензии "Русских ведомостей" от 18 января 1872 г. (№ 13) отмечался "недостаток сценичности" пьесы Тургенева и плохая игра актеров, которые не сумели донести до зрителя "важнейшие достоинства" комедии, в том числе "красоту ее языка".

[2] См. письмо 2906, примеч. 1.

[3] А.Я. Тургенева умерла в марте 1872 г. (см. письмо 3145).

3111. П.В. Анненкову (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 63—64.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 225—227.

Стр. 213. подоплека (*франц.*).
Стр. 213. воскресший (*лат.*).

[1] Перевод повести "Степной король Лир" на немецкий язык был помещен в газете "Nordische Presse" в № 262—263, 266, 269, 271, 276—277,

280—282 за 1870 г. (с 9 по 31 декабря н.ст.), под названием "Ein König Lear des Dorfes". О переводе на немецкий язык "Вешних вод" см. примеч. 2 к письму 3125.

[2] О реакции немецкой критики на "Вешние воды" см. примеч. 2 к письму 3109.

[3] Имеется в виду отзыв о "Вешних водах" Л.Н. Антропова, помещенный в "Московских ведомостях" (см. примеч. 1 к письму 3101).

[4] На этот вопрос Анненков ничего не ответил. "Голос" был запрещен на четыре месяца, начиная с 6 февраля ст.ст. 1872 г., по инициативе министра народного просвещения Д.А. Толстого за статьи по поводу реформы средней школы.

[5] Еще в ноябре 1871 г. Тургенев просил Анненкова прислать партитуру "Каменного гостя" (см. письмо 3045). Очевидно, его особый интерес к опере был вызван тем, что она написана на слова Пушкина. Интерес к новой русской музыке проявляла и П. Виардо. Разочарование Тургенева объясняется не только его настороженным отношением к музыкальным исканиям молодых русских композиторов, к которым примкнул А.С. Даргомыжский, но прежде всего подчеркнуто-вызывающей оценкой этого произведения В.В. Стасовым и Ц. Кюи, цитату из которого он приводит (См.: Г о з е н п у д А.А. И.С. Тургенев. Серия "Musica et literatura". СПб., 1994. С. 82—89). Негативная оценка оперы Даргомыжского усиливалась и тем, что она была написана на стихи Пушкина (см. письмо 3120 и примеч. 3 к нему, и письмо 3131). О музыкальных вкусах Тургенева см. также: К р ю к о в А. Тургенев и музыка. Л.: Музгиз, 1963. С. 103—111; С т а с о в В.В. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним // *Сев Вестн*, 1888, № 10, с. 148—149, 153, 167 и др.; А л е к с е е в М.П. Тургенев и музыка. Киев, 1918. С. 20—22).

[6] Холеры в это время в Петербурге не было.

[7] Речь идет о фельетоне В.П. Мещерского (подпись *М.*) "У театра Буфф", помещенном в "Гражданине" (1872, № 5, 31 января, с. 183—184). По поводу исполнения французской актрисой Гортензией Шнейдер главной роли в оперетте Ж. Оффенбаха "Герцогиня Герольштейнская" в нем сказано: "Здесь цинизм разврата доведен до крайних пределов". Позиция "Гражданина" в отношении оперетты Оффенбаха объясняется тем, что современники находили в принцессе Герольштейнской сходство с Екатериной II (см.: Д р и з е н Н.В. Драматическая цензура двух эпох. Пг., ⟨1917⟩. С. 174). Имя М.Л. Магницкого, упомянутое здесь, было для Тургенева синонимом крайнего обскурантизма (ср. наст. изд., Письма, т. 7, № 1864). Сам Тургенев оценил эту оперетту Оффенбаха весьма снисходительно (см. письмо от 4(16) июня 1867 г. к П. Виардо — наст. изд., Письма, т. 8).

3112. М.М. Стасюлевичу (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 14642, л. 38.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 159, с сокращениями. Вновь опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 21—22.

Стр. 214. моя вина (*лат.*).
Стр. 214. оскорбление величества (*лат.*).
Стр. 215. наверняка (*франц.*).

[1] Оба письма Стасюлевича неизвестны; их содержание отчасти восстанавливается из настоящего ответа Тургенева.

[2] Речь идет о дополнительном тираже январской книжки "Вестника Европы", в которой была опубликована повесть "Вешние воды".

[3] См. примеч. 1 к письму 3101.

[4] "Восточная политика Германии и обрусение" — статья М. Т-ова (М.П. Драгоманова).

[5] Речь идет о повести А.И. Левитова "Сельское учение. (Степная идиллия)".

[6] Перевод "Вешних вод" на немецкий язык был опубликован в газете "Nordische Presse" за 1872 г. — см. примеч. 2 к письму 3125. Под "чувствительностью" немцев Тургенев имеет в виду развитие шовинистических настроений в Германии после ее победы над Францией. "Колкости" в адрес немцев в переводе Пецольд сохранились. Ср. письмо 3205. См. также письмо 3109, примеч. 2.

[7] В.Ф. Корш в начале 1872 г. выехал в Париж.

3113. Н.А. Кишинскому (с. 215)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 60. На подлиннике пометы Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 20 ⟨?⟩ марта", "Писал 18 марта".

Впервые опубликовано в виде отрывка: *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 49. Полностью опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 228—229.

[1] Письма Кишинского и Серебрякова, а также ответ Тургенева неизвестны.

[2] Николин день — 9 мая ст.ст.

3114. А.А. Фету (с. 216)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л.55—56.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 248—249, с пропусками; полностью опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 229—230.

Стр. 216. "артистический вход" (*франц.*).

[1] Об этой операции см.: *Фет*, ч. 2, с. 244.

[2] А.Н. Шеншин был женат на сестре Фета, Любови Афанасьевне. Предполагалось, что Фет будет опекуном несовершеннолетнего сына А.Н. Шеншина, Володи, но этому воспротивилась мать последнего (см.: *Фет*, ч. 2, с. 253, 254). Говоря об обузе, Тургенев имел в виду опекунские обязанности Фета по отношению к Пете Борисову и Оле Шеншиной.

[3] Цитата из неизвестного письма Фета к Тургеневу.

[4] Упоминание Гая Гракха — одного из двух братьев — знаменитых римских народных трибунов (II в. до н.э.), погибших в борьбе со знатью за осуществление демократических земельных реформ и гражданских прав, возможно, содержало далеко не безобидный намек на плебейское происхождение Фета, который, будучи незаконнорожденным, добился признания своего дворянства.

[5] Политический и литературный еженедельный журнал-газета "Гражданин" начал издаваться с 1872 г.; официально его редакторами-издателями были Г.К. Градовский (1872—1873), Ф.М. Достоевский (1873—1874) и В.Ф. Пуцыкович (с 1874 г.). В действительности руководителем журнала и его фактическим редактором был князь В.П. Мещерский, имя которого, однако, не указывалось на обложке журнала.

3115. Полине Брюэр (с. 217 и 370)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 214.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 231.
[1] По всей вероятности, Философ — кличка лошади.

3116. В.В. Стасову (с. 217)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 738, № 223, л. 9.
Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 165.

Стр. 217. "Песни русского народа" (*англ.*).

[1] Еще до получения настоящего письма Стасов напечатал в "СПб. ведомостях" (1871, № 345, 15 декабря; за подписью: В. Владимиров) заметку о выходе книги В. Рольстона. Упоминаемое ниже письмо к Стасюлевичу — № 3117.
[2] См. письмо 3052 и примеч. 1 к нему.

3117. М.М. Стасюлевичу (с. 218)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 39.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 22.

Стр. 218. "Песни русского народа" (*англ.*).

[1] См. письмо 3085.
[2] Письмо 3117.
[3] Тургенев неоднократно применял к себе восходящий к басне Эзопа "Лгун" анекдот о пастухе, поднимавшем ложную тревогу в связи с волками, будто бы угрожавшими его стаду. Когда волк действительно напал, крикам пастуха никто не поверил.

3118. Кларе Тургеневой (с. 219 и 370)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 232.

[1] Сохранилось письмо Н.В. Ханыкова к Кларе Тургеневой, написанное в тот же день (13 марта н.ст. 1872 г.) и по тому же поводу (см.: *ИРЛИ*, ф. 309, № 3761). В дневнике Фанни Тургеневой есть запись от четверга 21 марта н.ст. 1872 г. — дня, когда Тургенев предполагал нанести визит в Вербуа: "Пьер ходил на вокзал встречать Ивана ⟨Тургенева⟩ и г-на Х⟨аныкова⟩. Иван ⟨Тургенев⟩ не приехал. Обедал один Ханыков" (перевод с французского; *ИРЛИ*, ф. 309, № 4619, л. 70 об. См.: *Лит Насл*, т. 76, с. 377).

3119. Н.В. Ханыкову (с. 219)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 48.
Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 313.
Стр. 219. Будь здоров и люби меня (*лат.*).
[1] См.. письмо 3118.
[2] Ханыков в 1845—1852 гг. служил в Тифлисе в канцелярии Кавказского наместника. Я.П. Полонский в 1846—1856 гг. был помощником редактора "Закавказского вестника".

[3] Имеется в виду стихотворение Я.П. Полонского "Утес". О письме Я.П. Полонского к Тургеневу см. примеч. 1 и 2 к письму 3121.

[4] Тургенев имеет в виду непрекращавшиеся раздоры в Национальном собрании между президентом республики Тьером и монархическим большинством собрания; раздоры закончились тем, что 24 мая н.ст. 1873 г. Тьер был заменен маршалом Мак-Магоном.

3120. П.В. Анненкову (с. 220)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 66–67.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 234–235.

Стр. 220. государственный переворот (*франц.*).
Стр. 221. как видно. Это крушение (*франц.*).

[1] Речь идет о смерти двухлетнего сына П.В. и Г.А. Анненковых Аркадия.

[2] О переводе повести "Вешние воды" см. примеч. 2 к письму 3125.

[3] Опера А.С. Даргомыжского была поставлена на сцене Мариинского театра 16 февраля ст.ст. 1872 г.; 24 февраля ст.ст. 1872 г. Анненков писал Тургеневу из Петербурга: «"Каменный гость" — чепуха, но форшпиль к нему Кюи — нечто большее чепухи, сумасбродство» (*Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 369). "С-Петербургские ведомости", постоянно читавшиеся Тургеневым, поместили статью Ц.А. Кюи (криптоним ***), в которой была дана следующая оценка оперы Даргомыжского и ее постановки: «Постановка "Каменного гостя" безукоризненно хороша ⟨...⟩ Во всяком случае, "Каменный гость" — лучшее произведение Даргомыжского. После "Каменного гостя" гениальность Даргомыжского не подлежит сомнению» (*СПб Вед*, 1872, 24 февраля (7 марта), № 55). Положительно о "Каменном госте" отозвался и А.С. Фаминцын (Nordische Presse, 1872, № 50 и 51). Из отрицательных отзывов следует отметить статью "Нового времени" (1872, 26 февраля (9 марта), № 56). См. также письма 3111, примеч. 5, и 3131.

[4] 11 и 12 марта н.ст. 1872 г. заседания Национального собрания Франции были посвящены обсуждению новых законов о рекрутском наборе и о мероприятиях против деятельности Международного общества рабочих.

[5] Тургенев имеет в виду усилия канцлера Бисмарка, направленные на объединение Германии и увенчавшиеся в 1871 г. созданием германской империи на прусско-милитаристской основе.

[6] Имеется в виду цирк на Boulevard des filles du Calvaire в Париже, принадлежавший Паделу.

[7] См. примеч. 4 к письму 3155.

3121. Я.П. Полонскому (с. 221)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 11813, л. 7.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 8, с. 170–171.

Стр. 222. Что я написал, то написал (*лат.*).

[1] Тургенев отвечает на письмо Полонского, черновик которого сохранился в архиве последнего (см.: *Звенья*, т. 8, с. 167–169).

[2] Отзыв Тургенева о стихотворении "Утес" см. в письме 3104. Здесь же Тургенев отвечает на следующее место из письма Полонского: «Посылаю тебе оттиск "Утеса" (хоть, может быть, ты уже и прочел это стихотворение в 4 № "Гражданина")». См. также письмо 3119.

[3] Стихотворение Полонского "Блажен озлобленный поэт" (первоначальное заглавие "Мы и поэты") не было принято "Вестником Европы". Из письма Полонского к М.М. Стасюлевичу от 9 марта ст.ст. 1872 г. видно, что последний, подобно Тургеневу, увидел в стихотворении намек на Некрасова (ср. стихотворение "Блажен незлобивый поэт", посвященное памяти Гоголя), между тем как поэт "хотел только представить два поэтических типа, не думая ни о Некрасове, ни о себе" (*Стасюлевич,* т. 3, с. 499—501). В переработанном виде стихотворение Полонского было напечатано в сборнике "Складчина" (СПб., 1874, с. 61—62).

[4] В переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета за 1870—1872 гг. заметно единомыслие корреспондентов в их отношении к проблеме "естественного человека" и гармоничного мироустройства. По мысли Толстого, жизнь "за 1000 верст от всего искусственного", "дух работы и тишины" одни только могут служить залогом счастья (см.: Л.Н. Толстой: Переписка с русскими писателями. М., 1962. С. 280, 293). Схожие мысли применительно к русской общественной жизни высказаны в статье Фета "Из деревни" (Заря, 1871, № 6. С. 3—86). См. также письма 3047, 3097, 3114.

[5] Имеются в виду братья А.А. Фета, Василий Афанасьевич и Петр Афанасьевич Шеншины, и сестра — Надежда Афанасьевна Борисова.

[6] Речь идет об упомянутой выше статье "Из деревни".

[7] О "Гражданине" см. примеч. 5 к письму 3114.

[8] Полонский просил Тургенева навестить сестер его первой жены — Е.В. Устюжской.

[9] Личное знакомство Тургенева с П.И. Чайковским не состоялось. Слова Тургенева о том, что он видел композитора в Москве и слушал его музыку, относятся, по-видимому, к концерту Чайковского 16 марта 1871 г. в Малом зале Благородного собрания (см.: Ш о л ь ц А.Е. И.С. Тургенев и "Евгений Онегин" Чайковского // *Орл. сб., 1960,* с. 161). Переписка между ними, о которой говорит Тургенев, неизвестна.

[10] Тургенев отвечает на следующее место из письма Полонского: «Слыхал ли ты что-нибудь о Чайковском (московский композитор)? Я слышал его увертюру "Юлия и Ромео", — что это за прелесть, что за глубина и красота! Скажу тебе одно — Бетховен никогда так меня не поглощал — или я не дорос до понимания Бетховена — или Чайковский не ниже его» (*Звенья,* т. 8, с. 169; в публикации ошибка: "не пара его" вместо "не ниже его").

[11] Полонский сообщал Тургеневу: "В числе моих знакомых я знаю немало поклонников твоего нового произведения — Тютчев, Маркевич, П.М. Ковалевский, и даже Гр. Данилевский, говоря о нем, глаза свои закрывает от восторга" (*Звенья,* т. 8, с. 168).

[12] Ср. письмо 3104. Объяснение латинской цитаты см. в примеч. 2 к письму 3095.

3122. Людвигу Пичу (с. 223 и 370)

Печатается по неполному подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St. Petersburger Zeitung, 1884, № 176, 24 Juni (6 Juli), Beiblatt, S. 5; во французском переводе — Revue Bleue, 1909, 13 février, № 7, p. 200—201; в английском переводе — Saturday Review, Supplement, 1909, 6 March, № 2784, p. IV; в русском переводе — *BE,* 1909, № 5, с. 154; во всех переводах — с искажениями и сокращениями.

[1] Письмо Пича не сохранилось.

[2] Предполагаемая встреча с Пичем в Берлине не состоялась.

[3] Вероятно, под воздействием письма Тургенева Пич в декабре 1872 г. написал заметку о Реньо в "Vossische Zeitung". Пич заявил, что "преклоняется пред мастерством чудесно одаренного юного мастера, многообещающая жизнь которого была безвременно пресечена прусскими пулями. Реньо пал смертью храбрых за свой Париж, за свою Францию. Он являлся величайшим и оригинальнейшим, гениальным колористом" (L.P. Regnault's Salome // Vossische Zeitung, 1872, № 292, 13 Dezember, 2 Beilage, S. 3).

3123. Гюставу Флоберу (с. 223 и 371)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 140. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 238—239, с неточностью в тексте и переводе (указано А. Звигильским в кн.: G. Flaubert — I. Tourguédniev. Correspondance. P., 1989. P. 109).

Датируется предположительно по содержанию: письмо могло быть написано вскоре после знакомства Флобера с семейством Виардо, которое состоялось в самом конце февраля н.ст. 1872 г., но не позднее последнего четверга до 25 марта н.ст. — дня, когда Флобер уехал из Парижа в Круассе (см. : *Flaubert, Correspondance*, s. VI, p. 353, 359). Опираясь на письмо Флобера к Ж. Санд от 26 февр. н. ст. 1872 г., где содержался отзыв о первой встрече с П. Виардо, А. Звигильский датирует это письмо 22 февр. н. ст. 1872 г. (G. Flaubert — I. Tourguéniev. Correspondance. P., 1989. P. 108—109).

[1] Речь идет о посещении Тургеневым салона принцессы Матильды, двоюродной сестры Наполеона III.

3124. Полине Брюэр (с. 224 и 371)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 215.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 321. Перепечатано: Séménoff, p. 219—220.

[1] Очевидно, письмо написано вскоре после посещения Тургеневым дочери в Ружмоне.

[2] Полина Брюэр ждала ребенка (6(18) июля 1872 г. у нее родилась дочь Жанна).

[3] Тургенев имеет в виду свою поездку в Россию, которая состоялась в мае — июне 1872 г.

3125. М.Г. Пецольд (с. 224 и 372)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 14868.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 240.

[1] Вскоре после появления повести "Вешние воды" в "Вестнике Европы" редактор петербургской немецкой газеты "Nordische Presse" ("Северная пресса") Беренс попросил у Тургенева разрешения на публикацию повести в немецком переводе и получил согласие автора. Письмо Пецольд и приписка Беренса неизвестны.

[2] Повесть "Вешние воды" в переводе Пецольд под названием "Frühlingsfluten" ("Весенние потоки") публиковалась в апрельских — июньских номерах "Nordische Presse" за 1872 г. (№ 80—134).

[3] О встрече Тургенева с Пецольд ничего неизвестно.

3126. Людвигу Фридлендеру (с. 225 и 372)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано в русском переводе (первая половина письма): *BE*, 1909, № 4, с. 656; в немецком оригинале: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 241.

[1] Имеется в виду книга Фридлендера "Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine" (III-e tl., Leipzig, 1871).

3127. П.В. Анненкову (с. 226)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 68.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 242.

Стр. ... несколько хорошо прочувствованных слов (*франц.*).

[1] В "Новом времени" упоминаемой заметки нет. Наиболее полный отчет о киевском обеде памяти 19 февраля 1861 г. был помещен в "Киевлянине". "В полной уверенности, что великий день празднуется и в других местах России, собравшиеся на праздник лица пожелали присоединиться мыслию к общему празднованию и отправили братский привет и сочувствие оставшимся деятелям великой реформы ⟨...⟩, а равно К.Д. Кавелину и И.С. Тургеневу, из которых первый проводил в литературе мысль об освобождении крестьян с землею, а последний, в своих "Записках охотника", возбудил живой интерес и участие к русскому крестьянину" (Киевлянин. 1872. № 23. 22 февраля. С. 1).

[2] Анненков по просьбе Тургенева поместил от его имени благодарность в "С.-Петербургских ведомостях" (1872, № 77, 18 марта). Оторизация — от франц. autorisation — уполномочение, дозволение.

3128. Эмилю Дюрану (с. 226 и 373)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr,* p. 304—305. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 767—768; в русском переводе — *Сев Вестн,* 1898, № 3, с. 67—68. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam., Corr,* p. 304—305.

[1] Письмо Дюрана неизвестно.

[2] Речь идет о переводе на французский язык "Вешних вод", над которым тогда, с согласия Тургенева, работал Дюран.

[3] Имеется в виду Гюстав Кутули де Дорсе.

[4] О переводе Дюрана см. примеч. 1 к письму 3198. Перевод Ш. де Кутули напечатан не был.

3129. Полине Брюэр (с. 227 и 373)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 387.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 243.

Письмо датируется предположительно 14(26) марта 1872 г. по следующим соображениям: по указанному адресу Тургенев проживал с ноября 1871 г. по апрель 1874 г. За это время в письмах Тургенева только дважды говорится об отправке 2000 франков П. Брюэр: в письмах к ней от 15(27) марта 1872 г. и от 1(13) июля 1873 г. Деньги, обещанные в письме от 1(13) июля 1873 г., были отправлены П. Брюэр в августе 1873 г. из Буживаля (см.: наст изд., Письма, т. 12). В данном письме, по-видимому, имеются в виду те 2000 фр., которые Тургенев отправил в среду, 15(27) марта 1872 г., т.е. на следующий день, как и обещал.

Содержание письма и отсутствие в нем непременного для писем Тургенева к дочери упоминания о Жанне Брюэр, родившейся в июле 1872 г., косвенно подтверждают датировку.

3130. Полине Брюэр (с. 227 и 374)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 217.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 321. Перепечатано: *Séménoff*, p. 220.

3131. В.В. Стасову (с. 228)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 738, № 229, л. 11 — 12.
Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 166 — 167.

[1] А.Н. Пыпин (под инициалом П.) напечатал в "Вестнике Европы" небольшую статью "Песни русского народа в английской литературе" (1872. № 4. С. 919 — 922). См. также письмо 3116 и примеч. 1 к нему.

[2] У Стасова в это время никакой связи с "Вестником Европы" не было — после отказа М.М. Стасюлевича напечатать две стасовских статьи: в 1870 г. — очерк о международных выставках, в 1871 г. — полемику с В.Ф. Миллером по вопросу о происхождении русских былин.

[3] Речь идет об эскизах четырех конных статуй ("Ярослав Мудрый", "Дмитрий Донской", "Иван III", "Петр I") для проектировавшегося Александровского моста через Неву. Эскизы остались незаконченными Антокольским, так как проект не был утвержден.

[4] Тургенев имеет в виду картину И.Е. Репина "Славянские композиторы", заказанную художнику для концертного зала гостиницы "Славянский базар" в Москве. По замыслу заказчика, картина должна была быть групповым портретом русских, польских и чешских композиторов разных времен. Наряду с современниками художника — М. Балакиревым, Н. Римским-Корсаковым, А. и Н. Рубинштейнами — были изображены деятели прошлого: М. Глинка, А. Верстовский, Д. Бортнянский, Ф. Шопен. Тургенев находил замысел картины искуственным, считая "нелепой идею соединять живых с давно умершими" (Репин И. Далекое близкое. М., 1960. С. 217). В письме к Тургеневу и в анонимной статье "Новая картина Репина" (*СПб Вед*, 1872, 27 мая (8 июня), № 144) Стасов горячо защищал картину. Репин, однако, не был удовлетворен своим произведением. Подробно о взаимоотношениях Репина, Стасова и Тургенева в связи с картиной "Славянские композиторы" см.: Репин И. Указ. соч.

С. 212—218; З и л ь б е р ш т е й н И.С. Репин и Тургенев. М.; Л., 1945. С. 13—17.

[5] Картины и фрески В. Каульбаха на исторические и религиозные сюжеты вызывали единодушное осуждение со стороны представителей русского реалистического искусства, находивших его живопись претенциозной и надуманной.

[6] Гемицикл (полукруг) П. Делароша — фреска в полукруглом актовом зале Парижской Академии художеств, изображающая выдающихся европейских художников от средних веков до середины XIX в.

[7] Музыкальные вкусы Тургенева оставались довольно устойчивыми до конца его жизни и склонялись преимущественно к венской классике (Моцарт, Бетховен), немецким романтикам (Шуберт, Шуман), итальянской опере первой половины XIX в. (Беллини, Доницетти, особенно Россини), французской опере (Мейербер, Гуно, Бизе). Среди русских композиторов Тургенев особенно высоко ценил Глинку, Серова, Чайковского. Новаторские искания А.С. Даргомыжского и "могучей кучки" не принимались Тургеневым (ср. письма 3111, 3147 и др.).

[8] Рампсинит — эллинизированная форма имени нескольких египетских фараонов Рамсесов. В данном случае — иронически обобщенное наименование забытого деятеля отдаленного прошлого.

3132. Н.А. Кишинскому (с. 229)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 61. На подлиннике помета Кашинского: "От⟨в⟩. 16 апреля".

Впервые опубликовано в виде двух небольших отрывков: *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 50, 52—53; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 246—247.

[1] Письмо Кишинского неизвестно. Речь идет о получении выкупных платежей с крестьян деревни Хмелевой Малоархангельского уезда Орловской губернии.

[2] В книге И.Ф. Рынды "Черты из жизни И.С. Тургенева" (СПб., 1903. С. 43) ошибочно указано, что Афанасий Алифанов умер в 1876 г.

[3] Тургенев намекает здесь на свое увлечение в дни молодости дочерью Афанасия. И.Ф. Рында в своей книге сообщает, что по смерти Афанасия Тургенев "подарил его жене и дочерям осьминник земли и каждый год выдавал в пособие по 60 р." (Там же. С. 44).

3133. С.Д. Полторацкому (с. 230)

Печатается по тексту первой публикации: Луч, 1896, № 1, 1 ноября; там же напечатана и помета Полторацкого: "Отвеч. в среду 10 апр. и посл. "Опасн. сосед", 1871, и росп. Баден-Баден". Подлинник неизвестен.

Стр. 230. сегодня мне, завтра тебе (*лат.*).

[1] Речь идет о смерти сестры С.Д. Полторацкого, Веры Дмитриевны.

[2] Латинская перефразировка слов из ветхозаветной книги Иисуса сына Сирахова (гл. 38, ст.22): "...мне вчера, а тебе сегодня".

[3] Имеются в виду "С.-Петербургские ведомости", которые получал Тургенев и которыми после прочтения делился с корреспондентом. См. письмо 3105 и примеч. 2 к нему.

3134. Жюлю Этцелю (с. 231 и 374)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 248.

3135. Н.В. Ханыкову (с. 231)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева, № 64, л. 49).

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 313—314,

Тургенев ошибся или в дате, или в дне недели: 3 апреля н.ст. в 1872 г. приходилось не на четверг, а на среду.

Стр. ... улица Гренель, Сен-Жермен (*франц.*).

3136. П.В. Анненкову (с. 231)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 70.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 249.

[1] См. примеч. 2 к письму 3127.

[2] См. письмо 2927, примеч. 1.

[3] Анненков 14 марта 1872 г. писал Тургеневу из Петербурга: "Вы меня спрашивали как-то о Жуковских. И брат и несчастная сестра (с ребенком) жили до сих пор в Зальцбурге, забытые всеми, кроме — как иногда втираются в жизнь самые банальные романические преданья! — старого слуги их отца, узнавшего о их горе и водворившегося у них слугой, дядькой и опекуном" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 9). Калеб — имя преданного слуги в романе В. Скотта "Ламмермурская невеста". В Америке в это время путешествовал великий князь Алексей Александрович (см. примеч. 10 к письму 3085 и примеч. 7 к письму 3089).

[4] Речь идет о процессе, возбужденном генералом Луи-Жюлем Трошю против газеты "Фигаро" в связи с опубликованием статьи с разоблачительными материалами о его деятельности. Процесс начался в Париже 27 марта н. ст. 1872 г.

[5] Речь идет о статье И.С. Беллюстина "Что делается по вопросу о духовенстве" (первоначальное название: "Что сделано по вопросу о духовенстве"), опубликованной в журнале "Беседа" (1871, № 3, 11; 1872, № 2).

3137. Н.С. Тургеневу (с. 232)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 85—86. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Получено 9-го апреля (28-го марта) 1872. 5-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 9, с. 497—498, с пропусками; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 250—251.

Стр. 232. "решила постараться изо всех сил" (*франц.*).
Стр. 233. "Всё ломается, всё проходит, всё приедается" (*франц.*).

[1] Имеется в виду предстоящее открытие в Москве научно-образовательной Политехнической выставки, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I. Газеты в это время широко рекламировали выставку.

[2] О "заявлении киевлян" и благодарности Тургенева см. письмо 3127 и примеч. 1, 2 к нему.

[3] См. примеч. 2 к письму 3133.

3138. Эдмону де Гонкуру (с. 233 и 374)

Печатается по машинописной копии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 175. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31—32, с. 696; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 251.

В дате письма ошибка: март вместо апреля. Исправляется на основании содержания двух последующих писем Тургенева к Гонкуру (№ 3141, 3144). Датировка впервые исправлена М. Горлиным (см.: *Лит. Насл*, т. 31—32, с. 696).

[1] Это письмо — ответ на письмо Э. де Гонкура от 3 апреля н.ст. 1872 г., в котором последний благодарит Тургенева за чтение, состоявшееся на обеде 22 марта н.ст. 1872 г., куда Тургенева привел Флобер. Анализируя запись в дневнике Гонкура от 22 марта и его письмо к Тургеневу от 3 апреля 1872 г., Т.П. Голованова высказала предположение, что Тургенев знакомил присутствующих с мотивами своих "Литературных и житейских воспоминаний" (см.: *Переписка И.С. Тургенева*, т. 2, с. 338. Здесь же опубликовано упомянутое письмо Гонкура — с. 340—341). Скорее всего, это была одна из устных импровизаций Тургенева, поскольку упомянутые Гонкуром имена описанных лиц — московского издателя (Ф. Салаева, или С. Звонарева — см. письмо 3164), пьяницы, которого Тургенев побудил издать замечательную комедию и др. в его очерках не присутствуют.

[2] Речь идет о принцессе Матильде. Флобер, у которого Тургенев мог бы узнать адрес, находился в то время в Круассе.

[3] О каких произведениях Тургенева писал ему Э. де Гонкур, неизвестно. Возможно, это были "Записки охотника", о которых шла речь на обеде 2 марта н.ст. 1872 г. (см.: *Гонкур, Дневник*, т. 2, с. 151—152), или же недавно изданный сборник "Nouvelles moscovites" (1869). "Шарль Демайи" ("Charles Demailly") — роман Эдмона и Жюля де Гонкуров (второе издание — 1868 г.). В первом издании, вышедшем в 1860 г., роман назывался "Les hommes de lettres".

3139. Эмилю Дюрану (с. 234 и 375)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 305—306. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 768—769; в русском переводе — *Сев Вестн.*, 1898, № 3, с. 68—69. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam., Corr*, p. 305—306.

[1] Речь идет о первых 65 страницах перевода на французский язык повести "Вешние воды" (см. письмо 3128).

[2] См. письмо 3128, примеч. 4.

[3] О намерении внести изменение в финал "Вешних вод" Тургенев ранее писал П.В. Анненкову (см. письмо 3075), но так его и не осуществил (см. письмо 3210, примеч. 3).

3140. Жюлю Этцелю (с. 235 и 375)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 253–254.

Датируется предположительно по следующим соображениям. Вероятнее всего, письмо было написано в ближайшее воскресенье после получения первой части перевода "Вешних вод" от Э. Дюрана, о чем Тургенев извещал переводчика в письме от 25 марта (6 апреля) 1872 г. (№ 3139). Там же Тургенев высказывал пожелание получить окончание перевода до своего отъезда в Россию, намечавшегося на конец апреля по ст.ст.; в публикуемом письме он сообщает Этцелю, что ожидает этот перевод через 2–3 недели. При датировке письма 26 марта (7 апреля) 1872 г. получается, что Тургенев отослал Этцелю упомянутый перевод именно через 3 недели (см. письмо 3150).

[1] О французском переводе Шарля де Кутули повести "Вешние воды" см. письма 3128 и 3139.

3141. Эдмону де Гонкуру (с. 235 и 376)

Печатается по машинописной копии: *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 175. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в русском переводе – *Лит Насл*, т. 31–32, с. 696; во французском оригинале – *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 253–254.

[1] О посещении Тургеневым в четверг, 11 апреля, семьи Н.И. Тургенева имеется запись от 11 апреля н.ст. 1872 г. в дневнике Фанни Тургеневой: "В 5 часов Альбер и Пьер едут за Иваном и г-ном Ханыковым 〈...〉 Иван очень оживлен и весел. Альбер и Пьер провожают их вечером в коляске" (*Лит Насл*, т. 76, с. 377). Называя семью Н.И. Тургенева "родственниками", Тургенев делает умышленную ошибку. См. письмо 3092, примеч. 2.

3142. Н.А. Кишинскому (с. 236)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 62. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. 16 апреля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 254.

[1] Письмо Кишинского неизвестно.

[2] Письмо 3132.

[3] См. примеч. 3 к письму 2963.

[4] Очевидно, речь идет о получении выкупных платежей с крестьян названных имений.

3143. А.А. Фету (с. 236)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 33, л. 57–58.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 249–250, с большими пропусками. Отрывок с характеристикой поэзии Фета, пропущенный в его воспоминаниях, напечатан в альманахе "Северные цветы" (1902, с. 189). Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, Т. IX, с. 255–256.

Стр. 236. "битва жизни!" (*англ.*)
Стр. 237. "Я воздвиг памятник" (*лат.*).

Стр. 237. богам низшего рода (*лат.*).
Стр. 237. внутреннее противоречие (*лат.*).

[1] Владимир Александрович Шеншин, умерший скоропостижно (см.: *Фет*, ч. 2, с. 249).

[2] Распространенное английское выражение; послужило заглавием для святочного рассказа Ч. Диккенса (1846).

[3] Письмо Фета с новыми замечаниями об А.Н. Афанасьеве, которые имеет в виду Тургенев, неизвестно. В нем продолжалась полемика в связи с отношением Фета к Литературному фонду (см. письмо 3091).

[4] Начальная строка стихотворения Горация (кн. III, ода XXX). Речь идет об оценке Фетом собственного поэтического наследия в не дошедшем до нас письме.

[5] По собственному признанию, Фет решил строить больницу ввиду "непомерного распространения" в Мценском уезде "сифилитической заразы". "Всего нагляднее, — замечал Фет, — зло было ⟨...⟩ во время приема рекрут, из которых 20 проц. оказывались зараженными" (*Фет*, ч. 2, с. 250).

3144. Эдмону де Гонкуру (с. 237 и 376)

Печатается по машинописной копии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 175. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31—32, с. 697; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 256.

[1] Письма 3138 и 3141.

3145. Н.С. Тургеневу (с. 238)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 87—88. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Получено 10-го (22-го) февраля. Москва. 5-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 9, с. 498.

Стр. 238. "минутные мотыльки" (*франц.*).
Стр. 238. Вся суть в том, чтобы уметь выносить жизнь (*франц.*).

[1] Речь идет о смерти А.Я. Тургеневой в марте 1872 г.

[2] Тургенев цитирует стихотворение Вольтера 1778 г. "Adieu à la vie" (V o l t a i r e. Contes. P., 1858. P. 161).

3146. П.В. Анненкову (с. 239)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 71—72.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 258—259.

Стр. 239. Всяческая суета (*лат.*).

[1] 30 марта ст.ст. 1872 г. Анненков писал Тургеневу из Петербурга: «Очень доволен, что одобряете заявление благодарности киевлянам, но в этом свете одни благодарят (и это лучшие люди), а другие язык кажут и грязью кидают. Такой комок грязи, пущенный в вас, но, вероятно, не долетевший до вас, изготовила "Искра", напечатавшая мерзейшую пародию под названием: "Пирожница берегов Рейна, или Русский дворянин за границей. Тургеневская повесть". Она так гадка и невесела, что ника-

кой цели не достигла, да будь и поумнее, никакого толка не произвела бы, ибо золотое время "Искры" прошло, и я не встретил еще ни одной человеческой души, которая бы упомянула о статье. Гораздо остроумнее карикатура, появившаяся в ⟨журнале⟩ "Маляре", которая изображает вас по колена в воде и удящим длинным пером разные гадости в "Вешних водах" — старые сапоги, дохлых кошек и проч.» (*Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 370). Имеется в виду пародия В.П. Буренина на "Вешние воды" — Искра, 1872, № 7—9, 13 февраля — 5 марта (см.: Клевенский М.М. И.С. Тургенев в карикатурах и пародиях // *Гол Мин*, 1918, № 1—3, с. 210—211).

[2] Неоднократно повторяющиеся слова в книге Экклезиаста (Библия).

[3] Имеются в виду напечатанные на английском языке статьи Тургенева о книге В. Рольстона "Krilof and his Fables" (1871) и об отдельном издании "Истории одного города" М.Е. Салтыкова-Щедрина (1871).

[4] Речь идет о рассказе Л.Н. Толстого "Бог правду видит, да не скоро скажет", напечатанном в "Беседе" (1872, № 3, с. 5—12).

3147. Я.П. Полонскому (с. 240)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собр. ОЛДП, № Q250, л. 80.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 203—204.

[1] Письмо Полонского неизвестно.

[2] Мнение Тургенева о "Каменном госте" см. в письмах 3120, 3111 и др.; о рецензиях на оперу — примеч. 3 к письму 3120.

3148. Н.В. Ханыкову (с. 240)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 50.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 314, с ошибкой — вместо "Année terrible" было напечатано "Anna Rewille".

Стр. 241. В этом величественном шраме — пуп! (*франц.*)

[1] "Année terrible" ("Грозный год") — сборник стихов В. Гюго, вышедший в 1872 г., посвящен франко-прусской войне и теме национальной обороны Франции. В ряде стихотворений сборника Гюго изобразил события Парижской Коммуны. Ниже Тургенев цитирует строку из стихотворения "Закон прогресса", где Гюго, осмысляя исторические причины, приведшие Францию к поражению в войне, пытается дать своеобразную формулу прогресса, путь которого — "сплошных могил дорога". Родовые муки сопровождают появление нового, вот почему и человеческая мысль "кровоточить должна", "должна, с надеждой скорбь сливая воедино, хранить священный шрам на месте пуповины" (пер. Д. Бродского).

3149. Полине Брюэр (с. 241 и 376)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 239.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 261.

Письмо датируется предположительно 13(25) апреля 1872 г. на следующих основаниях: оно было написано после 4(16) апреля 1872 г., когда Тургенев узнал о смерти жены своего брата, и раньше 12(24) мая 1872 г., когда Тургенев уже приехал в Россию (см. письма 3145 и 3165). На протяжении этого времени четверги были 18 и 25 апреля и 2, 9 и 16 мая н.ст.

Четверг 6(18) апреля отпадает, потому что из ближайшего письма к Анненкову — от 7(19) апреля — ясно, что Тургенев не планировал своего отъезда раньше вторника 18(30) апреля. Письмо не могло быть написано 2, 9 и 16 мая н.ст., потому что в соответствующие субботы 4, 11 и 18 мая н.ст. Тургенев находился в Париже, а не в Ружмоне. Таким образом, письмо было написано, по всей вероятности, 13(25) апреля 1872 г.

[1] См. примеч. 1 к письму 3145.

3150. Жюлю Этцелю (с. 241 и 377)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ,* Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано в виде отрывка: *Parménie*, p. 476. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 260.

Письмо датируется на основании следующих данных. 1 мая н.ст. 1872 г. Этцель сообщил Тургеневу, что начал чтение "Вешних вод", и высказывал первое впечатление от повести (см.: *Parménie*, p. 565—566). Очевидно, Этцель только что получил рукопись перевода, поэтому следует предположить, что Тургенев выслал ее в ближайший к 1 мая понедельник, т.е. 17(29) апреля.

[1] Речь идет о рукописи перевода Э. Дюрана повести "Вешние воды", которую Этцель намеревался опубликовать в "Le Temps".

[2] Под влиянием отзывов своих друзей о якобы неудачной развязке повести Тургенев одно время думал изменить ее (см. также письма 3075 и 3139; ср. письма 3062, 3074, 3098 и примеч. 3 к нему), однако впоследствии он отказался от этого намерения, возможно, из-за того, что повесть была целиком напечатана в "Le Nord" (см. примеч. 3).

[3] В "Le Temps" перевод повести Тургенева напечатан не был, так как без его разрешения брюссельская газета "Le Nord" начала публикацию перевода "Вешних вод" с 17 июля 1872 г. (переводчик Франчески). В переводе Дюрана повесть была опубликована Этцелем отдельным изданием (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 514). Говоря о возвращении, Тургенев имеет в виду свою поездку в Россию.

[4] В действительности Тургенев выехал в Россию 8(20) мая 1872 г. (см. письмо 3162, примеч. 4).

3151. Жюлю Этцелю (с. 242 и 377)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ,* Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 261—262.

[1] По прочтении первой части перевода "Вешних вод" Этцель в письме от 1 мая н.ст. 1872 г. выразил Тургеневу свое восхищение повестью и высказал предположение, что она имеет счастливый конец. Но, как и предвидел Тургенев, дочитав повесть до конца, Этцель был разочарован — и в следующем письме, от 3 мая н.ст., подробно излагал свое мнение, предложив сделать из повести два произведения, "потому что в ней две истории, а не одна" (см.: *Parménie*, p. 566—568).

[2] Источник этого высказывания Гете не установлен.

[3] Тургенев имеет в виду одну из музыкальных "пятниц", которые устраивала в своем доме П. Виардо.

3152. Редактору "С.-Петербургских ведомостей" (с. 242)

Печатается по тексту первой публикации: *СПб Вед*, 1872, № 114, 27 апреля (9 мая).

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. XV, с. 162.

[1] В январе 1872 г. исполнилось 25 лет со дня публикации первого рассказа из цикла "Записок охотника" ("Хорь и Калиныч" — *Совр*, 1847, № 1), а в августе того же года исполнялось 20 лет со дня выхода в свет первого отдельного издания "Записок охотника" — 1852 г. О намерении отметить эти события сообщалось в газетах (Петербургская газета, 1872, № 44, 21 марта; *Н Вр*, 1872, № 79, 22 марта). Копию письма к редактору "С.-Петербургских ведомостей" Тургенев отправил 22 апреля (4 мая) 1872 г. П.В. Анненкову (см.: наст. том, письма 3153, 3161).

3153. П.В. Анненкову (с. 243)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 73.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 262.

[1] См. письмо 3162, примеч. 4.

[2] Письмо к редактору "С.-Петербургских ведомостей" было опубликовано в № 114, 27 апреля (9 мая) 1872 г. (см. № 3152).

[3] Тургенев, по-видимому, имеет в виду "прощальное" вступление Марио в Лондоне (см.: Литературное прибавление к Нувеллисту, 1871, № 10. С. 76—77) и чествование М.П. Погодина с связи с 50-летием его литературно-научной деятельности 29 декабря ст.ст. 1871 г. в Московском университете. Обеды в честь В.А. Кокорева устраивались неоднократно.

3154. Ф.Н. Тургеневой (с. 244 и 377)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4709.

Впервые опубликовано: *Т. и его время*, с. 233.

[1] См. примеч. 2 к письму 3105.

[2] А.Н. Пыпин откликнулся на книгу большой статьей "Русский путешественник в двадцатых годах" (*ВЕ*, 1872, № 8, с. 707—737).

[3] Неизвестно, опубликовал ли Рольсон рецензию на переписку А.И. Тургенева с братом Н.И. Тургеневым.

[4] См. письмо 3162, примеч. 4.

3155. В.А. Черкасскому (с. 244)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. III, оп. 2, № 1952.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 264—265.

Стр. 245. "скупого рыцаря" (*франц.*).

[1] О своем намерении съездить в Брюссель — на "2—3 дня" — Тургенев сообщал Э. Гонкуру 2(14) апреля 1872 г. (письмо 3144). Судя по известным письмам Тургенева, можно предположить, что такую кратковременную поездку писатель мог осуществить 22—25 апреля (4—7 мая) 1872 г., т.е., выехав из Парижа вечером 22 апреля (4 мая), возвратиться туда утром 25 апреля (7 мая).

[2] Речь идет о переводе С.В. Энгельгардт "Скупого рыцаря" Пушкина ("Le Chevalier avare"), который не был напечатан в "Revue des Deux Mondes" и появился позднее в книге: Oeuvres de Pouchkine. Traduites de russe par m-me Sophie Engelhardt, née de Novosiltsoff. P., 1875. P. 43—75.

[3] Действительно, в течение 1872 г. в "Revue des Deux Mondes" не было помещено ни одного стихотворения (см. Revue des Deux Mondes, Table générale 1831—1874, P. 1875. P. 165—170).

[4] Перевод повести Тургенева под названием "Le roi Lear de la Steppe" появился в "Revue des Deux Mondes" (1872, t. 98, 15 mars, p. 241—295) с произвольным делением на три главы (вместо бывших у Тургенева тридцати одной) и со значительным количеством сокращений (см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 490). О своем недовольстве переводом и самоуправством редакции "Revue des Deux Mondes" Тургенев писал неоднократно (см. письмо 3120 — наст. том и № 3239 — т. 12).

[5] В действительности Тургенев продолжал отношения с "Revue des Deux Mondes", обещая Бюлозу перевод рассказа "Конец Чертопханова" (см. наст. изд., Письма, т. 12, № 3239, примеч. 5).

3156. Луи Поме (с. 245 и 378)

Печатается по тексту первой публикации: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 156. Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

Год написания письма устанавливается на следующих основаниях: в 1872 г. Тургенев, неоднократно перенося дату отъезда в Россию (см. письма 3146, 3147, 3148 и др.), в одном из писем (№ 3158) "решительно" утверждал, что уедет в понедельник вечером, т.е. 13 мая н.ст. 1872 г., однако в действительности писатель выехал из Парижа неделю спустя, 20 мая н.ст. Этот отъезд Тургенев собирался торжественно отметить и в письме к Сен-Сансу от 6(18) мая приглашал его на проводы в тех же выражениях, что и в настоящем письме (ср. письмо 3162). Кроме того, пятница в 1872 г. приходилась на 10 мая.

[1] В действительности Тургенев выехал из Парижа через неделю 8(20) мая, поэтому вечеринка, о которой идет речь, скорее всего, не состоялась.

3157. Луи Поме (с. 246 и 378)

Печатается по тексту первой публикации: *Cahiers*, 1983, № 7, p. 156. Подлинник хранится в собрании Ж. Гупий (Париж).

[1] См. письмо 3156.

[2] Тереза — дочь Луи Поме, которой в это время было восемь лет.

[3] Жанна Поме.

[4] Шутливо называя себя в письмах к Поме Фридолином-старшим, а Луи Поме — Фридолином-младшим, Тургенев имел в виду балладу Ф. Шиллера "Путешествие в Плавильный Дом", где Фридолином звали верного пажа королевы.

3158. Кларе Тургеневой (с. 246 и 378)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.

Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 236, без точной даты (по характеру бумаги определен только год — 1872).

Датируется 29 апреля (11 мая) 1872 г. по сопоставлению с записями в дневнике Ф.Н. Тургеневой, где последовательно отмечены как события, упоминающиеся в письме, так и само письмо: 10 мая н.ст. 1872 г. — письмо Клары Тургеневой, 11 мая — ответ Тургенева и обещанный в нем визит писателя; в этот же день — посещение всей семьей в обществе Тургенева парижской выставки картин; 12 мая — визит Альберта и Петра Тургеневых к Тургеневу (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 378). Адрес и помета "Samedi matin" ("Суббота утром") не противоречат датировке.

3159. Н.С. Тургеневу (с. 246)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 89.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 9, с. 498—499, не полностью. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 266.

[1] Письмо 3166.

[2] В доме Н.С. Тургенева поселилась сестра Анны Яковлевны, Юлия Яковлевна Федорова (рожд. Шварц), с дочерью Надеждой Андреевной, ее мужем Порфирием Константиновичем и внучкой Анной Порфирьевной (в то время десятилетней девочкой) Маляревскими.

3160. Эдмону де Гонкуру (с. 247 и 379)

Печатается по машинописной копии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 175. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Лит Насл*, т. 31—32, с. 697—698; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. *IX*, с. 266—267.

[1] 22 марта н.ст. 1872 г., когда Флобер привел Тургенева к Гонкуру. См. письмо 3138, примеч. 1. Запись об этой встрече сохранилась в дневнике Гонкура (см.: *Гонкур, Дневник*, с. 154).

[2] Гонкур послал Тургеневу свои произведения, в том числе и "Шарля Демайи" (см. письмо 3138, примеч. 3).

[3] Флобер рассчитывал быть в Париже в конце июня; он приехал туда 13 июня (см.: *Flaubert, Correspondance*, s. VI, p. 381—382).

3161. С.Д. Полторацкому (с. 248)

Печатается по тексту первой публикации: Луч, 1896, № 1, 1 ноября; там же напечатана и помета Полторацкого: "Получ. в Vevey, в среду, 15(3) мая 1872 г. в 3 часа".

[1] Афендюлы — "зады" (греч.: русифицировано). См. письмо 3105 и примеч. 2 к нему.

[2] Речь идет об издании: Опасный сосед. Стихотворение В.Л. Пушкина. Berlin, 1871 (первое издание вышло в Берлине в 1859 г.). О "мюллеровской квитанции" см. письмо 3105 и примеч. 6.

[3] Очевидно, Тургенев послал своему адресату вырезку из № 114 газеты "С.-Петербургские ведомости", где было опубликовано его письмо (см. № 3152 и примеч. 1 к нему и № 3153 и примеч. 3 к нему).

3162. **Камилю Сен-Сансу** (с. 248 и 379)

Печатается по фотокопии: *Cahiers*, 1987, № 11, p. 71. Подлинник хранится в Musée du Château (Дьепп). Постскриптум вписан на полях письма слева.

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Cahiers*, 1987, № 11, p. 72.

В подлиннике дата отсутствует. Публикатор письма Ив Жерар справедливо полагает, что письмо написано 18 мая н.ст. 1872 г., так как произведение Сен-Санса, о котором идет речь, было написано в конце 1871 г., а адрес, указанный в письме, свидетельствует о том, что писатель в это время жил в Париже, куда он переехал вместе с семьей Виардо летом 1871 г. Датировка подтверждается упоминанием о предстоящей поездке в Россию.

1 Речь идет о симфонической поэме К. Сен-Санса "Прялка Омфалы", написанной в октябре—ноябре 1871 г. для двух фортепиано в четыре руки (первое исполнение — 7 декабря н.ст. 1871 г.). 9 января н.ст. 1872 г. поэма, оркестрованная к этому времени композитором, была исполнена в Национальном музыкальном обществе. Окончательная редакция — март 1872 г.

2 По-видимому, имеется в виду Н.Г. Рубинштейн, давний знакомый Сен-Санса, который с 1866 г. возглавлял Московскую консерваторию и Концертное общество, где могло быть исполнено произведение Сен-Санса.

3 Очевидно, Сен-Санс был приглашен на одну из музыкальных "пятниц", которые собирались П. Виардо в доме на ул. Дуэ.

4 Это указание Тургенева позволяет уточнить дату его отъезда из Парижа в Россию — 8(20) мая 1872 г.

5 Неизвестно, присутствовал ли Сен-Санс в воскресенье на проводах Тургенева и передал ли ему рукопись. Возможно, что он виделся с Тургеневым, который мог подарить ему на этом вечере свой сборник "Nouvelles moscovites". Экземпляр с дарственной надписью "К. Сен-Сансу в знак дружбы от И. Тургенева. Париж. 1872" хранится в архиве Musée du Château в Дьеппе (см. факсимиле надписи: *Cahiers*, 1987, № 11, p. 72).

6 Известно, что Сен-Санс не любил играть на фортепьяно на дружеских вечеринках и болезненно реагировал на подобные предложения (см.: *Cahiers*, 1987, № 11, p. 72).

3163. **Теофилю Готье** (с. 249 и 380)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 184, л. 78—79. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 15, p. 371; в русском переводе — *Гальп.-Кам., Письма*, с. 316—317.

Вероятно, Тургенев ошибся в указании числа — суббота приходилась на 6(18) мая 1872 г.

1 Возможно, Тургенев намекает на книгу Т. Готье "Путешествие в Россию" ("Voyage en Russie"), изданную в 1867 г. в издательстве Шарпантье. Эта книга (в двух томах) вобрала в себя путевые заметки о России, которые печатались с 1858 г. во французской прессе (см.: Г о т ь е Т. Путешествие в Россию. М., 1988).

[2] Обед у Флобера, о котором пишет Тургенев, состоялся 2 марта н.ст. 1872 г. Кроме Тургенева и Готье, на нем присутствовал Э. де Гонкур. Подробные сведения об этом обеде содержатся в "Дневнике" Гонкуров, в записи от 2 марта н.ст. (см.: G o n c o u r t E. et J. Journal. Mémoires de la vie littéraire. P., 1956. Vol. 2. P. 879—881); *Гонкур, Дневник*, т. 2, с. 151—153; см. также: B i l l y A. Les frères Goncourt. P., 1954. P. 348.

[3] Картина Э.-Т. Бланшара "Куртизанка" не имела сколько-нибудь значительного успеха у посетителей салона 1872 г. Не вызвала она особого интереса и у современных критиков. По крайней мере, ни Виктор Шербюлье в цикле своих статей, помещенных в "Le Temps", ни Эрнест Дювержье де Оран в обширной статье, напечатанной в "Revue des Deux Mondes", ни Шарль Клеман в "Journal des Débats" даже не упомянули об этой картине. Тургенев владел полотном Бланшара до 1878 г. (см. З и л ь б е р - ш т е й н И.С. Репин и Тургенев. М.; Л., 1945. С. 80—84, 142—143. Ср. письмо 3192, примеч. 5). Ответ Т. Готье на письмо Тургенева неизвестен.

3164. Жюлю Этцелю (с. 250 и 380)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 269—270.

Тургенев ошибся в указании числа (ср. с письмом 3163).

[1] См. письмо 3151, примеч. 3.

[2] Тургенев имеет в виду отзыв Этцеля о "Вешних водах" (см. примеч. 1 к письму 3151).

[3] Изменения в повести сделаны не были (ср. письма 3150 и примеч. 2 к нему, а также 3206, 3210).

[4] Вероятно, речь идет о финансовой стороне деловых отношений издателя Ж. Верна во Франции и представителя его интересов — Ж. Этцеля со Звонаревым, который с 1869 г. издавал романы Ж. Верна в России в переводе Марко Вовчок. Возможно, именно этого издателя имел в виду Тургенев, описывая его безграмотность на встрече с Э. де Гонкуром 22 марта н.ст. 1872 г. (см.: *Гонкур, Дневник*, т. 2, с. 154). См. также письмо 3138 и примеч. 1 к нему.

3165. Полю Бурже (?) (с. 250 и 381)

Печатается по изданию: Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance. P., 1989, p. 143. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано: Каталог Ж. Морссен (Morssen), осень 1972, № 334.

Адресат и дата письма устанавливаются предположительно. Автор публикации, А. Звигильский, считает, что письмо адресовано начинающему литератору Полю Бурже, хотя фамилия адресата не названа ни в письме, ни в каталоге продажи. Основанием для этого предположения является факт, что в 1886 г. П. Бурже выпустил сборник статей "Nouveaux essays de psychologie contemporaine", где уделил внимание сравнительному анализу "Нови" и романа Флобера "Воспитание чувств", а также "Дыма" и "Госпожи Бовари". А. Звигильский высказал справедливое предположение, что молодой человек, к которому обращено это и еще одно письмо от 9 марта н.ст. 1874 г. (см. наст. изд., Письма, т. 13), был общим знакомым Тургенева и Флобера, однако эти аргументы не исключают возможности, что им мог быть кто-то другой. Им мог быть молодой тогда и в будущем знаменитый хирург

Поль Сегон (1851 — 1912), с которым у Тургенева, судя по сохранившимся за два последние года жизни писателям письмам, были дружеские отношения (см.: *T, Nouv corr. inéd*, t. II, p. 37—59). Точная дата знакомства Тургенева с П. Сегоном не установлена. Известно, что в 1877 г. Сегоны (П. Сегон был женат на дочери Ж. Адан) и супруги Шамро (Жорж и Клоди Виардо, поженившиеся в 1874 г.) отдыхали вместе. Можно предположить, что Тургенев мог познакомиться с Сегоном не через Ж. Адан, как считает Звигильский, а через Жоржа Шамро, которого писатель узнал в 1872 г. Не исключено, что именно П. Сегон присутствовал на вечеринке, о которой идет речь в письме, вместе с будущим мужем Клоди Виардо.

Содержание письма позволяет довольно точно датировать записку Тургенева, благодаря найденному недавно письму писателя к К. Сен-Сансу (см. № 3162), в котором Тургенев тоже говорит о вечеринке на ул. Дуэ по поводу своего отъезда в Россию и называет то же время — 8 1/2 ч. Заслуживает внимания и упоминание о нанятом музыканте. Судя по письмам № 3162, а также № 3156 и 3157 к Луи Поме речь идет об одном событии.

[1] Очевидно, имеются в виду Клоди и Марианна Виардо, ради которых Тургенев и затеял вечеринку с приглашением большого числа молодых людей.

[2] Вечер, на который Тургенев приглашает своего корреспондента, был приурочен к отъезду писателя в Россию (см. № 3162, примеч. 4).

3166. Н.С. Тургеневу (с. 251)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 91. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол<учено> 14 мая 1872. Москва".

Впервые опубликовано: *T, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 270.

3167. Н.А. Кишинскому (с. 251)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 63.

Впервые опубликовано: *T, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 271.

[1] Письмо М.О. Маляревской неизвестно.

3168. И.П. Арапетову (с. 252)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22601.

Впервые опубликовано: *T, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 215.

Письмо датируется по содержанию и сопоставлению с датой приезда Тургенева в Петербург в письмах 3166 и 3167.

[1] Усеченная цитата из поэмы Пушкина "Цыганы" (песня Земфиры).

[2] См. письмо 3170.

3169. Клоди Виардо (с. 252 и 381)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 256—257.

[1] См. письмо 3151, примеч. 3.

[2] Тургенев рассчитывал во время своего приезда в Москву остановиться у брата Н.С. Тургенева, потерявшего недавно жену (см. письмо 3145), однако в действительности он жил у своего друга И.И. Маслова.

[3] Имеется в виду одна из картин французского пейзажиста Антуана Шентреля (1816—1873), выставленная в Салоне 1872 г. В коллекции Тургенева была картина Шентреля "Gênets" ("Дрок"), проданная в 1878 г.

[4] Речь идет о картине французского художника Бланшара "Куртизанка", которая была выставлена в парижском Салоне 1872 г. и приобретена Тургеневым (см. письмо 3163 и примеч. 3 к нему). Сам писатель предпочитал называть ее "Чаровницей" или "Клеопатрой". Точное название: "Женщина, лежащая и играющая со змеёй". Впоследствии Тургенев продал эту картину в России (см. письмо к А.В. Топорову от 30 ноября (12 дек.) 1878 г.).

[5] Эти письма к Полине Виардо неизвестны.

[6] 13(25) мая Тургенев посетил выставку Товарищества передвижных художественных выставок в залах Академии художеств (ср. письмо 3182 и примеч. 4, 5 к нему). Вечер он провел у Е.М. Феоктистова с В.П. Гаевским (см. письмо 3168).

[7] Имеется в виду картина одного из любимых художников Тургенева Пауля Поттера, известная под названием "Ферма" или "Корова" (1649; подлинное название: "Мочащаяся корова"). Под "моей коровой" Тургенев, возможно, имеет в виду какой-то из пейзажей с коровами из своей коллекции, принадлежащих кисти голландских мастеров (например, Саломона Рейсдаля или А. ван дер Неера, см.: *ПД, Описание*, с. 220—221). По воспоминаниям Н. Щербаня, у Тургенева была картина П. Поттера: *Рус Вестн*, 1890, № 7, с. 7.

[8] Марианна и Поль Виардо.

3170. Е.М. Феоктистову (с. 253)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 30.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 271.

Письмо датируется на основании приезда Тургенева в Петербург 12(24) мая 1872 г. и по соответствию содержания с письмами 3165, 3166, 3168, 3169 и др. Соотношение дней недели и чисел позволяет датировать данное письмо 14(26) мая 1872 г.

[1] Тургенев приехал в Петербург не "вчера", а "позавчера вечером" (см. письма 3165, 3166).

3171. И.И. Маслову (с. 254)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 455, л. 36.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 204.

[1] Неизвестно, ответил ли Маслов, но во время своего пребывания в Москве Тургенев остановился у него.

3172. А.Ф. Онегину (с. 254)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 29352, л. 65.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 272.

Письмо датируется на основании содержащегося в нем адреса и по связи с соседними письмами. См., например, письмо к Н.С. Тургеневу от 17(29) мая 1872 г. (№ 3174), содержащее упоминание о той же поездке в Москву.

3173. А.А. Половцову (с. 254)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 1463, оп. 2, № 646, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 273.

Адресат письма устанавливается на основании обращения "Александр Александрович" и упоминания "его высочества": из знакомых Тургенева, близких к царской фамилии, так звали Половцова, с которым Тургенев встречался (см. письмо 2880). В 1922 г. письмо было атрибутировано и подготовлено к печати А.А. Сиверсом (публикация не состоялась). Сиверс отмечал, что извинение за "клочок бумаги", содержащееся в постскриптуме, вызвано тем, что вторая половина почтового листа оторвана. В подтверждение своей атрибуции и датировки он указывал, что первоначально письмо находилось в архиве Государственного совета, членом которого являлся Половцов, а указание на пятницу совпадает с намеченной Тургеневым датой отъезда из Петербурга (см.: *ИРЛИ*, ф. 568, оп. 1, № 125. Сообщено М.Д. Эльзоном).

Датируется по адресу и помете "середа": в гостинице Демута, № 8 Тургенев жил с 12(24) мая по 19(31) мая 1872 г.; на протяжении этого времени была только одна среда — 17(29) мая.

[1] Видимо, речь идет о приглашении Тургенева на обед с вел. кн. Владимиром Александровичем.

[2] Имеется в виду вел. князь Владимир Александрович, с которым Половцов был особенно близок в эти годы (см.: В и т т е С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 182; а также — П о л о в ц е в А.А. Дневник: В 2-х т. Т. 1. М., 1966, по указателю).

3174. Н.С. Тургеневу (с. 255)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 92.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 273.

3175. М.М. Стасюлевичу (с. 255)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 40.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 22—23.

Датируется по связи с письмом 3176. В майский приезд в Петербург Тургенев провел в нем только один четверг — 18(30) мая 1872 г.

3176. М.М. Стасюлевичу (с. 256)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 41.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 23.

[1] Речь идет об А.О. Либане.

3177. Н.А. Кишинскому (с. 256)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 64.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 275.

3178. Н.А. Кишинскому (с. 256)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 47, л. 65.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 275.

3179. Н.Н. Рашет (с. 257)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 76, л. 65.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 3—4, с. 722.

[1] Речь идет о Петербурге.
[2] Имеются в виду дети Рашет — Маня и Леночка.
[3] Речь идет об отзывах на "Вешние воды", самый резкий из которых принадлежал бывшему мужу Рашет — Л.Н. Антропову (см. примеч. 1 к письму 3101).

3180. Полине Брюэр (с. 257 и 382)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 216.
Впервые опубликовано: Mercure de France,1932, № 815, 1 juin, p. 321—322. Перепечатано: *Séménoff*, p. 220—221.

[1] Последнее известное письмо Тургенева к дочери (№ 3149) было написано накануне его поездки в Ружмон 13(25) апреля 1872 г.
[2] Вероятно, Тургенев обсуждал с дочерью и зятем во время своей поездки в Ружмон планы отъезда брата за границу 15(27) апреля 1872 г. и поручил Гастону связанные с этим хлопоты, которые оказались бесполезными, поскольку Тургеневу так и не удалось уговорить брата поехать с ним за границу.
[3] Речь идет о крестинах ребенка, которого ожидала Полина.
[4] См. письма 3186, 3188 и 3196.
[5] Шуба из мерлушки названа здесь знаменитой, так как этот мех был широко известен за границей. В "Вешних водах" фрау Ленора просит Санина привезти ей из России "астраханские хорошие мерлушки на мантилью" (гл. XXX).
[6] Опасения Тургенева подтвердились: урожай в 1872 г. был плохой из-за сильной засухи и града (см.: Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 450).

3181. Полине и Луи Виардо (с. 258 и 383)

Печатается по книге: Dulong G. Pauline Viardot tragédienne lyrique. P., 1987. P. 167. Книга Дюлона была написана еще в 1957 г., но долгое время оставалась в рукописи и лишь в 1980-е годы была опубликована А. Звигильским сначала в *Cahiers* (1984—1986, № 8—10), а затем отдельным изданием в 1987 г. Г. Дюлон имел возможность ознакомиться с той частью архива Тургенева, которая доныне остается неизвестной исследователям, и привел несколько выдержек из писем Тургенева. Публикуя данный отрывок, он указал дату: 4(16) июня 1872 г., однако сопоставление с письмами этого времени показывает, что письмо было написано раньше, очевидно, сразу по приезде в Москву из Спасского, о чем Тургенев упоминал в письмах к Н.А. Кишинскому (№ 3184) и П.В. Анненкову (№ 3187), т.е. 30 мая (11 июня) и 1(13) июня.

Впервые отрывок этого письма был опубликован (по рукописи Г. Дюлона) П. Уоддингтоном: *New Z Sl J*, 1975, № 1, p. 61. Письмо, как отмечал Дюлон, написано дрожащей рукой. Местонахождение подлинника указано Дюлоном: архив Болье (Париж).

[1] В 1872 г. холерная эпидемия в Московской губернии продолжалась с 1 июня по 31 декабря ст.ст. Заболело холерой 1570 жителей, из них умерло 848 человек (см.: Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823—1872 гг. СПб., 1874. С. 221). На самом деле, Тургенев принял за холеру приступ подагры.

3182. Луи Виардо (с. 259 и 383)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T, Lettres inéd*, p. 238—239.

[1] В недошедшем письме Л. Виардо, очевидно, сообщал подробности о присуждении медали и доставке на ул. Дуэ купленной Тургеневым картины Бланшара "Куртизанка" (см. письмо 3163 и примеч. 3 к нему, а также письмо 3169 и примеч. 4 к нему). До 1877 г. картина находилась в кабинете Тургенева.

[2] Сведений о присуждении Бланшару медали обнаружить не удалось. В 1878 г. Тургенев писал брату, Н.С. Тургеневу, предлагая взять ее в счет возмещения долга: "Она представляет нагую женщину (во весь рост), лежащую на богатом ложе — и смотрящую на маленькую ручную змейку, которая вьётся около её руки. Картина эта на выставке 1872 г. получила вторую медаль" (письмо от 26 янв. (7 фев.)).

[3] Сен-Валери-сюр-Сомм — небольшой портовый город на севере Франции, где отдыхала летом 1872 г. семья Виардо. После возвращения из России Тургенев присоединился к ним.

[4] Сюжет картины Н.Н. Ге "Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе" (1871) был подсказан художнику историком Н.И. Костомаровым. Картина оказалась в центре внимания на первой выставке Товарищества передвижных художественных выставок, открывшейся 29 ноября ст.ст. 1871 г. в залах Академии художеств в Петербурге, и стала предметом оживленной полемики главным образом, в связи с трактовкой образа Петра I, 200-летие со дня рождения которого готовились отмечать в России. Много внимания уделил анализу этой картины М.Е. Салтыков-Щедрин в статье, посвященной выставке (см.: *Щедрин*, т. 9, с. 228—232). Обычно передвижные выставки начинались в Петербурге, затем отправлялись в Москву, а впоследствии в другие города России. Говоря далее о намерении Ге послать свою картину на "ближайшую Выставку", Тургенев, очевидно, имеет в виду выставку в Москве.

[5] Тургенев посетил Политехническую выставку, открывшуюся в Москве и приуроченную к 200-летию со дня рождения Петра I, которое широко отмечалось в России. На основе этой выставки, для которой было выстроено несколько зданий, был заложен в 1872 г. Политехнический музей. Центральная часть здания музея была завершена к 1877 г., а окончательное строительство — в начале XX в. В Политехнической выставке принимали участие и представители иностранных государств.

[6] Письмо это к П. Виардо неизвестно. "Степной король Лир" в переводе Тургенева и Л. Виардо был опубликован в "Revue des Deux Mondes" со значительными купюрами 15 марта 1872 г. Возможно, писатель хотел восстановить полный текст в "Indépendance Belge", однако и здесь рассказ появился в июне 1872 г. в том же виде. Без значительных изменений он был напечатан и в сборнике "Etranges histoires", вышедшем в 1873 г. в издательстве Этцеля.

[7] Под "окончательным" установлением во Франции республики Тургенев имеет в виду принятие демократической конституции. Парадоксальной особенностью политической ситуации этого времени было то, что большинство в Национальном собрании принадлежало монархистам, и даже консервативно настроенный Тьер вынужден был подать в отставку 24 мая 1873 г. На посту президента республики его сменил откровенный монархист маршал Мак-Магон. Лишь 30 января 1875 г. Национальное собрание большинством в один голос признало республику и начало выработку Конституции, и только в январе 1879 г. во главе государства стал умеренный республиканец Жюль Греви.

3183. Софии де Губернатис (с. 259 и 384)

Печатается по рукописной копии, хранящейся в архивном собрании де Губернатис во Флорентийской национальной библиотеке (Италия): картотека писем И.С. Тургенева, cass. 125, № 17.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *Вопр лит*, 1968, № 11, с. 87; во французском оригинале публикуется впервые.

Обоснование датировки письма см.: *Вопр лит*, 1868, № 11, с. 86—89, а также: П о т а п о в а З.М. Русско-итальянские литературные связи: Вторая половина XX века. М., 1973. С. 104—105.

[1] Это письмо С. Губернатис неизвестно.

[2] С. де Губернатис, очевидно, просила разрешения Тургенева на перевод одного из его произведений на итальянский язык для флорентийского журнала "Rivista Europea", главным редактором которого был ее муж, А. де Губернатис. Таким произведением оказались "Вешние воды" (см. письмо 3226 и примеч. 1 к нему).

3184. Н.А. Кишинскому (с. 260)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 278—279.

[1] Имение Тургенева при селе Холодове Кромского уезда Орловской губернии.

[2] Кулак Жикин купил у Тургенева каленскую мельницу (на реке Снежеде в Чернском уезде Тульской губернии). См.: Щ е п к и н М. Воспоминания об И.С. Тургеневе и селе Спасском // *ИВ*, 1898, № 9, с. 923—924; К р и в е н к о С.Н. Из литературных воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Под ред. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 226—231; И в а н о в а Л.Н. Тургенев и Жикинское дело // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 202—216.

[3] См. письмо 3181, примеч. 1.

3185. Юлиану Шмидту (с. 261)

Печатается по тексту первой (неполной) публикации в русском переводе: *ВЕ*, 1909, № 3, с. 263, — проверенному и дополненному по публикации переводов: английского — Saturday Review, Supplement, 1909, № 2783,

27 February, p. 11; французского — Revue Bleue, 1909, № 9, 27 février, p. 259. Подлинник (на немецком языке) неизвестен.

[1] Свое мнение о повести Шмидт высказал в статье "Тургенев и Писемский" (см.: S c h m i d t J. Russische Studien: Turgenjew und Pisemski. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit von Julian Schmidt. Leipzig, 1875. 4 Bd. S. 269—270; Газета Гатцука. 1875. № 44. С. 732).

[2] Встреча Тургенева со Шмидтом, вероятно, состоялась около 7 июля н.ст. 1872 г.; в Париж Тургенев вернулся проездом через Берлин 26 июня (8 июля) 1872 г.

[3] Книга К.Д. Кавелина в России не имела успеха (см., в частности, статьи И.М. Сеченова в "Вестнике Европы": в № 11 за 1872 г. — «Замечания на книгу г. Кавелина "Задачи психологии"»; в № 4 за 1873 г. — "Кому и как разрабатывать психологию?"; в № 7 за 1874 г. — "Несколько слов в ответ на письма Кавелина"). Об отношении Тургенева к книге Кавелина см. письма 3089 и 3223 и примеч. 2 к нему. С предложением перевести книгу на немецкий язык Тургенев обратился к Ю. Шмидту по просьбе самого Кавелина (см. № 3223).

[4] Посредничество Тургенева, очевидно, не увенчалось успехом, и книга Кавелина переведена не была. См. письмо 3223 и примеч. к нему.

3186. Полине Брюэр (с. 262 и 384)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 218.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 322—323. Перепечатано: *Séménoff*, p. 221—222.

6(18) июня 1872 г. был вторник, а не среда, как ошибочно указано в подлиннике.

[1] Телеграмма П. Брюэр и ответ Тургенева, посланный через Виардо, неизвестны. Видимо, волнение дочери было вызвано письмом Тургенева к П. и Л. Виардо, в котором он сообщал о тяжелой болезни (см. № 3181 и примеч. 1 к нему).

[2] Письмо из Петербурга неизвестно. Письмо из Москвы написано 26 мая (7 июня) 1872 г. (№ 3180).

[3] См. письмо 3180, примеч. 2.

[4] См. письмо 3180, примеч. 6.

[5] П. Брюэр ожидала рождения ребенка (см. письмо 3193, примеч. 1).

[6] См. письмо 3180, примеч. 5.

3187. П.В. Анненкову (с. 263)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 99, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 371—372.

Стр. 263. Валери-сюр-Сомм (*франц.*).

[1] Письмо Анненкова от 20 июня н.ст. 1872 г. из Киссингена (см.: *Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 372—373).

[2] См. письмо 3182, примеч. 3. Осень Анненков провел в Висбадене и в Париж не приехал.

[3] После смерти О.А. Сомовой осталось шестеро детей (сыновья — Александр и Николай, дочери — Екатерина, Надежда, Ольга, Евпраксия); см.: Н а з а р о в а Л.Н. Тургенев и О.А. Тургенева // *Т сб*, вып. 1, с. 293—299; Воспоминания К.Я. Грота об О.А. Тургеневой и Н.М. Еропки-

ной: (К вопросу о прототипах персонажей "Дыма") // Там же, с. 299—303.

[4] Тургенев имеет в виду славянофильство первых и западничество вторых.

[5] Речь идет о народном театре при Политехнической выставке в Москве (см.: Г⟨о р о д е ц к и й⟩ И. А.Ф. Федотов и первая попытка основания народного театра // *Сев Вестн*, 1895, № 5, отд. 2, с. 93—98; К л и н ч и н А.П. Народный театр на политехнической выставке в Москве // Театральное наследство. М., 1956. С. 347—374; М и х а й л о в а Р.Ф. К вопросу о создании народного театра в России в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века // Вестник ЛГУ. 1961. № 8. С. 67—78). Инициаторами создания народного театра были А.Ф. Писемский и А.Ф. Федотов, вошедшие в Совет театра.

[6] См. письмо 3182 и примеч. 4 и 5 к нему.

[7] Второй портрет Тургенева работы В.Г. Перова (Гос. Русский музей в С.-Петербурге). Экспонировался на второй выставке (1872—1873) Товарищества передвижных художественных выставок в Петербурге. О портретах Перова см. письма 2885, примеч. 3 и 2902 примеч. 9. В 1872 г. к П.М. Третьякову поступила целая серия портретов русских писателей, написанных Перовым, — Достоевский, Майков, Даль, Погодин. Однако портретом Тургенева он остался не вполне удовлетворен и продолжал заказывать портрет Тургенева другим художникам (см.: Б о т к и н а А.П. П.М. Третьяков. М., 1986. С. 95—99).

[8] Гарпагон — герой комедии Мольера "Скупой".

[9] В Спасском Тургенев был между 26 мая (7 июня) и 31 мая (12) июля.

3188. Полине Брюэр (с. 264 и 385)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 219.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 323—324. Перепечатано: *Séménoff*, p. 222—223.

[1] Тургенев ожидал сообщения о рождении у Полины ребенка. См. письмо 3193, примеч. 2.

[2] В Ружмон Тургенев смог поехать только 12(24) октября 1872 г.

[3] См. письмо 3180, примеч. 6.

[4] Ср. письма 3186 и 3187.

[5] Речь идет о денежных обязательствах Тургенева по отношению к П. Брюэр. В конце 1873 г. Тургенев выплатил ей весь свой долг (см. письмо к Н.С. Тургеневу от 24 ноября (6 декабря) 1873 г. — наст. изд., Письма, т. 12).

3189. В.В. Стасову (с. 265)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 738, № 223, л. 14—15.

Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 167—168, с неправильной датой: май вместо июня.

Стр. 266. клавираусцуга — переложения для фортепьяно (*нем.*).
Стр. 266. "Жадной рукою ищет он в земле сокровищ
И рад, если находит дождевых червей" (*нем.*).

[1] Отрицательно расценивая живопись А. Шеффера и В. Каульбаха, Стасов неоднократно писал о незаслуженной славе, какою они пользова-

лись у соотечественников (см., например: С т а с о в В.В. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 540, 561—562). В то же время, как справедливо замечает Тургенев, Стасов недооценивал творчество Делакруа, считая его "напыщенным" и "крикливым" (Там же. С. 539). См. сравнение живописи Э. Делакруа и А. Шеффера в письме Тургенева к П. Виардо от 13(25) ноября 1864 г. (наст. изд., Письма, т. 6 и примеч. к нему). См. также примеч. 5 к письму 3111.

[2] Речь идет о картине Репина "Славянские композиторы" (см. примеч. 4 к письму 3131).

[3] Слова Фауста о его ученике, ограниченном педанте Вагнере, в трагедии Гете "Фауст" (часть I, сцена 1). Немецкий текст приведен Тургеневым неточно.

[4] Тургенев неоднократно просил Анненкова выслать ему клавир "Каменного Гостя" Даргомыжского в Париж и, очевидно, слушал это произведение в исполнении П. Виардо (см. письма 3045, 3111 и примеч. 5 к нему и др.).

[5] О резко отрицательном отношении писателя к творчеству Н.В. Кукольника см. рецензию Тургенева на трагедию Кукольника "Генерал-поручик Паткуль" (1847): наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 251—276.

[6] Об отношении Тургенева к статуе М. Антокольского "Иван Грозный" и к его творчеству см.: наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 259—261, 542—543, а также письма 2876, 2880 и примеч. к ним.

3190. М.М. Стасюлевичу (с. 267)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 42.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 23—24.

Стр. 267. горячо (*франц.*).

[1] Тургенев образует это слово от имени М.Н. Каткова, отношения с которым у него были очень неприязненными.

[2] Речь идет о рассказе "Конец Чертопханова", оконченном в конце лета и напечатанном в № 11 "Вестника Европы".

[3] Статья В.И. Герье "Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого, 1707—1715 гг. По ее неизданным письмам" была напечатана в "Вестнике Европы" (1872, № 5—6).

[4] Имеется в виду начало статьи Е.Л. Маркова "Пещерные города Крыма. Путевые впечатления" (Вестник Европы, 1872, № 6).

3191. М.П. Тургеневой (с. 268)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 88, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 288.

[1] Н.А. Кишинскому.

[2] Речь, вероятно, идет о сестре М.П. Тургеневой, Е.П. Крюгер.

3192. Гюставу Флоберу (с. 268 и 385)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 126—127. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 463—464; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 8, с. 33—34.

[1] О своих планах на лето Флобер писал Тургеневу в письме от 5 июня н.ст. 1872 г. (*Flaubert, Correspondance, Suppl.* 3, p. 33—34).

[2] См. примеч. 2 к письму 3193.

[3] Поездка Тургенева и Флобера к Ж. Санд в Ноан состоялась лишь в апреле следующего 1873 г.

[4] Сообщив Тургеневу, что в счет наследства после смерти матери ему причитается дополнительно 14 тыс. франков, Флобер писал: "Мне тотчас же пришла в голову мысль о путешествии в Россию: этот небольшой излишек позволил бы мне побывать там вместе с вами. Но я думаю, что никогда не увижу ни пяди русской земли" (*Flaubert.* Op. cit., p. 34).

[5] "Ах, дорогой друг, — писал Флобер, — мне бы очень хотелось растянуться рядом с вами в большом стоге сена! Это освежило бы меня, грустного и необыкновенно усталого" (Ibid., p. 34). Поездка Флобера в Россию не осуществилась.

[6] Намек на "Искушение святого Антония" Флобера, который завершал в это время третью редакцию драмы.

[7] Речь идет о картине Э.-Т. Бланшара "Куртизанка", выставленной в Салоне 1872 г. и купленной Тургеневым. Ср. письмо 3163, примеч. 3.

3193. Ф.Н. Тургеневой (с. 270 и 386)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4709.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 233—234.

[1] Письмо Ф. Тургеневой, на которое отвечает Тургенев, неизвестно. В ее дневнике сохранилась запись от 15 июня н.ст. 1872 г.: "Фанни Ивану Сергеичу Тургеневу 6 стр. письмо г-жи Ломени" и запись от 3 июля н.ст., сообщающая о получении письма из Москвы (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 378).

[2] По-видимому, Тургенев был хорошо знаком с писательской манерой Л. Ломени, автора многих биографий, в том числе десятитомной серии "Galerie des contemporains illustres par un homme de rien" (P., 1840—1847) и книг: "Beaumarchais et son temps, études sur la société française" (P., 1855), "La comtesse de Rochefort et ses amis" (P., 1870). Биографии, написанные Ломени, не отличаются глубиной — в них, как правило, неоправданно много места уделяется малозначительным, курьезным подробностям. Возможно, поэтому Тургенев был недоволен намерением Ломени писать о Мериме. Как свидетельствует запись в дневнике Ф. Тургеневой от 18 октября н.ст. 1872 г., встреча Тургенева с Ломени состоялась: "Г-н де Ломени, Иван Тургенев, разговор о Мериме" (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4620).

[3] 6(18) июля 1872 г. у Полины Брюэр родилась дочь Жанна.

[4] См. письмо 3257 наст. изд., Письма, т. 12.

[5] Сохранилось 95 писем Мериме к Тургеневу. Отрывки из них были напечатаны: *Mongault*, 1932, t. 2; затем они вошли во введение и комментарии к книге: M é r i m é e P. Histoire du règne de Pierre le Grand. P., 1947; потом почти полностью — в книгу: P a r t u r i e r M. Une amitié littéraire: Prosper Mérimée et Ivan Tourguéniev. P., 1952. Все письма Мериме к Тургеневу напечатаны в издании: M é r i m é e P. Correspondance générale: Etablie et annotée par Maurice Parturier, I série, t. 1—6. P., "Le Divan"; II série, t. 1—9. Toulouse, Privat.

[6] См. примеч. 2 к письму 3105. На выход в свет этой книги в "Вестнике Европы" (1872, № 8) откликнулся А.Н. Пыпин. См. письмо 3154, примеч. 2.

[7] Леон Гамбетта — один из самых популярных лидеров республиканской партии, действительно, как и предсказывает Тургенев, пришел к власти, но значительно позже, победив на выборах 1881 г.

3194. Н.А. Кишинскому (с. 271)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 3.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 291—292.

[1] Это письмо Кабанова неизвестно.

3195. Н.А. Кишинскому (с. 271)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 4. На подлиннике пометы Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 20 июля", "Полу⟨ч⟩. 17 июля".
Впервые опубликовано: в отрывках — *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 46 и 55; полностью — *Т сб* (*Пиксанов*), с. 58—59.

[1] Речь идет, очевидно, о маленькой усадьбе в Спасском, "от колодца к югу", подаренной Тургеневым П.Т. Кудряшеву (см.: Щ е п к и н М. Воспоминания об И.С. Тургеневе и селе Спасском // *ИВ*, 1898, № 9, с. 917). Богадельня была выстроена не на усадьбе Кудряшева, а возле Спасской церкви. Желание Тургенева приурочить закладку богадельни к 6 июля объясняется тем, что 6(18) июля — день рождения П. Виардо. Была ли исполнена просьба Тургенева, неизвестно.

3196. Полине Брюэр (с. 272 и 387)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 220.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 324. Перепечатано: *Séménoff*, p. 223—224.

[1] Речь идет о предстоящем рождении ребенка у Полины Брюэр. См. письмо 3193, примеч. 3.

3197. Н.А. Кишинскому (с. 272)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 5. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 11 июля 72 г.".
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 293—294.

[1] Речь идет о покупке у П.Т. Кудряшева ранее подаренной ему Тургеневым усадьбы для постройки на ней богадельни. Эта покупка не состоялась.

3198. Жюлю Этцелю (с. 273 и 387)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 294.

[1] Речь идет о редактировании перевода "Вешних вод", сделанного Э. Дюраном. Этот перевод был напечатан Этцелем в 1873 г. вместе с переводом рассказа "Конец Чертопханова" (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 514). О записке для Дюрана см. письмо 3201.

3199. П.В. Анненкову (с. 273)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 99, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 374—375.

Стр. 274. по Тьеру (*франц.*).
Стр. 274. ценным письмом (*франц.*).

[1] Тургенев имеет в виду работу над рассказом "Конец Чертопханова", обещанным Стасюлевичу для "Вестника Европы".

[2] Очевидно, в недошедшем до нас письме Анненков высказывал опасения о возможности нового революционного взрыва в Париже. Слова Тургенева о долговечности нынешней республики оказались пророческими: несмотря на постоянные дебаты в Национальном собрании между монархистами и республиканцами, обстановка в целом была спокойной и закончилась окончательной победой буржуазно-республиканской фракции (см. примеч. 7 к письму 3182). Что касается Тьера, то он, несмотря на свои крайне консервативные взгляды, под давлением монархического большинства в Национальном собрании вынужден был в мае 1873 г. подать в отставку, однако это было временным отступлением умеренного крыла республиканцев.

[3] 7 июня ст.ст. 1872 г. был опубликован указ, по которому министру внутренних дел было предоставлено право задерживать бесцензурные издания впредь до окончательного разрешения вопроса о выпуске их в свет Комитетом министров.

3200. Людвигу Пичу (с. 274 и 388)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: во французском переводе — Revue Bleue, 1909, № 7, 17 février, p. 201; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 155, с сокращениями. Полностью в немецком оригинале и русском переводе опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 296—297, 426—427.

[1] На обратном пути из России 6—7 июля н.ст. 1872 г. Тургенев не застал в Берлине Пича, так как последний выехал из Берлина в Нассау на открытие памятника Генриху фон Штейну (см.: P i e t s c h L. Des Stein-Denkmals Enthüllungsfeier // Vossische Zeitung. 1872. Beilage, № 159. 11 Juli. S. 1).

[2] "Прекрасная Елена" — оперетта в шести актах на слова А. Мельяка и Л. Галеви, музыка М.-Ж. Оффенбаха.

[3] Тургенев в это время жил в Сен-Валери-сюр-Сомм — старинном городе на левом берегу реки Соммы у Ла-Манша.

3201. Эмилю Дюрану (с. 275 и 388)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 306—308.
Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 769—770; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 69.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] "Вешние воды" во французском переводе Франчески были без разрешения Тургенева напечатаны в газете "Le Nord" (1872, 17 июня — 8 августа). См. письмо 3150 и примеч. к нему.

[3] Тургенев имеет в виду сделанный без его согласия перевод "Вешних вод" Ш. де Кутули (см. письма 3128 и 3140), а также появление в газете "Le Nord" не авторизованного им перевода Франчески (см. письмо 3150, примеч. 1—3).

[4] Речь идет о рукописи перевода на французский язык "Вешних вод", сделанного Э. Дюраном.

[5] Перевод Дюрана был опубликован в издательстве Этцеля в 1873 г. вместе с рассказом "Конец Чертопханова": T o u r g u é n e f f J. Les eaux printanières: Le gentilhomme de la steppe. P.: J. Hetzel et C-ie, 1873.

[6] Сведений о публикации перевода Дюрана во французской прессе обнаружить не удалось.

[7] К этому времени в издательстве Этцеля вышли следующие сборники: Une Niché de gentilshommes, 1861; Dimitri Roudine, 1862; Fumée, 1868; Nouvelles moscovites, 1869.

[8] Произведения, перечисленные Тургеневым, вошли в сборники, вышедшие в 1873 г. в издательстве Этцеля: Les eaux printanières. Le Gentilhomme de la steppe (см. примеч. 5 к наст. письму). "Бригадир" и "История лейтенанта Ергунова" вошли в сборник "Nouvelles moscovites" (1869), а рассказ "Стук... стук... стук!.." и "Степной король Лир" вошли в новый сборник Тургенева: "Etranges histoires" ("Странные истории"), появившийся в издательстве Этцеля в 1873 г. Перевод рассказа "Стук... стук... стук!.." был выполнен Дюраном.

3202. Н.А. Кишинскому (с. 276)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 6. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 20 июля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 298—299.

3203. П.В. Анненкову (с. 277)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 99, л. 5.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 375.

[1] См. письмо 3199.

3204. Полине Брюэр (с. 277 и 389)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 221.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 324—325. Перепечатано: *Séménoff*, p. 224.

В дате письма ошибка: 11(23) июля 1872 г. был вторник, а не среда.

[1] Письмо Г. Брюэра, очевидно, извещало Тургенева о том, что 6(18) июля 1872 г. у Полины Брюэр родилась дочь Жанна.

[2] Письмо написано несколько неровным почерком.

[3] На протяжении своей болезни Тургенев несколько раз ощущал временное улучшение, а потом приступы повторялись снова. В один из таких просветов он и совершил свою поездку в Ружмон 12(24) — 13(25) октября 1872 г.

3205. П.В. Анненкову (с. 278)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 99, л. 7.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 376.

Стр. 278. заказным письмом (*франц.*).

[1] См. письмо 3199. Об изменении правил, связанных с заказными отправлениями, а также о заключенном между Францией и Россией почтовом договоре см.: *СПб Вед*, 1872, № 281, 13(25) октября. — Договор предусматривал повышение стоимости заказных отправлений (при одновременном снижении стоимости простых).

[2] Речь идет о замысле романа "Новь" или о набросках рассказа "Пунин и Бабурин".

3206. Эмилю Дюрану (с. 278 и 389)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 308—309.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 770—771; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 70. Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 3201.

[2] Отдельное издание "Вешних вод" в переводе Франчески неизвестно.

[3] В издании 1873 г. (см. примеч. 5 к письму 3201) "Вешние воды" были напечатаны без всяких сокращений.

[4] "Кавказский пленник" и "Бог правду видит, да не скоро скажет" — из серии детских рассказов Л. Толстого, написанных для его "Азбуки". До выхода "Азбуки" в свет оба эти рассказа были опубликованы в журналах: первый — в "Заре" (1872, № 2), второй — в "Беседе" (1872, № 3). По-видимому, Дюран предполагал перевести их на французский язык.

3207. Вильяму Рольстону (с. 279 и 390)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28632, л. 38. На конверте слова "London. British Museum" зачеркнуты. Вместо них неизвестной рукой написано: "Lynmouth, Lyncliff Cottage, N. Devon".

Впервые опубликовано: в русском переводе — Недра, 1924, № 3, с. 197—198; в английском оригинале — Le monde slave, 1925, № 5.

[1] Тургенев имеет в виду французское выражение "tomber dans l'eau". Аналогичное выражение в английском языке — "to vanish into thin air" (букв. "исчезнуть в воздухе").

[2] Возможно, Тургенев имеет в виду какие-либо книги, необходимые Рольстону для подготовки лекций по древней русской истории, читанных им весной 1874 г. в Оксфордском университете (см.: A l e x e y e v M.P. William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century // Oxford Slavonic Papers, 1964. Vol. 11. P. 88—89). На материале этих лекций построена книга Рольстона "Early Russian history" (см. примеч. 6 и 7 к письму Рольстону от 6 февраля н.ст. 1874 г.: наст. изд., Письма, т. 13).

[3] Речь идет о книге Рольстона "The Songs of the Russian people" (см. примеч. 1 к письму 3085). Книга была высоко оценена в Англии (см. рецензии: Athenaeum, 1872, № 2316, 16 March, p. 329—330; Saturday Review, 1872, vol. 33, p. 441). По инициативе Тургенева на книгу Рольстона была написана рецензия А.Н. Пыпиным (см. письма 3116, 3117 и примеч. 1 к письму 3131). См. также рецензию А.И. Кирпичникова "О русских песнях" (*Рус Вестн*, 1872, № 5, с. 344—350).

3208. Людвигу Пичу (с. 280 и 391)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung, 1884, № 176, 24 Juni (6 Juli), Beiblatt, S. 5; в русском переводе — *BE*, 1909, № 5, с. 155.

[1] Речь идет о письме 3200.

[2] 13(25) июля 1872 г. Пич выехал в Мюнхен для того, чтобы там выступить от "Vossische Zeitung" на съезде журналистов и присутствовать на праздновании 40-летия Баварского национального университета. В начале августа Пич вернулся в Берлин ("Афины-на-Шпрее").

[3] Пич, по-видимому, собирался отправиться в Америку с экскурсией, организованной Штангеновским обществом путешествий. Письмо Ю. Шмидта к Тургеневу неизвестно.

[4] Тургенев говорит о своей повести "Вешние воды", где было выведено в ироническом освещении несколько персонажей немецкого происхождения (жених Джеммы Карл Клюбер, немецкие офицеры в Содене, театр Девриента и др.).

[5] Возможно, Тургенев напоминает Пичу о романе "Дым" (1867), содержащем резкую критику пореформенной России, за что его неоднократно обвиняли в отсутствии патриотизма (см.: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 537—543). Пич, вспоминая об этом времени, писал, что после переезда Тургенева во Францию в 1871 г. французское общество скоро забыло его «насмешки над столицей Франции и ее населением (напр., в "Призраках") ⟨...⟩ так же легко и скоро, как земляки писателя позабыли обиду, нанесенную им в "Дыме"» (см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 255).

[6] Тургенев имеет в виду резкий отзыв о "Вешних водах" в газете "St.-Petersburger Zeitung" (1872, № 161), автор которого порицал Тургенева за недоброжелательное изображение немцев и оскорбительно отзывался о художественных достоинствах повести. После опубликования ее на немецком языке на писателя вновь обрушился град упреков в немецкой критике (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 512—513).

[7] Речь идет о гл. XXXIX "Вешних вод", в которой упоминается Девриент и его театр.

[8] Тургенев перефразирует предпоследнюю строку монолога Мефистофеля в "Прологе на небе" из "Фауста" Гете: "Es ist gar hübsch von einem grossen Herrn..." ("Это очень мило со стороны такого важного господина...").

[9] Саламандра по средневековым представлениям была духом огня. Франциск I имел на своем щите изображение саламандры в огне с девизом: "В нем я живу и его гашу".

[10] Тургенев в это время ничего не знал о Гейзе, так как в период франко-прусской войны переписка между обоими писателями временно прекратилась.

3209. Гюставу Флоберу (с. 281 и 392)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 128. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 8, p. 465; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 8, с. 34—35.

[1] С 7 июля по 10 августа н.ст. 1872 г. Флобер вместе с К. Комманвиль находился в Баньер-де-Люшон, курортном городке в Пиренеях (см.:

Flaubert, Correspondance, s. VI, p. 394, 400; Flaubert, *Correspondance, Suppl.* 3, p. 45).

[2] Имеется в виду трактат Цицерона "Катон Старший, или О старости" (44 г. до н.э.), в котором говорится о преимуществах старости по сравнению с другими периодами человеческой жизни.

[3] Имеется в виду символическая драма Флобера "Искушение святого Антония", третью редакцию которой он разрабатывал с конца 1860-х годов (закончена в июне 1872 г.).

[4] Для досрочной уплаты контрибуции французское правительство в июне—июле 1872 г. выпустило два займа на общую сумму 5 миллиардов франков (см.: "Journal des Débats" от 22 июня и "La République française" от 28 июля 1872 г.). Замечание Тургенева носит несколько иронический характер.

3210. Эмилю Дюрану (с. 282 и 392)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr,* p. 310.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 771; в русском переводе — *Сев Вестн,* 1898, № 3, с. 71.

[1] Имеется в виду рукопись сделанного Э. Дюраном французского перевода "Вешних вод".

[2] Речь идет о переводчике "Вешних вод" Франчески, который опубликовал свой перевод в газете "Le Nord" без согласия Тургенева. В не дошедшем до нас письме Дюран, очевидно, просил Тургенева написать Франчески письмо и сообщить ему о своем решении считать перевод Дюрана авторизованным (см. письма 3201, примеч. 2, 3206, примеч. 2).

[3] Это сокращение не было произведено. См. письмо 3150 и примеч. 2, 3, а также письмо 3151 и примеч. 1 к нему.

3211. Н.А. Кишинскому (с. 283)

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 7—8. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 21 августа".

Впервые опубликовано в виде двух небольших отрывков: *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 44 и 46. Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. IX, с. 306—307.

[1] Эти письма Кишинского неизвестны.

[2] Имение Ситово, впоследствии проданное Волкову, состояло из 150 десятин (см.: Р ы н д а И.Ф. Черты из жизни И.С. Тургенева. СПб., 1903. С. 24).

[3] Чаплыгинская роща находится недалеко от Спасского и Петровского (см.: Л и п е р о в с к а я С. На родине И.С. Тургенева. М., 1961. С. 184).

[4] См. примеч. 1 к письму 3197.

[5] Имеется в виду место и план для спасской богадельни.

3212. Н.Н. Рашет (с. 284)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 509, оп. 1, № 76, л. 66.

Впервые опубликовано: *Звенья,* т. 3—4, с. 722—723.

[1] Речь идет о предстоявшем замужестве дочери Рашет, Марии Владимировны.

3213. Полине Брюэр (с. 284 и 393)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 222.
Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 325. Перепечатано: *Séménoff*, p. 224—225, с неверной датой — 3 августа 1872 г.

[1] Тургеневу не пришлось охотиться осенью 1872 г., так как почти до конца года он страдал от мучительных приступов подагры.
[2] Крестины Жанны состоялись только в 1873 г. (см. письма к П. Брюэр от 1(13) июля и от 10(22) августа 1873 г. — наст. изд., Письма, т. 12).

3214. Бернгарду Эриху Бере (с. 285 и 393)

Печатается по тексту первой публикации Г. фон Римши: *Briefe an E. Behre*, S. 559—560.
Местонахождение подлинника неизвестно.

[1] Письмо Бере неизвестно.
[2] Немецкие переводы "Степного короля Лира" и "Вешних вод", включенные в шестой том митавского издания, выходившего под руководством Бере с 1868 г., были ранее напечатаны в петербургской немецкой газете "Nordische Presse", первый — в декабре 1870 г., второй — в апреле-июне 1872 г. Перевод "Вешних вод", который не особенно нравился Тургеневу, принадлежал М.Г. Пецольд. Имя переводчика в митавском издании не названо. См.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 490, 512—513. О митавском издании см.: Т и м е Г.А. И.С. Тургенев в переписке с Бернгардтом Эрихом Бере (По новым материалам второго академического Собрания писем И.С. Тургенева) // *Рус Лит*, 1988, № 3.

3215. Неизвестным (с. 286 и 394)

Печатается по тексту первой публикации: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 14.
Подлинник находится в Рукописном отделе Исследовательского Центра Гуманитарных Наук, Техасский Университет в г. Остине (MS Humanities Research Centre, University of Texas at Austin).

[1] Тургенев находился на водах в Сен-Валери, куда он прибыл 15 июля. Очевидно, речь идет об оттисках рассказа "Степной король Лир", появившемся 15 марта в "Revue des Deux Mondes". Возможно, корреспондентки Тургенева просили его об автографе.

3216. Полине Брюэр (с. 286 и 394)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 223.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 309.

[1] См. примеч. 2 к письму 3213.

3217. П.В. Анненкову (с. 287)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 99, л. 9—10.
Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 5, с. 5—6.
25 августа н.ст. 1872 г. приходилось на воскресенье. Вероятно, Тургенев ошибся в указании дня недели.

Стр. 287. его высочество граф де Шамбор!!! (*франц.*).
Стр. 287. в натуральном виде (*франц.*).
Стр. 287. "Повадился кувшин по воду ходить" (*франц.* Буквально: Не надо бы ему туда ходить).

[1] В Содене Тургенев жил в 1860 г. с 25 мая (5 июня) по 8(18) июля.

[2] Речь идет о рассказе "Конец Чертопханова", который был напечатан в ноябрьской книжке "Вестника Европы" за 1872 г.

[3] Тургенев имеет в виду слухи о романе гр. Е.А. Салиаса де Турнемир "Пугачевцы", который печатался в "Русском вестнике" с августа 1873 г. и в 1874 г. вышел отдельной книгой. Его мать, Е.В. Салиас де Турнемир, после недолгого и весьма поверхностного увлечения (конец 1850-х — начало 1860-х годов) прогрессивными общественными настроениями уехала за границу, в печати выступала редко и всецело подпала под влияние католического пиетизма и французского легитимизма.

[4] 21 августа н.ст. 1872 г. Анненков писал Тургеневу из Содена: "Я просто благодушествую и обворожен немцами, которые с некоторых пор чрезвычайно милостивы к нам. Мне часто приходит на ум, что не осмелься они побить французов, а дай, как следовало бы образованным нациям, побить себя французам, в Европе просто нельзя было бы жить" (*Рус Обозр*, 1898, № 4, с. 379).

[5] Пристрастие Жуковского к восклицанию "Чу!" неоднократно высмеивали современники, начиная с А.А. Шаховского (см.: Урок кокеткам, или Липецкие воды, д. V, явл. 2).

[6] Речь идет о смерти великого русского актера П.М. Садовского, которая последовала 16 июля 1872 г. С именем Садовского была связана для Тургенева целая эпоха русского реалистического театра, в особенности театра Островского. Садовский играл и в пьесах Тургенева. Вспоминая о последней роли актера, Тургенев, по-видимому, имел в виду роль Курослепова в "Горячем сердце" А.Н. Островского (премьера состоялась в Москве 15 января ст.ст. 1869 г.); роль эта, по общему мнению критики, была вершиной творчества П.М. Садовского.

3218. Е.И. Рагозину (с. 288)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 75, л. 1—2.
Впервые опубликовано: Звезда, 1958, № 12, с. 209.
13(25) августа 1872 г. приходилось на воскресенье. Тургенев ошибся в указании дня недели.

[1] "Неделя" — политическая и литературная газета, издававшаяся еженедельно в Петербурге в 1866—1901 гг. С № 11 за 1872 г. "Неделя" выходила под ответственным редакторством В.А. Кандаурова, в число издателей-сотрудников вошел Е.И. Рагозин. Газета в 1870-е годы неоднократно подвергалась цензурным репрессиям. С 13 августа ст.ст. 1872 г. после пятимесячного перерыва издание "Недели" было возобновлено.

[2] В 1870-х годах Тургенев возвращается к неосуществленным по разным причинам, главным образом из опасения цензурных преследований, замыслам из "Записок охотника". Спустя 20 лет после выхода "Записок охотника", в 1872 г., появился рассказ "Конец Чертопханова", а в 1874 г. были напечатаны еще два рассказа из цикла "Записок охотника" — "Живые мощи" и "Стучит!" (см. письмо к Я.П. Полонскому от 13(25) января 1874 г. — наст. изд., Письма, т. 13, а также: Сочинения, т. 3, с. 412—413).

[3] Рассказ "Русский немец и реформатор", задуманный еще в 1847 г. для цикла "Записки охотника" (как два рассказа), так и не был закончен Тургеневым, хотя в "Неделе" появилось объявление о нем (1872, № 31—32, 15 ноября). См.: Орнатская Т.П. "Реформатор и русский немец": Неосуществленный замысел // *Т сб*, вып. 4, с. 97—103. О новом указе см. примеч. 2 к письму 3199.

[4] Тургенев в письме к П.В. Анненкову от 25 октября (6 ноября) 1872 г. называл заглавия тех рассказов, которые ему не удалось окончить в свое время: "Русский немец и реформатор", "Землеед", "Приметы" и "Незадача". У Тургенева были некоторые колебания, какой из первых двух названных рассказов заканчивать для "Недели". По настоянию П.В. Анненкова Тургенев вскоре отказался от своего намерения — завершить некоторые из неоконченных замыслов "Записок охотника". См. письмо Е.И. Рагозину от 29 ноября (11 декабря) 1872 г., примеч. 4 (наст. изд., Письма, т. 12). Содержание этих рассказов изложено в "Воспоминаниях" Н.А. Островской (см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 63—64). Сведения о неосуществленных замыслах "Записок охотника" см. в книге Н.Л. Бродского "Замыслы И.С. Тургенева" (М., 1917), в примечаниях Б.М. Эйхенбаума (*Т, Соч*, т. 1, с. 351—353), в статье М.К. Клемана «Программы "Записок охотника"» (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, сер. филолог. наук. 1941. Вып. 2. С. 88—121).

3219. Полине Брюэр (с. 289 и 394)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 224.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, № 815, 1 juin, p. 325—326. Перепечатано: *Séménoff*, p. 225. В обеих публикациях — неверная дата: 7 августа 1872 г.

3220. С.Д. Полторацкому (с. 289)

Печатается по тексту первой публикации: Луч, 1896, № 1, № ноября; там же напечатаны и пометы Полторацкого: "Получ. в Лондоне, в субб. 31(19) августа 1872 г. в 9-м часу утра". Подлинник неизвестен.

Стр. 289. " ⟨Песни⟩ русского народа" (*англ.*).

[1] Письмо Полторацкого неизвестно.

[2] Речь идет о политехнической выставке в Москве, открывшейся летом 1872 г. и широко освещавшейся прессой (см. примеч. 1 к письму 3137 и письмо 3182, примеч. 5).

[3] О переводе "Вешних вод" в газете "Le Nord" см. примеч. 2 к письму 3201.

3221. П.В. Анненкову (с. 290)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 99, л. 11—12.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1898, № 5, с. 7—8.

[1] Об этих же деньгах см. в письме 3217.

[2] Речь идет о рассказе "Конец Чертопханова".

[3] Монархическая демонстрация в Трувилле состоялась 15 августа н.ст. 1872 г. в присутствии президента Французской республики Тьера и выразилась в монархических выкриках из толпы близ того места, где он находился. Одним из участников демонстрации был граф Валлон.

[4] 30 августа н.ст. 1872 г. П.В. Анненков писал Тургеневу из Содена: «Мне пишут из Петербурга, что, на основании нового закона, в Комитете Министров разбиралось дело о запрещении двух переводных книг: "История Испании" Гарридо и "Полное собрание сочинений" Лассаля. Комитет был очень благосклонно настроен и хотел с первого же раза показать, что он не намерен играть роли отцов-составителей index'a; и принужден был попятиться. Оказалось, что краснота книг еще могла быть терпима, но она усиливалась и доходила до нестерпимого цвета благодаря примечаниям переводчиков, а вдобавок еще они ввели извращенную ложную передачу текстов, так что переводы их составляют подделку, которая прикрывалась только именами Гарридо и Лассаля, и в подделке этой авторы книг выходили уже не ультралибералами, а эргуменами. Что скажете?» (*Рус Обозр*, 1898, № 5, с. 7). См.: Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, № 58, 63, 64, 67, 71. — О М.Н. Лонгинове см. письмо 3074 и примеч. 10 к нему.

3222. Полине Брюэр (с. 291 и 395)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 225.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 315.

[1] "Малое крещение" — без соблюдения полного обряда — допускается церковью в тех случаях, когда крестить по полному обряду почему-либо невозможно, а откладывать крестины нежелательно.

3223. К.Д. Кавелину (с. 291)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 20717, л. 8—9.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1892, № 10, с. 6—7.

Стр. 291. если богу угодно (*лат.*).
Стр. 291. в издании автора (*нем.*).

[1] Летом 1872 г. Кавелин отдыхал вместе с женой и дочерью в с. Иванове Тульской губернии, где оставался, по-видимому, до середины сентября 1872 г. В Петербурге Кавелин жил на 7-й линии Васильевского острова.

[2] Книга Кавелина "Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований", опубликованная в № 1—4 "Вестника Европы" за 1872 г., вышла также отдельными изданиями в 1872 и 1883 гг. С просьбой об издании книги Кавелина в Германии Тургенев обращался к Ю. Шмидту 3(15) июня 1872 г. (см. письмо 3185).

[3] Тургенев имеет в виду книгу Э. Гартмана "Philosophie des Unbewussten" ("Философия бессознательного"), вышедшую в 1869 г.

[4] С.К. Кавелина.

[5] Рассказ появился в "Вестнике Европы" (1872, № 11, с. 5—46).

[6] Речь идет о Кавелине, его жене и дочери.

3224. Н.А. Кишинскому (с. 293)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 9. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. 8 сентября".
Впервые опубликовано в виде отрывка: *Отчет ПБ* за 1894 год, с. 46.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] В 1872 г. холерная эпидемия в Орловской губернии продолжалась с 26 мая по 30 сентября. Заболело холерой 2927 жителей, из них умерло 974 человека (см.: Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823—1872 гг. СПб., 1874. С. 221).

3225. М.М. Стасюлевичу (с. 293)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 43.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 159—160.

[1] Новая типография Стасюлевича, основанная 1 октября ст.ст. 1872 г., помещалась в доме № 7 по 2-й линии Васильевского острова.
[2] Речь идет о повести "Пунин и Бабурин", законченной лишь в феврале 1874 г.
[3] См. примеч. 2 к письму 3154.

3226. Софии де Губернатис (с. 294 и 395)

Печатается по: *Halp.-Kam., Corr.*, p. 336.
Подлинник неизвестен.
Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 786—787; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 85.

[1] Итальянский перевод "Вешних вод", сделанный Софией де Губернатис, печатался во флорентийском журнале "Rivista Europea" (1872, июль—декабрь; 1873, январь—март). Очевидно, С. де Губернатис выслала Тургеневу июльский и августовский номера.

3227. Людвигу Пичу (с. 295 и 395)

Печатается по неполному подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St. Petersburger Zeitung, 1884, № 183, 1(13) Juli, Beiblatt, S. 6; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 5, с. 156.

[1] Пич присутствовал в Петербурге с 10(22) по 19(31) августа 1872 г. на Международном статистическом конгрессе. На обратном пути он заехал в Москву и вернулся в Берлин 25 августа (6 сентября) 1872 г.
[2] В примечании к этому письму, опубликованному в "St. Petersburger Zeitung", о сфинксе сказано: "Чудесная небольшая вещица лучшей греческой поры из Керченского собрания этого музея, найденная в скифской гробнице, — глиняный флакон для мази в виде раскрашенного в телесный цвет сфинкса, по телу и лапам лев, по голове и груди женщина". Повидимому, Тургенев рекомендовал Пичу обратить внимание на эту статуэтку. См. письмо 2884 и примеч. 10 к нему.
[3] Заметки о своей поездке в Россию Пич опубликовал под названием "Petersburger Briefe" ("Петербургские письма"): Vossische Zeitung, 1872, № 200, 203, 206, 208, 209, 212, 28 августа — 11 сентября н.ст.
[4] Тургенев пробыл в Ноане у Ж. Санд всего один день, 21 сентября (3 октября) 1872 г.

3228. Н.С. Тургеневу (с. 296)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 95. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Получено 8(20) сентября 1872 г. Москва. 6-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 9, с. 499, с пропусками. Полностью опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 320—321.

Стр. 295. Пребывание там — вещь не из самых соблазнительных (*франц.*).

[1] О строительстве богадельни на деньги, пожертвованные Н.С. Тургеневым, см. в письме к нему от 12(24) марта 1873 г. (наст. изд., Письма, т. 12).

[2] О какой картине художника Н.А. Богатова идет речь, не установлено.

3229. С.Д. Полторацкому (с. 296)

Печатается по тексту первой публикации: Луч, 1896, № 1, 1 ноября. Подлинник неизвестен.

3230. Полине Брюэр (с. 297 и 396)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 226.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 322.

3231. А.Ф. Онегину (с. 297)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 29352, л. 9.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 322—323.

3232. А.Ф. Онегину (с. 298)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 29352, л. 9.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. IX, с. 323.

[1] "Réveillon" ("Рождественский ужин") — водевиль в трех актах; авторы — Анри Мельяк и Луи Галеви.

[2] "Le Tour du Cadran" ("Двенадцать часов подряд") — водевиль в пяти актах и шести картинах. Авторы — Гектор Кремье и Анри Бокаж.

[3] "La Timbale d'argent" ("Серебряный кубок") — комическая опера в трех актах; музыка Л. Вассера, слова Ж. Нориака и А. Жема.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

---

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА С 1871 ПО 10 (22) СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА[1]

1871. Лондон — январь — 4(16) февраля.
Кёльн — 6(18) — 7(19) февраля.
Баден-Баден — 7(19)—8(20) февраля.
Берлин — 10(22) февраля.
Вержболово — 11(23) — 12(24) февраля.
Петербург — 13(25) февраля. — 22 марта (3) апреля.
Москва — 8 (20) марта — 21 марта (2) апреля.
Берлин — 24 марта (5 апреля).
Лондон — 26 марта (7 апреля) — 5(17) августа.
Булонь — 17(29) июля — 25 июля (6 августа).
Эдинбург — 27 июля (8 августа) — 30 июля (11 августа).
Питлокри — 30 июля (11 августа) — 3(15) августа.
Париж — 4 (16) августа
Баден-Баден — 9(21) августа — 7(19) ноября.
Париж — 8(20) ноября — декабрь.

1872. Париж — январь — 7(19) мая.
Брюссель — 22(25) апреля (4—7 мая) (?).
Петербург — 12(24) — 19(31) мая.
Москва — 20 мая (1 июня) — 21 июня (3 июля).
Спасское — 26—27 мая (7—8 июня) — 29—30 мая (10—11 июня).
Петербург — 22 июня (4 июля) — 23 июня (5 июля).
Берлин — 24—25 июня (6—7 июля).
Париж — 26 июня (8 июля) — 3(15) июля.
Сен-Валери-сюр-Сомм — 3(15) июля — 10(22`) сентября.

---

[1] Неопределенные даты, не имеющие чисел месяца, даются по старому стилю, кроме случаев, особо оговоренных.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И.С. ТУРГЕНЕВА[1]

---

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

---

[1] Имена лиц, являющихся адресатами писем Тургенева, напечатанных в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания лишь номера тома.

Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1871

1872

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

ПРИМЕЧАНИЯ, УКАЗАТЕЛИ

Научное издание

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Российской академии наук

Редакционная коллегия:

М.П. Алексеев (главный редактор),
В.Н. Баскаков, *А.С. Бушмин*, *Н.В. Измайлов*,
Н.С. Никитина (и.о. главного редактора)

Тексты подготовили и примечания составили:

М.П. Алексеев, А.И. Батюто, К.Ф. Бикбулатова, Г.Я. Галаган, Н.П. Генералова, А. Звигильский, Т.П. Голованова, Р.М. Горохова, Р.Ю. Данилевский, Т.П. Ден, Г. Йонас, Н.В. Измайлов, Е.И. Кийко, Л.И. Кузьмина, Ю.Д. Левин, Е.М. Лобковская, Х. Леман-Шульце, Е.Н. Дрыжакова, П.Р. Заборов, Р.Б. Заборова, Д.М. Климова, А.Н. Михайлова, А.П. Могилянский, Т.И. Орнатская, Н.С. Никитина, Л.А. Николаева, Т.А. Никонова, Г.Ф. Перминов, З.М. Потапова, А.М. Ступель, Г.А. Тиме, И.С. Чистова, Г. Цигенгайст, П. Уоддингтон, Г.В. Степанова

Редактор одиннадцатого тома
Н.П. Генералова

Заведующая редакцией
"Наука – культура" А.И. Кучинская

Редактор В.Г. Шитарева

Художественный редактор Г.М. Коровина

Технический редактор З.Б. Павлюк

Корректоры З.Д. Алексеева, Е.Л. Сысоева,
Н.И. Харламова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 20.08.99

Формат 84×108 1/32. Гарнитура Балтика

Печать офсетная

Усл.печ.л. 32,9. Усл.кр.-отт. 32,9. Уч.-изд.л. 41,7

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 1061

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Д.С. Мережковский

Л. ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ.

(Серия “Литературные памятники”)

Книга “Л. Толстой и Достоевский” (1901) – основное литературоведческое сочинение Д.С. Мережковского – поэта, прозаика, философа, литературоведа, критика. Она глубоко философична. Сделана попытка обосновать новым прочтением творчества и биографий Л. Толстого и Достоевского религиозно-историческую идею синтеза “духа” и “плоти”. Автор приходит к признанию равновеличия духовного и физического. Л. Толстой и Достоевский оказываются “противоположными двойниками”: Л. Толстой – “тайновидец плоти” и эпик; Достоевский – “тайновидец духа”, мастер диалога и выявления внутренней жизни. Книга Д.С. Мережковского, который был лично знаком с обоими писателями, – новое слово, внесенное им в общественное сознание. Идеи религиозной свободы противопоставлены здесь попыткам (Победоносцева и др.) видеть в церкви послушное орудие самодержавного государства. Сочинение Д.С. Мережковского оказало огромное влияние на идеологию 1990-х и последующих годов.

Для специалистов-филологов и широкого круга читателей.

РИГВЕДА. МАНДАЛЫ IX–X.
(Серия “Литературные памятники”)

Книга завершает первый полный перевод с ведейского санскрита на русский язык выдающегося памятника середины II тыс. до н.э., с которого начинается древнеиндийская культурная традиция. Этот образец высокой культовой поэзии служит единственным литературным и историческим источником, сохранившимся от той отдаленной эпохи. Мандала IX посвящена Соме-Павамане, обожествленному галюциногенному растению. Мандала X включает в себя, кроме обычных хвалебных гимнов, космологические, обрядовые, группу гимнов-заговоров. Мандала X гораздо разнообразнее по содержанию, чем все остальные мандалы.

Для индологов, специалистов по древней культуре и литературе, историков, археологов, антропологов, широкого круга читателей.

И.И. Пущин

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА.
В 2 томах. Т. 1

Два обстоятельства вписали имя Ивана Ивановича Пущина в историю нашего отечества – дружбы с Пушкиным и принадлежность к движению декабристов. “Мой первый друг, мой друг бесценный”, – сказал о нем Пушкин, точно определив место Пущина в своей жизни. “Бриллиантом среди декабристов” называли его ссыльные польские революционеры. Для государственной же власти николаевской России он был “преступником”, “бунтовщиком”. Том включает “Записки о Пушкине” и “Письма 1816–1849 гг.”.

Для широкого круга читателей.

СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ: ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

В 3 частях. Ч. 2

Свод памятников архитектуры и монументального искусства Ивановской области – часть Свода памятников России – многотомного фундаментального издания энциклопедического характера. В ч. 2 включен материал по 12 районам области – Ивановскому, Верхнеландеховскому, Вичугскому, Гаврило-Посадскому, Заволжскому, Ильинскому, Кинешемскому, Комсомольскому, Лежневскому, Лухскому, Палехскому, Пестяковскому. Каждому памятнику посвящена статья, содержащая сведения об истории его создания и описывающая объемно-пространственную композицию сооружения, структуру его декора, планировку, убранство интерьера. Дана историко-художественная оценка памятника, указана основная литература о нем. Отдельные статьи рассказывают об исторических городах и селах, являющихся памятниками градостроительства. Справочный аппарат включает список литературы, терминологический словарь, указатели. В книге около 1000 иллюстраций.

Для искусствоведов, всех интересующихся историей и культурой.

СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ: ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

В 3 частях. Ч. 3

Издание энциклопедического типа по программе "Свод памятников истории культуры России", посвященное памятникам художественной культуры, сохранившимся на территории области, включает материал по 10 районам. Каждому памятнику соответствует краткая статья, содержащая сведения об истории его создания и описывающая объемно-пространственную композицию сооружения, структуру его декора, планировку и убранство интерьера. Справочный аппарат включает список литературы, терминологический словарь и указатели. В книге 1500 иллюстраций. За исключением отдельных памятников весь материал впервые вводится в научный оборот.

Для архитекторов, градостроителей, реставраторов, искусствоведов, музейных работников, экскурсоводов, краеведов, сотрудников охраны памятников и всех интересующихся отечественной культурой.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАТЕРИКИ. КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК, ВОЛОКОЛАМСКИЙ ПАТЕРИК.

(Серия “Литературные памятники”)

Книга посвящена популярному в средние века жанру патерика – сборника рассказов о святых одной местности. Издание включает тексты самых значительных в идейно-художественном отношении памятников русской патериковой литературы XIII–XVI вв. – Киево-Печерского патерика, который впервые публикуется по списку самой ранней (Основной) редакции, и Волоколамского патерика, известного в редакции Вассиана Кошки. В сопроводительной статье исследуется история создания и бытования русских патериков, рассмотрена проблема их литературной преемственности и национального своеобразия. Издание включает переводы памятников Древней Руси на современный язык, археографическое описание их редакций и списков, научный комментарий к тексту произведений, основную библиографию по теме, именной и географический указатели.

Для специалистов-филологов и широкого круга читателей, интересующихся историей русской словесности.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59
